

АПРѢЛЬ 1916 ПТРГ.

ЪТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ♦ В. ИРЕЦКІЙ. Искусство писать. ♦ Е. ЗАМЯТИНЪ. Разказы. ♦ Т. ТАМАНИНЪ. Въ вагонѣ. ♦ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ. Разказъ о каторжникѣ Теодоровѣ. ♦ Ив. БУНИНЪ. Стихотворенія. ♦ М. ГОЛЬДШМИДТЪ. Еврей. ♦ Г. ОНРУДЪ. Мари Смехаугенъ. ♦ В. БРЮСОВЪ. Сонетъ Шекспира. ♦ А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы. ♦ Т. ВУЛЬФЪ. Рентгеновскіе лучи. ♦ Ю. КАМЕНЕВЪ. Крушеніе интернаціонала. ♦ НИК. СУХАНОВЪ. Интересы Россіи въ войнѣ. ♦ В. БАЗАРОВЪ. Заколдованное царство. ♦ А. ЛЕВИНСОНЪ. „Міръ Искусства“. ♦ А. СМІРНОВЪ. Творецъ душъ. ♦ В. ВОЛГИНЪ. Война и ближній востокъ. ♦ Е. ПАННЪ. Письма изъ Франціи. ♦ С. СЕМ-СКІЙ. Австрійскія письма. ♦ М. ПАВЛОВИЧЪ. Военная индустрія во Франціи. ♦ В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. ♦ А. ЕРМАНСКІЙ. Мобилизація. ♦ БИБЛІОГРАФІЯ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:
Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — Importation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„САФО“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„DARLING“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„АДА“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

„ДЯДЯ КОСТЯ“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва.
Т-во Н. Н. Богдановъ и Ко.

 ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за «ЛѢТОПИСЬ» сего 1916 г. къ 1 апрѣля слѣдовало внести не менѣе 7 руб. Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться немедленно присылкою очередного взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непременно указать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прислать 30 коп. и печатный адресъ.

Контора журнала „ЛѢТОПИСЬ“.

Петроградъ, Б. Монетная, 18.

9444

ЪТОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 4

42495

АПРЪЛЬ

13339 1916

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ.	5
II. В. ИРЕЦКІЙ. Искусство писать.	35
III. Е. ЗАМЯТИНЪ. Богъ. Дьячекъ. Петька.	46
IV. Т. ТАМАНИНЪ. Въ вагонъ.	51
V. ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ. Разсказъ о каторжникъ Федоровъ.	64
VI. ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія. Святогоръ и Илья. Пѣсня.	70
VII. М. ГОЛЬДШМИДТЪ. Еврей. Пер. М. БЛАГОВЪ- ЩЕНСКОЙ	72
VIII. ГАНСЪ ОНРУДЪ. Мари Смехаугенъ. Переводъ Э. ВЕЙНБАУМЪ	126
IX. В. БРЮСОВЪ. Сонетъ ХLI Шекспира.	132
X. А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы, мирные и военные.	133
XI. Проф. Г. ВУЛЬФЪ. Рентгеновскіе лучи и строе- ніе кристалловъ.	154
XII. Ю. КАМЕНЕВЪ. Крушеніе интернаціонала.	165
XIII. НИК. СУХАНОВЪ. Интересы Россіи въ міровой войнѣ.	183
XIV. В. БАЗАРОВЪ. Заколдованное царство.	204
XV. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. — А. ЛЕ- ВИНСОНЪ. «Міръ искусства». — А. СМІРНОВЪ. Творецъ душъ. (Шекспиръ (1616—1916)).	224
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. ВОЛ- ГИНЪ. Война и ближній востокъ. — Е. ПАННЪ. Набѣгъ цеппелиновъ. — Е. ПАННЪ. Въ лагер- ной стоянкѣ. — С. СЕМ — СКІЙ. Австрійскія письма. — МИХ. ПАВЛОВИЧЪ. Военная индус- трія и заводы Шнейдера во Франціи.	246

XVII. ПО РОССИИ. В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца.	288
XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. ЕРМАНСКІЙ. Мобилизація, да не та.	300
XIX. БИБЛИОГРАФІЯ. Изъ иностранной прессы. — Р. Арскій. Къ еврейскому вопросу въ Польшѣ. — Д. Выгодскій. К. Д. Бальмонтъ «Ясень. Видѣніе древа». — Д. В. М. Струве. «Стая». — Мих. Левидовъ. «Слово», сб. VI. — В. Полонскій. «Зеленая лампа». — Е. И. А. Н. Толстой, т. VIII. «Земныя сокровища». — Е. Р. Юр. Юркунъ. Разказы. — Д. Волковъ. А. С. Панкратовъ. «Встрѣчные люди». — В. Базаровъ. Ник. Морозовъ. «На войнѣ». — А. Кувъ. «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ». — А. Пинкевичъ. «Нашъ журналъ». — М. Петровъ. Д-ръ А. Риссъ. «Основы муниципальнаго хозяйства». — Д. И. М. А. Бунятянъ. «Экономическіе кризисы»	322
XX. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	348
XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	351

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи — по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря — по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе.) *

Дѣдъ и бабушка снова переѣхали въ городъ. Я пришелъ къ нимъ настроенный сердито и воинственно, на сердцѣ было тяжело,—за что меня сочли воромъ?

Бабушка встрѣтила меня ласково и тотчасъ ушла ставить самоваръ, дѣдъ насмѣшливо, какъ всегда, спросилъ:

— Много-ли золота накопилъ?

— Сколько есть—все мое,—отвѣтилъ я, садясь у окна. Торжественно вынулъ изъ кармана коробку папиросъ и важно закурилъ.

— Та-акъ,—сказалъ дѣдъ, пристально всматриваясь въ мои дѣйствія,—вотъ оно что? Чортово зелье куришь? Не рано-ли?

— Мнѣ вотъ даже кисеть подарили,—похвасталъ я.

— Кисеть,—завизжалъ дѣдушка.—Ты что—дразнишь меня?

Онъ бросился ко мнѣ, вытянувъ тонкія, крѣпкія руки, сверкая зелеными глазами; я вскочилъ, ткнулъ ему головой въ животъ, старикъ сѣлъ на полъ и нѣсколько тяжелыхъ секундъ смотрѣлъ на меня, изумленно мигая, открывъ темный ротъ, потомъ спросилъ спокойно:

— Это ты меня толкнулъ, дѣда? Матери твоей родного отца?

— Довольно ужъ вы меня били,—пробормоталъ я, понявъ, что сдѣлалъ отвратительно.

Сухонькій и легкій, дѣдъ всталъ съ пола, сѣлъ рядомъ со мною, ловко вырвалъ папиросу у меня, бросилъ ее за окно и сказалъ испуганнымъ голосомъ:

— Дикая башка, понимаешь-ли ты, что это тебѣ ни-

* См. «Лѣтопись» №№ 1—3, 1916 г.

когда Богомъ не простится, во всю твою жизнь? Мать, — обратился онъ къ бабушкѣ,—ты гляди-ко, онъ меня ударилъ вѣдь? Онъ! Ударилъ. Спроси-ка его!

Она не стала спрашивать, а просто подошла ко мнѣ и схватила за волосы, начала трепать, приговаривая:

— А за это—вотъ какъ его, вотъ какъ...

Было не больно, но нестерпимо обидно и особенно обижалъ ехидный смѣхъ дѣда,—онъ подпрыгивалъ на стулѣ, хлопая себя ладонями по колѣнямъ и каркалъ сквозь смѣхъ:

— Та-акъ, та-акъ...

Я вырвался, выскочилъ въ сѣни, легъ тамъ въ углу, подавленный, опустошенный, слушая, какъ гудитъ самоваръ.

Подошла бабушка, наклонилась надо мной и чуть слышно шепнула:

— Ты меня прости, вѣдь, я не больно потрепала тебя, я вѣдь нарочно! Иначе нельзя, дѣдушка-то — старикъ, его надо уважить, у него тоже косточки наломаны, вѣдь онъ тоже горя хлебнулъ полнымъ сердцемъ,—обижать его не надо. Ты не маленькій, ты поймешь это... Надо понимать, Олеша! Онъ тотъ-же ребенокъ, не болѣ того...

Слова ея омывали меня, точно горячей водой, отъ этого дружескаго шопота становилось и стыдно, и легко, я крѣпко обнялъ ее, мы поцѣловались.

— Иди къ нему, иди, ничего! Только не кури при немъ сразу-то, дай привыкнуть...

Я вошелъ въ комнату, взглянулъ на дѣда и едва удержался отъ смѣха—онъ дѣйствительно былъ доволенъ, какъ ребенокъ, весь сиялъ, сучилъ ногами и колотилъ лапками въ рыжей шерсти по столу.

— Что, козель? Опять бодаться пришелъ? Ахъ, ты, разбойникъ! Весь въ отца! Фармазонъ, вошелъ въ домъ—не перекрестился, сейчасъ табакъ курить, ахъ, ты, Бонапартъ, цѣна-копѣйка!

Я молчалъ. Онъ истекъ словами и тоже замолчалъ устало, но за чаемъ началъ поучать меня:

— Страхъ предъ Богомъ человѣку нуженъ, какъ узда коню. Нѣтъ у насъ друга, кромѣ Господа! Человѣкъ человѣку—лютый врагъ!

Что люди — враги, въ этомъ я чувствовалъ какую-то правду, а все остальное не трогало меня.

— Теперь опять иди къ теткѣ Матренѣ, а весной — на

пароходъ. Зиму-то проживи у нихъ. А не сказывай, что весной уйдешь отъ нихъ...

— Ну, зачѣмъ же обманывать людей? — сказала бабушка, только что обманувъ дѣда притворной трепкой, данной мнѣ.

— Безъ обмана не проживешь,—настаивалъ дѣдъ,— ну-ка, скажи,—кто живетъ безъ обману?

Вечеромъ, когда дѣдъ сѣлъ читать псалтирь, я съ бабушкой вышелъ за ворота, въ поле; маленькая, въ два окна, хибарка, въ которой жилъ дѣдъ, стояла на окраинѣ города, «на задахъ» Канатной улицы, гдѣ когда-то у дѣда былъ свой домъ.

— Вотъ куда заѣхали!—посмѣиваясь, говорила бабушка.—Не можетъ старикъ мѣста по душѣ себѣ найти, все переѣзжаетъ. И здѣсь не хорошо ему, а мнѣ—хорошо!

Передъ нами раскинулось версты на три скудное, дерновое поле, изрѣзанное оврагами, ограниченное гребнемъ лѣса, линіею березъ казанскаго тракта. Изъ овраговъ высунулись розгами вѣтки кустарника, лучи холоднаго заката окрасили ихъ кровью. Тихій вечерній вѣтеръ качалъ сѣрыя былинки; за ближнимъ оврагомъ,—тоже, какъ былинки,—маячили темныя фигуры мѣщанскихъ парней и дѣвиць. Въ дали, направо, стояла красная стѣна старообрядческаго кладбища, его звали «Бугровскій скитъ», налѣво, надъ оврагомъ, поднималась съ поля темная группа деревьевъ, тамъ—еврейское кладбище. Все вокругъ бѣдно, все безмолвно прижималось къ израненной землѣ. Маленькіе домики окраины города робко смотрѣли окнами на пыльную дорогу, по дорогѣ бродятъ мелкія, плохо кормленныя куры. У Дѣвичьяго монастыря идетъ стадо, мычатъ коровы; изъ лагеря доносится военная музыка—ревуть и ухають мѣдныя трубы.

Идетъ пьяный, жестоко растягивая гармонику, спотыкается и бормочетъ:

— Я дойду до тебя... обязательно...

— Дурачокъ,—щурясь на красное солнце, говоритъ бабушка,— куда тебѣ дойти? Упадешь скоро, уснешь, а во снѣ тебя оберутъ... И гармонія, утѣха твоя, пропадетъ...

Я рассказываю ей, какъ жилъ на пароходѣ, и смотрю вокругъ. Послѣ того, что я видѣлъ, здѣсь мнѣ грустно, я чувствую себя ершомъ на сковородѣ. Бабушка слушаетъ молча и внимательно, такъ же, какъ я люблю слушать ее, и

когда я рассказалъ о Смуромъ, она, истоиво перекрестясь, говоритъ:

— Хорошій человѣкъ, помоги ему, Богородица, хороший! Ты, гляди, не забывай про него! Ты всегда хорошее крѣпко помни, а что плохо — просто забывай...

Мнѣ очень трудно было рассказать ей, почему меня расчитали, но, скрѣпя сердце, я рассказалъ. Это не произвело на нее никакого впечатлѣнія, она только замѣтила равнодушно:

— Малъ ты еще, не умѣешь жить...

— Вотъ, всѣ говорятъ другъ другу: не умѣешь жить,— мужики, матросы, тетка Матрена—сыну; а—что надо умѣть?

Поджавъ губы, она покачала головой.

— Ужъ этого я не знаю!

— А тоже говоришь!

— Отчего не сказать?—спокойно молвила бабушка.— Ты не обижайся, ты еще маленьки, тебѣ и не должно умѣть. Да и кто умѣетъ? Одни жулики. Вонъ, дѣдушка-то и уменъ, и грамотенъ, а тоже ничего не сумѣлъ...

— Ты сама-то хорошо жила?

— Я? Хорошо. И плохо жила—всяко...

Мимо насъ не спѣша проходили люди, влача за собою длинныя тѣни, дымомъ вставала пыль изъ-подъ ногъ, хороня эти тѣни. Вечерняя грусть становилась все тяжелѣй, изъ оконъ изливался ворчливый голосъ дѣда:

— Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене...

Бабушка сказала, улыбаясь:

— Надоѣлъ-же онъ Богу-то, поди! Каждый вечеръ скулить, а о чемъ? Вѣдь ужъ старенькій, ничего не надо, а все жалуется, все топорщится... Богъ-отъ, чай, прислушается къ вечернимъ голосамъ, да и усмѣхнется: опять Василій Каширинъ бубнить!.. Пойдемъ-ка спать...

* * *

Я рѣшилъ заняться ловлей пѣвчихъ птицъ; мнѣ казалось, что это хорошо прокормить, я буду ловить, а бабушка—продавать. Купилъ сѣть, кругъ, западни, надѣлалъ клѣтокъ, и вотъ, на разсвѣтѣ, я сижу въ оврагѣ, въ кустахъ, а бабушка съ корзиной и мѣшкомъ ходитъ по лѣсу, собирая послѣдніе грибы, калину, орѣхи.

Только что поднялось усталое сентябрьское солнце; его

бѣлые лучи то гаснутъ въ облакахъ, то серебрянымъ вѣромъ падаютъ въ оврагъ ко мнѣ. На днѣ оврага еще сумрачно, оттуда поднимается бѣлесый туманъ; крутой, глинистый бокъ оврага темень и голь, а другая сторона, болѣе пологая, прикрыта жухлой травой, густымъ кустарникомъ, въ желтыхъ, рыжихъ и красныхъ листьяхъ; свѣжій вѣтеръ срываетъ ихъ и мечетъ по оврагу.

На днѣ, въ рѣпьяхъ, кричатъ щеглята, я вижу въ сѣрыхъ отрепьяхъ бурьяна алые чепчики на бойкихъ головкахъ птицъ. Вокругъ меня щелкаютъ любопытныя синицы; смѣшно надувая бѣлыя щеки, онѣ шумятъ и суетятся, точно молодыя кунавинскія мѣщанки въ праздникъ; быстрыя, умненькія, злыя, онѣ хотятъ все знать, все потрогать, и попадаютъ въ западню одна за другою. Жалко видѣть, какъ онѣ бьются, но мое дѣло торговое, суровое; я пересаживаю птицъ въ запасныя клѣтки и прячу въ мѣшокъ,—во тьмѣ онѣ сидятъ смиренно.

На кустъ боярышника опустилась стая чижей, кустъ облить солнцемъ, чижи рады солнцу и щебечутъ еще веселѣй; по хваткамъ они похожи на мальчишекъ-школьниковъ. Жадный, домовитый сорокопуть запоздалъ улетѣть въ теплые края, сидитъ на гибкой вѣткѣ шиповника, чиститъ носомъ перья крыла и зорко высматриваетъ добычу черными глазами. Вспорхнулъ вверхъ жаворонкомъ, поймалъ шмеля, заботливо насадилъ его на шипъ и снова сидитъ, вращая сѣрой, вороватой головкой. Безшумно пролетѣла вѣщая птица щуръ—предметъ жадныхъ мечтаній моихъ, вотъ бы поймать! Снѣгирь, отбившійся отъ стаи, сидитъ на ольхѣ, красный, важный, какъ генераль, и сердито поскрипываетъ, качая чернымъ носомъ.

Чѣмъ выше солнце, тѣмъ больше птицъ и веселѣе ихъ щебетъ. Весь оврагъ наполняется музыкой, ея основной тонъ—непрерывный шелестъ кустарника подъ вѣтромъ; задорные голоса птицъ не могутъ заглушить этотъ тихій, сладко-грустный шумъ, я слышу въ немъ прощальную пѣсню лѣта, онъ нашептываетъ мнѣ какія-то особенныя слова и они сами собою складываются въ пѣсню. А въ то же время, память, помимо воли моей, возстановляетъ картины прожитого.

Откуда-то сверху кричитъ бабушка:

— Ты—гдѣ?

Она сидитъ на краю оврага, разостлала платокъ, раз-

ложила на немъ хлѣбъ, огурцы, рѣпу, яблоки; среди всей этой благостыни стоитъ, блестя на солнцѣ, маленькій, очень красивый граненый графинъ, съ хрустальной пробкой—головой Наполеона, въ графинѣ—шкаликъ водки, на стоенной на звѣробоѣ.

— Хорошо-то какъ, Господи!—благодарно говорить бабушка.

— А я пѣсню сложилъ!

— Да—ну?

Я говорю ей что-то, похожее на стихи:

— Все ближе зима, все замѣтнѣе.
Прощай, мое солнышко лѣтнее!..

Но она, не дослушавъ меня, перебиваетъ:

— Такая пѣсня—есть, только она—лучше!

И нараспѣвъ говоритъ:

Ой, уходитъ солнце лѣтнее
Въ темны ночи, за далекіе лѣса!
Эхъ, осталася я, дѣвушка,
Безъ весенней моей радости, одна...
Выйду-ль утромъ за околицу,
Вспомню майскія гулянки мои,—
Поле чистое нерадостно глядять,—
Потеряла я въ немъ молодость свою.
Ой, подруженьки, любезныя мои!
Ужъ какъ выпадетъ да первый легки снѣгъ,—
Выньте сердце изъ бѣлой моей груди,
Схороните мое сердце во снѣгу!..

Мое авторское самолюбіе ни мало не страдаетъ, мнѣ очень нравится пѣсня и очень жалко дѣвушку.

А бабушка говоритъ:

— Вотъ, какъ горе поется! Это, видишь, дѣвица сложила: погуляла она съ весны-то, а къ зимѣ миль-любовникъ бросилъ ее, можетъ, къ другой отошелъ, и вспалакала она отъ сердечной обиды... Чего самъ не испытаешь—про то хорошо-вѣрно не скажешь, а она, видишь, какъ хорошо составила пѣсню!

Когда она впервые продала птицъ на сорокъ копѣекъ, это очень удивило ее.

— Гляди-ко ты! Я думала—пустое дѣло, мальчишья забава, а оно вонъ какъ обернулось!

— Дешево еще продала...

— Да—ну?

Въ базарные дни она продавала на рубль и болѣе, и все удивлялась: какъ много можно заработать пустяками!

— А женщина цѣлый день стираетъ бѣлье, или полы моетъ по четвертаку въ день, вотъ—и пойми! А вѣдь нехорошо это! И птицъ держать въ клѣткахъ нехорошо. Брось-ко ты это, Олеша!

Но я очень увлекся птицеловствомъ, оно мнѣ нравилось и, оставляя меня независимымъ, не причиняло неудобствъ никому, кромѣ птицъ. Я обзавелся хорошими снастями; бесѣды со старыми птицеловами многому научили меня, я одинъ ходилъ ловить птицъ почти за тридцать верстъ, въ Кстовскій лѣсъ, на берегъ Волги, гдѣ, въ мачтовомъ соснякѣ, водились клесты и цѣнимыя любителями синицы-аполлоновки—длиннохвостыя бѣлыя птички рѣдкой красоты.

Бывало — выйдешь съ вечера и всю ночь шлепаешь по казанскому тракту, иногда—подъ осеннимъ дождемъ, по глубокой грязи. За спиною обшитый клеенкой мѣшокъ, въ немъ садки и клѣтки съ приманочной птицей. Въ рукѣ солидная орѣховая палка. Холодно и боязно въ осенней тьмѣ, очень боязно!.. Стоять по сторонамъ дороги старья, битыя громомъ березы, простирая надъ головой моей мокрые сучья; слѣва, подъ горой, надъ черной Волгой, плывутъ, точно въ бездонную пропасть уходя, рѣдкіе огоньки на мачтахъ послѣднихъ парашодовъ и баржъ, бухаютъ колеса по водѣ, гудятъ свистки.

Съ чугунной земли встаютъ избы придорожныхъ деревьевъ, подкатываются подъ ноги сердитыя, голодныя собаки, сторожъ бьетъ въ било и пугливо кричитъ:

— Кто идетъ? Кого черти носятъ,—не къ ночи будь сказано?

Я очень боялся, что у меня отнимутъ снасти, и бралъ съ собою для сторожей пятаки. Въ деревнѣ Фокиной сторожъ подружился со мной и все ахалъ:

— Опять идешь? Ахъ, ты, безстрашный, непокойной житель ночной, а?

Звали его Нифонтъ, былъ онъ маленькій, сѣденьки, похожій на святого, часто онъ доставалъ изъ-за пазухи рѣпу, яблоко, горсть гороху и совалъ мнѣ въ руки, говоря:

— На-ко, другъ, я-те гостинцу припасъ, покушай въ сладость.

И провожалъ меня до околицы.

— Айда, съ Богомъ!

Въ лѣсъ я приходилъ къ разсвѣту, налаживалъ снасти,

развѣшивалъ манковъ, ложился на опушкѣ лѣса и ждалъ, когда придетъ день. Тихо. Все вокругъ застыло въ крѣпкомъ осеннемъ снѣ; сквозь сѣроватую мглу чуть видны подъ горою широкіе луга; они разрѣзаны Волгой, перекинулись черезъ нее и расплылись, растаяли въ туманахъ. Далеко, за лѣсами луговой стороны, восходить, не торопясь, посвѣтлѣвшее солнце, на черныхъ гривахъ лѣсовъ вспыхиваютъ огни и начинается странное, трогательное движение: все быстрѣе встаетъ туманъ съ луговъ и серебрится въ солнечномъ лучѣ, а за нимъ поднимаются съ земли кусты, деревья, стога сѣна, луга точно таютъ подъ солнцемъ и текутъ во всѣ стороны, рыжевато-золотые. Вотъ солнце коснулось тихой воды у берега, кажется, что вся рѣка подвинулась, подалась туда, гдѣ окунулось солнце. Восходя все выше, оно, радостное, благословляетъ, грѣетъ оголенную, озябшую землю, а земля кадитъ сладкими запахами осени. Прозрачный воздухъ показываетъ землю огромной, безконечно расширяя ее. Все плыветъ въ даль и манитъ дойти до синихъ краевъ земли. Я видѣлъ восходъ солнца въ этомъ мѣстѣ десятки разъ, и всегда предо мною рождался новый міръ, по новому красивый...

Я какъ-то особенно люблю солнце, мнѣ нравится самое имя его, сладкіе звуки имени, звонъ, скрытый въ нихъ; люблю, закрывъ глаза, подставить лицо горячему лучу, поймать его на ладонь руки, когда онъ проходитъ мечомъ сквозь щель забора, или между вѣтвей. Дѣдушка очень почитаетъ «князя Михаила Черниговскаго и боярина Феодора, не поклонившихся солнцу»—эти люди кажутся мнѣ черными, какъ цыгане, угрюмыми, злыми, и у нихъ всегда больные глаза, какъ у бѣдной мордвы. Когда солнце поднимется надъ лугами, я невольно улыбаюсь отъ радости.

Надо мною звенить хвойный лѣсъ, отряхая съ зеленыхъ лапъ капли росы; въ тѣни, подъ деревьями, на узорныхъ листьяхъ папоротника сверкаетъ серебряной парчей иней утренняго заморозка. Порыжѣвшая трава примята дождями, склоненные къ землѣ стебли неподвижны, но—когда на нихъ падаетъ свѣтлый лучъ—замѣтенъ легкій трепеть въ травахъ, быть можетъ, послѣднее усиліе жизни.

Проснулись птицы; сѣрая московки пуховыми шариками падаютъ съ вѣтки на вѣтку, огненные клесты крошатъ кривыми носами шишки на вершинахъ сосенъ, на концѣ сосновой лапы качается бѣлая аполлоновка, взмахи-

вая длинными рулевыми перьями, черный бисерный глазок недовѣрчиво косится на сѣть, растянутую мной. И какъ-то вдругъ слышишь, что уже весь лѣсъ, за минуту важно задумчивый, налился сотнями птичьихъ голосовъ, наполненъ хлопотами живыхъ существъ, чистѣйшихъ на землѣ,—по образу ихъ, человѣкъ, отецъ красоты земной, создалъ въ утѣшеніе себѣ эльфовъ, херувимовъ, серафимовъ и весь ангельскій чинъ.

Мнѣ немножко жалко ловить пичужекъ, совѣстно сажать ихъ въ клѣтки, мнѣ больше нравится смотрѣть на нихъ, но охотничья страсть и желаніе заработать денегъ побѣждаютъ сожалѣніе.

Птицы смѣшати меня своими хитростями: лазоревая синица внимательно и подробно осмотрѣла западню, поняла, чѣмъ она грозитъ ей, и, зайдя сбоку, безопасно, ловко таскаетъ сѣмя сквозь палочки западни. Синицы очень умны, но онѣ слишкомъ любопытны, и это губить ихъ. Важные снѣгири—глуповаты, они идутъ въ сѣть цѣлой стаей, какъ сытые мѣщане въ церковь; когда ихъ накроешь, они очень удивлены, выкатываютъ глаза и щиплютъ пальцы толстыми клювами. Клестъ идетъ въ западню спокойно и солидно; поползень, невѣдомая, ни на кого не похожая птица, долго сидитъ передъ сѣтью, поводя длиннымъ носомъ, опираясь на толстый хвостъ; онъ бѣгаетъ по стволамъ деревьевъ, какъ дятель, всегда сопровождая синицъ. Въ этой дымчатой пичужкѣ есть что-то жуткое, она кажется одинокой, никто ее не любитъ и она никого. Онъ, какъ сорока, любитъ воровать и прятать мелкія блестящія вещи.

Къ полудню я кончаю ловлю, иду домой лѣсомъ и полями,—если идти большой дорогой, черезъ деревни, мальчишки и парни отнимутъ клѣтки, порвутъ и поломаютъ снасть,—это ужъ было испытано мною.

Я прихожу къ вечеру усталый, голодный, но мнѣ кажется, что за день я выросъ, узналъ что-то новое, сталъ сильнѣе. Эта новая сила даетъ мнѣ возможность слушать злыя насмѣшки дѣда спокойно и беззлобно; видя это, дѣдъ начиналъ говорить толково, серьезно:

— Бросай пустыя-то дѣла, брось! Черезъ птицъ никто въ люди не выходилъ, не было такого случая, я знаю! Избери-ка ты себѣ мѣсто и расти на немъ свой разумъ. Человѣкъ не для пустяковъ живетъ, онъ—Богово зерно, онъ долженъ дать колосья зеренъ добрыхъ! Человѣкъ—вродѣ

рубля: перевернулся въ хорошемъ оборотѣ—три цѣлковыхъ стало! Думаешь, легко жить-то? Нѣтъ, очень не легко! Мiръ челоѡку—темная ночь, каждый самъ себѣ свѣтитъ долженъ. Всѣмъ дано по десятку пальцевъ, а всякій хочетъ больше взять своими-то руками. Надо явить силу, а нѣтъ силы—хитрость, кто малъ, да слабъ, тотъ—ни въ рай, ни въ адъ! Живи, будто, со всѣми, а помни, что—одинъ; всякаго слушай, никому не вѣрь; на глазъ повѣришь, криво отмѣришь. Помалкивай—дома да города строить не языкомъ, а рублемъ да топоромъ. Ты не башкирецъ, не калмыкъ, у коихъ все богатство—вши да овцы...

Онъ могъ говорить этими словами цѣлый вечеръ, и я зналъ ихъ на память. Слова нравились мнѣ, но къ смыслу ихъ я относился недовѣрчиво. Изъ его словъ было ясно, что челоѡку мѣшаютъ жить, какъ онъ хочетъ, двѣ силы: Богъ и люди.

Сидя у окна, бабушка сучила нитки для кружевъ; жужжало веретено въ ея ловкихъ рукахъ, она долго слушала дѣдову рѣчь молча и вдругъ говорила:

— Все будетъ такъ, какъ Матерь Божія улыбнется.

— Чего это?—кричалъ дѣдъ.—Богъ! Я про Бога не забылъ, я Бога знаю! Дура старая, что Богъ-то дураковъ на землю посѣялъ, что-ли?

* * *

...Мнѣ казалось, что лучше всѣхъ живутъ на землѣ казаки и солдаты; жизнь у нихъ—простая, веселая. Въ хорошую погоду они рано утромъ являлись противъ нашего дома, за оврагомъ, усѣявъ голое поле, точно бѣлые грибы, и начинали сложную, интересную игру: ловкіе, сильные, въ бѣлыхъ рубахахъ, они весело бѣгали по полю съ ружьями въ рукахъ, исчезали въ оврагъ и вдругъ, по зову трубы, снова высыпавшись на полъ, съ криками ура, подъ злоѡщій бой барабановъ, бѣжали прямо на нашъ домъ, оцетинившись штыками, и казалось, что сейчасъ они сковырнуть съ земли, размечутъ нашъ домъ, какъ стогъ сѣна.

Я тоже кричалъ ура и самозабвенно бѣжалъ съ ними; злая трель барабана вызвала у меня кипучее желаніе разрушить что-нибудь, изломать заборъ, бить мальчишекъ.

Во время отдыха солдаты угощали меня махоркой, показывали тяжелыя ружья, иногда тотъ или другой, напра-

вивъ штыкъ въ животъ мнѣ, кричалъ, нарочито, свирѣпо:
— Коли таракана!

Штыкъ блестяль, казалось, что онъ живой, извивается, какъ змѣя, и хочеть ужалить, это было немножко боязно, но—больше пріятно.

Мордвинъ-барабанщикъ училъ меня колотить палками по кожѣ барабана; сначала онъ бралъ кисти моихъ рукъ и, вымотавъ ихъ до боли, соваль мнѣ палки въ намятые пальцы.

— Стучи—рас-дува, рас-дува! Трам-та-та-тамъ! Стучи ему—лѣвы—тиха, правы—шибка, трамъ-та-та-тамъ!—грозно кричалъ онъ, расширяя птичьи глаза.

Я бѣгалъ по полю съ солдатами вплоть до конца учения и потомъ провожалъ ихъ черезъ весь городъ до казармъ, слушая громкія пѣсни, разглядывая добрыя лица, все такія новенькія, точно пяточки, только что отчеканенные.

Плотная масса одинаковыхъ людей весело текла по улицѣ единою силою, возбуждавшей чувство пріязни къ ней, желаніе погрузиться въ нее, какъ въ рѣку, войти, какъ въ лѣсъ. Эти люди ничего не боятся, на все смотрятъ смѣло, все могутъ побѣдить, они достигнуть всего, чего захотятъ, а, главное,—всѣ они простые, добрые.

Но однажды, во время отдыха, молодой унтеръ далъ мнѣ толстую папиросу.

— Покури! Она у меня—эдакая, никому бы не далъ, да ужъ больно ты, парень, хорошь!

Я закурилъ. Онъ отодвинулся на шагъ, и вдругъ красное пламя ослѣпило меня, обожгло мнѣ пальцы, носъ, брови; сѣрый соленый дымъ заставилъ чихать и кашлять; слѣпой, испуганный, я топтался на мѣстѣ, а солдаты, окруживъ меня плотнымъ кольцомъ, хохотали громко и весело. Я пошелъ домой,—свистъ и смѣхъ катились за мной, что-то щелкало, точно кнутъ пастуха. Болѣли обожженные пальцы, саднило лицо, изъ глазъ текли слезы, но меня угнетала не боль, а тяжелое, тупое удивленіе: зачѣмъ это сдѣлано со мной? Почему это забавляетъ добрыхъ парней?

Дома я залѣзъ на чердакъ и долго сидѣлъ тамъ, вспоминая все необъяснимо жестокое, что такъ обильно встрѣчалось на пути моемъ. Особенно ярко и живо вспомнился мнѣ маленькій солдатикъ изъ Сарапула — стоитъ передо мной и, словно живой, спрашиваетъ:

— Что? Поняль?

Вскорѣ мнѣ пришлось пережить еще нѣчто болѣе тяжелое и поразительное.

Я сталъ бѣгать въ казармы казаковъ, они стояли около Печерской слободы. Казаки казались иными, чѣмъ солдаты, не потому, что они ловко ѣздили на лошадяхъ и были красивѣе одѣты,—они иначе говорили, пѣли другія пѣсни и прекрасно плясали. Бывало, по вечерамъ, вычистивъ лошадей, они соберутся въ кружокъ около конюшенъ, и маленькіи рыжіи казакъ, встряхнувъ вихрами, высокимъ голосомъ запоетъ, какъ мѣдная труба; тихонько, напряженно вытягиваясь, заведетъ печальную пѣсню про тихіи Донъ, синій Дунай. Глаза у него закрыты, какъ закрываетъ ихъ зорянка-птица, которая часто поетъ до того, что падаетъ съ вѣтки на землю мертвой, воротъ рубахи казака растегнуть, видны ключицы, точно мѣдныя удила, и весь этотъ человѣкъ—литой, мѣдный. Качаясь на тонкихъ ногахъ, точно земля подъ нимъ волнуется, разводя руками, слѣпой и звонкій, онъ какъ-бы пересталъ быть человѣкомъ, сталъ трубою горниста, свирѣлью пастуха. Иногда мнѣ казалось, что онъ опрокинется, упадетъ спиною на землю и умретъ, какъ зорянка,—потому что истратилъ на пѣсню всю свою душу, всю ея силу.

Спрятавъ руки въ карманы и за широкія спины, вокругъ него вѣнкомъ стоятъ товарищи, строго смотрятъ на его мѣдное лицо, слѣдятъ за рукою, тихо плавающей въ воздухѣ, и поютъ важно, спокойно, какъ въ церкви на клиросѣ. Всѣ они—бородатые и безбородые—были въ эту минуту похожи на иконы — такіе-же грозные и отдаленные отъ людей. Пѣсня длинна, какъ большая дорога, она такая-же ровная, широкая и мудрая; когда слушаешь ее, то забываешь: день на землѣ или ночь, мальчишка я или уже старикъ, забываешь все! Замрутъ голоса пѣвцовъ,—слышно, какъ вздыхаютъ кони, тоскуя по приволью степей, какъ тихо и неустраимо двигается съ поля осенняя ночь; а сердце растетъ и хочетъ разорваться отъ полноты какихъ-то необычныхъ чувствъ и отъ великой, нѣмой любви къ людямъ, къ землѣ.

Маленькій, мѣдный казакъ казался мнѣ не человѣкомъ, а чѣмъ-то болѣе значительнымъ—сказочнымъ существомъ, лучше и выше всѣхъ людей. Я не могъ говорить съ нимъ. Когда онъ спрашивалъ меня о чемъ-нибудь, я счастливо

улыбался и молчалъ смущенно. Я готовъ былъ ходить за нимъ молча и покорно, какъ собака, только бы чаще видѣть его, слышать, какъ онъ поеть.

Однажды я видѣлъ, какъ онъ, стоя въ углу конюшни, поднося къ лицу руку, разсматриваетъ надѣтое на палецъ гладкое серебряное кольцо, его красивыя губы шевелились, маленькіе рыжіе усы вздрагивали, лицо было грустное, обиженное.

Но какъ-то разъ, темнымъ вечеромъ, я пришелъ съ клѣтками въ трактиръ на Старой сѣнной площади — трактирщикъ былъ страстный любитель пѣвчихъ птицъ и часто покупалъ ихъ у меня.

Казакъ сидѣлъ около стойки, въ углу, между печью и стѣной; съ нимъ была дородная женщина, почти вдвое больше его тѣломъ, ея круглое лицо лоснилось, какъ сафьянъ, она смотрѣла на него ласковыми глазами матери, немножко тревожно, онъ былъ пьянъ, шаркалъ вытянутыми ногами по полу и, должно-быть, больно задѣвалъ ноги женщины — она, вздрагивая, морщилась, просила его тихонько:

— Не дурите...

Казакъ съ великимъ усиліемъ поднималъ брови, но онѣ вяло снова опускались. Ему было жарко, онъ разстегнувъ мундиръ и рубаху, обнаживъ шею. Женщина, спустивъ платокъ съ головы на плечи, положила на столъ крѣпкія бѣлыя руки, сцѣпивъ пальцы докрасна. Чѣмъ больше смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ болѣе онъ казался мнѣ провинившимся сыномъ доброй матери; она что-то говорила ему ласково и укоризненно, а онъ молчалъ смущенно, — нечѣмъ было отвѣтить на заслуженные упреки.

Вдругъ онъ всталъ, словно уколотый, невѣрно — низко на лобъ — надѣлъ фуражку, прилепнулъ ее ладонью и, не застегиваясь, пошелъ къ двери, женщина тоже поднялась, сказавъ трактирщику:

— Мы сейчасъ воротимся, Кузьмичъ...

Люди проводили ихъ смѣхомъ, шутками. Кто-то сказалъ, густо и сурово:

— Вернется лоцманъ, — онъ ей задастъ!

Я ушелъ вслѣдъ за ними; они опередили меня шаговъ на десять, двигаясь во тьмѣ, наискось площади, цѣликомъ по грязи, къ откосу, высокому берегу Волги. Мнѣ было

видно, какъ шатается женщина, поддерживая казака, я слышалъ, какъ чавкаетъ грязь подъ ихъ ногами; женщина негромко, умоляюще спрашивала:

— Куда-же вы? Ну, куда-же?

Я пошелъ за ними по грязи, хотя это была не моя дорога. Когда они дошли до панели откоса, казакъ остановился, отошелъ отъ женщины на шагъ, и вдругъ ударилъ ее въ лицо; она вскрикнула съ удивленіемъ и испугомъ:

— Ой, да за что-же это?

Я тоже испугался, подбѣжалъ вплотъ къ нимъ, а казакъ схватилъ женщину поперекъ тѣла, перебросилъ ее черезъ перила подъ гору, прыгнулъ за нею, и оба они покатились внизъ, по травѣ откоса черной кучей. Я обомлѣлъ, замеръ, слушая, какъ тамъ, внизу, трещить, рвется платье, рычитъ казакъ, а низкій голосъ женщины бормочетъ, прерываясь:

— Я—закричу... кричу...

Она громко, болѣзненно охнула и стало тихо. Я нащупалъ камень, пустилъ его внизъ,—зашуршала трава. На площади хлопала стеклянная дверь кабака, кто-то ухнулъ, должно быть, упалъ, и снова тишина, готовая каждую секунду испугать чѣмъ-то.

Подъ горою появился большой бѣлый комъ, всхлипывая и сопя, онъ тихо, неровно поднимается кверху, я различаю женщину. Она идетъ на четверенькахъ, какъ овца, мнѣ видно, что она по поясъ голая, висятъ ея большія груди, и кажется, что у нея три лица. Вотъ она добралась до перилъ, сѣла на нихъ почти рядомъ со мною, дышитъ, точно запаленная лошадь, оправляя сбитые волосы; на бѣлизнѣ ея тѣла ясно видны темныя пятна грязи; она плачетъ, стираетъ слезы со щекъ движеніями умывающейся кошки, видятъ меня и тихонько восклицаетъ:

— Господи — кто это? Уйди, безстыдникъ!

Я не могу уйти, окаменѣвъ отъ изумленія и горькаго, тоскливаго чувства—мнѣ вспоминаются слова бабушкиной сестры:

— Баба—сила, Ева самого Бога обманула...

Женщина встала и, прикрывъ грудь обрывками платья, обнаживъ ноги, быстро пошла прочь, а изъ-подъ горы поднялся казакъ, замахалъ въ воздухъ бѣлыми тряпками, тихонько свистнулъ, прислушался и заговорилъ веселымъ голосомъ:

— Дарья? Что? Казакъ всегда возьметъ, что надо... Ты думала—пьяный? Не-е, это я тебѣ показался... Дарья!

Онъ стоитъ твердо, голосъ его звучитъ трезво и насмѣшливо. Нагнувшись, онъ вытеръ тряпками свои сапоги и заговорилъ снова:

— Эй, возьми кофту... Дашкѣ! Да, — не ломайся...

И казакъ громко произнесъ позорное женщинѣ слово.

Я сижу на кучѣ щепня, слушая этотъ голосъ, одинокій въ ночной тишинѣ и такой подавляюще властный.

Передъ глазами пляшутъ огни фонарей на площади; справа, въ черной кучѣ деревьевъ возвышается бѣлый институтъ благородныхъ дѣвицъ. Лѣнливо нанизывая грязныя слова одно на другое, казакъ идетъ на площадь, помахивая бѣлымъ тряпьемъ и, наконецъ, исчезаетъ, какъ дурной сонъ.

Внизу, подъ откосомъ, на водокачкѣ пыхтитъ паротводная трубка, по сѣзду катится пролетка извозчика, вѣкругъ — ни души. Отравленный, я иду вдоль откоса, сжимая въ рукѣ холодный камень,—я не успѣлъ бросить его въ казака. Около церкви Георгія Побѣдоносца меня остановилъ ночной сторожъ, сердито спрашивая — кто я, что несу за спиной въ мѣшкѣ?

Я подробно рассказалъ ему о казакѣ.— онъ началъ хохотать, покрикивая:

— Ловко-о! Казаки, братъ, дотошный народъ, они не намъ чета! А бабенка-то сука...

Онъ подавился смѣхомъ, а я пошелъ дальше, не понимая — надъ чѣмъ-же онъ смѣется?

И думалъ, въ ужасѣ: а что, если-бы такое случилось съ моей матерью, съ бабушкой?

VIII.

Когда выпалъ снѣгъ, дѣдъ снова отвелъ меня къ сестрѣ бабушки.

— Это не худо для тебя, не худо, — говорилъ онъ мнѣ.

Мнѣ казалось, что за лѣто я прожилъ страшно много, постарѣлъ и поумнѣлъ, а у хозяевъ въ это время скука стала гуще. Все такъ же часто они хвораютъ, разстраивая себѣ желудки обильной ѣдой, такъ же подробно рассказываютъ другъ другу о ходѣ болѣзней, старуха такъ же страшно и злобно молится Богу. Молодая хозяйка послѣ

родовъ похудѣла, умалилась въ пространствѣ, но двигается столь-же важно и медленно, какъ беременная. Когда она шьетъ дѣтямъ бѣлье, то тихонько поетъ всегда одну пѣсню:

— Спира. Спира, Спиридонъ,—
Спира, братикъ мой родной;
Сама сяду въ саночки,
Спиру—на запяточки...

Если войти въ комнату, она тотчасъ перестаетъ пѣть и сердито кричить:

— Чего тебѣ?

Я увѣренъ, что она не знала ни одной пѣсни, кромѣ этой.

Вечеромъ хозяева зовутъ меня въ комнату и приказываютъ:

— Ну-ко, расскажи, какъ ты жилъ на пароходѣ!

Я сажусь на стулъ около двери уборной и говорю: мнѣ пріятно, вспоминать о другой жизни въ этой, куда меня сунули противъ моей воли. Я увлекаюсь, забываю о слушателяхъ, но—не надолго; женщины никогда не ѣздили на пароходѣ и спрашиваютъ меня:

— А все-таки, поди-ка, боязно?

Я не понимаю—чего бояться?

— А вдругъ онъ свернетъ на глубокое мѣсто, да и потонетъ!

Хозяинъ хохочетъ, а я—хотя и знаю, что пароходы не тонутъ на глубокихъ мѣстахъ,—не могу убѣдить въ этомъ женщинъ. Старуха увѣрена, что пароходъ не плаваетъ по водѣ, а—идетъ, упираясь колесами въ дно рѣки, какъ телега по землѣ.

— Коли онъ желѣзный, — какъ-же онъ плыветъ? Не бойсь, топоръ не плаваетъ...

— А ковшъ вѣдь не тонетъ въ водѣ?

— Сравнилъ! Ковшъ—маленькій, пустой...

Когда я говорю о Смуромъ и его книгахъ, они смотрятъ на меня подозрительно; старуха говоритъ, что книги сочиняютъ дураки и еретики.

— А псалтирь? А Царь Давидъ?

— Псалтирь—священное писаніе, да и то Царь Давидъ прощенья просилъ у Бога за псалтирь.

— Гдѣ это сказано?

— На ладони у меня,—я-те вотъ, хвачу по затылку и узнаешь, гдѣ!

Она все знаетъ, обо всемъ говоритъ увѣренно и всегда—дико.

— На Печоркѣ татаринъ померъ, такъ душа у него горломъ излилась, черная, какъ деготь!

— Душа—духъ,—говорю я, но она презрительно кричить:

— У татарина-то? Дуракъ!

Молодая хозяйка тоже боится книгъ.

— Это очень вредно книжки читать, а особенно—въ молодыхъ годахъ,—говорить онъ.—У насъ на Гребешкѣ, одна дѣвица хорошаго семейства читала-читала, да—въ дьякона и влюбилась. Такъ дьяконова жена такъ срамила ее — ужасъ даже! На улицѣ, при людяхъ...

Иногда я употреблялъ слова изъ книгъ См ураго, въ одной изъ нихъ, безъ начала и конца, было сказано: «собственно говоря, никто не изобрѣлъ пороха; какъ всегда—онъ явился въ концѣ длиннаго ряда мелкихъ наблюдений и открытій».

Не знаю, почему, но мнѣ очень запомнилась эта фраза, особенно-же полюбили сочѣтаніе двухъ словъ: «собственно говоря, никто не изобрѣлъ пороха»; я чувствовалъ въ нихъ силу, — много они принесли горя мнѣ, смѣшнаго горя. Есть такое.

Однажды, на предложеніе хозяевъ, рассказать имъ еще что-нибудь о пароходѣ, я отвѣтилъ:

— Мнѣ ужъ нечего рассказывать, собственно говоря...

Это ихъ изумило, они закаркали:

— Какъ? Какъ ты сказалъ?

И всѣ четверо начали дружно хохотать, повторяя:

— Собственно говоря, а—ба-атюшки!

Даже хозяинъ сказалъ мнѣ:

— Плохо ты выдумалъ, чудакъ!

Съ той поры они долго звали меня:

— Эй, собственно говоря! Иди-ка, подотри полъ за ребенкомъ, собственно говоря...

Это безтолковое издѣвательство не обижало, но очень удивляло меня.

Я жилъ въ туманѣ отупляющей тоски и, чтобы поборотъ ее, старался, какъ можно больше работать. Недостатка въ работѣ не ощущалось, въ домѣ было двое младен-

цевъ, няньки не угождали хозяйевамъ, ихъ постоянно мѣняли; я долженъ былъ возиться съ младенцами, каждый день мылъ пеленки и каждую недѣлю ходилъ на Жандармскій ключъ полоскать бѣлье.—тамъ меня осмѣивали прачки.

— Ты что за бабѣ дѣло взялся?

Иногда онѣ доводили меня до того, что я шлепалъ ихъ жгутами мокраго бѣлья, онѣ щедро платили мнѣ тѣмъ-же, но съ ними было весело, интересно.

Жандармскій ключъ бѣжалъ по дну глубокаго оврага, спускаясь къ Окѣ, оврагъ отрѣзалъ отъ города поле, названное именемъ древняго Бога—Ярило. На этомъ полѣ, по Семикамъ, городское мѣщанство устраивало гулянье; бабушка говорила мнѣ, что въ годы ея молодости народъ еще вѣроваль Ярилѣ и приносилъ ему жертву: брали колесо, обвертывали его смоленой паклей и, пустивъ подъ гору, съ криками, съ пѣснями, слѣдили—докатится-ли огненное колесо до Оки. Если докатится, богъ Ярило принималъ жертву: лѣто будетъ солнечное и счастливое.

Прачки были, въ большинствѣ, съ Ярила, все бойкія, зубастыя бабы; онѣ знали всю жизнь города, и было очень интересно слушать ихъ рассказы о купцахъ, чиновникахъ, офицерахъ, на которыхъ онѣ работали. Полоскать бѣлье зимою, въ ледяной водѣ ручья—каторжное дѣло; у всѣхъ женщинъ руки до того мерзли, что трескалась кожа. Согнувшись надъ ручьемъ, запертымъ въ деревянную колоду, подъ старенькимъ, щелявымъ навѣсомъ, который не защищалъ отъ снѣга и вѣтра, бабы полоскали бѣлье; лица ихъ налиты кровью, нащипаны морозомъ; морозъ жжетъ мокрые пальцы, они не гнутся, изъ глазъ текутъ слезы, а женщины неумно гуторять, передавая другъ другу разныя исторіи, относясь ко всѣмъ и ко всему съ какой-то особенной храбростью.

Лучше всѣхъ рассказывала Наталья Козловская, женщина лѣтъ за тридцать, свѣжая, крѣпкая, съ насмѣшливыми глазами, съ какимъ-то особенно гибкимъ и острымъ языкомъ. Она пользовалась вниманіемъ всѣхъ подругъ, съ нею совѣтовались о разныхъ дѣлахъ и уважали ее за ловкость въ работѣ, за аккуратную одежду, за то, что она отдала дочь учиться въ гимназію. Когда она, сгибаясь подъ тяжестью двухъ корзинъ съ мокрымъ бѣльемъ, спускалась съ горы по скользкой тропѣ, ее встрѣчали весело, заботливо спрашивали:

— Какъ дочка-то?

— Ничего, спасибо, учится, слава Богу!

— Гляди—барыней будетъ?

— А того ради и учу. Откуда баре, холеня хари? Все изъ насъ, изъ черноты земной, а откуда еще-то? Чѣмъ больше науки, тѣмъ длиннѣй руки, больше возьмутъ; а къмъ больше взято, у того дѣло и свято... Богъ посылаетъ насъ сюда глупыми дѣтьми, а назадъ требуетъ умными стариками, значить—надо учиться!

Когда она говорила, всѣ молчали, внимательно слушая складную, увѣренную рѣчь. Ее хвалили въ глаза и за глаза, удивлялись ея выносливости, разуму, но—никто не подражалъ ей. Она обшила себѣ рукава кофты рыжей кожей отъ голенища сапога, это позволяло ей не обнажать рукъ по локти, не мочить рукава. Всѣ говорили, что она хорошо придумала, но никто не сдѣлалъ этого себѣ, а когда сдѣлалъ я—меня осмѣяли.

— Эхъ, ты, у бабы разуму учишься!

Про дочь ея говорили:

— Эко важное дѣло! Ну, одной барыней больше будетъ, легко-ли? Да, можетъ, еще и не доучится, помретъ...

— Тоже вѣдь и ученые не сладко живутъ: вонъ у Бахилова дочь-то училась-училась, да и сама въ учительши пошла, ну, а коли учительша, значить—вѣковуша...

— Конечно! Замужъ-то и безъ грамоты возьмутъ, было бы за что взять...

— Бабій умъ не въ головѣ...

Было странно и неловко слушать, что онѣ сами о себѣ говорятъ столь безстыдно. Я зналъ, какъ говорятъ о женщинахъ матросы, солдаты, землекопы, я видѣлъ, что мужчины всегда хвастаются другъ передъ другомъ своей ловкостью въ обманахъ женщинъ, выносливостью въ сношеніяхъ съ ними; я чувствовалъ, что они относятся къ «бабамъ» враждебно, но почти всегда за разказами мужчинъ о своихъ побѣдахъ, вмѣстѣ съ хвастовствомъ, звучало что-то, позволявшее мнѣ думать, что въ этихъ разказахъ хвастовства и выдумки больше, чѣмъ правды.

Прачки не рассказывали другъ другу о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, но во всемъ, что говорилось ими о мужикахъ, я слышалъ чувство насмѣшливое, злое, и думалъ, что, пожалуй, это правда: баба—сила!

— Какъ ни кружись, съ кѣмъ ни дружись, а къ бабѣ

придешь, не минуешь,—сказала однажды Наталья, и какая-то старуха простуженным голосом крикнула ей:

— А куда кромѣ? Отъ Бога и то къ намъ уходятъ, монахи-те, отшельники-те...

Эти разговоры подъ плачущи плескъ воды, шлепанье мокрыхъ тряпокъ, на днѣ оврага, въ грязной щели, которую даже зимній снѣгъ не могъ прикрыть своимъ чистымъ покровомъ; эти безстыдныя, злыя бесѣды о тайномъ, о томъ, откуда всѣ племена и народы, вызывали у меня пугливое отвращеніе, отталкивая мысль и чувство въ сторону отъ «романовъ», назойливо окружавшихъ меня; съ понятіемъ о «романѣ» у меня прочно связалось представленіе о грязной, распутной исторіи.

Но все-таки въ оврагѣ, среди прачекъ, въ кухняхъ у денщиковъ, въ подвалѣ у рабочихъ землекоповъ было несравнимо интереснѣе, чѣмъ дома, гдѣ застывшее однообразіе рѣчей, понятій, событій вызывало только тяжкую и злую скуку. Хозяева жили въ заколдованномъ кругу ѣды, болѣзней, сна, суетливыхъ приготовленій къ ѣдѣ, ко сну; они говорили о грѣхахъ, о смерти, очень боялись ея, они толклись, какъ зерна вокругъ жернова, всегда ожидая, что вотъ онъ раздавитъ ихъ.

Въ свободные часы я уходилъ въ сарай, колоть дрова, желая побыть наединѣ съ самимъ собою, но это рѣдко удавалось, приходили денщики и рассказывали о жизни на дворѣ.

Чаще другихъ ко мнѣ являлись въ сарай Ермохинъ и Сидоровъ. Первый—длинный, сутулый калужанинъ, весь свитый изъ толстыхъ и крѣпкихъ жилъ, малоголовый, съ мутными глазами. Онъ былъ лѣнивъ, досадно глупъ, двигался медленно, неловко, а когда видѣлъ женщину, то мычалъ и наклонялся впередъ, точно хотѣлъ упасть въ ноги ей. Всѣ на дворѣ удивлялись быстротѣ его побѣдъ надъ кухарками, горничными, завидовали ему, боялись его медвѣжьей силы. Сидоровъ, тощій и костлявый тулякъ, былъ всегда печалень, говорилъ тихонько, кашлялъ осторожно, глаза его пугливо горѣли, онъ очень любилъ смотрѣть въ темные углы; рассказываетъ ли что-нибудь вполголоса, или сидитъ молча, но всегда смотритъ въ тотъ уголь, гдѣ темнѣе.

— Ты что смотришь?

— А, можетъ, мыша выбѣжить... Люблю мышей, такіа, катаются, тихонькіа...

Я писалъ денщикамъ письма въ деревни, записки возлюбленнымъ, мнѣ это нравилось; но было пріятнѣе, чѣмъ для другихъ, писать письма для Сидорова, онъ аккуратно каждую субботу посылалъ письма сестрѣ въ Тулу.

Пригласивъ меня къ себѣ въ кухню, онъ сѣлся за столъ рядомъ со мною, крѣпко растиралъ ладонями стриженую голову и шепталъ въ ухо мнѣ:

— Ну, валяй!—Сначала—какъ надо: любезнѣйшая моя сестрица, здравствуйте на много лѣтъ—какъ надо! Теперь пиши: рубль я получилъ, только этого не надо и благодарю. Мнѣ ничего не надо, мы живемъ хорошо,—мы живемъ вовсе не хорошо, а какъ собаки, ну, ты про то не пиши, а пиши—хорошо! Она—маленькая, ей четырнадцать лѣтъ всего—за чѣмъ ей знать? Теперь пиши самъ, какъ тебя учили...

Онъ наваливался на меня съ лѣваго бока, горячо и пахуче дышалъ въ ухо мнѣ и шепталъ настойчиво:

— Чгобъ она не давала парнямъ обниматься съ нею и трогать ее за груди и никакъ! Пиши: если кто говоритъ ласково, ты ему не вѣрь, это онъ хочетъ обмануть васъ, испортить...

Отъ усилія сдержать кашель, сѣрое лицо его наливалось кровью, онъ надувалъ щеки, на глазахъ выступали слезы, онъ ерзалъ по стулу и толкалъ меня.

— Ты мѣшаешь!

— Ничего, пиши! Господамъ не вѣрь больше всего, они обмануть дѣвушку въ одинъ разъ. Онъ знаетъ свои слова и все можетъ сказать, а какъ ты ему повѣрила, то—тебя въ публичный домъ. А если накопишь рубль, такъ отдай попу, онъ и сохранитъ, когда хорошій человѣкъ. А лучше зарывай въ землю, чтобъ никто не видѣлъ, и помни, гдѣ.

Было очень грустно слушать этотъ шопотъ, заглушаемый визгомъ жестяного вертуна форточки. Я оглядываюсь на закопченное чело печи, на шкафъ съ посудой, засиженный мухами,—кухня невѣроятно грязна, обильна клопами, горько пропахла жаренымъ масломъ, керосиномъ, дымомъ. На печи, въ лучинѣ, шуршатъ тараканы, уныніе вливается въ душу, почти до слезъ жалко солдата, его сестру. Развѣ можно, развѣ хорошо жить такъ?

Я пишу что-то, уже не слушаю шопотъ Сидорова, пишу о томъ, какъ скучно и обидно жить, а онъ, вздыхая, говоритъ мнѣ:

— Много пишешь, спасибо! Теперь она будетъ знать, чего надо бояться...

— Ничего не надо бояться, — сердито говорю я, хотя самъ боюсь многого.

Солдаты смѣется, прикашливая:

— Чудачокъ! Какъ же не бояться? А—господа, а—Богъ? Да мало ли!

Получивъ письмо отъ сестры, онъ безпокойно просилъ:

— Читай, пожалуйста, скорѣе...

И заставлялъ меня прочитывать, написанное каракулями, обидно краткое и п устое письмо по три раза.

Быль онъ добрый, мягкій, но къ женщинамъ относился такъ же, какъ всѣ—по-собачьи грубо и просто. Вольно и невольно, наблюдая эти отношенія, часто съ поразительной и поганой быстротой развивающіяся на моихъ глазахъ съ начала до конца, я видѣлъ, какъ Сидоровъ возбуждалъ у бабы доброе чувство жалобами на свою солдатскую жизнь, какъ онъ опьяняетъ ее ласковой ложью, а послѣ всего, рассказывая Ермохину о своей побѣдѣ, брезгливо морщится и плюетъ, точно принялъ горькаго лекарства. Это меня било по сердцу, я сердито спрашивалъ солдата—зачѣмъ всѣ они обманываютъ бабъ, лгутъ имъ, а потомъ, издѣваясь надъ женщиной, передаютъ ее одинъ другому, и часто—бьютъ?

Онъ только тихонько усмѣхался и говорилъ:

— Тебѣ не надо интересоваться этими дѣлами, это все плохо, это—грѣхъ! Ты—маленькій, тебѣ рано...

Но, однажды, я добился отвѣта болѣе опредѣленнаго и очень памятнаго мнѣ.

— Думаешь—она не знаетъ, что я ее обманываю?—сказалъ онъ, подмигнувъ и кашляя:—Она—зна-етъ! Она сама хочетъ, чтобы обманули. Всѣ врутъ въ этомъ дѣлѣ, это ужъ такое дѣло, стыдно всѣмъ, никто никого не любить, а просто—баловство! Это больно стыдно, вотъ, погоди, самъ узнаешь! Нужно, чтобъ было ночью, а днемъ — въ темнотѣ, въ чуланѣ, да! За это Богъ изъ рая прогналъ, изъ-за этого всѣ несчастливы...

Онъ говорилъ такъ хорошо, такъ грустно, покаянно, что это немного примирило меня съ его романами; я относился къ нему болѣе дружественно, чѣмъ къ Ермохину, котораго ненавидѣлъ и всячески старался высмѣять, раздражить, это мнѣ удавалось и частенько онъ бѣгалъ за мной

по двору съ недобрыми намѣреніями, которыя только по неловкости рѣдко удавались ему.

— Это—запрещено,—говорилъ Сидоровъ.

Что запрещено—я зналъ, но что отъ этого люди несчастны—не вѣрилось. И видѣлъ, что несчастны, а не вѣрилъ потому, что нерѣдко наблюдалъ необычное выраженіе въ глазахъ влюбленныхъ людей, чувствовалъ особенную доброту любящихъ; видѣть этотъ праздникъ сердца всегда было пріятно.

Но все-таки жизнь, помню, казалась мнѣ все болѣе скучной, жесткой, незыблемо установленной навсегда въ тѣхъ формахъ и отношеніяхъ, какъ я видѣлъ ее изо дня въ день. Не думалось о возможности чего-либо лучшаго, чѣмъ то; что есть, что неустранимо является передъ глазами каждый день.

Но однажды солдаты рассказали мнѣ исторію, сильно взволновавшую меня: въ одной изъ квартиръ жилъ закройщикъ лучшаго портного въ городѣ, тихій, скромный, не русскій человѣкъ. У него была маленькая, бездѣтная жена, которая день и ночь читала книги. На шумномъ дворѣ, въ домахъ, тѣсно набитыхъ пьяными людьми, эти двое жили невидимо и безмолвно, гостей не принимали, сами никуда не ходили, только по праздникамъ въ театръ.

Мужъ съ утра до поздняго вечера былъ на службѣ, жена, похожая на дѣвочку подростка, фраза два въ недѣлю, днемъ выходила въ библіотеку. Я часто видѣлъ, какъ она, покачиваясь, словно прихрамывая, мелкими шагами идетъ по дамбѣ, съ книгами въ ремняхъ, словно гимназистка, простенькая, пріятная, новая, чистая, въ перчаткахъ на маленькихъ рукахъ. Лицо у нея птичье, съ быстрыми глазками, и вся она красивенькая, какъ фарфоровая фигурка на подзеркальникѣ. Солдаты говорили, что у нея не хватаетъ ребра въ правомъ боку, оттого она и качается такъ странно на ходу, но мнѣ это казалось пріятнымъ, и сразу отличало ее отъ другихъ дамъ на дворѣ—офицерскихъ женъ; эти, несмотря на ихъ громкіе голоса, пестрые наряды и высокіе турнюры, были какія-то подержанныя, точно онѣ долго и забыто лежали въ темномъ чуланѣ, среди разныхъ ненужныхъ вещей.

Маленькая закройщица считалась во дворѣ полоумной, говорили, что она потеряла разумъ въ книгахъ, дошла до того, что не можетъ заниматься хозяйствомъ, ея мужъ самъ

ходить на базаръ за провизіей, самъ заказываетъ обѣдъ и ужинъ кухаркѣ, огромной, не русской бабѣ, угрюмой, съ однимъ краснымъ глазомъ, всегда мокрымъ, и узенькой розовой щелью вмѣсто другого. Сама же барыня—говорили о ней — не умѣетъ отличить буженину отъ телятины и однажды позорно купила вмѣсто петрушки — хрѣнь!

Вы подумайте, какой ужасъ!

Всѣ трое, они были чужими въ домѣ, какъ будто случайно попали въ одну изъ клѣтокъ этого большого садка для куръ, напоминая синицъ, которыя, спасаясь отъ мороза, влетаютъ черезъ форточку въ душное и грязное жилище людей.

И вдругъ денщики рассказали мнѣ, что господа офицеры затѣяли съ маленькой закройщицей обидную и злую игру: они почти ежедневно, то одинъ, то другой, передаютъ ей записки, въ которыхъ пишутъ о любви къ ней, о своихъ страданіяхъ, о ея красотѣ. Она отвѣчаетъ имъ, проситъ оставить ее въ покоѣ, сожалеетъ, что причинила горе, проситъ Бога, чтобы Онъ помогъ имъ разлюбить ее. Получивъ такую записку, офицеры читаютъ ее всѣ вмѣстѣ, смѣются надъ женщиной и вмѣстѣ же составляютъ письмо къ ней отъ лица кого-либо одного.

Разсказывая мнѣ эту исторію, денщики тоже смѣялись, ругали закройщицу.

— Дура несчастная, кривуля,—говорилъ Ермохинъ басомъ, а Сидоровъ тихонько поддерживалъ его:

— Всякая баба хочетъ, чтобы ее обманули. Она все знаетъ...

Не повѣрилъ я, что закройщица знаетъ, какъ смѣются надъ нею, и тотчасъ рѣшилъ сказать ей объ этомъ. Выслѣдивъ, когда ея кухарка пошла въ погребъ, я вбѣжалъ по черной лѣстницѣ въ квартиру маленькой женщины, сунулся въ кухню—тамъ было пусто, вошелъ въ комнаты—закройщица сидѣла у стола, въ одной рукѣ у нея тяжелая золоченая чашка, въ другой—раскрытая книга, она испугалась, прижала книгу къ груди и стала негромко кричать:

— Кто это? Августа! Кто ты?

Я началъ быстро и сбивчиво говорить ей, ожидая, что она броситъ въ меня книгой или чашкой. Она сидѣла въ большомъ малиновомъ креслѣ, одѣтая въ голубой капотъ съ бахромою по подолу, съ кружевами на воротѣ и рукавахъ, по ея плечамъ рассыпались русые волнистые волосы.

Она была похожа на ангела съ царскихъ дверей. Прижимаясь къ спинкѣ кресла, она смотрѣла на меня круглыми глазами, сначала сердито, потомъ удивленно, съ улыбкой.

Когда я сказалъ все, что хотѣлъ, и, потерявъ храбрость, обернулся къ двери, она крикнула мнѣ:

— Постой!

Ткнула чашку на подносъ, бросила книгу на столъ и, сложивъ ладошки, заговорила густымъ голосомъ взрослого человѣка:

— Какой ты странный мальчикъ... Подойди поближе!

Я подвинулся очень осторожно, она взяла мою руку и, глядя ее маленькими холодными пальцами, спросила:

— Тебя никто не научилъ сказать мнѣ это, нѣтъ? Ну, хорошо, я вижу, вѣрю—ты самъ придумалъ...

Выпустивъ мою руку, она закрыла глаза и тихонько протяжно сказала:

— Такъ объ этомъ говорятъ грязные солдаты!

— Вы бы съѣхали съ квартиры-то,—солидно посовѣтоваль я.

— Зачѣмъ?

— Одолѣютъ они васъ.

Она пріятно засмѣялась, потомъ спросила:

— Ты, учился? Книжки читать любишь?

— Некогда мнѣ читать.

— Если-бы любилъ, нашлось бы время. Ну—спасибо!

Она протянула мнѣ щепотью сложенные пальцы и въ нихъ серебряную монету,—было стыдно взять эту холодную вещь, но я не посмѣлъ отказаться отъ нея и, уходя, положилъ ее на столбикъ периль лѣстницы.

Я унесъ отъ этой женщины впечатлѣніе глубокое, новое для меня; предо мною, точно заря занялась, и нѣсколько дней я жилъ въ радости, вспоминая просторную комнату и въ ней закройщицу въ голубомъ, похожую на ангела. Вокругъ все было незнакомо-красиво, пышный золотистый коверъ лежалъ подъ ея ногами, сквозь серебряныя стекла оконъ смотрѣлъ, грѣясь около нея, зимній день.

Мнѣ захотѣлось взглянуть на нее еще разъ—что будетъ, если я пойду, попрошу у нея книжку?

Я сдѣлалъ это и снова увидалъ ее на томъ же мѣстѣ, такъ же съ книгой въ рукахъ, но щека у нея была подвязана какимъ-то рыжимъ платкомъ, глазъ запухъ. Давая мнѣ книгу въ черномъ переплетѣ, закройщица невнятно промывчала

что-то. Я ушелъ съ грустью, унося книгу, отъ которой пахло креозотомъ и анисовыми каплями. Книгу я спряталъ на чердакъ, завернувъ ее въ чистую рубашку и бумагу, боясь, чтобы хозяева не отняли, не испортили ее.

Они, получая «Ниву» ради выкроекъ и преміи, не читали ее, но посмотрѣвъ картинки, складывали на шкафъ въ спальнѣ, а въ концѣ года переплетали и прятали подъ кровать, гдѣ уже лежали три тома «Живописнаго Обзорѣнія». Когда я мылъ полъ въ спальнѣ, подъ эти книги подтекала грязная вода. Хозяинъ выписывалъ газету «Русскіи Курьеръ» и вечерами, читая ее, ругался:

— Чортъ ихъ пойметъ, зачѣмъ они пишутъ все это! Скучища-же...

Въ субботу, развѣсивая на чердакъ бѣлье, я вспомнилъ о книгѣ, досталъ ее, развернулъ и прочиталъ начальную строку: «Дома—какъ люди: каждый имѣетъ свою фیزیономію». Это удивило меня своей правдой, я сталъ читать дальше, стоя у слухового окна, и читалъ, пока не озябъ, а вечеромъ, когда хозяева ушли ко всенощной, снесъ книгу въ кухню и утонулъ въ желтоватыхъ, изношенныхъ страницахъ, подобныхъ осеннимъ листьямъ;—онѣ легко уводили меня въ иную жизнь, къ новымъ именамъ и отношеніямъ, показывая мнѣ добрыхъ героевъ, мрачныхъ злодѣевъ, непохожихъ на людей, приглядѣвшихъ мнѣ. Это былъ романъ Ксавье до-Монтепэна, длинный, какъ всѣ его романы, обильный людьми и событіями, изображавшій незнакомую, стремительную жизнь. Все въ романѣ этомъ было удивительно просто и ясно, какъ будто нѣкій свѣтъ, скрытый между строкъ, освѣщалъ доброе и злое, помогая любить и ненавидѣть, заставляя напряженно слѣдить за судьбами людей, спутанныхъ въ тѣсный рой. Сразу возникло настойчивое желаніе помочь этому, помѣшать тому, забывалось, что вся эта неожиданно открывшаяся жизнь насквозь бумажная; все забывалось въ колебаніяхъ борьбы, поглощалось чувствомъ радости на одной страницѣ, чувствомъ огорченія на другой.

Я зачитался до того, что когда услышалъ звонокъ колокольчика на парадномъ крыльцѣ, не сразу понялъ, кто это звонитъ и зачѣмъ.

Свѣча почти догорѣла, подсвѣчникъ, только что утромъ вычищенный мною, былъ залитъ саломъ; свѣтильня лампадки, за которою я долженъ былъ слѣдить, высколь-

нула изъ держальца и погасла. Я заметался по кухнѣ, стараясь скрыть слѣды моихъ преступленій, сунулъ книгу въ подпечекъ и началъ оправлять лампадку. Изъ комнату выскочила нянька.

— Оглохъ? Звонять!

Я бросился отпирать двери.

— Дрыхъ?—сурово спросилъ хозяинъ, жена его, тяжело поднимаясь по лѣстницѣ, жаловалась, что я ее простудилъ, старуха ругалась. Въ кухнѣ она сразу увидала зажженную свѣчу и начала допрашивать меня—что я дѣлалъ.

Я молчалъ, точно свалившись откуда-то съ высоты, весь разбитый, въ страхѣ, что она найдетъ книгу, а она кричала, что я сожгу домъ. Пришелъ хозяинъ съ женой ужинать, старуха пожаловалась имъ:

— Вотъ, смотрите, всю свѣчу зажегъ и домъ сожгетъ...

Ужиная, они всѣ четверо пилили меня своими языками, вспоминая вольные и невольные проступки мои, угрожая мнѣ погибелью, но я уже зналъ, что все это они говорятъ не со зла и не изъ добрыхъ чувствъ, а только отъ скуки. И было странно видѣть, какіе они пустые и смѣшные по сравненію съ людьми изъ книги.

Вотъ они кончили ѣсть, отяжелѣли, устало разошлись спать, старуха, потревоживъ Бога сердитыми жалобами, забралась на печь и примолкла. Тогда я всталъ, вынулъ книгу изъ подпечка, подошелъ къ окну; ночь была свѣтлая, луна смотрѣла прямо въ окно, но мелкій шрифтъ не давался зрѣнію. А читать хотѣлось мучительно. Взявъ съ полки мѣдную кастрюлю, я отразилъ ею свѣтъ луны на книгу—стало еще хуже, темнѣе. Тогда я забрался на лавку, въ уголь, къ обрзамъ, началъ читать стоя, при свѣтѣ лампады, и, утомленный, заснулъ, опустясь на лавку, а проснулся отъ крика и толчковъ старухи. Держа книгу въ рукахъ, она больно стучала ею по плечамъ моимъ, красная со зла, яростно вскидывая рыжей головою, босая, въ одной рубахѣ. Съ полатей выль Викторъ:

— Мамаша, да не орите вы! Жить нельзя...

«Пропала книга, изорвутъ», думалъ я.

За утреннимъ чаемъ меня судили. Хозяинъ строго спрашивалъ:

— Гдѣ ты взялъ книгу?

Женщины кричали, перебивая другъ друга, Викторъ подозрительно нюхалъ страницы и говорилъ:

— Духами пахнетъ, ей Богу...

Узнавъ, что книга принадлежитъ священнику, они всѣ еще разъ осмотрѣли ее, удивляясь и негодуя, что священникъ читаетъ романы, но все-таки это нѣсколько успокоило ихъ, хотя хозяинъ еще долго внушалъ мнѣ, что читать— вредно и опасно.

— Вонъ они, читатели-то, желѣзную дорогу взорвали, котѣли убить...

Хозяйка сердито и пугливо крикнула мужу:

— Ты съ ума сошелъ! Что ты ему говоришь?

Я отaesъ Монтепэна солдату, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, Сидоровъ взялъ книгу, молча открылъ маленькій сундучокъ, вынулъ чистое полотенце и, завернувъ въ него романъ, спряталъ въ сундукъ, сказавъ мнѣ:

— Не слушайся ихъ — приходи ко мнѣ и читай, я никому не скажу! А если придешь — нѣтъ меня, ключъ виситъ за образомъ, отопри сундукъ и читай...

Отношеніе хозяевъ къ книгѣ сразу подняло ее въ моихъ глазахъ на высоту важной и страшной тайны. То, что какіе-то «читатели» взорвали гдѣ-то желѣзную дорогу, желая кого-то убить, не заинтересовало меня, но я вспомнилъ вопросъ священника на исповѣди, чтеніе гимназиста въ подвалѣ, слова Смурого о «правильныхъ книгахъ» и вспомнилъ дѣдовы рассказы о чернокнижникахъ-фармазонахъ:

— А при Благословенномъ Государѣ Александрѣ Павлычѣ дворянишки, совратясь къ чернокнижию и фармазонству, затѣяли предать весь россійскій народъ римскому папѣ, езуиты! Тутъ Аракчеевъ генераль изловилъ ихъ на дѣлѣ, да, не взирая на чины-званія — всѣхъ въ Сибирь, въ ка-торгу, тамъ они и исхизли, подобно тлѣ...

Вспоминался «умбракулъ, распещренный звѣздами», «Гервасій» и торжественныя, насмѣшливыя слова:

— «Профаны, любопытствующіе знать наши дѣла! Никогда слабыя ваши очи не узрятъ оныхъ!»

Я чувствовалъ себя у порога какихъ-то великихъ тайнъ и жилъ, какъ помѣшанный. Хотѣлось дочитать книгу, было боязно, что она пропадетъ у солдата, или онъ какъ-нибудь испортитъ ее. Что я скажу тогда закройщицѣ?

А старуха, зорко слѣдя, чтобы я не бѣгалъ къ денщику, грызла меня:

— Книжникъ! Книжки-то, вонъ, распутству учать, вонъ она, книгочея, до чего дошла—на базарь сама сходитъ не можетъ, только съ офицерами путается, днемъ принимаетъ ихъ, я зна-аю!

Мнѣ хотѣлось закричать:

— Это неправда! Она не путается...

Но я боялся защищать закройщицу—вдругъ старуха догадается, что книга-то ея?

Нѣсколько дней мнѣ жилось отчаянно плохо; мною овладѣла разсѣянность, тревожная тоска, я не могъ спать, въ страхѣ за судьбу Монтепэна, и вотъ, однажды, кухарка закройщицы, остановивъ меня на дворѣ, сказала:

— Принеси книгу!

Я выбралъ время послѣ обѣда, когда хозяева улеглись отдыхать, и явился къ закройщицѣ сконфуженный, подавленный.

Она встрѣтила меня такая же, какою я ее встрѣтилъ въ первый разъ, только одѣта иначе: въ сѣрой юбкѣ, черной бархатной кофтѣ, съ бирюзовымъ крестомъ на открытой шеѣ. Она была похожа на самку снѣгирия.

Когда я сказалъ ей, что не успѣлъ прочитать книгу и что мнѣ запрещаютъ читать, у меня отъ обиды и отъ радости видѣть эту женщину глаза налились слезами.

— Ф-фу, какіе глупые люди!—сказала она, сдвинувъ тонкія брови.—А еще у твоего хозяина такое интересное лицо. Ты погоди огорчаться, я подумаю. Я напишу ему!

Это меня испугало, я объявилъ ей, что солгалъ хозяевамъ, сказавъ, что книга взята не у нея, а у священника.

— Не надо, не пишите!—просилъ я ее.—Они будутъ смѣяться надъ вами, ругать васъ. Васъ вѣдь никто не любитъ во дворѣ, всѣ осмѣиваютъ, говорятъ, что вы дурочка и у васъ не хватаетъ ребра...

Выпаливъ все это, я тотчасъ понялъ, что сказалъ лишнее и обидное для нея—она закусилась верхнюю губу и хлопнула себя по бедру, какъ будто сидѣла верхомъ на лошади. Я смущенно опустилъ голову, желая провалиться сквозь землю, но закройщица повалилась на стулъ и весело захохотала, повторяя:

— Ой, какъ глупо... какъ глупо! Но что же дѣлать?—спросила она сама себя, пристально разглядывая меня, а

потомъ, вздохнувъ, сказала:—Ты очень странный мальчикъ, очень...

Взглянувъ въ зеркало рядомъ съ нею, я увидалъ скуластое, широконосое лицо, съ большимъ синякомъ на лбу, давно нестриженные волосы торчали во всѣ стороны вихрами—вотъ это и называется «очень странный мальчикъ»?.. Не похожъ странный мальчикъ на фарфоровую тонкую фигурку...

— Ты не взялъ тогда денежку, которую я дала. Почему?

— Мнѣ не надо.

Она вздохнула.

— Ну, что жъ дѣлать! Если тебѣ позволять читать, приходи, я тебѣ дамъ книги...

На подзеркальникѣ лежали три книги; та, которую я принесъ, была самая толстая. Я смотрѣлъ на нее съ грустью. Закройщица протянула мнѣ маленькую розовую руку.

— Ну, прощай!

Я осторожно дотронулся до ея руки и быстро ушелъ.

А, пожалуй, вѣрно говорить про нее, что она ничего не знаетъ, вотъ, двугривенный назвала — денежкой, точно ребенокъ.

Но это мнѣ нравилось...

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Горькій.

ИСКУССТВО ПИСАТЬ.

I.

Даскинъ сталъ писать въ газетахъ поздно, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ ему не удалась карьера адвоката, требующая ловкости и умѣнья жить съ людьми. У него не было ни того, ни другого. Неуживчивый, рѣзкій и надменный, онъ предпочиталъ сидѣть у себя въ кабинетѣ и погружаться въ аромать старыхъ книгъ, отъ которыхъ пахло ванилью и кожей. Здѣсь же онъ иногда вступалъ въ бесѣду съ немногими изъ товарищей, которые признавали въ немъ юриста и человѣка съ желѣзной логикой и ради занятныхъ минутъ пребыванія въ атмосферѣ его изысканнаго ума прощали ему неприятную манеру обращать діалогъ въ монологъ и его страсть къ возраженіямъ. Подъ влияніемъ этихъ же товарищей онъ поборолъ въ себѣ робость самолюбія и сталъ писать въ газетѣ, сначала изрѣдка, а затѣмъ регулярно, пріохотившись къ сладости и мукѣ писательскаго возбужденія.

Ему слѣдовало бы писать книги въ духъ Монтэня, котораго онъ любилъ, или Паскаля, но онъ былъ лѣнивъ, и писалъ небольшія статьи, сверкавшія умными мыслями, которыя, однако, пропадали среди текучихъ строкъ ежедневной газеты.

Повышенный тонъ жизни быстро откликающагося на все журналиста былъ ему пріятенъ, а потомъ сталъ и необходимъ, какъ папираса, которую онъ никогда не вынималъ изо рта. Ему нравилось волненіе, можетъ быть, правда, потому, что онъ заранѣе зналъ объ отсутствіи риска, и онъ смѣло касался вопросовъ, самыхъ запутанныхъ и сложныхъ. И когда онъ кончалъ статью, и передъ тѣмъ, какъ отправить ее въ типографію, просматривалъ написанное, онъ въ усталости своей, отягченной десяткомъ выкуренныхъ папиросъ,

находилъ тихую радость завершеніи. Больше статья его не интересовала, какъ и не интересовали деньги, которыя онъ долженъ былъ за нее получить.

Но поработанный своимъ искусствомъ писать, которое разсылало его зоркія мысли по прочитаннымъ книгамъ, по стилистикѣ и по изысканностямъ давно продуманныхъ выводовъ, онъ не замѣчалъ, что литературный шаблонъ сдѣлался для него второй натурой. Онъ думалъ статьями, и такъ какъ краснорѣчіемъ не обладалъ, то мысли его, плавно укладывавшіяся на бумагѣ, въ разговорѣ забѣгали далеко впереди его словъ. Поэтому въ бесѣдѣ Раскинъ могъ показаться интереснымъ только тогда, когда произносилъ короткія реплики. Въ нихъ было много неожиданнаго, остроумнаго, но больше всего яда.

Его умъ, стремительный и дерзкій, излучалъ изъ себя злыя и терпкія мысли, облеченныя въ юморъ. Задѣвая, онъ уязвляли до боли. Находили, что характеръ ума у Раскина былъ вольтеровскій, но впоследствии установилось мнѣніе, которое было о немъ высказано однимъ профессоромъ, задѣтымъ его статьей.

— Представьте себѣ, что среди евреевъ появляется Вольтеръ. Это и будетъ Раскинъ.

Опредѣленіе «еврейскій Вольтеръ» было подхвачено коллегами-журналистами, а затѣмъ противниками изъ другого лагеря, не упускавшими случая подчеркнуть печатно его еврейское происхождение.

Жена Раскина, миловидная и живая женщина, была дочерью священника, и, чтобы жениться на ней, Раскину пришлось креститься. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ колебаній. искренно вѣря только въ человѣческій разумъ.

Раскинъ былъ тогда еще студентомъ, а она курсисткой, и онъ покорилъ ее умомъ, задирчивостью и всезнаніемъ, разогнавъ своихъ соперниковъ злыми насмѣшками. Но все то, что такъ нравилось ей въ непрактичномъ студентѣ, небрежно одѣтомъ и беззаботномъ, теперь тяготило ее и тревожило. Подростали дѣти,—двое мальчугановъ,—усваивавшихъ безалаберность отца, его манеру рѣзко отзываться о людяхъ и его пренебреженіе къ условностямъ. Любви уже не было, она цѣнила въ мужѣ необыкновеннаго человѣка, а главное, не забывала, что его цѣнятъ другіе.

Лицомъ Раскинъ былъ некрасивъ, даже уродливъ, и зна-

комые, не исключая поклонниковъ, находили въ немъ много сходства съ обезьяной. Они такъ и говорили о немъ:

— Злой, но умный орангъ-утангъ.

II.

Въ редакціи къ нему относились съ уваженіемъ, но друзей у него тамъ не было. Его безпричинная язвительность и высокомерный умъ въ этой атмосферѣ преувеличенно-чуткихъ самолюбій заставляли всѣхъ держаться отъ него на нѣкоторомъ разстояніи. Кто не зналъ его характера и пробовалъ доверчиво подойти къ нему, тотъ долженъ былъ тотчасъ же отступить посрамленный. Его насмѣшки, произнесенныя тихимъ и невозмутимымъ голосомъ, были безпощадны.

Одинъ только человекъ не боялся его злого юмора. Это былъ беллетристъ, время отъ времени заносившій въ газету рассказъ. Упоенный своимъ дарованіемъ, онъ искренно не понималъ насмѣшекъ Раскина, ни на одно мгновеніе не сомнѣваясь въ своемъ талантѣ, въ то время, какъ у Раскина, разсуждалъ онъ, было только умѣніе литературно излагать свои логическія мысли. Беллетристъ любилъ говорить о преимуществахъ поэта передъ критиками. Подъ первымъ онъ подразумѣвалъ себя, ко вторымъ онъ снисходительно причислялъ Раскина.

Послѣдній какъ-то сказалъ ему:

— Говорятъ, что во времена Перикла атмосфера была такъ насыщена пластическимъ искусствомъ, что любой грекъ могъ вылѣпить недурную статую.

Беллетристъ прищурилъ глаза и недовѣрчиво покачалъ головой.

— Теперь этого, конечно, нельзя сказать,—продолжалъ Раскинъ,—но зато теперь всѣ такъ начитаны, что любой человекъ можетъ написать недурной рассказъ.

Беллетристъ усмѣхнулся.

— Никогда!—воскликнулъ онъ.—Вотъ даже вамъ не удастся.

Раскинъ не любилъ возраженій и первымъ его желаніемъ было сказать беллетристу, что онъ дуракъ, но облекъ эту мысль въ другую форму и спросилъ:

— Неужели вы думаете, что для этого нужно имѣть особую шишку въ головѣ?

Беллетристъ оживился и съ сознаниемъ своего превосходства сказалъ:

— Шишку, не шишку, а особья способности надо имѣть. Вотъ мы съ вами пойдемъ по улицѣ. Мимо пройдетъ какой-нибудь курносый мальчуганъ съ физиономіей встревоженнаго щенка. Вы этого не замѣтите, а я замѣчу. Но зато потомъ, когда я этого мальчугана изображу въ рассказѣ, вы первый оцѣните эту подробность.

Раскинъ сдѣлалъ презрительную гримасу и спросилъ.

— И только?

— О, это очень много! Этими мелочами вы, критики и логики, пользуетесь для своихъ комбинацій и сопоставленій. Не смотрите на меня съ такимъ изумленіемъ. Васъ, — позвольте быть откровеннымъ, — я отношу къ тѣмъ умамъ, которые могутъ воспринимать уже разъ прошедшее черезъ человѣческое воспріятіе. То, что уже отразилось. Поле вашей дѣятельности — книги и музеи. Одни изъ васъ умѣютъ судить, другіе отбирать. А мы, даже самые маленькіе изъ насъ, все подмѣчаемъ сами.

Онъ больше не хотѣлъ спорить и ушелъ. Раскинъ, дѣлавшій надъ собой большое усиліе, чтобы дать ему высказаться до конца, не успѣлъ возразить и разсердился.

— Вотъ самоупоенный соловей! — произнесъ онъ вслухъ и взялся за иностранныя газеты.

Тутъ онъ очень скоро забылъ о своей досадѣ, погружившись въ тонкости политики Асквита, который боролся съ ирландцами. Раскина сильно занимала эта борьба, какъ и все, впрочемъ, что вызывало обостренную игру ума. До самозабвенія могъ онъ увлечься разрѣшеніемъ шахматной задачи и проторчать въ редакціи до вечера. Побѣда въ игрѣ доставляла ему такое же удовольствіе, какъ и побѣда въ полемикѣ, безъ которой скучалъ его задирчивый умъ. Но зато пораженіе причиняло ему страданіе. Проигрышъ въ шахматы могъ отравить ему цѣлый день и неминуемо вызвать ссору съ противникомъ, за которымъ онъ ни за что не хотѣлъ признать умѣнья и обычно доказывалъ ему, что его побѣда случайна. Партнеръ бросалъ игру и уже былъ въ другой комнатѣ, а Раскинъ все еще не сдавался и доказывалъ самому себѣ, что игралъ правильно.

Послѣ Асквита, за котораго онъ взялся послѣ ухода беллетриста, Раскина заинтересовалъ въ англійской газетѣ отчетъ о какомъ-то судебномъ процессѣ. Англійскіе суды да-

вали превосходные образцы британскаго остроумія и находчивости. Раскинъ читалъ краткія замѣчанія судей и блаженно улыбался. Ему нравился умный анекдотъ, а каждый судебный отчетъ въ англійской газетѣ приносилъ съ собою анекдотическій случай, уплотнявшій водянистыя тонкости юриспруденціи.

Раскинъ былъ такъ увлеченъ чтеніемъ, что когда служитель Василий подалъ ему письмо, онъ сильно вздрогнулъ, и брови его изогнулись, какъ у встревоженной ночной птицы.

Раскинъ равнодушно взялъ письмо и, не торопясь, сталъ отрывать край конверта.

«Должно быть, отъ читателя»,—подумалъ онъ. Его статьи часто вызывали читательскіе отклики, авторы которыхъ возмущались парадоксальностью его ума, а то просто ругали его статьи за непонятность.

III.

Раскрывъ письмо, Раскинъ остолбенѣлъ.

Какой-то анонимъ доброжелательно извѣщалъ его, что въ то время, когда онъ находится въ редакціи, жена его, Елена Ивановна, безстыдно измѣняетъ ему.

«Нагряньте внезапно домой и Вы убѣдитесь»,—писалъ анонимный авторъ.

Раскинъ еще разъ пробѣжалъ глазами письмо и съ негодованіемъ прошепталъ:

— Какая гадость!—еще не уясняя себѣ точно, что онъ считаетъ гадостью—поведеніе жены или самое письмо.

Потомъ скомкалъ его, бросилъ въ топившуюся печь, поднялся со стула и сталъ по серединѣ комнаты, сразу почувствовавъ себя безпомощнымъ въ разрѣшеніи вопроса, какъ поступить: оставить ли анонимное письмо безъ вниманія или отправиться домой и «накрыть» жену.

Онъ ощущалъ, какъ замирала его мысль, и вспоминалъ обычное состояніе передъ тѣмъ, какъ подкрадывается сонъ и туманомъ заволакиваетъ мозгъ.

Измѣняетъ жена: это былъ такой простой, обычный случай, не вызывавшій усиленной работы ума, когда приходилось слышать о такой трагедіи каждаго дня отъ другихъ или читать про это. И упорно хотѣлось быстро, не теряя ни одной лишней минуты, вспомнить, какъ въ такихъ случаяхъ поступали другіе,—что дѣлали и что говорили. Этимъ, ка-

залось ему, онъ дастъ толчокъ своимъ замершимъ мыслямъ, всегда жаднымъ къ дѣятельности.

Малатеста Хромой рѣшилъ просто: надо убѣдиться своими глазами, а когда убѣдился, — убилъ жену и любовника. Такъ поступаетъ человѣкъ чувства. Мудрецъ, постигшій, что жизнь есть игра, поступилъ иначе. Онъ все зналъ, но сдѣлалъ видъ, что не догадывается. Но первый казался Раскину болѣе человѣчнымъ, хотя важно не то, что обманутый мужъ нашелъ въ себѣ мужество вонзить въ сердце любовника кинжалъ, а то, что онъ нашелъ въ этомъ удовлетвореніе.

Раскинъ рѣшилъ, что домой не пойдетъ, а останется въ редакціи. Вѣдь все равно онъ еще не знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить, и будетъ несравненно хуже, если онъ, дѣйствительно, накроетъ жену. Что тогда?

Онъ приказалъ подать себѣ чай и взялся за газеты, настраиваясь къ обычной работѣ.

Испытывая муку неопредѣленности и задѣтаго самолюбія, онъ все же ловилъ себя на мысли, что больше всего его мучаетъ другое: какъ это его умъ, такъ быстро разрешающій вопросы, болѣе сложные и болѣе запутанные, въ недоумѣніи останавливается передъ простымъ повседневнымъ случаемъ. Очевидно, здѣсь надо не разсуждать, а дѣйствовать. И ему вдругъ стало очевидно, что какой-нибудь служитель Василій и разносчикъ газетъ гораздо быстрее и, можетъ быть, даже правильнѣе рѣшать, что надо дѣлать: въ то время, какъ онъ сидитъ здѣсь, Василій сбѣгалъ бы въ желѣзную лавку, купилъ бы складной ножъ, и, испробовавъ его на ногтѣ, бросился бы домой, никого не замѣчая по пути. А онъ останется и будетъ себѣ читать газеты. Правда, онъ и его жена принадлежать къ другимъ людямъ, противъ которыхъ можно употреблять другое оружіе—слово, и слово иной разъ убиваетъ человѣка не хуже ножа. Да, да. Это его оружіе. Онъ наточитъ его остро, какъ точатъ бритву, и подойдетъ къ женѣ съ неменьшей яростью, чѣмъ Малатеста, врывающійся въ спальню Франчески. И рѣзвая мысль уже намѣчала неясныя очертанія того, что онъ собирался сказать. Какая, однако, гадость!

По привычкѣ взялъ въ руки перо, посмотрѣлъ на кончикъ его, но вмѣсто чернилъ увидѣлъ вдругъ лицо своей жены. Всѣ мельчайшія подробности его, веснушка на щекѣ.

самодовольная складка у губъ, предстали передъ нимъ ясно и живо.

Тогда ему вдругъ показалось, что у него собирается разболѣться голова, и что самое лучшее—уйти изъ редакціи. Не домой, нѣтъ. Просто погулять по улицамъ и отвлечься отъ непріятныхъ мыслей.

Но выйдя на улицу, онъ прямехонько направился домой.

IV.

Дома все было благополучно. По обыкновенію, въ дѣтской стоялъ невообразимый шумъ отъ передвигаемыхъ табуретовъ и столовъ. Мальчуганы строили крѣпость и, прежде чѣмъ она была готова, они уже сражались съ большимъ остервенѣніемъ. Время отъ времени одинъ пронзительно кричалъ «банзай», другой отвѣчалъ ему пискливымъ «ура» и отступалъ вмѣстѣ со своей крѣпостью. Въ общемъ, исходъ сраженія былъ еще не ясенъ.

Жена возилась у шкафа съ бѣльемъ, и Раскину показалось, что она торопливо что-то прячетъ. Но онъ быстро отогналъ свою подозрительную мысль и только спросилъ:

— Ты выходила сегодня?

Она сказала:

— Нѣтъ. То-есть да, выходила, но по дѣлу.

Онъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу и резюмировалъ:

— Нѣтъ, то-есть да. Вразумительно для немногихъ.

Женскимъ чутьемъ она почувствовала подозрительный тонъ и сразу перешла въ наступленіе.

— Точно тебѣ не все равно, выходила я или нѣтъ. Семья тебя интересуешь, какъ прошлогодній снѣгъ.

Началась обычная ссора, которую Раскинъ поддерживалъ скупыми, но язвительными репликами.

Жена стала нервничать, преувеличивать и обобщать.

— Лѣнтяй,—со злостью сказала она, подыскивая наиболее оскорбительныя слова. — Эгоистичный лѣнтяй. Съ твоимъ дарованіемъ, всѣ это говорятъ, ты бы могъ зарабатывать вдвое больше и безъ всякаго напряженія. Только регулярно работать—и больше ничего. Но тебѣ лѣнь, и ты не можешь отказать себѣ въ удовольствіи въ двадцатый разъ перечитывать всѣ книги изъ твоей библіотеки. И потому пишешь только между прочимъ. Говоришь вотъ всегда о культурѣ, а лѣнишься, какъ дикарь.

Раскинъ молча слушалъ ее, не ощущая въ себѣ ни тѣни

раздраженія. Какъ челоѡкъ, привыкши обо всемъ судить съ высоты логики, онъ находилъ, что по-своему она даже права. Хозяйка дома и подруга, она, естественно, должна была поощрять его къ труду и подгонять. Но изъ органической жажды къ возраженію, онъ не могъ прямо сказать, что она права, и осторожно возразилъ, въ сладостномъ предвкушеніи того, какъ онъ сейчасъ ошеломитъ ее.

— Лѣнь,—сказалъ онъ,—еще не есть проявленіе некультурности. Лѣнь это вовсе не такое зло, какъ ты думаешь.

— Здравствуйте!—еще болѣе раздражаясь, воскликнула жена.—Это ты въ статьяхъ своихъ можешь громоздить одинъ парадоксъ на другой. А не дома. Новости какія! Лѣнь—благо!

— Да нѣтъ,—усмѣхаясь, спокойно замѣтилъ Раскинъ.—Я говорю вполне серьезно. Въ лѣни есть и благо. И ты сейчасъ въ этомъ убѣдишься.

Она не хотѣла его слушать, но онъ взялъ ее за руки и, удерживая на мѣстѣ, продолжалъ:

— Лѣнь есть инерція, и безъ нея не было бы никакихъ законовъ, учрежденій и обычаевъ. Безъ лѣни, ты не смѣйся, была бы анархія, потому что лѣнь есть противовѣсъ всякому безпокойному стремленію отдѣльныхъ умовъ, вѣчно ищущихъ чего-нибудь новаго. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы я не былъ лѣнивъ, я бы бросилъ тебя, дѣтей, нашъ домъ и отправился бы искать новыхъ людей?

— Пожалуйста!—прервала жена.—Если только лѣнь или тамъ инерція привязываетъ тебя къ дому, то можешь идти хоть сегодня.

— Погоди. Объ этомъ мы потолкуемъ потомъ. Не забудь также, что всѣ машины и всякія усовершенствованія изобрѣтены челоѡкомъ только, чтобы сберечь личный трудъ, то-есть опять-таки изъ-за лѣни. Большинство наукъ въ основѣ своей имѣютъ принципомъ экономію усилий. А что такое, на примѣръ, математика, какъ не экономическое средство исчисленія.

— Ну, что изъ этого слѣдуетъ?—возмущалась жена.—Что не надо трудиться?

— Изъ этого слѣдуетъ, — невозмутимо продолжалъ онъ,—что любовь къ труду есть только исключеніе. Общая же масса отъ природы апатична, и это вовсе не такъ плохо.

Она пожала плечами и, если бы не вспомнила, что мужа

всѣ считали очень умнымъ человѣкомъ, назвала бы его сумасшедшимъ.

— Ну, да, конечно,—не утерпѣла она, чтобы не съехидничать,—лѣнь—благо! Тебѣ только остается пойти въ дѣтскую и сказать это дѣтямъ. Они съ восторгомъ воспримутъ твое новое ученіе.

— Видишь ли,—спокойно возразилъ онъ,—твой аргументъ не убѣдителенъ. Раньше всего потому, что никакое ученіе вообще не слѣдуетъ распространять среди дѣтей.

Въ это время изъ дѣтской донесся пронзительный крикъ. Старшій мальчикъ хотѣлъ окончательно убѣдить своего младшаго брата въ превосходствѣ своей стратегіи, и потому сталъ колотить его. Елена Ивановна отправилась мирить ихъ и, вернувшись, сказала:

— Меня интересуешь только одно. Почему ты не напишешь объ этомъ?

— О чемъ?

— О томъ, что ты мнѣ только что говорилъ. Такія мысли гораздо умѣстнѣе высказывать на бумагѣ, чѣмъ въ своей столовой и въ присутствіи только своей жены. Получилась бы, пожалуй, очень интересная и оригинальная статья. А ты поступаешь, какъ актеръ, который въ жизни забываетъ, что онъ не на сценѣ, и продолжаетъ играть.

Раскинъ изумленно посмотрѣлъ на нее своими круглыми близорукими глазами, и на лицѣ у него появились красныя пятна. Онъ хотѣлъ было сказать женѣ что-нибудь рѣзкое, но только сердито махнулъ рукой и отвернулся.

— Что тебя такъ задѣло?—недоумѣвая, спросила жена.

— Ну, довольно! — сказалъ онъ, вздыхая.

Потомъ закурилъ папиросу, подвинулъ къ себѣ вечернюю газету и, точно читая фразу изъ нея, произнесъ, не поднимая головы:

— Оказывается, что писать можно одно, а женѣ говорить другое. Мнѣ же до сихъ поръ казалось, что въ этомъ нѣтъ разницы.

Проговоривъ это, онъ разстроился собственнымъ голосомъ, въ которомъ звучало полнѣйшее одиночество и, вспомнивъ объ анонимномъ письмѣ, сразу почувствовалъ, что жена ему, дѣйствительно, измѣняетъ.

Эта горькая мысль наполнила его гнѣвомъ и отвращеніемъ къ женѣ, и онъ подумалъ, что способенъ подойти сейчасъ къ ней, вырвать у нея изъ рукъ подушку, которую она

добродѣтельно вышивала, и швырнуть ее въ лицо ей. Но физическое воздѣйствіе могло у него явиться только въ мысляхъ. Даже будучи гимназистомъ, онъ не могъ ударить кого-нибудь и обычно пускалъ въ ходъ язвительное и уничтожающее слово.

Затрясись отъ негодованія, онъ поднялся со стула и, съ гадливостью глядя на напудренное лицо жены, которое въ этотъ моментъ подтверждало ему ея измѣну, съ ожесточеніемъ сказалъ:

— Да, лѣнь—благо. Если бы ты была болѣе лѣнива, то-есть болѣе инертна, ты бы мнѣ не измѣняла.

Елена Ивановна, совершенно не ожидавшая, что ихъ разговоръ приметъ такой оборотъ, вздрогнула, густо покраснѣла и, не сознавая, что дѣлаетъ, быстро провела рукой по пуговицамъ блузки, чтобы убѣдиться, успѣла ли она ихъ застегнуть. А увидѣвъ, что мужъ замѣтилъ ея смущеніе и ея оплошный жестъ, она бросилась въ другую комнату и только оттуда крикнула:

— Ты съ ума сошелъ!

Такъ какъ онъ не считалъ нужнымъ продолжать на эту тему разговоръ, считая, очевидно, что все ясно и безъ того, она заплакала,—не отъ испуга, не отъ стыда и не отъ угрызенія совѣсти, а отъ досады, что такъ глупо попалась.

Раскинъ все это понялъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Туда же черезъ часъ подали ему обѣдъ. Онъ почти ни къ чему не прикоснулся, и только усиленно курилъ и думалъ:

«Мнѣ было бы легче препираться со смертью, которая стала бы преслѣдовать меня, какъ неотступный кредиторъ, чѣмъ съ мыслью объ измѣнѣ жены. Потому что это не область логики и умозаключеній».

Воображеніе у него было слабое и когда ему вздумалось представить себѣ, какъ это жена рѣшилась на измѣну и какъ она измѣняла ему, онъ не пошелъ дальше того, чтобы возстановить въ памяти исторію г-жи Бовари, описанную Флоберомъ. Но это очень мало удовлетворило его злобное любопытство, и онъ самъ посмѣялся надъ своими поисками литературныхъ сравненій. Еще труднѣе ему было разрѣшить вопросъ, до сихъ поръ у него не возникавшій,—а кто же онъ, любовникъ? Его не интересовало имя этого человѣка, положеніе и возрастъ, но онъ почувствовалъ, что ему было бы неизмѣримо пріятнѣе, если бы жена прельстилась только внѣшностью, а не умомъ.

Но все же съ сокрушеніемъ думалъ, что наблюдательность, которой гордился упоенный собой беллетристъ, пригодились бы ему теперь, а, можетъ быть, еще раньше.

И еще думалъ:

«Я двадцать разъ приводилъ въ своихъ статьяхъ метафизическій миѳъ Платона о безсмертныхъ человѣческихъ душахъ, которыя въ концѣ каждаго мірового вѣка собираются на берегахъ Леты и пьютъ изъ нея воду забвенія, послѣ чего отпадаетъ отъ нихъ вся ихъ прошлая жизнь со всѣми ея воспоминаніями. Двадцать разъ я писалъ объ этомъ, но теперь только впервые я постигаю цѣнность такого забвенія. Приблизительно, это значитъ, что я убѣждалъ своихъ читателей въ томъ, въ чемъ не имѣлъ случая убѣдиться самъ».

Ноги его дрожали, и онъ почувствовалъ, что слабѣетъ. Легъ на диванъ, зажмурилъ глаза и отъ тишины скоро уснулъ.

Ему приснился скептикъ Монтэнъ, который, склонивъ надъ нимъ свое лукавое лицо и приподнявъ указательный палецъ, предостерегалъ его отъ оцѣнки личности по ея общественному положенію.

— Постаментъ еще не есть статуя,—говорилъ Монтэнъ.

Раскинъ увидѣлъ въ этихъ словахъ намекъ на свое новое положеніе въ роли обманутаго мужа, хотѣлъ у него еще что-то узнать и пока обдумывалъ форму своего вопроса. Монтэнъ заторопился и исчезъ.

Раскинъ проснулся. Было послѣ десяти. Сквозь тишину двухъ смежныхъ комнатъ доносились негромкіе возгласы жены, упрекавшей въ чемъ-то кухарку.

Раскинъ всталъ, отыскалъ на столѣ спички и, стараясь не вслушиваться въ то, что происходитъ на кухнѣ, закурилъ папиросу. вмѣстѣ съ изжогой онъ ощутилъ тоску. А сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по кабинету, онъ почувствовалъ, что тоска тотчасъ же будетъ ослаблена, если онъ возьмется за перо.

Тогда онъ зажегъ электричество, сѣлъ за столъ и быстро-быстро началъ писать статью о томъ, что искусство жить неизмѣримо сложнѣе искусства писать.

В. Ирецкій.

Б О Г Ъ.

Было это царство богатое и древнее, славилось плодородностью женского пола и доблестью мужескаго. А помещалось царство въ запечѣ у почтальона Мизюмина. И былъ такой тараканъ Сенька — смутьянъ и оторвяжникъ первѣйшій во всемъ тараканьемъ царствѣ. Тараканихамъ отъ Сеньки—проходу нѣтъ; на стариковъ ему—начихать; а въ бога—не вѣрить.

— Да какъ же не вѣрить, безстыжіе твои глаза? Ты при свѣтѣ вылѣзь да зенки разинь. А то, ишь ты: нѣ-ѣту...

— А что-жь, и вылѣзу,—хорохорился Сенька.

И вылѣзь однажды. Вылѣзь—и ахнулъ: богъ-то вѣдь есть и правда. Вотъ онъ, вотъ: грозный, нестерпимо-огромный, въ тужуркѣ съ желтымъ кантомъ, богъ...

А богъ, почтальонъ Мизюминъ, чулокъ вязалъ: любилъ онъ этимъ рукоесломъ позаняться въ свободное время.

— А-а, другъ сердечный—тараканъ запечный, откуда ты, здравствуй!

Почтальону Мизюмину нынче выговориться обязательно надо, а больше, какъ съ Сенькою, не съ кѣмъ.

— Ну, братъ Сенька, женюсь я. Дво-рян-ка, пойми ты, тараканья душа, дворянская дочь, и приданаго полтора ста рублей! Охъ, и заживемъ же мы съ тобой! Заживемъ, Сенька? А?

А Сенька отъ умиленія глаза какъ вылупилъ—такъ и остался; всѣ слова позабылъ.

У Мизюмина свадьба—на Красную Горку, и заказала ему невѣста, чтобъ до свадьбы обязательно купилъ себѣ новыя калоши. А то чистый срамъ: ужъ который годъ носить Мизюминъ отцовскіе кожаные скробыхалы, номеръ четырнадцатый. И какъ только Мизюминъ на улицу—сейчасъ же за нимъ мальчишки:

— Э! Э! Скробыхалы! Скробыхалы! Держи! Скробыхалы!

Навязалъ Мизюминъ чулокъ—и на предблаговѣщен-

скій торгъ пошелъ: чулки продать—новыя калоши купить. Подвернулись Мизюмину щеглы въ клѣткѣ: не щеглы—заглядѣнье.

«Семь-ка я лучше щеглять куплю? Калоши-то еще крѣпкя...»

Купилъ клѣтку, поднесъ невѣстѣ въ презентъ:

— Вотъ, чулки связаль—продаль, щеглять вамъ купилъ. Не побрезгуйте ужъ: отъ чистаго сердца.

— Ка-акъ? Чулки? И опять въ скробыхалахъ? Ну, нѣ-тъ, терпѣнья больше нѣту. Подумать только: за чулошника замужъ! Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, и никакихъ разговоровъ.

Прогнала Мизюмина съ глазъ долой. Надрызгался въ трактирѣ Мизюминъ, вернулся домой пьянь-пьянехонекъ, за стѣны держится...

А на стѣнѣ—ждалъ бога тараканъ Сенька: умиленно слушать, какъ всякій вечеръ, что скажетъ богъ.

Горькими слезами хлюпалъ, шарилъ рукой по стѣнѣ почтальонъ Мизюминъ. И ненарокомъ какъ-то задѣлъ пальцемъ Сеньку, полетѣлъ Сенька торчмя головой въ тартарары въ бездонное.

Очнулся: на спинкѣ лежитъ. Берега—гладкіе, скользкіе; глубь—страшная. Еле-еле, далеко гдѣ-й-то, потолокъ видень...

И взмолился Сенька своему богу:

— Вызволи, помоги, помилуй! нѣтъ, глубь такая—и богу, должно быть, не достать, такъ тутъ и сгинешь.

...Горькими слезами хлюпалъ почтальонъ Мизюминъ:

— Сенька, Сенюшка, одинъ ты у меня остался... И гдѣ же ты... и куда жъ я тебя...

Нашелъ Сеньку Мизюминъ въ своемъ скробыхалѣ. Пальцемъ выковырнулъ Сеньку изъ бездны—скробыхала номеръ четырнадцатый—и на стѣну посадилъ: ползи. А Сенька и ползти не можетъ, прямо очумѣлъ: до чего нестерпимо-великъ богъ, до чего милосердъ, до чего могущественъ!

А богъ, почтальонъ Мизюминъ, хлюпалъ и хлюпалъ...

Е. Замятинъ.

Д Ъ Я Ч О К Ъ .

Слыхано ли, чтобъ кто-нибудь по выигрышному билету выигрывалъ, да не по газетѣ, а взаправду, такъ, чтобъ и деньги выдали? А вотъ выигралъ же кураповскіи дьячокъ, Романъ Яковличъ Носикъ, и вчерашняго числа получилъ въ казначействѣ пять тысячъ. Теперь—чисто царь: все можетъ.

Романъ Яковличъ Носикъ—сложенія деликатнаго, и мысли у него—деликатныя, возвышенныя: насчетъ облаковъ, стиховъ господина Лермонтова. А въ кураповской церкви—милѣе всего дьячку—Моисей на горѣ Синайской, въ облакахъ алыхъ, золотыхъ и лилейныхъ.

Всю ночь дьячокъ ворочался съ боку на бокъ: и то хорошо, и это неплохо, да надо что-нибудь такое повозвышеннѣй. И никакъ не придумать.

Пошелъ утромъ въ церковь, Моисею-пророку помолиться. Только увидалъ Романъ Яковличъ нестерпимую синь синайскую и на самой маковкѣ изъ облаковъ золотыхъ нездѣшній градъ—сразу и осѣнило.

Прибѣжалъ къ дьячихѣ:

— Ну, мать, собирайся. Нонче выѣзжаемъ.

— Да ты спятилъ, что ли? Куда тебя буревая несетъ?

А дьячокъ отъ волненія ужъ вовсе невнятенъ:

— Жа-жалаю, чтобъ, значть, к-какъ Моисей... на горѣ Синайской...

Ѣхали, Ѣхали, текала, охала, пилила дьячка всю дорогу дьячиха. ПриѢхали, стой: Кавказъ называемый. Гора—Синайская, двѣ капли воды, и зацѣпились за маковку неописанной красы облака.

Только хотѣлъ дьячокъ на колѣни пасть—глядь, стоитъ телѣга парой, на грядущкѣ—солдатъ кривой:

— Пожалте, Романъ Яковличъ, я за вами.

— Чего такое? Кто послалъ? Куда?

— А на маковку, въ облака въ самыя... — и такой у кривого солдата глазъ пронзительный, такъ насквозь и низаетъ.

«Либо это мнѣ — съ горы ангель, либо — оттуда

яггелъ. А ѣхать—все равно надо...»—сѣлъ Романъ Яковличъ съ дьячихой въ телѣгу—и покатили.

Сорокъ дней-сорокъ ночей на маковку ѣхать. Дьячиха—знай себѣ—подзакусываетъ да чай съ молокомъ пьетъ. А дьячокъ будто къ причастію, не пьетъ—не ѣстъ, исхудаль, лицомъ посвѣтлѣлъ. Ужъ будто видать и соборы синекупольные, и зубцы бѣлые, и завтра Романъ Яковличъ, какъ Моисей...

Подъ сороковой день ночью на постояломъ лошадей кормили.

— Ну, завтра—чуть свѣтъ пріѣдемъ...—и показалось, кривой солдатъ подмигнулъ:—Время есть, можетъ, назадъ повернуть?

— Что ты, кривой, Господи помилуй? На самый на послѣдокъ—да повернуть?

Закрылись веретемъ да сверху армякомъ дьячковымъ, улеглись въ телѣгѣ дьячокъ съ дьячихой, погналъ лошадей солдатъ. Дьячиха давно ужъ храпитъ, а дьячку—не до сна, сердце колотится, а нарочно глаза закрылъ: потуда не откроетъ, покуда не осіаетъ нестерпимая синь синайская, не зазвонятъ въ соборахъ, не запоютъ голоса нездѣшніе...

И случился грѣхъ: уморился ждать, задремалъ дьячокъ, какъ и пріѣхали, не учуялъ. Только слышитъ—гаркнулъ кривой солдатъ:

— Вставай, Романъ Якличъ, пріѣхали!

Сталъ дьячокъ глаза разожмуривать, потихоньку-потихоньку, чтобъ не ослѣпнуть. Раскрылъ: мга, изморось, осень, слякоть...

— Ты чего жъ, кривой, брешешь, чортовъ сынъ? Пре-ѣ-хали!

— А это самыя облака и есть, другъ ты мой Романъ Якличъ...—да какъ загогочетъ—и пропаль, и нѣтъ никого: одна изморось, мга, туманъ.

Е. Замятинъ.

П Е Т Ъ К А .

Подарили Петькѣ игрушку: голубоглаза, маленькія ручки, шелковые кудри, разныя тамъ кружева да прошивки. А ужъ это-то какъ замѣчательно: нажать хорошенько— и сейчасъ тебѣ скажетъ «лю-блю», да еще и глазки голубые закатить.

Играть бы да играть Петькѣ, да родителей благодарить: не всякому такія игрушки дарятъ. Такъ вотъ нѣтъ же: глупый мальчишка, больно ужъ уменъ не въ мѣру. День поигралъ, другой. На третій—пожалуйте:

— Отчего глазами такъ дѣлаешь? Отчего пахнетъ хорошо? Отчего «лю-блю»?

Перочинный ножичекъ, да вспоролъ, да до всего и добрался, отчего что.

А только ничего интереснаго: для томныхъ глазъ—шарики какіе-то свинцовые; подъ розовымъ атласомъ—кожей—гнилыя опилки; для «лю-блю»—резиновый пузырь съ дудкой.

Зашили потомъ родители кое-какъ, да ужъ не то: «лю-блю»-то ужъ не умѣетъ дѣлать.

Петьку выдрали, да и стоитъ. Глупый мальчишка: будеть знать, какъ игрушки портить. Говорено сколько разъ: игрушки—для игры, а не хочешь играть, дрянъ-мальчишка, отдай другому. А то, ишь ты: внутри ему глядѣть надо, ломать ему надо.

— Не ломать, не ломать, не лома-ать!

Такъ его.

Е. Замятинъ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Анна Павловна Шестова, радостная, взволнованная, вбѣжала въ купѣ международнаго вагона еще задолго до отхода поѣзда и, наскоро отпустивъ носильщика, стала поспѣшно, цѣпляясь за шпильки и путая вуаль, снимать шляпу.

На душѣ было мятежно, но приятно и свѣтло, какъ случается въ дни неожиданной, шальной удачи: не вѣрилось, что въ этомъ тугомъ рыжемъ саквояжѣ, который съ трудомъ улегся въ сѣтку, запрятаны документы длительного, замучившаго ее и благополучно оконченнаго развода; не вѣрилось, что больше не надо сидѣть въ пыльных унылыхъ консисторскихъ приѣмныхъ, отвѣчать на стыдные вопросы, слышать опротивѣвшій голосъ мужа, смотрѣть въ его злые, но все-таки жалкіе, собачьи глаза...

Аннѣ Павловнѣ хотѣлось зажмуриться и въ сотый разъ себѣ представить, что она, свободная и счастливая, ѣдетъ къ красивому прокурору Хвалынскому, чтобы обвиняться съ нимъ просто и торжественно въ губернаторской домовоѣ церкви; настойчиво плыла передъ глазами картина вѣнчанья: золотой, колеблющійся вѣнокъ свѣчей передъ аналоемъ, алый квадратъ подножки на полу, бѣлый тюль вокругъ плечъ... Но вокзальный торопливый шумъ, вливаясь гулкой волной въ опущенное окно, путалъ ходъ мыслей. Съ опасеніемъ и тревогой посматривала Анна Павловна на дверь. Хотѣлось весь долгій вечеръ сидѣть одной въ этомъ мягкомъ купѣ съ ослѣпительнымъ электрическимъ тюльпаномъ, изогнувшимся надъ дверью на мѣдномъ стеблѣ, съ золотыми кружками гвоздей, разсыпанныхъ по стѣнамъ, съ зоркимъ зеркаломъ, въ которомъ улыбалось ея блѣдное, усталое лицо, и, прислонившись къ спинкѣ дивана, думать о Хвалынскомъ съ тѣмъ нѣжнымъ волненіемъ, отъ котораго сладко кружится голова, а руки и ноги дѣлаются лѣнивыми и легкими, какъ въ ваннѣ...

Когда раздался второй звонокъ, въ коридорѣ вдругъ

заспорили дѣловые голоса, послышалась возня, кряхтѣнье, дверь съ грохотомъ отлетѣла, въ купѣ протиснулись два носильщика, нагруженные вещами, а за ихъ спинами молодой женскій голосъ прокричалъ взволнованно и властно:

— Да вы, поживѣй... живѣй... голубчики... коробокъ-то наверхъ поставьте—крышку проломите... да выше... выше забирайте... вотъ такъ!... и въ дверь купѣ юркнула маленькая, полная и запыхавшаяся женщина. На ней было сѣренькое дорожное, обѣуженное на груди пальто, на руку была одѣта корзинка персиковъ, точно она только что пришла съ базара, а изъ-подъ отвислыхъ полей соломенной шляпки съ лохматымъ страусовымъ перомъ виднѣлись круглые, бойкіе глаза и прядки растрепанныхъ черныхъ волосъ.

Женщина, закинувъ голову, торопливо принялась считать пакеты, махая по воздуху пальчикомъ въ порванной перчаткѣ,

— Всѣ тутъ... ну, слава Богу!—и она рылась въ кошелькѣ, отсчитывая мелочь.

Раздался звонокъ, свистки, вагонъ мягко тронуло, точно для того, чтобы всѣ люди и вещи улеглись на свои мѣста, за окномъ поплыли голубые шары электрическихъ фонарей, столбы, освѣщенные полотнища станціонныхъ оконъ.

Анна Павловна враждебно разсматривала свою спутницу. «Портниха... купчиха, навѣрно»... недовольно подумала она, но сейчасъ же поймала себя на темной мысли, вспомнивъ, что всѣ люди равны, кѣмъ бы они ни были, а женщины обязаны помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ жизни, вспомнила, что Хвалынскій какъ-то назвалъ ее «мудрой головкой», и, разомъ смягчившись, сказала съ легкой насмѣшкой:

— Однако, вещей у васъ...

Женщина встрепенулась.

— Одиннадцать мѣстъ, корзиночка двѣнадцатая,—виновато улыбаясь, сказала она.—Въ эдакой вагонъ и пускать ихъ проводникъ не хотѣлъ... еле уломала! Ужъ очень тяжелы вещи у меня—полотно... Поставки, знаете ли, лазареты, заказы господъ офицеровъ, а въ городѣ полотно вокругъ пальца не обернешь—нѣту! Изъ Москвы багажомъ не идетъ, товаромъ нельзя, почтой—дороже глазъ... хотъ плачь! Вотъ въ ручномъ кое-что и везу...

Она говорила быстро и складно, разбирая вещи и ловко швыряя въ сѣтку шляпку и перчатки.

— Вы по дѣламъ въ С., или на жизнь?—съ любопытствомъ спросила она, усаживаясь на диванъ и расправляя быстрыми маленькими руками смятые рукава кофточки.

Аннѣ Павловнѣ очень хотѣлось сказать, что она ѣдетъ къ жениху, что разводъ конченъ и скоро свадьба, но вмѣсто этого, она прищурила свои большіе сѣрые глаза и отвѣтила небрежно:

— Я по дѣламъ... такъ... не надолго. А вы?

— Я торгую тамъ полотномъ, бѣльемъ, и всякимъ бѣлымъ товаромъ. На Соборной площади полотнянщикъ Иванъ Ивановичъ Хохловъ и сынъ—это я и есть. Фирма покойнаго свекра, а я, Любовь Степановна Хохлова, торгую,—бойко и словоохотливо рассказывала спутница.

— Неужели одна торгуете?—удивилась Анна Павловна.

— Одна. Что же удивительнаго? Дѣло мое, на мои деньги у свекрови перекуплено. Хочу наживу, хочу проживу. Мужъ въ дѣло не вошелъ: здоровья онъ слабаго, не надежный, лѣчится все, работать ему нельзя... Долго у него болѣзнъ какая-то... Вотъ я волчкомъ одна и выюсь...—говорила она пріятнымъ солиднымъ говоркомъ, по-дѣтски широко мигая усталыми глазами, и хлопотливо перерывала дорожную сумочку.

— Счетовъ-то, счетовъ у меня! Все свѣрить нужно. Ужъ вы простите, задержу я васъ со спаньемъ немножко...—продолжала Любовь Семеновна и вытряхнула изъ сумочки на колѣни себѣ охапку бумажекъ.

Воцарилось молчаніе, только слышно было, какъ тяжелыя колеса вяжутъ свой непонятный разговоръ и однообразно поскрипываютъ на ходу стѣнки вагоновъ.

Анна Павловна усѣлась въ углу, скрестила свои тонкія длинныя ноги и разглядывала спутницу. Эта маленькая купчиха съ большими живыми глазами, веселымъ крѣпкимъ ртомъ, свѣжая, сильная, красивая, почему-то безпокоила ее и волновала. Хвалынскому, конечно, она бы не понравилась; онъ нашелъ бы ее грубой и остроумно вышутить, но Аннѣ Павловнѣ, глядя на нее, вспомнились вечера въ кружкѣ «Матерей-Искательницъ», гдѣ такъ много спорили о женскомъ трудѣ, жаркіе споры на докладѣ о «Вредномъ вліяніи теремовъ», хотѣлось найти въ памяти еще что-то важное, прочитанное по женскому вопросу, но, только припомнилось, что Хвалынскій въ день доклада провожалъ ее домой. Была морозная ночь, падалъ свѣжій пухлый снѣгъ, далеко за Невой

фонари казались посаженными на булавки золотыми жуками, сани съ гуломъ пустой бочки отлетали на раскатахъ. Хвалынскій говорилъ, наклоняясь къ ней: «красивые женскіе глаза убѣдительнѣе всѣхъ рѣчей», а когда сани поравнялись со зданіемъ окружного суда и мрачнымъ взводомъ пушекъ, онъ внезапно поцѣловалъ ея руку въ мокрой отъ снѣга перчаткѣ и сказалъ, что онъ ее любитъ. Тогда же они повернули извозчика и поѣхали въ ресторанъ, и здѣсь, въ красномъ съ золотомъ кабинетѣ, говорили о любви, измѣнѣ и разводѣ, пили и цѣловались, потомъ катались на островахъ и, когда на обратномъ пути, усталая и поблекшая отъ безсонной ночи, она стала жаловаться на мужа тихимъ, ребячьимъ голосомъ, съ Невы текла уже желтая сырая муть зимняго талаго разсвѣта...

Лишь только мысли докатились до этой памятной ночи, Аня Павловна не захотѣлось больше думать ни о женскомъ вопросѣ, ни о необычной спутницѣ...

— Вотъ я и кончила, — щелкнула Любовь Семеновна растопыренными пальчиками по кипѣ счетовъ.—Расходовъ, расходовъ было въ Москвѣ, какъ подсчитаешь,—и она качала головой и принялась пихать бумаги въ сумку.—Все, вѣдь, самой надо дѣлать... Не поѣзжай я сама въ Москву, стоило бы вдвое...—дѣловито прибавила она.

Анна Павловна подумала о своей растерянной безпомощности при разводѣ и недовѣрчиво сказала:

— А вы не думаете, что васъ легко обмануть?

— Когда дѣло знаешь—не обмануть,—просто и серьезно отвѣтила молодая женщина. — Конечно, если, какъ свекровь моя, сидѣть за кассой, да кричать приказчику: «Ваня, а Ваня! Дадено десять, въ кассу пять сорокъ... Сколько сдавать?» Такъ какая ужъ это торговля? Балаганъ! Зато, когда сама поставщиковъ знаешь, а товаръ въ полкахъ словно горитъ, а покупатель въ дверь валитъ, такъ, вѣрите ли, стоишь за кассой, сердце стучитъ, а придешь домой къ дѣтямъ, къ мужу, словно проснешься... себя спрашиваешь: да не сонъ ли мнѣ снится? Вотъ до чего!

Она покраснѣлась, засмѣялась своимъ словамъ, потянулась и сладко зѣвнула.

— Выспаться бы теперь хорошенько! Пять дней по Москвѣ крутилась... да какъ! Впопыхахъ ѣсть-пить не успѣвала...

— Я выйду, раздѣвайтесь,—сказала Шестова.

— Да я не стыжусь. Одиѣми ножницами, вѣдь, насъ съ вами кроили,—и она растегивала уже юбку.

Анна Павловна усмѣхнулась, но все же вышла въ коридоръ и сѣла въ проходѣ у окна. «Чудачка какая-то»,—подумала она.

Въ этотъ поздній часъ въ коридорѣ было пустынно, пассажиры уже спали. Хлопала незапертая на площадку дверь, выпуская въ коридоръ пыльную струю вѣтра; тусклый свѣтъ рѣдкихъ лампочекъ блеклыми пятнами лакировалъ стѣны, бился о стекла оконъ. Тамъ за стекломъ клубилась черная дымная ночь, разлетались по вѣтру красныя искры и было приятно, прислонившись къ окну, смотрѣть, какъ онѣ вспыхиваютъ, кружатся и гаснутъ на лету, словно маленькія огненные бабочки.

Скрипнула дверь и въ щелку Любовь Семеновна прокричала, что она уже раздѣлась. Шестова нехотя встала и вошла въ купѣ.

На верхней постели, на красномъ одѣялѣ, вся освѣщенная электрическимъ рожкомъ, свѣсивъ круглыя бѣлыя ноги съ розовыми пятками, въ мятой коротенькой рубашкѣ сидѣла Любовь Семеновна и повязывала на ночь голову ярко краснымъ въ бѣлыхъ горошинахъ фуляровымъ платкомъ. Круглая, гладкая, съ черными блестящими глазами, она походила на большую, красивую курицу, взлетѣвшую на насѣсть.

Шестова покосилась на ея ноги, на бойкіе улыбающіеся глаза и, стѣсняясь любопытнаго взгляда, стала торопливо раздѣваться, придерживая спадающее платье. На полъ скользнули корсетъ, ворохъ прозрачнаго бѣлья, перепутанные концы лентъ. Безпокойно запахло духами, пудрой, глаженнымъ бѣльемъ...

Почесывая плечи скрещенными руками, Любовь Семеновна внимательно смотрѣла сверху, наклонивъ голову. Она видѣла не разъ, какъ продавали въ ея магазинѣ партіями воздушныя тонкія рубашки, изъ которыхъ каждую, кажется, можно запихать въ ручную сумочку, но никогда она не задумывалась и не пыталась представить себѣ тѣхъ женщинъ, которыя ихъ носятъ, покупаютъ, примѣряютъ, и теперь, разглядывая Шестову, ея тонкія, легкія руки въ кольцахъ, пушистые волосы, нѣжныя плечи, блѣдное лицо съ большими холодными, какъ льдинки, глазами, она испытывала чувство восхищенія и неодолимой враждебности, съ

которыми часто красивыя женщины смотрятъ другъ на друга. Ей нравилось, какъ умѣло, ловко Шестова двигается, раздѣвается, копошится въ своихъ вещахъ,—совсѣмъ не такъ, какъ она сама привыкла дѣлать, и, когда вдругъ словно впервые замѣтивъ, Любовь Семеновна взглянула на свою обнаженную грудь, на руки, на простенькую смятую рубашку, она вспыхнула до ушей, разомъ подобрала ноги и укрылась одѣяломъ по самыя плечи.

— Какая вы... франтиха,—помолчавъ, съ холодкомъ и разстановкой сказала она.

Анна Павловна смутилась.,

— Ну, это же все старыя тряпки... Вотъ теперь все заново буду заказывать,—и она, не доведя роли до конца, словно забывъ про неотвязчиваго суфлера, стала рассказывать о разводѣ, предстоящемъ бракѣ, о женихѣ, и вънчани...

— Право, бракъ очень серьезный шагъ, надо разобраться въ человѣкѣ, ахъ, какъ разобраться!.. Ужъ теперь я не ошибусь,—разсуждала, оживившись, Анна Павловна, расчесывая пышные, измученные завивкой волосы.—Мой будущій мужъ—прокуроръ, человѣкъ очень умный, очень культурный,—помолчавъ, прибавила она,—чудесный собесѣдникъ, коллекционеръ: онъ собираетъ старинное турецкое оружіе и монеты; я же обожаю живопись, гравюры. Мы сошлись во вкусахъ: оба любимъ общество, театръ, музыку, искусство, словомъ, все красивое въ жизни. Вотъ кончится война, поѣдемъ путешествовать... Музеи, природа, развалины, раскопки... Какъ все это облагораживаетъ людей! Безъ красоты не проживешь... Все остальное—скучныя будни, сѣрая проза. Однако, сколько женщинъ этимъ довольствуется! А пройдетъ жизнь—вспомнить нечѣмъ...

И Анна Павловна дала волю своему настроенію удачи, освобожденія, радости, которое владѣло ею весь вечеръ, и говорила еще много о предстоящей ей умной, необычной жизни.

Подперевъ щеки руками, Любовь Семеновна слушала, затаивъ дыханіе, сдвинувъ брови. На ея щекахъ выступили два круглыхъ красныхъ пятнышка и ползли къ маленькимъ розовымъ ушамъ.

— А дѣти-то есть?—внезапно спросила она.

— Нѣтъ... и не было: не хотѣла себя связывать...—про-

сто сказала Шестова и, небрежно зашпиливъ волосы, стала укладываться въ постель.

«Не хотѣла и не было...—подумала Любовь Семеновна.—Мужъ не понравился, перемѣнила... просто какъ!»—и она пристально, съ любопытствомъ, смотрѣла на Шестову. Ей очень хотѣлось завести съ ней одинъ изъ тѣхъ откровенныхъ, не стыдныхъ разговоровъ, которые часто возникаютъ между замужними женщинами, но Шестова лежала такая холодная, занятая собой, чужая и важная, съ кружевной оборкой халата вокругъ тонкой шеи, ловко натягивая на руки коротенькія сѣрыя перчатки, что у Любовь Семеновны не хватало духу. «Такая и не скажетъ»...—съ досадой рѣшила она, и снова злой огонекъ непріязни вспыхнулъ въ ея глазахъ.

— Какъ ладно вы устроились въ жизни... не всѣмъ такъ-то доведется...—помолчавъ, съ легкой дрожью сказала она.

Шестова подняла глаза къ потолку и сощурилась на электрическій тюльпанчикъ.

— Все зависитъ отъ точки зрѣнія; можно изъ своей жизни сдѣлать и поэму, и скверный анекдотъ...—повторяя брошенные кѣмъ-то слова, глубокомысленно промолвила она.

Изъ послѣднихъ словъ Любовь Семеновна поняла только одно, что этой счастливой женщинѣ живется гладко, ловко, нарядно и легко, безъ тѣхъ тугихъ, путаныхъ узелковъ, которые въ жизни накручиваются другъ на друга, какъ на дешевомъ полотнѣ, и что Шестовой она показалась несчастной, глупой и смѣшной... Любовь Семеновна растерянно взглянула на свой багажъ, набитый въ сѣтки до самаго потолка, на прожженную солнцемъ шляпу, съ ползающимъ по стѣнѣ пыльнымъ страусовымъ перомъ, на сумочку съ раздутыми кожаными щеками, запрятанную подъ край подушки, и маленькія, обидныя, злыя, какъ овода, мысли зажжужали въ головѣ, больно впиваясь въ сердце...

— Давайте спать! Что же намъ сидѣть...—она рѣзко оборвала разговоръ, надвинула платокъ на самые глаза и стала укладываться подъ одѣяло.

— Тушить свѣтъ?—спросила Шестова.

— Тушите.

Любовь Семеновна отвернулась къ стѣнкѣ, укуталась и затихла.

Стало темно и сразу душно, какъ въ сундукѣ. Анна Павловна лежала, закрывъ глаза, размышляя о томъ, что ея жизнь с ѣ новымъ мужемъ будетъ интересна и красива и что эта маленькая дѣловая женщина со своими денежными хлопотами никогда ее не пойметъ, потому что для этого нужно образование и утонченность чувства... Здѣсь изъ паутины серьезныхъ мыслей, выплыло лицо Хвалынскаго, съ тонкимъ, горбатымъ профилемъ и острой, подстриженной, слегка сѣдѣющей бородой; онъ наклонялся къ ней и цѣловалъ ея руки въ мокрыхъ, снѣжныхъ перчаткахъ, потомъ мысли стали разрываться, кружиться, наскакивая другъ на друга, и все исчезло...

Любовь Семеновна не спала, ворочалась и вздыхала. Она думала о счастливой встрѣтившейся ей женщинѣ, о ея умѣнии жить, о разводѣ и женихѣ, и ей стало вдругъ мучительно, крѣпко, до слезъ жаль себя... Вспомнились домъ, дѣти, пятна на скатерти, игрушки, разбросанныя по всѣмъ комнатамъ, приказчики въ запачканныхъ жилеткахъ, разборъ счетовъ по ночамъ, порванные перчатки... Вспомнились блѣдная, виноватая улыбка мужа, его рѣдѣющіе виски, частый порывистый кашель, похожій на коротенькій смѣшокъ... и все слилось въ одну огромную горькую, невыносимую обиду, отъ которой сердце рвалось, стучало и слезы пищали въ горлѣ... «Въ свое время и я устроиться могла... прозѣвала...»—въ смятеніи думала она, и ей вспоминался памятный день въ ея жизни, о которомъ она давно перестала вспоминать.

Стоитъ она въ огромномъ мануфактурномъ складѣ на Варваркѣ... Все кругомъ чисто, свѣтло, хозяйственно... Всюду навалены груды товару... Въ широкое заледенѣлое окно видны: снѣжная, солнцемъ залитая, улица, хребты низенькихъ крышъ Зарядья, кирпичные мясисто-красные бока домовъ... Крутой злобный дымъ опарой льется изъ трубъ, пузырями вздулись купола церквей, воткнувъ въ сверкающее голубое небо золото своихъ крестовъ... а она стоитъ, смущенная и красная до ушей, передъ прилавкомъ въ куньей шубкѣ, въ бобровой шапочкѣ, надвинутой на самыя брови съ пачкой сторублевокъ въ рукахъ и говоритъ нетвердымъ голосомъ:

— Вотъ расчитаться я къ вамъ, Евграфъ Ивановичъ, зашла... Въ прошлые пріѣзды я забрала у васъ полотна Вахрамѣевскаго, да вотъ еще бумазеи, да канифасу...—и она

неловкими, путающимися движеніями отсчитываетъ деньги, безпрестанно сбиваясь; и кажется ей, что сейчасъ все равно: обсчитать себя, дать лишку, оставить здѣсь всю пачку... только бы постоять противъ этого большого, широкоплечаго человѣка съ голубыми ласковыми глазами, волнистой русой бородой, чувствовать, что радъ онъ ей, видѣть, какъ улыбаются его губы подъ рыжеватыми усами, смѣлые глаза, золотой брелокъ шарикомъ на ловко застегнутомъ жилетѣ, пучеглазый бриллиантъ на мизинцѣ... и крѣпко, безстыдно надѣяться, что онъ захочетъ и найдетъся, и скажетъ вдругъ сегодня какія-то нужныя заколдованныя слова, послѣ которыхъ не уѣхать ей изъ Москвы...

Евграфъ Ивановичъ привычнымъ движеніемъ хозяина сгрѣбаетъ деньги въ кучу и говоритъ шутивно:

— Складно съ вами всегда дѣла дѣлать, Любовь Семеновна. Ужъ очень вы доточная...

Потомъ, въ то время, какъ провѣряютъ ея счетъ въ книгахъ, онъ угощаетъ ее чаемъ съ упругими, словно резиновыми, калачами, и она сидитъ въ тѣсной конторѣ въ глубинѣ склада и пьетъ горячій, жидкій чай, обжигая губы и пальцы, а Евграфъ Ивановичъ, опершись о столъ сильными руками, стоитъ противъ нея, большой и красивый, шутить надъ ея заботливыми платежами, осторожнымъ кредитомъ и одинокими хлопотами и, не спуская съ нея пристальныхъ улыбающихся глазъ, спрашиваетъ, надолго ли въ Москву, и гдѣ остановилась, и одна ли пріѣхала. А когда счетъ подписанъ, застегнута шубка, и надо прощаться, онъ беретъ ея руку своими большими, тяжелыми руками и, глянувъ украдкой по сторонамъ, говоритъ тихо и странно-медленно:

— Вы бы меня когда вечеркомъ чаемъ угостили... Или мужу зарокъ давали одинешенькой въ Москвѣ просидѣть?.. Я вотъ тоже одинъ... семья въ Ярославль уѣхала... Такъ какъ же, Любовь Семеновна, позовете?

Отъ этихъ словъ и жаднаго взгляда становится стыдно, пріятно и жарко до духоты, и она смущенно киваетъ головой и бормочетъ что-то нескладное про мужа, а когда, весело хлопнувъ оледенѣлой дверью съ прожженной морозомъ ручкой, она стоитъ на подъѣздѣ и бѣлая мягкая улица съ тихимъ шорохомъ саней летитъ стремглавъ мимо ногъ ея къ самому Кремлю, ей хочется плакать отъ радости и, распахнувъ шубку, идти пѣшкомъ на край Москвы...

Такъ длилось два дня, а когда наступилъ моментъ позвать его и она представила себѣ до мелочей, какъ онъ придетъ къ ней въ номеръ гостиницы и начнетъ ласкать ее, останется на ночь и выйдетъ, крадучись, на зарѣ, съ поднятымъ воротникомъ, когда вспомнила злые слухи, что у него есть содержанка и несчастная жена, она, промучивъ себя всю ночь, на утро, наскоро собравъ вещи, уѣхала на вокзалъ съ мутными отъ бессонницы, испуганными глазами... А весной встрѣча уже не радовала: Евграфъ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее холоднымъ, нѣмымъ взглядомъ, говорилъ съ ней о цѣнахъ и скидкахъ жесткимъ, степеннымъ голосомъ хозяина и все было кончено...

Теперь, вспомнивъ, что счастье, какъ пойманную птицу, она выпустила изъ рукъ, что, стоило рѣшиться, и этотъ любившійся человѣкъ съ ласковыми глазами ждалъ бы теперь всю ночь ея приѣзда, какъ, навѣрно, ждетъ свою невесту тотъ удивительный прокуроръ, Любовь Семеновна, раздавленная обидой, горечью и мучительной жалостью къ себѣ, сжалась въ комокъ и горько заплакала, пряча голову подъ одѣяло...

Уже была глубокая ночь, когда она, вволю наплакавшись, присѣла на постели, достала оцупью въ сумочкѣ свѣжій платокъ, поправила съѣхавшую косынку, покрѣпче закуталась и улеглась. Сквозь сонъ слышала она, какъ подошелъ поѣздъ къ станціи, какъ по платформѣ пробѣжали люди, какъ звонко стучали молоточкомъ по колесамъ и какой-то сильный, бодрый мужской голосъ властно кричалъ подъ самымъ окномъ:

— Что я тебѣ людей везу, али быковъ? Говорять тебѣ, качай воду въ вагонъ! Чѣмъ утромъ пассажира я умывать буду?!

Уже въ полуснѣ разслышала Любовь Семеновна эти слова. Громкій, властный окрикъ въ глухой тишинѣ ночи напомнилъ что-то близкое ей, привычное, нужное, неизбежное въ жизни... «Вотъ и этотъ человѣкъ по чужому дѣлу надрывается... не я одна»...—засыпая, подумала она.

Когда Любовь Семеновна проснулась, въ купѣ Шестовой не было. Шторка была поднята и за окномъ играло голубое утро... Широкия, солнечныя пятна расползались по стѣнамъ, по двери, по красному одѣялу, по голымъ рукамъ и, лутаясь въ зеркалѣ, зайчиками металась на потолкѣ. Любовь Семеновна однимъ взмахомъ соскочила внизъ, своимъ

маленькими, сильными руками ухватилась за раму окна, опустила стекло и высунула голову. Жарки вѣтеръ загудѣлъ въ ушахъ, краснымъ колпакомъ надувая платокъ на головѣ, обвѣвая шею...

На зеленыхъ нескошенныхъ лугахъ, густо вышитыхъ цвѣтами, кольхались высокія травы; голубымъ стекломъ сверкали крутыя петли рѣчки, заблудившейся среди зеленого простора, кисейными клочьями разлетѣлись по всему небу пухлыя облачка и въ немъ черными точками дрожали жаворонки...

«Вотъ благодать! А въ Москвѣ все дождь шелъ»...—подумала Любовь Семеновна, и сразу мысль добѣжала до вчерашнихъ слезъ. Отодвинувшись отъ окна, она взглянула въ зеркало на свои смѣшныя, припухшія, веселые глаза, на молодое лицо, сильныя плечи, на клочъ голубого неба и полосу дуга, захваченныхъ зеркаломъ, и тихо засмѣялась. «И съ чего это я такъ-то?»—покачала она головой. Сегодня вспоминалось почему-то одно, что Евграфъ Ивановичъ распутный, безсердечный человѣкъ, натѣшилъ бы и бросилъ ее, опозоривъ на весь городъ, а мужъ—добрый, заботливый и несчастный и, что, когда она пріѣдетъ домой, онъ обрадуется и засуетится, въ дѣтской надѣ корзинкой съ персиками поднимется оглушительно-веселый пискъ, а приказчики разведутъ руками, какъ удалось ей провезти столько полотна! Торопливо развязывая платокъ на головѣ, она стояла передъ зеркаломъ, улыбаясь, и снова чувствовала себя молодой, здоровой, хозяйкой своей маленькой судьбы.

Взошла Анна Павловна, уже одѣтая къ выходу, въ шляпѣ и вуали.

— Черезъ полчаса мы пріѣдемъ. Однако, долго вы спали...—сказала она и стала собирать вещи.

Любовь Семеновна пристально посмотрѣла на нее. Шестова казалась сегодня обычной женщиной, которыхъ встрѣчаешь въ трамваѣ, на улицѣ, въ церкви и которыя никогда не вызывали въ ней зависти. Даже робкимъ, смѣшнымъ и жалкимъ показались ей ея пылающее отъ волненія лицо, озабоченно опущенные уголки рта, часто мигающіе глаза, нервныя движенія, которыми она поправляла шляпу, шудрилась, одергивала юбку, поминутно глядя на часы.

«Бойтсѣя чего-то... не такъ-то просто мужей мѣнять»...—не спуская съ Шестовой испытующаго взгляда, подумала

Любовь Семеновна. «А вдругъ скажетъ ей прокуроръ: напрасно прѣхали и разводъ брали, не женюсь я на васъ! Вотъ тебѣ и турецкія ружья!»

Любовь Семеновна улыбнулась недоброй, мстительной улыбкой и стала хлопотливо одѣваться.

— Жарко же вамъ, я смотрю!—насмѣшливо воскликнула она, натягивая чулки на свои маленькія, толстыя ноги и, сощуривъ презрительно блеснувшіе глаза, прибавила,—словно не подѣ вѣнецъ къ жениху, а на смотрины ѣдете...

Шестова вспыхнула, нервно дернула узенькими плечами и пугливо взглянула на Любовь Семеновну.

— Здѣсь такъ жарко... нестерпимо жарко... можно задохнуться... — смущенно залепетала она и прижалась къ открытому окну.

Вдали, за желѣзнодорожнымъ мостомъ, показался бѣлый, облитый зноемъ городъ, вспыхнулъ соборъ въ розовой мути солнца и пыли, двинулись встрѣчу поѣзда фабричныя трубы, развѣвая по вѣтру свои черныя дымныя кудри, засвистѣлъ паровозъ протяжно и призывно, заработали тормоза...

Любовь Семеновна уже одѣтая, въ своемъ нескладномъ сѣренькомъ пальто и мятой шляпкѣ, стояла что-то обдумывая, порылась въ сумкѣ и тронула Шестову за рукавъ.

— Ну вотъ, доѣхали... прощайте, счастливаго законнаго брака...—просто и степенно сказала она.—А будете заказы съ новымъ мужемъ дѣлать, не забудьте; мы работу выполняемъ скоро, дешево, добросовѣстно и въ срокъ...—и она съ дѣловитой серьезностью протянула маленькій печатный бланкъ.

Анна Павловна холодно поблагодарила и машинально поднесла листикъ къ своимъ близорукимъ глазамъ: «Торговый Домъ И. И. Хохловъ и Сынъ. Полотно. Пикэ. Фасонэ...» Она не дочитала и небрежно запихала бумажку въ карманъ.

Мимо оконъ ползъ оборванный конецъ платформы, мелькали фартуки носильщиковъ, сверкнулъ жандармъ и медленно, устало, задыхаясь, привалилъ поѣздъ. Было видно, какъ Анна Павловна взволнованно машетъ тонкой рукой, и вспыхиваютъ и брызжутъ искрами ея кольца, какъ догоняетъ вагонъ, все удлиняя шаги, чтобы не побѣжать, высокій, худощавый господинъ съ горбатымъ профилемъ

въ судейскомъ кителѣ, а Любовь Семеновна суетится, хлопчетъ, смѣется, вываливая черезъ окно одинъ пакетъ за другимъ на руки молодому, бѣлобрысому приказчику въ картузѣ и сверкающихъ новыхъ сапогахъ.

Густой людской кашей выливался народъ изъ вагона, растекаясь по горячей платформѣ, а надъ туго набитымъ поѣздами вокзаломъ свѣтлымъ куполомъ замерло небо, свистѣли острокрылыя ласточки, шумѣли паровозы, а солнце огромное, могучее, полуденное выкатилось тяжелымъ сверкающимъ золотымъ мячомъ на середину неба надъ самымъ шпилемъ вокзала и сіяло, и жгло, не разбираясь, рады ли этому люди...

Т. Таманинъ.

РАЗСКАЗЪ О КАТОРЖНИКЪ ФЕДОРОВЪ.

Ненапечатанная глава романа „Воскресеніе“.

Разсказъ о каторжникѣ Федоровѣ сохранился въ архивѣ В. Г. Чертова среди многочисленныхъ рукописей «Воскресенія». По первоначальному плану онъ входилъ въ тѣ главы III-й части, которыя при послѣдней нумерации названы двадцать пятою и двадцать шестою, и описываетъ посѣщеніе Нехлюдова вмѣстѣ съ путешественникомъ-англичаниномъ сибирскаго острога, гдѣ находилась Катюша Маслова. При дальнѣйшей обработкѣ разсказъ этотъ постепенно видоизмѣнялся и, наконецъ, былъ выброшенъ совершенно, такъ что въ общеизвѣстномъ текстѣ нѣтъ и упоминанія о Федоровѣ; въ печати сохранилось только вступленіе къ нему — описание осмотра англичаниномъ острога и раздача заключеннымъ Евангелій, которое примыкаетъ къ разсказу о старикѣ-старообрядцѣ. Эпизодъ съ Федоровымъ, очевидно, взятый Толстымъ изъ дѣйствительной жизни, включенъ имъ, но въ совершенно иной обработкѣ, въ «Фальшивый купонъ», гдѣ Федорова можно сблизить съ Степаномъ Пелагеюшкинымъ. Изъ вариантовъ разсказа о Федоровѣ представленъ здѣсь первый, сохранившійся въ подлинной рукописи Л. Н. Толстого.

В. С.

* * *

Острогъ, съ первыхъ же шаговъ послѣ свѣта, чистоты и избытка, того, что было въ домѣ губернатора, произвелъ на Нехлюдова еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, тяжелое впечатлѣніе. Смотритель, прочтя записку, тотчасъ же сталъ называть Нехлюдова «Ваше сіятельство» и предложилъ ему и англичанину во всемъ свои услуги.

— У насъ не совсѣмъ благополучно,—сказалъ онъ,—сходятся съ двухъ трактовъ партіи, и бываетъ переполненіе. Замокъ построенъ на 700 душъ—у насъ теперь 1.720. Такъ что болѣютъ. Куда же прикажете: къ пересыльнымъ или угодно пройти къ каторжнымъ?

Англичанинъ пожелалъ пройти прежде къ каторжнымъ, и они вошли въ коридоръ.

Нехлюдовъ привыкъ уже къ острожнымъ запахамъ испражнений, мочи и дегтя, но и его ошеломила особенная

удушливость воздуха въ этомъ коридорѣ. Въ то время, какъ они входили, въ самомъ коридорѣ, прямо на полъ мочились два человѣка, въ однихъ рубахахъ и порткахъ. Смотритель крикнулъ на нихъ, и они, тремя кандалами, вернулись въ камеру. Въ камерѣ нары были въ серединѣ, и арестанты лежали голова съ головами, какъ сельди въ бочекѣ. И въ небольшой камерѣ ихъ было человѣкъ 70. Вонь была ужасная. Всѣ, гремя цѣпями, вскочили и встали у наръ, блестя своими бритыми полуголовами, остались лежать только двое. Одинъ былъ молодой человѣкъ красный, очевидно, въ жару, другой старикъ, тоже сильно больной. Англичанинъ спросилъ, давно-ли заболѣлъ молодой арестантъ. Смотритель сказалъ, что съ утра, старикъ же уже давно хворалъ животомъ. Англичанинъ неодобрительно покачалъ головой и сказалъ, что онъ желалъ бы сказать этимъ людямъ нѣсколько словъ, и попросилъ Нехлюдова перевести то, что онъ скажетъ, и онъ началъ рѣчь. Рѣчь его состояла въ томъ, что Христосъ, жалѣя людей, далъ всѣмъ возможность спасенія.

— О, скажите имъ, что Христосъ жалѣлъ ихъ и любилъ. Въ этой книгѣ, скажите имъ, все это сказано.

Онъ вынулъ изъ ручного мѣшка переплетенный Новый Заветъ, и жадныя, жесткія, широкія руки изъ-за посконныхъ рукавовъ потянулись къ нему, отталкивая другъ друга. Онъ роздалъ 6 Евангелии, и они пошли дальше.

Въ другой камерѣ пѣли пѣсни такъ, что не слышали грохота отворяемыхъ дверей. Смотритель постучалъ въ дверь.

— Я те запою! — крикнулъ онъ, — смирно!

Опять, какъ только отворили дверь, какъ и въ первой камерѣ, всѣ вскочили и стали, вытянувъ руки, передъ нарами. Англичанинъ точно такъ же сказалъ ту же рѣчь и такъ же далъ 6 Евангелий. Въ третьей камерѣ слышались крики и возня. Смотритель хотѣлъ выступить впередъ, но англичанинъ попросилъ позволенія посмотреть въ оконце двери потихоньку. Смотритель согласился было, но послышались удары, драки, шлепанья и ревъ, и смотритель застучалъ и закричалъ: смирно! Дверь отворили, опять всѣ вытянулись у наръ, кромѣ двоихъ, которые вцѣпились другъ въ друга, одинъ за волосы, другой за бороду. Надзиратель бросился къ нимъ и только тогда они пустили другъ друга.

У одного была вся щека красная, у другого текли сопли, слюни и кровь, которыя онъ утиралъ рукавами кафтана.

— Староста!

Выступилъ знакомый Нехлюдову Федоровъ, весело улыбаясь глазами.

Крестьянинъ Федоровъ еще въ Москвѣ вызывалъ къ себѣ Нехлюдова и обращался къ нему съ просьбой подать кассационное прошеніе. Нехлюдовъ тогда былъ у него въ одиночной камерѣ и былъ пораженъ больше всего прелестью, иначе нельзя сказать, этого человѣка. Онъ засталъ его стоящимъ у окна и расчесывающимъ гребенкой свои вьющіеся намащенные русые волоса. Это былъ немного выше средняго роста хорошо сложенный человѣкъ, съ маленькой бородкой и съ прекрасными глазами, очень бѣлый и весь въ веснушкахъ. Какъ потомъ узналъ Нехлюдовъ, онъ былъ соблазнитель женщинъ и въ окно знаками бесѣдоваль съ отвѣчавшими ему женщинами. Глаза его всегда улыбались, и прекрасный ротъ складывался въ заразительную улыбку. Дикція у него была такая удивительная, рѣдкая, что невольно заставляла себя слушать, какъ музыка. Всякое слово, которое онъ говорилъ, было приятно слышать, и говорилъ онъ прекрасно. Разговоръ съ нимъ тогда очень поразилъ Нехлюдова той простотой, съ которой онъ говорилъ про причину своего ареста, убійство съ поразительно ужасными подробностями, которыя могъ замѣтить только человѣкъ, совершавшій убійство съ полнымъ спокойствіемъ.

— И не нужно бы мнѣ дѣлать это. Да такая линія вышла.

— Неужели вамъ не страшно было и не жалко?

— Какъ не жалко? Вѣдь тоже человѣкъ. Да вѣдь тогда не понималъ, — сказалъ онъ, и глаза его смѣялись.

Нехлюдовъ убѣдился тогда, что этому человѣку нельзя помочь и такъ и объявилъ ему, но его заинтересовало другое. Ему захотѣлось испытать, нельзя ли вызвать въ этомъ человѣкѣ раскаяніе и хорошія чувства. Этотъ человѣкъ, также какъ и нѣкоторые такіе же другіе, былъ для Нехлюдова образцомъ тѣхъ въ корнѣ извращенныхъ и потому опасныхъ людей, которыхъ приводили всегда защитники наказанія въ доказательство необходимости огражденія отъ нихъ общества.

Федоровъ былъ хорошо грамотный. Нехлюдовъ давалъ ему книги, и онъ все прочитывалъ и помнилъ все содер-

жаніе, но, очевидно, не принималъ ихъ въ серьезъ, а только какъ препровожденіе времени.

Отъ Евангелія и всѣхъ нравоучительныхъ книгъ онъ прямо отказывался. Нехлюдовъ не понималъ сначала, почему онъ это дѣлалъ, но потомъ, послѣ одного разговора съ нимъ, лонялъ. Еще и прежде Нехлюдовъ замѣчалъ, что этотъ умный и даровитый человѣкъ интересовался только двумя рода вещами: всѣмъ тѣмъ, что относилось къ жизни въ острогѣ, на этапахъ, на каторгѣ, до острожнаго начальства и въ особенности—какъ замѣтилъ Нехлюдовъ и какъ потомъ онъ самъ признался ему—до всего того, что нужно было знать для того, чтобы приготовить свой побѣгъ, и еще тѣмъ, что уносило его въ область фантази, въ жизнь богатыхъ свободныхъ людей, особенно въ Парижѣ. Онъ особенно любилъ французскіе романы, которые были для него волшебными сказками, развлекавшими его тоску. Все же, что касалось до своей внутренней жизни, не интересовало его: ему негдѣ, не на чемъ было въ тюрьмѣ, на этапѣ, въ каторгѣ приложить эти правила жизни. Такъ онъ думалъ, по крайней мѣрѣ. Онъ зналъ въ общихъ чертахъ евангельскіе принципы прошенія, единенія, взаимной помощи, любви, и не только не отрицалъ ихъ, но считалъ очень хорошими, и одно время послѣ послѣдняго убійства былъ очень близокъ къ нимъ, но теперь онъ считалъ ихъ неприложимыми и потому дѣлался особенно строгъ и холоденъ—и глаза его переставали смѣяться, когда дѣло касалось доброй жизни.

— Это намъ теперь нейдетъ,—сказалъ онъ разъ Нехлюдову, отдавая ему Евангеліе и Подражаніе Христу, которое онъ бралъ.—Вотъ Рокамболь,—этотъ потѣшилъ.

Въ послѣдній разъ, на одномъ изъ этаповъ, Нехлюдовъ долго разговаривалъ съ нимъ, и Федоровъ разсказалъ ему свое послѣднее преступленіе, за которое онъ и шель на 12-лѣтнюю каторгу, и этотъ разсказъ оставилъ въ Нехлюдовѣ страшное и сильное впечатлѣніе.

— Это было въ нашемъ городѣ Черни, знаете, Тульской губерніи, дрянной городишка такой. Заболтался я тамъ съ товарищами, такими же прощальгами, какъ и я. Я съ кожевеннаго завода ушелъ. Ну, гуляли, пропились совсѣмъ. А тутъ у солдата его любовница — у нихъ мы квартировали — подбила пойти ограбить. Чиновничиска отставной

такой былъ, съ тремя дочерьми жилъ — одна вдова, одна дѣвка, а одна мужняя жена — жилъ на отлетѣ, въ домишкѣ. Выпили на послѣднее для храбрости и пошли. Влѣзли въ окно, стали допрашивать объ деньгахъ. Я за старика взялся, а солдатъ за переборку пошелъ къ дочери его замужней. Она рвется, кричитъ, вырвалась, да мимо меня въ дверь. Я старика прикончилъ, а тотъ, солдатъ, дѣвку ломаетъ. «Вишь», я говорю, «съ дѣвкой не сладить». А она какъ завизжитъ. Зарѣзалъ онъ ее и сталъ шарить по комодамъ. А я взялъ лампочку, зашелъ за перегородку, вижу ребеночекъ въ люлькѣ закатывается, кричитъ, соска изъ ротика выскочила. Я ему сосочку далъ—такъ и впился, засосалъ,—а самъ пошелъ къ сундуку. Глядь, а по сю сторону она лежитъ, ни шкнетъ, только во всѣ глаза смотреть.

— Кто она?

— А третья, вдовая. Испугалась и молчитъ, только глядитъ мнѣ въ самые глаза. Что дѣлать? Поставилъ я лампочку на сундукъ, а ножъ въ рукѣ.

— Братецъ, не губи души...

Голосъ Федорова задрожалъ, и онъ не могъ говорить:

— Какъ сказала она это, а сама не шевелится, только глазами меня жжетъ—вижу я, что сейчасъ разслабну, схватилъ ее за руки — прикончилъ. Тутъ ничего, все, какъ должно, захватили одежи, денегъ немного было и ушли.

Только не могъ я ея глазъ забыть и какъ она просила. Два дня пилъ и хмель не бралъ. Все въ канавѣ лежалъ. На третій пошелъ въ полицію—объявилъ.

Онъ долго молчалъ.

— Только не надо бы мнѣ объявляться, а уйти куда, какъ Симеонъ-разбойникъ, въ монастырь... Ну, а въ этомъ монастырѣ не покаешься.

Нехлюдовъ видѣлъ, что человѣкъ этотъ былъ на порогѣ раскаянія, но судъ, арестантство, каторга помѣшали—раздразили его.

Въ продолженіе этапнаго похода Нехлюдовъ нѣсколько разъ видалъ его и видѣлъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на арестантовъ и все больше и больше ожесточался.

Теперь Федоровъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ.

— Что прикажете. Нельзя унять, — сказалъ онъ.

— Вотъ я уйму, — сказалъ хмурясь смотритель.

— What did they fight for? — спросил англичанинъ.

Нехлюдовъ объяснилъ ему, что одинъ ударилъ, а тотъ отмстилъ.

— If he will allow me to say a few words to them. — сказалъ англичанинъ. Нехлюдовъ перевелъ. Англичанинъ досталъ Евангеліе.

— Пожалуйста, передайте это, — сказалъ онъ. — Вы подрались, а Христось, который умеръ за насъ, далъ намъ другое средство разрѣшать наши ссоры. Спросите у нихъ, знаютъ ли они, какъ по закону Христа надо поступить съ челоувкомъ, который обижаетъ насъ?

Нехлюдова заинтересовало это и онъ перевелъ.

— Начальству пожалиться, оно разбереть? — вопросительно сказалъ одинъ.

Кто-то фыркнулъ.

— Какъ? — сказалъ другой, — вздутъ его, вотъ онъ и не будетъ обижать.

Послышалось нѣсколько одобрительныхъ смѣшковъ.

Нехлюдовъ перевелъ англичанину ихъ отвѣты.

— Ну, такъ вотъ, скажите ему, что какъ разъ наоборотъ, — сказалъ англичанинъ. — Скажите имъ, что надо сдѣлать прямо обратное, если тебя ударили по одной щекѣ, подставь другую, — сказалъ англичанинъ, жестаи какъ будто подставляя свою щеку.

Нехлюдовъ перевелъ.

— Онъ бы самъ попробоваль, — сказалъ чей-то голосъ.

Общій неудержимый хохоть охватилъ всю камеру, даже избитый захохоталъ сквозь кровь и сопли. Заразительно весело засмѣялся и Федоровъ.

Въ этой камерѣ тоже былъ больной, онъ не вставалъ, когда другіе встали.

— А какъ онъ по другой залѣпить, какую же еще подставлять? — сказалъ больной.

— Этакъ онъ тебя всего измочалить.

— Ну-ка, попробуй, — сказалъ кто-то сзади. И хохоть усилился.

Англичанинъ не смутился. И тутъ же тоже роздалъ 6 Новыхъ Завѣтовъ.

Левъ Толстой.

СВЯТОГОРЪ и ИЛЬЯ.

На гривастыхъ коняхъ на косматыхъ,
 На златыхъ стременахъ на разлатахъ
 Ъдутъ братья, меньшей и старшой,
 Ъдутъ сутки, и двое; и трое,
 Видятъ въ полъ корыто простое,
 Загъзжають — анъ гробъ, да большой.

Гробъ глубокии, изъ дуба долбленный,
 Съ черной крышей, тяжелой, томленной,—
 Вотъ и сдвинулъ его Святогоръ,
 Легъ, накрылся и шутить: «А впору!
 Помоги-ка, Илья, Святогору
 Снова выйти на Божьи просторы!»

Обнялъ крышу Илья, усмѣхнулся,
 Во всю грузную печень надулся,
 Двинулъ съ рыву — да нѣтъ, погоди!
 «Ты мечомъ!» — слышенъ голосъ изъ гроба.
 Онъ за мечъ, — занимается злоба,
 Загорается сердце въ груди, —

Нѣтъ, и мечъ не беретъ! Съ виду рубить,
 Да не дѣлаетъ дѣла, а губить:
 Гдѣ ударитъ — тамъ обручъ готовъ,
 Нарастаетъ желѣзная скръпа;
 Не подняться изъ гробнаго склепа
 Святогору во вѣки вѣковъ!

Кинулъ биться Илья — Божья воля!
 Ъдетъ прочь вдоль широкаго поля,
 Утираетъ слезу... Отняла
 Русской силы Земля половину!
 Выгъзжай на иную путину,
 На инья дѣла!

Ив. Бунинъ

ПѢСНЯ.

Мнѣ вечеръ, молодой, скученъ теремъ былъ
Темень свѣтъ-ночникъ, страшенъ Спасовъ ликъ...
Вотчимъ-батюшка самоцвѣтъ укрылъ
Въ кипарисовый дорогой тайникъ!

А любезный другъ далеко, въ торгу.
Похваляется для другой конемъ,
Шубу длинную волочить въ снѣгу,
Свѣтитъ ей огнемъ, золотымъ перстнемъ.

Ив. Бунинъ.

Е В Р Е Й.

РОМАНЪ

М. ГОЛЬДШМИДТА.

Окончаніе *.

Часть третья.

VI.

— Я голоденъ, какъ собака! — сказалъ молодой офицеръ Якобу, быстро шагая рядомъ съ нимъ черезъ широкое поле въ неприглядный темный вечеръ. — Слѣдуя доброму совѣту капитана Дальгетти, я затянулъ поплотнѣе свой кушакъ, но отъ этого мнѣ стало только хуже. Чѣмъ больше я затягиваю себѣ животъ, тѣмъ громче кричатъ мои внутренности. Можетъ быть, вамъ посчастливилось устроиться на хорошей стоянкѣ? Въ такомъ случаѣ я напросился бы къ вамъ въ гости... А, такъ это здѣсь?.. Ну, нѣтъ, спасибо! Ужъ лучше я пойду дальше и постараюсь самъ устроить для себя фуражировку.

Якобъ вошелъ въ хижину или, вѣрнѣе, землянку, гораздо болѣе напоминавшую яму, вырытую для сбереженія на зиму картофеля, чѣмъ на человѣческое жилище. Хижина была совершенно пуста, только на полу, на охапкѣ сырой соломы, валялись нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ, со страхомъ смотрѣвшихъ на вошедшихъ.

Капраль, слѣдовавшій за Якобомъ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Господинъ лейтенантъ, помѣщеніе здѣсь очень плохое, да и угощеніе не лучше. Но вотъ немного хлѣба и водки, если вы не побрезгаете. Завтра русскіе дадутъ намъ позавтракать, и я надѣюсь, что завтракъ будетъ горячій.

— Спасибо, мой милый Сольтау. Но гдѣ же хозяйева хижины? Развѣ при этихъ дѣтяхъ нѣтъ матери?

— Богъ знаетъ. Я ее не видалъ.

— А гдѣ же хозяинъ хижины?

* См. «Лѣтопись» №№ 1—3. 1916 г.

— Онъ, должно быть, спрятался въ собачьей будкѣ! Я выгналъ его, чтобы очистить для васъ мѣсто.

Якобъ подумалъ: «Можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ польскихъ евреевъ, которыхъ мой отецъ угощалъ за своимъ столомъ». — Сольтау, — сказалъ онъ солдату, — я предпочитаю выйти на свѣжій воздухъ. Пусть хозяинъ войдетъ въ свой домъ.

— Не безпокойтесь, онъ и самъ вползетъ сюда, какъ только увидитъ, что мы вышли.

— Скажи, Сольтау, какъ у тебя хватило духу выгнать этого несчастнаго на холодъ и оставить дѣтей однихъ? — спросилъ Якобъ, когда они вышли на дворъ. — Какъ можешь ты быть такимъ жестокимъ?

— Жестокимъ, господинъ лейтенантъ? Съ такимъ животнымъ! Да, вѣдь, онъ съ радостью перерѣзалъ бы намъ горло за одинъ гульденъ! Если бы только наши сторожевые посты не наблюдали за ними такъ неусыпно, то, повѣрьте, уже съ десятокъ евреевъ давно были бы на пути къ русскимъ, чтобы предать насъ.

— Но, вѣдь, есть же въ рядахъ польской арміи евреи, которые исполняютъ свой долгъ не хуже самихъ поляковъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло, разъ еврей подъ ружьемъ: всякій, кто убиваетъ русскаго, — мой товарищъ, хотя бы онъ былъ туркомъ. Такой старый солдатъ, какъ я, не смотритъ на метрическое свидѣтельство. Скажу только одно: сколько польскихъ евреевъ, столько и предателей.

— Почему же въ такомъ случаѣ не вѣшаютъ проклятыхъ шпионовъ?

— Мы вѣшаемъ ихъ каждый день по нѣсколько штукъ, но они размножаются, словно крысы.

— Но неужели же предатели и шпионы всегда только евреи?

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ лейтенантъ! Здѣсь каждый паршивый крестьянинъ предатель. Это такіе темные люди, что они едва ли знаютъ о существованіи Польши. Они не знаютъ даже, что есть такая страна. Но дѣло въ томъ, что каждаго предателя мы называемъ евреемъ.

— Ахъ, вотъ какъ! — воскликнулъ со смѣхомъ Якобъ. — Ну, что же, дай мнѣ приложиться къ твоей бутылкѣ.

Въ это мгновеніе на окраинѣ деревни раздался выстрѣлъ. Можно было даже замѣтить, какъ сверкнулъ огонь.

Якобъ и Сольтау бросились туда. Когда они подошли къ мѣсту, гдѣ раздался выстрѣлъ, они увидели нѣсколько кавалеристовъ, столпившихся вокругъ человѣка, который валялся на землѣ и громко стоналъ и молилъ о чемъ-то.

— Что случилось? — спросилъ Якобъ.

— Подождите минутку, господинъ лейтенантъ, — сказалъ капраль Сольтау, нагибаясь къ стонущему человѣку и разсматривая его. — Такъ я и зналъ! Нашъ хозяинъ! Ахъ, ты, сукинъ сынъ! Признавайся, ты шель въ Сточекъ? Проклятый жидъ! Хриstopродавецъ окаянный!

Человѣкъ, валявшися на землѣ, кричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Я не еврей, я не еврей! Я христiанинъ, какъ и вы! Я вашъ братъ... алль манъ шлемазауль... ¹ Охъ, охъ!.. Меня зовутъ Михаилъ Вуцевичъ... святой архангелъ Михаилъ мой заступникъ, да будетъ благословенно имя его!.. Мамзиръ бенъ ханидо! ² Охъ... охъ!..

Еврей произносилъ еврейскія слова быстро и тихо, такъ что для непосвященнаго уха они представлялись жалобнымъ воемъ.

— Вздоръ! Что тебѣ понадобилось въ Сточекъ? Признавайся, собака!

— Я хотѣлъ только принести нѣсколько яицъ для важнаго барина, который остановился у меня въ домѣ... Ой, ой!..

— А, вотъ какъ, такъ ты шель за яйцами?.. Эй, нѣтъ ли у кого веревки?

— Я признаюсь во всемъ! — завопилъ еврей. — Я скажу вамъ, сколько русскихъ въ Сточекъ... я знаю, гдѣ генераль Гейсмаръ... только не убивайте меня!.. Ой, шма Исроэль!.. Ой, ой, ой!

— Давайте веревку!

Якобъ едва удерживался отъ улыбки, глядя на кавалеристовъ, не понимавшихъ еврея, и на еврея, который не подозрѣвалъ, что кто-нибудь понимаетъ его. Онъ рѣшилъ прекратить эту сцену и сказалъ:

— Отведите его къ полковнику. Быть можетъ, онъ сдѣлаетъ важныя признанія... Нѣтъ, нѣтъ, снимите съ его шеи веревку! Вѣдь, вы уже стрѣляли въ него,—этого достаточно.

— Ну, отъ нашего выстрѣла онъ не очень-то пострадалъ, господинъ лейтенантъ! Его только слегка царапнуло, а свалился онъ отъ страха. Но разъ вы приказываете, мы отведемъ его къ полковнику.

Немного спустя всѣмъ офицерамъ было приказано явиться къ полковнику. Было рѣшено тихо и незамѣтно вести войско на Сточекъ.

— Въ два часа генераль прибудетъ сюда въ Филипповку, — сказалъ въ заключеніе полковникъ офицерамъ. — Бы-

¹ Пусть на ваши головы падеть все мое несчастье.

² Паршивый сынъ блудницы.

ле бы хорошо, если бы мы могли принять его, какъ гостя, въ завоеванномъ городѣ.

Офицеры поспѣшили къ своимъ частямъ.

Во мракѣ зимней морозной ночи колонны поляковъ беззвучно двигались по направленію къ городу, занятому неприятелемъ. Возлѣ перваго дома лежалъ замерзшій русскій часовой, невдалекѣ отъ него валялась бутылка изъ-подъ водки. Въ домѣ шумѣли его товарищи, ихъ ружья стояли прислоненныя къ стѣнѣ. Съ ружьями на перевѣсѣ польскіе солдаты вошли въ домъ и овладѣли имъ безъ всякаго шума. Отрѣзанные и окруженные со всѣхъ сторонъ, русскіе принуждены были сдаться. Только небольшой отрядъ, чловѣкъ на двѣсти, заперся въ большомъ сараѣ и упорно защищался, пока, наконецъ, поляки не подожгли сарай.

Къ загорѣвшемуся сараю подскакалъ полковникъ. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Плохое дѣло вы затѣяли! — сказала онъ. — Этотъ пожаръ можетъ привлечь сюда все войско Гейсмара въ эту же ночь. Намъ слѣдуетъ скрываться какъ можно дольше, чтобы русскіе не обрушились на насъ, какъ мы на нихъ.

На разсвѣтѣ раздались громкіе торжествующіе крики со стороны Филипповки, — это прибыли кавалеристы Дверницкаго. Въ это же самое время по другую сторону города, появились русскія колонны, которыя, очевидно, поставили себѣ цѣлью снова отобрать городъ.

Это происходило 18 февраля — здѣсь произошла первая большая битва въ открытомъ полѣ за независимость Польши.

Словно гигантская змѣя, извивались колонны русскаго войска, наступая на врага и легко опрокинувъ по дорогѣ небольшой отрядъ поляковъ, охранявшихъ высоту по другую сторону Сточека. Русская артиллерія завладѣла высотой и открыла огонь, подъ ея прикрытіемъ пѣхота и кавалерія наступали съ двухъ сторонъ.

Генералъ Дверницкій сидѣлъ на конѣ передъ эскадронномъ улановъ и наблюдалъ за движеніемъ русскихъ. Послѣ нѣкотораго размышленія онъ обратился къ окружающимъ его офицерамъ и отдалъ приказаніе.

Эскадроны выстроились въ боевомъ порядкѣ. Дверницкій проѣхалъ вдоль фронта, затѣмъ остановился на мгновенье и испытующимъ взоромъ обвелъ плотные ряды съ цѣлымъ лѣсомъ сверкающихъ пикъ. Вытянувъ руку впередъ, онъ крикнулъ громовымъ голосомъ, поворачивая своего фыркающаго отъ нетерпѣнія коня въ сторону неприятеля:

— Поляки! Пики наперевѣсѣ! Впередъ!

Раздался барабанный бой, земля содрогнулась, всадники понеслись въ атаку.

Польскій орелъ взмахнулъ крыльями и пилъ русскую кровь.

VII.

Письмо Якоба къ Леви.

«Представь себѣ военный лагерь. Среди лагеря нѣсколько полуразрушенныхъ крестьянскихъ избъ, представляющихъ собою дворцы, въ которыхъ размѣстились генералъ и его штабъ. Вокругъ этихъ дворцовъ — сѣрыя палатки и землянки, покрытыя вѣтвями. Повсюду кишать солдаты и лошади, изъ безчисленнаго количества ямъ, вырытыхъ въ землѣ, поднимается дымъ отъ костровъ, на которыхъ приготавливаютъ пищу. Время отъ времени черезъ лагерь проводятъ русскихъ плѣнныхъ, въ сторонѣ на высохшемъ деревѣ вѣшаютъ шпіона.

Теперь представь себѣ, что нѣсколько отрядовъ посланы на фуражировку, и что однимъ изъ этихъ отрядовъ командуетъ лейтенантъ фонъ-Бендиксенъ! Навстрѣчу попадается непріятельскій отрядъ, капралъ спрашиваетъ лейтенанта фонъ-Бендиксена, атаковать ли непріятеля? Да, не смѣйся, здѣсь люди совѣтуются со мной, какъ я совѣтовался съ тобой въ Копенгагенѣ. Вотъ благодаря этой фуражировкѣ я и могу послать тебѣ письмо. Мы довольно близко подошли къ большому помѣстью (по польскому масштату) и спокойно приближались къ нему, когда вдругъ открыли, что тамъ уже засѣли русскіе. Мой капралъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Господинъ лейтенантъ, прикажете вы намъ повернуть, или напасть на нихъ?

Я отлично видѣлъ по лицу старика, что съ его стороны этотъ вопросъ былъ только формальностью, вѣдь, онъ не допускалъ и мысли объ отступленіи. Кромѣ того, русскіе уже увидали насъ и направлялись къ намъ, — такъ что съ моей стороны вовсе не было геройствомъ, что я скомандовалъ въ атаку.

Тутъ началась рукопашная схватка, одна изъ тѣхъ схватокъ, которыя представляютъ большой интересъ, главнымъ образомъ, конечно, для зрителей. Еврейская поговорка совершенна вѣрна: нѣтъ такой игры, которая была бы слишкомъ велика для зрителя. Итакъ, мы схватились... черезъ нѣсколько мгновени я очутился между двумя русскими кавалеристами. Одинъ изъ нихъ замахнулся на меня саблей, но я парировалъ ударъ такъ ловко, что Его Величество по-

терялъ одного изъ своихъ вѣрноподанныхъ. Но въ тотъ же моментъ другой ударилъ меня по рукѣ такъ сильно, что я потерялъ поводья. Я уже не могъ больше управлять лошадыю и приготовился къ тому, что мой черепъ будетъ раскроенъ. Кажется, я успѣлъ даже подумать о всѣхъ близкихъ на родинѣ, передъ моими глазами все завертѣлось... Но не успѣлъ кавалеристъ замахнуться на меня, какъ его грудь пронзила пуля. Сперва на его лицѣ появилось изумленное выраженіе, точно онъ увидалъ нѣчто невѣроятное, а затѣмъ онъ, какъ мѣшокъ, свалился съ лошади. Намъ удалось обратить русскихъ въ бѣгство, и послѣ того, какъ мы перекололи человѣкъ двадцать, и сами потеряли человѣкъ десять, мы сдѣлались обладателями громаднаго количества соломы. Мы торжественно возвратились съ добычей въ лагерь и получили похвалу за нашъ геройскій подвигъ. Вотъ именно за эту-то солому я и былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Однако, въ результатѣ всего этого я долженъ нѣкоторое время сидѣть въ лагерѣ, чтобы полечить свою руку. Потому-то я и могу потратить много времени на длинное письмо къ тебѣ.

Ты, конечно, замѣчаешь, что теперь я совершенно въ другомъ настроеніи, чѣмъ когда я писалъ тебѣ изъ Алжира. Тогда ты легко могъ прочесть между строкъ и раскаяніе и досаду на то, что я уѣхалъ съ родины. И, дѣйствительно, я день и ночь тосковалъ по Даніи и по близкимъ, которыхъ я тамъ покинулъ. Я понялъ, что мое душевное настроеніе представляло собою въ Алжирѣ ту же стоячую воду, какимъ оно было бы и въ томъ случаѣ, если бы я остался на родинѣ. Разница была только въ томъ, что, будучи дома, я не мучился бы тоской и неизвѣстностью.

Здѣсь совсѣмъ другое дѣло! Для меня открылась новая жизнь. Я какъ бы причастенъ теперь къ дѣлу всего человечества, здѣсь я имѣю право принимать участіе въ борьбѣ за великое и правое дѣло, и меня уважаютъ соотвѣтственно моимъ дѣйствіямъ. Правда, я борюсь съ опущеннымъ забраломъ, какъ Айвенго на большомъ турнирѣ. Но я надѣюсь, что когда я подниму забрало и люди увидятъ потомка гонимаго, лишеннаго родины племени, то мнѣ не будетъ отказано въ наградѣ... Должно быть, на тебя производятъ странное впечатлѣніе газетныя сообщенія о бояхъ въ Польшѣ. Вѣдь это пишутъ обо мнѣ, вѣдь это я участвую въ великихъ сраженіяхъ, которыя приводятъ тебя въ изумленіе.

Единственно, что я могъ бы имѣть противъ той жизни, которой я живу здѣсь, такъ это то, что всякая индивидуальность исчезаетъ, превращается въ безвольную частицу

массы. Но зато являются другія мгновенія, когда жизнь представляется океаномъ, когда человѣкъ превращается въ пловца, не видящаго границъ своимъ стремленіямъ. Тогда всѣ силы напрягаются и сливаются въ чувствѣ безмѣрнаго торжества, душа приходитъ въ состояніе неистовства отъ восторга, отъ сознанія своей свободы...

И, знаешь, я увѣренъ, что здѣсь я не умру. Въ первомъ же сраженіи, въ которомъ я принималъ участіе, я вдругъ ясно увидалъ передъ своими глазами кейверъ овойсь¹ на окраинѣ Копенгагена въ Нерребро. Съ тѣхъ поръ я проникся твердой увѣренностью въ томъ, что моя могила будетъ вырыта именно тамъ. Ну, а такъ какъ едва ли можно надѣяться на то, что мое тѣло будетъ отправлено на родину, если бы я палъ здѣсь, то и слѣдуетъ предположить, что я въ живомъ состояніи вернусь въ Данію.

И я надѣюсь, что когда я вернусь, то я и ее найду достойной счастья, которое насъ ожидаетъ. О, я не забылъ ее! По ночамъ, когда дневная суета затихаетъ, я вдругъ такъ ясно представляю себѣ ихъ маленькую гостиную и ее... и тогда меня охватываетъ жгучая тоска, и я не могу понять, какъ могъ я уѣхать и покинуть ее...

Дорогой Леви, упорное молчаніе всѣхъ, покинутыхъ мною въ Даніи, наводитъ меня иногда на ужасныя мысли. Вѣдь, она должна была бы написать мнѣ. Она невинная, я знаю это, я вѣрю этому! Но не могу же я писать и писать ей, не получая отъ нея отвѣта, точно нищій какой-нибудь. Я утѣшаю себя еще только тѣмъ, что письма не дошли до меня. Дай то Богъ, чтобы это было такъ!

Вотъ идетъ мой хирургъ! Онъ во что бы то ни стало хочетъ лишитъ меня руки. Хирургъ этотъ длинный, тощій нѣмецъ, который по профессіи не что другое, какъ цирюльникъ. Но теперь, въ силу какихъ-то волшебныхъ превращеній, онъ оказался хирургомъ. Онъ терпѣть меня не можетъ за то, что я гораздо больше его смыслю въ хирургіи. Онъ говоритъ, что разъ я такой хорошій хирургъ, то мнѣ слѣдовало бы остаться у себя на родинѣ. Ахъ, иногда я жалѣю, что онъ не занимался практикой въ Копенгагенѣ и не убралъ, — все равно какимъ способомъ — съ лица земли зловредную жену священника. А, впрочемъ, надо надѣяться, что она проникнется уваженіемъ къ поручику польской національной арміи. Ну, а если я только получу отъ Торы письмо, то — обругай меня, какъ хочешь, — если я не сдѣлаюсь черезъ двадцать четыре часа послѣ этого ротмистромъ. И вотъ, когда я вернусь на родину ротми-

¹ Кладбище.

стромъ, въ блестящемъ мундирѣ (если только я успѣю себѣ сшить таковой), то неужели я не затемню настолько своимъ блескомъ еврея Бендиксена, что онъ сдѣлается для всѣхъ невидимымъ?»

VIII.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя большое польское войско стояло лагеремъ у австрійской границы. Дверницкій далъ своимъ солдатамъ нѣсколько дней отдыха, такъ какъ они были сильно утомлены послѣ продолжительнаго преслѣдованія русскихъ. Въ лагерѣ царила давящая тишина. Передъ одной изъ палатокъ ходили взадъ и впередъ два офицера и оживленно разговаривали. Это были Якобъ и Юсинскіи.

Якобъ сказалъ:

— Какъ я радъ, что снова увидалъ тебя! И какое счастье, что именно тебѣ поручили доставить намъ депеши. Ты произведенъ въ майоры, — поздравляю тебя отъ всего сердца!

— Меня ничто не радуетъ больше, я полонъ тревоги за свою родину, — отвѣтилъ Юсинскій печально.

— За твою родину... за Польшу? Что же случилось? Развѣ вы не отогнали врага отъ Варшавы послѣ большого сраженія? Развѣ не отступилъ онъ на правый берегъ рѣки? И, наконецъ, развѣ мы не очистили лѣвый берегъ такъ основательно, словно вывели полъ комнаты? Вся Польша отъ русской границы и вплоть до австрійской Галиции и прусской Польши объята пламенемъ возстанія. Тысячи крестьянъ здѣсь въ Вольни ждутъ только знака, чтобы присоединиться къ намъ. Неужели же можно терять мужество только изъ-за того, что въ данный моментъ непріятель превосходитъ насъ силами? О, старый Дверницкій найдетъ выходъ!

— Ахъ, ты не знаешь, дорогой Бендиксенъ, какъ обстоятъ дѣла. Что толку въ нашихъ побѣдахъ подъ Гроховомъ и подъ Дембой, что толку въ нашемъ воодушевленіи? Развѣ мы отъ этого что-нибудь выиграли? Скржинецкій точно застылъ на мѣстѣ послѣ своей побѣды. Право, можно подумать, что онъ потерпѣлъ поражение. Въмѣсто того, чтобы преслѣдовать отступавшихъ и растерявшихся русскихъ, очистить отъ нихъ всю Польшу, онъ бездѣйствуетъ. Онъ даетъ врагу время собраться съ новыми силами и оправиться отъ удара. Можно подумать, что онъ самъ испугался, нанеся колоссу такой ударъ, отъ котораго тотъ зашатался. А тѣмъ временемъ Дверницкій остается безъ подкрѣпленія, и врагъ одолеваетъ его. Польшѣ грозитъ по-

теря шести тысячъ лучшихъ своихъ воиновъ, и только потому, что Скржинецкій не позволяетъ двинуться своему войску, которое рвется въ бой. Счастье, что меня командировали сюда, а то я убилъ бы моего начальника Скржинецкаго...

— Такъ неужели же положеніе настолько отчаянно?

— А развѣ нѣтъ? Вѣдь, между нами и нашими братьями стоятъ три тысячи русскихъ. Правда, нашу позицію можно считать почти неприступной, но не надо забывать, что за спиной у насъ австрійская граница. Поляки еще разъ положились на Австрію, несмотря на то, что уже два раза они такъ дорого заплатились за свое довѣріе. А что, если Австрія пропуститъ черезъ свою границу Рюдигера и позволить ему напасть на насъ съ тыла? Мало того, если Австрія еще поможетъ ему? Польша можетъ ожидать всего...

Юсинскаго позвали къ генералу, а Якобъ вошелъ въ палатку.

27-го апрѣля 1833 года русскій генераль Рюдигеръ вступилъ на нейтральную территорию и напалъ на войско Дверницкаго съ тыла. Когда же Дверницкій довѣрился австрійцамъ, они обезоружили его армию и отдали все оружіе и пушки русскимъ.

Было 11 часовъ утра. Началось наступленіе. Русская кавалерія перешла австрійскую границу и со всѣхъ сторонъ рѣшила маленькое польское войско. Тогда Дверницкій рѣшилъ при помощи ловкаго маневра пробиться черезъ ряды непріятели на нейтральную территорию. Нѣсколькимъ эскадронамъ приказано было вступить въ бой съ непріятеlemъ, чтобы отвлечь его вниманіе и прикрыть отступленіе.

Во время подготовленія къ маневру наступила минутная тишина. Эскадроны выстраивались передъ надвигающимся непріятеlemъ. Въ такія рѣшительныя мгновенія мысли работаютъ съ невѣроятной быстротой. Такъ было и съ Якобомъ. Цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ мыслей пронеслась у него въ головѣ. Послѣдней его мыслью была мысль о Торѣ. «Если сегодняшній день окончится благополучно, то я получу отъ нея письмо...»

Раздался барабанный бой, шпоры вонзились въ бока лошадей, всадники огласили воздухъ польскимъ военнымъ кличемъ и, словно грозовая туча, понеслись на русскихъ. Первые ряды русскихъ были смяты, опрокинуты, все ихъ войско склонилось, словно высокая рожь подъ напоромъ бури.

Но вотъ съ другой стороны раздалась русская команда,

гремя оружіемъ, прискакалъ новый отрядъ кавалеристовъ и атаковалъ поляковъ. Произошла страшная рукопашная схватка. Маленькое войско поляковъ завертѣлось, словно въ водоворотѣ.

Среди кровавой сутолоки Якобъ замѣтилъ, какъ неприятельская пика пронзила грудь Сольтау и какъ тотъ свалился на землю подъ ударами пикъ.

Послѣ этого Якобъ пересталъ различать что бы то ни было. Все смѣшалось въ общи хаосъ. Вокругъ него раздавались проклятія, крики, стоны, выстрѣлы пистолетовъ. Машинально онъ парировалъ удары и самъ наносилъ удары... Наконецъ, онъ очутился рядомъ съ Юсинскимъ позади русскихъ. По примѣру товарища онъ пришпорилъ лошадь, и оба они понеслись въ карьеръ.

Наконецъ, лошади пали... но нигдѣ больше не было видно русскихъ. Они были спасены, они были въ Польшѣ... тогда какъ ихъ товарищи были обречены на заточеніе въ австрийскихъ тюрьмахъ, откуда они прислушивались потомъ къ борьбѣ Польши.

IX.

Среди постоянныхъ опасностей Якобъ и Юсинскій медленно двигались впередъ по наводненной русскими странѣ. Изрѣдка они находили пріютъ у крестьянъ, которые дѣлили съ ними свою скудную пищу, уцѣлѣвшую послѣ набѣга неприятеля. Но по большей части они ночевали въ лѣсахъ и въ непроходимыхъ мѣстахъ и питались корнями, которые выкапывали изъ-подъ земли.

Однажды ночью, когда они расположились на ночлегъ на сырой землѣ, Юсинскій, тщетно пытавшійся заснуть, сказалъ:

— Будь это другая война и другой неприятель, я сдался бы въ плѣнъ. Самый храбрый человекъ сдается съ голоду. Но русскимъ я живымъ не сдамся. Мнѣ только жаль тебя.

— Изъ-за меня тебѣ нечего тревожиться, Юсинскій, — отвѣтилъ Якобъ, — страданія и лишенія, выпавшія на мою долю, я переносу съ радостью. Я смотрю на все это, какъ на испытаніе, на чистилище, черезъ которое мнѣ надо пройти, чтобы искупить свою прежнюю жизнь, и чтобы стать достойнымъ счастья. Лишь бы только тебѣ не надо было проходить со мной черезъ чистилище.

— Какой ты славный товарищъ! — тихо проговорилъ Юсинскій, пожимая ему руку.

— Полно, въ сущности, съ моей стороны, это не что иное, какъ эгоизмъ,—сказалъ Якобъ.—Дѣло въ томъ, что я питаю твердую надежду на вознагражденіе за перенесенныя нами страданія. Кромѣ того, когда я начинаю раздумывать о своей жизни и о сложившихся обстоятельствахъ, у меня является такое представленіе, будто все, что происходитъ въ Польшѣ, происходитъ ради меня одного, для того, чтобы я окунулся въ живую жизнь и не заплѣсневѣлъ у себя на родинѣ. Ссылаясь на мои медицинскія познанія, я могу указать тебѣ, что мозгъ особенно легко порождаетъ такія представленія и предчувствія, когда человѣкъ долго постится.

— Твой шуточный тонъ заставляетъ меня забыть мой голодъ... Послушай, вѣдь, въ сущности, съ нашей стороны малодушно валяться здѣсь въ сырости и мучиться. Пойдемъ въ лѣсъ наудачу. Если намъ навстрѣчу попадутся русскіе, то мы нападёмъ на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ... пусть хоть чѣмъ-нибудь да кончится наше тяжелое положеніе.

— Какъ хочешь, Іосинскій. Можетъ быть, твоими устами говорить сама судьба.

Они стали пробираться по лѣсу. Когда они очутились на опушкѣ, передъ ними раскрылся широкой видъ. Луна стояла низко, и длинная тѣнь отъ лѣса падала на одинокую хижину. Невдалекѣ налѣво темнѣли избы небольшой деревушки, по которой сновали солдаты. Направо въ яркомъ луномъ свѣтѣ маршировалъ русскій патруль.

Якобъ схватилъ Іосинскаго за руку:

— Я узнаю это мѣсто! Здѣсь тебѣ придется довѣриться мнѣ.

Стараясь держаться въ тѣни, они пробрались къ хижинѣ и растворили дверь. Въ это самое мгновеніе патруль приблизился къ тому мѣсту на опушкѣ, гдѣ они только что стояли.

Оба бросили благодарный взглядъ на небо.

Когда же они перевели глаза съ кроткаго звѣзднаго неба внутрь хижины, то Іосинскій инстинктивно взялся за рукоятку сабли.

Внутри хижины было почти совсѣмъ темно. Только на низкомъ, неотесанномъ столѣ едва мерцала большая лампа. Ея неровный свѣтъ падалъ на странную фигуру человѣка, который стоялъ въ согбенной позѣ передъ столомъ, точно готовясь къ прыжку. Глаза его горѣли въ полумракѣ, словно уголья, и въ тревогѣ перебѣгали съ Якоба на іосинскаго, будто онъ выбиралъ, на кого изъ нихъ ему

броситься. Его черный таларъ былъ разодранъ на груди, возлѣ него на столѣ лежали два яйца и хлѣбъ, посыпанный пепломъ.

Якобъ удержалъ Иосинскаго за руку, вышелъ впередъ и поздоровался по-еврейски:

— Шолоймъ алейхемъ!

Еврей вздрогнулъ. Онъ такъ расширилъ глаза, всматриваясь въ темноту и стараясь разглядѣть Якоба, что, казалось, будто его глаза выскочатъ изъ орбитъ. И вдругъ онъ крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Кто осмѣлился войти сюда къ русскому, переодѣтый въ польскую военную форму? Предатели! Вы должны умереть!

— Я такой же еврей, какъ и вы. Встань, сынъ еврейскаго народа, и помоги твоему брату!

— Отойди, предатель! Я не еврей! Меня зовутъ Михаилъ Вуцевичъ! Архангелъ Михаилъ мой покровитель.

— Какъ можетъ вашъ языкъ произносить эти слова, когда вы справляете шивво ¹, быть можетъ, по любимому ребенку? Когда горитъ лампа въ честь умершихъ, малохъ хамовесь ², быть можетъ, еще носится надъ вашимъ жилищемъ? Почему вы не добавили, по крайней мѣрѣ: мамзиръ бенъ ханидо, — какъ тогда, когда вы валялись на землѣ и просили пощады у польскихъ солдатъ?

Полякъ вскочилъ и выпрямился. Онъ положилъ обѣ руки на плечи Якоба и, пристально глядя ему въ глаза, воскликнулъ:

— Отвѣчайте: вельхъ седре гейтъ шаббасъ? ³

— Эйкефъ!⁴ — отвѣтилъ Якобъ послѣ нѣкотораго раздумья, во время котораго еврей не спускалъ съ него глазъ.

— Да, вы еврей! Борухъ хабо бешоймъ Адной!⁵ Да будетъ благословенъ Богъ Израиля! Сынъ его народа переступилъ порогъ моего жилища и назвалъ меня братомъ! Я лежалъ распростертый передъ дверями синагоги и никто не захотѣлъ наступить на меня! Я обнажилъ свою спину, и никто не хотѣлъ ударить меня ⁶, Святая книга Господа была закрыта для меня... Моихъ дѣтей похоронили, а я

¹ Церемонія, продолжающаяся семь дней и выражающая горе по умершему.

² Ангель смерти.

³ Какую часть закона читаютъ евреи въ субботу.

⁴ Которая начинается на эйкефъ.

⁵ Да будетъ благословенъ приходящий во имя Господа.

⁶ Его не хотѣли простить за то, что онъ крестился.

не смѣлъ даже произнести кадишь за нихъ! Я былъ паршивой собакой... Такъ говори же, что тебѣ отъ меня надо, ду гебенштеръ баръ Исроэль!

— Во-первыхъ, дайте намъ чего-нибудь поѣсть!

— Рархимъ шадай! ¹, — воскликнулъ еврей. И онъ принесъ изъ угла немного хлѣба. — Видитъ Богъ, я былъ бы счастливъ, если бы могъ дать вамъ что-нибудь получше!.. А тотъ, другой, тоже еврей? — спросилъ онъ, когда увидѣлъ, что Якобъ дѣлитъ хлѣбъ съ Иосинскимъ.

— Нѣтъ. Но я попрошу тебя отвести также и его вмѣстѣ со мной въ Варшаву.

Лицо еврея омрачилось и онъ сказалъ:

— Подъ моей кровлей очутился гой во время шивво! Я выгоню его! Пусть свершится его судьба, пусть онъ превратится въ келефъ мезцъ ².

— Тогда и я уйду вмѣстѣ съ нимъ!—воскликнулъ Якобъ, преграждая дорогу еврею.—Если онъ умретъ, то и я умру вмѣстѣ съ нимъ. Пусть моя кровь падетъ на твою голову!

— Но какой клятвой свяжу я его языкъ, чтобы онъ не выдалъ того, что узнаетъ?—спросилъ еврей ноющимъ голосомъ.

— Онъ дастъ честное слово.

— Ну, и хорошъ машкойнъ! ³ Нѣтъ, но можете вы мнѣ поклясться именемъ іехудимъ мелехъ ⁴ въ томъ, что этому гою можно вѣрить?

— Да, могу!

— Ну, пусть будетъ такъ! — произнесъ со вздохомъ еврей. Онъ пошелъ въ темный уголъ и вытащилъ изъ углубленія въ полу два человѣческихъ тѣла. Помогите мнѣ снять съ нихъ платье!—сказалъ онъ спокойно.

— Русскіе! — воскликнули въ одинъ голосъ Якобъ и Иосинскій, когда увидали при свѣтѣ лампы форму на трупахъ.

— Да, русскіе,—сказалъ еврей, и на лицѣ его появилось выраженіе безпредѣльной злобы.—Да, я тоже веду войну... на свой ладъ! И самостоятельно! Русскіе убили моихъ трехъ дѣтей, моихъ невинныхъ малютокъ, когда они ворвались сюда послѣ того, какъ вы побѣдили ихъ подъ Сточкомъ... Но они даютъ золото, и я служу имъ! Ха-ха, ха-ха-ха! Я служу имъ!

— Но, вѣдь, поляки тоже даютъ золото!—замѣтилъ Иосинскій.

¹ Боже милосердный.

² Околѣвшая собака.

³ Залогъ.

⁴ Цари евреевъ.

— Ха-ха-ха! Я служу также и полякамъ! Старостѣ приглянулась моя жена. Онъ заставилъ меня креститься. Его люди насильно стащили меня въ церковь. Галлахъ ¹ назвалъ меня Михаиломъ Вуцевичемъ и архангелъ Михаилъ сталъ моимъ покровителемъ. А когда я былъ крещенъ, староста объявилъ, что я не могу быть женатымъ на еврейкѣ, и онъ взялъ мою жену. Она теперь въ замкѣ у старосты... а моихъ дѣтей убили русскіе! Ха-ха-ха! Да будетъ благословенна эта война!

Онъ подбѣжалъ къ столу, сѣлъ на низкій стулъ возлѣ лампы и хлѣба, посыпаннаго пепломъ, и, весь скорчившись, началъ бормотать про себя еврейскія молитвы, покачиваясь назадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія Якобъ заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Зейдъ маушель, рабби! ² Въ законахъ написано: «Аунейсь потуръ миклумъ» ³. Утро уже недалеко.

Еврей посмотрѣлъ на Якоба отсутствующимъ взоромъ, словно видѣлъ его въ первый разъ, но потомъ онъ пришелъ въ себя, всталъ, подаль одежку, снятую съ убитыхъ русскихъ солдатъ и сказалъ, чтобы Якобъ и Іосинскій переодѣлись. Потомъ онъ спросилъ, умѣетъ ли кто-нибудь изъ нихъ говорить по-русски. Іосинскій отвѣтилъ утвердительно. Тогда еврей велѣлъ ему сказать русскимъ, которые могли бы зайти къ нему во время его отсутствія, что Михаила потребовали къ генералу.

— Я дѣйствительно иду къ генералу,—закончилъ онъ.— Я скоро вернусь.

— Какъ, вы идете къ русскому генералу?—воскликнулъ Іосинскій.

— А развѣ я могу идти съ вами безъ паспорта?

Когда еврей ушелъ, Іосинскій замѣтилъ:

— Можетъ быть, онъ ушелъ, чтобы привести сюда русскихъ?

— Нѣтъ! Будь спокоенъ! Давай, отдохнемъ немного. Я усталъ, какъ собака.

Было уже почти совсѣмъ свѣтло, когда, наконецъ, еврей вернулся. Онъ принесъ съ собой немного ѣды и подѣлился ею со своими гостями. Послѣ этого онъ велѣлъ имъ слѣдовать за собой. Но когда онъ растворилъ дверь и увидаль лицо Іосинскаго въ утреннемъ разсвѣтѣ, онъ вдругъ бросился къ нему и крикнулъ:

¹ Христіанскій священникъ.

² Извините.

³ Нужда нарушаетъ всѣ обѣты.

— Нѣтъ, нѣтъ; живымъ онъ не долженъ покинуть это мѣсто! Или пусть онъ станетъ передо мной на колѣни и я наступлю на его шею.

Иосинскій съ улыбкой обернулся къ Якобу.

— Этого онъ не сдѣлаетъ!—сказалъ Якобъ.—Онъ польскій воинъ.

— Такъ пусть онъ умретъ!—крикнулъ еврей.

— Рабби, не хотите же вы, чтобы пролилась моя кровь. Я останусь вѣренъ своему товарищу. А потому вамъ остается только спасти и его.

— О, я несчастный! Что мнѣ дѣлать?—застоналъ еврей.—Я положилъ руку на тѣла моихъ убитыхъ дѣтей и поклялся своей головой, что ни одинъ крещенный, очутившійся въ моей власти, не переступитъ моего порога, прежде чѣмъ я не растопчу его во прахъ.

— Написано: когда дѣло идетъ о спасеніи жизни брата, то клятва теряетъ свою силу.

— Такъ пусть же проститъ мнѣ Богъ!—сказалъ еврей нерѣшительно и пошелъ къ двери.

— Стойте! — крикнулъ Якобъ. — Злыя мысли могутъ овладѣть вами въ пути и вы способны убить его. А потому не уходите отсюда, пока вы не заключите съ нимъ шолоймъ¹.

Съ минуту еврей боролся съ самимъ собой. Потомъ онъ протянулъ Иосинскому руку и сказалъ: — Шолоймъ! — Послѣ этого онъ съ тяжелымъ вздохомъ вышелъ изъ хижины. Якобъ и Иосинскій послѣдовали за нимъ.

Послѣ долгаго молчанія Якобъ сказалъ Иосинскому съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Иосинскій, теперь ты узналъ то, что я такъ старательно скрывалъ: я еврей.

— Это я уже давно зналъ,—отвѣтилъ Иосинскій.

— Какимъ образомъ ты могъ это знать?—спросилъ удивленный Якобъ.

— Я догадывался объ этомъ еще въ Алжирѣ. А потомъ я окончательно убѣдился въ этомъ, благодаря тому, что ты всегда старался скрывать свой интересъ къ евреямъ. Но что изъ этого?—продолжалъ онъ, пожимая руку Якоба.—Вся разница между нами только въ томъ, что я вѣрю, что Мессія уже пришелъ, тогда какъ ты вѣришь, что онъ еще придетъ. Какое было бы счастье, если бы я могъ также вѣрить, что Мессія Польши уже пришелъ! Мнѣ такъ хочется поскорѣе узнать, какъ обстоятъ наши дѣла, но въ то же время я боюсь того, что услышу.

Онъ пошелъ быстрѣе, нагналъ еврея и спросилъ его:

¹ Миръ.

— Мой другъ, что новаго знаете вы о Варшавѣ и о польскомъ главнокомандующемъ?

Еврей ничего не отвѣтилъ, Юсинскій повторилъ свой вопросъ. Однако, еврей продолжалъ молча идти впередъ и тогда Юсинскій сказалъ Якобу:

— Должно быть, онъ ненавидитъ меня за то, что принужденъ былъ спасти меня. Поговори ты съ нимъ.

Якобъ спросилъ еврея:

— Почему не хотите вы отвѣтить моему другу на его вопросъ?

— Отвѣтить ему? Но почему не называетъ онъ меня по имени? «Мой другъ!» Его другъ! Я вовсе не его другъ! Когда со мной заговариваютъ, то называютъ меня рабби Хиво.

— Рабби Хиво! Можете вы мнѣ сказать, гдѣ теперь находится польскій главнокомандующій?

— Подъ Прагой.

— Подъ Прагой!—воскликнули Якобъ и Юсинскій.— Такъ значитъ, онъ потерпѣлъ поражение?

— Да, подъ Остроленкой.

— О, Боже, о, Боже!—простоналъ Юсинскій.— Спроси его, знаетъ ли онъ что-нибудь о возстаніи въ Подолии, Литвѣ, Вольни?

— Подавлено повсюду, всѣ разогнаны!—отвѣтилъ еврей на вопросъ Якоба.

Юсинскій судорожно сжалъ руки и испустилъ глубокии вздохъ. Якоба покорило отъ той нотки злорадства, которую онъ подмѣтилъ въ голосѣ еврея, когда тотъ говорилъ о неудачахъ поляковъ. Онъ взялъ Юсинскаго за руку и отсталъ отъ еврея.

— Спроси его еще, у какого генерала онъ былъ въ этой деревнѣ, — просилъ Юсинскій. Якобъ не могъ отказать другу въ его просьбѣ и снова приблизился къ еврею.

— Я былъ у главнокомандующаго,—отвѣтилъ еврей.

— У главнокомандующаго? Значитъ, у Дибича?

— У Дибича? Нѣтъ, онъ умеръ отъ чумы! Я былъ у Пашкевича-Эриванскаго!.. Послушайте,—продолжалъ еврей, притягивая Якоба къ себѣ поближе,—чего вамъ надо въ Варшавѣ? Говорю вамъ: несчастье уже носится надъ этимъ городомъ. Переходите къ русскимъ! Русскій орелъ силенъ, и когти у него позолочены.

Якобъ ничего не отвѣтилъ и молча отвернулся отъ него.

— Постарайся еще что-нибудь вытянуть изъ него,—прошепталъ Юсинскій.

Но еврей ничего больше не зналъ или не хотѣлъ ничего больше говорить. Нѣсколько разъ онъ пытливо смотрѣлъ на

Якоба, словно хотѣлъ сказать ему нѣчто, тяготившее его сердце. Но каждый разъ онъ отворачивался отъ него, покачивая головой.

X.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Якобъ и Юсинскій благополучно пришли въ Варшаву, Якоба потребовали къ полицеймейстеру.

— Я побезпокоилъ васъ,—сказалъ полицеймейстеръ,— чтобы попросить васъ выяснить, если это возможно, что это за человѣкъ, котораго мы задержали, какъ шпиона. Онъ, видите ли, увѣряетъ, что знаетъ васъ и что пробрался сюда откуда-то издалека, только для того, чтобы разыскать васъ. Нѣкоторое время мы думали, что васъ нѣтъ больше въ живыхъ, и предполагали, что шпионъ знаетъ это, а потому прибѣгаетъ къ уловкѣ, называя васъ. Но разъ вы живы и благополучно возвратились, то было бы хорошо, если бы вы посмотрѣли на этого субъекта, прежде чѣмъ его повѣсятъ.

— Какъ зовутъ этого человѣка?—спросилъ Якобъ.

— Это еврей. Онъ называетъ себя Беньяминомъ.

— Господинъ генераль! Онъ невиненъ!—воскликнулъ Якобъ, вскакивая съ мѣста.—Ради Бога, разрѣшите мнѣ немедленно увидать его, пока еще не поздно.

Якобъ бросился въ тюрьму.

Въ сырой темной камерѣ лежалъ на полу на охапкѣ соломы Беньяминъ. Лицо у него было изсѣро-желтое и изможденное, его трясло въ лихорадкѣ и онъ стучалъ зубами.

— Мой бѣдный, милый, Беньяминъ! — воскликнулъ Якобъ, бросаясь къ нему и прижимая его къ своей груди.— Ты здѣсь! Въ этомъ ужасномъ мѣстѣ! Бѣдный, бѣдный Беньяминъ!—и Якобъ покрывалъ его лицо поцѣлуями.

Беньяминъ смотрѣлъ на него съ блѣдной улыбкой, потомъ схватилъ его руку и поднесъ къ губамъ.

Тюремный сторожъ сдѣлалъ знакъ Якобу и сказалъ шепотомъ:

— Не трогайте его, у него, должно быть, холера.

— Не трогать его!—воскликнулъ Якобъ со слезами на глазахъ.—Нѣтъ, я перенесу его къ себѣ! Я немедленно же приму мѣры къ тому, чтобы его перевели ко мнѣ.

Вечеромъ, когда Беньяминъ проснулся послѣ короткаго сна, онъ сталъ осыпать Якоба безчисленными вопросами. Потомъ онъ рассказалъ Якобу о своемъ путешествіи и о томъ, какъ его приняли за шпиона и посадили въ тюрьму. Наконецъ, Якобъ спросилъ его:

— Но развѣ у тебя нѣтъ ко мнѣ письма или какого-вибудь порученія, Беньяминъ?

Несмотря на свои страданія, Беньяминъ хитро улыбнулся и попросилъ Якоба снять съ его лѣбой ноги башмакъ и подпороть подошву.

— Вотъ куда я запряталъ письмо отъ вашего друга Леви,—сказалъ онъ съ гордостью.—Онъ просилъ, чтобы я во что бы то ни стало сберегъ письмо и доставилъ его вамъ. Это такое счастье, что мнѣ удалось припрятать его такъ хорошо! Ди вурденъ гуть геухтц! ¹

Дрожащими руками Якобъ подпоролъ подошву и вынулъ письмо. Вотъ что писалъ ему Леви:

«Мирный Леви шлетъ воину Бендиксену свой привѣтъ.

Въ сущности, ты вовсе не достоинъ того, чтобы благодарный человѣкъ писалъ тебѣ. Ибо неизвѣстно, застанеть ли еще это письмо тебя живымъ. Тѣмъ не менѣе я на мгновеніе предположу, что ты живъ, и повѣдаю тебѣ о томъ, что мнѣ приходится изъ-за тебя переносить.

Долгое время я молился по вечерамъ: «Боже, не допусти, чтобы Якобъ Бендиксенъ былъ застрѣленъ арабомъ, бедуиномъ, кабиломъ или тому подобнымъ дикаремъ. Да, такъ я молился, и это очень облегчало мою душу. И вдругъ я получаю письмо, изъ котораго вижу, что ты уже въ декабрѣ прошлаго года рѣшилъ уѣхать изъ Алжира въ Польшу. И, такимъ образомъ, въ то время, какъ я старался застраховать тебя отъ кабиловъ и т. д., тебѣ угрожали уже пики казаковъ. А теперь, чего добраго, ты, можетъ быть, находишься уже въ Абиссиніи, или на островѣ Явѣ, или въ Гвинее, и въ тебя стрѣляютъ отравленными стрѣлами, тогда какъ я изъ силъ выбиваюсь, чтобы спасти тебя отъ казаковъ. Довольно съ меня этого! Если ты хочешь, чтобы я молился за тебя, то пришли мнѣ весь твой маршрутъ съ точнымъ опредѣленіемъ времени, въ которое ты будешь тамъ-то и тамъ-то. Тогда я буду имѣть возможность хоть какъ-нибудь слѣдить за тобой или, по крайней мѣрѣ, разыщу тебя, разъ ты «отбылъ изъ квартиры», какъ значитъ въ адресномъ календарѣ, и не даешь о себѣ знать.

Письмо это я посылаю тебѣ съ человѣкомъ, который во что бы то ни стало разыщетъ тебя и выкопаетъ хотя бы изъ-подъ земли. Онъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что пріѣхалъ издалека, т. е., изъ Фіоніи, чтобы узнать, гдѣ ты находишься, и что рѣшилъ проѣхать остатокъ пути, чтобы разыскать тебя. Я сказалъ ему: «Беньяминъ, неужели и вы сошли съ ума? Ну, куда вы пойдете и зачѣмъ? Этого бродягу

¹ Хорошо я ихъ провель.

могутъ убить и безъ васъ, вамъ незачѣмъ смотрѣть на это». Но онъ только отвѣтилъ мнѣ: «Лость миръ менухо!»¹ А когда я сообщилъ ему, что ты въ Польшѣ, онъ ужасно обрадовался. «Тамъ живетъ рабби Натанъ Фюртъ, сказалъ онъ, когда то онъ ужиналъ въ субботу у рабби Филиппа. О, онъ навѣрное, приютилъ мальчика и позаботился о немъ». Однако, былъ моментъ, когда Беньяминъ нѣсколько охладѣлъ къ путешеству, и именно, когда онъ узналъ, что ему придется ѣхать по водѣ. Когда я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на корабль, чтобы занять для него мѣсто, онъ съ грустью посмотрѣлъ на море и спросилъ, нельзя ли ѣхать какъ-нибудь сухимъ путемъ. Я отвѣтилъ ему, что такъ или иначе, но необходимо ѣхать водой, такъ какъ путешествие сухимъ путемъ продолжалось бы слишкомъ долго. Тогда онъ глубоко вздохнулъ и пробормоталъ: «Инь Готтесъ номень!»² Придя домой, онъ завязалъ свой узелокъ. Онъ купилъ для тебя апельсинъ и, кажется, собирался свезти тебѣ и кусокъ кошернаго мяса, потому что я слышалъ, какъ онъ сказалъ: «Бѣдный мальчикъ привыкъ хорошо покушать въ родномъ домѣ. Тяжело ему, должно быть, питаться по походному».

Какъ ты думаешь: если бы ты остался на родинѣ и жилъ бы тихо, спокойно съ этимъ самымъ Беньяминомъ и со мной, да еще съ двумя, тремя друзьями, изрѣдка устраивалъ бы партію въ карты и ѣлъ бы по субботамъ свой шолунтъ,³ хотя бы его и приготавливали на свининѣ, — неужели ты думаешь, что Тора Фангель болѣе поторопилась бы изъ-за этого выйти замужъ за лейтенанта Энгберга?

Послушай, Бендиксенъ, эти слова, конечно, самая важная въ этомъ письмѣ, и я считаю своимъ долгомъ сообщить тебѣ все во всѣхъ подробностяхъ. Тебя придется проглотить ложку горечи... такъ постарайся вспомнить о рукѣ, которая протягиваетъ тебѣ ее.

Немного спустя послѣ того, какъ ты уѣхалъ, ко мнѣ пришелъ самъ коммерсантъ Фангель. Постараюсь передать тебѣ нашу бесѣду во всѣхъ деталяхъ. Онъ сказалъ, что спросилъ своего сына, нѣтъ ли у тебя здѣсь хорошаго друга и тотъ указалъ ему на меня, и при этомъ отрекомендовалъ меня съ самой лестной стороны. Вотъ видишь, какъ хорошо не связываться съ женщинами, сватовствомъ и тому подобнымъ. «Я пришелъ поговорить съ вами», сказалъ старый Фангель, «какъ съ благороднымъ человѣкомъ, и буду съ вами откровененъ. Мы получили письмо отъ Бендиксена».

¹ Оставьте меня въ покоѣ.

² Во имя Бога.

³ Особое кушанье, приготавливаемое наканунѣ субботы.

Я сдѣлалъ большіе глаза. Тогда онъ поспѣшилъ прибавить: «Вы, должно быть, не знаете этого. Вотъ письмо. Прочту вамъ прочесть его».

Да, это было дѣйствительно твое письмо.

«Это очень милое и искреннее письмо», сказалъ старый коммерсантъ. «И тутъ поднятъ вопросъ, который въ настоящее время является несравненно болѣе серьезнымъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ. Я всегда считалъ Бендиксена въ высшей степени порядочнымъ и неиспорченнымъ человекомъ, съ которымъ моя дочь могла бы быть счастлива. Да и теперь я о немъ самага высокаго мнѣнія...».

Ой, вей, — подумалъ я, — сейчасъ будетъ «но».

«...Но какъ могли бы они быть счастливы при его раздражительномъ характерѣ, при его склонностяхъ и симпатіяхъ, которыя онъ не позволяетъ затрагивать. Онъ пишетъ о разницѣ въ воспитаніи. Но что было бы, если бы они пожелали, если бы у нихъ были дѣти и эти дѣти воспитывались бы не такъ, какъ онъ. И какъ могла бы совмѣстная жизнь этихъ двухъ людей быть гармоничной, сердечной, разъ его воспоминанія идутъ однимъ путемъ, а ея другимъ? Предположимъ, что я ничего не имѣлъ бы даже противъ того, чтобы она уѣхала съ нимъ во Францію. Но я не вижу, чтобы это хоть сколько-нибудь измѣнило сущность вопроса. Воспоминанія остались бы тѣми же, а тоска по родинѣ и по близкимъ сдѣлала бы ее раздражительной и мнительной».

Вы прочли конецъ письма? Онъ благословляетъ Тору, и да вознаградитъ его Богъ за его любовь. Но, вѣдь, самое благословеніе имѣетъ для него совершенно другое значеніе, чѣмъ для насъ. Не истолкуйте этого превратно, господинъ Леви, но у меня осталось такое впечатлѣніе, точно эти слова приобрѣли бы смыслъ и силу только въ томъ случаѣ, если бы они были произнесены по-еврейски. Что вы мнѣ скажете на это, господинъ Леви?»

Господинъ Фангель, отвѣтилъ я, я съ самага начала былъ противъ влюбленія и противъ обрученія. И разумѣется, отнюдь не потому, что я хоть что-нибудь могъ имѣть противъ вашей дочери, а просто потому, что я былъ увѣренъ, что этотъ союзъ не можетъ повести къ добру. Когда же это свершилось, я старался примириться съ фактомъ и приспособиться къ нему. Однако, замѣтивъ, что въ отношеніи обрученныхъ все-таки ворвался диссонансъ, я сталъ снова желать разрыва. Теперь же я колеблюсь. Бендиксенъ произвелъ надъ собой ломку, онъ странствуетъ по свѣту, онъ стряхиваетъ съ себя пыль, и для него любовь къ вашей дочери во-

прось жизни, вопросъ счастья всей жизни. А потому, если бы ваша дочь захотѣла слѣдовать за нимъ во Францію...

«Да, вотъ именно, если бы она захотѣла! Но хочетъ ли она? Когда мы получили письмо Бендиксена, то у насъ было пролито много слезъ. У меня есть невѣстка, которая не принадлежитъ къ числу друзей Бендиксена. Такъ она въ первое мгновеніе была очень растрогана, но потомъ она сказала: «Нѣтъ худа безъ добра». Я предложилъ дочери обдумать все какъ слѣдуетъ и черезъ три дня дать мнѣ отвѣтъ, но уже рѣшительный. Въ послѣдній день назначеннаго срока она пошла къ причастию и когда по возвращеніи изъ церкви я взялъ къ себѣ Тору, я не могъ добиться отъ нея ни одного толковаго слова, но зато она много плакала. Я снова предложилъ ей сдѣлать выборъ, но она никого не выбрала. А потомъ, недѣлю спустя, ея тетка принесла мнѣ ея обручальное кольцо—вотъ оно... Вы примете это кольцо?»

Я былъ нѣсколько озадаченъ такимъ быстрымъ разрѣшеніемъ сложнаго вопроса, хотя я могъ бы быть подготовленнымъ къ этому съ самаго начала. Однако, я быстро овладѣлъ собой. Вѣдь, я былъ въ роли твоего секунданта, а я не разъ читалъ, какъ должны вести себя секунданты во время дуэли. Я поклонился очень вѣжливо и холодно и принялъ кольцо. Ты можешь быть спокоенъ, я ничѣмъ не проявилъ своего волненія.

Послѣ того, какъ старый Фангель покончилъ со своей дипломатической миссіей, онъ какъ будто рѣшилъ облегчить свое сердце, это я видѣлъ по его лицу. Ему, навѣрно, хотѣлось сказать еще нѣсколько ласковыхъ словъ. Но я понималъ, что онъ раскаялся бы въ своей слабости, какъ только вышелъ бы отъ меня. А потому я помогъ ему ретироваться какъ можно вѣжливѣе и корректнѣе...

Однимъ словомъ, на этихъ дняхъ состоится ея свадьба съ лейтенантомъ Энгбергомъ.

Да, мой другъ, теперь ты можешь спокойно вернуться домой. И я надѣюсь, что ты будешь настолько благоразуменъ, что не сдѣлаешь мнѣ непріятности послѣ того, какъ я потратилъ столько силъ на твое воспитаніе и соблюдалъ твои интересы во время твоего отсутствія. Надѣюсь, ты не сдѣлаешь какой-нибудь нелѣпости, на примѣръ, не задумаешь стрѣляться. Прими во вниманіе, что въ этомъ не было бы никакого геройства, разъ въ твоёмъ распоряженіи такое громадное количество огнестрѣльнаго оружія. Если же ты будешь настолько слабъ, что поддашься дьявольскому наводженію и рѣшишь таки покончить съ собой, то не забывай, что я требую, чтобы ты настолько считался съ моимъ добрымъ именемъ и моей репутацией, какъ твоего лучшаго дру-

га, совѣтчика и повѣреннаго, что соблюлъ бы при этомъ извѣстные приличія. Пусть пройдетъ нѣкоторое время, пусть люди не думаютъ, что ты сдѣлалъ это сгоряча. И когда ты, наконецъ, сознательно и спокойно примешься за выполнение своего рѣшенія, то останови свои мысли хоть на мгновение на зеленой комнатѣ въ родовспомогательномъ заведеніи, гдѣ Грендалъ и я сидимъ за дружеской бесѣдой и благодушно покуриваемъ трубки въ то время, какъ ты собираешься покончить съ собой; вспомни также могилы твоихъ родителей, подумай о томъ, что въ дни поминовения эти могилы останутся заброшенными и одинокими... а потомъ отправляйся хоть къ самому дьяволу въ преисподнюю.

Нѣтъ, меня прямо таки разбираетъ злоба, когда я думаю о томъ, что ты способенъ выкинуть какую-нибудь штуку, словно неразумный ребенокъ! Если бы я могъ хоть на одно мгновение очутиться у тебя! Я сумѣлъ бы подѣйствовать на тебя! Пусть лучше письмо полежитъ немного, а я пока закурю трубку и постараюсь успокоиться, а то ужъ очень я золь...

Продолжаю. Какъ устроилось это сватовство—я навѣрное не знаю. Старый Фангель не былъ со мной вполне чистосердеченъ, да этого и нельзя было требовать. А что касается Вильгельма Фангеля, то съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, онъ золь, какъ чортъ. Кенигъ говорилъ мнѣ, что его сестра слышала, будто горничная Фангель была свидѣтельницей того, что произошло между тобой и Энгбергомъ въ передней. Пошли всякія сплетни, онѣ дошли до старика Фангеля и послѣ этого очень быстро состоялась помолвка Торы Фангель съ Энгбергомъ.

Во всемъ этомъ мало пріятнаго для тебя,—я это прекрасно сознаю. По всей вѣроятности, ты сражался подъ Варшавой съ такимъ чувствомъ, словно это священный городъ, въ которомъ скрывается твоя Дульцинея, а теперь ты видишь, что сражался, какъ Донъ-Ки... впрочемъ, не стоитъ выводить все имя цѣликомъ. Но я утѣшаю себя тѣмъ, что самое худшее прошлое, операция произведена и рана быстро заживетъ, если только ее будутъ лѣчить какъ слѣдуетъ. Чтобы разсѣяться немного, ты могъ бы попутешествовать по мирнымъ странамъ,—это лучшее средство противъ несчастной любви. Насколько я наблюдалъ любовь, то это, ей-Богу, не что иное, какъ та самая болѣзнь, которую называютъ въ повседневной жизни икотой. Стоитъ только отвлечь вниманіе больного отъ икоты, и болѣзнь немедленно проходитъ.

Тебѣ слѣдовало бы устроить маленькую увеселительную

прогулку и прѣхать сюда, чтобы показать имъ всѣмъ, что ты отнюдь не удрученъ. Когда я рассказалъ Бенъямину твою исторію, онъ радостно воскликнулъ: «Какъ это хорошо! У рабби Хирша въ Миддельфартъ есть дочь, она страшно богата и она еще не замужемъ». — Возвращайся-ка на родину, Якобъ Бендиксенъ! Вѣдь, не хочешь же ты, чтобы жена священника рассказывала всѣмъ направо и налево, что ты убитъ или что ты калѣка? Или тебѣ дѣйствительно хочется доставить ей это удовольствіе? Нѣтъ, я надѣюсь, что ты сдѣлаешь насмѣшливое лицо, когда встрѣтишься съ ними въ первый разъ на улицѣ, или что ты спокойно подойдешь къ нимъ и любезно поздравишь ихъ съ семейнымъ событіемъ. Однимъ словомъ, дѣлай все, что угодно, будь только благо-разуменъ... И пусть поляки поколотятъ русскихъ или русскіе поколотятъ поляковъ—какого чорта, откровенно говоря, тебя до всего этого? Вѣдь, если даже русскіе и возьмутъ Варшаву, тебѣ это ничуть не помѣшаетъ сдѣлаться докторомъ медицины и хирургіи и со временемъ приобрѣсти колоссальную практику.

Ну, больше у меня нѣтъ никакихъ словъ. Если эта доза не поможетъ тебѣ, то ты вообще не достоинъ того, чтобы на тебя тратили какіе бы то ни было рецепты. Въ такомъ случаѣ я остаюсь

невъразимо презирающій тебя
твой бывший другъ
Мартинъ Леви,
кандидатъ хирургіи и медицины».

Якобъ всталъ, подошелъ къ окну и прижался лбомъ къ холодному стеклу. Онъ смотрѣлъ передъ собой отсутствующимъ взоромъ безъ мыслей и безъ чувствъ. Былъ конецъ лѣта, вечера были уже темные, но небо было ясное. Звѣзды смотрѣли съ неба, словно кроткіе, серьезные глаза, силуэты домовъ поднимались къ небу, точно живыя существа, которымъ хочется на просторѣ вздохнуть полной грудью.

Вдругъ на небѣ вспыхнуло зарево и облило сосѣдніи домъ багровымъ свѣтомъ... На улицѣ раздались громкіе крики: «Долой предателей!» и вслѣдъ затѣмъ послышался вой толпы, потомъ радостные крики... по улицѣ пронесся цѣлый отрядъ всадниковъ, опять раздались пронзительные крики, выстрѣлы, стоны... затѣмъ наступила тишина... и снова послышался шумъ и ревъ. Въ порывѣ безумнаго отчаянія обманутые поляки раздирали другъ друга.

Все это доходило до сознанія Якоба въ какомъ-то затуманенномъ видѣ.

Наконецъ, наступила полная тишина.

Якобъ вышелъ изъ оцѣпенѣнія, услыхавъ, что кто-то произносить его имя и стонетъ тутъ же въ комнатѣ. Онъ быстро подошелъ къ кровати Бенямина и увидалъ, что больной весь носинѣлъ и водить руками по воздуху.

— Зейдъ ирѣ до?¹—со стономъ произнесъ умирающіи.— Мнѣ надо кое-что сказать... Это Якобъ, сынъ рабби Пфейвеса... неужели я не узналъ бы его?.. У моей жены родился сынъ... Мазольтойвъ, зогъ ихъ², Iетте, зи варъ зо шейнъ!..³ До истъ деръ малохъ хамовесъ...⁴ До комтъ эръ... Вей, вей! Во зиндъ ди гутенъ іехудимъ, ди до зогенъ ди виддо?..⁵ Ошамти, богадти, гозальти, тофальти, шейкеръ..⁶ До истъ зи, до истъ Iетте!.. Яу, Iетте... Яйнкефъ! Бенъ рабби Пфейвеса! Эйрѣ муттерѣ штарбтъ форъ эймо фюръ эйхъ..⁷ Зи меймизенъ эйхъ...⁸ о, шма Исроэль!..

Беняминъ былъ мертвъ.

Якобъ опустился на колѣни передъ покойнымъ. Онъ пытался плакать, но глаза его были сухи и горѣли, и изъ нихъ не выкатилось ни слезинки...

— Русскіе здѣсь!—крикнулъ офицеръ, вбѣгая въ комнату.

Якобъ вскочилъ, схватилъ оружіе и бросился въ Волу.

* * *

— Пока дѣло вовсе еще не такъ плохо!—сказалъ Юсинскій, глаза котораго блеснули отъ возбужденія, когда онъ встрѣтился съ Якобомъ.—Черезъ нѣсколько часовъ разгорится бой. Приложи ухо къ брустверу, ты услышишь, какъ грохочатъ вдали пушки. Но они напрасно будутъ штурмовать эти укрѣпленія и этихъ защитниковъ! А когда они, изнуренные безрезультатной борьбой, должны будутъ отступить, то къ намъ на помощь подоспѣетъ свѣжее двадцатитысячное войско подъ командой Раморино, и они будутъ разбиты. Теперь они въ нашихъ рукахъ! Польша побѣдитъ!

И Юсинскій поспѣшилъ дальше, горячо пожавъ Якобу руку. Якобъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ: «Больно было бы его разочаровывать. Пусть онъ еще хоть два часа тѣшитъ себя свѣтлой надеждой».

Онъ облокотился о брустверъ и посмотрѣлъ на небо,

¹ Вы здѣсь?

² Поздравляю, говорю я.

³ Она была такъ прекрасна.

⁴ Вотъ ангелъ смерти.

⁵ Гдѣ святыя евреи, которые читаютъ отходную?

⁶ Я грѣшилъ, я обманывалъ, я воровалъ, я лгалъ.

⁷ Ваша мать умерла отъ горя.

⁸ Вы губите себя.

звѣзды одна за другой блѣднѣли и какъ бы таяли въ предразсвѣтной мглѣ. На востокѣ появилась уже блѣдно-розовая полоса, тогда какъ остальная часть небеснаго свода стала какъ будто темнѣе и на синемъ фонѣ выдѣлялись причудливыя легкія облачка.

— О, Богъ, сущій на небесахъ! — воскликнулъ Якобъ, протягивая руки къ розовой полосѣ на востокѣ, — Владыка людей... если только Ты существуешь! Говорю тебѣ, что если я уйду отсюда живымъ, я убью одного человѣка. Я сказалъ Тебѣ это!

Кто-то положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся и увидалъ рабби Хиво.

— Коль Исроэль ахимъ!¹ — сказалъ еврей торжественно и серьезно.

— Что же изъ этого? — спросилъ Якобъ.

— Братъ, уходи отсюда! Говорю тебѣ: тотъ, котораго они называютъ Раморино, не придетъ. Онъ находится на разстояніи пяти дней марша отсюда. Онъ придетъ уже послѣ того, какъ Варшава будетъ взята.

— Рабби Хиво! — сказалъ Якобъ. — Вы спасли мою жизнь. Теперь я спасаю вашу: уходите!

— Завтра будетъ уже поздно, — продолжалъ еврей настойчиво, — завтра, когда я приду разыскивать васъ, я найду только ваше тѣло. Говорю вамъ: этотъ городъ обреченъ, онъ будетъ взятъ. Онъ все равно, что перепиленное дерево — стоитъ сдѣлать знакъ и оно обрушится. Идите къ русскимъ, ужъ если вамъ такъ хочется сражаться.

— Уходите, рабби Хиво! — крикнулъ Якобъ, хватаясь за саблю.

— Но, но, шрейтъ нуръ нить,² — прошепталъ еврей боязливо, — вотъ и дѣлай добро еврею! Но, вѣдь, онъ былъ въ моемъ домѣ во время шивво, — пробормоталъ онъ, отходя отъ Якоба.

Раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и надъ Варшавой занялось утро 6-го сентября.

Разверзлись сотни огнедышащихъ пастей, воздухъ сотрясался отъ непрестаннаго грохота. Творенія рукъ человѣческихъ, воздвигнутыя, какъ несокрушимыя памятники, рассыпались въ щебень... но на развалинахъ стояли уже наготовѣ польскіе защитники.

Непріятель приближался неуклонно, слышны были уже ружейные залпы... вотъ смертельные враги сошлись, и началась ужасная работа штыками...

¹ Всѣ дѣти Израіля—братъя.

² Не кричите.

Еще разъ горделиво поднялся польскій орелъ, русскіе поколебались...

Якобъ былъ раненъ въ грудь и лежалъ на обагреной кровью землѣ въ полубезсознательномъ состояннн, онъ былъ свидѣтелемъ страшной бойни.

Наконецъ, бой стихъ. Командующій приказалъ части войска уйти изъ Воли на другіе пункты крѣпости. Полкъ Юсинскаго былъ въ числѣ тѣхъ, кто, слушаясь приказа военначальника, покинули своихъ братьевъ, чтобы никогда уже больше съ ними не увидѣться.

Мысль о томъ, что Юсинскій покидаетъ его, такъ сильно взволновала Якоба, что онъ потерялъ сознание.

Немного спустя ему показалось, что онъ видитъ рабби Хиво, склонившагося надъ нимъ. Потомъ онъ услыхалъ, какъ Сольтау и кавалеристы закричали: «Проклятый жидъ! Христопродавецъ окаянный!.. Нѣтъ ли у кого-нибудь веревки?..» «Я не еврей!»—взмолился рабби Хиво.—«Онъ не еврей»—раздался голось Юсинскаго.—«Прошу извинить меня, онъ еврей!»—сказалъ лейтенантъ Энгбергъ, вонзая въ грудь рабби Хиво свою саблю.—«Ой, шма Исроэль!»—простоналъ рабби Хиво, хватаясь за грудь, а изъ его груди уже била фонтаномъ кровь. И вмѣстѣ съ струей крови изъ груди вышла его душа въ видѣ отвратительной черной змѣи. Змѣя въ одно мгновение обвилась вокругъ тѣла Якоба и унесла его съ головокружительной быстротой въ безграничное темное пространство. И вдругъ онъ ударился о какую-то стѣну съ такимъ грохотомъ, словно раздался залпъ изъ сотенъ пушекъ, и вслѣдъ за этимъ онъ погрузился въ тяжелый сонъ безъ сновидѣній. Только разъ онъ на мгновение очнулся и тогда ему показалось, какъ въ туманѣ, что Юсинскій сидитъ возлѣ него и плачетъ. Но грудь его пронзила острая боль, и онъ снова погрузился въ забытье.

XI.

На прусской границѣ, у рѣки Нейсе расположилась небольшая деревня, окруженная низкими горами. Въ одномъ концѣ деревни горы какъ бы отступаютъ назадъ и образуютъ полукругъ, обрамляя плодородную долину, среди которой протекаетъ рѣка. У входа въ долину стоятъ нѣскольکو одинокихъ домиковъ; если смотрѣть на нихъ съ горъ, то они напоминаютъ разрѣзвившихся дѣтей, которыя убѣжали впередъ отъ старшихъ.

Вотъ въ одномъ изъ такихъ-то домиковъ, принадле-

жавшемъ людямъ польскаго происхожденія, и поселились Якобъ и Юсинскій.

Послѣ взятія Варшавы Юсинскій разыскалъ Якоба и какъ только его рана настолько зажила, что его можно было двинуть съ мѣста, онъ отправился съ нимъ къ границѣ. Граница строго охранялась, но Юсинскій какимъ-то чудомъ прошелъ черезъ невѣроятныя затрудненія и опасности. Трудности и лишенія, сопряженные съ этимъ путешествіемъ, чуть не убили Якоба и онъ нѣсколько разъ снова заболѣвалъ и тогда путешествіе прерывалось на долгое время. Такимъ образомъ прекраснѣйшее время года прошло для обоихъ друзей въ горѣ, тревогѣ и заботахъ.

Лѣто уже близилось къ концу и близилась пора разлуки. Юсинскій становился съ каждымъ днемъ все молчаливѣе, все суровѣе, точно онъ сердился на Якоба за то, что ему приходится разставаться съ нимъ.

Наступилъ и послѣдній вечеръ. Дорожные мѣшки были уже завязаны и лежали на столѣ среди оружія и другой клади. Юсинскій каждую минуту выходилъ изъ дома, какъ бы для того, чтобы въ послѣдній разъ прогуляться по окрестностямъ, но сейчасъ же возвращался и молча садился у окна.

Наконецъ, онъ сказалъ.

— Ты весь вечеръ сидишь, словно нѣмой. Право, можно подумать, что мы двѣ бабы, которыя собираются разставаться.

— Юсинскій, я думаю о тѣхъ часахъ, которые мы провели вмѣстѣ. Кто знаетъ, суждено ли намъ еще когда-нибудь увидѣться.

— Поѣдемъ со мной!

— Ты хорошо знаешь, что именно влечетъ меня на родину. Нѣтъ, ужъ лучше ты измѣни свой планъ, поѣдемъ со мной въ Данію. Вѣдь, пока еще не поздно.

— Какой смыслъ для меня жить въ Даніи безъ цѣли и занятія? Нѣтъ, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Наши пути расходятся, намъ придется разстаться.

Наступило долгое молчаніе. Наконецъ, Юсинскій снова заговорилъ:

— Какъ эта мѣстность соотвѣтствуетъ моменту. Позади слабо освѣщенныхъ горъ все тонетъ въ загадочномъ мракѣ, какъ и наше будущее. Среди темныхъ массъ двигается лишь ручей, который спускается по каменнымъ глыбамъ, словно живыя существа. То они скрываются во мракѣ, то сверкаютъ въ прозрачномъ свѣтѣ луны, словно имъ вдругъ овладѣла какая-то мысль, и въ слѣдующее мгнове-

ніе уже исчезла... Это ручей — вѣчно бодрствующее воспоминаніе о моей родинѣ... Странно, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, — самъ человѣкъ и не сознаетъ, насколько онъ крѣпокъ и живучъ. Годъ тому назадъ въ Варшавѣ, когда Польша имѣла еще народъ и армию, когда нашему оружію улыбалась побѣда, тогда одна только мысль о такомъ времени, какое мы переживаемъ теперь, показалось бы мнѣ убійственной. И вотъ это время настало, а я живъ, я ѣмъ и пью, и даже съ большимъ аппетитомъ, словно ничего и не случилось такого, что могло бы подѣйствовать на аппетитъ... Посмотри, только что ручей высоко брызнулъ въ лунномъ свѣтѣ... точно безумная, колющая мысль о мести.

— Местъ, — повторилъ Якобъ задумчиво. — Ахъ, если бы при помощи мести можно было измѣнить случившееся! Если бы можно было, убивая человѣка, убить и его поступокъ.

Іосинскій повернулся къ нему и посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ.

— Такъ ты не разсуждалъ, когда лежалъ въ жару и бормоталъ имя человѣка, который отнял у тебя невѣсту. И при этомъ ты такъ волновался, что рана твоя раскрылась и кровь била изъ нея ключомъ.

— Да, быть можетъ, это происходило отъ ужаснаго сознанія, что я не могу отомстить, и отказаться отъ мести тоже не могу. О, въ первое мгновеніе я, дѣйствительно, былъ бы способенъ броситься на него, словно дикій звѣрь. Но когда я позже представилъ себѣ, что этотъ человѣкъ очутился въ моей власти, и мысленно перебиралъ всѣ тѣ способы, при помощи которыхъ я могъ бы причинить ему зло, а самъ стать счастливымъ, я отказывался отъ всего и утѣшался только тѣмъ, что мсть принадлежитъ Богу.

— Нечего сказать, къ лицу тебѣ быть религіознымъ! — сказалъ Іосинскій насмѣшливо и снова вышелъ изъ комнаты.

Якобъ долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Наконецъ, онъ всталъ, подошелъ къ столбу, взялъ саблю Іосинскаго, какъ бы разглядывая ее и склоняясь все ниже и ниже, онъ вдругъ прижалъ ее къ своимъ губамъ.

Немного спустя явился Іосинскій. Онъ схватилъ руку Якоба и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Прости, дорогой Бендиксенъ Я такъ раздражителенъ и такъ неласковъ съ тобой! Но въ послѣднее время у

меня душа не на мѣстѣ, и я золь и на самого себя, и на весь свѣтъ. Вотъ и тебя я обидѣлъ только что.

— О, нѣтъ, Юсинскій! Я откровенно сознаюсь, что ты правъ! Эта религиозность, въ сущности, не что иное, какъ притворство съ моей стороны передъ Божествомъ. Я даже не увѣренъ въ томъ, что такая сила существуетъ, и въ то же время я трушу этой силы и боюсь оскорбить ее, чтобы она не отняла отъ меня единственное и послѣднее, что у меня осталось въ жизни.

— Бѣдный другъ! Неужели же ты думаешь, что своимъ притворствомъ добьешься того, что божество захочетъ совершить чудо и она останется вѣрна тебѣ?

— Не знаю, Юсинскій, но мнѣ кажется, что это было бы такъ естественно... Я не могу примириться съ мыслью, что это не такъ! Если бы ты зналъ ее! Если бы ты могъ себѣ представить, что это за прелестное существо!.. О, я полюбилъ бы и Бога и всѣхъ людей, если бы только она сохранила свою любовь ко мнѣ! Я готовъ былъ бы прижать къ своей груди каждаго христианина и назвать его братомъ, потому что она христианская дѣвушка... Я тѣшу себя мыслью о своемъ возвращеніи на родину, представляю себѣ, какъ встрѣчусь съ ней послѣ долгой разлуки..

Разъ какъ-то я вообразилъ себѣ, будто она стоитъ передъ алтаремъ... съ нимъ. Священникъ раскрылъ святую книгу и произнесъ молитву. Она стояла и дрожала всѣмъ тѣломъ. Священникъ спросилъ: согласна ли она взять въ мужа этого человѣка? Она шевельнула губами, но не могла произнести ни звука... тогда я выступилъ впередъ и она съ громкимъ крикомъ бросилась мнѣ на шею... Да, но это мечты... это невозможно!.. Въ своемъ воображеніи я видѣлъ даже ихъ семейную жизнь. Онъ читалъ газету и зѣвалъ, а она сидѣла за чайнымъ столомъ, блѣдная и задумчивая и вертѣла въ рукахъ ложечку... Вошла служанка и доложила, что пришелъ незнакомый офицеръ, онъ хочетъ поговорить съ лейтенантомъ. Онъ вышелъ въ кабинетъ, я пошелъ къ нему навстрѣчу и вызвалъ его на дуэль — я могъ это сдѣлать, потому что я тоже офицеръ! Тутъ выбѣжала она и крикнула: «Пощади его, пощади его, онъ отецъ моего ребенка. Если ты хочешь получить удовлетвореніе, то ты получишь его. Въ присутствіи моего мужа я говорю тебѣ, мой возлюбленный, что я люблю только тебя и вѣчно буду любить тебя одного!..» Я ушелъ и посвятилъ свою жизнь прекрасному и святому христианскому дѣлу... Быть можетъ, Господь позволить мнѣ начать мою жизнь сызнова на но-

вомъ мѣстѣ, такъ какъ я замѣчаю, что до сихъ поръ все у меня выходило не такъ, какъ это должно было бы быть.

— Сегодня вечеромъ мы должны быть веселыми! — воскликнулъ Иосинскій. — Я сдѣлаю великолѣпную жженку! И мы будемъ пить, пока мою лошадь не подведутъ къ двери. Я еще разъ спою польскія пѣсни, а ты споешь про счастливую любовь... Быть можетъ, сердца наши разорвутся и намъ не надо будетъ разставаться.

— Я не могу еще умереть, — пробормоталъ Якобъ.

Наступило долгое молчаніе. Потомъ Иосинскій снова заговорилъ:

— Мнѣ такъ невыразимо тяжело разставаться съ тобой, Бендиксенъ. У меня такое чувство, будто, разставаясь съ тобой, я окончательно теряю свое отечество. И потомъ мою совѣсть мучитъ также и то, что ты ради Польши растратилъ свое состояніе, пожалуй, даже все. Сынъ обязанъ уплатить долгъ умершаго отца, чтобы тотъ могъ хоть съ честью покоиться въ могилѣ. Но, вѣдь, ты знаешь, у меня ничего нѣтъ.

— Дорогой Иосинскій, мнѣ больно слушать тебя. Почему и ты также смотришь на меня, какъ на чужого? Кромѣ того, я вовсе не бѣденъ. На родинѣ у меня состояніе, мой отецъ былъ богатымъ человѣкомъ. А потому объ этомъ не стоитъ говорить.

— Вотъ и утро уже занимается, — сказалъ Иосинскій, поворачиваясь къ окну. — Теперь мы можемъ уже считать минуты, которыя намъ осталось провести вмѣстѣ. Мнѣ хотѣлось бы остановить время и въ то же время хотѣлось бы, чтобы эти тяжелыя минуты скорѣе прошли... Прошу тебя, исполни одну мою просьбу: уѣдемъ отсюда одновременно. По дорогѣ мы вдругъ повернемъ лошадей въ разныя стороны и не будемъ оглядываться больше... такъ все и кончится...

XII.

Пароходъ бросилъ якорь и къ нему причалили лодки, чтобы забрать пассажировъ.

У таможенной пристани одного встрѣтила жена и дѣти, другому пріятель уже издалека кричалъ привѣтствіе, третьяго почтительно встрѣчалъ слуга, спѣша взять изъ рукъ дорожныя вещи. Только единственный пассажиръ въ этой шумной толпѣ прошелъ никѣмъ не замѣченный и въ нервномъ возбужденіи зашагалъ по улицамъ.

Время отъ времени по его лицу пробѣгала довольная улыбка, когда онъ узнавалъ старыя мѣста. Но затѣмъ снова

появлялось печальное выраженіе, точно онъ боялся от-
даться радостнымъ чувствамъ.

Онъ быстро прошелъ мимо дома Фангель... вотъ онъ
снова увидалъ его! Всѣ окна были завѣшены. Онъ подумалъ съ облегченіемъ: «Они на дачѣ, я это зналъ. И она также тамъ... Сегодня вечеромъ!»

Онъ свернулъ на другую улицу и направился къ дому, въ которомъ жилъ Леви. Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, представивъ себѣ радостное изумленіе друга.

Въ родовспомогательномъ заведеніи ему сказали, что Леви давно уже переселился къ своей старой хозяйкѣ.

— Господи, неужели это вы, господинъ докторъ! — воскликнула старая хозяйка. — Я не узнала васъ, пока вы не заговорили. Пожалуйста, войдите и сядьте. Но до чего вы измѣнились! Вы постарѣли на десять лѣтъ! Увѣрю васъ. Ахъ, ужъ эти молодые люди! — сказала она, лукаво грозя пальцемъ. — За границей они торопятся жить, въ особенности въ Парижѣ, гдѣ такъ много бѣдовыхъ женщинъ.

— Скажите, милая мадамъ, гдѣ Леви?

— Онъ ушелъ прогуляться. Кажется, съ господиномъ Кенигомъ. Тотъ зашелъ за нимъ. А вы знаете, какъ легкомысленны молодые люди. Но господинъ Леви рѣдкостный человѣкъ. А потому мнѣ очень жалко, что онъ уѣзжаетъ за границу...

— Какъ, господинъ Леви уѣзжаетъ за границу?

— Да, такъ онъ рѣшилъ. Онъ поѣдетъ въ Швецію изучать холеру. Ахъ, ужъ эти молодые люди! Имъ ровно ничего не стоитъ уѣхать въ широки свѣтъ! Никто не груститъ по нимъ... Вы уже уходите, господинъ докторъ? А вечеромъ вы не зайдете? Господинъ Леви вечеромъ навѣрное будетъ дома. Ахъ, какой это прекрасный человѣкъ!

— Нѣтъ, сегодня вечеромъ я уѣзжаю на дачу. Скажите, пожалуйста, Леви, что я остановился въ *Hotel du Nord*.

— Такъ вы ѣдете на дачу? Навѣрное, къ вашимъ добрымъ знакомымъ? Да, это доставитъ вамъ большое удовольствие. Хорошо, я скажу господину Леви. Прощайте, господинъ докторъ! Надѣюсь, мы скоро васъ снова увидимъ. Прощайте!

«Пожалуй и лучше, что я его не засталъ», — подумалъ Якобъ, выходя изъ воротъ. — «А теперъ!» — и онъ приложилъ руку къ сердцу, какъ бы желая успокоить его безумное біеніе.

* * *

Быль сентябрьскій вечеръ. Надъ проливомъ сіяла кро-

вавая луна, только что выплывшая изъ-за большой черной тучи. Мало-по-малу она становилась все свѣтлѣе и, наконецъ, приобрѣла обычный желтый оттѣнокъ и ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ обливала проливъ и берега съ полями, на которыхъ еще виднѣлись скирды только что скошенныхъ хлѣбовъ. Было очень тихо, листья на деревьяхъ не двигались. Съ берега доносилось лѣнивое всплескиваніе воды, напоминавшее тихіе крадущіеся шаги.

Въ отдаленной уголь сада, гдѣ стоялъ Якобъ, доносились съ нѣкоторыми перерывами звуки скрипокъ и флейтъ. Это играли въ ярко освѣщенномъ домѣ.

— У нихъ музыка, они веселятся! — сказалъ Якобъ, ожидая съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. — Ахъ, да, вѣдь, сегодня день ея рожденья... Вотъ сюда она иногда приходила... здѣсь я и буду ждать ее сегодня... и каждый вечеръ, пока случай или судьба не приведетъ ее сюда... Можетъ быть, она танцуетъ въ этотъ моментъ... когда-то она танцевала со мной!. Что, если бы я совершенно спокойно вошелъ въ заль и сказалъ бы: Добрый вечеръ!..

Песокъ на аллеѣ заскрипѣлъ, кто-то приближался... это была Тора.

Она шла медленно и задумчиво къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ... Вотъ онъ снова вблизи ея! Онъ готовъ былъ упасть на колѣни и молиться на нее. Онъ забылся, глядя на нее и не шевелился. Онъ хотѣлъ какъ бы насладиться дивнымъ зрѣлищемъ до послѣдней минуты.

Она прошла мимо небольшой полянки, и луна ярко освѣтила ея лицо. Щеки ея пылали и въ глазахъ было то своеобразное выраженіе, которое было такъ хорошо знакомо Якобу. Ему стало неприятно отъ этого взгляда, и онъ замедлилъ выйти изъ своей засады.

Вдругъ раздались другіе шаги. Тора обернулась. Черезъ минуту къ ней подошелъ молодой человекъ и, обнявъ ее за талью, онъ повелъ ее въ бесѣдку.

Тамъ они оба сѣли. Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

Она спросила шопотомъ:

— Гдѣ мой мужъ?

— Онъ былъ совсѣмъ пьянъ, когда я отошелъ отъ него, — отвѣтилъ молодой человекъ.

Она содрогнулась и вырвалась изъ его объятій. Немного спустя она убрала съ его лба волосы, посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала:

— Грабовъ, настанетъ время, когда ты покинешь меня и когда ты будешь презирать меня. Такъ знай же, что и я тебя не уважаю.

— Не будь глупенькой, — сказалъ онъ, обнимая ее за талию.

Въ ея глазахъ снова появилось стеклянное выраженіе, и ихъ губы встрѣтились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Тише, — сказала Тора, вскакивая съ мѣста. — Мнѣ показалось, что кто-то вздохнулъ... это былъ ужасный вздохъ!

— Пустяки! Это вѣрно вѣтеръ зашелестилъ листьями! Не обращай на это вниманія.

— Нѣтъ, здѣсь кто-то былъ!.. Вотъ теперь зашуршала трава позади насъ въ канавѣ.

— Это просто обвалилось немного земли.

— Нѣтъ, нѣтъ, кто-то тутъ былъ! Пойди и посмотри.

Молодой человѣкъ пошелъ и вскорѣ возвратился.

— На краю канавы сидитъ человѣкъ, — сказалъ онъ, — должно быть, онъ отдыхалъ. Но когда онъ меня увидѣлъ, онъ ушелъ. Видно было, что это старый человѣкъ... Вотъ видишь... бояться было нечего...

XIII.

— Бендиксенъ пріѣхалъ! — крикнулъ Леви Грендалю, встрѣтивъ его на улицѣ.

— Вотъ почему ты галопируешь. Когда онъ пріѣхалъ?

— Вчера днемъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, но не засталъ меня. Хочешь, пойдемъ къ нему вмѣстѣ? Онъ остановился въ гостиницѣ.

— Да, если только онъ хорошо выбритъ. Вѣдь, сегодня придется расцѣловаться съ нимъ.

— Нѣтъ, я именно думалъ держать себя такъ, какъ будто онъ никуда и не уѣзжалъ. Воображаю, какъ онъ будетъ удивленъ, когда мы совершенно хладнокровно поздороваемся съ нимъ вмѣсто того, чтобы броситься къ нему на шею.

— Вѣрно! Я иду съ тобой!

— А послѣ мы можемъ устроить въ честь его праздникъ въ родовспомогательномъ заведеніи, чтобы загладить наше хладнокровіе при первой встрѣчѣ.

— Великолѣпно! Ты сегодня гениаленъ.

— Я заранѣе наслаждаюсь, представляя себѣ лицо Бендиксена. Какъ хорошо, что ты со мной, иначе онъ сейчасъ же заговорилъ бы со мной объ этой исторіи съ Торой Фангель... Ты помнишь, конечно, что онъ былъ помолвленъ съ ней?

— Да, да. Ахъ, кто не былъ дуракомъ въ своей юности?

— Твоими устами говорить сама истина... Ну, пойдемъ, справимся у швейцара... Нѣтъ, не надо, вотъ тутъ вывѣша-

ны имена... Бендиксенъ — 54. Прекрасно. Теперь скорчи подобающее лицо... ты готовъ?

— Послушай, Леви... что мнѣ пришло въ голову... Въ сущности, я всегда любилъ Бендиксена. Войдемъ къ нему и честно пожмемъ ему руку да еще и поцѣлуемъ его, разъ ужъ такъ полагается. Вѣдь, можно потомъ хорошенько вытереть себѣ ротъ.

— Ей-Богу, ты растрогался.

— Нѣтъ, ужъ разъ ты такую мерзость обо мнѣ думаешь, то я пойду къ нему съ такимъ лицомъ, словно я далъ себѣ слово проглотить его. Стучи.

Не ожидая, чтобы что-нибудь отвѣтилъ, Леви отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Грендаль послѣдовалъ за нимъ.

Якобъ лежалъ на постели одѣтый и спалъ. На столѣ горѣла свѣча, догорѣвшая до самаго подсвѣчника.

— Гдѣ, чортъ возьми, онъ шляется ночью? — спросилъ самого себя Леви.

— Это онъ воображаетъ себѣ, что онъ въ походѣ и спитъ въ лагерѣ. Развѣ ты не видишь? Онъ думаетъ, что онъ еще въ Польшѣ. А теперь мы можемъ завладѣть имъ безъ всякаго сопротивленія съ его стороны. Держи его за руки, а я буду держать за ноги.

— Нѣтъ, это подло нападать на врага, когда онъ спитъ. Пусть онъ лучше выспится. А ты бѣги сейчасъ же въ родовспомогательное и организуй тамъ утреннюю пирушку. Я подожду здѣсь, пока онъ проснется.

— Вотъ было бы хорошо, если бы его можно было снести въ сонномъ состояннн прямо туда и разбудить звонномъ стаканомъ и бутылкою! Клянусь богами, онъ подумалъ бы, что и не уѣзжалъ отсюда.

Когда Грендаль, наконецъ, ушелъ, Леви поднялъ шторы и погасилъ свѣчу. Потомъ онъ усѣлся у кровати и сталъ разсматривать блѣдное и изможденное лицо Якоба. Вдругъ Якобъ застоналъ. Леви позвалъ его: — Бендиксенъ! Бендиксенъ! — сперва тихо, а потомъ все громче и громче. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и сталъ трясти.

— Кто здѣсь? — крикнулъ Якобъ, вскакивая съ кровати.

— Другъ!

— Леви! — воскликнулъ Якобъ. — Такъ это ты?

— А кто же другой? Развѣ у кого-нибудь другого хватило бы терпѣннн стоять здѣсь цѣлый часъ и трясти своего вновь обрѣтеннаго друга?

— Не былъ ли это сонъ?—спросилъ Якобъ, протирая себѣ глаза.

— Что именно? Что я трясъ тебя? Въ такомъ случаѣ это былъ дьявольски правдоподобный сонъ!

— Да, это былъ, дѣйствительно, дьявольски правдоподобный сонъ.

Леви молчалъ и смотрѣлъ на Якоба.

— Леви, — сказалъ Якобъ, беря обѣ его руки, — вотъ мы снова увидѣлись!.. Теперь у меня ужъ никого больше нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ тебя!

— Да неужто? А себя ты не считаешь? Или ты оставилъ себя въ Польшѣ?

— Нѣтъ, но теперь нѣтъ больше никого, кромѣ тебя, кто былъ бы мнѣ близокъ.

— Я могу положиться на твои слова? Даже не...

— Не называй ее! Я не хочу слышать ея имени!

— Bravo! Давно бы такъ! Только тебѣ незачѣмъ было кричать такъ громко. Во всякомъ случаѣ намѣренье съ твоей стороны было доброе. Ты можешь сегодня же получить удостовѣренье въ томъ, что выписанъ изъ больницы.

— О, да, я совершенно исцѣленъ! — сказалъ Якобъ, начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Леви тоже сталъ ходить и сказалъ, искоса посмотрѣвъ на него:

— Что же, займемся моціономъ. Не слѣдуетъ пренебрегать философіей перепатетиковъ. Ну, разъ ты чувствуешь себя такъ хорошо, то чѣмъ собираешься ты заняться, стремясь принести пользу людямъ и себѣ самому?

— Былъ моментъ, когда я рѣшилъ выбѣжать на улицу, держа въ каждой рукѣ по ножу, и убивать людей до тѣхъ поръ, пока у меня не отнимутся руки.

— Чортъ возьми! Какое счастье, что я пришелъ прежде, чѣмъ ты выбѣжалъ на улицу.

— Но потомъ я раздумалъ. Вѣдь, меня схватили бы, отдали бы подъ судъ и потомъ весь городъ пошелъ бы смотрѣть, какъ отрубаютъ голову еврею.

— Совершенно вѣрно. Я вижу, что ты во время похода въ Польшѣ изучилъ датскіе законы.

— Хотѣлъ было я также поджечь городъ со всѣхъ сторонъ. Но и отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ меня, конечно, отправили бы на каторгу, или же засадили бы въ сумасшедшій домъ.

— Ты разсуждаешь вполне благоразумно. Но, кстати, въ чемъ провинился передъ тобой несчастный городъ?

— Но вѣдь ты слышалъ, что я фантазирую. Городъ стоитъ невредимымъ.

— Это очень хорошо и я глубоко признателенъ тебѣ за это. Но мнѣ кажется, что въ твоихъ фантазіяхъ есть что-то горячее... Да, я вспомнилъ, что хозяйка говорила, будто ты собирался съѣздить вчера куда-то на дачу... Ужъ не простудился ли ты тамъ?

— Нѣтъ, я только видѣлъ сонъ.

— Какой?

— Будто я увидалъ ее.

— Можетъ быть, ты и разговаривалъ съ ней во снѣ?

— Нѣтъ, тутъ мнѣ помѣшалъ другой.

— Понимаю, ты видѣлъ во снѣ, что тебѣ помѣшалъ ея супругъ?

— Да, ея супругъ... ха-ха-ха!

— Ты смѣешься отъ души. Развѣ было такъ смѣшно говорить съ нимъ?

— Я съ нимъ не разговаривалъ.

— Гдѣ Беньяминъ? — спросилъ Леви. Потомъ онъ проговорилъ какъ бы про себя: — Одно горе съ такими людьми! Они чутьемъ угадываютъ все, что касается женщины, въ которую они имѣли несчастье влюбиться.

— Беньяминъ умеръ, — отвѣтилъ Якобъ.

— Умеръ... Отчего же онъ умеръ?

— Отъ холеры.

— Гм... Что же, остается только сказать: борухъ дайонъ эммесь! ¹ Онъ этого заслужилъ... Скажи мнѣ коротко и ясно, Бендиксенъ, говорилъ ты съ кѣмъ-нибудь изъ семьи Фангель?

— Нѣтъ!

— Хорошо. Но впредь берегись видѣть во снѣ, что ты видѣлъ кого-нибудь изъ нихъ. А то люди могутъ подумать, что ты видѣлъ во снѣ, будто Энгебергъ нуждается въ другѣ дома.

— Ха-ха! Ну, это было-бы смѣшно, если бы люди могли подумать это.

— А ты самъ, что думаешь? Нѣтъ ли въ твоемъ сердцѣ сомнѣнія?

— Нѣтъ, клянусь, я ни въ чемъ больше не сомнѣваюсь. Я — само благоразуміе.

— Это великолѣпно. Ну, а теперь—въ родовспомогательное заведеніе. Тебѣ, во всякомъ случаѣ, не помѣшаетъ сдѣлаться еще благоразумнѣе.

— Леви! Семь лѣтъ тому назадъ ты въ первый разъ

¹ Слава праведному Судии.

— свель меня туда. И къ чему это повело? Нѣтъ, дай мнѣ уйти отъ людей! Я ненавижу ихъ!

— Какое зло причинили тебѣ тысячи миллионовъ людей на земномъ шарѣ? По всей вѣроятности, они оказались очень неблагодарными по отношенію къ тебѣ за твои благодѣянія, разъ ты не хочешь, чтобы они впредь наслаждались видомъ твоего свѣтлаго лика.

— Послушай, Леви: моя любовь къ христіанамъ прошла безслѣдно. Если бы только я могъ стереть ихъ всѣхъ съ лица земли, я сдѣлалъ бы это. Но они слишкомъ сильны для меня. Такъ, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ уйти съ ихъ пути. Избавь меня отъ вѣчнаго напоминанія о томъ, что самый низкій изъ нихъ лучше меня, если только онъ вооружится словомъ «жидъ». Я постараюсь справиться съ собой, я буду жить тихо и спокойно, и я ни съ кѣмъ не буду знаться, кромѣ тебя.

— Премного благодаренъ за эту честь, которую ты рѣшилъ оказать моей скромной персонѣ. Но вѣдь завтра я уѣзжаю въ Швецію и пробуду тамъ довольно долго.

— Не могу ли я поѣхать съ тобой?

— Въ этомъ не будетъ смысла. Мнѣ придется такъ усердно работать въ шведскихъ больницахъ, что на исполненіе обязанностей няньки у меня уже не будетъ больше хватать времени.

— Ну, что касается меня, то я и самъ устою на ногахъ.

— Да, ты выучился даже ходить. Ты взрослый человѣкъ. Ты собирался даже взять въ каждую руку по ножу и перерѣзать всѣхъ людей.

— Это былъ припадокъ безумія. Теперь мнѣ стыдно, Леви.

— Да, потому что ты очутился въ хорошемъ обществѣ. Ну, идемъ же!

— Леви, позволь мнѣ остаться дома!

— Да ты попробуешь только немного вина. Можетъ быть, тебѣ снова придется по вкусу датскій пуншъ? Идемъ!

— Я могу встрѣтиться тамъ съ Вильгельмомъ Фангелемъ.

— Грендадь устраиваетъ пирушку, а онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не пошлетъ за Фангелемъ. Ну, а если бы ты и встрѣтился съ нимъ, то что это значитъ для человѣка, который сражался съ Дибичемъ-Забалканскимъ и съ Паскевичемъ-Эриванскимъ? Неужели такой герой испугается какого-то Вильгельма Фангеля? Идемъ, идемъ!

* * *

«Добро пожаловать, великій человѣкъ!»

Пѣли хоромъ студенты, выстроившіеся въ два ряда передъ дверью, въ которую вошелъ Якобъ. Всѣ были въ халатахъ и держали въ рукахъ наполненныя рюмки. Леви ввелъ Якоба въ комнату и отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Грендаль выступилъ впередъ и сказалъ:

— Слово за мной. Въ качествѣ устроителя этого праздника я провозглашаю тостъ за героя Бендиксена! Ура! Ибо герой Бендиксенъ показалъ русскимъ, на что способны люди изъ датскаго королевскаго родовспомогательнаго заведенія! И вотъ въ честь этого-то замѣчательнаго человѣка и я предлагаю прокричать громовое «ура»... но только не кричите громко, потому что какъ разъ подъ нами лежитъ тяжело больная. Осушите молча ваши бокалы до дна — это то же самое, что громовое «ура». Ну, а что касается самого Бендиксена, то онъ получить вознагражденіе, мы увѣнчаемъ его лаврами.

Дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась, и одинъ изъ студентовъ, облеченный въ костюмъ ученицы, выступилъ съ вѣнкомъ изъ вѣтвей липы и подошелъ къ Бендиксену.

— Вѣнокъ принесла сама Викторія, — пояснилъ Грендаль. — И вѣнокъ лавровый. — Граціозно изогнувъ свой сгройный станъ, богиня возложила на его голову вѣнокъ. Данія — благодарная страна.

Стараясь получше надѣть вѣнокъ на голову героя, богиня оборвала послѣдніе полуувядшіе листья, и когда вѣнокъ очутился, наконецъ, на головѣ Якоба, то онъ напоминалъ терновый вѣнецъ и производилъ жуткое впечатлѣніе надъ его блѣднымъ изможденнымъ лицомъ.

— Нѣтъ, у тебя слишкомъ величественный видъ въ этихъ лаврахъ, — сказалъ Леви, снимая съ головы Якоба вѣнокъ.

— Прошу къ столу, милостивые государи, — провозгласилъ Грендаль. — Что такое герой Бендиксенъ безъ ѣды?

Якоба посадили у верхняго конца стола. Надъ нимъ на стѣнѣ были живописно развѣшены самые крупные хирургическіе инструменты, изображавшіе собою военные трофеи.

— Бендиксенъ! — крикнулъ одинъ изъ студентовъ, когда за столомъ воцарилась нѣкоторая тишина. — Расскажи намъ что-нибудь о твоихъ геройскихъ подвигахъ. Неправда ли, польскія женщины красивы? Черные волосы, розовыя щеки?

— Милостивые государи! — началъ Леви. — Нашъ уважаемый предсѣдатель далъ мнѣ слово. Пройдетъ много

времени, прежде, чѣмъ вы снова услышите мой голосъ, ибо я покидаю васъ. Но не плачьте, мои друзья,—мы еще увидимся... Если не здѣсь, на грѣшной землѣ, то, во всякомъ случаѣ, тамъ, въ загробномъ мірѣ. Подобно индейскимъ воинамъ я нашель бы утѣшеніе въ минуту разлуки, если бы могъ быть увѣренъ въ томъ, что мой вигвамъ не останется покинутымъ. А потому я предлагаю вамъ разрѣшить Бендиксену вступить во владѣніе моимъ номеромъ. Пусть онъ куритъ мою трубку, пусть онъ осушаетъ стаканъ, который осушалъ я. А если онъ здѣсь напьется, то вы дадите ему постель и утромъ напоите его кофе. Наблюдайте неусыпно за его нравственностью, какъ если бы это былъ я самъ. Да не соблазнить его ни одна ученица! Обѣщаете-ли вы мнѣ это?

— Обѣщаемъ!—крикнули всѣ хоромъ, поднимая наполненные рюмки.

— Ну, теперь я спокоенъ. Значить, память обо мнѣ не умретъ. Такъ выпьемъ же!

— Да вѣдь это мой веселый гольштинскій двоюродный братъ!—крикнулъ одинъ изъ студентовъ.—Я слышу, какъ звякаютъ его шпоры въ коридорѣ... Войдите!

— Здравствуйте, лейтенантъ Грабовъ! Добро пожаловать! Садитесь и выпейте съ нами!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса.

— Спасибо, но, право, у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія пить теперь. Я немного кутнулъ ночью.

— Развѣ это уважительная причина? Если такъ, то тебѣ никогда не приходится пить днемъ! Хочешь вина или холоднаго пунша?

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ сперва винегрета, если таковой у васъ найдется.

— У насъ это блюдо хроническое. Садись на кровать рядомъ съ Бендиксеномъ. Это блудный сынъ, только что возвратившійся въ отчій домъ... Бендиксенъ, это Грабовъ... больше я ничего не скажу о немъ. Вы и такъ будете хорошими друзьями.

Бендиксенъ пристально посмотрѣлъ на Грабова, пожалуи, пристальнѣе, чѣмъ это допускаетъ приличіе.

У лейтенанта было беззаботное, легкомысленное и жизнерадостное лицо. Такія лица часто внушаютъ какую-то невольную симпатію. Иногда, глядя на нихъ, чувствуешь даже нѣкоторую зависть. Кажется, будто само счастье начертало на нихъ: «Я хочу, что всѣ любили этого шелопаю».

— Бендиксенъ, подвинься немного. Оба вы воины и можете поладить на одной кровати.

— Съ удовольствіемъ, тутъ достаточно мѣста до господина лейтенанта, — сказалъ Якобъ, отодвигаясь къ углу стола.

— Нѣтъ, это не идетъ! Грабовъ очутился подъ трофеями,—крикнулъ Грендадь.—Подъ ними долженъ сидѣть Бендиксенъ, его нельзя сталкивать съ мѣста, которое принадлежитъ ему одному. Въ качествѣ устроителя праздника и предсѣдателя я долженъ наблюдать за этимъ.

— Меня никто не сталкивалъ, я отодвинулся добровольно,—замѣтилъ Якобъ.

— Премного обязанъ вамъ за вашу любезность,—сказалъ Грабовъ, садясь рядомъ съ Якобомъ.

— Вы сегодня какъ-будто не въ своей тарелкѣ, лейтенантъ,—замѣтилъ одинъ студентъ.

— Ахъ, не говорите! Я сегодня ночью здорово проигрался.

— Ты уплатилъ?—спросилъ его двоюродный братъ.

— Да, я платилъ, пока у меня было чѣмъ платить... Какъ же могло быть иначе? Ну, а, кромѣ того, я остался долженъ подъ честное слово. Одному изъ моихъ партнеровъ везло до безобразія... Но скажите, по какому случаю у васъ сегодня кутежъ?

— Празднество устроено въ честь Бендиксена, который только что возвратился послѣ долгаго отсутствія.

— Бендиксенъ!—крикнулъ Кенигъ.—Пожалуй, ты теперь бросишь заниматься? Денегъ у тебя достаточно, и ты можешь изображать собой мецената и покровительствовать твоимъ старымъ товарищамъ.

— Что же, весьма возможно,—отвѣтилъ Якобъ.

Завязалась общая бесѣда и лейтенантъ Грабовъ вѣжливо повернулся къ Якобу и заговорилъ съ нимъ. Онъ обладалъ даромъ поддерживать разговоръ, довольствуясь коротенькими репликами собесѣдника. Якобъ пилъ одну рюмку за другой и громко хохоталъ надъ анекдотами лейтенанта.

Леви наклонился къ нимъ и спросилъ:

— Извините, вы уже раньше встрѣчались другъ съ другомъ? У васъ такой видъ, будто вы готовы цѣловаться другъ съ другомъ.

Якобъ выпустилъ изъ рукъ ножъ, которымъ онъ все время игралъ.

Грабовъ отвѣтилъ:

— Господинъ Бендиксенъ очень любитъ жизнь кавалеристовъ, какъ и я. Ну, а люди съ одинаковыми вкусами быстро сходятся другъ съ другомъ.

— Да, несомнѣнно, у насъ одинаковые вкусы,—сказаль Якобъ со смѣхомъ.

— Господа, Бендиксенъ и Грабовъ очень походятъ другъ на друга! Ей-Богу!—крикнулъ сосѣдъ Якоба.—Вы не находите?

Всѣ нашли, что, дѣйствительно, сходство большое, хотя черты и не одинаковыя.

— Чего добраго, насъ еще можно принять другъ за друга?—замѣтилъ Якобъ и онъ запѣлъ что-то.

— Ну, принять васъ другъ за друга, пожалуй, и нельзя, — замѣтилъ одинъ изъ студентовъ. — Ужъ если быть справедливымъ, то надо сказать, что Грабовъ красивѣе... Да, да, Бендиксенъ, спой намъ что-нибудь! Спой какую-нибудь польскую пѣсню.

— Нѣтъ, пѣть нельзя,—сказаль Грендаль.—Пациентка подъ нами очень плоха. Намъ придется даже встать изъ-за стола.

Когда Леви, Грабовъ и Якобъ вышли на улицу, Леви сказалъ:

— Я долженъ пойти въ таможеню и поговорить съ капитаномъ. А потомъ мнѣ придется сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Я тебя застану часа черезъ два, Бендиксенъ?

— Да, я иду прямо домой.

— Вы пойдете черезъ Конгенсъ Нюторвъ? Въ такомъ случаѣ, намъ по дорогѣ,—сказаль Грабовъ.

Нѣкоторое время они шли молча. Наконецъ, Грабовъ заговорилъ:

— Какъ это странно, мы знаемъ другъ друга всего какихъ-нибудь два часа, а мнѣ уже кажется, что мы съ вами старые друзья. Послушайте, не можете ли вы дать мнѣ одинъ добрый совѣтъ? Какъ мнѣ выйти изъ моего затруднительнаго положенія?

— А вы думаете, что я могу дать вамъ совѣтъ?—спросилъ съ улыбкой Якобъ.

— Но почему же нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, можно сдѣлать попытку. Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло. Какъ вы уже слышали, я потерялъ ночью всѣ мои деньги. Это было бы еще съ полбѣды, потому что я могъ бы какъ-нибудь пробиться до конца мѣсяца. Но я заказаль художнику свой портретъ, знаете, такую миниатюру, и сегодня я долженъ зайти за нимъ. Ну, а проклятый художникъ не отдастъ мнѣ его, пока я не уплачу то, что онъ стоитъ.

— Такъ пусть вашъ портретъ лежитъ у него до конца мѣсяца. А пока вы можете любоваться собой въ зеркало.

— Ха-ха-ха! Недурно сказано!.. Нѣтъ, видите ли, миниатюра эта предназначается въ подарокъ одной дамѣ.

— А развѣ дама не можетъ подождать до конца мѣсяца?

— Конечно, дорогой другъ! Но вчера былъ день ея рожденія, и я долженъ былъ уже вчера преподнести ей этотъ подарокъ. Но портретъ не былъ еще готовъ. И вотъ я общалъ принести его сегодня.

— Ахъ, вотъ какъ! Ну, конечно, это совсѣмъ другое дѣло.

— Да. И надо вамъ сказать, что дамочка эта преми-ленкая.

— Это замужняя женщина?

— Да. Но я зналъ ее уже давно въ Гольштиніи, когда мой гарнизонъ стоялъ тамъ. А когда я переѣхалъ сюда, мнѣ было такъ пріятно возобновить старое знакомство.

— Пожалуй, у васъ уже тогда была съ ней маленькая интрига? А?

— Ахъ, нѣтъ, что съ вами! Тогда ничего не было... Да, такъ дайте же мнѣ хороший совѣтъ. Мнѣ во что бы то ни стало надо достать сегодня 100 риксдалеровъ.

— Неужели портретъ стоитъ такъ дорого?

— Нѣтъ, поменьше. Но 100 риксдалеровъ такая подходящая круглая сумма... Такъ откуда бы мнѣ достать эти деньги?

— Мало ли здѣсь людей, которые даютъ въ долгъ деньги?

— Разумѣется, много. Но эти милые люди не даютъ ничего безъ поручительства или безъ какого-нибудь залога. Неужели вы думаете, что такихъ людей можетъ тронуть то, что я хочу преподнести свой портретъ дамѣ моего сердца? Нѣтъ, знаете ли что, дайте вы мнѣ въ долгъ эти деньги, Бендиксень.

— Я? Ха-ха-ха! Что за забавная мысль!

— Но почему же? Мнѣ кажется, что это такъ просто, что это въ порядкѣ вещей.

— Въ порядкѣ вещей?.. О, да!.. Это было бы очень мило съ моей стороны и заслуживало бы награды!

— Вы можете сами назначить условія! Я подпишусь, не пикнувъ!

— Хорошо, лейтенантъ!—сказалъ Якобъ, похлопывая Грабова по плечу.—Вы получите деньги и на очень льготныхъ условіяхъ.

— Ура!.. Я могу пойти съ вами и получить деньги?

— Нѣтъ, деньги у меня будутъ только дня черезъ два.

— Точь въ точь, какъ всѣ другіе еврей!—тихо пробормоталъ про себя Грабовъ.—Но, дорогой Бендиксенъ,—сказалъ онъ громко,—вы вѣдь знаете, что деньги мнѣ нужны именно сегодня. Развѣ вамъ не все равно, когда ихъ дать?

— Даю вамъ честное слово, что сегодня у меня ихъ нѣтъ. Мнѣ надо сперва раздобыть ихъ.

— Ахъ, неужели же вы никакъ не можете устроить это дѣло сегодня же?

— Послушайте, лейтенантъ, черезъ два дня я окажу эту маленькую услугу вамъ и дамъ вашего сердца. Приходите ко мнѣ послѣзавтра. А пока до свиданія!

— Такъ, значитъ, послѣзавтра?—крикнулъ ему лейтенантъ вдогонку.

— Да, послѣзавтра.

XIV.

— Ну, что же, размѣняли вы ваши облигации?—спросилъ Грабовъ, входя къ Якобу.

— Да, теперь у меня готовы деньги для вашего портрета.

— Такъ вы мнѣ ихъ дадите? У васъ такой видъ, точно вы уже не хотите больше оказать мнѣ услугу.

— Это зависитъ только отъ васъ, согласитесь ли вы на мое условіе.

— Назначайте сами какіе угодно проценты. Я торговаться не буду!

— Ну, проценты—это пустяки, вы къ нимъ привыкли. Я хочу потребовать отъ васъ другого.

— Чего же? Если я могу оказать вамъ какую-нибудь услугу, то, пожалуйста, располагайте мною!

— Вотъ посмотримъ... Я хочу послать маленькую записочку вмѣстѣ съ портретомъ.

— Это еще что такое? Ужъ не любовную ли записочку?

— Да вѣдь вы не сказали мнѣ даже, кто эта дама.

— Правда, правда... Но, можетъ быть, вы хотите сообщить ей, что я взялъ у васъ въ долгъ?

— Зачѣмъ мнѣ это? Что за странная мысль пришла вамъ въ голову!

— Да, вы для этого слишкомъ порядочный человѣкъ.

— Вы, конечно, понимаете, что я отнюдь не намѣреваюсь писать что-нибудь такое, за что вы захотѣли бы стомстить мнѣ. Мнѣ просто пришла въ голову одна мысль...

— И необыкновенно странная мысль... Къ тому же долженъ васъ предупредить, что дама въ настоящее время больна.

— Она простудилась, должно быть?

— А вы откуда это знаете?

— Да вѣдь чаще всего люди заболѣваютъ отъ простуды.

— Ха-ха! Совершенно вѣрное наблюдение. Да, такъ вотъ она больна и ей очень трудно переслать что-нибудь.

— Да, но разъ вашъ портретъ будетъ переданъ ей, то и моя записочка можетъ быть передана точно такъ же.

— Гм... да... Но, право, мнѣ очень не хочется соглашаться на это.

— Въ такомъ случаѣ, вы не получите денегъ.

— Вы въ полномъ смыслѣ этого слова приставили къ моему горлу ножъ. Ну, что же, остается только согласиться на ваше условіе. Но зато и вы должны отплатить мнѣ за эту услугой.

— Въ чемъ дѣло?

— У меня есть одинъ знакомый камеръ-юнкеръ, такъ дайте ему въ долгъ 50 риксдалеровъ.

— И на этомъ наша сдѣлка будетъ закончена?

— Вотъ вамъ моя рука!

— Хорошо. Теперь я напишу записочку.

Якобъ подошелъ къ столу и написалъ:

«Возлѣ бесѣдки въ среду вечеромъ, дѣйствительно, былъ одинъ человѣкъ. И это былъ я.

Якобъ Бендиксенъ».

— Ну,—сказалъ Грабовъ,—вы быстро покончили съ запиской. Повидимому, она не опаснаго свойства. Дайте мнѣ ее, я позабочусь о томъ, чтобы она была доставлена по назначенію.

— Нѣтъ, подождите! Вы можете здѣсь же у меня написать нѣжное посланіе, которое, по всей вѣроятности, будетъ сопровождать ваши черты. Вы вложите мою записочку въ вашъ конвертъ—вотъ и все. Послѣ этого мы вмѣстѣ выйдемъ и возьмемъ вашъ портретъ. Вы при мнѣ пошлете разсылнаго съ портретомъ и письмомъ. Вамъ не трудно будетъ устроить такъ, чтобы я не зналъ, кому это будетъ послано.

— Вы чертовски предусмотрительны. Но вы могли бы дать мнѣ вашу записку, я даю вамъ честное слово, что она будетъ доставлена по назначенію.

— Н-да... Но почему вамъ не нравится мое предложеніе? Разъ вы рѣшили доставить записку?

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только чистосердечно признаться вамъ: портретъ стоитъ всего 25 риксдалеровъ.

— Будьте спокойны, я не уменьшу своей ссуды. Вотъ деньги.

— Ей-Богу, вы великолѣпнѣйшій человѣкъ! Такъ приступимъ къ дѣлу. А потомъ я ужъ постараюсь какъ-нибудь вывернуться!

* * *

Восемь дней спустя, когда Якобу стало уже не по силамъ оставаться безъ всякихъ извѣстій, онъ пошелъ въ родовспомогательное заведеніе.

Грендаль и еще нѣсколько студентовъ сидѣли за мирной бесѣдой и покуривали трубки.

Когда вошелъ Бендиксенъ, на него никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, всѣ продолжали спокойно разговаривать, нѣсколько понизивъ голоса.

Немного спустя, одинъ студентъ вышелъ и вернулся съ парой старыхъ брюкъ. Онъ подошелъ къ Якобу и спросилъ:

— Бендиксенъ, сколько ты мнѣ дашь подъ эти брюки?

— Что это означаетъ?—спросилъ Якобъ, вспыхнувъ до корней волосъ.

— Нечего строить изъ себя святого! Мы знаемъ про твою сдѣлку съ Грабовымъ и камеръ-юнкеромъ. И какъ быстро ты все это устроилъ! Должно быть, ты научился этому искусству въ Польшѣ.

— Корпорация сдѣлаетъ тебѣ запросъ,—сказалъ другой студентъ.—Но мы постараемся не забывать, что ты нашъ бывшій товарищъ.

Яркая краска на щекахъ Якоба смѣнилась смертельной блѣдностью. Онъ сложилъ руки на груди и спросилъ:

— Что говорилъ Грабовъ?

— Да ничего особеннаго!—отвѣтилъ одинъ изъ студентовъ, откидываясь на спинку стула и засовывая руки въ карманы:— Картина повседневной жизни: одинъ лейтенантъ, испытывая денежное затрудненіе, идетъ къ господину Моисею. Господинъ Моисей соглашается выручить его, но деньги дороги въ наше время.—Ничего,—говоритъ лейтенантъ, лишь бы мнѣ получить ихъ! Да, но у меня лично ихъ нѣтъ,—говоритъ господинъ Моисей,—впрочемъ, я могу достать вамъ ихъ дня черезъ два.—Лейтенантъ уходитъ и говоритъ въ восторгѣ, что господинъ Моисей—великодушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Однако, черезъ два дня

господинъ Моисей обливаетъ лейтенанта ушатою холодной воды... Лейтенантъ говоритъ, что эти деньги обошлись ему дороже, чѣмъ какія-либо другія.

Якобъ спросилъ:

— Грабовъ сказалъ, на какихъ условіяхъ онъ получилъ эти деньги?

— Боже сохрани! Онъ былъ скромень! Онъ сказалъ, что долженъ молчать, такъ какъ это для него вопросъ чести...

— Бендиксенъ!—сказалъ другой студентъ.—Въ сущности, тебѣ очень повезло. Ты приобрѣлъ заразъ двоихъ хорошихъ кліентовъ, да еще съ такой быстротой! Но не надо забывать, что ты всегда отличался прекрасными способностями.

Грендалъ всталъ.

— Послушай, Бендиксенъ,—сказалъ онъ серьезно,—ты не будешь курить ту трубку, которую курилъ Леви, и изъ его стакана также ты не будешь больше пить. Но ради Леви мы будемъ терпѣть тебя среди насъ и ты можешь питаться въ землячествѣ.

Якобъ молча повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— Сюда уже нѣсколько разъ заходилъ одинъ господинъ и спрашивалъ васъ, — сказала хозяйка Якоба, когда онъ возвратился домой.—Видно было, что у него къ вамъ какое-то важное дѣло.

— Онъ не сказалъ своего имени?

— Нѣтъ, но это былъ офицеръ. Онъ, навѣрное, скоро опять придетъ. Я сказалъ ему, что господинъ Бендиксенъ долженъ скоро возвратиться домой.

— Хорошо!—отвѣтилъ Якобъ, направляясь къ своей двери.

— Господинъ Бендиксенъ,—позвала его хозяйка,—ужь не заболѣли ли вы? Вы такъ блѣдны, что на васъ страшно смотрѣть. Хотите, я подамъ вамъ чашку хорошаго, горячаго кофе?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ ничего не надо,—отвѣтилъ Якобъ, входя къ себѣ въ комнату.

Немного спустя, къ нему пришелъ Грабовъ.

— Она умерла!—крикнулъ онъ.

— Кто?—спросилъ Якобъ, хватаясь за столъ.

— Да та самая дама, которой вы послали записку!

— Что же я могу тутъ подѣлать? — сказалъ Якобъ и тяжело опустился на стулъ.

— Что вы можете тутъ подѣлать?.. Но скажите, что вы написали въ вашей запискѣ? Въ болѣзни она все время го-

ворила о какой-то запискѣ и спрашивала, откуда она взялась.

— Такъ, значить, она была больна?

— Да, у нея была горячка.

— Такъ что же удивительнаго въ томъ, что больные люди бредятъ?

— Гм... конечно... Вы такъ спокойны, что я не могу не вѣрить вамъ. А то я, право, началъ уже думать, что ваша записка была написана на отравленной бумажкѣ.

— Ха-ха-ха! И придетъ же въ голову такой вздоръ!

— Да, она умерла. А это очень жаль, потому что она была очаровательная маленькая женщина... Послушайте, если вы какъ-нибудь встрѣтитесь съ лейтенантомъ Энгбергомъ, то не дайте ему чего-нибудь замѣтить... потому что рѣчь идетъ о его женѣ... Теперь я могу сказать вамъ это, разъ ея уже нѣтъ больше въ живыхъ.

— Будьте спокойны,—отвѣтилъ Якобъ.

— Послушайте, Бендиксенъ, я снова обращаюсь къ вамъ съ маленькой просьбой. Дайте мнѣ въ долгъ еще талеровъ двадцать... вѣдь долженъ же я приличнымъ образомъ почтить память умершей на ея похоронахъ.

— Грабовъ! Если бы вы могли продать мнѣ себя съ головой и руками, то я далъ бы вамъ денегъ.

— Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакого солиднаго обезпеченія, кромѣ моей собственной персоны. Но я могу застраховать свою жизнь.

Якобъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него. Потомъ онъ произнесъ тихо:

— О, это совершенно лишнее.

— Такъ дайте же мнѣ денегъ.

Якобъ продолжалъ въ упоръ смотрѣть на него и ничего не отвѣчалъ.

— Сдѣлайте мнѣ это одолженіе,—продолжалъ Грабовъ.—Не понимаю, какъ можете вы быть такимъ неумолимымъ. Вѣдь вы богачъ, вы имѣете власть надъ нами, христианами.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ Якобъ, вскакивая съ мѣста.—Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ пишите расписку! Я продиктую вамъ ее!

XV.

Однажды въ пасмурное зимнее утро, передъ небольшимъ домомъ въ кварталѣ Пилестрадъ остановились черныя закрытыя дроги, какія употребляются на еврейскихъ похоронахъ. Изъ дому вынесли покойника, за которымъ

слѣдовала громадная толпа бѣдныхъ евреевъ. Послѣ того, какъ гробъ былъ поставленъ на дроги, провожавшіе начали разсаживаться по каретамъ, приготовленнымъ заранѣе для желающихъ. Тутъ произошла настоящая свалка изъ-за мѣстъ въ экипажахъ, которыхъ не хватало на всѣхъ.

Въ нѣкоторыя кареты люди входили съ двухъ сторонъ и тогда внутри происходила давка, раздавались крики «ге-валтъ» и жалобные возгласы придавленныхъ.

Въ другія кареты входили только съ одной стороны, но всѣ такъ спѣшили и такъ толкали другъ друга, что нѣкоторые выскакивали на улицу въ противоположную дверцу. Однимъ словомъ, это были старозавѣтныя еврейскія похороны.

Наконецъ, погребальная процессія двинулась впередъ. За дрогами шли почтенные евреи и тѣ изъ бѣдняковъ, которымъ не хватило мѣстъ въ каретахъ. Масса черни слѣдовала за процессіей, издавая дикіе крики, радуясь чему-то и швыряя камнями въ процессію. Полицейскіе метались въ толпѣ, раздавая направо и налево удары палками и виновнымъ и невиновнымъ въ швыряніи камней.

Въ одной большой каретѣ собралось семеро старыхъ евреевъ. Вначалѣ они раздражались другъ на друга, толкались и бранились, но мало-по-малу успокоились и размѣстились поудобнѣе. Когда процессія тронулась, они начали осматриваться въ тѣсномъ помѣщеніи и разглядывать другъ друга.

— Бей мейнъ лебень, Мауше Рингстедтъ! — крикнулъ одинъ изъ нихъ, протягивая обѣ руки, насколько позволяло его стѣсненное положеніе. — Во каммсть ду херъ? ¹

— Эфраимъ Гедадь! Зо воръ Готтъ лебтъ! ² — крикнулъ другой, стараясь высвободить хоть одну руку, чтобы протянуть ее старому другу.

— Веннъ камсть ду? ³ — спросилъ Эфраимъ.

— Гестернъ обендъ. Ви лебтъ дейнъ фра ундъ киндеръ? ⁴

— Они ѣдятъ и пьютъ хорошо, въ добрый часъ. Почему ты не пріѣхалъ вечеромъ? Ты поужиналъ бы у меня. Бѣдный, тебѣ приходится разѣзжать въ зимнее время.

— Не бѣда, я разчитываю устроить хорошія дѣла, потому и разѣзжаю.

¹ Откуда ты?

² Ей-Богу.

³ Когда ты пріѣхалъ?

⁴ Вчера вечеромъ. Какъ поживаетъ твоя жена и дѣти?

— Ты пріѣхалъ только вчера и уже здѣсь?

— Бѣдный человѣкъ долженъ брать все. А здѣсь будутъ давать щедрое подаваніе.

— Еще бы! Покойный былъ богатъ и у него нѣтъ бѣдныхъ наслѣдниковъ, которые могли бы косо посмотрѣть на маленькій доходъ для бѣднаго человѣка.

— Кто онъ былъ, собственно? Я его совсѣмъ не знаю. Его звали Яйнкефъ Бендигъ, не правда ли?

— Кто онъ такой? Откуда? Не знаю. Здѣсь будутъ раздавать щедрое подаваніе — потому я и пришелъ.

— Я зналъ его!—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ каретѣ. Онъ хотѣлъ поважничать передъ другими, а потому заговорилъ на ломанномъ датскомъ языкѣ.

Всѣ остальные шестеро обернулись къ нему настолько быстро, насколько это было возможно въ тѣсной каретѣ.

— Кто это?—спросилъ Мауше Рингстедтъ своего соѣда.

— Это Шайе Исроэль. У него у одного больше денегъ, чѣмъ у насъ съ вами вмѣстѣ.

— Это былъ благочестивый человѣкъ!—началъ Шайе Исроэль, поднимая глаза къ потолку кареты.

— Благочестивый?—перебилъ его одинъ изъ его спутниковъ.—Никогда не слыхалъ я, чтобы его имя упоминалось среди хасидимъ ¹.

— Что же онъ держалъ себя не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Но онъ прилежно посѣщалъ синагогу. А во время Йомкипура онъ оставался въ синагогѣ цѣлый день, чего не дѣлали даже самые благочестивые изъ евреевъ. Его мѣсто было рядомъ съ моимъ, потому я это хорошо знаю,—прибавилъ онъ съ авторитетнымъ видомъ.

Никто не осмѣлился противорѣчить ему, и онъ продолжалъ:

— Это былъ, дѣйствительно, благочестивый человѣкъ! Онъ столько жертвовалъ на еврейскія свободныя школы, сколько не жертвовала вся община. Онъ былъ членомъ всѣхъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ. А когда онъ узнавалъ о какомъ-нибудь еврейскомъ мальчикѣ, отданномъ въ ученіе къ христианину, онъ дѣлалъ все, чтобы взять его оттуда и отдать въ ученики къ еврею. Стоило ему только услышать, что еврейскій мальчикъ посѣщаетъ христіанскую школу, въ которой лучшіе евреи превращаются въ гоевъ, какъ онъ принималъ мѣры, чтобы вырвать отту-

¹ Святые.

да мальчика и засадить его за прилавокъ. Сирхраунау ливрохо! ¹.

— Какимъ гешефтомъ онъ занимался? — спросилъ Мауше Рингстедтъ.

Тутъ лицо Шайе Исроэля омрачилось, и онъ сказалъ:

— Какимъ гешефтомъ онъ занимался? Спросите лучше, какой гешефтъ онъ портиль. Да, онъ портиль гешефтъ, портиль мой масматтенъ ², а потому мнѣ должны были бы дать зедоко! Вотъ не далѣе, какъ вчера, ко мнѣ приходилъ толстый камеръ-юнкеръ. Конечно, говорить онъ мнѣ, вамъ нужно какое-нибудь обезпечение или залогъ, добрѣйшій мой господинъ Израэль? Нѣтъ, господинъ камеръ-юнкеръ, мнѣ ровно ничего отъ васъ не надо, отвѣчаю я ему.—Такъ вы согласны дать мнѣ ссуду безъ всякаго обезпеченія?—спрашиваетъ онъ.—Разъ вы, господинъ камеръ-юнкеръ, желаете взять въ долгъ денегъ, говорю я, то это совсѣмъ другое дѣло, и я засмѣялся.—Да, говоритъ онъ, вотъ Бендиксенъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, только онъ скоро息дохнетъ. Долженъ вамъ сказать, милѣйшій мой господинъ Израэль, что это былъ настоящій шентельманъ. Когда нужно было наспѣхъ взять у него денегъ и не было никакого залога, то онъ довольствовался честнымъ словомъ, какъ будто онъ самъ понималъ, что такое честное слово. А вотъ вы другое дѣло, господинъ Израэль.—Совершенно вѣрно, господинъ камеръ-юнкеръ, отвѣчаю я, я согласенъ на какой угодно залогъ, только не на честное слово! У меня со старыхъ временъ накопился такой громадный запасъ честныхъ словъ, полученныхъ мною отъ лейтенантовъ, что я на этотъ залогъ могъ бы экипировать цѣлую армію!—Что же, камеръ-юнкеръ засмѣялся и заложилъ пару новыхъ эплетъ. Онъ ихъ только что взялъ изъ магазина и заплатилъ за нихъ честнымъ словомъ.

— Шентельманъ?—спросилъ Мауше Рингстедтъ своего сосѣда:—Что это такое шентельманъ?

— Вотъ ужъ чего не знаю, такъ не знаю,—отвѣтилъ тотъ.—Но думается мнѣ, что это такой человѣкъ, который беретъ сто процентовъ.

— Ну, а всякую прочую шваль господинъ Бендиксенъ отсылалъ ко мнѣ,—продолжалъ повѣствовать Шайе Исроэль.—Что же, этотъ гешефтъ очень выгоденъ. Въ концѣ концовъ, гораздо больше заработаешь, выдавая по 3 марки подъ закладъ платья, чѣмъ когда выдаешь по 100 риксдалеровъ подъ залогъ жалованья какого-нибудь важнаго господи-

¹ Да будетъ благословенна его память.

² Дѣло.

на. Но при этихъ мелкихъ дѣлишкахъ ужасно много возни- тутъ и хныкають и ревутъ, а, кромѣ того, подвергаешься за это издѣвательствамъ и преслѣдованію со стороны хри- стіанъ. Ну, да надъ Бендиксеномъ издѣвались и такъ, и больше всего именно за то, что онъ не хотѣлъ имѣть дѣла съ мелкотой. Какая-нибудь бѣдная женщина могла стоять часами у его дверей, умоляя дать ей хоть 1 марку подъ за- логъ ея передника, который, можетъ быть, стоилъ всѣ 5 риксдалеровъ, онъ оставался неумолимымъ и не впускалъ ее. И вотъ кемехъ ¹ ругали его кровопійцей, скрягой и жидомъ... жидомъ они очень любятъ ругать. Рядомъ со мной живетъ одинъ христіанинъ, который беретъ двѣсти процентовъ, такъ его они тоже ругаютъ жидомъ.

— Къ чорту жидовье!—орала на улицѣ толпа, и въ окно кареты ударился камень.

— Ауле ми ятъ ²,—крикнулъ Мауше Рингстедтъ, съеживаясь въ углу кареты. Изъ окна кареты было видно, какъ полицейскіе бросились преслѣдовать мальчишекъ, скрывшихся въ воротахъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, когда сидѣвшіе въ каретѣ нѣсколько успокоились, любопытство снова заговорило въ нихъ. Мауше Рингстедтъ спросилъ съ такимъ выраже- ніемъ, словно у него отъ зависти слюнки изо рта текли:

— И онъ, дѣйствительно, дѣлалъ такіе хорошіе масмат- тень?

— Аваддо! ³ И у него было такое множество дѣлъ, что онъ не успѣвалъ съ ними справляться. Я долженъ былъ войти въ компанію съ нимъ.

— Вы, Шайе Исроэль?—спросили всѣ въ одинъ го- лосъ съ величайшимъ изумленіемъ.

Шайе Исроэль помолчалъ немного, наслаждаясь любо- пытствомъ слушателей, потомъ онъ продолжалъ:

— Въ послѣдній Юмкипуръ мы съ нимъ стояли рядомъ въ синагогѣ, какъ и всегда. И вотъ приходитъ докторъ Ле- ви и становится какъ разъ противъ насъ...

— Докторъ Леви?—прервалъ рассказчика Мауше Ринг- стедтъ.—Это сынъ Лейбхе Леви, который былъ женатъ на дочери Менделя Кауна?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Эфраимъ Гедалъо,—онъ сынъ Лей- бы Шехтера.

¹ Христане—ругательное слово.

² Проклятие по адресу бросившихъ камень.

³ Разумѣется.

— Ахъ, такъ онъ сынъ Лейбхе Шехтера? Я хорошо зналъ его! И его сынъ докторъ? Что же, и онъ хороший докторъ? У него много дѣла?

— Ну, еще бы! Онъ недавно возвратился изъ Швеціи, такъ тамъ съ нимъ ужасно возились и прославляли его!

— Слышать это — настоящий нахесъ! ¹—Такъ что же дальше, господинъ Исроэль?

— Вы дали бы мнѣ рассказывать все по порядку и отложили бы ваши разспросы!—сказалъ съ досадой Шайе Исроэль.—Да, такъ вотъ въ синагогу вошелъ докторъ Леви и всталъ какъ разъ передъ нами. Онъ въ упоръ сталъ смотрѣть на Бендиксена. Тогда и я посмотрѣлъ на него. Неб-бишь ², онъ былъ блѣденъ, какъ полотно! Навѣрное, ему тяжело было поститься. И вотъ докторъ говорить: какъ ложиваете, Бендиксенъ? Дѣла идутъ блестяще?—Бендиксенъ отвѣтилъ: Я задыхаюсь!—А докторъ говорить опять: Разъ вамъ не справиться съ вашими дѣлами, то вы могли бы войти въ компанію съ вашимъ коллегой, господиномъ Шайемъ Исроэлемъ.—А я подмигиваю доктору, что согласенъ, молъ, съ удовольствіемъ.—Да, сказалъ Бендиксенъ.—Тутъ я пожалъ ему руку и говорю: Ну, ну, объ этомъ мы потолкуемъ съ вами завтра. Я зайду къ вамъ.— А онъ повернулся ко мнѣ и смотритъ на меня, словно безумный, и вдругъ — бумсъ, и повалился на полъ, какъ подкошенный. Докторъ Леви самъ отвезъ его домой. Съ этого дня онъ уже не могъ больше заниматься своимъ гешефтомъ. Онъ становился все слабѣе и чахъ съ каждымъ днемъ и, наконецъ, умеръ. Да, такъ мнѣ и не удалось войти съ нимъ въ компанію. А все было уже налажено.

— Отчего онъ умеръ?—спросилъ Мауше Рингстедтъ.

— Говорятъ, что отъ старой раны,—отвѣтилъ Шайе Исроэль.—Въ молодости онъ былъ гдѣ-то на войнѣ.

— Въ молодости?—спросилъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ каретѣ.—А я думалъ, что онъ былъ не старый еще человекъ.

— Ну, я только такъ сказала. На видъ онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ.

— Такъ онъ былъ на войнѣ?—спросилъ Эфраимъ Гедальо.—Ну, тамъ онъ наврядъ ли соблюдалъ шаббашъ, и ужъ, навѣрное, ѣлъ трэфное.

— Да, въ молодости онъ и не отличался благочестіемъ.

¹ Удовольствие.

² Бѣдняга.

Говорятъ, что онъ даже былъ обрученъ съ одной шиксе¹. Но потомъ на него нашель духъ Божий, онъ бросилъ ее и сдѣлался правовѣрнымъ евреемъ. Вы знаете Рейшеса Арона, Эфраимъ Гедальо? Такъ вотъ онъ ухаживалъ за нимъ въ послѣдніе дни его болѣзни вмѣстѣ съ докторомъ Леви. Въ послѣднюю ночь онъ не произносилъ ни слова. А когда пришла смерть, онъ поднялся, сталъ озираться кругомъ и все призывалъ законы Моисеевы, благословенную Тору.

— А онъ не произнесъ своего шма Исроэль?—спросилъ все еще сомнѣвающийся Мауше Рингстедтъ.

— Нѣтъ, но я же говорю вамъ, что онъ призывалъ благословенную Тору. А это то же самое! Нѣтъ, это былъ благочестивый человѣкъ. Гебенштъ зей зейнъ нешоммо!²

Похоронная процессія остановилась передъ кладбищемъ и спутники высадились изъ тѣсной кареты.

Въ то время, какъ покойника по еврейскому ритуалу обмывали холодной и теплой водой въ приспособленномъ для этого помѣщеніи на кладбищѣ, дядя Маркусъ, его два сына и похоронный хоръ пѣли вполголоса псалмы Давида. Остальные присутствующіе на похоронахъ прогуливались пока по аллеямъ кладбища.

Послѣ того, какъ тѣло покойника было завернуто въ таллисъ и положено въ плоскій неотесанный гробъ, распорядитель вызвалъ дядю Маркуса и его сыновей. Они встали и, горько рыдая, пошли надѣть покойнику носки и попросить у него мехило³.

На гробъ положили крышку и распорядитель крикнулъ:

— Цу хальвайо!⁴

Нѣсколько человѣкъ понесли гробъ на плечахъ и всѣ пошли на кладбище. Въ это время распорядитель ходилъ въ толпѣ провожавшихъ и, побрякивая кружкой для сбора пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ, возглашалъ: «Зедо-ко татзилъ мимовесь!»⁵

У самага входа на кладбище, между маленькими, покрытыми инеемъ деревьями, гробъ опустили на землю, всѣ столпились вокругъ него и монотонно вполголоса прочли молитву: «Хазуръ томимъ поалау»⁶. Послѣ этого гробъ понесли дальше и опустили у могилы съ молитвой: «Яусейфъ бесейсеръ эльяунъ»⁷.

¹ Христіанской дѣвушкой.

² Да будетъ благословенна его душа.

³ Прощенія.

⁴ Въ путь.

⁵ Добрыя дѣла спасають отъ смерти.

⁶ Дѣла Творца велики.

⁷ Онъ, царящій въ туманѣ вѣчности.

Провожавшіе тѣснымъ кольцомъ окружили вырытую могилу. При мертвой тишинѣ крышка была снова снята съ гроба и подъ голову покойника былъ положенъ небольшой мѣшочекъ съ землей, затѣмъ крышку привинтили и гробъ медленно опустили въ могилу.

За оградой кладбища шумѣла и орала чернь:

— Кровопійца! Жидь! — и швыряла камнями. Когда полиція начинала разгонять толпу палками, раздавались взвизгиванія и ругань. Одинъ камень попалъ въ могилу и упалъ на крышку гроба. Послышался глухой, протяжный звукъ — казалось, будто простоналъ покойникъ.

Въ могилу бросили замкнутый замокъ въ знакъ того, что съ этими похоронами должна быть покончена дальнѣйшая смертность. Послѣ этого дядя Маркусъ бросилъ въ могилу три лопаточки земли. Затѣмъ бросили землю его сыновья и послѣ нихъ по очереди всѣ провожающіе. Каждый изъ бросавшихъ землю немедленно шелъ на кладбищенскій дворъ и тамъ мылъ себѣ руки.

Наконецъ, всѣ ушли съ кладбища. У могилы остался одинъ Леви.

Съ минуту онъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся, и, когда никого уже больше не было видно, онъ сложилъ руки и погрузился въ тихую молитву. Потомъ онъ взялъ съ могилы щепотку земли и спряталъ ее у себя на груди.

Онъ сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, но вдругъ остановился и обернулся еще разъ. Онъ посмотрѣлъ черезъ городъ на лѣсъ, гдѣ видѣлъ покойнаго въ расцвѣтѣ молодости, жизнерадостнаго и полного надеждъ, и тихо произнесъ:

— Когда-то онъ вѣрилъ въ вѣчную поэзію и вѣчную жизнь!

Переводъ съ датскаго.

М. П. Благовѣщенской.

МАРИ СМЕХАУГЕНЬ.

Ганса Онруда.

Мари Смехаугень, женщина далеко не трусливаго десятка, сильно дрожала, когда пришла на хуторъ Упсала и усьлась тамъ возлѣ печки, болѣе кроткая, чѣмъ обыкновенно.

Мужъ ея умеръ весною этого года и ничего не оставилъ ей, кромѣ трехъ ребятъ и коровы, которая должна была отелиться осенью.

Но, Боже мой! Корова не давала никакого дохода все лѣто, такъ что Мари приходилось прибѣгать къ помощи добрыхъ людей, а Упсаль былъ къ ней болѣе, чѣмъ добръ, она существовала только его помощью, такъ что за ней накопился таки порядочный должокъ, — она даже толкомъ не знала, сколько, — и никогда онъ ничего не требовалъ отъ нея, никогда не говорилъ «нѣтъ». И сейчасъ онъ навѣрно не обидитъ ее; но тѣмъ не менѣе она вся дрожала, потому что случилось нѣчто, что было хуже всякой обиды.

Съ недѣлю тому назадъ Упсаль медленно проходилъ мимо Мари Смехаугень, — она какъ разъ въ это время сгребала сѣно передъ хлѣвомъ, а Блирось, толстая, красивая и сытая, стояла привязанная къ забору. Упсаль остановился, оперся руками о заборъ, пожелалъ добраго утра, постоялъ такимъ образомъ нѣкоторое время, не говоря ни слова, и такъ загадочно смотрѣлъ на Блирось, что корова подняла голову и тоже взглянула на него, бѣдная... И вдругъ Упсаль предложилъ:

— Ты должна черезъ двѣ недѣли послать свою корову на выставку, Мари, и ты получишь премію.

У нея сразу закололо въ груди при этихъ словахъ: конечно, она никогда не бывала на выставкахъ; но столько-то умна, чтобы понимать, что «премія» есть нѣчто опасное, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя продѣлать надъ Блирось, и что все это означаетъ ни больше, ни меньше, какъ желаніе забрать у нея Блирось, — не даромъ хотятъ вести ее на выставку.

И, крайне недовольная, она сказала:

— Нѣтъ, на этотъ счетъ можете быть спокойны; Блирось выросла у меня, и раньше, чѣмъ причинить ей какое-нибудь зло, придется причинить зло ея хозяйкѣ съ дѣтьми.

Мари, конечно, знаетъ, что Упсаль властенъ отнять у нея корову, если онъ захочетъ, но пусть они не воображаютъ, будто Блиросъ будетъ хорошо гдѣ бы то ни было внѣ Смехаугена, если бы даже и не дѣлали ей ничего дурного и не давали преміи.

Но Упсаль тоже былъ хитеръ, онъ не позволялъ сбить себя съ толку. Всячески пытался разъяснить ей, въ чемъ дѣло: онъ сказалъ, что премія—вещь хорошая, и говорилъ такъ долго, что Мари почти уступила; но когда онъ прибавилъ, что она, можетъ быть, еще и деньги получить, то ужъ тутъ Мари, слава Богу, поняла, что все это была насмѣшка, шутка,—вѣдь она отлично понимала, зря денегъ никому не даюгъ. Упсаль все настаивалъ на своемъ, и Мари, наконецъ, пришла въ такое возбужденіе, что громко завывла, умоляя его, Христа ради, о состраданіи!

Тогда онъ пришелъ почти въ ярость,—она раньше никогда не видѣла его такимъ,—и, уходя, онъ бормоталъ что-то про сумасшедшихъ бабъ, которыхъ нужно пороть, чтобы научить ихъ уму-разуму.

Цѣлую недѣлю Мари не заглядывала на хуторъ Упсала, пытаясь достать необходимое ей въ другихъ мѣстахъ. Но ей не оставалось ничего другого: Упсаль все-таки былъ лучше всѣхъ въ этомъ отношеніи, и вотъ ей все-таки пришлось идти къ нему, какъ она ни боялась, чтобы онъ снова не заговорилъ съ нею о выставкѣ. Поэтому-то и дрожали у нея руки и ноги, когда она вошла и усѣлась у печки.

Мари была необыкновенно жалка, спрашивая служанку хриплымъ, глухимъ голосомъ,—дома-ли Упсаль?

Да, онъ былъ дома,—и служанка позвала его.

Немного спустя онъ вошелъ.

— Кого я вижу! Ты-ли это, Мари? Давненько уже не видѣлъ я тебя!

Слава Богу, онъ былъ любезенъ, какъ всегда!

О, да, давно! Ей совѣстно приходитъ часто, особенно, когда ходишь по такому дѣлу. Но она рѣшительно не знаетъ, къ кому обратиться за помощью, если не обращаться къ нему. Ждать дольше она не можетъ. Правда, она хотѣла просить его, чтобы онъ повѣрилъ ей только пару фунтовъ муки и еще одинъ или два козьяго сыра, потому что въ Смехаугенѣ плохо обстоитъ дѣло съ съѣстными припасами. Да, она сама не знаетъ, когда именно въ состояніи будетъ уплатить ему, но она постарается, выкопать для него мѣрку картофеля нынче осенью... Въ концѣ концовъ это не такъ страшно: они какъ-нибудь да сочтутся...

Упсаль, аккуратный, какъ всегда, приказалъ прислугѣ принести съ погребца два козьихъ сыра, а самъ взялъ у Ма-

ри мѣшокъ изъ-подъ муки, снялъ со стѣны вѣсы и пошелъ въ клѣтъ.

Когда онъ вернулся, Мари заторопилась. Дрожащими пальцами увязала она сыры въ платокъ, горячо поблагодарила, схватила мѣшокъ съ мукою и направилась къ двери.

Тогда заговорилъ Упсаль:

— Да, Мари, во вторникъ ты должна явиться вмѣстѣ съ Блирось на выставку, въ 9 часовъ утра.

Мѣшокъ выскользнулъ изъ рукъ Мари на полъ, такъ что поднялось облако муки.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю!

— Но тебя заставятъ. Я подалъ заявленіе.

У Мари задрожали углы рта.

— Развѣ никакъ нельзя избѣжать премии?

— Нѣтъ. Я надѣюсь, мы получимъ ее.

— Развѣ никакъ, никакъ невозможно избѣжать ее?

— Нѣтъ, теперь уже поздно.

— О... о... но я не явлюсь!

— Ну, тогда ленсманъ явится къ тебѣ и заберетъ корову. И, знаешь-ли, ты уже никогда больше не увидишься съ ней.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Несчастное я созданіе... Что же мнѣ дѣлать?

Глаза Упсала сверкнули лукавствомъ.

— Хочешь ты послушать меня, Мари? Поставь корову на ея мѣсто, чисти ее и ухаживай за нею, какъ только можешь лучше, а въ назначенное время явись на выставку. Тогда... тогда, можетъ статься, она избѣжитъ премии.

Упсаль повернулся и зашелъ въ горницу.

* * *

Не мало слезъ пролила Мари за недѣлю, пока Блирось ласкали, баловали, мыли и расчесывали на всѣ лады,—если такимъ способомъ можно было избѣжать премии, Мари, конечно, не щадила себя—и такъ усердно возилась съ коровою, что наконецъ, перестала плакать, позабыла о слезахъ, а въ утро выставки даже надѣла свой лучший нарядъ.

Только отвязавъ Блирось и уходя съ нею со двора, она снова залилась слезами, а съ нею заревѣли и дѣти, огорченные тѣмъ, что бѣдняжка Блирось рисковала получить премию.

Когда Мари вмѣстѣ съ Блирось пришла на площадь, гдѣ помѣщалась выставка, она очень струсилась; къ ней подошелъ какой-то странный человѣкъ и сказалъ, что она должна поставить свою корову именно въ то стойло, кото-

рое ей назначили; но Мари немного успокоилась, когда на робкій ея вопросъ,—можетъ-ли она остаться при коровѣ?—она услыхала въ отвѣтъ, что непременно сама должна наблюдать за Блирось. Когда же, поставивъ корову въ стойло, она оглянулась, то увидала вокругъ себя такъ много занятаго, что въ одну минуту почти забыла, какъ плохо обстоятъ ея дѣла: столько народа и столько скота одновременно она еще никогда не видѣла.

Народъ расположился длинными рядами между стойлами. И Упсаль былъ тамъ; онъ сказалъ только:

— Добрый день, Мари, все хорошо,—и прошелъ мимо.

Внезапно она широко раскрыла глаза: передъ нею стояло трое мужчинъ, всѣ они были и лучше одѣты, и потолще остальныхъ людей на площади; ходили они всѣ вмѣстѣ, останавливались около каждой коровы, щупали ее, говорили что-то, и одинъ отмѣчалъ въ записной книжкѣ.

Вотъ тутъ, навѣрное, и была опасность! Одинъ изъ тронихъ, пожалуй, фогтъ! Вотъ они поравнялись съ Мари, встали позади Блирось, и самый толстый изъ нихъ, казалось, былъ пораженъ или разсерженъ чѣмъ-то. Онъ вскинулъ на Мари быстрый взглядъ и спросилъ, какъ будто ему непременно нужно было знать это:

— Это твоя корова?

У Мари подогнулись колѣни, и она отвѣтила:

— Да, Господи Боже мой!

Мужчина усмѣхнулся, посмотрѣлъ на своего спутника и сказалъ:

— Мнѣ кажется, тебѣ не о чемъ горевать! Да, это корова изъ лучшихъ!

И они ушли.

Слава Богу, онъ сказалъ, что не о чемъ горевать! Что онъ хотѣлъ этимъ выразить? Можетъ быть, она и Блирось могутъ уже убраться во свояси?

Мари расхрабрилась и спросила одного изъ ближе стоявшихъ:—кончено-ли все?

Онъ думаетъ, что да.

Не знаетъ-ли онъ,—можно ли ей уйти?

Да, навѣрно, можно. Простонародью нечего тутъ дѣлать; только богачи должны здѣсь оставаться.

Мари была безумно счастлива, она отвязала Блирось и медленно поплелась прочь съ выставки.

Но тутъ прибѣжалъ какой-то человѣкъ и приказалъ ей, чтобы она привязала корову на мѣсто,—никто, молъ, не смѣетъ уйти, пока не произойдетъ раздача премій.

Тутъ Мари уменьшилась ростомъ, сгорбилась, снова привязала корову на мѣсто и замерла у стойла, глядя въ землю,—оставалось только покориться.

Вотъ снова подошли тѣ трое. Она ихъ замѣтила только тогда, когда они очутились совсѣмъ близко. Теперь они проходили мимо многихъ коровъ, а равно и мимо ея коровы. Они остановились, что-то поговорили между собою, чего она не поняла, потянули Блирось за вымя, ущипнули ея кожу, осмотрѣли рога. Мари сдѣлалось такъ дурно, что она принуждена была отвернуться въ сторону,—не могла она видѣть все это, ей все было противно. Раньше, чѣмъ отойти, господа эти задали ей нѣсколько вопросовъ; она почти потеряла сознание и, отвѣчая, не знала, что говорить. Наконецъ, они исчезли.

* * *

Время приближалось къ полудню. Ничего болѣе не случилось, и Мари продолжала пребывать въ страхѣ.

Наконецъ, пришелъ какой-то мужчина и сказалъ, чтобы всѣ шли къ трибунѣ на площади, потому что «сейчасъ начнется».

Мари тихонько заплакала и вытащила изъ мѣшка коровай хлѣба: она принесла его съ собою, имѣя въ виду разлуку съ коровою,—ужъ теперь она знала навѣрное, что никогда больше не увидитъ Блирось!

Большая толпа окружала трибуну: на ней стоялъ мужчина и держалъ рѣчь, изъ которой Мари ровно ничего не поняла. Наконецъ, онъ сошелъ внизъ, и на трибуну поднялся знакомый Мари толстякъ. Онъ тоже говорилъ нѣкоторое время, но Мари ничего не слышала, пока, наконецъ, онъ не произнесъ:

— А теперь приступимъ къ раздачѣ премій!

Въ толпѣ произошло движеніе: тамъ были еще и другіе, кромѣ нея, которые трусили! Многіе подошли ближе къ трибунѣ; между ними былъ и Упсаль!

Толстый продолжалъ:

— За корову мы выдали только одну первую премію. Ее получила Мари Смехаугенъ за «Блирось», пятьдесятъ кронъ.

Она слышала только, какъ въ толпѣ вокругъ нея раздавалось «о... о!..» У нея потемнѣло въ глазахъ.

Съ минуту стояла какая-то особенная тишина, потомъ она услышала:

— Развѣ Мари Смехаугенъ нѣтъ здѣсь?

— Да,—услышала она чей то отвѣтъ.

— Ну, такъ пусть она подойдетъ и получить премію!

Ее толкали, и вотъ она очутилась передъ толстякомъ.

— Я не знаю, поняла ли ты то, что я сейчасъ прочелъ. Но разъ ты получишь деньги, то этимъ берешь на себя обязательство сохранить у себя корову не менѣе трехъ лѣтъ.

Мари слушала, разинувши ротъ.

— Мнѣ не нужны деньги, лишь бы корова осталась у меня.

— О, денежки тоже не мѣшаетъ взять съ собою. Вотъ онѣ, пожалуйста! Да, а теперь забери свою корову, ступай домой и хорошенько ухаживай за ней.

Мари, очумѣвъ, быстро повернулась и отошла нѣсколь-ко шаговъ; но затѣмъ снова возвратилась къ трибунѣ.

— Ты здѣсь самый старшій?

— Да!

— А нѣтъ-ли здѣсь какого-нибудь мошенничества?

Въ эту минуту Упсаль шепнулъ что-то на ухо толстяку.

— Нѣтъ, будь совершенно спокойна!

* * *

Вечеромъ Мари пришла на кухню Упсала.

У ней такъ странно кривились углы рта, какъ будто она не знала, которой стороною улыбаться, или ей страшно было смотрѣть Упсалу въ глаза: онъ такъ лукаво поглядывалъ на нее! Наконецъ, она начала:

— Я хочу посчитаться съ тобою и заплатить все, что я должна тебѣ.

— Развѣ это такъ спѣшно? Развѣ ты не можешь найти другого употребленія для денегъ?

— О, ты знаешь, но...

— Если ты послушаешься меня, Мари, то мы сдѣлаемъ съ тобою дѣло и посчитаемся совсѣмъ другимъ способомъ: ты мнѣ дашь теленка, который родится у Блирось осенью.

Мари чуть не упала со стула отъ удивленія: ей казалось, что всѣ сошли съ ума! Сначала ей дали много денегъ только за то, что ушипнули Блирось; а теперь Упсаль покупаетъ неродившагося еще теленка за сумму, на которую можно было бы купить взрослую корову! Нѣтъ, это становится интереснымъ, вѣдь, если дѣла пойдутъ дальше такимъ образомъ, она скоро разбогатѣетъ, и ей пришла въ голову мысль, такая смѣшная, что она должна была высказать ее:

— Если такъ будетъ продолжаться, то весной, чего добраго, я куплю у тебя всю усадьбу, Перъ Упсаль!

И оба расхохотались.

Переводъ съ норвежскаго

Э. Вейнбаумъ.

СОНЕТЪ XLII ШЕКСПИРА.

Къ 300 лѣтію со дня рожденія. ❏

*Ты-ль требуешь, чтобъ я, открывши очи,
Ихъ длительно вперялъ въ тоскливый мракъ?
Чтобъ призракъ, схожъ съ тобой, средь ночи
Меня томилъ и мой тревожилъ зракъ?*

*Иль духъ твой высланъ, чтобы ночью черной,
Отъ дома далеко, за мной слѣдить,
И уличить меня въ винъ позорной,
Въ тебѣ способной ревность разбудить?*

*Нѣтъ! велика любовь твоя, но все же
Не столь сильна: нѣтъ! то—любовь моя
Сомкнуть глаза мнѣ не даетъ на ложь:
Изь-за нея, какъ сторожъ, мучусь я!*

*Вѣдь ты не спишь, и мысль меня тревожитъ,
Что съ кѣмъ-то слишкомъ близко ты, быть-можетъ!*

Валерій Брюсовъ.

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ, МИРНЫЕ И ВОЕННЫЕ.

(Продолжение). *

Мы изучили строение капиталистической системы ровно настолько, чтобы понять причины мировых кризисов перепроизводства. Анархичность системы в целом обуславливает взаимную борьбу ее элементов-предприятий; внутренняя организованность предприятий в отдельности дѣлает возможным плановое развитие их сил для того, чтобы удерживаться и побуждать в этой борьбѣ. Развитие это, ничѣм не регулируемое, неизбежно приводит къ нарушенію равновѣсія системы, въ чемъ и состоитъ кризисъ. Если бы вся организація капитализма исчерпывалась этими двумя чертами—анархичностью рынка и организованностью предприятия, то иныхъ мировыхъ кризисовъ, кромѣ тѣхъ, которые протекаютъ въ формѣ перепроизводства, намъ не пришлось бы наблюдать.

Но строение капиталистическаго общества не сводится къ простой двучленной схемѣ. Вполнѣ анархичная экономическая система не могла бы существовать: она расплылась бы въ безудержно развивающейся и обостряющейся борьбѣ. Капиталистическія общества въ извѣстныхъ предѣлахъ все-же и *экономически-организованы*; форма этой организаціи—буржуазное государство.

Но государство слагается изъ иныхъ группировокъ, чѣмъ мировой рынокъ, не изъ отраслей производства и отдельныхъ предприятий, какъ ихъ элементовъ,—а изъ социальныхъ классовъ и группъ, и отдельныхъ личностей, какъ ихъ элементовъ. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія.

Дѣло въ томъ, что научное понятіе «организаціи» относительно, а не абсолютно, какъ все научныя понятія; и всякая организованная система, если ее анализировать съ разныхъ точекъ зрѣнія, различно разлагается на частныя группировки и элементы. Такъ, нашъ организмъ физиологически разлагается на органы, а гистологически—на ткани; въ одномъ и томъ же органѣ, какъ, напр., глазъ, могутъ имѣться элементы всѣхъ тканей; одна и та же ткань, напр., соединительная, можетъ имѣть представителей во всѣхъ органахъ; живая клѣтка гистологически разлагается на ядро, протоплазму, оболочку и проч., химически же на разныя бѣлковыя, фосфо-протеидныя, углеводныя и другія соединенія. Библіотека распределяется по отдѣламъ и томамъ

* См. «Лѣтопись» № 3. 1916г.

или по авторамъ и ихъ сочиненіямъ, при чемъ одинъ отдѣлъ и даже одна книга можетъ заключать сочиненія разныхъ авторовъ, но также наоборотъ—одинъ авторъ или одно сочиненіе перѣдко фигурируютъ въ разныхъ отдѣлахъ и книгахъ. Однако, въ такихъ анализахъ нѣтъ произвола: разъ выбрана точка зрѣнія, зависящая отъ специальной задачи анализа, то правильнымъ, т.-е. пѣлесообразнымъ, окажется только разложеніе на такіе, а не иные группировки и элементы.

Для изслѣдованія военнаго кризиса капиталистическій міръ приходится разлагать, очевидно, на отдѣльныя государства; а для пониманія функций и связи государства, общество слѣдуетъ анализировать на социальные классы и группы, потому что ихъ взаимоотношеніями опредѣляется строеніе государства. Элементами же классовъ и группъ являются человѣческія единицы, а не цѣлыя предпріятія, въ которыхъ комбинируются представители самыхъ удаленныхъ другъ отъ друга по социальному положенію группъ и классовъ.

Въ чемъ же заключаются связи, экономически объединяющія членовъ каждой группы или класса? Въ одинаковомъ положеніи среди производственной системы, въ одинаковомъ отношеніи къ производству. Текстильные рабочіе на основѣ своей производственной специальности образуютъ особую социальную группу: аналогичнымъ образомъ и текстильные фабриканты. Эти двѣ группы принадлежатъ къ двумъ разнымъ классамъ, положеніе которыхъ въ системѣ капитализма принципиально различается, какъ подчиненное и господствующее.

Но такая связь элементовъ группы или класса, очевидно, сама по себѣ не представляетъ планообразной организованности: она экономически-анархична. Члены одной группы—естественные конкуренты другъ другу; группы одного класса сталкиваются между собою въ силу расхожденія интересовъ тѣхъ отраслей производства, съ которыми онѣ связаны; классы находятся въ состояніи непрекращающейся борьбы.

Эта анархичность—основной фактъ для капитализма. Основнымъ онъ остается несмотря на то, что внутри группъ и классовъ возникаютъ различныя экономическія союзы. Дѣло не только въ томъ, что такіе союзы фактически еще весьма далеки отъ преобладанія въ жизни, но еще болѣе въ томъ, что, не выходя за предѣлы капитализма, они измѣняютъ лишь масштабъ проявленій его анархьи, но отнюдь не уничтожаютъ ихъ сущности. Относительно объединеній буржуазныхъ, каковы акціонерныя общества, синдикаты хозяевъ и т. под., это очевидно безъ особыхъ доказательствъ: борются и конкурируютъ крупныя единицы вмѣсто мелкихъ, только и всего. Но даже объединенія рабочаго класса, его профессиональные союзы и кооперативы, стремящіеся устранить конкуренцію и борьбу въ его средѣ, чего достигли пока лишь въ меньшинствѣ случаевъ,—параллельно съ этимъ усиливаютъ и углубляютъ борьбу между-классовую, самое важное и самое общее изъ проявленій экономической анархьи.

Такимъ образомъ, если рынокъ представляетъ анархичную систему, состоящую изъ организованныхъ единицъ—предпріятій, то строеніе государства выражается противоположной схемой: организованная система, сложенная изъ анархичныхъ частей. Но это сочетаніе можетъ получиться только однимъ способомъ: путемъ господства силы, путемъ подчиненія однѣхъ частей другими. Слѣдовательно, государство по основному строенію не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *организацией силы для господства*.

Чьего же именно господства, и надъ кѣмъ? Съ организационной точки зрѣнія отвѣтъ очень простъ: элементовъ, группъ, классовъ *болѣе организованныхъ* надъ *менѣе организованными*.—И, однако, несмотря на всю самоочевидность этого отвѣта, онъ, навѣрно, вызоветъ недоумѣніе и внутреннее недовольство многихъ читателей.

Мы привыкли разсматривать буржуазные, т.-е., фактически господствующіе классы, какъ наиболѣе «индивидуалистичные», проникнутые «анархизмомъ личныхъ интересовъ», слѣдовательно,—по природѣ наименѣе склонные къ организаци. Мы знаемъ, что рабочій классъ дисциплинируется, объединяется, спланивается самымъ процессомъ производства, что въ его социальной природѣ лежитъ стремленіе къ коллективизму. Намъ знакома прославленія организованности, проявляемой рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ—и не только передовыхъ,—преодолѣвающей массовой голодь стачекъ и инныя формы матеріальнаго гнета, не менѣе тяжелыя; и намъ, естественно, можетъ показаться странной мысль, что, несмотря на все это, классы «анархичные» въ дѣйствительности гораздо болѣе организованы. Но это несомнѣнно такъ, и вполне доказывается тѣмъ фактомъ, что они господствуютъ. Иначе, какъ же удалось бы имъ господствовать? И вдобавокъ, при сравнительно небольшой ихъ численности?

Если читатель укажетъ, что господство буржуазныхъ классовъ основывается на ихъ особенно выгодномъ положеніи въ обществѣ, какъ *собственниковъ*, то это, въ сущности, вовсе не будетъ возраженіемъ. Собственность сама есть организационное соотношеніе. Она не приросла къ тѣлу собственниковъ. Классъ, владѣющій собственностью, это и значить—классъ, организованный въ достаточной степени, чтобы владѣть ею и удерживать ее. Если бы этого не было, онъ бы потерялъ ее, какъ случилось со старымъ крестьянствомъ и старыми ремесленниками, въ разныхъ странахъ, а также и съ аристократіей во время французской революціи. Сила собственности—только выраженіе организованной классовой силы.

При сколько-нибудь объективномъ сравненіи, тутъ и вопроса никакого не остается. Возьмите бюрократическій аппаратъ крупнаго государства, включающій десятки, а то и сотни тысячъ живыхъ звеньевъ, обслуживающій своими сложными, развѣтвленными функціями миллионы людей и удерживающій въ зарѣ намѣченныхъ рамкахъ десятки миллионъ, и сопоставьте

съ нимъ рабочую партію той же страны, будь это даже германская социаль-демократія: на какой сторонѣ окажется большая широта, точность и согласованность дѣйствія? Или удивительный гигантскій механизмъ современной армии, и самую значительную федерацію профессиональныхъ союзовъ или кооперативовъ? Не получается ли такое же впечатлѣніе, какъ если сравнивать мощный, развитой, вполне зрѣлый организмъ съ чѣмъ-то нѣжно-дѣтскимъ, нескладно-личиночнымъ? И этими сопоставленіями сказано еще далеко не все.

Организованность человѣческихъ коллективовъ опредѣляется всѣмъ тѣмъ, что даетъ имъ единство практическаго направленія, мыслей, настроеній. А это дѣлается, отнюдь, не только формальными организаціями. Организующей формой гораздо болѣе широкой и общей, безъ которой тѣ организаціи даже не были бы возможны, является вся духовная культура коллектива: совокупность его обычаевъ, морали, права, его знаній, его искусства, проникнутыхъ однимъ и тѣмъ же специфическимъ для него міроотношеніемъ,—его точкой зрѣнія на жизнь и его методомъ устройства жизни. И теперь сравните колоссальную, всеобъемлющую, вѣками сложившуюся, и въ существѣ своемъ уже завершенную культуру буржуазныхъ классовъ съ разрозненными, неоформившимися элементами новой коллективистически-трудоовой культуры, какіе успѣли вступитъ въ жизнь до сихъ поръ...

Впрочемъ, суровая дѣйствительность сама только что выполнила это сравненіе. Когда разразился великій кризисъ, то сразу же обнаружилась слабость новыхъ зародышей культуры, ихъ неспособность сыграть теперь же самостоятельную роль. Старая буржуазно-государственная культура почти безъ сопротивленія съ ихъ стороны объединила своими національно-патріотическими лозунгами рабочіе классы передовыхъ странъ съ ихъ вчерашними антиподами. Интернационализмъ рабочихъ классовъ сразу разлетѣлся въ куски, потому что онъ и не могъ быть реальною силою только какъ чувство или настроеніе массъ; онъ могъ бы стать ею лишь, какъ воплощеніе своеобразной и цѣлостной классовой культуры.

Тѣ, которые полагали, что для единства класса достаточно общности его экономическихъ *интересовъ*, можетъ-быть, поймутъ хоть теперь, насколько они ошибались. Въ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ интересы могутъ представляться общими или прямо противоположными, *смотря по способу мышленія*. Способъ мышленія вырабатывается изъ производственныхъ отношеній класса,—но *вырабатывается*, а не дается готовымъ. Рабочіе классы передовыхъ странъ не успѣли еще вполне выработать своихъ собственныхъ формъ мышленія, и когда были застигнуты грандіозными, невиданными въ ихъ обычномъ опытѣ событиями, то поневолѣ принуждены были пользоваться тѣми вполне сложившимися способами мышленія, которые имѣлись налицо, и въ которыхъ выражается буржуазная культура. Но логика этой культуры исходитъ изъ экономической анархіи,

конкуренци, господства материальной силы. Подчинившись этой логикѣ, какъ было неизбежно, рабоче классы воюющихъ передовыхъ странъ «сознали» противоположность своихъ интересовъ, и превосходно осуществили ее на практикѣ. Никогда, можетъ-быть, до сихъ поръ *организующая роль духовной культуры* не выступала съ такой силой и очевидностью¹.

Утверждение, что господствующе классы *въ большей степени* организованы, чѣмъ подчиненные, отнюдь не означаетъ, что *типъ* ихъ организаціи есть высшій. Этотъ вопросъ долженъ рѣшаться особо, и на другой основѣ. Напр., человѣчески младенецъ по типу организаціи выше взрослого льва и верблюда, но по степени—очевидно, ниже.

* * *

Если государство представляетъ не что иное, какъ *организацію силы для господства*, то очевидно, что «милитаризмъ» есть не просто одна изъ функций капиталистическаго государства, а *первичная и основная* его функция. И его развитие въ борьбѣ образующихъ его группъ и классовъ есть неизбежно прежде всего развитие именно этой функции.

Углубление и расширение внутри-государственной борьбы, вытекающее изъ прогресса капитализма, естественно ведетъ къ росту военной силы въ разныхъ ея формахъ (жандармерія и полиція относятся сюда же), какъ чистѣйшаго выраженія государственности въ условияхъ буржуазнаго мра. Но пока анализъ не выходитъ за предѣлы обособленнаго государства, теорія указываетъ на нѣкоторый практический предѣлъ для этого роста, намѣчаемый требованиями самой его задачи.

Военная сила, въ разныхъ ея видахъ, всегда планомерно организована и технически специализирована, при капитализмѣ же обладаетъ и весьма совершенными орудіями для своей функции, машинами истребленія; противостоящія же ей группы и классы, которые требуется удерживать въ подчинении, частью просто анархично-разрознены, частью, правда, организуются, но въ рамкахъ капитализма—лишь частично; а технически со-всѣмъ слабо приспособлены для военной борьбы, и не располагаютъ ея средствами. Поэтому для выполнения указанной задачи достаточно сравнительно небольшое количество военныхъ силъ. Дальнѣйшее ихъ увеличение въ такомъ случаѣ не только не представляется необходимымъ, но скорѣе способно повредить дѣлу, и по меньшей мѣрѣ порождаетъ новый рискъ, потому что втягн

¹ Около пятнадцати лѣтъ въ цѣломъ рядѣ работъ я разъяснял ту элементарную, азбучную истину, что идеологія есть не только «надстройка», но именно надстройка опредѣленнаго жизненнаго значенія,—система *организующихъ приспособленій* для техники и экономики. Единственная критика со стороны правовѣрныхъ противниковъ этой идеи заключалась въ указании на то, что у Маркса ея нѣтъ, и въ подведении ея подъ рубрику «идеализмъ». Теперь мнѣ до крайности интересно, какимъ образомъ теоретики, столь убѣдительно отрицающе организационную роль идеологии, объясняютъ помимо нея грандіозное «сотрудничество классовъ», развернувшееся на нашихъ глазахъ?

васть въ военную организацію все болѣе значительную долю тѣхъ же классовъ, которые, собственно, и подлежатъ обузданію,—даетъ имъ дисциплину и техническую подготовку, которыя могутъ получить непредусмотрѣнное примѣненіе.

Та же основная задача требуетъ и добровольно-наемной системы рекрутированія военной силы. При этой системѣ она составляется главнымъ образомъ изъ элементовъ, не выполняющихъ или даже не склонныхъ выполнять производительно-трудоваыя функціи; такіе элементы въ наименьшей степени жизненно-связаны съ производительно-трудовыми классами, хотя бы сами изъ нихъ происходили, чѣмъ уменьшается опасность отклоненія исполнителей отъ требованій основной задачи при острыхъ общественныхъ конфликтахъ.

До послѣдняго времени два великихъ государства строили свою военную организацію въ приблизительномъ соотвѣтствіи съ намѣченной здѣсь схемой: Англія и Соединенные Штаты, страны типическаго, яркаго, долго ничѣмъ не стѣсняемаго развитія капитализма. Въ большинствѣ же капиталистическихъ странъ эта схема на практикѣ подверглась очень сильному измѣненію: вмѣсто вольно-наемной системы—всеобщая воинская повинность, вмѣсто ограниченныхъ размѣровъ—неудержимый ростъ вооруженій. Но теперь и Англія, и Соед. Штаты, какъ извѣстно, вступаютъ на тотъ же путь, спѣшатъ устранить свою милитаристическую отсталость.

Причины, какъ этого различія формъ милитаризма, такъ и того, что оно въ настоящее время уничтожается, лежатъ въ одной и той же области, сводятся къ дѣйствию одной и той же силы: *мирового рынка*;

* * *

Капитализмъ Англіи и Соед. Штатовъ выросъ въ привилегированномъ положеніи: и здѣсь, и тамъ до сравнительно недавняго времени исторической судьбою ему былъ предоставленъ полный просторъ. Англія имѣла къ своимъ услугамъ гигантскій, быстро увеличивавшійся рынокъ Стараго Свѣта безъ сколько-нибудь серьезной конкуренціи; Соед. Штаты играли такую же роль въ Новомъ Свѣтѣ. Этому господству при тогдашней техникѣ сообщеній не могла угрожать сколько-нибудь серьезно и организованная военная сила другихъ государствъ: обѣ были достаточно укрыты морями. Мировой рынокъ тогда не давилъ на эти страны своей двойной угрозой: конкуренціей могучаго капитализма младшихъ соперниковъ, и возможностью ея поддержки ихъ организованной военной силою. Всякая страна, которая оказалась бы въ столь благопріятныхъ условіяхъ, развивала бы свой милитаризмъ по тому же типу. И если бы мировой капитализмъ успѣлъ сложиться въ единое парламентарное государство, онъ вернулся бы къ той же схемѣ военной организаціи.

Если государство есть организованное цѣлое, слагающееся изъ анархическихъ частей, то совокупность современныхъ государствъ является, опять-таки, анархической системой, состав-

вленной изъ организованныхъ частей,—какъ мировой рынокъ, съ которымъ она совпадаетъ.

Тѣ же соотношенія ведутъ къ тѣмъ же результатамъ: анархическая связь обуславливаетъ соперничество между государствами, какъ она вызываетъ конкуренцію между предприятиями. И здѣсь, и тамъ соперничество организованныхъ единицъ порождаетъ планомѣрное ихъ развитие. И здѣсь, и тамъ это развитие выражается въ расширеніи и усовершенствованіи, съ одной стороны, организаціи людей, съ другой—организаціи вещей, т. е. техники.

Тутъ основа того специфическаго милитаризма, котораго высшимъ образцомъ была до сихъ поръ Германія, и который далъ содержаніе нынѣшнему кризису исторіи. Съ точки зрѣнія этого милитаризма государство все такъ же является организаціей силы для господства,—но уже для господства на мировомъ рынкѣ; слѣдовательно, для господства капитала данной страны не только надъ ея трудовыми классами, но надъ капиталомъ и трудовыми классами всего человѣчества.

Естественно, что развитие этой второй стороны милитаризма должно было итти, во-первыхъ, въ зависимости отъ формировація мирового рынка вообще, и, во-вторыхъ, еще болѣе, въ зависимости отъ «тѣсноты» этого рынка, отъ проявленій его недостаточности, въ видѣ обостряющейся конкуренціи на немъ и растущей силы экономическихъ кризисовъ. Оттого именно послѣднія десятилѣтія и были эпохой такого безпримѣрнаго развитія національныхъ вооруженій, организованной боевой силы государствъ.

Стремленіе ихъ перегнать другъ друга въ вооруженіяхъ и гарантировать себѣ перевѣсъ силы вызвало необходимость въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ демократизировать воинскую повинность, сдѣлать ее всеобщей, прямой и, по крайней мѣрѣ, формально, равной для всѣхъ гражданъ. Срокъ ея пришлось сократить до четырехъ, трехъ, даже двухъ лѣтъ, чтобы провести черезъ кадры и имѣть въ запасѣ возможно болѣе значительную часть способныхъ къ ней лицъ.

Въ этихъ формахъ милитаризмъ уже далеко не представляетъ столь вадежныхъ, какъ прежде, гарантій по отношенію къ внутреннимъ задачамъ. Поэтому для нихъ сохраняется еще особая, специализированная форма военной силы, полицейская, рекрутируемая не принудительно, а по найму, какъ первоначально вообще постоянныя арміи. По организаціи, авторитарно-милитарной, она мало отличается отъ остальныхъ военныхъ силъ; главное различіе—особенно сильное развитіе развѣдочной части и менѣе богатое вооруженіе. Благодаря этой организаціи, полицейская военная сила, несмотря на относительно малую численность, оказывается въ состояніи поддерживать установившіяся соотношенія при обычныхъ проявленіяхъ социальной борьбы интересовъ. Когда конфликты выходятъ изъ обычныхъ рамокъ, въ дѣло вводится и боевая сила собственно арміи, разумѣется, по мѣрѣ возможности, поскольку нарушеніе внутренняго равновѣсія не отражается въ ней самой.

* * *

Новѣйшій милитаризмъ представляетъ колоссальную затрату производительныхъ силъ на непроизводительныя цѣли. Этимъ, пожалуй, исчерпывается его экономическая оцѣнка съ точки зрѣнія труда. Но отнюдь не такъ проста оцѣнка съ точки зрѣнія капитала, или—что, въ сущности, то же самое—съ точки зрѣнія рынка.

Мы видѣли, что основу рынка въ цѣломъ составляетъ потребительный рынокъ, и что расширение цѣлаго зависитъ отъ расширения этой основной его части, хотя можетъ и не быть пропорционально ей. Что же означаетъ ростъ милитаризма для развитія рынка? Огромное увеличеніе именно *потребительной* его области; потому что милитаризмъ потребляетъ, а не производитъ, истребляетъ, а не создаетъ.

Милліоны молодыхъ и здоровыхъ людей отвлекаются отъ производительнаго труда для военной службы; по ихъ потребленію за это время не меньше потребленія работниковъ, и не можетъ быть меньше, потому что они несутъ особый, своеобразный трудъ, и должны сохранять, а по возможности даже развивать свою силу и здоровье. Но еще больше тотъ потребительный рынокъ, который образуется спросомъ государства на оружіе, снаряды, крудя и всевозможныя сооруженія для арміи. Орудія истребленія экономически—нѣчто совершенно иное, чѣмъ орудія производства, хотя технически очень на нихъ похожи.

Ружье и патроны къ нему въ рукахъ профессиональнаго охотника — средства производства мяса, шкуръ и т. под. продуктовъ, которые служатъ частью въ свою очередь матеріалами для обработки, частью предметами потребленія; такое оружіе есть одно изъ промежуточныхъ звеньевъ цѣпной связи рынка. Но солдатское ружье и патроны, находятся-ли они въ рукахъ обучающагося рекрута, или лежатъ про запасъ въ арсеналѣ, не выполняютъ никакой подобной функціи; и даже если они примѣняются на дѣлѣ въ бою, для производства труновъ, то и тогда остаются послѣднимъ, заключительнымъ звеномъ въ той же цѣпной связи, потому что трупъ непріятели не есть ни матеріалъ для производства, ни предметъ потребленія.

Одинаковый съ этимъ экономическій смыслъ имѣютъ, конечно, и артиллерійскія орудія съ ихъ снарядами, и миноносцы, крейсера, броненосцы, и крѣпостныя сооруженія, и т. д. Каждый изъ такихъ товаровъ, имѣетъ ли онъ форму машины или матеріала, ея потребляемаго, или зданія, недвижимаго или перемѣщающагося, во всякомъ случаѣ заканчиваетъ собою нѣкоторую техническую цѣпь процессовъ производства, и не входитъ, какъ элементъ, въ процессъ производства новыхъ продуктовъ; т. е., принадлежитъ къ сферѣ *потребительнаго* рынка.

Такимъ образомъ типичный военно-морской бюджетъ капиталистическаго государства, измѣряемый нѣсколькими сотнями милліоновъ рублей въ годъ, представляетъ въ наибольшей своей

части настоящее расширение потребительнаго рынка; а это означаетъ, при современномъ строении капитала, какъ мы раньше показали, общее возрастание возможностей реализации въ 20—25 разъ болѣе значительное, т. е. приростъ спроса на немалое число миллиардовъ. Легко понять, насколько легче и быстрѣ наступало бы общее перепроизводство въ видѣ мировыхъ кризисовъ, если-бы «народы не стонали подъ бременемъ милитаризма», какъ принято выражаться.

Замѣтите, что съ этой точки зрѣнія потребительный спросъ государства для солдатъ, живущихъ въ казармѣ, несравненно цѣннѣе, чѣмъ потребительный спросъ такого же числа занятыхъ въ производствѣ рабочихъ: заработная плата рабочихъ образуетъ спросъ на предметы потребления, но зато ихъ трудъ увеличиваетъ и предложене товаровъ на рынкѣ, тогда какъ тѣ же рабоче, ставши солдатами, и потребляя, какъ прежде, уже ничѣмъ не увеличиваютъ предложенія товаровъ.

Изъ этого видно, что капиталъ вообще, и, слѣдовательно, также капиталъ, организованный въ формѣ государства, не можетъ смотрѣть на стремительный ростъ милитаризма, какъ на необходимое зло. Для него это скорѣе—положительное благо. Люди «простого здраваго смысла» нерѣдко изумлялись тому, что какая-нибудь изъ великихъ державъ беретъ на себя инициативу, напр., увеличенія арміи на нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, когда заранѣе извѣстно, что строго соответствующее увеличеніе будетъ немедленно произведено всѣми конкурирующими державами. Очевидно, «простой здравый смыслъ» здѣсь ошибается, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ; а капиталъ—душа современнаго государства—правъ и послѣдователенъ въ своей логикѣ.

Съ точки зрѣнія этой логики понятно и существованіе междунаrodnаго треста—точнѣе, синдиката—вооруженій, объединявшаго наиболѣе крупныя фирмы нынѣ воюющихъ державъ, разоблаченнаго незадолго до войны Либкнехтомъ и другими. Эти фирмы, какъ было тогда выяснено,—читатель, вѣроятно, еще помнитъ это изъ газетъ,—сообща распредѣляли рынки военныхъ заказовъ, и взаимно оказывали другъ другу услуги по части раздуванія національныхъ ненавистей и страха, распространенія военныхъ слуховъ, побуждающихъ парламенты къ принятію военныхъ законопроектовъ, помѣщенія во влпательныхъ органахъ угрожающихъ статей, и т. под. Можно предполагать, что теперь, во время войны, трестъ прекратилъ свою дѣятельность. Но нѣтъ основаній думать, чтобы по заключеніи мира не могло возобновиться это объединеніе капитала, вполне естественное въ своей основѣ, и не противорѣчащее интересамъ капиталистическаго государства.

Было бы очень ошибочно думать, что потребительный рынокъ, доставляемый милитаризмомъ капиталу, имѣетъ значеніе лишь для нѣкоторыхъ отраслей производства, болѣе тѣсно связанныхъ съ этимъ специальнымъ спросомъ. Нѣтъ, въ дѣйствительности его влияние распространяется рѣшительно на

всѣ отрасли, хотя, разумѣется, и не равномерно. Спросъ милитаризма, предъявляемый къ текстильной промышленности и производству средствъ питанія, вполне подобенъ спросу со стороны демократическихъ массъ населенія; а эти двѣ отрасли имѣютъ цѣпныя связи со всѣми другими. Химическая, металлургическая и угольная промышленность, правда, еще больше выигрываютъ отъ милитаризма; но и онѣ, въ свою очередь, занимая массу лишнихъ рабочихъ рукъ, ихъ потребительнымъ спросомъ помогаютъ расширенію всѣхъ другихъ отраслей; а, наконецъ, облегченная всѣмъ этимъ реализація товаровъ и ростъ прибылей, позволяя капиталистамъ быстрѣе развивать свои потребности, оживляютъ и производства предметовъ роскоши.

Все это даетъ разгадку поразительной ничтожности сопротивленія, на которыя наталкивались въ средѣ руководящихъ классовъ самые грандіозные военные законопроекты въ передовыхъ странахъ капитализма, несмотря даже на заранѣе очевидную неизбежность того, что они немедленно окажутся уравновѣшены соответственными военными мѣропріятіями государственъ-конкурентовъ. Капитализмъ лучше умѣетъ цѣнить потребительный рынокъ, чѣмъ наивно-фетишистическая теорія г. Туганъ-Барановскаго, не видящая разницы между токарнымъ и ткацкимъ станкомъ, за которые заплачено равное число рублей.

Впрочемъ, утопичность этой теоріи обнаруживается еще ярче исполинскимъ масштабомъ и бѣшено-истребительнымъ характеромъ нынѣшней войны. Развѣ мыслимо было бы все это, если бы вопросъ о внѣшнихъ рынкахъ, изъ-за которыхъ идетъ борьба, былъ для капитала не принципиально-важнымъ, а только вопросомъ устраненія временныхъ зацѣпокъ въ реализаціи, какъ принимаетъ теорія г. Туганъ-Барановскаго?

Точно также съ выясненіемъ положительной роли милитаризма въ развитіи и поддержаніи равновѣсія рынка для насъ раскрывается полная безнадежность мечтаній буржуазныхъ пасифистовъ. Божество капитализма—міровой рынокъ—противъ нихъ; и они обречены быть безсильнымъ идеологическимъ меньшинствомъ.

* * *

Но если такъ, то откуда эта пасифистская идеологія? Какое реальное содержаніе въ жизни господствующихъ классовъ она организуетъ? И развѣ не обнаруживала она неоднократно большую силу, развѣ не оказывала вліянія даже на правительства нынѣ воюющихъ странъ? Собирались же мирныя конференціи, строится и по-сейчасъ «дворецъ мира» въ Гаагѣ. Да наконецъ, существовало до войны международное право; не можетъ оно не быть восстановлено послѣ нея; подкрѣпленное безпримѣрными ея ужасами, не устранить ли оно анархію и господство грубой силы въ отношеніяхъ между государствами, а съ ними и современныя формы милитаризма?

Происхожденіе буржуазно-пасифистской идеологіи, конечно, никакихъ загадокъ не представляетъ. Человѣку-индиви-

дуалисту не постигнуть воли капиталистическаго божества, и его частные, ограниченные интересы то и дѣло приводятъ его въ противорѣчiе съ нею. Потребительный рынокъ милитаризма создается за счетъ налоговъ, болѣзненно ощущаемыхъ потребителями. Годы казармы съ ея дисциплиной — тоже изрядный процентный налогъ на жизнь человѣка. А затѣмъ—постоянная возможность военныхъ кризисовъ, гдѣ разрушенiе и смерть творять волю рынка.

Что касается высшихъ мирныхъ конференцій, то онѣ, какъ извѣстно, возникали въ моменты опаснаго обостренiя международныхъ интересовъ; и для странъ, менѣе готовыхъ къ борьбѣ, могли являться остроумнымъ, даже усиѣннымъ дипломатическимъ ходомъ при наличности пасифистскаго общественнаго мнѣнiя въ странахъ, въ тотъ моментъ имъ враждебныхъ. Приписывать этимъ конференціямъ иное значенiе было бы наивно.

Однако, международное право существовало? Да, безъ сомнѣнiя. Въ извѣстномъ смыслѣ и предѣлахъ, оно и теперь существуетъ; а послѣ войны, навѣрное, вновь временно расширить эти предѣлы. Но для милитаризма оно опасности никогда не представляло, и не будетъ представлять.

Въ смѣнѣ великихъ культуръ каждой изъ нихъ, чтобы стать мировою, необходимо создать свой собственный интернаціональ. Каждая и создаетъ его своими методами, въ своихъ организационныхъ формахъ: античная—въ видѣ Римской Имперiи, феодально-средневѣковая — въ видѣ католической церкви, капиталистическая—въ видѣ международного права, нарождающаяся пролетарская—въ видѣ международного союза работниковъ. Методы римской бюрократiи были, конечно, иные, чѣмъ методы папской iерархiи, а тѣмъ болѣе—чѣмъ методы свободнаго товарищескаго сотрудничества; но методы буржуазнаго интернаціонала отъ всѣхъ нихъ отличаются своеобразной *отвлеченностью*, какъ-бы безплотностью: международное право не имѣетъ своего конкретнаго органа, обладающаго матеріальной силою, способной осуществлять принужденiе. Оно этимъ гораздо больше похоже на *мораль*, чѣмъ на настоящее *право*, въ обычномъ, исторически сложившемся смыслѣ слова.

Что такое международное право? Это—совокупность наличныхъ признаваемыхъ договоровъ и соглашенiй между государствами. Чѣмъ обусловливаются такие договоры и соглашенiя? Несомнѣнно, взаимными интересами этихъ организацій, и ничѣмъ инымъ. Если при этомъ фигурируютъ ссылки на справедливость, взаимныя симпатiи народовъ и т. под., то передъ нами только идеологическiя обобщенiя тѣхъ же конкретныхъ интересовъ; это ясно изъ того, какъ быстро измѣняются требованiя справедливости и чувства симпатiи въ международныхъ отношенiяхъ вмѣстѣ съ конкретной обстановкой. Развѣ не стала, напр., для насъ Англія, столько времени «исконный врагъ», именовавшійся «коварнымъ Альбіономъ», за какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ представительницей истинной международной справедливости и объектомъ искреннихъ симпатiй? И развѣ нейтральныя государ-

ства не размышляютъ сейчасъ о томъ, что если у нѣмецкаго флота дѣйствительно готовы 17-дюймовыя орудія, то справедливость, пожалуй, можетъ оказаться на сторонѣ Германіи,— хотя, впрочемъ, это и сомнительно, въ виду заявленія англійскаго министра, что все предусмотрено, и мѣры приняты.

Международное право *организуе*тъ взаимные интересы разныхъ государствъ и дѣлае

тъ это совершенно такимъ же способомъ, какъ договоръ покупки—продажи *организуе*тъ взаимные интересы контрагентовъ на рынкѣ, — и какъ вообще идеологическія формы организуютъ тѣ или пныя жизненныя отношенія¹. Но международное право, какъ идеологія, имѣе

тъкоторыя особенности сравнительно съ обычнымъ рыночнымъ договоромъ.

Процессъ обмѣна товаровъ былъ основою развитія буржуазной собственности, а съ нею и вообще буржуазной культуры. Благодаря этому, рыночный договоръ находится въ самой тѣсной, самой неразрывной связи со всѣми ея высшими формами: ея моралью, правомъ, государственной организаціей. Онъ «охраняется» ими, т. е., его нарушение невозможно безъ столкновения съ ними. Въ тѣ времена, когда самый обмѣнъ находился въ зародышѣ, а эти высшія формы еще не дифференцировались, мѣнновой договоръ не обладалъ непреложностью; и если одна изъ двухъ сторонъ находила, что соотношеніе физическихъ силъ складывается для нея благопріятнѣе, чѣмъ соотношеніе силъ экономическихъ, то она дополняла и исправляла условія обмѣна товаровъ при помощи обмѣна ударовъ. Теперь этого нѣтъ, потому что не только отвлеченная мораль и право, но и весьма осязательная матеріальная сила государства гарантируетъ мирное теченіе и непреложность результатовъ рыночнаго договора.

Далеко не такъ обстоитъ дѣло съ международными договорами и соглашениями. Тутъ положеніе приблизительно такое, какое существовало для мѣнноваго договора въ эпоху зарожденія обмѣна: никакой «санкціи» нѣтъ. Нѣтъ той реальной, могущественной санкціи, которая соотвѣтствовала бы санкціи государства въ правовыхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ; и нѣтъ даже той «идеальной», болѣе слабой санкціи, которая имѣе

тъоснову въ морали. Дѣло въ томъ, что буржуазная мораль всецѣло относится къ *индивидууму*, ея идеальная санкція—личная совѣсть, способная къ угрызеньямъ; государства же организаціи сверхъ-индивидуальныя, и органа совѣсти, тѣмъ болѣе угрызающей, у нихъ нѣтъ. Сталкивающіеся въ международныхъ отношеніяхъ сверхъ-индивидуальные интересы слишкомъ

¹ «Опять все тотъ же идеализмъ!»—скажетъ съ негодованіемъ читатель изъ истинно-русскихъ марксистовъ. Что же, вотъ превосходный случай опровергнуть мою ересь: стоитъ только доказать, что договоръ покупателя и продавца,—и весь ихъ разговоръ, конечно,—не есть актъ идеологическій, или же доказать, что онъ ничего не организуетъ, а есть чистое украшеніе экономическаго процесса.

сложны и обширны, чтобы уложиться въ узенькія рамки индивидуально-буржуазной морали.

Это особенно ярко выступает теперь, когда о происходящихъ стихійно-грозныхъ событіяхъ пытаются судить съ точки зрѣнія привычной морали. Можно ли нарушить старое обязательство уважать нейтралитетъ маленькаго народа, когда, по мнѣнію нарушающихъ, это единственный способъ спасти жизненные интересы великой націи, окруженной врагами? Въ ролю это, или самозащита? Можно ли въ занятой области враждебнаго государства систематически разрушать сельско-хозяйственные строения и машины, уничтожать всѣ запасы, какіе не могутъ быть использованы, обстановку всѣхъ жилищъ, и пр., когда это дѣлается «въ дѣлахъ подрыва экономическаго благосостоянія» враговъ, сильныхъ, безъ сомнѣнія, прежде всего и больше всего именно этимъ благосостояніемъ? Можно ли разрушить драгоценный памятникъ древняго искусства, который служить или пригоденъ къ тому, чтобы служить наблюдательнымъ пунктомъ для непріятельской артиллеріи? Потеря памятника ничѣмъ не можетъ быть возмѣщена для человѣчества; но и жизнь солдатъ, которыхъ перебьютъ непріятельскіе снаряды, не повторится больше. Вандализмъ, или элементарное требованіе военнаго дѣла? Можно ли пытаться выморить голодомъ гигантскія культурныя націи, не допуская подвоза къ нимъ хлѣба, если это—единственное средство не допустить покоренія и, можетъ быть, пораженія ими другихъ, частью не менѣе культурныхъ, частью еще болѣе огромныхъ націи? Хладнокровное медленное убійство женщинъ и дѣтей, или самое естественное и законное средство осады окруженнаго врага? И т. д., и т. под.

Но и въ мирное время обычная мораль отнюдь не господствуетъ надъ международнымъ правомъ. Возьмемъ наиболѣе совершенное изъ нынѣшнихъ его проявленій—третейскій судъ гаагскаго трибунала. Можетъ быть, и есть такіе наивные обыватели, но ужъ, конечно, не найдется такого наивнаго дипломата, который бы предполагалъ, чтобы въ разбирательствѣ какого-нибудь конфликта, напр., между Соед. Штатами и Венецуэлой, члены суда руководились исключительно соображеніями отвлеченной этики или «простаго права и нравственности», не считаясь ни съ силою и вліяніемъ сторонъ, ни съ ихъ отношеніями къ собственному отечеству того или иного представителя. Моральное освѣщеніе тѣхъ или иныхъ фактовъ даже въ обыкновенномъ судѣ, гдѣ трактуются маленькія и простыя личныя дѣла, оказывается часто противоположно у адвокатовъ, выражающихъ разные интересы; насколько легче дать противоположное освѣщеніе въ запутанныхъ комбинаціяхъ сложныхъ коллективно-капиталистическихъ интересовъ!

Но представимъ себѣ исключительный случай, гдѣ «моральное» рѣшеніе вопроса очевидно и безспорно. Что же, перевѣситъ оно всѣ реальные интересы? Впрочемъ, мнѣ сейчасъ припоминается какъ разъ такой случай. Это—въ высшей степени мирный кон-

фликтъ, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Франціей и Англійей. На англійскомъ кораблѣ везли мимо береговъ Франціи индуса—политическаго преступника, студента агитатора Сиваркара. Онъ ухитрился спрыгнуть съ корабля и доплыть до Франціи. Тамъ его схватилъ исполнительный французскій жандармъ, и безъ долгихъ разсужденій выдалъ обратно англичанамъ. Шумъ въ парламентѣ заставилъ французское правительство заявить требованіе о возвращеніи Сиваркара во Францію. Вопросъ былъ переданъ трибуналу въ Гаагѣ. Съ точки зрѣнія буржуазно-индивидуалистической морали вопросъ идеально ясенъ: долженъ ли индивидуумъ, успѣвшій завоевать себѣ законное убѣжище и свободу, быть лишень того и другого по ошибкѣ жандармскаго нижняго чина, нарушившаго законы своей страны и международное право? Но трибуналу было, разумѣется, хорошо извѣстно, что это «моральное» рѣшеніе не доставило бы удовольствія никакой изъ двухъ сторонъ: французскому правительству агитаторъ-индусъ былъ не нуженъ и отнюдь не симпатиченъ; напротивъ, было гораздо желательнѣе сдѣлать удовольствіе англійскому правительству, съ которымъ налаживалось „сердечное соглашеніе“; а дѣло было поднято только для приличія, чтобы заткнуть ротъ безпокойнымъ политикамъ крайней лѣвой; англійскому же правительству требовалось какъ разъ въ это время показать индусамъ свою силу и суровый примѣръ; самъ же преступникъ, конечно, вовсе не былъ стороной въ этомъ дѣлѣ между двумя государственными организаціями. Надо ли говорить о томъ, каково было—единственно возможное—рѣшеніе трибунала? Разумѣется, преступникъ не избѣжалъ англійской каторги.

И теперь, когда какіе-нибудь видные нѣмецкіе или иные марксисты, вѣроятно, въ порывѣ чрезмѣрнаго увлеченія своимъ материализмомъ, восклицаютъ, что ихъ сторона «защищаетъ простое право и нравственность», — то настоящіе государственные мужи, навѣрное, лишь снисходительно улыбаются на этотъ государственно-младенчески лепетъ. Имѣя за собой вѣка дипломатическаго опыта и завѣты трезвой политики, они знаютъ, что «право» имѣетъ лишь внутри-государственное значеніе, а нравственные фетиши годятся для отдѣльныхъ личностей, но не для гигантскихъ государственныхъ организацій.

Итакъ, международное право, не будучи связано съ материально-принудительной силою соотвѣтственной организаціи, находится приблизительно на томъ уровнѣ, на какомъ стоялъ рыночный договоръ въ эпоху примитивнаго обмѣна, когда его можно было характеризовать терминомъ—«торгово разбойное право». Международное право организуетъ наличные интересы договаривающихся государствъ на основѣ наличнаго соотношенія ихъ силъ. Если измѣняются эти интересы, и особенно—эти соотношенія силъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ жизненный смыслъ соотвѣтственныя соглашенія и нормы. Во время частныхъ военныхъ кризисовъ, т. е., войнъ между отдѣльными націями, происходитъ лишь частичная перегрушировка силъ и интересовъ, и

международное право «нарушается» также частично; при мировомъ военномъ кризисѣ, естественнымъ образомъ. его видимое крушеніе оказывается почти полнымъ.

Буржуазный интернаціональ по своему историческому возрасту значительно старше рабочаго интернаціонала. Среди буржуазныхъ партій теперь вошло въ моду издѣваться надъ крушеніемъ рабочаго интернаціонала въ нынѣшнюю войну. Это напоминаетъ исторію о сучкѣ въ чужомъ и бревнѣ въ своемъ глазу: съ ихъ интернаціоналомъ дѣло вышло, вѣдь, не лучше, а еще хуже. Распаденіе рабочаго интернаціонала показало его слабость, его дѣтскій возрастъ, не болѣе; все-же онъ разбитъ *внѣшними* для него силами современнаго общества. Судьба правового интернаціонала буржуазіи обнаруживаетъ не его возрастъ, а его *природу*, не слабость юнаго существа, а коренную противорѣчивость; разбитъ онъ не внѣшними, а *внутренними* силами буржуазнаго міра.

Буржуазнымъ партіямъ тутъ нечѣмъ гордиться, и не надъ чѣмъ издѣваться. Безъ сомнѣнія, послѣ войны оба интернаціонала воскреснутъ. Воскреснутъ и иллюзіи вѣры буржуазныхъ идеологовъ въ ихъ интернаціональ—международное право. Но если бы ихъ классовое положеніе не вынуждало ихъ къ этимъ иллюзіямъ, не мѣшало объективно оцѣнивать простые и ясные уроки исторіи, то они поняли бы, что вся наивность вѣры, все умственное «самоотреченіе» тутъ окажется на ихъ сторонѣ.

Въ настоящій же моментъ и они не рѣшатся отрицать, что международное право не только не можетъ явиться «субъектомъ», способнымъ регулировать или ставить въ рамки военные кризисы капитализма, но само служить для нихъ весьма страдательнымъ объектомъ.

* * *

Какъ возникаютъ военные кризисы, частные и мировые? Что у нихъ общаго, и въ чемъ ихъ различія съ кризисами мирнаго времени? Отвѣтъ легче дать, если мы еще расширимъ вопросъ, поставимъ его въ самой обобщенной формѣ, какая мыслима.

Явленія кризисовъ свойственны всѣмъ процессамъ природы и общественной жизни, если наблюдать развитіе этихъ процессовъ въ достаточномъ масштабѣ времени. Электрическій разрядъ, химическое соединеніе и распадъ, превращеніе твердыхъ тѣлъ въ жидкія, жидкихъ въ газообразныя, рожденіе и смерть, революціи и катастрофы, все это примѣры кризисовъ. Старая философія характеризовала ихъ, какъ «качественныя измѣненія»; а діалектика впервые сдѣлала попытку объяснить ихъ, указать ихъ общую основу. Эта основа—«превращеніе количества въ качество». Формула схоластичная и туманная. Но прогрессъ науки позволилъ подставить подъ нее простую и понятную закономерность.

Кризисъ возникаетъ тамъ, гдѣ имѣются на-лицо двѣ противоположныя, или, образно выражаясь, двѣ «борющіяся» силы: и возникаетъ при томъ условіи, что соотношеніе величины этихъ

силъ мѣняется. Моментъ кризиса есть тотъ, когда большая изъ двухъ силъ перестаетъ быть большей, а меньшая—меньшей.

Такъ, обычный примѣръ диалектиковъ—кипѣние воды—сводится къ соотношенію двухъ противоположныхъ давленій: давленія воздуха на жидкость, и ея пара—изнутри ея. Пока больше первое, жидкость спокойна; если ее нагрѣваютъ, давленіе пара растетъ; когда оно достигаетъ величины, равной давленію воздуха, происходитъ кризисъ, вода кипитъ. Давленіе пара внутри воды равно нормальному давленію атмосферы при 100° С.; поэтому вода и кипитъ въ обычныхъ условіяхъ около 100° С. Но если давленіе воздуха меньше, требуется и болѣе слабое нагрѣваніе, чтобы паръ могъ свободно вырваться изъ воды; такъ, при давленіи въ $\frac{1}{163}$ атмосфернаго вода кипитъ при 0°, то есть, при температурѣ замерзанія. Напротивъ, при 196 атмосферахъ требуется температура въ 370° С. Очевидно, для «перехода въ качество» нужно не одно «количество», а два разныхъ.

Аналогичнымъ образомъ, организмъ живетъ, пока величина его сопротивленій больше величины разрушительныхъ силъ, дѣйствующихъ на него; когда же вторая возрастаетъ настолько, что этотъ перевѣсъ исчезаетъ, тогда наступаетъ смерть. Революціи въ классовомъ обществѣ происходятъ тогда, когда силы давленія со стороны господствующаго класса перестаютъ быть больше силъ ему враждебныхъ со стороны другихъ классовъ, и т. д., и т. под. Исслѣдуя какой бы то ни было кризисъ, какое бы то ни было «качественное измѣненіе», мы всегда найдемъ въ основѣ ту же схему, конечно, если сумѣемъ правильно выполнить анализъ. Это—одна изъ универсальныхъ схемъ, не имѣющихъ исключенія: кризиса не можетъ произойти внѣ указанныхъ ею условій.

Вернемся теперь къ экономическимъ, мирнымъ кризисамъ, и посмотримъ, какими противоположными силами они вызываются.

Обычная марксистская формула: «противорѣчіе между общественнымъ производствомъ и частнымъ присвоеніемъ», — тутъ, очевидно, недостаточна. Нельзя представить производство и присвоеніе, какъ двѣ борющіяся силы, изъ которыхъ одна подавляется другою, пока не возрастетъ до равенства съ нею, а затѣмъ и перевѣса надъ нею. Форма сотрудничества и форма присвоенія не даютъ намъ яснаго дѣйствительнаго противорѣчія, тѣмъ болѣе что лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ жизни общества.

Отвѣтъ на нашъ вопросъ мы найдемъ въ уже выполненномъ организаціонномъ анализѣ капиталистической системы. Она, какъ мы видѣли, есть и единый техническій аппаратъ для удовлетворенія потребностей общества, и анархичный комплексъ раздѣленныхъ въ пространствѣ частей этого аппарата (отраслей производства, предприятий). Благодаря этому, внутреннія жизненные соотношенія системы, на самомъ дѣлѣ, слагаются изъ двухъ прямо противоположныхъ моментовъ: разные части системы одновременно и поддерживаютъ, и подрываютъ другъ друга. Рынокъ есть то поле, на которомъ обѣ тенденціи реально проявляются, сталкиваются между собою, и—учитываются, какъ объективныя силы.

Въ *цѣпной связи производства* всѣ отрасли и предприятия даютъ другъ другу орудія, материалы, средства потребления, — материальныя формы и въ то же время источники общественно-трудовой энергій. Въ *анархической разрозненности производства* всѣ они стихійно борются между собою за существованіе, стремясь отнимать другъ у друга общественно-трудовую энергію въ свою пользу. Въ первомъ случаѣ дѣйствуютъ «силы связи», во второмъ — «силы давленія»; такъ мы назовемъ ихъ для краткости, по аналогіи съ молекулярными силами, дѣйствующими въ матеріи.

На рынкѣ силы связи проявляются въ томъ, что разныя части экономическаго механизма «служатъ рынкомъ» однѣ для другихъ, предъявляя взаимный спросъ на продукты. Силы давленія обнаруживаются тѣмъ, что онѣ «отнимаютъ рынокъ» другъ у друга, поскольку конкурируютъ между собою, и поскольку стремятся въ обмѣнъ товаровъ отдавать за чужіе какъ можно меньше своихъ.

Если въ какомъ-нибудь пунктѣ капиталистической системы силы связи окажутся меньше силъ давленія — тамъ разражается кризисъ, въ этомъ случаѣ лишь частный. Такое положеніе можетъ создаться или уменьшеніемъ силъ связи, или увеличеніемъ силъ давленія, или комбинаціей того и другого. Напр., во время американской междоусобной войны фактически была почти разорвана цѣпная связь между производствомъ хлопка въ южныхъ штатахъ и текстильной промышленностью Англии. Рѣзкое уменьшеніе силъ связи вызвало жестокий «хлопковый кризисъ» 1862—4 г.г. Чрезмѣрное же, хотя бы временное, наводненіе какого-нибудь рынка однородными товарами увеличиваетъ силы давленія въ видѣ конкуренціи, и получается другая форма частнаго кризиса.

Наступленіе общаго экономическаго кризиса знаменуетъ такой моментъ, когда во всей системѣ мирового рынка сумма силъ давленія перевѣшиваетъ сумму силъ связи. Какимъ образомъ это можетъ получиться?

Основую силъ связи является единство производственной системы, какъ цѣпнаго механизма, *создающаго предметы чело-вѣческаго потребления*. Но если такъ, то и *развитіе силъ связи зависитъ отъ развитія этого потребления*; и рамки перваго опредѣляются рамками втораго.

Основу силъ давленія составляетъ разрозненность частей системы, ихъ *борьба*, конкуренція. Реальное воплощеніе этой борьбы, одновременно ея средство и ея цѣль, есть *ростъ и расширеніе каждаго предприятия въ отдѣльности*. Слѣдовательно, и *развитіе силъ давленія зависитъ отъ суммы этого роста отдѣльныхъ предприятий*, прогрессируетъ въ зависимости отъ него.

Въ поступательномъ ходѣ жизни капитализма, естественно, возрастаютъ и силы связи, и силы давленія. Но такъ какъ основа ихъ различна, то между тѣмъ и другимъ нѣтъ прямого параллелизма. Въ нормальныхъ условіяхъ силы связи, конечно, должны быть больше силъ давленія, — иначе вся система быстро распалась

бы. Но легко видѣть, что въ движеніи капитализма ростъ силъ давленія долженъ совершаться быстрѣе и приводить къ такимъ моментамъ, когда перевѣсъ окажется на ихъ сторонѣ—къ моментамъ общихъ экономическихъ кризисовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, силы давленія увеличиваются ростомъ и расширеніемъ всѣхъ предпріятій въ отдѣльности, что обнаруживается на міровомъ рынкѣ возрастающимъ предложеніемъ ихъ товаровъ, которое усиливаетъ ихъ борьбу—конкуренцію. А такъ какъ предпріятіе въ отдѣльности представляетъ единицу *организованную*—стройное сотрудничество при научной техники,—то и развитіе предпріятій въ отдѣльности совершается *планомѣрно*.—Напротивъ, силы связи увеличиваются въ зависимости отъ роста человѣческаго потребления; а оно при капитализмѣ вовсе не является организованнымъ, и развитіе его происходитъ вполне стихійно, *внѣ всякой планомѣрности*. Мы, напр., видѣли, что введеніе новой машины можетъ уменьшить размѣры потребления, создавая частичную безработицу, и можетъ увеличить ихъ, давая толчокъ расширенію производства путемъ удешевленія товара; побѣда крупныхъ предпріятій надъ мелкими также имѣетъ двойное дѣйствіе, непосредственно уменьшая число занятыхъ рабочихъ, но затѣмъ часто еще болѣе увеличивая его путемъ ускореннаго развитія производства, и т. под.

Итакъ, передъ нами два комплекса противоположныхъ силъ въ общемъ полѣ дѣйствія. Одинъ изъ нихъ развивается на основѣ *планомѣрнаго* процесса, другой—на основѣ *стихійныхъ, непланомѣрныхъ* измѣненій. Нормально, второй изъ нихъ—силы связи—преобладаетъ надъ первымъ; но ясно, что послѣ нѣкотораго промежутка времени преимущество планомѣрности развитія приведетъ къ тому, что первый сравняется съ нимъ и превзойдетъ его: силы давленія одержатъ побѣду надъ силами связи. Тогда разразится кризисъ.

Кризисъ не только парализуетъ планомѣрное развитіе предпріятій, но даже частично замѣняетъ его регрессомъ. Этимъ подрывается основа силъ давленія, онѣ ослабѣваютъ, и силы связи вновь получаютъ перевѣсъ—кризисъ ликвидируется¹.

* * *

Механизмъ происхожденія кризисовъ военныхъ въ существенныхъ чертахъ подобенъ тому, которымъ порождаются мирные кризисы: та же міровая система капитализма, анархичная въ ея цѣломъ, и сложенная изъ организованныхъ частей, между которыми дѣйствуютъ переменныя силы связи и силы давленія. Но этими организованными частями являются не предпріятія,

¹ Непланомѣрный ростъ потребления зависитъ отъ формы собственности: «потреблять» при капитализмѣ можетъ только тотъ, кто *платитъ*; а массы, способныя осуществить наибольшее потребленіе, наименѣе способны платить. Слѣдовательно, формула, выставляющая причиной кризисовъ «противорѣчіе между коллективнымъ производствомъ и частнымъ присвоеніемъ», въ своей сущности вѣрна. Для насъ она недостаточна, потому что не полна, не развернута, не намѣчаетъ динамики процесса—борьбы противоположныхъ силъ.

а государства; и силы взаимодействія соотвѣтственно иныя.

Государство, какъ мы видѣли, есть организація господства опредѣленныхъ классовъ и группъ, съ одной стороны, надъ другими классами и группами, подчиненными имъ въ системѣ производства; съ другой стороны, надъ необходимою для нихъ долею мирового рынка. Этой второй функціей государства обусловлено развитіе новѣйшаго милитаризма, съ его гигантскимъ организаціонно-техническимъ аппаратомъ; и она же играетъ главную роль въ возникновеніи военныхъ кризисовъ нашей эпохи.

Какия силы связи дѣйствуютъ между государствами на ихъ общемъ полѣ—мировомъ рынкѣ? Это—силы, вытекающія изъ потребности капитала въ сбытѣ и снабженіи. Капиталисты одной страны являются клиентами капиталистовъ другихъ странъ, поскольку покупаютъ у нихъ товары, и ихъ поставщиками, поскольку продаютъ свои. Клиенты и поставщики нужны другъ другу. Отсюда тенденція къ сближенію и къ поддержанію мирной связи. Эта тенденція, очевидно, должна усиливаться съ расширеніемъ международнаго обмѣна, и особенно—съ углубленіемъ международнаго раздѣленія труда, когда даже необходимѣйшіе продукты и средства производства пріобрѣтаются для чуждыхъ странъ на вѣншемъ рынкѣ.

Многіе экономисты придавали такое большое значеніе этимъ силамъ международной рыночной солидарности капиталистовъ разныхъ странъ, что не допускали вѣроятности мировой войны. Но на дѣлѣ оказалось, что существуютъ и силы давленія, способныя къ возрастанію до еще большей величины. Гдѣ источники этихъ силъ?

Первичный источникъ — тотъ же, изъ котораго происходятъ движущія силы мирныхъ кризисовъ капитализма: рыночная борьба между покупателями и продавцами, борьба за рынокъ между конкурентами, вообще — экономическая анархія системы въ цѣломъ. Если клиентъ нуженъ поставщику и обратно, то тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ направляетъ усилія къ тому, чтобы поставить другого въ наименѣе выгодныя условія обмѣна. Конкуренты же другъ другу не только не нужны, но прямо вредны; отсюда — силы давленія, которыя неизбежно должны возрастать, по мѣрѣ того какъ мировой рынокъ становится тѣснѣе для гигантски-выросшихъ національныхъ капиталовъ разныхъ странъ.

Однако, эти стихійно-экономическія силы мирового рынка сами по себѣ естественно могли бы породить лишь кризисы чисто экономического характера. Для военнаго же мирового кризиса требуются еще иныя силы, которыя придаютъ ему его особую форму.

Это — силы *государственно-милитаристической организаціи*. Такъ какъ сама она, въ ея современной формѣ и развитіи, порождена давленіемъ экономической анархіи, то и эти силы должны разсматриваться, какъ «вторичныя», или производныя, — что, однако, не мѣшаетъ имъ достигать гигантскихъ размѣровъ и значенія.

Современная армія, миллионный коллективъ со всей массою его техническихъ средствъ, плюсъ огромный экономическій аппаратъ обслуживающихъ ее предприятий, представляетъ организацію вполне опредѣленнаго назначенія и со столь же опредѣленной подготовкой. Энергія, концентрированная въ такой организаціи, можетъ быть задержана внѣшними условіями въ своемъ проявленіи, но *необходимо стремится перейти въ дѣйствіе*. Мертвый механизмъ способенъ неограниченно стоять безъ употребленія; но живой и растущій организмъ,—а современная армія по стройности дѣлаго и расчлененности функций ближе всего къ типу организма,—не можетъ не тяготѣть къ развертыванью своей активности во внѣшней средѣ. Отсюда—спеціальныя силы давленія, возрастающія вмѣстѣ съ накопленіемъ энергіи въ формахъ милитаризма.

Въ обычное время мы наблюдаемъ эти силы лишь косвенно, въ ихъ идеологическихъ отраженіяхъ: ростъ націонализма и шовинизма въ передовыхъ странахъ, успѣхъ империалистической литературы, развитіе завоевательныхъ плановъ, и т. под. Временами онѣ прорываются въ отдѣльныхъ пунктахъ мировой системы капитализма, давая начало его «частнымъ военнымъ кризисамъ». Это—войны между государствами-конкурентами, борющимися за отдѣльные участки мирового рынка, и войны колониальныя.¹ Но между ними и мировой войною есть глубокое различіе, такое же, какъ между частными экономическими кризисами и явленіями общаго перепроизводства.

Милитаристическія силы давленія не только сдерживаются въ своей совокупности силами связи мирового рынка, но также и взаимно сдерживаютъ другъ друга между отдѣльными частями системы. Государство есть все-же до извѣстной степени *планомѣрная организація*; и его организованная энергія направляется нормально по линіямъ лишь *наименьшаго* сопротивленія, а не по тѣмъ, на которыхъ должно встрѣтиться наибольшее сопротивленіе. Поэтому, легче всего возникаютъ войны между гигантами и пигмеями, и всего труднѣе—войны между великими державами. Параллельный ростъ ихъ вооруженій увеличивалъ общую сумму милитаристическихъ силъ давленія, но въ то же время мѣшалъ имъ вырваться на свободу, пока общая сумма силъ связи оставалась преобладающей. Въ этомъ состояла «система вооруженнаго мира».

При какихъ же условіяхъ должна была наступить катастрофа?

¹ Напомню, что мы здѣсь изслѣдуемъ только условія военныхъ кризисовъ *развитаго капитализма*, потому что задача наша поставлена въ связи съ переживаемой катастрофой. Войны болѣе раннихъ фазъ капитализма не могли опредѣлиться условіями мирового рынка, который самъ былъ еще въ зародышѣ. То были по преимуществу *его организаціонныя войны*; и наполеоновская эпопея по справедливости можетъ быть названа колыбелью современного мирового рынка. Но въ данный моментъ дѣло идетъ о результатахъ его сложившейся власти, полнаго господства его законовъ.

Передъ нами три группы силъ, дѣйствующихъ между государственными организаціями капитала:

Во-первыхъ, *силы связи*, возникающія между капиталистами разныхъ странъ изъ ихъ взаимоотношенія, какъ поставщиковъ и клиентовъ. Онѣ возрастаютъ по мѣрѣ расширенія и углубленія международного обмѣна: но ростъ ихъ необходимо *замедляется* по мѣрѣ того, какъ мировой рынокъ «исчерпывается», его распространеніе на отсталыя страны заканчивается, и онѣ приближается къ состоянію устойчиваго распредѣленія между государствами.

Во-вторыхъ, *первичныя, чисто экономическія силы давленія*, возникающія между національно-государственными группировками капиталистовъ на основѣ ихъ конкуренціи, борьбы за мировой рынокъ. Ростъ ихъ, очевидно, долженъ *ускоряться* по мѣрѣ упомянутого «исчерпыванія» мирового рынка.

Если ростъ первыхъ замедляется, а вторыхъ ускоряется, то ясно, что *разность между ними съ известнаго момента уменьшается*, и притомъ все быстрѣе.

Однако, катастрофа должна наступить не тогда, когда онѣ вполнѣ сравниваются, а *раньше*, потому что существуетъ еще *третья* группа: *производныя силы давленія, именно милитаристическія*. Онѣ также возрастаютъ параллельно росту мировой конкуренціи между государствами, т.-е. все быстрѣе. Когда эти силы сравниваются съ разностью первыхъ и вторыхъ, и превзойдутъ ее, тогда необходимо разражается *мировой военный кризисъ*.

Этимъ сразу объясняется, во-первыхъ, его форма: война, потому что его непосредственнымъ двигателемъ является милитаристическія силы; во-вторыхъ, его неожиданность для массы капиталистовъ всѣхъ странъ: онѣ наступаетъ тогда, когда въ области чисто экономическихъ силъ перевѣсъ еще держится на сторонѣ *связи*.

* * *

Итакъ, мировая война есть *явленіе стихійное*, того же порядка, какъ и мирные кризисы производства. Дѣло не въ Вильгельмахъ и Принцпахъ—личностяхъ, а также и не въ «принципахъ»—идеяхъ, «законахъ права и нравственности». Силы иного рода и иного масштаба вырвались на просторъ для титанической игры,—слѣбныя и грозныя, какъ ихъ источникъ, безличное божество капитализма.

Если мирные мировые кризисы имѣютъ основой *перепроизводство товаровъ*, т.-е., *организованныхъ капиталистическимъ обществомъ вещей*, то мировая война есть *кризисъ перепроизводства организованныхъ человеческихъ силъ*, въ свойственной капитализму государственной формѣ, въ формѣ милитаризма.

Таковы результаты теоретическаго изслѣдованія. Изъ нихъ вытекаетъ много важныхъ выводовъ для пониманія происходящаго и предвидѣнія будущаго. Но раньше, чѣмъ перейти къ выводамъ, сдѣлаемъ провѣрку—посмотримъ, насколько результаты изслѣдованія согласны съ дѣйствительностью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Богдановъ.

РЕНТГЕНОВСКІЕ ЛУЧИ И СТРОЕ- НИЕ КРИСТАЛЛОВЪ.

Кому теперь неизвѣстны рентгеновскіе лучи? Почти каждый раненый знает ихъ или по собственному опыту, или по опыту товарищей. Раненые солдаты называют ихъ «регентскими» лучами. Въ каждомъ большемъ лазаретѣ есть рентгеновскій кабинетъ, гдѣ раненыхъ «просвѣчиваютъ» этими лучами, отыскивая мѣста, въ которыхъ застряла пуля или осколокъ снаряда, и гдѣ снимаютъ при помощи этихъ лучей фотограммы, на которыхъ ясно видны поврежденія костей. Этими просвѣчиваніями и фотограммами руководствуются врачи при своихъ операціяхъ, становящихся отъ этого болѣе опредѣленными и быстрыми.

Что мы при помощи рентгеновскихъ лучей можемъ видѣть кости и плотные внутренние органы живого человѣка, это было извѣстно съ самаго момента открытія лучей Рентгеномъ въ 1895 году. Но лишь въ 1912 году выяснилось, что при помощи этихъ же лучей мы можемъ проникать въ строеніе неорганическаго вещества и различать въ немъ расположеніе невидимыхъ, мельчайшихъ частицъ, составляющихъ предѣлы дробленія вещества. Одновременно съ этимъ намъ стала ясна и природа рентгеновскихъ лучей, остававшаяся загадочной съ самаго ихъ открытія. Названіе «иксъ-лучи», данное имъ Рентгеномъ, удержалось до послѣдняго времени, особенно у англичанъ, хотя теперь этотъ «иксъ» уже найденъ и изъ неизвѣстной величины сталъ извѣстной.

Все вышесказанное вполне оправдываетъ особый интересъ, проявленный въ послѣднее время къ рентгеновскимъ лучамъ не только въ широкой публикѣ, но и въ средѣ специалистовъ.

Рентгеновскіе лучи получаютъ въ такъ называемыхъ рентгеновскихъ трубкахъ, имѣющихъ, однако же, не цилиндрическую форму, какъ можно подумать по названію, а шарообразную, снабженную нѣсколькими удлиненными выступами. Въ эти выступы впаиваны металлическія части, служащія для привода и отвода электричества. Въ трубкѣ находится воздухъ въ состояніи очень большого разряженія, черезъ который и прогоняется электричество. Достичь прохожденія электричества сквозь такой слой сильно разряженнаго воздуха можно лишь при очень большомъ напряженіи на концахъ проводовъ, которое обыкновенно осуществляется при помощи индукціонныхъ катушекъ и трансформаторовъ. При такомъ напряженіи можно получить въ воздухѣ, между проводами, электрическій разрядъ въ видѣ сплошной

свѣтящейся ленты, длиной въ пятьдесятъ и болѣе сантиметровъ. Это цѣлая молнія, издающая оглушительный трескъ и способная въ одно мгновеніе убить человѣка. Внутри трубки такой разрядъ бываетъ виденъ въ видѣ спокойной струйки, свѣтящейся голубоватымъ свѣтомъ. Струйка выходитъ изъ середины металлической, слегка вогнутой тарелочки, которой кончается одинъ изъ проводовъ внутри трубки, представляющій отрицательный полюсъ—катодъ, направляется перпендикулярно къ тарелочкѣ, и кончается въ свѣтящейся точкѣ на плоской поверхности конца другого проводника—положительнаго полюса, который въ данномъ случаѣ называется антикатодомъ. Этотъ антикатодъ сильно нагревается, и въ трубкѣ дѣлаются приспособленія для его охлажденія. Плоская часть его, въ которую упирается струйка, дѣлается изъ тугоплавкаго металла—платины или вольфрама, такъ какъ иначе она можетъ легко расплавиться отъ нагреванія. Голубая струйка называется катодными лучами и состоитъ, какъ теперь полагаютъ, изъ потока частичекъ отрицательнаго электричества, такъ называемыхъ электроновъ, движущихся отъ катода къ антикатоде съ колоссальной скоростью въ нѣсколько десятковъ тысячъ километровъ въ секунду. Замѣтимъ, что по имѣющимся теперь даннымъ, поперечникъ электроновъ нужно полагать въ сто тысячъ разъ меньше поперечника атомовъ вещества, послѣдній же равенъ нѣсколькимъ стомиллионнымъ долямъ сантиметра. Ударяясь о вещество антикатада, электроны испытываютъ задержку, которую можно сравнить съ прекращеніемъ электрическаго тока, что вызываетъ въ окружающемъ пространствѣ электромагнитное возмущеніе, распространяющееся въ видѣ электромагнитной волны. Кромѣ того, отъ удара электрона, атомы вещества антикатада приходятъ въ колебанія, которыя тоже распространяются въ окружающее пространство въ видѣ электромагнитныхъ волнъ.

Эти то волны и представляютъ то, что называется рентгеновскими лучами. Такимъ образомъ, по изложенной теоріи, эти лучи должны быть одной природы со свѣтомъ. Однако же, имѣвшіяся до сихъ поръ доказательства справедливости этой теоріи не обладали силою неоспоримой убѣдительности. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ было свойство, открытое въ рентгеновскихъ лучахъ Баркла, весьма напоминающее поляризацию свѣтовыхъ лучей. Если изложенная выше теорія вѣрна, то нужно ожидать, что колебанія частицъ въ антикатоде должны совершаться всего охотнѣе по направленію катодныхъ лучей, ибо въ этомъ направленіи они толкаются электронами катоднаго пучка. Электромагнитныя колебанія, приведенныя къ одному направленію, какими-либо способами, называются прямолинейно-поляризованными. Такъ, напримѣръ, поляризуются свѣтовые колебанія, проходя черезъ двупреломляющіе кристаллы, или отражаясь отъ поверхности прозрачныхъ тѣлъ. Пользуясь терминами оптики, мы скажемъ, что колебанія, испускаемыя антикатоде, поляризованы въ плоскости, перпендикулярной къ оси катоднаго пучка. Если рентгеновскіе лучи падаютъ на ка-

кое-нибудь вещество, то они имъ разсѣиваются. Оказывается, какъ это наблюдалъ Баркла, что разсѣиваніе происходитъ въ большей степени въ плоскости, перпендикулярной къ оси пучка катодныхъ лучей въ трубкѣ, чѣмъ по направленіямъ наклоннымъ, а тѣмъ болѣе параллельнымъ къ этой оси, какъ это и должно быть въ случаѣ вышеописанной поляризаціи колебаній.

Однако-же, наряду съ этимъ явленіемъ поляризаціи рентгеновскихъ лучей было извѣстно и другое явленіе, стоявшее, какъ казалось, въ противорѣчій съ теоріей ихъ свѣтовой, электромагнитной природы. Будучи сами вызваны ударами быстро движущихся электроновъ объ антиматодъ, рентгеновскіе лучи, падая на вещество, въ свою очередь, вызываютъ выбрасываніе этимъ веществомъ электроновъ, скорость движенія которыхъ приблизительно равна или немногимъ меньше скорости электроновъ катоднаго пучка трубки. Это происходитъ независимо отъ яркости рентгеновскихъ лучей, отъ удаленія вещества отъ трубки и отъ природы взятаго вещества. Явленіе происходитъ, повидимому, такъ, какъ будто помощью рентгеновскихъ лучей энергія переносится безъ измѣненія отъ одного электрона къ другому, на произвольное разстояніе.

Подобный переносъ энергіи привелъ къ представленію о такъ называемомъ «квантѣ» (опредѣленномъ количествѣ, порціи) энергіи излученія, проходящемъ въ пространствѣ безъ измѣненія своей формы и содержанія во все время пути, и въ послѣднее время былъ положенъ въ основаніе теоріи лучеиспусканія, развитой Планкомъ. По гипотезѣ Планка, источникъ колебаній, способный испускать электромагнитныя волны, можетъ дѣйствовать лишь такъ, что испускаемое имъ количество энергіи является точнымъ кратнымъ нѣкоторой единицы, получившей названіе «кванта». Нельзя себѣ представить, какъ совершается такое испусканіе энергіи, и гипотеза Планка намъ не даетъ какого-либо объясненія механизма лучеиспусканія; она лишь сводитъ всѣ трудности такого объясненія къ одной основной, которую намъ остается еще преодолѣть.

Хотя этотъ фактъ переноса рентгеновскими лучами энергіи отъ одного электрона къ другому безъ измѣненія и стоитъ въ полномъ согласіи съ теоріей Планка, но самая идея о такой, какъ иногда выражаются, атомистической природѣ энергіи, лежащая въ основаніи этой теоріи, была настолько чужда ортодоксальной теоріи распространенія лучистой энергіи, что многіе физики не рѣшались еще признать тождество природы рентгеновскихъ лучей и свѣта. Они старались представить себѣ природу этихъ лучей иначе, а именно предполагали, что изъ антиматоды трубки вылетаютъ съ огромной скоростью по всѣмъ направленіямъ особыя, весьма мелкія частицы, «корпускулы», и что эти-то летящія по прямымъ линіямъ корпускулы и являются рентгеновскими лучами. Къ числу физиковъ, стоявшихъ на сторонѣ корпускулярной теоріи, принадлежалъ, между прочимъ, и до послѣдняго времени п У. Х. Браггъ, большой знатокъ рентгеновскихъ лучей и лучей, испускаемыхъ радиоактивными веществами. Обо всѣхъ

этихъ лучахъ имъ была написана книга, въ концѣ которой онъ предлагаетъ считать корпускулы рентгеновскихъ лучей тѣльцами, состоящими изъ попарнаго соединенія положительныхъ и отрицательныхъ электрическихъ частицъ. Намъ очень важно указать здѣсь именно на этого физика, имя котораго тѣсно связано съ нашимъ послѣдующимъ изложеніемъ, какъ на примѣръ, того, что ни открытіе Баркла, ни гипотеза Планка еще не были сами по себѣ достаточны для окончательнаго признанія тождества природы рентгеновскихъ лучей и обыкновеннаго, видимаго нами свѣта. Только въ 1912 году, подъ вліяніемъ открытыхъ Лоуэ явленій, связанныхъ съ прохожденіемъ рентгеновскихъ лучей черезъ кристаллы, корпускулярная теорія была окончательно оставлена, хотя и не безъ попытокъ защиты. Оставлена она была и У. Х. Браггомъ. Конечно, уже тотъ фактъ, что такой видный ученый, какъ У. Х. Браггъ отказался отъ своихъ прежнихъ возрѣній подѣ давленіемъ открытія Лоуэ, громко говоритъ въ пользу убѣдительности этого открытія, показывая, что оно означаетъ собою эпоху въ нашемъ знаніи природы рентгеновскихъ лучей. Однако, этотъ фактъ приобретаетъ еще большее значеніе, если мы примемъ въ соображеніе, что, пойдя по новому пути, указанному Лоуэ, У. Х. Браггъ самъ сдѣлалъ весьма крупный шагъ впередъ, отъ котораго онъ былъ бы несомнѣнно удержанъ своими прежними возрѣніями.

Однако, прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію работъ Лоуэ, Брагга-старшаго, Брагга-младшаго и другихъ физиковъ, раскрывшихъ намъ природу рентгеновскихъ лучей и показавшихъ, какъ ими пользоваться для выясненія строенія кристаллизованнаго вещества, мы скажемъ нѣсколько словъ объ общихъ свойствахъ этихъ лучей.

Рентгеновскіе лучи невидимы, ихъ нельзя отразить отъ зеркала, нельзя собрать въ фокусъ собирающимъ стекломъ. Для нихъ оказываются прозрачными вещества, непрозрачныя для лучей видимаго свѣта, не исключая и металловъ. Чѣмъ легче вещество, тѣмъ оно прозрачнѣе для рентгеновскихъ лучей, однакоже, какъ бы легко вещество ни было, можно взять его слой настолько толстый, что оно не пропуститъ, поглотитъ совершенно лучи данной яркости. «Мягкія» трубки, въ которыхъ осталось сравнительно много воздуха, испускаютъ «мягкіе» лучи: способность прониканія этихъ лучей меньше способности прониканія «жесткихъ» лучей, испускаемыхъ «жесткой» трубкой, содержащей меньшее количество воздуха.

Фотографическіе снимки, сдѣланные съ человѣческаго тѣла, представляютъ собою тѣни его органовъ, бросаемыя рентгеновскими лучами на фотографическую пластинку. Мягкіе лучи даютъ болѣе контрастные тѣни, чѣмъ жесткіе, такъ какъ мягкіе лучи болѣе задерживаются костями и плотными органами тѣла, чѣмъ жесткіе. До послѣдняго времени единственнымъ способомъ различать рентгеновскіе лучи, испускаемые различными антикатадами трубокъ и трубками съ различной степенью разряженія, служила различная степень поглощенія лучей въ различныхъ веществахъ.

или въ какомъ-нибудь одномъ. Въ качествѣ такого поглотителя былъ выбранъ алюминій. Мы во многомъ обязаны физику Баркла, изучившему лучи, испускаемые различными металлами, по отношенію къ ихъ способности поглощаться различными веществами. Онъ нашелъ, что каждыи металлъ испускаетъ лучи, являющіеся для него характеристическими, и различилъ два рода такихъ лучей, отличающихся различною способностью поглощаться алюминіемъ. Внутри каждаго рода способность прониканія лучей возрастаетъ съ атомнымъ вѣсомъ металла. Характеристическіе лучи возникаютъ или въ видѣ «первичныхъ» лучей, если изъ соотвѣтствующаго вещества сдѣлать антиматодъ трубки, или же въ видѣ «вторичныхъ», если вещество освѣтитъ рентгеновскими лучами съ немного большею способностью прониканія, чѣмъ испускаемое веществомъ характеристическіе лучи.

Въ 1912 году приватъ-доцентъ мюнхенскаго, а нынѣ профессоръ дюринскаго университета, сдѣлалъ открытіе, принадлежащее къ числу самыхъ удивительныхъ открытій въ исторіи науки, такъ какъ оно не было сдѣлано случайно, а проистекало изъ совершенно опредѣленныхъ посылокъ, причемъ, весь ходъ разсужденія былъ облеченъ въ изящную строгую и общую математическую форму. Требовалось найти явленіе, которое могло бы существовать только въ томъ случаѣ, если бы рентгеновскіе лучи были электромагнитными волнами, подобно видимому свѣту, и которое могло бы позволить измѣрить длину этихъ волнъ. Такое измѣреніе длины волнъ мы производили для волнъ видимаго свѣта помощью явленій диффракціи, наблюдаемыхъ въ такъ называемыхъ диффракціонныхъ рѣшеткахъ, представляющихъ рядъ многочисленныхъ прямыхъ черточекъ, нанесенныхъ въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на стеклянную или металлическую, полированную пластинку. Если разстояніе между черточками (періодъ рѣшетки) соизмѣримъ съ длиною свѣтовой волны, то каждыи свѣтлый промежутокъ между черточками расѣиваетъ падающую на него свѣтовую волну по всѣмъ направленіямъ. Расѣянные всѣми промежутками волны будутъ по нѣкоторымъ направленіямъ идти согласно, т. е. гребень волны отъ одного промежутка будетъ отвѣчать гребнямъ же волны отъ другихъ. По этимъ направленіямъ волны усилятся другъ друга и дадутъ свѣтовые максимумы. На ряду съ этими направленіями существуютъ и такія, по которымъ волны будутъ идти не согласно, такъ что волна отъ одного промежутка будетъ накладываться своимъ гребнемъ на ложбину волны отъ сосѣдняго промежутка. По такимъ направленіямъ мы вовсе не увидимъ свѣта. Если освѣтитъ рѣшетку какимъ-либо одноцвѣтнымъ свѣтомъ, положимъ зеленымъ, и принять на экранѣ свѣтъ, расѣянный рѣшеткой, то на экранѣ получимъ рядъ свѣтлыхъ, зеленыхъ полосъ, параллельныхъ черточкамъ рѣшетки, чередующихся съ темными промежутками. Красный свѣтъ даетъ больше промежутки между свѣтлыми полосами, чѣмъ зеленый, синий, наоборотъ,—меньше. Бѣлый свѣтъ, состоящій, какъ

известно, изъ непрерывнаго ряда цвѣтныхъ составныхъ частей, даетъ полосы радужныя. Полоски зовутся диффракціонными спектрами и различаются своимъ порядкомъ, считая отъ средней полоски. Средняя полоска, самая яркая, остающаяся бѣлой при освѣщеніи рѣшетки бѣлымъ свѣтомъ, считается спектромъ нулевого порядка. Измѣряя разстоянія полосокъ на экранѣ отъ срединной полоски, зная величину періода рѣшетки и разстояніе рѣшетки отъ экрана, мы можемъ вычислить длину свѣтовой волны для опредѣленной цвѣтной составной части бѣлага свѣта. Для зеленой части эта длина равна около 0.0005 части миллиметра. Ни грубыя, ни самыя мелкія диффракціонныя рѣшетки, какія только мы можемъ сдѣлать, не раздѣляютъ рентгеновскихъ лучей. Это еще не значить, что эти лучи не состоятъ изъ волнъ: ихъ волны могутъ быть такъ коротки, что самая частая рѣшетка можетъ оказаться для нихъ слишкомъ грубой. Въ поискахъ за достаточно мелкими рѣшетками, Лоуэ остановился на кристаллахъ. Правильная многогранная форма кристалловъ, простые законы, по которымъ расположены на кристаллахъ отдѣльныя грани, давно уже наводили на мысль, что вещество кристалловъ должно обладать правильнымъ и однообразнымъ строеніемъ. Если только справедливо наше предположеніе, что вещество состоитъ изъ мельчайшихъ зеренъ—атомовъ, то эти атомы должны быть расположены въ кристаллѣ правильно, прямолинейными рядами по тремъ направлѣніямъ въ пространствѣ. Можно себѣ представить расположеніе атомовъ въ кристаллѣ слѣдующимъ образомъ. Возьмемъ множество маленькихъ, одинаковыхъ кубиковъ и сложимъ изъ нихъ одинъ большой. Въ середину каждаго кубика, какъ птицу въ клѣткѣ, помѣстимъ зерно какого-нибудь вещества. Затѣмъ уменьшимъ размѣры нашего сооруженія такъ, чтобы зерна приняли предпологаемыя размѣры атомовъ, т. е. достигли нѣсколькихъ десятиллионныхъ долей миллиметра, и отбросимъ всѣ перегородки кубическихъ клѣточекъ, не нарушая расположенія частицъ вещества. Мы получимъ одно изъ возможныхъ расположеній атомовъ вещества въ кристаллѣ. Система кубиковъ, служившая намъ для построенія этого расположенія, составляетъ одинъ изъ видовъ такъ называемой пространственной рѣшетки. Ячейка такой рѣшетки можетъ и не быть кубическаго вида—она можетъ быть въ общемъ случаѣ косая и ея непараллельныя ребра могутъ быть различной длины.

Лоуэ исходитъ изъ слѣдующихъ положеній: во-первыхъ, что рентгеновскій свѣтъ состоитъ изъ очень короткихъ волнъ. Длина которыхъ соизмѣрима съ разстояніями атомовъ въ кристаллѣ; во-вторыхъ, что кристаллъ построенъ изъ атомовъ вещества, располагающихся по пространственной рѣшѣткѣ, и въ третьихъ, что при прохожденіи волнъ рентгеновскаго свѣта черезъ атомы кристалла, каждый атомъ усваиваетъ себѣ колебанія падающихъ на него волнъ и становится какъ бы самостоятельнымъ источникомъ колебаній, испускающимъ волны по всѣмъ направлѣніямъ. Если все это такъ, то можно вычислить относи-

тельное расположение направлений, по которымъ волны, исходящія изъ отдѣльныхъ атомовъ, будутъ усиливать другъ друга. Если мы перехватимъ эти направления фотографической пластинкой, то получимъ на ней, послѣ ея проявленія, рядъ темныхъ пятенъ, расположеніе которыхъ должно соотвѣтствовать вычислениямъ. Производство опытовъ Лоуэ поручилъ двумъ молодымъ физикамъ Фридриху и Книппингу, которые, послѣ ряда попытокъ, пришли къ результатамъ, блестяще подтверждавшимъ разсужденія Лоуэ. Было, такимъ образомъ, получено неопровержимое доказательство, что рентгеновскій свѣтъ состоитъ изъ очень короткихъ электромагнитныхъ волнъ, что его природа тождественна съ природой видимаго свѣта и волнъ, испускаемыхъ беспроволочнымъ телеграфомъ. Получилась и возможность оцѣнить длину волнъ рентгеновскаго свѣта, оказавшихся въ сотни тысячъ разъ болѣе короткими, чѣмъ волны видимаго свѣта. Рентгеновскіе лучи перестали быть иксъ-лучами.

Вскорѣ по опубликованіи Лоуэ его изслѣдованій Ц. Л. Браггъ, сынъ упомянутаго выше Брагга, и авторъ этихъ строкъ, независимо и одновременно нашли весьма простой законъ, опредѣляющій направленія свѣтовыхъ максимумовъ рентгеновскихъ лучей, разсѣянныхъ кристалломъ. Обратившись къ приведенному выше представленію о расположеніи атомовъ въ кристаллѣ, мы замѣтимъ, что эти атомы расположены плоскими слоями, проходящими не только параллельно гранямъ куба, но и по направленіямъ, разнообразно наклоненнымъ къ этимъ гранямъ. Разсматривая расположеніе атомовъ въ этихъ слояхъ, мы замѣтимъ, что въ слояхъ, параллельныхъ гранямъ куба, атомы расположены гуще всего, въ другихъ слояхъ густота ихъ расположенія меньше и мѣняется съ наклономъ слоя къ кубической грани. Упомянутый законъ можно выразить слѣдующимъ образомъ. Если мы замѣтимъ направленіе луча, падающаго на кристаллъ, и направленіе одного изъ лучей, на которыхъ этотъ первичный лучъ разложился кристалломъ, то мы всегда можемъ найти такой рядъ параллельныхъ слоевъ атомовъ, который можно разсматривать какъ зеркало, отражающее первичный лучъ по направленію выбраннаго нами максимума. Это не значить, чтобы тутъ было настоящее отраженіе—общая картина явленія лишь такова, какъ будто бы это было отраженіе. на самомъ же дѣлѣ максимумы получаютъ описаннымъ выше взаимодействіемъ волнъ. Несмотря на свою чисто формальную природу, законъ отраженія сослужилъ въ высокой степени важную роль въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Имъ широко воспользовались оба Брагга для дальнѣйшаго выясненія свойствъ рентгеновскихъ лучей и для раскрытія строенія кристалловъ. Необходимо прибавить, что каждый максимумъ можетъ содержать въ себѣ лишь волны совершенно опредѣленной длины въ зависимости отъ взаимныхъ разстояній атомныхъ слоевъ, на которыхъ происходитъ отраженіе: мѣняя наклонъ падающаго луча къ отражающему слою, мы въ отраженномъ лучѣ получимъ волны разной длины.

Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Браггъ-отецъ для устройства своего спектрометра для рентгеновскихъ лучей. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности описанія этого замѣчательнаго прибора, дающаго возможность разлагать рентгеновскіе лучи на составныя части совершенно такъ, какъ это мы дѣлаемъ съ лучами видимаго свѣта, и опредѣлять длину волны каждой изъ составныхъ частей ¹. Скажемъ лишь, что помощью этого прибора Браггу-отцу удалось первому точно измѣрить длину волны рентгеновскихъ лучей, испускаемыхъ различными металлами. Ему первому также удалось вычислить «квантъ» для нѣкоторыхъ сортовъ рентгеновскихъ лучей (испускаемыхъ платиной и никкелемъ) и сравнить величину этого кванта съ количествомъ энергии катоднаго луча, способнаго возбудить соответственный рентгеновскій лучъ. Сравненіе это привело къ совершенно удовлетворительнымъ результатамъ.

Опыты съ отраженіемъ рентгеновскихъ лучей отъ кристаллическихъ граней ведутъ къ изслѣдованіямъ въ двухъ направленьяхъ. Съ одной стороны, зная разстоянія атомныхъ слоевъ, параллельныхъ грани кристалла, мы можемъ, по углу отраженія луча отъ этихъ слоевъ, опредѣлить длину волны въ отраженномъ лучѣ,—такимъ образомъ мы анализируемъ свойства рентгеновскихъ лучей. Съ другой стороны, опредѣливъ разъ на всегда длину волны какого-нибудь рентгеновскаго луча, мы можемъ сравнивать разстоянія атомныхъ слоевъ на различныхъ кристаллахъ или на одномъ и томъ же кристаллѣ параллельно его различнымъ гранямъ, опредѣляя углы, подъ которымъ отражается взятый лучъ—мы анализируемъ строеніе кристалловъ. Первую задачу взялъ на себя Браггъ-отецъ, вторую—его молодой сынъ, слушатель Кембриджскаго университета. Оба блестяще разрѣшили эти задачи и были осенью прошлаго года удостоены Нобелевской преміи за свои изслѣдованія. Работы Брагга-старшаго нами уже охарактеризованы. Намъ остается изложить результаты изслѣдованій младшаго Брагга.

Возьмемъ каменную соль, кристаллизующуюся въ кубахъ. Кристаллы ея очень легко раскалываются параллельно гранямъ куба на тонкія пластинки. Это показываетъ, что строеніе этого вещества вполне можетъ быть представлено нашей совокупностью кубиковъ. Каменная соль химически состоитъ изъ натрія и хлора—изъ двухъ родовъ атомовъ. Изслѣдованіе отраженій рентгеновскихъ лучей отъ граней каменной соли показываетъ, что атомы натрія чередуются съ атомами хлора такимъ образомъ, что, помѣстивъ атомъ натрія въ одинъ изъ кубиковъ системы, мы должны въ прилегающихъ къ нему шести кубикахъ помѣстить по атому хлора. Параллельно каждому ребру куба атомы натрія и хлора чередуются

¹ Описание этого прибора, равно, какъ и приложение его къ раскрытію строения кристалловъ, помѣщено въ книгѣ Брагговъ «Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ». Русскій переводъ этой книги, сдѣланный авторомъ этой статьи, появился уже въ продажѣ, въ изданіи книгоиздательства «Космосъ».

другъ съ другомъ. Кристаллы хлористаго калия очень похожи на кристаллы каменной соли (хлористаго натрія). Однако, при изслѣдованіи этого вещества рентгеновскими лучами мы получаемъ впечатлѣніе, что оно состоитъ изъ атомовъ лишь одного вещества. Объясненіе этому Браггъ-младшій видитъ въ томъ, что вѣса атомовъ калия и хлора мало разнятся другъ отъ друга, такъ что хлористый калий состоитъ какъ-бы изъ атомовъ одного и того же вещества, тогда какъ вѣса атомовъ хлора и натрія замѣтно различны. Если принять въ расчетъ, что яркость, съ какою атомы вещества испускаютъ вторичные рентгеновскіе лучи подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ первичныхъ лучей, возрастаетъ съ атомнымъ вѣсомъ, то упомянутый фактъ становится понятнымъ: по тѣмъ направленіямъ, по которымъ волны, испускаемыя атомами калия и хлора, должны ослаблять другъ друга до полного угасанія, благодаря своей одинаковой яркости, волны, испускаемыя атомами натрія и хлора, будучи неодинаковы по силѣ, не вполне уничтожаютъ другъ друга, и въ результатѣ на каменной соли мы наблюдаемъ максимумы, которыхъ нѣтъ на хлористомъ калии. Все это показываетъ, что элементами, слагающими кристаллы, являются отдѣльные атомы, а не ихъ собранія—частицы. Если бы это были частицы, то кристаллъ состоялъ бы изъ совершенно одинаковыхъ лучеиспускающихъ центровъ, и такого различія, какое наблюдается, напр., у хлористаго натрія и хлористаго калия по отношенію къ рентгеновскимъ лучамъ, мы не могли бы наблюдать. Въ этомъ заключается одинъ изъ капитальнѣйшихъ выводовъ, какіе вытекаютъ изъ изслѣдованій Брагга-младшаго. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе важенъ, что до сихъ поръ предполагалось, что кристаллизуясь, вещество не только не распадается на отдѣльные атомы, какъ это теперь стало ясно, но что, наоборотъ, сложныя частицы, въ которыя соединены атомы въ газахъ и жидкостяхъ, еще болѣе усложняются при переходѣ вещества въ кристаллическую форму.

Не менѣе важно и слѣдующее обстоятельство, выяснившееся изъ работъ Брагга-младшаго. Всѣ изслѣдованныя имъ структуры кристалловъ имѣютъ очень тѣсное отношеніе къ наиболѣе плотнымъ расположеніямъ шаровъ. Если мы расположимъ наиболѣе тѣсно одинаковые шары на плоскости и станемъ накладывать на этотъ слой слѣдующій слой, то шары этого слоя придутся въ углубленія между шарами перваго слоя. Послѣдующіе слои можно накладывать двоякимъ образомъ. Можно класть каждый шаръ третьяго слоя надъ промежуткомъ между шарами перваго слоя, каждый шаръ четвертаго слоя надъ промежуткомъ второго и т. д. Мы получимъ наиболѣе плотное расположеніе шаровъ по тетраэдру, имѣющее симметрію кубической системы кристалловъ. Второй способъ состоитъ въ накладываніи шаровъ третьяго слоя надъ шарами перваго, такъ что въ такой кучѣ шаровъ можно видѣть каналы, проходящіе черезъ всю кучу. Получится куча шаровъ, имѣющая симметрію шестигранной призмы или пирамиды, относящуюся къ гексагональной кристаллической системѣ, какъ показали изслѣдованія Брагговъ. Эти два типа

явственно намѣчаются въ кристаллахъ, строимыхъ природой, въ которой принципъ экономіи осуществляется на каждомъ шагу.

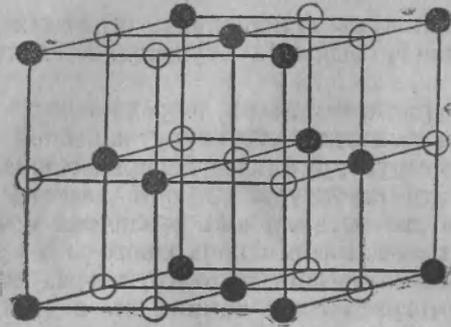
Среди структуръ кристалловъ, опредѣленныхъ Браггами, слѣдуетъ особенно отмѣтить структуру каменной соли, уже описанную выше, и структуру алмаза. На приложенной таблицѣ * изображены обѣ эти структуры въ видѣ системъ шариковъ. Въ каменной соли два рода атомовъ различены цвѣтами—чернымъ и бѣлымъ. Въ алмазѣ атомы лишь одного рода—углеродные. Первая фигура—схематическій чертежъ, вторая же и третья представляютъ фотографическіе снимки съ модели, построенной Браггами изъ шаровъ, надѣтыхъ на проволочные стержни. Модель алмаза представлена съ двухъ точекъ зрѣнія. На рис. 2 всѣ вертикальные прутики модели параллельны диагонали кубическаго кристалла алмаза, рис. 3 изображаетъ расположеніе атомовъ алмаза, какъ оно представляется, если смотрѣть прямо на грань такого кристалла.

Итакъ, рентгеновскіе лучи удивительнымъ образомъ нашли себѣ примѣненіе для уясненія внутренняго строения, какъ организмовъ, такъ и кристалловъ. слѣдуетъ лишь ясно различать эти двѣ области ихъ примѣненія. Строеніе организмовъ, равно какъ и монеты, заключенныя въ непрозрачномъ для глаза кожаномъ кошелькѣ, обнаруживаются тѣнями, бросаемыми отъ этихъ тѣлъ рентгеновскими лучами на экраны, способные свѣтиться подъ дѣйствіемъ этихъ лучей: въ мѣстахъ, соответствующихъ тѣнямъ отъ частей предметовъ, болѣе прозрачныхъ для рентгеновскихъ лучей, экранъ свѣтится ярче, и наоборотъ. То же касается и обыкновенныхъ рентгеновскихъ фотографическихъ снимковъ. Въ кристаллахъ, при прохожденіи черезъ нихъ рентгеновскихъ лучей, мы, наряду съ поглощеніемъ послѣднихъ, наблюдаемъ сложное явленіе, состоящее въ интерференціи, взаимодействіи волнъ рентгеновскаго свѣта, видъ котораго зависитъ отъ расположенія атомовъ внутри кристалла.

Заканчивая нашъ бѣглый очеркъ, мы принуждены вернуться къ начальному нашему мотиву—великому, переживаемому нами бѣдствію, войнѣ. Уже нѣтъ въ живыхъ молодого англійскаго ученаго Мозелея, прекрасныя работы котораго въ области рентгеновскихъ лучей тѣсно примыкаютъ къ работамъ Брагговъ и Лоуэ—онъ палъ у злополучныхъ Дарданеллъ. Молодой Браггъ тоже отиравился добровольцемъ въ армию—въ англійской арміи до послѣдняго времени были лишь добровольцы—и сражается во Франціи въ качествѣ артиллерійскаго офицера. Попадаютъ ли этого молодого, талантливаго ученаго вражескіе снаряды, не надаящіе не только людей, но и вѣковые памятники культуры? Одно лишь можно сказать съ увѣренностью: достойній науки не можетъ разрушить не только какой-либо вражескій снарядъ, даже самаго крупнаго калибра, но и само все-сокрушающее время.

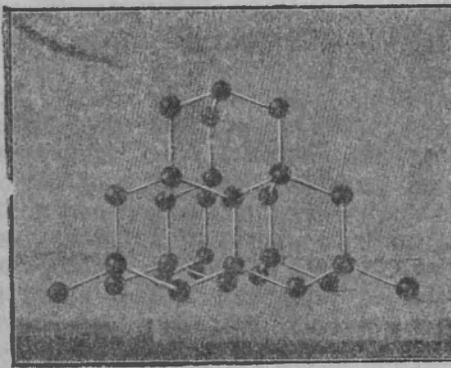
* См. слѣдующую страницу.

фиг. 1.

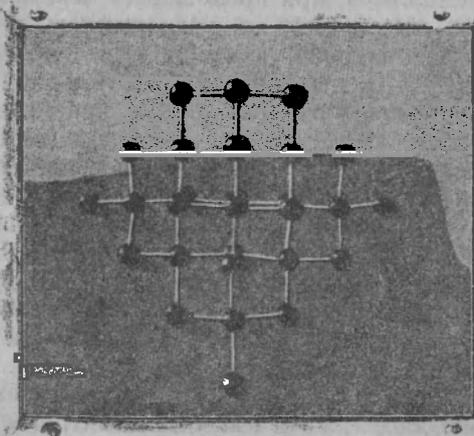

1. Расположеніе атомовъ хлора и натрія въ кристаллахъ каменной соли.

фиг. 2.

фиг. 3.

2 и 3. Модель расположения атомовъ углерода въ алмазѣ.

Проф. Г. Вульфъ.

ОКРУШЕНІИ ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

Выстрѣлы, грянувшіе на границахъ европейскихъ державъ въ августѣ 1914 г., возвѣстили не только начало мировой войны, но и конецъ одной мировой идеи, одного мирового учрежденія. Идея международной солидарности рабочихъ и основанное на ней учрежденіе постоянного международного общенія рабочихъ всѣхъ странъ съ самаго своего зарожденія противопоставляли себя тѣмъ силамъ, которыя вели и привели Европу къ современной войнѣ. Схватка между силами империализма и интернационала должна была стать прелюдией ко всякой мировой войнѣ. И эта схватка произошла.

Правда, по разнообразнымъ причинамъ, она была безкровной, почти недоступной для посторонняго глаза, и разыгралась не на площадяхъ европейскихъ городовъ, а лишь въ *сознаніи* миллиононь людей, но результаты ея видны всякому, запечатлѣны фактами, не поддающимися перетолкованію, констатированы десятками соотвѣтствующихъ выступленій и оказались, поистинѣ, убійственными. Сокрушеніе идеи международной и крахъ, развалъ, распадъ II-го интернационала—таковъ результатъ этой предварительной схватки, расчистившей путь мировой войнѣ. Тенденціи международной были побѣждены стихіями империализма и націонализма.

Это не былъ разгромъ внѣшней силой; это былъ внутренний развалъ, капитуляція безъ условій, сдача на милость побѣдителя. Этому можно радоваться (и этому радуются весьма и весьма многіе), надъ этимъ можно печалиться (занятіе—въ достаточной мѣрѣ бесплодное), но фактъ *краха*, фактъ побѣды національно-империалистическихъ стихій надъ противоположными тенденціями надо признать во всемъ его объемѣ. Всякія попытки «смягчить» этотъ фактъ краха второго интернационала (1889—1914), «смазать» его, утѣшиться тѣмъ, что де «перемелется—мука будетъ», а діалектика общественнаго бытія и этотъ фактъ перемелеть,—надо заранѣе отстранить, какъ лѣкарство, которое завѣдомо хуже самой болѣзни. Конечно, дальнѣйшее общественное развитіе «перемелеть» этотъ фактъ, конечно, мѣсто не останется незаполненнымъ, но и здѣсь «aussprechen was ist» есть лучший и даже единственно-возможный способъ отъ мертваго и разложившагося идти къ новому, живому, не теряя ни единого атома изъ того, что было хорошаго во вчерашнемъ, и усваивая все то новое, что принесли новыя условія.

Для того, чтобы представить въ полномъ объемѣ размѣры катастрофы, обрушившейся на второй интернационалъ, надо

дать себѣ отчетъ въ томъ, что катастрофа пришла какъ разъ тогда, когда объективныя условія, быть можетъ, впервые въ исторіи открывали для него широкую возможность приложенія своихъ методовъ воздѣйствія.

Уже Энгельсъ отмѣчалъ, что первичнымъ элементомъ въ вооруженныхъ конфликтахъ является «возможность распоряжаться силами современной промышленности». Въ 70-хъ годахъ онъ писалъ, что вся организація и боевой методъ армии зависятъ въ первую очередь отъ господствующихъ методовъ производства и что, напр., «не только изготовленіе, но и управленіе морскимъ орудіемъ стало отраслью современной промышленности». «Война машинъ», «война рабочихъ»—такъ характеризовалъ основную черту современной войны Ллойдъ-Джорджъ, въ качествѣ бывшего министра финансовъ и нынѣшняго министра снабженія арміи величайшей міровой имперіи, имѣвшій возможность глубже, чѣмъ кто-либо, вникнуть въ технико-экономическую структуру современнаго военнаго предпріятія. Гро-мкая, невиданная доселѣ, роль завода, техники, рабочаго въ войнѣ не подлежитъ сомнѣнію... Такимъ образомъ, самый характеръ современной войны — въ отличіе отъ войнъ предшествующей эпохи, эпохи движенія капитализма къ империализму—давалъ, казалось бы, широкій базисъ для того воздѣйствія на ходъ событій, которое всегда ставилось цѣлью и о которомъ настойчиво напоминалось и въ 1907, и въ 1910, и въ 1912 гг.

Но роль рабочаго класса оказалась даже больше, чѣмъ можно было думать. Наглядный примѣръ тому—вопросъ о безработицѣ. Ужасы грандіозной безработицы, которую, казалось, неизбежно несетъ съ собой всякая война между развитыми капиталистическими странами, были обычной темой въ устахъ противниковъ милитаризма. На дѣлѣ же война принесла сокращеніе арміи безработныхъ до небывало незначительныхъ размѣровъ, усиленное привлеченіе къ производству труда женщинъ и дѣтей, фактическую, (а иногда и законодательную) отмѣну всяческихъ ограниченій въ дѣлѣ усиленнаго потребленія рабочихъ рукъ. Эти вѣсти несутся и изъ Германіи и изъ Англии. Обнаружился не избытокъ, а недостатокъ рабочихъ рукъ и это, естественно, должно было привести къ повышенію социальнаго вѣса рабочаго класса въ дѣлѣ оборудованія современной войны.

И вотъ въ то время, какъ техника империалистической войны XX в. предоставила для рабочаго класса такой широкій базисъ для непосредственнаго вліянія на ходъ событій, оказалось, что самое желаніе воздѣйствовать въ духѣ «старыхъ принциповъ» куда-то улетучилось, испарилось, что самый «духъ» какъ-бы измѣнился.

Написанный договоръ международной солидарности оказался такъ же легко разорваннымъ и растоптаннымъ, какъ и многие международные государственные договоры.

Каутскій, заявившій, что интернаціональ является дѣеспособнымъ только во время мира и выступившій съ началомъ мировой войны теоретикомъ «самоограниченія» задачъ интернаціонала,

этими своими заявленіями только окончательно засвидѣтельствовали банкротство того интернационала, отъ имени котораго онъ хотѣлъ и имѣлъ право говорить.

Впрочемъ, международное объединеніе, — въ сознаніи теоретиковъ и практиковъ движенія, — никогда не было цѣлью самой по себѣ. Оно всегда рисовалось, какъ неизбежное орудіе къ достиженію другой, общей, «конечной» цѣли. И можно было бы сказать, что орудіе сломано и отброшено именно потому, что цѣль, къ достиженію которой оно было направлено, неожиданно съ началомъ войны оказалась негодной, утопичной, противорѣчащей ходу вещей. Если бы это было такъ, если бы цѣль, во имя которой создавался, работалъ и существовалъ интернациональ, оказалась вдругъ вычеркнутой изъ жизни, тогда, конечно, не зачѣмъ было бы держаться и за одно изъ средствъ достиженія этой цѣли.

Однако, событія принесли доказательства какъ разъ обратнаго. Въ организаци внутренней хозяйственной жизни воюющихъ капиталистическихъ державъ война демонстрировала не крушеніе идей, ради которыхъ создавался интернациональ, а, наоборотъ, крушеніе нѣкоторыхъ основныхъ и, казалось бы, незыблемыхъ принциповъ капитализма.

Нужно сказать тутъ же, — то регулированіе хозяйственной жизни, то вмѣшательство государства въ ходъ производства и обмѣна, а отчасти и распредѣленія продуктовъ народнаго труда, которое характеризуетъ самую любопытную сторону современной эпохи, не имѣетъ ничего общаго съ идеаломъ Маркса.

Государственное вмѣшательство въ хозяйственную жизнь страны, къ которому должны были прибѣгнуть и Англія и Германія (въ особенности послѣдняя), имѣетъ своей базой, своей предпосылкой мощное развитіе капитализма, централизацию капиталовъ, предварительное сосредоточеніе экономическаго могущества въ рукахъ финансоваго капитала, далеко впередъ зашедшій прогрессъ трестированія промышленности, наконецъ, широкое развитіе организованности на базѣ капиталистическаго производства, какъ среди предпринимателей, такъ и среди потребителей и производителей. Поэтому же, между прочимъ, соответствующія явленія не могутъ имѣть мѣста, а попытки въ данномъ направленіи заранѣе обречены на гибель тамъ, гдѣ этихъ предпосылокъ широкаго развитія капитализма нѣтъ еще налицо. Здѣсь соответствующія мѣры просто вырождаются въ «полицейскую экономію», въ экономической подкузь и демагогію.

Столь же мало, какъ и указанные сейчасъ явленія высоко развитаго капитализма, служащія ему базой, *Kriegssozialismus*¹ затрагиваетъ основные институты современнаго общества. Онъ не разрѣшаетъ созданныхъ ими и коренящихся въ нихъ противорѣчій, а только до невиданной степени обостряетъ ихъ, демонстрируя въ то же время въ искаженномъ видѣ тѣ методы ре-

¹ Этимъ терминомъ («военный социализмъ») въ Германіи обозначаютъ рядъ мѣропріятій экономическаго характера, направленныхъ къ обезпеченію хозяйственной жизни страны.

гулированія хозяйственной жизни, которые идутъ на смѣну частно-хозяйственного принципа.

Въ этомъ именно смыслѣ можно и должно признать, что мiръ созрѣлъ для воспріятія новыхъ принциповъ хозяйственной жизни. Внѣшнее крушеніе интернаціонала какъ бы совпало съ моментомъ особо-широкой демонстраціи жизненности руководившихъ имъ социальныхъ идей. Но этого мало.

Вызванный къ жизни специальными обстоятельствами: необходимостью передъ лицомъ внѣшней опасности поднять продуктивность общества, внести планомѣрность въ его экономическую жизнь, обезпечить себя отъ катастрофъ изнутри помощью обезпеченія извѣстнаго минимума существованія для широкихъ слоевъ,—Kriegssozialismus неизбѣжно затрагиваетъ нѣкоторыя притязанія могущественныхъ социальныхъ группъ и ограничиваетъ ихъ непомѣрно раздувшіеся,—по случаю войны,—аппетиты¹.

Исторія борьбы за хлѣбную и другія монополіи съ аграріями въ Германіи, исторія закона о максимумѣ прибылей въ Англіи наглядно показываютъ это. И то и другое сдѣлалось возможнымъ въ концѣ-концовъ не благодаря предусмотрительному разуму государственныхъ мужей, а благодаря прямому и косвенному вліянію социальной мощи трудящихся.

Итакъ, современная война принесла не только широкія возможности воздѣйствія на ходъ событий со стороны играющаго въ пей небывало-значительную и непосредственную роль рабочаго класса, но и проникновеніе въ современную хозяйственную жизнь крупнѣйшихъ странъ, хотя бы въ искаженномъ, извращенномъ видѣ,—нѣкоторыхъ его социальныхъ принциповъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовала его социальную мощь.

Налицо, казалось бы, всѣ предпосылки для рѣшительнаго проявленія его воли.

Отсутствіе этихъ проявленій нельзя объяснить ни его слабостью, какъ социальной группы (напротивъ, его значеніе именно въ текущихъ событіяхъ вскрылось во всемъ своемъ объемѣ), ни крушеніемъ его общаго идеала (онъ сталъ теперь реальнѣе, конкретнѣе доказалъ свое соотвѣтствіе ходу хозяйственного развитія въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда-либо), ни, наконецъ, невозможностью непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ (въ «войнѣ машинъ», употребляя выраженіе Ллойдъ-Джорджа, подоб-

¹ Одинъ изъ серьезнѣйшихъ идеологовъ германскаго империализма, П. Рорбахъ, хорошо понималъ, о чемъ идетъ рѣчь въ современной войнѣ. когда въ первые же дни войны писалъ въ предисловіи къ своей извѣстной книгѣ: «Вопросъ о побѣдѣ есть для насъ вопросъ нашихъ нравственныхъ национальныхъ силъ, *вопросъ о томъ, насколько способны къ жертвамъ для пропитанія трудящейся части народа тѣ имущіе классы, которые въ состояніи удѣлить отъ себя что-нибудь даже тогда, когда заработная плата рабочихъ будетъ все меньше и меньше удовлетворять его потребностямъ... Быть-можетъ, намъ придется ввести добровольный или принудительный высокии поимущественный налогъ не для покрытія военныхъ издержекъ, а въ цѣляхъ передачи нѣмецкаго хлѣба и мяса въ руки тѣхъ, которые не въ состояніи и его себѣ заработать*». П. Рорбахъ. Война и германская политика. Съ пред. проф. С. Котляревскаго М. 1915 г. стр. XIII. (курс. нашъ).

ное влияние впервые получило техническую основу и могло найти соответствующие характеру данной группы методы).

Тѣмъ рѣзче всей этой социально-политической обстановкѣ противостоитъ фактъ крушенія не только международной организаціи, но и самой идеи международной солидарности въ достаточно-широкихъ кругахъ вождей и рядовыхъ дѣятелей движенія. Какъ мы уже упомянули, этого никакъ нельзя объяснить дѣйствіемъ одной только внѣшней принудительной силы. Внутри самого рабочаго движенія послѣднихъ десятилѣтій должны были существовать тѣ тенденции, которыя—при благопріятныхъ обстоятельствахъ—могли привести къ разложенію интернаціонала на національныя части и сдѣлать бывшихъ союзниковъ врагами. Иначе пришлось бы все происшедшее въ рядахъ интернаціонала признать чудомъ или же допустить, что въ самое содержаніе международной солидарности входитъ необходимость періодическаго взаимоистребленія солидарныхъ другъ съ другомъ группъ. Такъ именно рассуждалъ Каутскій въ своей извѣстной статьѣ о международной и національности. Такъ продолжаютъ рассуждать въ Германіи Кольбы, Гейне и Ленши и не одни только авторы, пишущіе на нѣмецкомъ языкѣ. Эти рассужденія лишь симптомъ *подчиненія* нѣкоторыхъ теоретиковъ чуждой имъ прежде стихіи имперіализма.

Но гдѣ же тѣ условія, благодаря которымъ Каутскіе и Ленши (и не только они) оказались столь податливыми заразы, шедшей изъ круговъ Рорбаховъ и Гельфериховъ?

Еще въ 1847 г. въ своей извѣстной лекціи о «наемномъ трудѣ и капиталѣ» Марксъ, между прочимъ, замѣтилъ, что «быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда». Въ поясненіе Марксъ добавилъ еще слѣдующее:... «чѣмъ быстрѣе рабочій увеличиваетъ чужія богатства, тѣмъ болѣе жирныя крохи достаются ему самому, тѣмъ больше рабочихъ можетъ получить заработокъ, тѣмъ больше можетъ увеличиться число рабочихъ-рабовъ капитала.»¹ «Быстрый ростъ капитала», о которомъ говорилъ Марксъ, за послѣднія десятилѣтія совершался въ формѣ завоеванія капиталомъ новыхъ сферъ приложенія и рынковъ сбыта, въ формѣ *имперіализма*.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ, почему это именно такъ. Отмѣчаемъ только фактъ: быстрый ростъ капитала, являющійся, по словамъ Маркса, самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда, привелъ къ финансовому капитализму и имперіализму, а этотъ послѣдній сталъ самъ условіемъ дальнѣйшаго «быстраго роста капитала». Что же случилось при этомъ съ тѣми «болѣе жирными крохами», которыя достаются рабочему при «быстромъ ростѣ капитала?»

Однимъ изъ первыхъ, занявшихся вплотную вопросомъ о влияніи имперіализма на положеніе рабочаго класса, былъ извѣстный австрійскій ученый и публицистъ Отто Бауэръ. Об-

¹ Прошу замѣтить: въ цитированномъ мѣстѣ Марксъ сказалъ не только это. Онъ тутъ же подчеркнулъ и обратную сторону медали. Къ этой обратной сторонѣ мы еще вернемся ниже.

щая тенденція его книги «Национальный вопрос и социаль-демократія» представляется намъ въ корнѣ ошибочной. При самомъ ея появленіи (въ 1907 г.) Каутскій отмѣтилъ уклонъ автора къ національному моменту въ ущербъ интернациональному. Бауэръ потратилъ, однако, въ этой книгѣ немало труда на оцѣнку того, что несетъ съ собой империализмъ для рабочаго класса. И вотъ его выводъ: «Ислѣдуя вліяніе экономической политики современнаго капитализма на положеніе рабочаго класса, мы получаемъ довольно *пеструю* картину. Империализмъ, съ одной стороны, увеличиваетъ благосостояніе пролетариата: ускоряя отливъ капитала въ производительную сферу, сокращая оборотный періодъ капитала, увеличивая количество общественнаго производительнаго капитала нѣкоторой частью разности накопленія, империалистическая политика *подымаетъ спросъ на рабочія силы*; заставляя поработенные народы отпустить господствующимъ капиталистическимъ націямъ хлѣбъ и мясо, хлопнокъ и шерсть, она *повышаетъ въ Европѣ реальную заработную плату*». Далѣе Бауэръ характеризуетъ и отрицательныя стороны вліянія экономики и империалистической эпохи и приходитъ къ слѣдующему итогу: «изъ всего этого видно, что рабочій классъ имѣетъ гораздо *меньшую долю* въ колониальныхъ богатствахъ, чѣмъ имущіе классы».

Познакомившись съ этими выводами Бауэра, мы уже не удивимся, когда услышимъ отъ него слѣдующую характеристику позиціи рабочаго класса по отношенію къ империализму. «Повсюду, — пишетъ нашъ авторъ, — пролетариатъ относится къ нему (къ империализму) очень сдержанно, трезво высчитывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, стоятъ ли, дѣйствительно, выгоды империализма требуемыхъ отъ него жертвъ. Его сдержанность превращается въ недовѣріе, когда онъ видитъ, что трудно высчитать всѣ послѣдствія даннаго положенія империалистской политики. Такъ рабочій классъ сохраняетъ хладнокровіе, межъ тѣмъ, какъ классъ капиталистовъ опьяняется... Такъ пролетариатъ сохраняетъ разсудительность, тогда, какъ имущіе классы теряютъ всякое самообладаніе, стремясь къ господству надъ миллионами людей беззащитныхъ народовъ»¹.

Мы покуда не занимаемся оцѣнкой правильности или неправильности подобной позиціи пролетариата: мы хотимъ только поближе подойти къ дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія придется признать, пожалуй, что Бауэръ вѣрно намѣтилъ *нѣкоторыя* черты того вліянія, которое империализмъ оказываетъ на *нѣкоторые* слои пролетариата крупныхъ капиталистическихъ державъ. А изъ нарисованной имъ картины слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ слояхъ пролетариата, несмотря на все ихъ «хладнокровіе» и «разсудительность» могутъ при извѣстныхъ условіяхъ создаваться настроенія, весьма легко поддающіяся эксплуатаціи со стороны активныхъ империалистовъ. Несомнѣнно, во всякомъ

¹ О. Бауэръ. «Национальный вопросъ и социалдемократія». СПб., 1909, стр. 506—508.

случаѣ, что наличность подобныхъ тенденцій создавала великолѣпную питательную среду для идей рабочаго оппортунизма... не разъ заигрывавшаго съ колониально-имперіалистической идеологией.

Въ настоящее критическое время идеи этого рода овладѣли умами многихъ теоретиковъ, которые еще такъ недавно считались вѣрными хранителями марксистскаго ученія.

Вотъ германскій социаль-имперіалистъ Леншъ. Онъ пытается обосновать тотъ тезисъ, что поражение Германіи «было бы самымъ ужаснымъ ударомъ, который можетъ быть нанесенъ социализму» (!?). Этотъ свой тезисъ онъ обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что побѣда Англійи снова восстановила бы ея господство въ міровой торговлѣ, вернула бы время баснословныхъ барьершей англійскихъ промышленниковъ, «сдѣлала бы возможнымъ удовлетвореніе требованій англійскихъ рабочихъ и они снова были бы отвлечены отъ международнаго социалистическаго движенія, англійскій пролетаріатъ снова оказался бы заинтересованнымъ въ міровомъ господствѣ своей буржуазіи и изъ общественаго слоя, борющагося съ капитализмомъ, превратился бы, наоборотъ, въ гвардію капитализма»¹.

Докторъ Леншъ полагаетъ, что отъ этой печальной перспективы спасти англійскихъ рабочихъ можетъ только музыка германскихъ иушекъ.

Какими бы чудовищно-нелѣпыми ни казались намъ выводы Ленша, ясно, что вся его схема построена на признаніи факта экономической заинтересованности пролетаріата въ имперіалистической мощи своей страны. Но въ кругу *той же буржуазно* идеи вращается и мысль Плеханова. Онъ разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ и Леншъ, примѣняя ту же схему уже не къ англійскому, а къ германскому пролетаріату. «Если Германія побѣдитъ,—пишетъ Плехановъ,—то она создастъ, насчетъ побѣжденныхъ народовъ, исключительно выгодное положеніе для своей промышленности. Такое исключительное положеніе, несомнѣнно принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетаріату... Рабочій классъ *болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ*—и храбро дерется «за существованіе Германіи». «Если Германія,—продолжаетъ Плехановъ,—побѣдитъ, и если въ карманы нѣмецкихъ рабочихъ перепадетъ нѣкоторая часть добычи, то германскій социализмъ будетъ «пересмотрѣнъ» (ревидованъ) до тла, и германскіе социаль-демократы заговорятъ такимъ языкомъ, котораго мы до сихъ поръ и не слыхивали».

Какъ мы видимъ, Леншъ и его двойникъ вращаются въ кругу той идеи, что рабочіе *данной* страны заинтересованы въ собственноручномъ сокрушеніи имперіалистической буржуазіи *чужой* страны во имя интересовъ рабочихъ этой послѣдней. Леншъ поддерживаетъ германскій имперіализмъ, вотируетъ ему

¹ «Die deutsche Socialdemocratie und der Weltkrieg». Ein politische Studie von Dr. Paul Lensch. Berlin. 1915. Брошюра реферирована въ «Русской Мысли», 1915 г., VIII.

² Г. Плехановъ. Еще о войнѣ. «Совр. М.», 1915, кн. VIII, стр. 244-245.

кредиты, развращаетъ сознание германскихъ рабочихъ, проповѣдуетъ Burgfriede и т. д., потому, видите-ли, что онъ весьма озабоченъ обученіемъ англійскихъ рабочихъ... социализму. Странный методъ оказывать услуги социализму! Странный методъ толкованія интернационализма! Но дѣло происходитъ именно такъ: Ленъшъ и его двойникъ съ одинаковой энергіей проповѣдуютъ «соціальный миръ»... для своихъ земляковъ и рекомендуютъ его нарушение въ возможно болѣе рѣшительной формѣ своимъ единомышленникамъ-иноземцамъ. Картина, достаточно выразительная съ точки зрѣнія... впрочемъ, она выразительна со всякой точки зрѣнія.

Если мы теперь къ тѣмъ «болѣе жирнымъ крохамъ», которыя выпадаютъ на долю массъ съ «быстрымъ ростомъ капитала», къ «стремому высчитыванію выгодъ и невыгодъ имперіализма», къ «стихійному сознанию («смутной догадкѣ» Плеханова) заинтересованности въ побѣдѣ родного имперіализма прибавимъ давленіе внѣшней силы государственной машины, влияние на рабочихъ многообразныхъ и громко-звучащихъ фетишей, доставшихся ему въ наслѣдство отъ либерально-демократической идеологии, отраву, вносимую въ сознание всей атмосферой буржуазной идеологической культуры съ ея желтой и биржевой прессой, националистической наукой и т. д., наконецъ, недостаточно-развившуюся волю къ сопротивленію,—то мы будемъ имѣть уже достаточно материала для сужденія о тѣхъ силахъ, которыя разложили интернациональ на его составныя части.

* * *

Читатель, расположенный торопиться съ выводами, вѣроятно, воскликнетъ здѣсь: значить, правы были тѣ, кто упрекалъ дѣятелей рабочаго движенія послѣднихъ десятилѣтій въ утопизмъ, въ томъ, что они строили свое зданіе не на дѣйствительныхъ тенденціяхъ рабочаго движенія, а вопреки этимъ тенденціямъ. На это мы замѣтимъ покуда, что то, о чемъ мы до сихъ поръ говорили, представляетъ только *одну изъ силъ*, воздѣйствующихъ на ходъ движенія. Это сила консервативная, связывающая движеніе. *Преодолевая* ее и все больше и больше отодвигая ее на задній планъ, въ качествѣ опредѣляющей силы движенія выступаютъ противоборствующие тенденціи. Спеціальныя условия,—какъ, напр., тѣ, которыя создали классическій англійскій трэдъ-юніонизмъ, или опредѣлили специфическія черты германскаго профессиональнаго движенія,—могутъ временно привести къ торжеству этихъ консервативныхъ силъ въ рабочемъ движеніи. Именно на этой почвѣ произрастаетъ чертополохъ «чистаго профессионализма», либеральной рабочей политики, оппортунизма и социаль-націонализма. Именно эти тенденціи во всемъ ихъ объемѣ имѣли въ виду Марксъ и Энгельсъ въ томъ знаменитомъ мѣстѣ своего манифеста 48 г., въ которомъ они противопоставляли групповымъ, цеховымъ, профессиональнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ «интересы всего движенія въ цѣломъ» и видѣли свою и своихъ единомышленниковъ

специфическую задачу именно въ отстаиваніи этихъ послѣднихъ. Здѣсь именно съ гениальнымъ чутьемъ положили они водораздѣль между своимъ ученіемъ и ученіемъ всѣхъ другихъ группъ претендующихъ представлять четвертое сословіе. Отдавая себѣ полный отчетъ въ наличности той золотой цѣпи, которая способна на время связать *нѣкоторые* интересы *нѣкоторой* части рабочихъ со стремленіемъ современной промышленности къ колониально-империалистическому расширенію и временно исказить, такимъ образомъ, общій характеръ движенія, Марксъ усиленно рекомендовалъ вскрывать ея призрачность, ея обманчивость, ея относительность... И онъ опирался при этомъ на обратную сторону того же самага прогресса, который создаетъ заинтересованность пролетаріата въ «быстромъ ростѣ капитала».

«Если, писалъ Марксъ въ той же работѣ, которую мы выше цитировали, съ быстрымъ ростомъ капитала увеличивается доходъ рабочаго, то въ то же время увеличивается и общественная пропасть, отдѣляющая рабочаго отъ капиталиста, увеличивается власть капиталиста, увеличивается власть капитала надъ трудомъ, зависимость труда отъ капитала... При быстромъ ростѣ капитала заработная плата можетъ, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрѣе увеличивается, во всякомъ случаѣ, прибыль капиталиста. Материальное положеніе рабочаго улучшается, но улучшается на счетъ его общественного положенія. Пропасть, отдѣляющая его отъ капиталиста, расширяется». Эту-то «пропасть» можетъ на моментъ скрыть отъ сознанія заинтересованныхъ золотая сѣтка, созданная «быстрымъ ростомъ капитала». Тогда на этой сѣткѣ могутъ быть любителями вышиты узоры «соціального мира». Но тѣмъ грознѣе развертывается эта пропасть, когда самый ходъ событій срывается, въ концѣ концовъ, эту обманчивую сѣть. Мировая война империализма принадлежитъ именно къ такимъ событіямъ, которые быстрѣе всего и рѣшительнѣе всего способны похоронить иллюзіи, созданныя предшествовавшей эпохой и даже именно въ ней получившія свое полное развитіе.

Общественный процессъ — діалектиченъ по самому своему существу. Діалектично и учене Маркса. Оно полагаетъ необходимой предпосылкой для осуществленія новаго общественнаго строя широкое и полное развитіе противоположнаго ему капиталистическаго хозяйства. Ростъ анти-капиталистическихъ тенденцій въ рабочемъ классѣ оно разсматриваетъ какъ результатъ самаго же капиталистическаго накопленія. Въ томъ же процессѣ, который создаетъ видимость заинтересованности пролетаріата въ возрастаніи капитала, оно видитъ прогрессирующее расширение и углубленіе той пропасти, которая отдѣляетъ одинъ классъ отъ другого.

* * *

Марксъ—основатель научнаго социализма, превратившій послѣдній «изъ утопіи въ науку», идейный вождь и вдохновительъ всего анти-капиталистическаго движенія XIX и XX в.в. Не

Марксъ въ то же время и величайшій «оправдатель» капитализма: для познанія и признанія капитализма, какъ неизбежной и могущественной формы развитія производительныхъ силъ, Марксъ сдѣлалъ больше чѣмъ вся вульгарная буржуазная апологетика вмѣстѣ взятая. Какъ же возможна подобная, противорѣчивая на простодушный взглядъ, позиція? Она стала возможной и необходимой съ того момента, какъ было вскрыто, что самъ процессъ развитія капитализма вырабатываетъ силу, способную осуществить противоположный ему социальный строй. Осуществленіе послѣдняго съ этого момента ставилось въ зависимость не отъ стихійнаго хода вещей, а отъ возрастающей способности производителей активно обладать этимъ процессомъ, отъ классовой активности.

Это ученіе объ активности было той солью, которой солоно все ученіе. Стоило вырвать или хотя бы на время устранить этотъ элементъ изъ своего горизонта—и все ученіе извращалось, впередъ выступало фаталистическое представленіе объ автоматическомъ ходѣ развитія общественныхъ отношеній, представленіе объ автоматическомъ развитіи къ идеалу, о востаніи въ будущее на путяхъ частичныхъ уступокъ и мелкихъ схватокъ, во время которыхъ нѣтъ нужды апеллировать къ «конечнымъ цѣлямъ», какъ къ какой-либо практической задачѣ.

Различныя историческія эпохи накладывали свой отпечатокъ на пониманіе и формы приложенія обще-признанной, казалось бы, теоріи. Поколѣніе, воспитавшееся на традиціяхъ великой борьбы народовъ конца XVIII и начала XIX вв., возмужавшее и созрѣвшее въ историческую эпоху, начавшуюся 48-ымъ г. и законченную парижской коммуной, всегда и постоянно выдвигало впередъ активную сторону ученія. Его эпоха была эпохой кризисовъ и потрясеній по преимуществу. 48-ой годъ во Франціи, Германіи и Австріи, чартизмъ въ Англии, борьба Венгріи и Польши, возстанія и объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, войны 53—54, 59, 66, 70—71 г.г.—все это сконцентрировалось на промежуткѣ четверти столѣтія и не могло дать почвы для развитія пассивизма въ теоріи и POSSIBILITY вѣ тактикѣ. Эпоха внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, войнъ и возмущеній, въ которыхъ рѣшались основные вопросы національно-политическаго устройства Европы и Америкы, напитала своимъ активнымъ духомъ всю идеологію движенія. Но бурная эпоха отошла въ прошлое, и ученіе, созданное въ ея атмосферѣ, стало искажаться, вульгаризироваться и оскопляться примѣнительно къ новой эпохѣ, точнѣе къ тѣмъ чертамъ ея, которыя обезпечили ей 40-лѣтнее «мирное» выжиманіе прибавочной стоимости.

Это была эпоха широкаго развитія капитализма на почвѣ установившагося распредѣленія общественныхъ силъ внутри государства и закрѣпленнаго распредѣленія территорій между ними. Основы буржуазнаго правопорядка были незыблемо установлены во всѣхъ капиталистически-развитыхъ странахъ. Двусторонній процессъ борьбы буржуазіи за независимость національной территоріи и за свое социальное господство надъ ней,—

борьбы, создавшей лихорадочную эпоху 1848—1871 г.г.,—за-
кончился и въ дальнѣйшемъ размѣнялся на рядъ *сдѣлокъ* между
различными группами владѣющихъ классовъ. Тѣ остатки феода-
лизма, которые буржуазія въ свои юные годы подвергла рѣши-
тельной теоретической—рѣже, столь же рѣшительной практи-
ческой,—критикѣ, теперь были признаны ею какъ необходимые
элементы ея господства.

Болѣе того. Поскольку въ свои права вступала империа-
листическая эпоха, поскольку буржуазія, устроившись на наці-
ональномъ рынкѣ, открыла эру борьбы за колоніи, поскольку
«вооруженный миръ» сталъ неизбѣжной формой существованія
національно-капиталистическихъ государствъ и ихъ соревно-
ванія на міровой аренѣ, — постольку остатки феодализма въ
глазахъ буржуазіи вновь получили ореолъ необходимыхъ руко-
водителей національной жизни и охранителей ея внѣшняго и
внутренняго имущества. Въ этой атмосферѣ не оставалось мѣста
для рѣшительной постановки какой-бы то ни было политической
проблемы. Борьба за власть была снята съ очереди дня и въ те-
чение почти полустолѣтія не играла никакой реальной роли въ
политической жизни Европы.

Эта общая атмосфера «органической» эпохи должна была
наложить свой отпечатокъ и на рабочее движеніе. Практически и
идеологически оно двигалось въ рамкахъ отведенной ему легаль-
ности. Тогда именно появились навязанныя Энгельсу верхами
германской социаль-демократіи соображенія о «красныхъ ще-
кахъ, нагуливаемыхъ движеніемъ въ рамкахъ законности». Та
практика, въ которой реально воспитывались миллионы членовъ
парцій, союзовъ и кооперативовъ, была практикой борьбы за
отдѣльныя, частичныя уступки отъ господствующихъ и ре-
ально не выводила эти миллионы за *предѣлы работы въ рамкахъ
данной націи—государства*. Меньше всего настроеніе и практика
опредѣлялись проблемами борьбы за власть, т. е. той задачей,
которая единственно и преобразуетъ разрозненныя попытки
улучшенія своего положенія въ систематическую борьбу за ко-
нечныя цѣли.

Тутъ кстати будетъ привести характеристику настроеній,
господствовавшихъ въ германской партіи, сдѣланную въ брошюрѣ
ея членовъ Лауфенберга и Вольфгейма (*Imperialismus und
Demokratie. Hamburg. 1914*)¹: «Тотъ фактъ, что германская
социаль-демократія постоянно усиливала свое вліяніе, что ей
удалось провести нѣкоторыя реформы, что колоссально воз-
росло число подаваемыхъ за нее голосовъ,—все это породило
вѣру, будто социаль-демократія вращается въ государство буду-
щаго... Тѣсно связаннымъ съ этимъ взглядомъ было представле-
ніе о томъ, будто парламенты сами усиливаютъ свою власть
за счетъ внѣпарламентскихъ властей... и что, поэтому, наці-
ональное государство есть послѣднее слово социализма... Социаль-
демократія вращается въ государство, о да! но не въ «государствъ
будущаго», а только въ современное государство, и голосова-

¹ Цитата взята изъ корреспонденціи Энгиса. С. М. VI. стр. 103.

ніемъ 4-аго августа 14 г. показала, какъ далеко зашло это востаніе, добавимъ мы отъ себя. Въ приведенной характеристикѣ интересна не только общая картина, но и мимоходомъ брошенное замѣчаніе о томъ естественномъ процессѣ, который ведетъ отъ общаго оппортунизма къ націонализму.

Всего яснѣе можно было наблюдать этотъ процессъ въ Германіи, т. е. тамъ именно, гдѣ социаль-демократія и вообще была всего сильнѣе. Именно въ этомъ искаженномъ, вульгаризированномъ и уродливо-обрубленномъ видѣ ученіе Маркса преподносилось тамъ въ большихъ дозахъ рабочимъ массамъ. Оно становилось для нихъ не противоядіемъ, а идейнымъ оправданіемъ отступленій отъ духа классовой борьбы; вмѣсто орудія выдѣленія общихъ элементовъ «всего движенія въ цѣломъ» изъ груды противорѣчивыхъ временныхъ, профессиональных, национальных, групповыхъ интересовъ получился методъ оправданія господства этихъ цеховыхъ интересовъ надъ интересами общими. Искаженный марксизмъ,—на дѣлѣ взявшій изъ Маркса лишь то, что беретъ у него и всякій просвѣщенный профессоръ, вродѣ Зомбарта,—сталъ теоріей *поддакивающей* сначала буржуазной наукѣ, а затѣмъ и высшему органу современной буржуазной практики—империалистическому государству. Германскіе Легины, Давиды и Шейдеманы—живая тому иллюстрація. Что эти господа и имъ подобные пришли прямымъ путемъ къ открытой измѣнѣ «старымъ принципамъ», было естественно, и это было бы еще съ полбѣды.

Хуже было то, что и тѣ, кто не хотѣлъ «ревизовать»,—подъ могущественнымъ вліяніемъ эпохи—превратили свою доктрину въ теорію «пассивнаго радикализма», по прекрасному выраженію Панекука, въ радикализмъ, выжидавшій радикальныхъ событий, пророчившій ихъ, но прекрасно уживавшійся съ оппортунистической практикой. Эта часть идеологовъ дополняла ограниченность данныхъ формъ движенія лишь однимъ: предсказаніями о наступленіи въ будущемъ *новой* эпохи, эпохи критическаго разрѣшенія накопленныхъ противорѣчій. Оппортунизмъ видѣлъ въ POSSИБИЛИСТСКОЙ практикѣ текущаго дня — «все», радикализмъ—въ той же POSSИБИЛИСТСКОЙ практикѣ видѣлъ еще и «накопленіе силъ» для будущей... бурной эпохи.

При этихъ условіяхъ «пассивный радикализмъ» оказывался не только довольно невинной привѣской къ той практикѣ, которая по существу была POSSИБИЛИСТСКОЙ, но и становился силой консервативной, скорѣе охранявшей старое, чѣмъ открывавшей дорогу новымъ, болѣе активнымъ приемамъ, требовавшимся характеромъ новой эпохи. Если въ германской генеральной комисіи профессиональныхъ союзовъ, въ редакціяхъ оппортунистическихъ газетъ и среди ревизионистскаго большинства фракціи германскаго рейхстага были подготовлены штабъ идеологовъ и практиковъ социаль-империализма, то и быстрая капитуляція передъ нимъ Каутскихъ, Гаазе и др. была подготовлена всей позиціей «пассивнаго радикализма». Въ день 4 августа 1914 г. Каутскаго раздавила не аргументація Давидовъ, Бернштейновъ и

Легиновъ, а тотъ фетишизмъ легальности, та неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, та боязнь растраты «накопленныхъ силъ», та неприспособленность къ активнымъ массовымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ воспитала массы вся предшествующая практика какъ Легиновъ, такъ и Гаазе.

Правда, Каутскій, защищая свою тактику въ спорѣ съ новаторами, Розой Люксембургъ, Панекукомъ и др., еще за 2—3 года до войны всегда прибавлялъ, что тактика будетъ измѣнена въ моментъ «кризиса», но когда кризисъ пришелъ, прошлое партіи, ея навыки, ея психологія оказались сильнѣе общанія Каутскаго измѣнить ихъ.

Пассивный радикализмъ капитулировалъ какъ разъ тогда, когда онъ долженъ былъ показать себя активнымъ. Иначе и не могло быть. Радикализмъ Каутскаго, не вычеркивая «конечной цѣли», какъ это дѣлалъ Бернштейнъ, всегда и постоянно выводилъ ее за предѣлы практической политики текущаго историческаго дня. Она была для него идеологической схемой, но никогда регулирующимъ моментомъ практической политики. Именно поэтому всего нетерпимѣе за послѣдніе годы относился Каутскій къ той группѣ германской партіи, идейная работа которой—въ существѣ своемъ—сводилась къ указанію нарастающихъ элементовъ гражданской войны: къ обсужденію ея проблемъ и къ попыткамъ немедленно же освоить германскій пролетариатъ съ этими проблемами и вытекающими изъ новаго положенія тактическими приемами (Панекукъ, Люксембургъ, Либкнехтъ, редакция Бременской газеты и т. д.).

Въ эпоху 71—905 г.г. пассивный радикализмъ Каутскихъ (и его соратниковъ, Плехановыхъ и др.) выполнилъ великую работу: въ своей борьбѣ съ оппортунизмомъ онъ спасъ марксизмъ отъ окончательнаго опошленія; въ будничную и необходимую работу собранія и сноченія силъ, угрожавшихъ разбиться на десятки группъ и частныхъ интересовъ, онъ внесъ идею «цѣли», въ качествѣ объединяющей и регулирующей идеи; онъ совершилъ крупную просвѣтительную работу. Но—самъ продуктъ эпохи органическаго, мирнаго развитія, позабывшей, казалось, о крупныхъ потрясеніяхъ и рѣшительныхъ сдвигахъ во-внѣ и внутри сложившихся капиталистическихъ государствъ—онъ не замѣтилъ, какъ подошла новая эпоха со своими новыми отношеніями и новыми требованіями. Онъ, въ лицѣ главнаго органа марксистской теоретической мысли, нѣмецкаго журнала «Neue Zeit», рѣшительно ополчился противъ тѣхъ, кто въ преддверіи новой эпохи требовалъ и новой тактики. Здѣсь именно лежалъ водораздѣлъ между двумя эпохами, и въ публицистикѣ критиковъ пассивнаго радикализма можно было уже до войны вычитать предчувствіе эры грозныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ катастрофъ.

* * *

Новая эпоха открывается русско-японской войной. И до нея англо-бурская и испано-американская войны, англо-франко-

германскіе споры объ Африкѣ, китайская экспедиція всего европейскаго концерта въ цѣломъ знаменовали начало конца «органической» эпохи. Но только послѣ 1904—05 г.г. критическіи, катастрофическіи характеръ надвигающейся эпохи стали совершенно ясны.

1905 годъ оказалъ непосредственное вліяніе въ трехъ направленіяхъ. Онъ былъ прелюдией демократическаго пробужденія всего Востока, устремившагося по пути созданія національныхъ, современнаго типа государствъ; этимъ путемъ Востокъ рассчитывалъ освободиться отъ положенія вассала европейскаго капитала и тѣмъ—объективно — содѣйствовалъ обостренію аппетита послѣдняго.

1905 годъ обострилъ отношенія между Германіей и Англійей: именно въ этомъ году идея англо-русскаго союза, какъ оплота противъ усиливавшагося въ благопріятной обстановкѣ дальневосточныхъ событій положенія Германіи, сдѣлала такіе успѣхи, которыхъ она не могла добиться за рядъ предшествовавшихъ десятилѣтій.

Наконецъ, только послѣ 1905 г. германская социаль-демократія *впервые* за все время своего существованія смогла поставить на очередь дня вопросъ о новыхъ методахъ борьбы, о массовой стачкѣ (конгрессъ 1906 г., работы Р. Люксембургъ, Роландъ-Гольсть и т. д.) и тѣмъ дать объективный показатель обостренія всѣхъ отношеній.

Русско-японская война и ея послѣдствія (1904—1906), затѣмъ революція въ Турціи, революція въ Персіи, революція въ Китаѣ, т. и. агадирскій инцидентъ, едва не приведши тогда же къ войнѣ Германіи съ Франціей, аннексія Боснии и Герцеговины, итальяно-турецкая война, балканскія войны наполнили десятилѣтіе 1904—1914 г.г., подняли, раздули, разожгли и обострили всѣ вопросы, мирно тлѣвшіе подъ щепломъ въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій.

Для Европы всѣ эти процессы протекали на фонѣ столь же рѣзко обострившейся внутренней, социальной борьбы. Повышенное настроеніе низовъ за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ и проявившееся въ такихъ знаменательныхъ формахъ, какъ движеніе горнорабочихъ, докеровъ, желѣзнодорожниковъ и т. д. въ Англии и Франціи, какъ моабитскія событія въ Германіи, — составляли характернѣйшее явленіе того времени. Въ то же время на низшіе классы населенія свинцовой тяжестью ложится все растущая дороговизна, — прямой результатъ практики трестированной и картелированной промышленности (трестъ есть продуктъ XX вѣка!), экспорта европейскіхъ капиталовъ въ заокеанскія и вообще колоніальныя области (опять-таки характернѣйшая черта первыхъ десятилѣтій XX в.) и усиленныхъ вооруженій, связанныхъ съ лихорадочными настроеніями въ международной политикѣ. Степень истощенія платежныхъ силъ населенія уже тогда достигла такого уровня, что заставляла правительства въ поискахъ новыхъ финансовыхъ источни-

ковъ обращаться за ними къ болѣе зажиточнымъ группамъ и создавать такіе социальные эксперименты, какъ единовременный миллиардный налогъ на доходы въ Германіи (извѣстный законъ 1913 г.) и такіе социальные конфликты, какъ борьба либеральнаго кабинета Асквита и Ллойдъ-Джорджа съ палатой лордовъ въ Англии.

Войны, ведшіяся еще покуда на периферіи капиталистическаго, европейскаго міра, но поднимавшія всѣ противорѣчія, жившія внутри него, бѣшенное соревнованіе національныхъ капиталовъ, которые достигли высокой степени централизаціи и для которыхъ явно становились слишкомъ узкими рамки, данныя государственными границами,—ростъ на этой почвѣ имперіализма наверху и обостреніе недовольства внизу, — все это вновь ставило на очередь, давно отодвинутые на задній планъ коренные политическіе вопросы.

Мы упомянули уже борьбу съ социальной властью палаты лордовъ. Только теперь вновь призывается къ жизни вопросъ ирландскій, забытый, казалось, со временъ Гладстона и Парнелля. Въ Германіи мирно влачившій въ теченіе 50 лѣтъ свое существованіе вопросъ объ избирательной реформѣ въ цитадели юнкерства, Пруссіи, выносятся на улицы. Во Франціи борьба ведется вокругъ вопроса о фонѣ службы и поднимается до степени общаго вопроса о социальной политикѣ республики. На самомъ западѣ Европы, въ Португаліи, падаетъ власть клерикаловъ и дворянства, непосредственно переходя въ руки республиканцевъ. Въ Вельгіи, Даніи, Швеціи социалисты получаютъ приглашеніе вступить въ министерства, и во всѣхъ странахъ безъ исключенія наблюдается певиданно-быстрый ростъ подаваемыхъ за нихъ голосовъ и повышеніе ихъ активной роли въ парламентахъ, въ печати, вообще во всей жизни государствъ. А въ то же время происходитъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ торжествующихъ имперіалистическихъ началъ консолидація господствующихъ классовъ, сліяніе ихъ въ единый стабъ. На почвѣ реального сплоченія вокругъ организованной промышленности и финансоваго капитала и реальной зависимости отъ него всѣхъ буржуазныхъ элементовъ, господствующіе группы и классы теряютъ послѣдніе остатки «вольнлюбія», входятъ въ союзъ съ остатками феодализма, создаютъ культъ сильной власти, идеологію открытаго насилія и неограниченнаго господства. Обратная сторона процесса «блестраго роста капитала», та сторона, которую Марксъ называлъ «расширеніемъ социальной пропасти», явно беретъ верхъ надъ его лицевой стороной, тѣмъ относительнымъ ростомъ матеріальнаго обезпеченія, который спорадически могъ на первыхъ стадіяхъ имѣть мѣсто для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ трудящихся.

Современная война, несмотря на всю свою грандіозность, съ точки зрѣнія тенденцій имперіалистическаго капитала является только эпизодомъ среди бывшихъ и будущихъ столкновеній,

создаваемыхъ ходомъ развитія послѣдняго. Она создана имперіализмомъ и столкновение имперіалистическихъ интересовъ національно-организованныхъ капиталовъ составляетъ ея содержаніе. Она, поэтому, призвана отнюдь не остановить процессъ развертыванія имперіализма, со всѣми присущими ему противорѣчіями. Наоборотъ. Она послужитъ,—какъ бы она ни кончилась,—энергичнѣйшимъ толчкомъ къ дальнѣйшему, еще болѣе интенсивному, еще болѣе бурному его развертыванію.

Германія уже теперь позволяетъ судить о томъ, что это значитъ. Ея жизнь уже сейчасъ служитъ примѣромъ того, что торжествующій имперіализмъ долженъ явиться ареной самыхъ широкихъ, самыхъ рѣзкихъ социальныхъ конфликтовъ, что онъ неминуемо приводитъ къ этимъ конфликтамъ и что содержаніемъ ихъ должно стать не что иное, какъ попытка рѣшить основные вопросы современной социально-хозяйственной жизни. А формы рѣшенія подобныхъ вопросовъ далеко выходятъ за предѣлы того фетишизма легальности, парламентаризма и т. п., о которомъ мы говорили, какъ о характерной чертѣ предшествовавшей эпохи...

Социальныя проблемы, обострившіяся еще до кризиса, воинствующимъ имперіализмомъ не только не могутъ быть устранены, но, наоборотъ, въ созданномъ имъ и естественно-выросшемъ изъ него мировомъ столкновеніи должны пріобрѣсти невиданную до сихъ поръ жгучесть и принять грозно-настоятельный характеръ. Такая крупная индустриальная страна, какъ Германія, на другой день послѣ мирового столкновения вынуждена будетъ считаться съ грандіозной растратой накопленнаго труда, съ крупнѣйшими потерями въ наличныхъ рабочихъ силахъ и, слѣдовательно, съ необходимостью реорганизовать все свое хозяйство на такихъ началахъ, которыя гарантировали бы наиболѣе планомерную и производительную работу всего организма. Общественный характеръ производства, монополизированнаго отчасти синдикатами, а отчасти союзомъ синдикатовъ съ государственной казной, и частный характеръ присвоенія должны будутъ въ своемъ противорѣчьи выступить впередъ съ особой остротой. Осуществленіе государственно-хозяйственныхъ задачъ, которыми германскія руководящія группы принуждены уже заниматься во время войны и съ особенной энергіей принуждены будутъ заняться послѣ нея,—осуществленіе этихъ задачъ государственной организациі хозяйственной жизни подъ фѣрулой финансоваго капитала, не можетъ привести ни къ чему иному, какъ къ глубочайшему кризису. Содержаніемъ его должно стать стремленіе самихъ производителей, взять въ свои руки руководство производствомъ, уже подготовленнымъ къ общественному контролю.

Процессъ долженъ будетъ протекать усиленнымъ темпомъ подъ высокимъ давленіемъ того пресса, который созданъ грандіознымъ ростомъ государственнаго долга и, слѣдовательно, соответствующимъ ростомъ налоговъ. Высчитано, что оплата уже заключенныхъ Германіей займовъ вызоветъ удвоеніе на-

логовъ. Къ концу войны рабочему придется половину своего заработка отдавать въ формѣ налога — въ руки кредиторовъ государства.

Въ ту же сторону будетъ дѣйствовать и дороговизна, которой не сможетъ побѣдить никакая моноиомія и которая должна будетъ расти, какъ неизбежный результатъ дѣятельности окрѣпшихъ въ атмосферѣ войны трестовъ, синдикатовъ и, вообще, пѣлаго ряда глубокихъ пертурбацій въ ходѣ мірового хозяйства.

Тѣ, кто на основаніи 2-3 десятковъ лѣтъ мирнаго развитія, проповѣдовали «притушение противорѣчій», должны будутъ съ ужасомъ и недоумѣніемъ остановиться передъ широтой разверзшейся пропасти. Нужно только сказать, что и ихъ противники, поскольку и они въ своихъ возраженіяхъ оперировали опытомъ и нормами доимпериалистической эпохи, не могли представить дѣйствительныхъ размѣровъ этой пропасти. Эта пропасть пожретъ и тѣ «болѣе жирныя крохи» матеріальнаго улучшенія, которыя опредѣляли оппортунистическую идеологию и психологию, и тѣ «смутныя догадки» объ обогащеніи отъ империализма, которыя могли привязать нѣкоторые слои рабочихъ къ колесницѣ послѣдняго.

Чудовище империализма, пожирающее сотни тысячъ жертвъ, есть законное дѣтище тѣхъ социальныхъ отношеній, которыя еще А. И. Герценъ назвалъ «антропофагіей». Систематическая, изодня въ день практиковавшаяся «мирная» антропофагія привела, въ концѣ-концовъ, къ антропофагій въ грандиозномъ масштабѣ. Это, какъ нельзя болѣе, естественно. Плакаться надъ послѣдствіями, не прикасаясь къ причинамъ, значить, издѣваться и надъ логикой и надъ тѣми, кто болѣе всего страдаетъ подъ властью этой желѣзной логики фактовъ.

Мечта объ уничтоженіи империалистическихъ тенденцій при сохраненіи всѣхъ условій «мирной» антропофагій,—это, въ лучшемъ случаѣ, именно мечта, невинное благопожеланіе невинныхъ въ познаніи современной жизни душъ, чаще же своеобразно эксплуатируемая реакціонная утопія.

Человѣчеству нѣтъ дороги *назадъ*, къ замкнутому национальному производству, къ национальнымъ раковинамъ, къ провинциальной ограниченности былыхъ эпохъ, къ выросшей въ этой атмосферѣ либеральной и либерально-национальной идеологии.

Историческая задача послѣдней, империалистической стадии капитализма именно въ томъ, что она—противорѣчивымъ, безжалостно-насильническимъ образомъ—открываетъ путь къ преодолѣнію духа исключительности, замкнутости, что она создаетъ арену борьбы въ міровомъ масштабѣ и придаетъ ей міровой размахъ, втягивая въ процессъ движенія новыя миллионныя массы,—въ томъ, что она въ рѣшительной формѣ выдвигаетъ коренные вопросы человѣческаго общежитія и мобилизуетъ для ихъ рѣшенія соответствующія силы.

Дѣйствительная борьба противъ империализма возможна только съ точки зрѣнія болѣе высокаго социального идеала, на

имъ же созданной *мировой* аренѣ, на уровнѣ *его* методовъ и поставленныхъ имъ задачъ. Только это и можетъ быть противопоставлено империализму, а не отжившая либерально-демократическая идеология самодовлѣющей провинціальности и національнаго индивидуализма. Ею въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій питались народы Европы, но нынѣ ходомъ событій, она превращена въ жвачку беззубыхъ и безсильныхъ старцевъ либерализма и пасифизма *quand même*. Въ большинствѣ же случаевъ эта идеология является нынѣ просто средствомъ систематическаго обмана массъ представителями воинствующаго империализма. Дѣло не мѣняется отъ того, что эта идеология, претворенная въ «простые законы права и нравственности», служить для нѣкоторыхъ «марксистовъ» методомъ перехода на новыя позиціи социаль-шовинизма. Логика обязываетъ и превращаетъ людей, разъ ставшихъ на эту почву, въ дѣятельныхъ пособниковъ старыхъ силъ стараго міра.

Интернаціоналъ погибъ потому, что по своей психологіи, по методу работы онъ оказался ниже уровня событій. Въ общемъ и цѣломъ,—а въ общемъ и цѣломъ его идейно-политическое лицо опредѣлялось господствомъ въ немъ центра германской социаль-демократіи,—онъ жилъ еще въ кругу практики, созданной предшествовавшей эпохой, только начиналъ еще осваиваться съ новой обстановкой, когда развитіе имманентныхъ силъ современнаго общества потребовало въ самой рѣшительной формѣ отвѣты на новые вопросы. Новое и жизнеспособное можно строить не на его искусственномъ оживленіи, не на компромиссахъ, а на учетѣ новаго опыта, на почвѣ новыхъ стремленій новой эпохи міроваго развитія.

Ю. Каменевъ.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ ВЪ МИРОВОЙ ВОЙНѢ.

(Продолженіе).¹

Итакъ—въ чужихъ краяхъ, на вѣдшихъ рынкахъ,—ни въ «сферахъ вліянія», ни въ самой Германіи,—ни одинъ классъ Россіи не имѣетъ, не завоевываетъ, не укрѣпляетъ и не защищаетъ никакихъ своихъ экономическихъ интересовъ въ вооруженной борьбѣ съ «германскимъ міромъ». На слѣдующихъ страницахъ мы, въ двухъ словахъ, рассмотримъ, какія нормы *своей собственной* торговой политики отстаиваетъ Россія въ настоящей войнѣ. Какихъ экономическихъ распоряжковъ у себя дома добиваются отдѣльные классы Россіи? Какихъ результатовъ они *хотятъ* здѣсь достигнуть, и что имъ здѣсь *можетъ дать* война и побѣда?

Мы начнемъ и здѣсь съ интересовъ нашего *промышленнаго капитала*. Посмотримъ, на что рассчитываетъ и что можетъ получить въ результатъ войны наша буржуазія. — Мы знаемъ ея исконный боевой лозунгъ, всегда (до войны) встрѣчавшій у насъ достойную оцѣнку и отпоръ, но нашедши нынѣ, въ военную эпоху, нежданную - нежданную поддержку во всей «передовой» публицистикѣ и въ самыхъ широкихъ общественно-обывательскихъ кругахъ. Лозунгъ этотъ—«экономическая независимость Россіи», или—«свобода развитія отечественной промышленности», или—«освобожденіе отъ иноземнаго (нынѣ нѣмецкаго) засилья». Мы знаемъ также, какое конкретное содержаніе скрывается подъ этимъ лозунгомъ. Подъ «независимостью нашего промышленнаго развитія» понимается предоставленіе полной свободы нашему капиталу хозяйничать, какъ угодно, на нашемъ внутреннемъ рынкѣ—путемъ изоляціи его, путемъ огражденія отъ всякаго «вмѣшательства» и конкуренціи иностранныхъ «гостей». Это выражается «программными» требованіями новыхъ повышеній таможенныхъ пошлинъ, новаго усиленія нашего протекціонизма—до «идеальнаго» предѣла запретительныхъ ставокъ при «автономномъ» тарифѣ. И даже теперь, во время войны, когда ко всевозможнымъ обычнымъ голодамъ, создаваемымъ въ интересахъ отдѣльныхъ промышленныхъ группъ,—къ голо-

¹ См. «Лѣтопись» № 3. 1916 г.

дамь угольному, нефтяному, чугунному присоединился рядъ новыхъ (химическій, бумажный и т. д.), даже и теперь со стороны отечественныхъ промышленниковъ не перестаютъ раздаваться голоса въ пользу повышения ставокъ. Вотъ такую свободу и независимость индустрии, какую мы видимъ теперь, и стремится установить нашъ промышленный капиталъ послѣ войны.

Напротивъ, германскій капиталъ, нынѣ ведущій империалистскую войну, видитъ въ Россіи объектъ своего империализма и стремится «открыть» себѣ русскій рынокъ. По словамъ П. П. Маслова, онъ стремится «измѣнить нашу таможенную политику въ свою пользу, превратить Россію въ колонію путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д.» Все это должно быть результатомъ того торговаго договора, какой продиктовала бы намъ Германія въ случаѣ своей побѣды. — Если это такъ, то совершенно очевиденъ непримиримый конфликтъ интересовъ русскаго и германскаго «національнаго» капитала. И при такихъ условіяхъ совершенно ясно, какіе свои матеріальные интересы имѣетъ и отстаиваетъ въ настоящей войнѣ Россія, въ лицѣ своего торгово-промышленнаго класса.

Однако, ультра-протекціонизмъ нашей буржуазіи требуетъ крайне существенныхъ ограниченій и оговорокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь а priori понятно, что интересы различныхъ промышленныхъ группъ здѣсь далеко не одинаковы. Вѣдь иноземные засильники поставляютъ не только фабрики для непосредственнаго потребленія, но и всякаго рода предметы для нуждъ промышленнаго производства. Потребителями этихъ предметовъ является также промышленная буржуазія; и она заинтересована, во-первыхъ, въ ихъ свободномъ ввозѣ, а во-вторыхъ, въ возможно *болѣе дешево*мъ ввозѣ: ибо это сокращаетъ издержки производства. Поэтому, ультра-протекціонизмъ есть основная, но не единственная нота нашего промышленнаго капитала. Да и основной она, быть можетъ, является только потому, что ею прожужжали всѣмъ уши не столько многочисленныя, сколько *влиятельныя* группы буржуазіи. «Когда выступаютъ центральныя промышленныя организаціи, говоряція отъ имени всего отечественнаго капитала,—читаемъ мы въ одномъ влиятельномъ буржуазномъ органѣ,—онѣ, конечно, высоко держатъ знамя протекціонизма, славословятъ его и требуютъ всемирнаго усиленія. Но какъ только заговорятъ представители отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей, картина моментально мѣняется. Вмѣсто идиллической гармоніи получается полная какофонія. Машиностроители горько жалуются на дороговизну желѣза, угля и прочихъ сырыхъ матеріаловъ и требуютъ беспошлиннаго или льготнаго ввоза изъ-за границы. А производители угля, желѣза и т. п., въ свою очередь, сѣтуютъ на дороговизну необходи-

мыхъ машинъ и требуютъ также пониженія пошлинъ. Подобныя жалобы выдвигаются буквально всѣми отраслями промышленности, и дня не проходитъ, чтобы какая-нибудь изъ нихъ не возбуждала ходатайства о пониженіи пошлинъ... Извѣстный у насъ «идеологъ» капитала, г. Жуковский, указываетъ, что если въ данномъ отношеніи противоположны интересы между добывающей и обрабатывающей индустріей, то не меньшее противорѣчіе существуетъ и между отдѣльными отраслями обрабатывающей промышленности, напр., машиностроительной и текстильной. А г. Гольдштейнъ замѣчаетъ, что нельзя разсматривать и одну мануфактурную промышленность, какъ нѣчто цѣлое: интересы ткацкой и прядильной промышленности также противоположны въ отношеніи таможеннаго покровительства ¹.

При такихъ условіяхъ ультра-протекціонизмъ можно считать только общимъ принципомъ политики нашей промышленной буржуазіи; но ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что въ максимальной изоляціи русскаго рынка заключается реальный интересъ этого класса, взятаго въ цѣломъ, въ настоящіи періодъ русскаго капитализма. Лозунгъ національной экономической независимости и свободы отъ иноземнаго засилья, правда, восприняли нынѣ всѣ буржуазные круги, вся обывательская масса и, какъ это ни странно, даже не мало идеологовъ демократіи. Но на дѣлѣ въ немъ воплощаются лишь возжеланія *нѣкоторыхъ группъ* нашей буржуазіи, конечно, «выдающихъ свои аппетиты за «жизненный интересъ» не только всего класса, но и всего народнаго хозяйства.

Выясняя тѣ интересы, какіе имѣетъ въ міровой войнѣ наша родина и отдѣльные ея классы, мы должны отличать слово отъ дѣла, алчные выкрики отдѣльныхъ группъ отъ дѣйствительныхъ интересовъ — классовыхъ и общенациональныхъ. И въ данномъ случаѣ, оцѣнивая лозунгъ «независимости» съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ нашего *національнаго капитала*, мы должны подойти поближе къ фактамъ; должны посмотреть, какимъ группамъ буржуазіи дѣйствительно не даетъ житья иноземное «засилье», и для какихъ (капиталистическихъ же) группъ это «засилье» желательно и необходимо, и каково примѣрно соотношеніе этихъ группъ, представляющихъ въ своей совокупности отечественный индустриальный капиталъ. — Такъ какъ мы разсуждаемъ примѣнительно къ цѣлямъ и причинамъ русско-германской войны, то мы и сосредоточимъ вниманіе на роли и размѣрахъ *нѣмецкаго* «засилья». Тогда мы увидимъ, что принесла бы нашему торгово-промышленному классу полная изоляція нашего рынка, съ одной сто-

¹ См. сводку мнѣнія по этому вопросу въ цит. сборникѣ «Къ вопр. о торг. догов. съ Герм.» Харьковъ 1913, стр. 31—33.

роны, и его полное открытіе для германскаго ввоза—съ другой. Только тогда намъ будетъ ясно, дѣйствительно ли нашъ національный капиталъ имѣетъ матеріальный интересъ въ вооруженной борьбѣ съ Германіей за нашъ 'внутренніи промышленный рынокъ.

Познакомимся съ главнѣйшимъ источникомъ нѣмецкаго «засилья»—съ германскимъ промышленнымъ ввозомъ.¹ Немногія цифры откроютъ предъ нами довольно полную картину нашей «зависимости» отъ Германіи. И нельзя не удивляться, и нельзя не пожалѣть, что эти цифры, всеѣмъ доступныя и удобообозримыя, находятся подъ бойкотомъ у нашей «передовой» публицистики, даже въ специальныхъ работахъ объ экономическихъ перспективахъ войны. Г.г. Туганъ-Барановскій, Соболевъ, Гольдштейнъ, а съ другой стороны П. П. Масловъ, Г. В. Плехановъ, А. Финъ-Енотаевскій, крича о грозящемъ экономическомъ рабствѣ, тщательнѣе избѣгаютъ фактовъ и цифръ. — Взглянемъ сначала на общіе итоги иноземнаго засилья, на размѣры заграничнаго привоза и на роль въ немъ Германіи. Вотъ цифры за пятилѣтіе 1906—1910г.г.:²

	Привозъ въ тыс. рублей.		
	Всегс.	Изъ Германіи.	% германскаго привоза.
1906 г.	800.690	298.422	37.3
1907 г.	847.365	337.367	39.8
1908 г.	912.659	348.426	38.4
1909 г.	906.336	363.263	40.1
1910 г.	1.084.446	449.794	40.8

Весь нашъ заграничный импортъ, какъ видимъ, составляетъ внушительную сумму; но все же нашъ огромный рынокъ не поглощаетъ даже того количества иностранныхъ товаровъ, какое ввозитъ Англія изъ одной только Германіи. У насъ же германскій ввозъ создаетъ только двѣ пятыхъ всего иноземнаго «засилья».

¹ Мѣсто не позволяетъ намъ рассмотреть здѣсь другой важный источникъ иностраннаго засилья—различныя формы импорта капитала. Этотъ факторъ нашей экономической зависимости надо считать гораздо менѣе важнымъ: даже въ военную эпоху, даже органы нашей крупной буржуазіи не перестаютъ твердить объ огромной положительной роли иностранныхъ капиталовъ въ нашемъ национально-хозяйственномъ развитіи; такая роль не отрицается даже и за германскими капиталами (см. новѣйшія работы о нихъ г.г. Зака, Левина, Зива). — Кромѣ того, вопросъ объ иностранныхъ капиталахъ² былъ уже мимоходомъ затронутъ въ статьѣ В. Базарова (См. «Лѣтопись», февраль 1916). Однако, и внѣ прямой связи съ той темой, которую мы сейчасъ разбираемъ, вопросъ объ иностранныхъ капиталахъ въ Россіи имѣетъ огромный интересъ, и мы надѣемся въ недалекомъ будущемъ посвятить ему особую статью.

² См. Рос. Эксп. Пол. Вып. V. Тр. Ком. по пересм. торг. дог. съ Герм. СПб. 1912.

Правда, это не такъ мало, чтобы нантъ промышленный капиталъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ группъ и услужливыхъ экономистовъ, не взывалъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго рабства. Но это и не такъ много, чтобы германскій ввозъ могъ покрывать собой всю проблему объ иноземномъ засильѣ. Конечно, можно повторить за досужими людьми, что прекращеніе нѣмецкаго импорта можетъ на соотвѣтствующую сумму увеличить наше національное производство. И можно повѣрить П. П. Маслову, что дѣль германскаго капитала—открывъ нашъ рынокъ, «уничтожить» нашу промышленность. Но если мы занимаемся не поисками агитационнаго матеріала, а выясненіемъ дѣйствительныхъ интересовъ нашего капитала, дѣйствительныхъ условій развитія нашей индустрии, то намъ необходимо посмотрѣть, каковы—хотя бы въ грубыхъ чертахъ—*составъ* германскаго ввоза.

Всѣ предметы импорта разбиты нашей статистикой на 10 группъ; о соотношеніи этихъ группъ въ общей суммѣ привоза и, въ частности, въ германскомъ импортѣ даютъ понятіе слѣдующія цифры (1909 года):

	Привозъ въ милл. рублей.			
	Въ это	Изъ Германіи	% привоза изъ Германіи ко всему привозу.	% к. общей суммѣ при- воза изъ Гер- маніи.
Руды, металлы и металл. издѣлія .	189,3	113,9	60,3	32,3
Прядильн. матер. и издѣл. изъ нихъ	247,0	85,5	38,5	23,8
Животн. продукты и издѣл. изъ нихъ	78,0	41,3	62,5	11,6
Жизненные припасы и животныя .	190,8	34,6	18,1	9,3
Продукты химич. производства . . .	44,7	26,2	58,9	7,3
Топливо, асфальтъ, смолы	66,8	21,8	33,3	6,2
Лѣсной товаръ, деревян. издѣлія .	32,8	12,7	35,7	3,4
Керамич. матеріалы и издѣл.	16,0	9,5	60,3	2,6
Писчебум. тов. и произв. печати. . .	27,3	8,1	27,1	2,3
Предм. одежды, галант., писем., приналл.	13,7	3,9	25,0	1,2
Всего	906,3	363,3	40,1	100,0

Въ общей суммѣ нашего привоза рѣзко выдѣляются, какъ видимъ, три группы товаровъ. Это, во-первыхъ, прядильные матеріалы и издѣлія изъ нихъ. Однако, изъ Германіи ихъ идетъ къ намъ меньше двухъ иятыхъ. Главное же—больше половины этихъ товаровъ составляютъ хлопокъ сырецъ и некрашенная шерсть (на 141 милл.); слѣдовательно, Германія тутъ является лишь мѣстомъ *транзита*, а ея собственное засилье здѣсь выражается не больше, какъ процентами 15-ю. Между тѣмъ, среди всего экспорта изъ Германіи въ Россію, товары этой группы составляютъ почти дѣлую четверть. Во-вторыхъ, важнѣйшую категорию нашего заграничнаго ввоза составляютъ жизненные припасы: здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ чай (40 милл.), затѣмъ сельдь,

кофе, апельсины, лимоны и шипучья вина; все это также въ огромномъ количествѣ идетъ къ намъ *черезъ* Германію и составляетъ 9,3% «германскаго» ввоза; но понятно, что нѣмецкая промышленность тутъ совершенно не при чемъ. — Третья важнѣйшая категория—руды, металлы и металлическія издѣлія, напротивъ, на 60% поставляются именно Германіей; эта группа товаровъ составляетъ цѣлую треть всего германскаго вывоза въ Россію; нѣмецкаго засилья во всякомъ случаѣ надо искать по преимуществу здѣсь. Но изъ чего именно состоитъ эта категория германскаго ввоза? Большую часть ея составляютъ, конечно, всякаго рода машины, ихъ части, аппараты, инструменты, приборы, предназначенные для дальнѣйшаго производства; изъ предметовъ же непосредственнаго потребленія здѣсь наибольшее значеніе имѣетъ жестяная и эмалированная посуда (4 мил.), музыкальные инструменты (5,2 м.) и автомобили (1,8 м.). — Затѣмъ, замѣтную роль въ германскомъ привозѣ къ намъ играетъ кожа и химическіе продукты. Остальныя категории нѣмецкаго импорта въ Россію занимаютъ уже совсѣмъ скромное мѣсто и относительно, и абсолютно.—Конечно, среди отечественныхъ промышленниковъ всегда найдутся группки, которымъ мозолятъ глаза самые незамѣтные въ общей массѣ продукты нѣмецкаго импорта, перелетѣвшіе черезъ огромный таможенный барьеръ. И, конечно, крики о засильѣ, о рабствѣ и объ интересахъ «всего народнаго хозяйства» будутъ неизбежнымъ результатомъ самой безвредной конкуренціи. Но имѣютъ ли что-либо общее эти крики съ дѣйствительными интересами нашего національнаго капитала?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ же при безпристрастномъ взглядѣ долженъ опѣнить нашъ промышленный капиталъ значеніе германскаго ввоза въ Россію при данномъ, вышеописанномъ его характерѣ и составѣ? Вредитъ-ли онъ развитію нашей индустріи, задерживаетъ ли ея ростъ или способствуетъ ему и является его необходимымъ факторомъ? А [слѣдовательно,—желательно ли этотъ ввозъ продолжить, облегчить, усилить, удешевить? Или его желательно пресѣчь, затруднить и нѣмецкіе продукты удорожить новыми «автономными» ставками? Рѣзкое пониженіе нашихъ пошлинъ или совершенное «открытіе» нашего рынка Германіи—должно ли уничтожить нашу промышленность въ ея цѣломъ, или должно дать толчекъ для ея развитія и процвѣтанія? Какъ надо смотрѣть на все это съ точки зрѣнія нашего національнаго капитала и промышленнаго класса, какъ такового?

Окончательно уяснить себѣ это намъ поможетъ сравнительный учетъ импортируемыхъ нѣмецкихъ товаровъ, предназначенныхъ для непосредственнаго потребленія и для нуждъ промышленности. Такой учетъ, хотя не совсѣмъ точный и схематичный, но все же крайне любопытный, былъ произведенъ г. Мукосѣвымъ въ цитированномъ вышускѣ Рос. Эксп. Палаты. Всѣ пред-

меты нашего импорта изъ Германии разбиты имъ на три категории: средства производства, товары промежуточного типа ¹ и предметы непосредственного потребления. Количественное отношеніе этихъ группъ таково (точно такъ же за 1909 г.).

	Цѣнность въ милл. руб.	% къ итогу.
1) Средства производства	222,2	62,3
2) Товары промежуточного типа	89,6	24,9
3) Предметы потребления	46,6	12,8
Итого	358,4	100,0

Изъ 46,6 милл. ввоза предметовъ *непосредственного потребления* не меньше 30 милл. составляютъ жизненные припасы, созданные не промышленностью и ни въ какой мѣрѣ не опасные для нашего индустриальнаго капитала. Если мы примемъ, что половина товаровъ промежуточного типа идетъ также непосредственному потребителю, то мы получимъ безусловно «нежелательнаго» нашему капиталу нѣмецкаго ввоза на 60-65 милл. руб.; это составитъ не больше одной пятой всего германскаго ввоза. Продукты этого рода, нужные только потребителю, отечественный промышленный капиталъ, какъ таковой, безусловно желаетъ съ нашего рынка устранить, ввозъ ихъ затруднить, цѣны ихъ повысить.—Напротивъ, четыре пятыхъ современнаго германскаго ввоза *ему* необходимы, и этотъ ввозъ желательно облегчить, свой рынокъ для нихъ открыть и цѣны на нихъ понизить.

Правда, промышленность тутъ терзаетъ «внутреннія противорѣчія»: вѣдь отечественный капиталъ также производитъ средства производства, и постольку онъ также желаетъ быть у себя монополистомъ. Но это почти не мѣняетъ дѣла. Во-первыхъ, производители средствъ производства также нуждаются въ материалахъ и орудіяхъ, привозимыхъ, изъ-за границы; во-вторыхъ, потребители средствъ производства, заинтересованные въ ихъ удешевленіи, всегда составляютъ несравненно большіе контингенты промышленниковъ, чѣмъ производители такого рода продуктовъ. Производители угля нуждаются въ наилучшихъ и дешевыхъ машинахъ, а производители машинъ—въ дешевомъ углѣ. Въ дешевомъ топливѣ заинтересована рѣшительно вся промышленность, кромѣ угольныхъ и нефтяныхъ королей. Въ дешевыхъ машинахъ—почти вся, кромѣ ничтожныхъ группъ—или, точнѣе, кромѣ нѣсколькихъ фирмъ—самихъ производителей даннаго вида машинъ; слѣдовательно, вся промышленность

¹ Къ таковымъ относятся многіе животные продукты и издѣлія изъ нихъ, лѣсной товаръ, деревянные и корзинные издѣлія, керамические продукты и т. под. Эта категория иногда служитъ средствами производства, иногда же предметами потребления.

заинтересована въ «открытіи» рынка для ввоза чугуна, желѣза, стали,—и только соотвѣтствующіе короли, которые всѣ наперечетъ, на всю Россію поднимутъ крикъ о гибели «національнаго хозяйства».

Потому-то до войны и считалось трюизмомъ, что нашъ современный протекціонизмъ уже давно перешелъ всѣ границы «покровительства», что уже давно онъ сталъ путями для самой промышленности и тормазомъ производительныхъ силъ страны. Теперь, изъ «натріотическихъ» соображеній, это мнѣніе отмѣнено. Раньше было для всѣхъ очевидно, что наша промышленность безъ иноземнаго ввоза существовать не можетъ, а рѣзкое удешевленіе ввозимыхъ средствъ производства можетъ только развязать ей руки и дать рѣзкій толчекъ ея развитію. Теперь, вслѣдъ за кучкой «объединенныхъ» тузовъ, передовые публицисты и экономисты, либералы и демократы рисуютъ страшныя перспективы, сулятъ «уничтоженіе» нашей промышленности въ результатѣ «открытія» нашего рынка. «Война,—пишетъ П. П. Масловъ,—поставила въ первый разъ страну передъ дѣйствительной опасностью экономическаго засилья со стороны Германіи при побѣдѣ послѣдней. При побѣдѣ Германіи для ея развитога капитализма уничтоженіе русской промышленности... довольно легко. Путемъ уничтоженія нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, германская синдицированная промышленность можетъ быстро уничтожить въ Россіи соотвѣтствующія отрасли...»¹ Какія же это отрасли, сколько ихъ, сколько занято въ нихъ капитала и рабочихъ, на сколько сократится отечественное производство? Хотя бы приблизительно, на глазъ, хотя бы *напримѣръ*? Но ни примѣра нѣтъ ни одного, ни намека на какое-либо доказательство. Заявленія настолько же голословны, насколько отвѣтственны и... вздорны.

Прежде всего, мы видимъ, насколько самому германскому капиталу выгодно уничтоженіе русской промышленности или хотя бы сколько-нибудь замѣтной ея части. Вѣдь это значило бы «уничтожить» 75% собственнаго сбыта въ Россію; импортируя къ намъ на три четверти средства производства, германская промышленность заинтересована въ поддержкѣ, а не въ ослабленіи нашей индустрии. И если бы, въ случаѣ побѣды, намъ былъ *продиктованъ* ею торговый договоръ, то «открытіе» рынка и пониженіе пошлинъ во всякомъ случаѣ было бы произведено съ такимъ расчетомъ чтобы не потрясти покупающаго хозяйственнаго организма и не подорвать собственнаго рынка. Ибо промышленники, импортирующіе въ Россію уголь, заинтересованы въ процвѣтаніи всей промышленности, питаемой имъ; ввозяще чугуна и сталь заинтересованы въ развитіи русскаго машино-

¹ См. «Самозащита», П. 1916, стр. 33.

строения; ввозящія машины—въ развитіи угольной, хлопчато-бумажной и т. д. промышленности.

Но этого мало. Допустимъ, всѣ пошлины будутъ сметены. Означаетъ ли это обязательный подрывъ нашего производства? Уже давнымъ давно установленъ и до войны никѣмъ не оспаривался тотъ фактъ, что протекционизмъ представляетъ изъ себя систему, съ тѣсно связанными между собою частями, взаимно обуславливающими другъ друга. Всѣмъ было извѣстно, что одна пошлина необходимѣ влечетъ за собой другую. А слѣдовательно, и отмѣна одной дѣлаетъ абсолютно безболѣзненной отмѣну другой—безъ малѣйшихъ отрицательныхъ результатовъ для всей отрасли промышленности. Возьмемъ хотя бы производство хлопчатобумажныхъ тканей; эти продукты нужны только потребителямъ, и съ точки зрѣнія капитала ихъ было бы наиболѣе законно изолировать отъ иноземнаго засилья; право мануфактурныхъ королей вопить о запретительномъ тарифѣ не будетъ оспаривать ни одна промышленная группа. И дѣйствительно, отмѣна пошлинъ на мануфактуру сильно подорвала бы эту отрасль отечественнаго производства: издержки производства сравнительно съ германскими у насъ слишкомъ велики. Но уничтожьте также пошлины на хлопокъ, машины и топливо. Условія хлопчатобумажнаго производства тогда, вѣроятно, даже улучшатся сравнительно съ настоящими; а кромѣ того, рынокъ для нихъ, благодаря ихъ рѣзкому удешевленію, сильно расширится.

Точно также нисколько не понизятся шансы въ борьбѣ съ иностранной конкуренціей и другихъ отраслей, напр., русскаго машиностроения—при одновременной отмѣнѣ пошлинъ на металлы и уголь. Правда, результатомъ новой конъюнктуры будетъ своего рода «естественный отборъ» предприятий; но онъ будетъ именно источникомъ *силы* нашей промышленности; онъ будетъ связанъ съ рѣшительной рационализацией нашей техники и экономики. Конечно, требованія поддержки и жалобы на плохія дѣла, на непосильную конкуренцію никогда не могутъ прекратиться, ибо онѣ въ «природѣ вещей»; и одна группа промышленниковъ будетъ толкать другую къ принятію протекционистской программы. Но меньше всего въ этихъ жалобахъ и въ современномъ ультра-протекционизмѣ можно видѣть дѣйствительные интересы всего нашего торгово-промышленнаго класса.

Все выше сказанное отнюдь не имѣетъ цѣлью подорвать самый принципъ протекционизма, какъ законной основной тенденціи экономической политики промышленнаго капитала. Во многихъ случаяхъ, при иномъ характерѣ товарнаго обмѣна государствъ, при иномъ соотношеніи ихъ экономическихъ структуръ, при иныхъ основаніяхъ тарифной системы, картина иноземнаго засилья не имѣетъ ничего общаго съ выше описанной. И въ такихъ случаяхъ, изолированіе собственнаго рынка можетъ

считаться вполне рациональной программой промышленного капитала. У нас же подобная тенденция—«о двухъ концахъ»; и нашему промышленному классу было бы выгоднѣе скорѣе «открыть» свой рынокъ, чѣмъ еще болѣе загородить его отъ иностраннаго ввоза или сохранить status quo. Вѣдь война и измѣненіе тарифа сами по себѣ не могутъ измѣнить народно-хозяйственнаго строенія государствъ, не могутъ ввести ихъ въ новыя стадіи, въ новыя фазы экономическаго развитія; и самый характеръ нашего заграничнаго товарнаго обмѣна послѣ войны, какъ бы она ни кончилась, конечно, останется прежнимъ. А слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, чтобы наша промышленная буржуазія, въ настоящій періодъ нашего капиталистическаго развитія, имѣла какой-либо матеріальный интересъ въ вооруженной защитѣ отъ германскаго капитала нашего внутренняго рынка. Эти интересы могутъ такъ же мало послужить къ объясненію русско-германской войны, какъ и наши имперіалистскіе интересы въ чужихъ краяхъ.

* * *

Но допустимъ, что все сказанное совершенно невѣрно. Повѣримъ досужимъ людямъ и кучкѣ «объединенныхъ» магнатовъ, что наша цѣль въ войнѣ — дѣйствительно отстоять «независимость» отечественной индустрии, т. е. предоставить весь нашъ внутренній рынокъ произволу сотни промышленныхъ королей. Повѣримъ имъ и сбитымъ съ толку экономистамъ, что «интересъ Россіи» въ міровой войнѣ дѣйствительно заключается въ обезпеченіи этимъ королямъ нераздѣльнаго господства надъ обывателемъ и всѣмъ народнымъ хозяйствомъ. Спрашивается, *осуществима ли* подобная цѣль? Можетъ ли имѣть подобные результаты война при самомъ благопріятномъ ея исходѣ? Мы должны вспомнить о тѣхъ общихъ международныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы боремся съ Германіей. Намъ уже извѣстно, какое мѣсто въ міровомъ конфликтѣ занимаютъ его остальные главнѣйшіе участники, Англія и Франція, и какіе интересы онѣ преслѣдуютъ въ настоящей войнѣ. Мы знаемъ, что наша родина является не только субъектомъ, но и объектомъ международнаго спора. Русскій рынокъ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе лакомыхъ кусковъ для всѣхъ странъ «высокаго капитализма»; и настоящая вооруженная борьба между этими странами есть въ огромной степени борьба *за русскій рынокъ*, за «овладѣніе» имъ, за «вліяніе» на немъ. Это было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ міроваго конфликта при самомъ его зарожденіи; это и сейчасъ, въ разгарѣ войны, способно оказать первостепенное вліяніе на длительность и напряженность борьбы.

Промышленный капиталъ Англіи и Франціи нынѣ лихорадочно готовится къ тому, чтобы занять мѣсто Германіи на всѣхъ

ея внѣшнихъ рынкахъ и въ томъ числѣ въ Россіи. Съ самаго начала войны объ этомъ не перестаетъ говорить вся союзная пресса. Война, однако, не создала такого настроенія, а скорѣе была создана имъ. Война только развязала языки и обнаружила истинныя стремленія западноевропейской буржуазіи. Специальныя мѣры къ укрѣпленію союзниковъ на русскихъ рынкахъ стали разрабатываться съ первыхъ же мѣсяцевъ войны. Сначала все эти планы были густо окутаны *политическимъ* флеромъ и проводились въ плоскости борьбы съ «германизмомъ». Затѣмъ, чисто экономическая ихъ сущность стала обнаруживаться уже безо всякихъ прикрасъ. И въ настоящее время мы ежедневно слышимъ уже ничѣмъ не прикрытыя заявленія о «неограниченныхъ возможностяхъ» англо-французскаго капитала въ Россіи. Смыслъ этихъ заявленій совершенно ясенъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинномъ видѣ. — При встрѣчѣ (текущаго) Новаго года въ англійской колоніи Петрограда, британскій посолъ, Д. Бьюкененъ, произнесъ извѣстную рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ такъ: «Объ наши страны участвуютъ въ борьбѣ на жизнь и смерть. Объ наши страны борются за свое существованіе и за свободу въ качествѣ независимыхъ націй и за великіе принципы правды и справедливости; и тѣ жертвы, которыя мы принесли, являлись фундаментомъ прочнаго союза. Однако, вершина зданія должна быть еще закончена, и для того, чтобы это зданіе могло противостоять всеъмъ бурямъ въ будущемъ, оно должно быть сооружено изъ крѣпкаго камня общихъ интересовъ. Въ нашихъ матеріальныхъ вѣкъ тѣсныя торговыя сношенія являются однимъ изъ господствующихъ факторовъ въ области международной политики. И въ интересахъ обихъ государствъ, какъ Россіи, такъ и Великобританіи, соорудить барьеръ противъ мирнаго проникновенія Германіи и противъ захватовъ ею торговли. Русская имперія являетъ собой огромный рынокъ для сбыта всехъ видовъ англійскихъ товаровъ. Я не желаю бы ни одной минуты дать поводъ думать, что я хочу сказать, чтобы Великобританія эксплуатировала въ коммерческомъ отношеніи Россію такъ, какъ это дѣлала Германія въ прошломъ; но я желаю сказать, что англо-русскія коммерческія отношенія должны быть координированы въ смыслѣ, выгодномъ для обихъ сторонъ. Я настаиваю на необходимости отвоеванія нами русскаго рынка отъ германцевъ исключительно въ интересахъ коммерческихъ, но потому, что я желаю продлить и упрочить англо-русскій союзъ»...

Положеніе оратора обязывало его къ самымъ изысканнымъ «эвфемизмамъ», но тѣмъ не менѣе смыслъ его рѣчи кристально ясенъ. Другіе, въ другомъ положеніи, выражаются прямѣе и кон-

кретиѣ. Вотъ г. Робертъ Дональдъ, редакторъ «Daily Chronicle», слова котораго наши «Рус. Вѣдомости» склонны «понимать какъ officialныя». «Мы горды биться вмѣстѣ,—говорилъ г. Дональдъ.—И мы будемъ еще болѣе горды и счастливы работать рука объ руку во время мира». Но какимъ путемъ будетъ достигнуто болѣе тѣсное сближеніе?—«Путемъ торговыхъ сношеній. Между обѣими имперіями должна установиться экономическая близость и пониженныя пошлины. Пониженіе пошлинъ приведетъ къ болѣе оживленнымъ сношеніямъ. А оживленныя сношенія между Британіей и Россіей приведутъ къ дружбѣ. Понявъ другъ друга, мы дѣлаемся друзьями». ¹ Коротко, ясно и краснорѣчиво. Подобныхъ заявленій, какъ съ англійской, такъ и съ французской стороны можно было бы привести десятки. Они совершенно опредѣленно выражаютъ настроенія, мечты и дѣйствительныя цѣли союзной буржуазіи. ²

Но само собой разумѣется, что дѣло не ограничивается настроеніями. Мечты воплощаются. Мнѣ уже пришлось цитировать въ другомъ мѣстѣ экономическій планъ Times'a, развитой въ «русскомъ приложеніи» къ нему за 1915 г.; наряду съ полной изоляціей Германіи, тамъ предполагается радикальный пересмотръ русской таможенной системы для Англии, взаменъ той финансовой поддержки, какую намъ оказала Англія во время войны. Пришлось мнѣ отмѣтить и совершенно тождественные практическіе шаги французскаго правительства и парижской торговой палаты. Затѣмъ, англійское министерство торговли

¹ «Рус. Вѣд.» отъ 18 февр. 1916 г.

² Или вотъ, напр., «предложеніе» извѣстнаго д-ра Диллона... «Я хочу предложить, — говоритъ онъ,—чтобы державы согласія установили для ввозимыхъ къ нимъ продуктовъ двоякія тарифы: низкія пошлины (или отсутствіе всякихъ пошлинъ) для товаровъ, ввозимыхъ изъ союзныхъ государствъ, и *гораздо* болѣе высокія пошлины для товаровъ, ввозимыхъ изъ другихъ государствъ (не принадлежащихъ къ экономическому союзу). Противъ этого нововведенія могутъ возразить, что оно означаетъ уничтоженіе свободной торговли и возвращеніе къ системѣ, къ которой большинство британскаго народа относится враждебно. На это можетъ быть простой отвѣтъ: «обстоятельства сильнѣе теоріи»... Такъ докторъ Диллонъ парируетъ *англійское* возраженіе противъ *изоляции отъ Германіи* возведеніемъ вокругъ Британіи таможенной стѣны. Онъ игнорируетъ, однако, *русское* возраженіе противъ экономическаго *союза* «низкихъ пошлинъ» или «отсутствія всякихъ пошлинъ». Д-ръ Диллонъ, очевидно, рассчитываетъ, что здѣсь также «обстоятельства будутъ сильнѣе»—если не теорій, то стремленій русскихъ господствующихъ классовъ. — Д-ръ Диллонъ, однако, авторъ весьма авторитетный. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это на него опирался г. Милюковъ (и его органъ «Рѣчь»), когда онъ снова счелъ нужнымъ смущать обывателя голословными заявленіями о какомъ-то англо-русскомъ соглашеніи насчетъ проливовъ. Удивительное дѣло, отвѣтственный руководитель внѣшней политики, министръ иностр. дѣлъ Сазоновъ, находясь тутъ же, ничѣмъ не подтверждаетъ этого. «Отвѣтственная» же оппозиція и ея печать снова и снова твердятъ объ этомъ. Охъ, если бы и въ самомъ дѣлѣ [были средства сдѣлать ее отвѣтственной!..

выпустило обширный «Меморандумъ о ввозной торговлѣ въ Россію», намѣчающій уже официально, хотя и «конфиденціально»¹, планъ дѣйствій для овладѣнія русскимъ рынкомъ; основная мысль документа заключается въ томъ, что «настоящее время особенно благопріятствуетъ попыткамъ великобританскихъ промышленниковъ занять мѣсто Германии въ импортной торговлѣ Россіи; послѣ войны, можетъ быть, будетъ слишкомъ поздно». Меморандумъ предусматриваетъ цѣлый рядъ нашихъ внутреннихъ экономическихъ реформъ въ интересахъ англійскаго ввоза: усовершенствованіе дѣлопроизводства въ нашихъ коммерческихъ судахъ, реформу закона о гербовомъ сборѣ, почтовыхъ правилъ, таможеннаго устава; главное же — необходимо пониженіе таможенныхъ ставокъ, такъ какъ «таможенный тарифъ является одной изъ главныхъ причинъ сравнительно незначительнаго англійскаго экспорта въ Россію». Въ такихъ чертахъ рисовалась наша будущая экономическая независимость официальной Англійи уже много мѣсяцевъ назадъ.

Въ настоящее время вопросъ зашелъ гораздо дальше по пути теоретической разработки и практическаго осуществленія. И въ общей, и въ специальной печати читатели теперь чуть не ежедневно встрѣчаютъ сообщенія и статьи о будущемъ «таможенномъ объединеніи» союзниковъ. Планъ будущаго экономическаго союза разрабатывается въ спѣшномъ порядкѣ. Основы этого «экономическаго сближенія» или таможеннаго союза должна выработать специальная экономическая конференція въ Парижѣ. Смыслъ же его, помимо изоляціи побѣжденной Германии, совершенно ясенъ и можетъ быть только одинъ: «открытіе» русскаго рынка «высокому» промышленному капитализму западныхъ странъ. Осуществленію всѣхъ этихъ плановъ союзники придаютъ значеніе чрезвычайное. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы недавняя статья Times'a, резюме которой было (5-го марта) передано по телеграфу въ петроградскую печать: «Times, обсуждая значеніе союзной экономической конференціи, которая соберется въ Парижѣ, заявляетъ, что если державы согласія рѣшатъ теперь настойчиво проводить политику единенія, то существуютъ основанія думать, что такое рѣшеніе можетъ содѣйствовать сокращенію продолжительности войны»².

Какъ же смотреть на всѣ эти планы, какъ оцѣниваетъ эти перспективы нашъ русскій промышленный капиталъ? — Долгое время наше «общественное мнѣніе» не отдавало себѣ никакого отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, — подобно тому,

¹ Документъ составленъ не для опубликованія и составляетъ собственность правительства Его Величества. См. «Пром. и торг.», № 29, 1915 г.

² «Таймс», 6-е марта 1916 г.

какъ оно не вникало въ истинный смыслъ и происхождение всей мировой катастрофы. Но затѣмъ тайное для него стало явнымъ. И когда дѣло дошло до прямыхъ предложеній («объединиться»), русская буржуазная печать естественно забила тревогу. Особо заинтересованный, синдицированный и трестированный, крупнейшій капиталъ устами «Промышленности и Торговли» очень скоро разъяснилъ, что слѣдуетъ понимать подъ проектируемымъ «экономическимъ сближеніемъ», подъ «преимущественнымъ тарифомъ для союзниковъ» и подъ «мѣрами предосторожности противъ наплыва нѣмецкихъ товаровъ послѣ заключенія мира». И само собой разумѣется, что органъ «объединеннаго капитала» опредѣленно возсталъ противъ объединительныхъ тенденцій со странами «высокаго капитализма»: «отождествленіе таможеннаго союза съ политическимъ,—читаемъ мы въ этомъ органѣ,—требующее коренной ломки торгово-политическихъ системъ Россіи и Англіи, представляется намъ нежелательнымъ въ интересахъ Россіи и фактически неосуществимымъ. Мы полагаемъ, что парижская конференція дастъ толчекъ къ возможно большому экономическому сближенію державъ антигерманской коалиціи и найдетъ для этого общія мѣры; но представители Россіи дѣйствовали бы вопреки нашимъ экономическимъ интересамъ, если, одушевившись чисто политическими задачами, высказались бы въ пользу таможеннаго союза»¹.

Тревога пошла по всей прессѣ, представляющей отечественный капиталъ. Органы, менѣе официальные и болѣе «одушевленные политическими задачами», хотя и смягчали свою оппозицію «политической» фразеологіей, но все же были единодушны. «Идея экономическаго сближенія,—пишутъ «Рус. Вѣдом.»,—между странами согласія пріобрѣтаетъ все новыя, подчасъ неожиданныя формы... Совершенной утоніей представляется проектъ таможеннаго союза между странами такой рѣзко различной экономической структуры, какъ Англія, Франція и Россія. Для Россіи подчиниться въ области внѣшней торговли точкѣ зрѣнія и интересамъ высоко развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, значитъ принести въ жертву свои существенные интересы. Да и принципиально нельзя согласиться на то, чтобы во имя коммерческой борьбы съ промышленнымъ экспортомъ Германіи, которая можетъ принести пользу только нашимъ союзникамъ, Россія подчинила себя контролю послѣднихъ. Въ конференціяхъ по вопросамъ торговой и таможенной политики голосъ Россіи, отличный отъ голоса союзниковъ въ силу особенностей хозяйственнаго быта, всегда будетъ подавленъ единодушнымъ голосомъ прочихъ союзниковъ, и въ результатѣ

¹ См. № 4 за 1916 г. «О таможенномъ союзѣ» г. Я. Букшпана, а также № 6. ст. В. Штейна.

отъ всей этой политической комбинаціи пострадаютъ только интересы Россіи». И московская газета даже повторяетъ примѣнительно къ союзникамъ страшныя слова П. П. Маслова, сказанныя по отношенію къ Германіи: «объединить таможенныя границы значитъ убить промышленность болѣе отсталой Россіи; такимъ образомъ, говорить о возможности таможенного союза въ истинномъ смыслѣ этого понятія—прямое недоразумѣніе»¹. — «Намъ нужна теперь, — вторитъ петроградская, болѣе «политичная» «Рѣчь», — не замѣна одной экономической гегемоніи другою. Намъ нужна свобода нашего экономического развитія, и мы склонны думать, что въ сотрудничествѣ съ нашими союзниками въ области экономической политики мы именно и добьемся созданія международной обстановки, способной наилучшимъ образомъ обезпечить намъ эту свободу»².

Пробоваль утѣшать нашихъ промышленниковъ въ «Русскомъ Словѣ» г. Гольдштейнъ, — называя вещи своими именами: «опасаются, — писалъ онъ, — какъ бы нѣмецкое засилье не превратилось въ засилье британское или засилье союзниковъ. Насколько неосновательны такого рода опасенія, видно изъ того факта, что тогда какъ русскій ввозъ изъ Германіи или черезъ Германію достигалъ за послѣдніе годы почти половины цѣнности всего ввоза въ Россію, ввозъ изъ Англіи едва превосходилъ 13%, т. е. былъ въ 4 раза меньше». Но все это очень легко и справедливо парируется «Пром. и Торговлей»: вѣдь 13% Англія ввозила при огромныхъ ставкахъ нашего тарифа и при германской конкуренціи; дѣло совершенно измѣнится [и Британія дѣйствительно займетъ мѣсто Германіи въ условіяхъ таможенного союза. «Въ то время какъ Англія, эта классическая страна фритредерства, готовится къ введенію покровительственнаго таможенного тарифа (по отношенію къ Германіи), г. Гольдштейнъ, сторонникъ таможенного союза, повидимому, находитъ, что Россія созрѣла для свободной торговли». Ибо что же, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ таможенный союзъ, какъ не свободу союзнаго ввоза въ Россію? «То, что Россія будетъ ограждена таможеннымъ барьеромъ отъ странъ, не входящихъ въ союзъ, утѣшеніе не изъ большихъ: это, правда, можетъ предохранить Россію отъ наводненія ея товарами изъ этихъ странъ; но съ тѣмъ [большимъ] успѣхомъ Россія будетъ наводняться изъ странъ, объединенныхъ въ союзъ, а для промышленнаго развитія страны совершенно безразлично, каково происхожденіе *иностранныхъ* товаровъ».³

Въ результатѣ всего этого мы слышимъ голоса, что на париж-

¹ См. передовицу «Рус. Вѣд.» отъ 2 марта тек. года.

² См. передовицу отъ 17 марта с. г.

³ См. «Пром. и Торг.», № 23 за 1915 г.

ской конференціи намъ дѣлать, собственно, нечего и ѣхать намъ туда не съ чѣмъ ¹, что «мы должны *вмѣстѣ бить* нѣмцевъ въ великой войнѣ, *врозь идти* по своимъ собственнымъ, независимымъ путямъ торговой политики» ². А нашъ официальный авторитетъ и, въ частности, предсѣдатель русской группы междуна- парламентской торговой конференціи, В. И. Тимирязевъ, высказа- залъ не такъ давно слѣдующее мнѣніе, глубоко справедливое по существу, но идущее совершенно вразрѣзъ съ основными тенден- циями современности: «не путемъ таможенныхъ заставъ слѣдуетъ бороться съ нашими врагами; бороться нужно... путемъ примѣ- ненія нашими союзниками, у которыхъ промышленность развита болѣе, чѣмъ у насъ, тѣхъ же средствъ, благодаря которымъ Гер- манія мирнымъ путемъ завоевала рынки. Долговременное же пребываніе на положеніи таможенной войны не укрѣпляло бы атмосферу мира, а наоборотъ вынуждало бы всѣ государства снова усиленно готовиться къ войнѣ». ³

* * *

Спрашивается — правильно ли оцѣниваютъ положеніе дѣлъ представители отечественнаго капитала? — Безусловно правильно въ той части, которая касается проектовъ изоляціи Германіи, лишенія насъ права заключать самостоятельно торго- вые договоры и свободно выбирать для себя иностранные рынки. Въ самомъ дѣлѣ, прекращеніе торговыхъ сношеній съ Германіей совершенно невыносимо для насъ, хотя бы потому, что наше сельское хозяйство лишилось бы тѣмъ самымъ колоссальнаго внѣшняго рынка. Пусть нашъ сельскохозяйственный экспортъ не нуждается въ форсированіи, въ создани болѣе выгодныхъ для него условий, чѣмъ были до войны; пусть при настоящемъ уровнѣ нашей агрикультуры намъ выгодна даже нѣкоторая задержка хлѣбнаго вывоза съ точки зрѣнія потребительскихъ массъ. Но радикальная мѣра пресѣченія, о которой говорятъ въ союзной прессѣ, все же совершенно неприемлема. Вѣдь ни Франція, ни Англія ни въ какой мѣрѣ не смогутъ замѣнить Германію ни для сельскаго хозяйства, ни для *платежнаго ба- ланса* Россіи; ибо въ «таможенный союзъ», конечно, должны войти и колоніи — поставщики сельскохозяйственныхъ продук- товъ. Да и вообще насильственный внезапный разрывъ съ нашимъ главнымъ заграничнымъ контрагентомъ сулитъ нашему народ- ному хозяйству чрезвычайныя затрудненія. Въ этой части кри- тика союзныхъ «объединительныхъ» плановъ совершенно пра- вильна.

¹ Такого рода заявленіе, напр., депутата Бубликова было приведено въ «Финансовой Газетѣ».

² «Новыя программы торг. политики», «Пром. и Торг.», №20, 1915 г.

³ См. «Утро Россіи», отъ 17 янв. 1916 г.

Гораздо менѣе правъ нашъ промышленный капиталъ, даже со своей точки зрѣнія, когда онъ кричитъ о своей гибели въ результатѣ «открытія» русскаго рынка союзникамъ. Объ англо-французскомъ «засильѣ» надо сказать въ общемъ то же, что было выше сказано о германскомъ. Однако, здѣсь необходимы оговорки. Во-первыхъ, въ принципѣ—одно дѣло свобода выбора заграничнаго продукта при равныхъ условіяхъ конкуренціи ¹, а другое дѣло — искусственная монополія на русскомъ рынкѣ опредѣленныхъ странъ и необходимость обязательнаго пользования ихъ продуктами. Во-вторыхъ, на дѣлѣ, какъ говорилъ на недавнемъ сел.-хоз. съѣздѣ помощникъ управляющаго отдѣломъ торговли, г. Бородавскій, «произведенія фабрично-заводской промышленности Германіи врядъ-ли могутъ быть замѣнены произведеніями Англии и Франціи, болѣе дорогими и менѣе приспособленными къ нашимъ требованіямъ». ² При такихъ условіяхъ, международное экономическое положеніе Россіи существенно измѣняется къ худшему—въ результатѣ той системы которую предполагается установить послѣ войны и разгрома Германіи. Во всякомъ случаѣ ясно: нашъ промышленный капиталъ, при такихъ условіяхъ, рѣшительно ничего не вывезетъ отъ грядущихъ перемѣнъ въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Если не будетъ Германіи, то ея будетъ пусто.

И нельзя не изумляться тому отсутствію ср той—если угодно—отсталости отъ современныхъ настроеній, какую проявляетъ, подъ типично напр., заслуженный марксистскій экономистъ. Въ своей новой брошюрѣ (уже 1916 года) онъ на разницу нашихъ взаимоотношеній съ Германіей, Франціей, Бельгіей, — говоритъ онъ, Россію не столько товары, сколько капиталы; и если войны «удесятерять этотъ ввозъ», то ничего для насъ кромѣ пользы. Германія же ввозила главнѣе и «при своей побѣдѣ будетъ ввозить нѣчто». Послѣ всего сказаннаго намъ нѣтъ въ всѣхъ этихъ разсужденіяхъ. Но неопытность ихъ, имѣя всѣ вышеописанные факты, стоятельность этихъ разсужденій, впрочемъ, что самъ Масловъ невольно переноситъ въ плоскость. Между Германіей и странами, о которыхъ онъ говоритъ, разница та, что «торговые договоры которыми не могутъ быть по отношенію къ

¹ Для Англии, Франціи и Германіи у насъ до войны былъ таможенный тарифъ, такъ какъ всѣ эти страны имѣли право наибольшаго благопріятствованія.

² Цит. по «Рѣчи», № 55, за 1916 г.

ни Англія, предполагаютъ равенство договаривающихся сторонъ». ¹ Если Масловъ заботится о нашемъ національномъ достоинствѣ, о нашемъ государственномъ суверенитетѣ, то это дѣлаетъ, конечно, честь его патриотизму. Но это уже выходитъ изъ сферы экономики и нашихъ матеріальныхъ интересовъ... Однако, неужели Масловъ въ серьезъ говоритъ о «равенствѣ» и свободѣ договора? Неужели извѣстные ему факты не напоминаютъ о сердечной дружбѣ глинянаго горшка съ чугуннымъ котломъ? Вѣдь знаетъ же онъ, что всѣ требуемыя льготы рассматриваются какъ лежащія на Россіи обязательства, расцѣниваются, по выраженію Times'a, «въ свѣтѣ той финансовой поддержки, какую союзники оказали Россіи при веденіи войны»... Ну, какъ же, вмѣстѣ съ нашимъ корреспондентомъ, «недоумѣвающимъ старичкомъ», не воскликнуть: милые, родные Фирсы! Не на васъ ли, умиленно лобызающихъ карающую длань, лежитъ вся надежда въ мировой борьбѣ за истину и справедливость! Одно только сомнительно: можно ли, дѣйствительно, ввѣрить вамъ защиту чьего либо достоинства и права?..

Итакъ, мы можемъ сдѣлать выводъ изъ всего предыдущаго. можемъ разюмировать,—каковы же интересы нашего торгово-промышленнаго класса въ настоящей русско-германской войнѣ. Мы видѣли, что вопреки вѣчнымъ и неизбѣжнымъ жалобамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ группъ на иноземное засилье, нашъ национальный промышленный капиталъ, взятый въ цѣломъ, нельзя считать заинтересованнымъ въ усиленномъ протекціонизмѣ; въ частности, благодаря рѣшительному преобладанію средствъ производства въ общей суммѣ германскаго ввоза въ Россію, наша промышленная буржуазія заинтересована скорѣе въ развитіи и облегченіи импорта изъ Германіи, а не въ затрудненіи его, не въ «закрытіи» нашего внутренняго рынка и даже не въ сохраненіи status quo; германскій же капиталъ несравненно больше заинтересованъ въ ростѣ и процвѣтаніи покупающей у него русской промышленности, чѣмъ въ ея ослабленіи и уничтоженіи. Но если бы, въ результатѣ войны, нашъ рынокъ былъ совершенно изолированъ отъ германскаго ввоза, этимъ ни въ какой мѣрѣ не могло бы быть достигнуто то положеніе, которое называется у насъ «независимостью экономическаго развитія» (свободой отъ иноземнаго засилья); съ одной стороны, безъ огромнаго заграничнаго импорта безусловно не можетъ существовать наша промышленность въ настоящій періодъ ея развитія, съ другой стороны, союзныя намъ страны имѣютъ первостепенный интересъ въ томъ, чтобы занять на русскомъ рынкѣ мѣсто Германіи и имѣютъ въ своемъ распоряженіи средства достигнуть этого. А, слѣдовательно, русскій промышленный

¹ «Война и демократія». М. 1916.

капиталь, на своемъ внутреннемъ рынкѣ, не можетъ считаться матеріально заинтересованнымъ въ исходѣ войны. Нашъ торгово-промышленный классъ, какъ таковой, слишкомъ мало можетъ потерять и выиграть въ зависимости отъ военно-политическихъ результатовъ происходящей борьбы. И матеріальные интересы нашей буржуазіи, мы никакъ не можемъ привлечь къ объясненію сущности русско-германскаго конфликта и его происхожденія. Нашъ торгово-промышленный классъ, подобно другимъ группамъ населенія, имѣетъ въ этой войнѣ совсѣмъ иные интересы—чисто политическіе, государственные, національные,—вообще «идеологическіе», невѣсомые интересы; *они* могутъ не допускать, чтобы, въ частности, какія бы то ни было экономическія нормы навязывались намъ силой оружія. Но это уже совсѣмъ иное дѣло. Матеріальныхъ же, *классовыхъ, экономическихъ* интересовъ—и на внутреннемъ рынкѣ, какъ на внѣшнихъ, у нашей буржуазіи нѣтъ.

* * *

Надо ли намъ долго останавливаться на выясненіи интересовъ *другихъ классовъ*?.. Какія нормы нашей внутренней экономической политики защищаютъ въ войнѣ съ Германіей наши аграріи, крестьяне, рабочіе?

О противорѣчій интересовъ промышленности и сельскаго хозяйства по отношенію къ нашему торговому договору достаточно писалось до войны. Ясно, что наше сельское хозяйство не только не нуждается въ защитѣ отъ иностранной конкуренціи, но въ высшей степени заинтересовано въ «открытіи» нашего рынка для заграничнаго ввоза. Въ томъ же 1909 году, мы купили за границей однѣхъ только сельскохозяйственныхъ машинъ и ихъ частей почти на 32 милл. руб.; изъ этой суммы 53% было привезено изъ Германіи. Въ этихъ продуктахъ наше отсталое земледѣліе нуждается чрезвычайно, и ввозъ ихъ растетъ въ огромной прогрессіи. Кромѣ того, наши сельскіе хозяева покупаютъ за границей, главнымъ образомъ въ Германіи, не меньше, какъ на 5 милл. руб. разнаго рода удобрительныхъ туковъ. Понятно, что дешевизна всѣхъ этихъ сельскохозяйственныхъ средствъ производства крайне желательна для нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, какъ производителей; затрудненіе же доступа этихъ товаровъ въ Россію такъ же невыгодно имъ, какъ и иностраннымъ экспортерамъ. Никакого противорѣчія экономическихъ интересовъ между Россіей и Германіей здѣсь нѣтъ.

Что касается интересовъ *рабочихъ*, то здѣсь было бы неумѣстно ставить во всемъ объемѣ вопросъ объ отношеніи ихъ къ протекціонизму и свободѣ торговли. Но во всякомъ случаѣ невозможно оспаривать, что пролетаріатъ, какъ *производящій* классъ, вообще неизмѣримо меньше заинтересованъ въ «покро-

вительствѣ» индустри, чѣмъ классъ предпринимателей. Слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о какихъ-либо его *материальныхъ* выгодахъ, хотя бы и при самомъ благоприятномъ исходѣ войны.

Но рабочіи классъ имѣетъ свои опредѣленные интересы, какъ *потребитель*. Эти интересы имѣетъ и крестьянство, и вся демократія, и всѣ другіе классы нашего населенія. Въ чемъ заключаются интересы потребительныхъ массъ Россіи, также совершенно ясно и не подлежитъ спору: они заключаются въ удешевленіи всѣхъ продуктовъ вообще, и при томъ рѣзкомъ подъемѣ цѣнъ, который наблюдается въ послѣдніе годы—въ частности. Борьба съ дороговизной есть лозунгъ *всеобщій, законный* и вполне *реальный*. И онъ требуетъ также свободы ввоза,—т. е. нарушенія нашего экономического status'a, измѣненія нашей таможенной системы—въ сторону, не противорѣчащую ни интересамъ заграничныхъ контрагентовъ, ни интересамъ нашего народнаго хозяйства, взятаго въ цѣломъ.

Единственный изъ нашихъ экономистовъ, взявшій на себя трудъ «опровергнуть» такую точку зрѣнія, П. П. Масловъ, назвалъ ее «чисто обывательско-потребительской точкой зрѣнія». Русский потребитель,—пишетъ онъ,—заинтересованъ въ удешевленіи производимыхъ въ странѣ товаровъ, и, повидимому, ему выгодно немедленное и безусловное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ, т. е. то, чего добивается германская буржуазія. Но это кажется только при поверхностномъ взглядѣ на вопросъ. Въ дѣйствительности, русский потребитель, русская демократія заинтересована въ удешевленіи продуктовъ производства *при сохраненіи и развитіи русской промышленности*. Т. е. пониженіе таможенныхъ пошлинъ должно происходить такимъ образомъ, чтобы это не только не убило ея, а давало бы ей толчекъ для дальнѣйшаго развитія... «Борьба съ протекціонизмомъ была и будетъ необходима не предоставленіемъ иностранному капиталу эксплуатировать обывателя-потребителя (?!) путемъ уничтоженія туземной промышленности, а ослабленіемъ таможенной охраны, борьбой заинтересованныхъ силъ внутри страны, ослабленіемъ таможенныхъ стѣнъ до полного ихъ уничтоженія въ процессѣ хозяйственнаго развитія. Обыватель-потребитель мало интересуется этимъ процессомъ,—ему нужно дешево купить»...¹

Разсужденія эти совершенно правильны, поскольку они пытаются ввести потребителя въ кругъ народно-хозяйственныхъ интересовъ: безспорно, необходимо сохраненіе и развитіе русской промышленности. Дѣло, однако, въ томъ, что между этой предпосылкой и выводами нашего автора нѣтъ ни малѣйшей связи.

¹ См. «Самозащита», стр. 33—34, и «Война и демократія», М. 1916, стр. 24—25.

Цитированныя слова высоко знаменательны тѣмъ, что здѣсь впервые наша демократическая мысль уже вполнѣ открыто вступаетъ на путь «умѣреннаго» протекціонизма и присоединяется къ позиціи національ-либеральныхъ экономистовъ, г.г. Соболева, Туганъ-Барановскаго и др., выступающихъ противъ *эксессовъ* нашей таможенной системы. Но чтобы сдѣлать этотъ отвѣтственный шагъ, Маслову было обязательно мобилизовать всѣ свои знанія и способности и съ фактами въ рукахъ опровергнуть все то, что было изложено на предыдущихъ страницахъ. ! Вѣдь тамъ были изложены довольно старыя истины, только хорошо забытыя въ военную эпоху. На Масловѣ лежало тяжелое бремя самаго тщательнаго доказательства. Онъ же, ограничившись жу-пеломъ объ «уничтоженіи», не сдѣлалъ въ этомъ направленіи *ничего*, абсолютно ничего. И не благодарять его въ недалекомъ будущемъ тѣ, кто среди смятенія умовъ на слово повѣрилъ его авторитету.

* * *

Итакъ ни одинъ классъ населенія Россіи, ни все наше народное хозяйство въ цѣломъ—не преслѣдуетъ въ борьбѣ съ Германіей никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Война тутъ ничего не можетъ дать. Въ области матеріальныхъ интересовъ война несетъ намъ однѣ жертвы, но не выгоды. И совершенно невозможно объяснить самое происхожденіе русско-германской войны столкновеніемъ чьихъ-либо матеріальныхъ интересовъ въ Германіи и Россіи. Въ міровой войнѣ, какъ мы знаемъ, рѣшается споръ между западными странами «высокаго капитализма»; и въ эту войну нашу родину, очевидно, втянули иныя силы, не экономического порядка.—Что же это за силы? Почему же мы воюемъ и выносимъ на себѣ главную тяжесть борьбы? Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Ник. Сухановъ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЦАРСТВО.

Почему мы не умѣемъ смѣяться?..

То есть, какъ это «мы не умѣемъ смѣяться»?—удивится читатель. Чего другого, а смѣха намъ, кажется, не занимать стать. Съ тѣхъ иоръ, какъ начался, такъ называемый, «гоголевскій періодъ» нашей литературы и жизни, мы только и дѣлаемъ, что смѣемся,— смѣемся, зачастую, до коликъ, до слезъ, по самымъ разнообразнымъ новодамъ и въ самыхъ различныхъ смыслахъ. Поистинѣ, область смѣха нигдѣ не разработана столь основательно и всесторонне, какъ въ нашей странѣ.

«У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева», рассказываетъ лейтенантъ Жевакинъ, «былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ... Бывало, ему ничего больше, покажешь, этакъ, одинъ палець—вдругъ засмѣется, ей-Богу, до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься».

Но не только безобидные мичманы Пѣтуховы и лейтенанты Жевакины надрываютъ животы отъ смѣха. Какъ смерть и любовь силенъ у насъ смѣхъ; ему покорны всѣ возрасты и всѣ темпераменты. Вспомнимъ хотя бы тотъ истерически «смѣшокъ», который такъ часто фигурируетъ у Достоевскаго, вспомнимъ пароксизмы смѣха, овладѣвавшие слѣдователемъ Порфиріемъ Петровичемъ во время допроса Раскольникова.

«И сказавъ это, Порфирій Петровичъ... вдругъ залился нервнымъ, продолжительнымъ смѣхомъ, волнуясь и колыхаясь всѣмъ тѣломъ... А за этотъ смѣхъ проклятый вы, батюшка, Родіонъ Романовичъ, меня извините. Нервный человѣкъ-съ, разсмѣшили вы меня очень острою вашего замѣчанія; иной разъ, право, затрясусь, какъ гумиластикъ, да этакъ на полчаса... Смѣшливъ-съ. По комплекции моей даже паралича боюсь».

Было бы излишне множить примѣры.

Всего многообразія формъ отечественнаго смѣха мы все равно не исчерпаемъ. Отмѣтимъ только, что и въ области непосредственно коллективной, или, какъ у насъ недавно любили выражаться, въ области «соборнаго дѣйствія» смѣшливость наша, по богатству своихъ проявленій, стоитъ несомнѣнно внѣ конкуренціи. Чтобы недалеко ходить, напомнимъ лишь одинъ фактъ послѣднихъ дней: въ такое отвѣтственное и серьезное время, какъ переживаемый нынѣ моментъ, лидеръ такой отвѣтственной и серьезной партіи, какъ кадеты, произноситъ въ Думѣ рѣчь по такому отвѣтственному и серьезному вопросу, какъ наша внутренняя политика,— и весь «парламентъ» буквально покатывается со смѣху.

Несмотря, однако, на все обилие встрѣчающихся у насъ видовъ и разновидностей смѣха, вопросъ, поставленный въ началѣ этой статьи, отнюдь не является празднымъ. У насъ много смѣха, но нѣтъ подлиннаго веселья, — нѣтъ, или почти нѣтъ, того радостнаго, свѣтлаго, освобождающаго смѣха, который и составляетъ основную форму интересующей насъ эмоціи.

Что нѣтъ ни свѣта, ни радости въ трясущемся, какъ гуммастикъ, Порфиріи Петровичѣ, — это слишкомъ очевидно и не требуетъ поясненій: «Я тебя съѣмъ, а, можетъ быть, — ха, ха, ха! — и помилую!» — функція такого смѣха смѣха не радовать, а пускать мурашки по спинѣ.

Не много веселья и въ смѣхѣ мичмана Пѣтухова. Конечно, смѣхъ по поводу невзначай показаннаго пальца добродушень и беззлобенъ: въ немъ нѣтъ ничего злопыхательнаго, ничего, какъ любилъ выражаться Достоевскій, «инфернальнаго»; если онъ не слишкомъ радуется сердцу, то все же приятно колышетъ тѣло и способствуетъ пищеваренію.

Однако, и эти скромныя положительныя качества присущи пѣтуховскому смѣху лишь до тѣхъ поръ, пока онъ рождается въ душѣ мичмана легко и свободно, какъ произвольная реакція на внезапно возникши передъ его глазами палецъ. Но изъ разсказа Жевакина вы чувствуете, что о легкости и свободѣ тутъ едва ли могла быть рѣчь. Въ глазахъ товарищей смѣшливость Антона Ивановича Пѣтухова отвердѣла въ незыблемую репутацію, превратилась почти въ общественное призваніе, и можно съ увѣренностью сказать, что экспериментъ съ пальцемъ воспроизводился съ величайшей регулярностью на собраніяхъ офицеровъ эскадры капитана Болдырева. Мичманъ Пѣтуховъ, отправляясь на пирушку, заранѣе зналъ, что палецъ ему будетъ показанъ, и, хотя такое предвидѣніе совершенно разрушаетъ комическое обаяніе жеста, въ надлежащій моментъ раздражался хохотомъ; смѣялся, стыдился своего смѣха, краснѣя, чувствуя непреодолимое желаніе провалиться сквозь землю, но все-таки смѣялся, — ибо нельзя же «испортить» вечеръ, обмануть довѣріе товарищей и оказаться не на высотѣ положенія.

Еще меньше свободы и радости было въ тѣхъ приступахъ парламентскаго хохота, о которыхъ мы выше упомянули. По свѣдѣтельству газетныхъ репортеровъ, смѣялись всѣ, кромѣ крошечной группы лицъ, которыя могли считать себя прямо или косвенно задѣтыми: смѣялись лѣвые, центръ и умѣренно-правые, смѣялась публика на хорахъ. Да и нельзя было не смѣяться; картинки русской дѣйствительности, нарисованныя ораторомъ, превзошли самыя смѣлыя карикатуры, самыя неправдоподобныя наряды юмористовъ. И однако никому изъ смѣявшихся не было весело; ораторъ закончилъ свою рѣчь въ тонѣ безпросвѣтнаго

унынія; гнѣвомъ и болью дышали реплики слѣва, и всѣ, не исключая публики, должны были чувствовать себя глубоко пристыженными, посрамленными, почти оплеванными. Чѣмъ же? не смѣхомъ своимъ, конечно, ибо онъ былъ законенъ и праведенъ, а безсиліемъ своего смѣха.

«Смѣхъ убиваетъ», гласитъ французская пословица. Убиваетъ и русскій смѣхъ, но въ противоположность французскому, не того, надъ кѣмъ смѣются, а того, кто смѣется. «Чего смѣетесь? надъ собой смѣетесь»—этотъ гоголевскій афоризмъ и донинѣ остается наилучшимъ переводомъ на русскій языкъ и русскіе нравы французскаго «le ridicule tue».

Разумѣется, и французскій смѣхъ не всегда убиваетъ наповадь,—особенно такого крупнаго звѣря, какъ политическій режимъ; но онъ всегда наноситъ смертельныя раны, всегда сопровождается сознаніемъ, что смѣшное, поскольку оно смѣшно, внутренне мертво, лишено жизненной силы и, если можетъ еще держаться нѣкоторое время, то только инерціей внѣшняго принужденія. — Незадолго до паденія второй имперіи въ Парижѣ происходила публичная лекція о сельскомъ хозяйствѣ и его вредителяхъ. Докладчикъ подъ видомъ кроликовъ, объѣдающихъ плодовые деревья изобразилъ дѣятелей тогдашняго французскаго режима, подъ видомъ мѣрь борьбы съ ними развилъ программу общественныхъ выступленій. Аудиторія привѣтствовала мѣтку и язвительную аллегорію раскатами бурнаго хохота, и раздраженный полицейскій комиссаръ бросилъ оратору: «посмотримъ еще, за кѣмъ останется побѣда!». — «Ба», отвѣчалъ ораторъ съ веселымъ смѣхомъ, «развѣ вы еще не знаете, что во Франціи она всегда остается за народомъ!» Вотъ то сознаніе, которое давало силу французамъ весело и побѣдоносно смѣяться, несмотря на то, что они не могли даже назвать открыто предметъ своей насмѣшки.

Есть ли у насъ хоть что-нибудь подобное этому сознанію? Исторія приучила насъ какъ разъ къ обратному. Вѣдь уже сорокъ лѣтъ тому назадъ отцы наши смѣялись, почитывая Щедрина. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, смѣнились поколѣнія, народилась российская «конституція», — а щедринскіе персонажи живехоньки; непрежнему они возглавляютъ собой нашу общественность; попрежнему—и даже еще гораздо ярче и колоритнѣе прежняго—пишутъ свои циркуляры; съ неслыханной въ щедринскія времена непринужденностью и развязностью разыгрываютъ свои административныя арлекинады. Коллекція «щедринскихъ типовъ» — и какъ разъ въ самомъ центральномъ ея пунктѣ—обогатилась новыми фигурами, превосходящими по своей виртуозной нелѣпости все, что когда-либо создавала фантазія сатирика. Но чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ прочнѣе; побить рекордъ нелѣпости,

изобрѣсти и воплотить [въ административной практикѣ такой фортель, до котораго не додумался еще ни одинъ юмористъ, — значить, упрочить свое положеніе, обезпечить свою карьеру. Поэтому-то нашъ, если можно такъ выразиться, общественный смѣхъ наполняетъ весельемъ и радостью сердца осмѣиваемыхъ, болью и стыдомъ отзывается въ сердцахъ смѣющихся.

Забавнѣе всего то, что за послѣднее время эту застарѣлую болѣзнь русскаго «общества», это его роковое практическое бессиліе вошло въ моду объяснять пробужденіемъ его духовной мощи. Высокій національный порывъ, требующій единства усилий для достиженія общей патріотической цѣли, заставляетъ насъ, будто бы, безвольно созерцать похождения нашихъ помпадуровъ и помпадуршъ, — похождения, отъ которыхъ — не забудемъ этого — потоки грязи и крови разливаются по лицу столь горячо любимой нами родины.

Нѣтъ, «что ужъ? куда ужъ?» Если бы у насъ была хоть капля того героическаго патріотизма, о которомъ такъ чувствительно пишутъ въ газетахъ, то отъ щедринскихъ типовъ давно бы не осталось и слѣда; общество, дѣйствительно охваченное патріотическимъ порывомъ, быстро и безъ всякаго нарушенія «единства» разсѣяло бы чары этого нелѣпаго кошмара. Очевидно, съ патріотизмомъ дѣло обстоитъ приблизительно такъ же, какъ со многими другими «направленіями» и увлеченіями, пережитыми нашимъ обществомъ: «суждены намъ благіе порывы»...

Неужели же, однако, весело смѣяться могутъ только люди, обладающіе какою-то особой, чуть ли не героической силой? Неужели для полученія удовольствія, столь скромнаго и неприятнаго, нужны какія-то изъ ряда вонъ выходящія дарованія ума или сердца? — Героизма, такъ сказать, количественнаго для этого, разумѣется, вовсе не требуется: не надо ни быть Александромъ Македонскимъ, ни даже стулья ломать во имя Александра Македонскаго. Но наличность нѣкотораго героическаго качества, хотя бы и въ минимальныхъ размѣрахъ, безусловно необходима: необходимо ощущать и въ себѣ самомъ, и вокругъ себя ту стихію жизненнаго творчества, которой создается чело-вѣческая культура; необходимо вѣрить, — мало того, имѣть непосредственную, интуитивную увѣренность въ томъ, что неокрушима мощь творящей жизни.

А. Бергсонъ, давшій наиболѣе глубокій анализъ психологіи смѣха¹, приходитъ къ выводу, что смѣшнымъ является для насъ только живое, но какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно кажется безжизненнымъ, механическимъ. «Механическое, налѣпленное на живое» (*du mécanique plaqué sur du vivant*) — вотъ тотъ центральный образъ, отъ котораго мы должны отпра-

¹ Henri Bergson, Le Rire.

вляться, изслѣдуя всевозможныя развѣтвленія смѣшного. Пояснимъ это нѣсколькими заимствованными у Бергсона же примѣрами.

Человѣкъ споткнулся о камень и растянулся на дорогѣ; окружающіе смѣются. Въ этомъ движеніи не было бы ничего смѣшного, если бы можно было предположить, что человѣкъ опустился на землю умышленно. Смѣшно его паденіе лишь постольку, поскольку оно ненамѣренно, поскольку въ немъ обнаружилась недостаточная гибкость, недостаточная «жизненность» движеній идущаго. Въмѣсто того, чтобы обойти препятствіе при помощи творческаго волевого усилія, прохожій, подобно безжизненному тѣлу, слѣдовалъ разъ приобрѣтенной инерціи; его мускулы продолжали автоматически выполнять тѣ же самыя движенія, несмотря на то, что внѣшняя обстановка (камень на дорогѣ) предъявила къ нимъ новыя требованія. Вотъ почему прохожій упалъ и вотъ почему паденіе его вызвало смѣхъ окружающихъ.

Переходя отъ этого простѣйшаго случая къ все болѣе и болѣе сложнымъ, Бергсонъ находитъ, что впечатлѣніе комичности всегда создается такой автоматизаціей жизни, внѣдреніемъ механизма въ организмъ. Такъ на примѣръ, если вы, находясь на балу, заткнете себѣ уши, чтобы не слышать звуковъ музыки, то фигуры танцующихъ, ихъ жесты покажутся вамъ смѣшными. Почему такъ? Музыка — душа того ритма, который внѣшне проявляется въ размѣренныхъ движеніяхъ танцоровъ. Танецъ, лишенный одухотворяющей его музыки, становится безжизненнымъ и механичнымъ: вамъ начинается представляться, что передъ вами не живые люди, а маріонетки, которыя одновременно дрыгаютъ ногами, потому что кто-то вразъ дергаетъ ихъ всѣхъ за невидимыя веревочки.

Однако, дѣйствительное или мнимое превращеніе человѣческой жизни въ кукольный театръ маріонетокъ производитъ комичное впечатлѣніе лишь постольку, поскольку зритель кукольной комедіи чувствуетъ себя причастнымъ къ какой-то иной, подлинной жизни, не подвластной механизму, двигающему маріонетками. Но представимъ себѣ, что мы очутились въ заколдованномъ царствѣ, гдѣ чувства и мысли людей утратили силу воплощаться въ жизнь, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю присущую имъ жажду воплощенія. Представимъ себѣ, далѣе, что мы бродимъ въ этомъ заколдованномъ царствѣ, не какъ его случайные посѣтители, а какъ коренные обитатели; что мы въ самихъ себѣ ощущаемъ роковую оторванность воли отъ дѣйствія, живого желанія отъ мертваго, механическаго свершенія событій. Тогда, разумѣется, намъ будетъ не до смѣха: сознаніе безысходной порабощенности нашей собственной жизни, непреодолимаго торжества колдовскаго меха-

низма надъ нашими безсильными потугами къ творчеству тяжелымъ кошмаромъ придавить нашу душу, погасить всякій проблескъ легкомысленно зародившагося смѣха, оледенить ужасомъ всякую улыбку наивнаго веселья.

Въ видѣ такого заколдованнаго царства и развернулъ передъ нами картину нашего отечества геній Гоголя. Гоголь—одинъ изъ величайшихъ въ мировой исторіи мастеровъ и виртуозовъ смѣха. Сохранилось преданіе, что типографскіе рабочіе хохотали, набирая его произведенія, — триумфъ, которымъ едва ли могли бы похвалиться многіе изъ юмористовъ. Но жуткій и страшный осадокъ остается отъ гоголевскаго смѣха. «Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ Душъ», рассказываетъ Гоголь, «то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!»

Въ чемъ же источникъ этихъ мрачныхъ чаръ, обаянію которыхъ не могъ не покориться даже свѣтлый геній Пушкина? Долгое время удручающее дѣйствіе веселой сатиры Гоголя разсматривалось, какъ отраженіе той безпросвѣтной общественно-политической атмосферы, которая окутывала собой нашу дореформенный бытъ. Но вотъ пришли реформы, прозванныя «великими», — и послѣ краткой вспышки радостныхъ ожиданій снова сгустилась та же атмосфера. Мѣсто гоголевской сатиры заняла щедринская, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ веселаго смѣха, но еще явственнѣе слышатся стоны жертвъ заколдованнаго царства, обезсиленныхъ и обезпложенныхъ, по рукамъ и ногамъ связанныхъ какимъ-то дьявольскимъ навожденіемъ. — Не въ могуществѣ порока и зла и, вообще, не въ силѣ отрицательныхъ сторонъ русской жизни, а въ безсиліи всякихъ вообще жизненныхъ проявленій, въ роковомъ бездушіи, въ непреодолимой омертвѣлости нашего бытія источникъ того мрачнаго вдохновенія, которымъ питается русскій юморъ, начиная съ Гоголя и кончая Щедринымъ.

Бездушіе изображаемой Гоголемъ жизни лучше другихъ замѣтилъ и подчеркнул В. Розановъ. Въ картинѣ, нарисованной Гоголемъ, пишетъ В. Розановъ¹, «нѣтъ живыхъ лицъ: это крошечныя восковыя фигурки, но всѣ онѣ дѣлаютъ такъ искусно свои гримасы, что мы долго подозрѣвали, ужъ не шевелятся ли онѣ. Но онѣ неподвижны; всмотритесь еще въ приведенный выше отрывокъ²: картузь есть единственное живое лицо тамъ,

¹ «Легенда о великомъ инквизиторѣ». Приложение «О Гоголѣ».

² Имѣется въ виду описаніе вѣзда Чичикова въ городъ Н. Читатель помнитъ, что вѣздъ этотъ былъ замѣченъ лишь двумя мужиками, обмѣняв-

которое хочет жить, но и оно придерживается во-время. Всѣ остальные передвигаютъ руками и ногами, но вовсе не потому, чтобы хотѣли это дѣлать, и не потому, что онѣ бессмысленны: бессмысленность — второе здѣсь, что уже само собою вытекаетъ изъ безжизненности... Мы надъ ними смѣемся, но замѣчательно, что это не есть живой смѣхъ, которымъ мы отвѣчаемъ на то, что, встрѣтивъ въ жизни — отрицаемъ, съ чѣмъ боремся».

В. Розановъ полагаетъ, однако, что это не кто иной, какъ самъ Гоголь заколдовалъ русскую жизнь «тайной своего художественнаго дѣланія», искусственно обездушилъ ее и до такой степени загнипотизировалъ насъ своимъ могучимъ дарованіемъ, что мы повѣрили въ истину его «мертвыхъ восковыхъ словъ», и до сихъ норъ продолжаемъ разсматривать русскую жизнь сквозъ мертвящія гоголевскіе очки. Другими словами, Гоголь, по мнѣнію В. Розанова, просто оклеветалъ Россію, создалъ не сатиру, а карикатуру, — и онъ призываетъ насъ къ преодолѣнію Гоголя: «съ Гоголя именно начинается въ нашемъ обществѣ *потеря чувства дѣйствительности*, равно какъ отъ него же идетъ начало и отвращенія къ ней... Его воображеніе, не такъ относящееся къ дѣйствительности, не такъ относящееся и къ мечтѣ, *растлѣло* наши души и разорвало жизнь, исполнивъ то и другое глубочайшаго страданія. Неужели мы не должны сознать это, неужели мы настолько уже испорчены, что живую жизнь начинаемъ любить менѣе, чѣмъ... игру тѣней въ зеркалѣ?»

Любопытно, что къ аналогичному выводу приходитъ и такой, по своимъ основнымъ устремленіямъ, полярно противоположный Розанову изслѣдователь, какъ проф. Венгеровъ: онъ утверждаетъ, что бездушность гоголевскихъ образовъ объясняется неспособностью великаго малоросса уловить интимную жизнь великорусской души.

Но если Гоголь только карикатуристъ, то откуда же его обаяніе? Какимъ образомъ «извратитель» нашей жизни, прошедшій мимо самого важнаго, самаго интимнаго и дорогаго въ насъ, могъ соблазнить насъ, «растлѣть» нашу, не замѣченную имъ, душу? Что дало ему силу начать особый и до сихъ поръ еще далеко не изжитый періодъ русской литературы? Вѣдь нельзя же принять то объясненіе, которое самъ Гоголь вкладываетъ въ уста одного изъ персонажей своего «Театральнаго развѣзда»:

«Просто, друзья и приятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда приятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говорить о немъ? Все приятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать».

шимися кое-какими замѣчаніями по поводу колесъ чичиковской брички, и фразгватямъ молодымъ человѣкомъ: «Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою каргузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своею дорогою».

А если не приятели, то кто же помогъ Гоголю заворожить насъ? Поистинѣ нѣтъ такой силы, которая была бы въ состояннн этого достигнуть. И не даромъ Гоголь, — предвидя, что поклонники «живой жизни» à la Розановъ долго еще будутъ негодовать на «игру тѣней въ зеркалѣ» его творчества, — взялъ эпитафюмъ къ своему «Ревизору» народную пословицу: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Желая во что бы то ни стало убѣдить себя и своего читателя, что криво именно гоголевское «зеркало», а не наше національное... «лицо», В. Розановъ поетъ восторженный гимнъ всей послѣ-гоголевской литературѣ, якобы въ корнѣхъ преодолевшей гипнозъ «мертвыхъ душъ».

«Нѣтъ ничего поразительнѣе той перемѣны, которую испытываешь, переходя отъ Гоголя къ какому-нибудь изъ новыхъ писателей: какъ будто отъ кладбища мертвецовъ переходишь въ цвѣтущи садъ, гдѣ все полно звуковъ и красокъ, сіянія солнца и жизни природы... Вотъ въ рядѣхъ маленькихъ разсказовъ Тургенева тѣ же деревни, поля и дороги, по которымъ можетъ быть проѣзжалъ и герой «Мертвыхъ душъ», и тѣ же мелкіе уѣздные города, гдѣ онъ заключалъ свои купчія крѣпости. Но какъ живетъ все это у него, дышетъ и шевелится, наслаждается и любитъ... Какое разнообразіе характеровъ... Всмотриваясь въ черты ихъ, живыя и индивидуальныя, мы начинаемъ понимать свою исторію, самихъ себя, всю окружающую жизнь». Сославшись далѣе на такой же расцвѣтъ жизни въ твореніяхъ Гончарова, Толстого, Достоевскаго, В. Розановъ заключаетъ свою патетическую тираду риторическимъ вопросомъ: «весь этотъ сложный, разнообразный, уходящи въ безграничную даль міръ идей, характеровъ, положеній, который раскрылся передъ нами въ послѣдніа десятилѣтія, — что скажемъ мы о немъ въ отношеніи къ Гоголю? какимъ словомъ опредѣлимъ его историческое значеніе? Не скажемъ ли, что это есть раскрытіе жизни, которая умерла въ немъ, возстановленіе достоинства въ человѣкѣ, которое онъ у него отнялъ?»¹

Въ дѣйствительности, противоположность между Гоголемъ и позднѣйшими писателями далеко не такъ разительна, какъ это представляется В. Розанову: не такъ уже могуча та жизнь, которая раскрылась передъ нами въ литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, и не такъ уже мертва душа Гоголя. Что Гоголь умѣлъ освѣщать самыя интимныя движенія человѣческой души, — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Достаточно прочесть «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», чтобы убѣдиться, какъ растопляется «воскъ» мертвыхъ словъ Гоголя, какими теплыми, нѣжными, ласкающими тонами переливается его колдовской голось, когда онъ хочетъ показать намъ жизнь чувства изнутри. И вовсе не вѣрно, что персонажи прочихъ произведеній Гоголя безжизненны по существу, неспособны ни самобытно чувствовать, ни индивидуально мыслить. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ мечтательномъ, романтическомъ увлеченіи Чичикова прекрасной дочкой губернатора. А вдохновенная мечтательность Хлеста-

¹ Легенда о великомъ инквизиторѣ. Стр. 23.

кова? Его способность отдаваться образамъ фантазіи до самозабвенія, до полной утраты сознанія границы, отдѣляющей выдумку отъ дѣйствительности? Вѣдь это характернѣйшая черта хлестаковской души, — и развѣ мало въ ней жизни?

Не въ мертвенности, не въ отсутствіи живыхъ движеній души несчастье гоголевскихъ героевъ, а въ роковомъ безсиліи этихъ движеній. Чичиковъ, скупая мертвая душа, старался на бумагѣ придать имъ такой видъ, чтобы онѣ выглядѣли «совершенно какъ бы живыми». Души самого Чичикова и его пріятелей помѣщиковъ живы, вполне способны къ свободнымъ порывамъ чувства и мысли, но на практикѣ все совершается такъ, какъ будто бы онѣ были мертвы, какъ будто бы этимъ людямъ были свойственны лишь тѣ официально-обязательныя, почти рефлексорныя движенія, которыя диктуются инерціей ихъ внѣшняго бытія, кѣмъ-то заранѣе предрѣшеннаго въ своихъ формахъ и отправленіяхъ. Не убита, а заморожена душа гоголевскаго человѣка; заказаны ей всѣ пути, отнята у нея творческая мощь вонлощенія. Вотъ почему такую мертвенностью дышать картины Гоголя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ рисуетъ мысли и чувства своихъ героевъ не изнутри, а въ ихъ, такъ сказать, внѣшнемъ обнаруженіи.

И въ этомъ съ Гоголемъ вполне солидарна вся позднѣйшая литература. Иные у нея подходы, но тѣ же итоги. Гончаровъ, Тургеневъ или Чеховъ, въ противоположность Гоголю, предпочитаютъ изнутри живописать душу героя, сквозь призму его психологіи смотрѣть на окружающій міръ. Понятно, что при этомъ трагикомедія русской жизни, сохраняя всѣ угаданныя въ ней Гоголемъ черты, встаетъ передъ нами въ другомъ освѣщеніи: тотъ же плѣнь замороженныхъ чувствъ и мыслей, то же чортово марево заколдованнаго царства, — но вмѣсто атмосферы жуткаго гоголевскаго смѣха мы вдыхаемъ лирическія изліянія гибнущихъ душъ, — то грустныя и трогательныя, то мрачныя и отчаянныя, всегда одинаково безпросвѣтныя, не оставляющія ни малѣйшей надежды на возрожденіе. Различны завязки, но все та же роковая развязка, или, лучше сказать, все та же роковая невозможность развязки. Вѣдь, это же неоспоримый фактъ, что ни русская жизнь, ни русская литература не знаютъ счастливыхъ, радостныхъ и торжествующихъ развязокъ. Заколдованная, обреченная страна!

Возьмемъ для примѣра, самую карикатурную, самую нелѣпо-манекенную изъ гоголевскихъ фигуръ, Подколесина, и попытаемся сопоставить его «жизненную драму» съ переживаніями излюбленныхъ героевъ Гончарова, Тургенева, Чехова. Уже съ перваго взгляда мы замѣчаемъ, что въ томъ «совершенно невѣроятномъ событіи», которое случилось съ Подколесинимъ, есть что-то пророческое, намѣчающее общую канву наиболѣе харак-

терныхъ для русской литературы и жизни романовъ, повѣстей, драмъ. Присматриваясь ближе, мы положительно убѣждаемся, что передъ нами вовсе не «карикатурный типъ», а проникновеннѣйшій символъ, выявляющій основную структуру русской души, своего рода русскій Фаустъ.

Какъ и всѣ русскіе Фаусты, Подколесинъ, томимый пустою бытія («живешь—живешь, да такая, наконецъ, скверность становится»), не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія искать спасенія въ магіи. Наоборотъ, именно изъ магическаго плѣненія духа онъ и хочетъ вырваться на просторъ жизни свободной, простой и свѣтлой. Поэтому и русскій Мефистофель—Кочкаревъ—не имѣетъ въ себѣ ничего безплотнаго, чуждъ всякой рефлексіи, всякой потусторонней ироніи надъ жизнью. У насъ иронія надъ жизнью посюсторонняя,—это и есть наша конкретная повседневная дѣйствительность; потусторонняя сама жизнь, какъ свободное творческое свершеніе. Искуситель-Кочкаревъ и является воплощеніемъ недосягаемой для насъ мечты о жизни: онъ словно налить ртутью, всякая мысль у него немедленно претворяется въ дѣло, всякое желаніе какъ бы само собою осуществляется, все ему удается, все покоряется его веселому, самонадѣянному натиску. Кочкаревъ—это дьявольское навожденіе для Подколесина, это его плѣнительная, но запредѣльная греза о самомъ себѣ, это—расколдованный Подколесинъ. Какъ радостно и легко, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трогательно и нѣжно расцвѣтаетъ въ торопливыхъ словахъ Кочкарева Подколесинская мечта о жизни.

«И, вообрази, ты сидишь на диванѣ,—и вдругъ къ тебѣ подойдетъ бабечка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя... Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе этакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши рученки, будетъ тереть тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?»

Сколько нѣжнаго аромата, сколько сладостнаго очарованія скрывается для Подколесина подъ этой вульгарной грубоватостью—я бы сказала, нарочитой вульгарностью, стыдливо-цѣломудренной грубоватостью! И остается только удивляться, какъ суровый обличитель бездушности Гоголя, В. В. Розановъ, не учуялъ здѣсь оиміама той самой семейной «часовенки», предъ алтаремъ которой онъ самъ столь ревностно и проникновенно кадитъ.

Увлеченный мечтой, загнипотизированный могучей волей Мефистофеля-Кочкарева, Подколесинъ развиваетъ почти сверхчеловѣческую энергію, преодолеваетъ всѣ внутреннія сопротивленія, сокрушаетъ всѣ внѣшнія препятствія, торжествуетъ надъ всѣми соперниками. Вотъ онъ у цѣли. Уже и кареты заказаны, и гости приглашены, и невѣста вотъ-вотъ появится въ иодвѣнечномъ платьѣ.

Остается лишь отдаться инерции событий, чтобы «романъ» самъ собой докатился до счастливой развязки, чтобы мечта воплотилась въ жизнь. Но тутъ-то и разражается катастрофа, которая, несмотря на свою кажущуюся нелѣдность и карикатурность, раскрываетъ передъ нами глубочайшіе тайники русской души. Прислушаемся къ заключительному монологу Подколесина,—этому проникновеннѣйшему изъ всѣхъ проникновеній въ мистическую сущность нашего духа:

«Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли я значение жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жиль-жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ... Право, какъ подумаешь: черезъ нѣсколько минутъ и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ развѣ только въ сказкахъ, котораго просто даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянія, ничего, ничего: все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: черезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя: тамъ ужъ и карета и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя; тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросать; зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (*Заглядываетъ въ окно*) Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? Неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать, а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши «Господи благослови!», соскакиваетъ на улицу*).

Что же случилось? Откуда такой переломъ «нослѣ нѣкотораго молчанія»? Чѣмъ вызванъ этотъ страхъ передъ женитьбой, мысль о которой только что наполняла душу героя предвкушеніемъ невыразимаго блаженства, бывающаго «развѣ только въ сказкахъ»? Самъ Подколесинъ объясняетъ свое новое настроеніе опасеніемъ потерять свободу; ему кажется, что онъ боится «связать себя» нерасторжимымъ обязательствомъ. Но, очевидно, что это пустыя отговорки, безсильныя измышленія лукаваго разума, который считаетъ своей обязанностью рационально истолковывать всѣ наши дѣйствія, подводитъ мотивы даже подъ такіе поступки, которые явно стоятъ по ту сторону всякой разумной мотиваціи.

Развѣ зналъ Подколесинъ свободу? Развѣ было что-нибудь, кромѣ одуряющей, мертвящей рутины въ его холостой жизни? На протяжении всей комедіи мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы укладъ прежней жизни хоть сколько-нибудь привязывалъ къ себѣ Подколесина, рождалъ въ немъ какія-либо тенлыя чувства, чтобы Подколесинъ могъ испытывать сожалѣніе при мысли о необходимости расстаться съ этимъ укладомъ. Поскольку онъ жилъ на своей холостой квартирѣ, онъ жилъ

именно мечтой о женитьбѣ. О ней грезилъ онъ, лежа на своемъ диванѣ, ей отдавалъ всѣ свои личныя, внѣ-служебныя думы и заботы; всѣ предметы его домашняго обихода, начиная фраккомъ и кончая сапожной ваксой, были обвѣяны и согрѣты этой поэтической грезой, являлись какъ бы подготовительными ступенями къ ея воплощенію. И вотъ, когда это долгожданное воиощеніе, наконецъ, надвинулось, когда прекрасная Галатя-мечта уже зардѣлась горячимъ румянцемъ и готова обернуться живой красавицей,—тутъ-то душой русскаго Фауста и овладѣваетъ леденящій ужасъ. Живыя черты того самаго лица, которое такъ плѣняло его въ мертвой статуѣ, заставляютъ его дрожать отъ страха,—его неудержимо влечетъ назадъ, къ прежнему, постылому, трижды проклятому уединенію бессильно грезящей души. И стремленіе это настолько могуче, что преодолеваетъ врожденную конфузливостъ, стыдъ передъ нарушеніемъ самыхъ священныхъ обычаевъ, самыхъ элементарныхъ приличій, даетъ силу для героическаго прыжка въ окно. И, повторяю, въ этой загадочности, въ этой полной немотивированности катастрофѣ и схваченъ основной мотивъ всѣхъ нашихъ катастрофъ; этой карикатурной неправдоподобностъю и вскрыта глубочайшая правда нашей трагикомедіи.

Въ самомъ дѣлѣ, переходя къ образамъ послѣ-гоголевской литературы, значительно болѣе сложнымъ и возвышеннымъ, мы, однако, вездѣ находимъ ту же самую структуру души, ту же самую схему свершенія или, вѣрнѣе, *несвершенія* ея чаяній.

Передъ нами—Обломовъ,—натура несравненно болѣе нѣжная и глубокая, душа несравненно болѣе богатая и многострунная, чѣмъ Подколесинъ, хотя мечтательный диванъ играетъ въ жизни Обломова столь же опредѣляющую роль, какъ и въ жизни Подколесина.

Несравнимъ съ подколесинскимъ предвкушеніемъ «блаженства» и тотъ духовный подъемъ, который испыталъ Обломовъ подъ вліяніемъ любовной грезы. Подколесину и во снѣ не снились тѣ симфоніи, которыя звучатъ въ душѣ влюбленнаго Обломова. И однако, конецъ, вѣнчающій дѣло, былъ совершенно подколесинскій: и здѣсь прекрасная Галатя оледенила создаваемаго ея художника, какъ разъ въ томъ моментъ, когда горячая кровь жизни согрѣла ея мраморныя черты. О, конечно, гибкій умъ Обломова мотивировалъ пробитый его душою отбой гораздо искуснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ дубоватый умъ Подколесина,—чувствительное сердце Обломова подсказало ему аргументы, гораздо болѣе возвышенные, чѣмъ подколесинскій страхъ за мнимую свободу. Обломовъ нашель, что онъ не въ правѣ связать свою судьбу съ юнымъ, полнымъ жизни существомъ, что возрожденіе любовью, въ которое онъ было повѣрилъ, не въ силахъ по-настоящему омолодить его. При всемъ своемъ благодствѣ это объяс-

неніе явно недостаточно. Нелѣпо представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что вдохновеніе любви продолжало властвовать надъ Обломовымъ со всею своею первоначальной силой, но онъ утратилъ вѣру въ это вдохновеніе, присмотрѣвшись къ нему повнимательнѣе. Всякая подлинная вѣра есть интуиція нѣкотораго реального становленія. Любовь дѣйствительно перерождала Обломова, и онъ не могъ не вѣрить въ это перерожденіе, пока оно фактически имѣло мѣсто; потеря вѣры въ любовь—лишь другой способъ выраженія для потери самой любви.

Почему же любовь, такъ глубоко захватившая Обломова, утратила свою силу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось бы, эта сила должна была достигнуть высшаго напряженія, когда пришла пора осуществить обѣтованіе любви, мечту превратить въ реальность? Почему у Обломова, употребляя выраженіе Мопассана, «пропалъ голосъ» именно тогда, когда ему надлежало пропѣть пѣснь торжествующей любви? Почему? Да по той же самой причинѣ, которая заставила Подколесина выпрыгнуть въ окно за нѣсколько минутъ до вѣнчанья.

Въ Обломовѣ еще слишкомъ много внѣшняго сходства съ Подколесинимъ. Но все по той же роковой схемѣ, все по тому же вѣчно юному подколесинскому шаблону развивается романъ и протекаетъ вся вообще жизнь Дмитрія Рудина,—человѣка совершенно иного настроенія и призванія, безпокойнаго скитальца, имѣющаго даръ зажигать вдохновеніемъ юныя души, будить или, во всякомъ случаѣ, тревожить души отжившія и заснувшія. И этотъ носитель гордой орлиной мечты неизмѣнно превращается въ мокрую курицу, когда судьба ставитъ его передъ необходимостью на дѣлѣ расправить свои крылья.

«Что намъ дѣлать? — возразилъ Рудинъ: — разумѣется, покориться.

— Покориться, — медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли.

— Покориться судьбѣ, — продолжалъ Рудинъ. — Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но, посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ... Правда, я могу работать; но если бъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состоянн ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?.. Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня».

Въ результатѣ—подколесинскій прыжокъ въ окно съ обломовски-благородной мотивировкой.

Въ то время, какъ въ литературѣ, все въ новыхъ и новыхъ воплощеніяхъ воскресало «совершенно невѣроятное событіе» гоголевской женитьбы, въ жизни разыгрывался одинъ изъ трогательнѣйшихъ историческихъ романовъ: романъ русской интеллигенціи съ русскимъ народомъ. Сколько горячей вѣры, сколько юнаго энтузіазма, сколько великихъ жертвъ возложили герои интеллигенціи на алтарь своей мечты, мечты о пробужденіи спящей красавицы. Мы знаемъ печальную развязку этого рома-

на: безнадежное «Не суйся!», которымъ Глѣбъ Успенскій, лучший представитель эпохи, подвелъ итогъ ея исканіямъ. Казалось бы, тутъ нѣтъ уже ничего подколесинскаго. Вѣдь не страхъ передъ воплощеніемъ омертвилъ мечту народнической интеллигенціи, а объективная невозможность воплощенія; народъ оказался чуждъ тѣмъ стремленіямъ, которыя въ немъ предполагались,—и объ эту стѣну народнаго непониманія разбились героическія усилія интеллигенціи. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь, какъ будто бы, порывъ подлинной жизни, порывъ во истину творческой, гибнущій не отъ внутренняго безсилія, а отъ трагическаго столкновенія съ враждебной ему дѣйствительностью. Однако, чѣмъ пристальнѣе всматриваемся мы въ эту трагедію, тѣмъ назойливѣе искажаетъ ея благородныя черты знакомая намъ дьявольская гримаса. Въ самомъ дѣлѣ, какая же собственно «идея» погибла въ эпоху хожденія въ народъ?

Какъ извѣстно, въ этотъ первый романтическій періодъ огромное большинство народниковъ еще не имѣло оформленнаго вѣрученія; не столько учить народъ, сколько учиться у него хотѣли интеллигентные паломники; они надѣялись разгадать народную душу и въ ней самой, въ ея подсознательныхъ чаяніяхъ, найти ту организующую мысль, которая могла бы освѣтить крестьянскую жизнь, внести бодрость живого творчества въ сонное прозябаніе русской деревни. Но такой мысли не оказалось. Глѣбъ Успенскій съ величайшимъ безстрашіемъ раскрылъ это роковое безсиліе «идеи» въ крестьянской жизни,—не данной какой-нибудь идеи или программы, а идеи вообще. Самая мечта внести въ деревню сознательное организующее начало обречена на Успенскому на неизбѣжную и безславную гибель, ибо «гармонія земледѣльческаго труда» лишь постольку и существуетъ, поскольку она безсознательна, рутинна, автоматически-инстинктивна. Всякое прикосновеніе сознательной, своевольной мысли губить эту гармонию, не замѣщая ее никакимъ новымъ началомъ, всякая попытка «просвѣтить» деревню лишь еще болѣе сгущаетъ тяготяющій надъ нею мракъ. Вотъ — полный, развернутый смыслъ формулы: «Не суйся!» Никогда еще оскаленные зубы гоголевскаго чорта не сверкали такъ зловѣще, какъ въ трагикомедіи русскаго народничества.

И любопытно, что высоты дѣйствительно трагической народническаго движенія достигло лишь послѣ своего внутренняго краха,—лишь тогда, когда не было уже и рѣчи о внесеніи идеи въ народныя массы, когда идея, затвердѣвъ въ самодовлѣющій догматъ, потребовала отъ своихъ адептовъ уже не воплощенія въ жизнь, а послѣдняго героическаго исповѣданія вѣры, великой жертвенной гекатомбы.

Но, вотъ настало десятилѣтіе, въ теченіе котораго всякія слишкомъ возвышенныя идеи, всякія слишкомъ отдаленныя цѣ-

ли утратили власть надъ умами русскаго общества. Это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, періодъ экономическаго подъема, — періодъ, когда въ атмосферѣ общественной и политической реакціи наша страна сдѣлала рядъ рѣшительныхъ и безповоротныхъ шаговъ въ сторону европеизаціи своего хозяйства. Можно было ожидать, что обуржуазившаяся интеллигенція восьмидесятыхъ годовъ найдетъ, наконецъ, реальный контактъ съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ слишкомъ требовательный совѣсти умолкъ передъ алчными претензіями чести раскрывались достаточно богатая и разнообразная перспективы. Чего бы, кажется, лучше: ѣшь душа, пей и веселись!—какъ веселилась французская буржуазія и буржуазная интеллигенція при Наполеонѣ III. И, какъ нарочно, родился талантъ, какъ бы самой судьбою предназначенный быть пѣвцомъ этой веселой эпохи. Юноша «Чехонте», не связанный никакимъ «направленствомъ», свободный отъ власти интеллигентскихъ традицій, обладалъ даромъ такого заразительнаго, сверкающаго смѣха, какого никогда не раздавалось еще въ русской литературѣ. Но едва Чехонте возмужалъ до Чехова, едва уснѣлъ онъ попристальнѣе всмотрѣться въ жизнь,— и веселая улыбка навсегда сбѣжала съ его губъ. Потянулася галерея безпросвѣтно унылыхъ чеховскихъ образовъ. Если Подколесинъ все еще продолжаетъ мечтать о жизни свѣтлой и радостной, если Рудинъ до самой смерти не утрачиваетъ своего призрачнаго вдохновенія, то чеховскихъ героевъ жизнь уже не манитъ къ себѣ, даже, какъ мечта. Такую свинцовую усталостью отъ жизни переполнены они чуть не съ самаго рожденія на свѣтъ, такой блѣдной немочью поражены ихъ души, что даже въ грезахъ встаетъ передъ ними не призракъ яркой и смѣлой жизни, а тихій сумракъ послѣдняго успокоенія: «мы отдохнемъ, мы отдохнемъ!» Тою же безнадежной панихидной тоской звучитъ и другой, на первый взглядъ какъ будто бы къ жизни устремленный призывъ: «Въ Москву, въ Москву!»

Чеховскіе герои все же сознаютъ свою духовную омертвѣлость, какъ болѣзнь, и страдаютъ отъ этой болѣзни. Символическому періоду нашей литературы, пришедшему на смѣну чеховщинѣ, выпало на долю превратить эту болѣзнь въ добродѣтель, воспѣть импотентность оторванной отъ жизни мечты, какъ идеаль поэтический и прекрасный, какъ состояніе несравненно болѣе высокое, чѣмъ жизненное творчество.—Таковъ именно основной смыслъ лирическихъ драмъ А. Блока, «творимыхъ легендъ» *Θ. Сологуба*.

Небесная греза («чистая, какъ смерть» Коломбина, сверкающая звѣзда-Марія) до такой степени зачаровываетъ мечтателей Блока, такъ впитываетъ въ себя всю ихъ душу, что здѣсь, на землѣ, они движутся, какъ жалкіе автоматы, какъ нелѣпо-комическія маріонетки кукольнаго театра—«балаганчика». Но

таково и есть идеальное состояніе человѣка. Стоитъ только мечтателю помыслить о воплощеніи мечты, стоитъ только Пьеро протянуть руки къ Коломбинѣ,—и все обаяніе мечты исчезаетъ, Коломбина оказывается грубо размалеванной куклой, Марія-звѣзда, павши на землю, превращается чуть ли не въ проститутку.

Не о томъ говорятъ намъ драмы Блока, что невозможно до конца воплотить мечту, что недостижима идеально завершенная жизнь. Такое сознаніе свойственно всякой сильной и бодрой жизни и является стимуломъ все къ новому и новому творчеству, —ибо радость жизни состоитъ не въ использованіи достигнутого совершенства, а въ самомъ творческомъ свершеніи, въ органическомъ и дѣйственномъ сляніи «идеи» и «матеріи», «духа» и «плоти». Но эта радость невѣдома героямъ «Балаганчика», имъ невѣдома мечта, какъ оплодотворяющая жизнь сила, — поэтому уже самая мысль о воплощеніи мечты представляется имъ чѣмъ-то недостойнымъ, грязнящимъ нетлѣнныя ризы Коломбины, искупленіемъ демона пошлости. Мечта сохраняетъ свои божественныя черты, свою красоту и поэзію лишь до тѣхъ поръ, пока она безплотна и бесплодна.—Правда, въ предисловіи къ своимъ драмамъ А. Блокъ говорить о желаніи «разогнать назойливыхъ двойниковъ», о «поискахъ *жизни* прекрасной, свободной и свѣтлой», но художественная аргументація творенія прямо противоположна этимъ отвлеченнымъ намѣреніямъ творца. Всякая попытка прогнать двойника встрѣчается такимъ торжествующимъ хохотомъ жизненной пошлости, осыпается такимъ градомъ стрѣлъ романтической ироніи, что «о *жизни* прекрасной» и свѣтлой» не можетъ быть и рѣчи. Для романтиковъ «Балаганчика» расколотовъ души, господство двойниковъ есть не злой рокъ, а якорь спасенія, желанная ограда «прекрасной» и «свѣтлой» поэзіи отъ грязной и пошлой жизни. Что же касается жизни «свободной»... то о семъ лучше умолчимъ: какая же свобода въ мірѣ, превращенномъ въ театръ маріонетокъ? Дернеть невидимый режиссеръ за веревочки—и задвигаютъ руками и ногами жалкія куклы!

Режиссеръ же этотъ—все тотъ же хорошо знакомый намъ гоголевскій чортъ, онъ же и сологубовскій мелкій бѣсъ—недотыкомка. «Недотыкомка сѣрая», недотыкомка мокрая, липкая и слякотная, ехидно выглядывающая изъ каждаго темнаго угла, омерзительно корчащаяся подъ лучами «Небеснаго Змія»—Солнца,—таковъ паэосъ поэзіи Сологуба. Недотыкомка—не только душа Передонова,—ею же созданы и всѣ творимыя легенды съ ихъ назойливыми двойниками Елисаветы-Ортруды, Триродова-Танкреда. Все творитъ Триродовъ всѣ свои заклинанія; тщетно населяетъ онъ свой паркъ тихими дѣтскими душами, магически вызванными изъ могилъ; напрасно пытаются его «учи-

тельницы» убить въ челоѣкѣ «жестокаго и хищнаго звѣря» возвращеніемъ къ первобытной простотѣ райской жизни, къ невинной обнаженности людей среди дѣвственной природы. Не проклятіе звѣря, не сила хищныхъ и жестокихъ страстей тяготѣетъ надъ міромъ Триродовыхъ, а проклятіе безсилія, сѣрая нежить—недотыкомка. И эту нежить, этотъ «тайный холодъ души», приступы котораго испытывалъ уже Лермонтовъ, нельзя ничѣмъ прогнать: ни аскетизмомъ—ни развратомъ, ни святошью—ни преступленіемъ, ни грубой чувственностью—ни «магическимъ» полетомъ фантазіи. Если отравленъ самый источникъ бытія, то отравлены, обездушены и всѣ его проявленія. Утративъ интуицію тѣхъ творческихъ силъ, которыя скрыты въ жизни, хотя бы самой «грубой и бѣдной», никакой поэтъ не создастъ «сладостной» легенды объ «очаровательномъ» и «прекрасномъ». Самая красивая дѣвушка не можетъ дать больше того, что она имѣетъ. Откуда же почерпнетъ свою «сладость», свое живое «очарованіе» легенда, которая сама порождена омертвѣніемъ души, которая возникла, какъ послѣднее убѣжище гонимаго недотыкомкой сознанія. Не прелестью животворящей поэзіи, а трупнымъ смрадомъ будетъ дышать такая легенда, съ какимъ бы техническимъ совершенствомъ она ни была рассказана.

Влюбленность въ мечту, настоящая полнокровная влюбленность,—великая творческая сила. Безъ нея невозможна поэзія и почти невозможна жизнь. Дѣятели французскаго конвента творили свое историческое дѣло, зачарованные мечтой о древнемъ Римѣ. Съ магической мощью, до которой сологубовскимъ кудесникамъ, какъ до звѣзды небесной, далеко, умѣли они перевоплощаться въ героевъ Плутарха. Легендарная доблесть гражданъ вѣчнаго города силою творческой мечты дѣйствительно вошла въ души французскихъ адвокатовъ и литераторовъ и придала имъ то титаническое обаяніе, которое ихъ самихъ сдѣлало источникомъ легендъ, вдохновлявшихъ позднѣйшія поколѣнія. То же самое можно сказать и о сподвижникахъ Кромвеля, упоенныхъ библейской легендой.

Мечта, зачатая вѣрой въ жизненные возможности, и есть сама жизнь. Челоѣкъ живетъ не тѣмъ, что въ немъ уже осуществилось, закончилось и, слѣдовательно, уже отжило, а тѣмъ, что только еще зарождается, что только еще угадывается въ стихійномъ напорѣ не осуществленныхъ стремленій. Пахнущая козломъ, реальная Альдонса очень далека отъ благоуханнаго поэтическаго образа Дульцинеи. Но въ каждой Альдонсѣ, поскольку она еще живетъ, скрыта возможность Дульцинеи,—и творческое ясновидѣніе любви открываетъ въ душѣ Альдонсы этотъ непримѣтный для равнодушнаго взгляда зародышъ, помогаетъ послѣднему распуснуться ароматнымъ цвѣткомъ, изгоняя запахъ козла.

Свершить такой творческій подвигъ любви можетъ лишь тотъ, кто, подобно Донъ-Кихоту, умѣетъ предвосхищать и закрѣплять въ могучей мечтѣ это грядущее, это только возможное, а еще не реальное преображеніе жизни,—однимъ словомъ, тотъ, для кого Альдонса уже превратилась въ Дульцинею.—По иному любить сологубовскій принцъ Танкредъ. Для него идеальный образъ Дульцинеи не сливается реально съ живою Альдонсой, но существуетъ все время отдѣльно отъ нея, какъ чистая любовная мечта. Цѣлуя Альдонсу, овладѣвая ею физически, онъ старается «думать», что въ его объятіяхъ не Альдонса, а Дульцинея. Пользуясь плотью жизни, онъ, такъ сказать, подноситъ къ своему носу флаконъ съ ароматами безплотной мечты, чтобы не слышать запаха козла. вмѣсто преображающей творческой любви передъ нами—одинъ изъ утонченнѣйшихъ и гнуснѣйшихъ видовъ разврата, одна изъ самыхъ грязныхъ, развѣдающихъ душу, формъ извращенія. Но такова и вообще разница между мечтой, вѣдряющей въ жизнь, и мечтою, отъ жизни бѣгущей. Первая есть сила, равняющая человѣка съ богами; вторая—порожденіе смердящей недотыкомки.

Этотъ, по необходимости, слишкомъ бѣглый очеркъ основныхъ мотивовъ нашей литературы и жизни позволяетъ, какъ мнѣ кажется, все-таки утверждать, что власть гоголевскаго чорта мы до сихъ поръ еще не сбросили съ себя. Напротивъ, власть эта непрерывно росла и ширилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый ликъ чорта существенно мѣнялся: фигура, грубо комическая вначалѣ, приобрѣла внушительную, величавую осанку,—и, если Гоголь совѣтовалъ «бить въ морду» эту гадину, то мы дожили до такой поры, когда «гадина» стала героемъ «творимыхъ легендъ». Не удивительно, что и въ общественной жизни нашими подлинными ясновидцами и пророками, оказались не мистики, не идеалисты, не поклонники Достоевскаго, а продолжатели традицій «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора»,—что глубочайшая сущность нашего національно-государственнаго генія полнѣе всего раскрылась въ образахъ щедринской фантастики.

А впрочемъ, можно ли противопоставлять фантастику Щедрина и мистику Достоевскаго, какъ различныя и самостоятельныя начала? Не двѣ ли это стороны одной и той же реальности? Не два ли аспекта одной и той же сущности?

Въ самомъ дѣлѣ, фантазмагоріи Щедрина, подобно «кариатурамъ» Гоголя, отнюдь не вызываютъ веселаго, побѣдоноснаго смѣха, но мистически зачаровываютъ насъ, гипнотизируютъ, какъ взглядъ змѣи, устремленный на жертву; мы чувствуемъ, что вся эта уродливая нежить, что всѣ эти «органчики» съ заводнымъ механизмомъ вмѣсто души интимнѣйшимъ образомъ свя-

заны съ русской жизнью, не внѣшне только подавляютъ ее, а естественно и, такъ сказать, органически вырастаютъ надъ нею.

Но вѣдь это же сапоги въ смятку! Какъ можетъ могучій организмъ увѣнчиваться жалкимъ механизмомъ? И какая сила, кромѣ отвергаемаго нашимъ просвѣщеннымъ вѣкомъ колдовства, въ состояніи поставить нежить во главѣ жизни? И однако же это такъ. Передъ очевидностью смиряется кичливый разумъ просвѣщеннаго вѣка; въ окружающей насъ дѣйствительности есть несомнѣнно что-то колдовское или, какъ любилъ выражаться Щедринъ, «волшебное»; напрасно будете вы кусать и щипать себя, чтобы поскорѣе очнуться, чтобы освободиться отъ кошмарнаго сна,—сонъ этотъ и есть самая подлинная реальность. Такъ мистификація претворяется въ мистику, фантазмагорія вскрываетъ тяготящій надъ нами рокъ, смѣхъ зрителя застываетъ въ гримасу ужаса на лицѣ сознавшей свою обреченность *жертвы*.

Эта трагическая обреченность комическому року, будучи лейтмотивомъ гоголевско-щедринской «чортовой» комедіи, является вмѣстѣ съ тѣмъ паѳосомъ «божественной комедіи» Достоевскаго, основнымъ итогомъ хожденія нашего національнаго Данте по мукамъ русскаго ада. Достоевски—слишкомъ большая тема для того, чтобы трактовать ее мимоходомъ. Но я не могу не отмѣтить здѣсь все же одного обстоятельства: въ произведеніяхъ Достоевскаго, вопреки установившемуся за послѣднее время мнѣнію, нѣтъ элементовъ настоящей «высокой» трагедіи. Подлинная трагедія создается мощнымъ устремленіемъ жизни,—настолько мощнымъ, что поступки охваченнаго имъ героя представляются уже не свободными и произвольными актами человѣка, а проявленіями стихійной сверхчеловѣческой силы,—вслѣдствіе чего и жизненная борьба героя, и его гибель въ этой борьбѣ приобрѣтаютъ роковой характеръ. Этотъ трагическій фонъ совершенно отсутствуетъ у Достоевскаго. Не буйный порывъ жизни, ломающей на пути своемъ всякія преграды, опредѣляетъ судьбу его героевъ; не отъ избытка, а отъ недостатка жизни замышляютъ свои преступления Иванъ Карамазовъ и Раскольниковъ: это—отчаянныя попытки гордаго ума пробудить дряблую импотентную волю, безнадежныя усилія горячей головы вдохнуть своеволие творчества въ оледенѣлое сердце, въ заколдованную, волшебнымъ сномъ спящую душу.

Нѣтъ у насъ ни подлинной комедіи, ни подлинной трагедіи; но въ безконечно разнообразныхъ вонлощеніяхъ,—то подъ комическими масками гоголевскихъ и щедринскихъ карикатуръ, то подъ трагическими личинами человѣко-боговъ Достоевскаго—все такъ же разыгрывается трагикомедія. Въ каждую данную эпоху особыя соціально-историческія причины вызывали безславный параличъ нашей мечты; но въ этой смѣнѣ историческихъ

условій неизмѣннымъ, на протяженіи почти цѣлаго столѣтія, оставался подколесинскій складъ русской души.

Говорять, однако, что теперь мы, наконецъ, воскресаемъ. Публицисты не устаютъ славить наше національное возрожденіе. Но въ чемъ именно выразилось это возрожденіе, все еще не ясно. Нѣкоторые указываютъ на нашу «жертвенность», кротость, твердость въ бѣдствіяхъ, т. е., какъ разъ на такія черты характера, которыя до сихъ поръ нашей прогрессивной мыслью считались вѣрнѣйшими симптомами духовнаго паралича. Но особенно много развелось публицистовъ, щебечущихъ и чирикающихъ, которые ни на что вообще не указываютъ, а просто славословятъ: весело щебечуть о своей любви къ отечеству, внушительно чирикаютъ о нашей народной гордости, предають анаѣмѣ «клеветниковъ Россіи»—пессимистовъ, требуютъ, чтобы всѣ глядѣли бодро и празднично, чтобы всѣ щебетали и чирикали вмѣстѣ съ ними: «Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество.—Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? Здѣсь или... въ Константинопольской губерніи?»

Обиліе веселыхъ людей,—явленіе настолько рѣдкое въ нашемъ обществѣ, что трудно пройти мимо него равнодушно,—но трудно и раздѣлить чувство ликующихъ. Вѣдь никогда еще наша историческая болѣзнь не проявлялась въ такихъ угрожающихъ формахъ, какъ именно въ настоящее время. И если намъ, дѣйствительно, не суждена еще смерть, если мы, дѣйствительно, хотимъ выздоровѣть, то первымъ нашимъ шагомъ должно быть, конечно, трезвое познаніе болѣзни, а не легкомысленно-игривое ея замазываніе.

В. Базаровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

„МІРЪ ИСКУССТВА“.

Размышляя о томъ, какъ всего лучше изъяснить свои впечатлѣнія отъ весенней выставки «Міра Искусства» тѣмъ изъ читателей, которые не имѣли случая посѣтить ее,—прихожу къ заключенію, что всего плодотворнѣе испытанный, насквозь конкретный приѣмъ французскихъ обозрѣвателей. Они обычно описываютъ и оцѣниваютъ наиболее выдающіяся картины того или иного изъ большихъ ежегодныхъ Салоновъ въ болѣе или менѣе случайной послѣдовательности развѣски, слѣдуя въ общемъ порядку нумераціи выставочныхъ залъ—и лишь въ заключеніе формулируя свои выводы, если, однако, для выводовъ имѣется достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, отнюдь не всякая группа явленій даетъ поводъ для развитія общихъ идей. Лишь сужденія предвзятые находятъ себѣ пищу всюду.

Такъ у насъ успѣла стать однимъ изъ ходячихъ трафаретовъ художественнаго мышленія пляска на костяхъ «Міра Искусства». Конечно, необходимо было взвѣсить, наконецъ, вкладъ этой группы и справедливо было признать его фатальную недостаточность. Это было сдѣлано своевременно также и нами. Но нельзя же вмѣстѣ съ тѣмъ полагать всѣ шансы грядущаго русскаго художества въ простомъ отрицаніи «Міра Искусства»: а вѣдь, къ этой «рабочей предпосылкѣ» сводится все положительное мросозерцаніе извѣстной части критики. Возвеличивать свою пропигательность за счетъ очевидныхъ недостатковъ «Міра Искусства» — постылый и слишкомъ легкій спортъ. Куражиться надъ вымышленнымъ врагомъ, приписывать ему какія-то подставныя идеологіи, оспаривать того, кто, къ великому сожалѣнію, и въ мысляхъ не имѣетъ, что-либо утверждать,—что за суета!

По всему этому чуть ли не правъ Александръ Бенуа, ополчаясь въ своемъ фельетонѣ-прологѣ къ выставкѣ противъ принципиальныхъ хулителей столь безпринципнаго въ сущности Общества; но онъ разрушаетъ свою аргументацію тѣмъ, что тутъ же, безъ должной мѣры, хвалитъ «Міръ Искусства» и приглашаетъ публику не критиковать, а любоваться. Но вѣдь, этотъ-то художественный квинтэзизмъ, это некритичное любованіе онъ могъ бы всего лучше наблюдать на разныхъ «Осеннихъ» и «Петроградскихъ» выставкахъ съ ихъ многочисленными кадрами преданныхъ и невозмутимыхъ посѣтителей и покупателей. Вновь, какъ уже въ своей апологіи прошлогодняго «Пушкинскаго спектакля», писатель этотъ дѣлаетъ бесполезную и весьма вредную для собственнаго авторитета попытку вовсе «заградить уста» непосвященнымъ и инакомыслящимъ.

Но, увы! Необходимо признаться: «Міръ Искусства» имѣетъ оправданіе не въ себѣ и не въ статьяхъ его апологетовъ, а

прежде всего въ насъ. Отъ него мы еще не отчаали никуда, плещемся у самаго берега, и, не будь его сегодня, что бы стала дѣлать самая критика? На «живой трупъ» Союза Русскихъ Художниковъ не поднимется рука: если отвлечься отъ значительныхъ и строгихъ искажи Крымовымъ синтетическаго пейзажа, тамъ вѣдь не остается ни на кого и никакой надежды. Каждый изъ именитыхъ участниковъ союза безъ конца повторяетъ себя ради удовлетворенія установившагося и возрастающаго спрова. Этого солиднаго и почтеннаго, если бы не самоувѣренныя инода и даже ухарскія замашки, торговаго предпріятія не подорвешь никакими манифестами новаго искусства, не заразишь никакимъ священнымъ безпокойствомъ. Да и стоитъ ли безъ пользы нарушать это торжество удачливыхъ эпигоновъ?

Иное дѣло «Миръ Искусства». Онъ «задѣваетъ». Въ немъ бьется какая-то не вовсе парализованная жизнь. На верниссажъ его идутъ съ волнениемъ: для однихъ до нельзя важно, чтобы выставка была хороша, а для другихъ, чтобы она была дурна. Она становится мѣриломъ самочувствія каждаго. И это потому, что здѣсь, дѣйствительно, дана мѣра русскаго искусства сегодняшняго дня. И, если терпитъ поражение эта выставка, вмѣстѣ съ ней терпитъ поражение и совокупность наличной нашей художественной культуры. Въ свое время «Миръ Искусства» эту культуру взбудоражилъ и освѣжилъ, проложивъ русло для новыхъ теченій; съ тѣхъ поръ мы видимъ его въ непосильной роли «временнаго нравительства» нашихъ изящныхъ художествъ, удерживающаго власть вотъ уже скоро два десятилѣтія, потому что ее рѣшительно некому вручить.

Первенство этого кружка слѣдуетъ понимать лишь какъ намѣстничество или «исправленіе должности». Онъ имѣетъ весьма словоохотливую оппозицію, но не имѣетъ законныхъ преемниковъ съ достаточно широкими плечами. Будь онъ еще консервативенъ, косенъ, ревниво въ себѣ замкнутъ! Ничуть не бывало. Онъ эклектиченъ, безконечно покладистъ, все приемлетъ хоть и не до конца, и ничего до конца не исповѣдуетъ. Настанетъ ли тотъ «настоящій день», когда «Миръ Искусства» выдѣлитъ изъ своей среды новую «сецессию»: искусство фанатиковъ и созидателей новизны, безоглядно и беспощадно порывающихъ съ вчерашнимъ днемъ? Но какъ можетъ это осуществиться, разъ либеральный «Миръ Искусства» ни отъ чего не отказчикъ. Вѣдь опасная сторона его именно въ томъ, что каждый новый бунтъ онъ парируетъ новымъ компромиссомъ. Остается мечтать о такомъ моментѣ, когда готовое на всѣ комбинаціи Общества, ожесточившись, наконецъ, партійнымъ и деспотическимъ духомъ, извергнетъ изъ своей среды слишкомъ строптивыхъ и дерзкихъ. Въ борьбѣ и изгнаніи обрѣтутъ послѣдніе свое призваніе, растворяющееся нынѣ въ специфической атмосферѣ благожелательнаго нейтралитета. Мнѣ кажется, что уже нѣсколько лѣтъ накопляется новая, великодушная кровь и со дня на день новое русское искусство «прорвется словно нарывъ» (какъ опредѣлялъ въ свое время одинъ бельгійскій критикъ явленіе поэта Верхарна). Когда же придетъ новый хозяинъ, тогда настанетъ естественный конецъ «Мира Искусства».

А пока что, не станем ли хвалить, ни порицать, какъ нѣкоторую отвѣченную доктрину то, что есть всего на всего случайная скремупа,— и вспомнимъ, наконецъ, что здѣсь повѣдали намъ о себѣ слишкомъ шестьдесятъ *живыхъ людей*. Пусть среди этихъ живописныхъ признаний немало жеманной и праздной болтовни. Въдѣ форма, въ которой является намъ дѣйствительность искусства и въ которой скрытъ невнятный для ближайшихъ современниковъ законъ истории,— есть произведение художника и его личность. Изъ частныхъ и интимныхъ свойствъ последней и слалается въ конечномъ счету равнодѣйствующая художественнаго усилія страны. Поэтому, какъ, на примѣръ, не любопытствовало каждому, кто подлинно этимъ успеемъ озабоченъ, оправдалъ ли Александръ Яковлевъ сдѣланную на него три года тому назадъ многими (не мною) крупную ставку? Пожалуй, еще болѣе, чѣмъ его участие, опредѣляетъ для насъ обликъ выставки отсутствіе Альтмана, безъ сомнѣнія бывшаго въ прошломъ году въ «фокусѣ» вниманія; наконецъ, насъ не можетъ не интриговать вовсе дальнѣйшая судьба также отсутствующаго Льва Бруни. По всему этому насъ будутъ занимать здѣсь не столько общія теорія, сколько вещественныя достижения.

* * *

На привычныхъ мѣстахъ, какъ бы въ преддверіи выставки, застаемъ мы не совсѣмъ случайную группу художниковъ, чьи задачи и фактура въ большей или меньшей мѣрѣ отвѣчаютъ той стадіи художественнаго пониманія, что связана въ руководящей Франціи съ конечнымъ завершеніемъ и продолженіемъ импрессионизма. Нѣкоторыя изъ современныхъ теченій, разрабатывающихъ тѣ или иные частности сезанновскаго завѣта,—кроме на этотъ разъ отвѣтвленія кубистическаго,—отражены здѣсь въ русской психической средѣ. Тутъ первое мѣсто должно быть приписано двумъ скромнымъ холстамъ: портрету дѣвочки и натюрморту съ самоваромъ—П. П. Кончаловскаго, правда, съ существенными оговорками. Колоритъ этихъ вещей насыщенъ равномерно, безъ легкости, безъ деликатной градаціи валеровъ, лѣпка грузна и не омыта вибраціей атмосферы. Кончаловскимъ облюбована здѣсь плотность и матеріальность красочнаго слоя, столь несходная съ тѣмъ прозрачнымъ дуновеніемъ цвѣта, изъ котораго возникаютъ мощныя поверхности Сезанна; коричневая части мебели лѣплятся вышукло, точно застывшій клей, тѣни сѣры, а контуры откровенно черны,—ибо Кончаловскій принадлежитъ къ поколѣнію, реабилитировавшему измѣненный черный цвѣтъ и пристрастному къ марьому и мрачному тону сажи. Все такъ: но въ этихъ тяжелыхъ и наполовину лишь оживленныхъ этюдахъ обнаружена какая-то массивная сосредоточенность и благородство колористическаго задания.

Другой русскій послѣдователь примѣровъ Сезанна, И. Малковъ, трактуетъ фрукты и овощи въ духѣ преувеличенной красочности и пластичности. Въ его натюрмортахъ всегда увлекало грубоватое и пылкое великолѣпие матеріи, почти наглое торжество растительной жизни. Но на этотъ разъ размахъ его разбился о изображеніе живой природы. Помѣстивъ среди пречаго, обычнаго реквизита своихъ гигантскихъ арранжировокъ обнаженную женскую фигуру, онъ не совладеть съ распределеніемъ плановъ. Масса неживого, «неорганическаго» тѣла, съ типич-

нымъ его фиолетовымъ тономъ, словно втиснута въ готовую композицію и не находятъ себѣ мѣста на фонѣ русскаго гобелена, откуда скачетъ на него, вырываясь изъ рамы, тройка Наполеона. Машковъ изо всѣхъ силъ «нажимаетъ педаль», форсируя характеръ прежнихъ своихъ работъ. Ту же область мертвой природы культивируетъ и В. Бѣлкинъ, живописецъ сухой и робкій, ищущій эффекта цѣльныхъ цвѣтныхъ поверхностей (синяя скатерть въ одной изъ картинъ), но въ то же время осторожно копирующей натуру; «игрушки» Бандаурова и натюрморты Ю. Оболенской — образцы диллетанства и никчемности и должны быть исключены изъ обсуждения.

Незначуща сама по себѣ вещь Хассенберга любопытна, какъ прямое отраженіе мотивовъ и «видѣнія» французскихъ экспрессионистовъ: какъ не узнать тутъ оранжевой земли и темно-зеленыхъ деревьевъ, упрощенной трактовки архитектурныхъ деталей и особенностей перспективы, которые сообщаются Стономъ Фризомъ и его сверстниками изображеніямъ полутрошечской французской Ривьеры. Единственный этюдъ г-жи Зельмановой, мало показательный, также задается синтетической трактовкой южнаго пейзажа.

Портретъ и большое панно М. Шейхеля, изображающее молящихся евреевъ, соединяютъ декоративный стиль Анри Матисса съ попытками, — сказала бы я, — этнографической символики. Средствами декоративнаго обобщенія являются здѣсь строгая двухмѣрность композиціи, крайняя упрощенность цвѣтныхъ поверхностей и выразительный ритмъ очертаній. «Портретъ» Шейхеля почти цѣликомъ повторяетъ красочное трезвучіе — зеленое, красное и синее — знаменитыхъ «Шукинскихъ панно» Матисса. Въ «Еврейяхъ» же монументальный ритмъ менѣе впечателъ, колоритъ лишенъ пронизывающей интенсивности французскаго прообраза: нѣтъ ни совершенной статичности Матиссовой «Музыки», ни динамичности «Хоровода», его безконечной мелодіи. Я опредѣляю здѣсь лишь ориентацию молодого художника; достижения еще впереди; и слѣдуетъ помнить, что индивидуальный стиль Матисса, интеллигентнаго, сильнаго, настойчиваго мастера (къ тому же рисовальщика потрясающей *пластической силы*), добытъ имъ цѣною многолѣтняго искусства. Найдеть ли русскій ученикъ его достаточный источникъ углубленнаго творчества въ тѣхъ чертахъ восточнаго фольклора, къ которымъ онъ, повидимому, тяготеетъ?

Эти немногіе примѣры, которые можно было бы дополнить ссылкой на такихъ художниковъ, какъ М. Гончарова, Лентуловъ и иные москвичи, раскрываютъ одну изъ типическихъ и фатальныхъ чертъ современнаго русскаго искусства, — а не только лишь «Мира Искусства».

Каждое стремленіе западной души къ новому творческому постиженію міра, будь то даже футуристская попытка «остановить мгновение» или «кабалла» кубистовъ, ищущихъ философскаго камня абсолютной живописи, обращается у насъ въ тенденцію декоративную, въ красоту вышнюю и «прикладную», въ пестроту и узорность, въ пряность восточнаго ковра или аппетитный гротескъ лубка. Умноженные строительныя и выразительныя свойства новѣйшей французской живописи не прививаются на русской почвѣ; отвлеченные «объемы» переходятъ въ аморфныя массы вещества, а синтетическая линия — въ увеличенный

орнаментъ; то, что тамъ, на Западѣ, служить воплощеніемъ напряженному и дѣятельному духу, превращается у насъ въ пріятную расцвѣтку плоскости, въ игру. Завоеванія строгой воли и тонкой интеллектуальности служатъ намъ лишь для чувственной радости цвѣтовыхъ ощущеній. Футуризмъ, кубизмъ, экспрессионизмъ — все это для насъ всего лишь *бутофрля*, новыя прописи для прежнихъ настроеній. Объ этомъ «Бубновый валетъ» свидѣтельствуетъ не въ меньшей мѣрѣ, тѣмъ «Мірѣ Искусства». На выставкѣ послѣдняго показаны очень хорошенкя сумочки К. Л. Богуславской. И ранѣе мы любовались на тѣхъ же выставкахъ подушечками и сумочками «Бидермейеръ», Луи-Кэнзъ или Стилъ-модернъ. Нынѣ ихъ безъ ущерба замѣнили изящными издѣліями «футуристкы» Богуславской.

Ридикюль футуристки! Таковъ отнынѣ символъ и стаятъ «Мира Искусства». Таково, увы, знаменіе всего нашего художественнаго бѣгтія.

На касательной нашей новой живописи съ современнымъ Западомъ находятся, если угодно, также и вещи И. Грабаря. Выставленныя работы не на высотѣ остальной дѣятельности этого большого человѣка. Техника его въ общемъ отвѣчаетъ мазкамъ-точечкамъ неои́мпрессионистовъ, но даетъ впечатлѣніе безпокойной и грубоватой расцвѣтки. Яблоки держатся на совершенно вертикальной голубой скатерти какимъ-то чудомъ. Намѣченная задача не разрѣшена, — а вещь выставлена. Красно-желто-зеленый же пейзажъ «Рябинка» по назойливой и сладкой своей красивости такъ и воніетъ о мюнхенскихъ воспоминаніяхъ художника.

За смертью Врубеля и Сѣрова, отсутствіемъ Бакста и Тархова, воздержаніемъ Рериха, Браза и Бенуа и наличностью одного лишь карандашнаго портрета К. Сомова, мало удавшагося этому мастеру, окончательно вступило въ свои права второе поколѣніе группы «Мірѣ Искусства», работы котораго и образуютъ зерно выставки.

Цѣлая стѣна отдана вещамъ, привезеннымъ изъ академической командировки А. Е. Яковлевымъ. Его выдѣлили три года тому назадъ большой групповый портретъ и рядъ эскизовъ къ нему, рисованныхъ сангиной. Портретъ этотъ былъ отмѣченъ, при темной и случайной гаммѣ, энергичной пластикой фигуръ и реалистической мѣткостью сходства. Слуста годъ, «Купальщики и многочисленные рисунки академическаго отчета впечатлѣніе скорѣе ослабили. Въ наброскахъ наготы тѣла была какая-то шикарная хлесткость, аффектація непогрѣшимаго анатомическаго знанія. Большая композиція не была слажена и объединена; путь «новаго академизма», возникшаго въ мастерской проф. Кардовскаго, рисовался туманнымъ. Побѣдка за-границу не дала Яковлеву найти себя. Онъ изнемогъ въ поискахъ личнаго стилия, сочетающагося академическй реализмъ съ субъективнымъ воспріятіемъ міра. Задача усложнялась тѣмъ, что онъ лишень непосредственнаго чутья колорита. Его «Рыбакъ» и два портрета темперой представляются мнѣ почетной неудачей. «Рыбакъ» придуманъ умно и своеобразно съ его матовой морской поверхностью, срѣзанной рамой. Краски глухи, мертвенны, но благородны. Фигура старика вычерчена съ графической сухостью и острою; но въ праненыхъ очертаніяхъ ни крѣпости, ни нерва. Въ «Портретѣ художника» интенсивная лѣпка словно рѣзаннаго изъ темнаго дерева лица сочетается съ плоской, декоративной трактовкой бѣлаго костюма; четкый и чистый контуръ и мотивъ фона создаютъ впечатлѣ-

ше переодѣтаго кваттрочентиста. Яковлева не покидаетъ въ то же время тревожная забота о новизнѣ: въ «Рыбакѣ» и этюдахъ отъѣсы и выступления скалъ трактованы словно отполированные разръзы стальныхъ цилиндровъ и конусовъ. Всего менѣе я одѣнилъ больше портретные рисунки сангиной. Эта эффектная техника, скрывающая подъ виртуознымъ размахомъ крайнюю приблизительность и сбитость формы, даетъ слишкомъ легкія побѣды. Въ общемъ: внушительное дарование, обреченное на безплодіе, пока не оттолкнется съ размаха отъ берега неоклассицизма и не пристанетъ къ живому искусству, между которыми сегодня безпокойно снуютъ его лады.

Рядомъ съ нарочитымъ и раздвоеннымъ Яковлевымъ съ контрастной остротой выдѣляется экспансивный импровизаторъ Б. Григорьевъ. Дарование этого художника—какое-то обильное и беспорядочное цвѣтеніе. Ни тѣни доктринерства, но и отсутствіе выдержанной линии поведения. То буйный размахъ, то капризная вычура. Но и въ «искривленіяхъ» увлекательное простодушіе подвижного темперамента. Мгѣ не хотѣлось бы «классифицировать» художника, клеить на него ярлыкъ, пока въ немъ еще «младая кровь играетъ». Къ тому же трехъ вещей, показанныхъ на выставкѣ, недостаточно для того, чтобы судить о немъ, о необыкновенномъ объемѣ его творческой способности: за этотъ годъ имъ созданы дѣлая серія портретовъ, циклъ эскизовъ, великое множество рисунковъ, большія декоративныя композиціи. Эта внушительная и чрезвычайно разнообразная совокупность одна лишь достаточно характеризуетъ предварительное развертываніе большихъ силъ — передъ тѣмъ сосредоточеннымъ усиленіемъ, которое наречетъ Григорьева мастеромъ. Примерно три года тому назадъ, онъ словно экспромтомъ далъ сотни исключительныхъ по бѣглости и остротѣ очертанія рисунковъ природы и звѣрей, а также записей парижской улицы, съ выраженной нотой гротеска; въ прошломъ году вторымъ сюрпризомъ явился женскій портретъ большой пластической выразительности. Въ этомъ году намъ показанъ, какъ я говорилъ, лишь ущербленный Григорьевъ. Его «Мать», кормящая ребенка, съ ея текучей техникой и чувственнымъ лиризмомъ колорита, носитъ въ то же время черты монументальности, «женскій портретъ» тяготеетъ къ декоративному упрощенію массъ и сжатости композиціи, вписанной въ узкіи форматъ холста, сохраняя въ трактовкѣ лица какое-то экзотическое вѣяніе. «Дѣтство» удалось менѣе: цвѣтной орнаментъ аксессуаровъ дѣлаетъ простой и интимный мотивъ няни съ ребенкомъ пестрымъ и неодушевленнымъ. Такъ, броская лихость мазка, эротическая пряность, любовь къ эксцентричной арабескѣ, къ декоративной мишурѣ сочетается у Григорьева съ большой силой воображенія и осуществленія. Отъ него можно многого ждать; но онъ разбрасывается столь щедро, что за него позволительно и спасаться.

О Кустодевѣ выставка не сказала ничего новаго. Его декоративная транспонировка мотивовъ русскаго быта попрежнему притязательна и поверхностна. «Дѣвушка на Волгѣ»—всего лишь по заданію, композиціи и названію аналогична «Барышнямъ на берегу Сены» Гюстава Курбѣ. Думается, что Кустодевъ хотѣлъ дать собирательный образъ русской дѣвушки на «синтетическомъ фонѣ» русской рѣки. Но оба мотива лишены всякой экспрессии; фигура и первый планъ трактованы декора-

тивно, на плоскости, остальной пейзаж углублен перспективно, а по-сему части эти другъ другу противорѣчатъ. Главный характеръ картины опять-таки въ дешевой, на мой взглядъ, бутафории: полосатой юбки. Въ остальныхъ работахъ, если не считать ловкаго и вѣроятно, очень схожаго портрета, написаннаго пастелью «подъ масломъ», — все та же дубочная яръ, но безъ того благородства красочнаго отношенія, которое инстинктивно хранитъ каждый народный художникъ-кустарь.

Передъ работами З. Е. Серебряковой, «Крестьянами въ полѣ» и особенно удавшимся вариантамъ къ нимъ, останавливаюсь съ почтениемъ и легкимъ ощущениемъ скуки. Художница сама того хотѣла, надѣливъ свои картины смуглой патиной выдержанныхъ въ музеѣ шедевровъ. Иной живописецъ *деформируетъ* природу въ духъ своего личнаго видѣнія; Серебрякова деформируетъ свое видѣніе въ духъ «великихъ мастеровъ». преломляетъ его въ атмосферѣ Венецианова и старой академии. Но если новыя ея работы не повторили сенсаци ея перваго автопортрета, то снѣ импонируютъ законченностью и достоинствомъ подхода.

Петровъ-Водкинъ, настойчивый и маловдохновенный искатель монументальнаго стиля, пионеръ новаго искусства съ подкладкой академическаго педанта, показалъ, наряду съ вариациями на старыя темы, «Дѣвушекъ», гдѣ счастливо, въ общемъ, осуществленъ параллелизмъ между динамическимъ ритмомъ подвижной гирлянды фигуръ и распределениемъ пѣтвыхъ поверхностей. Изъ «экзотической группы» выставки представлень двумя вещами (въ каталогѣ ихъ 8?) П. Кузнецовъ; — очаровательнень его натюрмортъ на синемъ съ золотымъ фонѣ; — другой пришлецъ съ Востока, Сарьянъ, обнаружилъ свою обычную, песочно-коричневую, лимонно-желтую и зеленую гамму, но сентиментально ослабленную, безъ прежней интенсивности. Увы! еще однимъ «приятнымъ» художникомъ больше.

Я видѣли въ своемъ изложеніи группу художниковъ, характеризующихъ духъ «Мира Искусства» съ одной изъ наиболѣе типическихъ сторонъ: я разумью художниковъ театральнахъ. Къ нимъ нельзя не отнести Б. И. Анисфельда, хоть и не выставившаго на этотъ разъ ни одного эскиза декораціи или костюма. Большое мавно «Геспериды» почитаю за полную неудачу художника. Въ вязкой поверхности густо разлитыхъ яркихъ и сладкихъ красокъ утопають фигуры, настолько лишены пластической формы или линейной структуры, что даже пристальному взгляду трудно выпростать ихъ очертанія изъ хаоса композиціи; яркій потокъ золотистаго кадмія, изображающій хвостъ павлина, горитъ среди лишкаго полумрака мишурнымъ блескомъ. Въ натюрмортахъ поютъ и сіяють пурпуръ, бронза и глубокая синева эмали, праздничная и пышная гамма, столь плѣнительная въ искусственномъ свѣтѣ театральной рампы, но слащавая въ картинѣ станковой. Въ мужскомъ портретѣ сдѣлана попытка упрощенія массъ, но безъ должной энергии; портретъ дочери элегантенъ и поверхностенъ.

С. Судейкинъ далъ длинный рядъ театральнахъ эскизовъ. Не видѣвъ постановокъ «Свадьбы Фигаро» и «Проказъ вертопрашки», осуществленныхъ въ Москвѣ, затрудняюсь судить о результатахъ его работы. Какъ выставочные предметы, эскизы декораціи, производятъ впечатлѣніе крайней перегруженности орнаментальными деталями. Картинности они лишены совершенно. Не видѣ эти прикладныя части

театрального обихода и не должны быть предназначены для выставки; наброски же костюмовъ носятъ, при всей грубой суммарности безпомощнаго исполненія, черты яркаго и своеобразнаго гротеска въ духѣ Елисаветинскаго рококо. Точно также сужденіе о подготовительныхъ работахъ М. Добужинскаго для постановки пьесы Мережковскаго въ Художественномъ театрѣ умѣстно отложить до исполненія этой пьесы въ Петроградѣ.

Остальной живописный матеріалъ выставки не обобщается въ типическія группы, а распадается на отдѣльные эпизоды. Среди нихъ укажу на работы И. Нивинскаго и Г. Якулова, черпающихъ мотивы изъ эксцентричнаго, искусственнаго и патетическаго міра цирка, арены борьбы, ночнаго ресторана; мнѣ кажется, однако, что подчеркнутая напряженность «академій» перваго также попадаетъ мимо цѣли, какъ и фантастика втораго. «Баръ-Олимпія» Якулова изображаетъ въ переоборудованныхъ свѣтовыхъ треугольникахъ, исходящихъ словно отъ невидимыхъ прожекторовъ, копошащуюся массу пляшущихъ фигурокъ, надъ которыми обѣленная стойка бара высится словно золотая индійская божница: интересное намѣреніе, но невеликія силы.

Продолжая свой обходъ выставки, вступаю въ міръ диллетанизма, плагиата и рукодѣлія, нашедшихъ здѣсь слишкомъ гостепримный пріютъ. Здѣсь нахожу поддѣльныя подъ Рериха иконы г-жи Земляничной, вещи г-жи Щекотихиной и сущій вздоръ г-жи Жуковской. Болѣе самостоятельныя и умѣлыя вещи въ иконописномъ духѣ даетъ г-жа Малеванная-Зарѣцкая: но и это праздныя упражненія, тѣнь отъ тѣни истиннаго древняго художества. Для полноты приведу еще работы г-жи Толстой «подъ ранняго Павла Кузнецова»; читатель не посѣтуетъ на меня, если я опустилъ въ столь подробномъ уже перечнѣ иныя имена или вовсе ужъ не плохія вещи: совокупность впечатлѣній не измѣнилась бы, а упрека въ мелочности мнѣ бы заслужить не хотѣлось.

О характерѣ современной иллюстраціи и особой ея судьбѣ въ Россіи я разсчитываю еще побесѣдовать на этихъ страницахъ отдѣльно; поэтому я стѣснчу лишь голословно солидный иллюстраторскій трудъ Е. Е. Лансере, выставившаго 36 мотивовъ для «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого и показавшаго себя въ общемъ умѣлымъ и умнымъ электикомъ. Среди работъ Д. Митрохина выдѣлю на этотъ разъ «рисунки для форзацной бумаги», не упущу упомянуть о замысловатыхъ «Аллегоріяхъ» Нарбута, упрекну рисованные въ тонкомъ «псевдо-русскомъ» стилѣ листы Шарлеманя за совершенно нестерпимый шовинизмъ темъ.

Въ области гравюры важнѣйшія явленія: монотипія Е. С. Кругликовой на парижскія жанровыя темы, а особенно гравюры на линолеумѣ и офорты Фалилеева. Его лирическіе пейзажи изъ цикла «Волга» знаменуютъ смѣну руководящихъ этимъ мастеромъ образцовъ: отъ стипля гравюровъ итальянскаго барокко (скульптурная глѣпка, свѣтопись) онъ эволюционируетъ въ сторону позднихъ японцевъ, а особенно Хирошиге (плоское пятно и контуръ). Указанія на замѣчательныя работы миниатюриста, эмалера и ювелира Чехонина будетъ достаточно для очерка, посвященнаго не прикладнымъ художествамъ, а современному состоянію русскаго живописнаго творчества.

Скульптура всегда была Ахилесовой пятой выставокъ «Мира Искусства»; ихъ выручалъ обычно одинъ лишь А. Матвѣевъ, на этотъ

разъ промолчавшій. О плохихъ вещахъ мнѣ говорить не хочется, хотя нѣкоторыя изъ нихъ возмущаютъ; истинную же радость могъ доставить лишь «Бюстъ художника Альтмана», ранняя работа «назрѣвающаго» мастера Оскара Мъщанинова, а возбудить сочувственное любопытство: «портретъ» другого «новаго человека» А. Волковысскаго, отмѣченный честотой и нѣжностью плановъ.

Сколько бы ни промелькнуло еще передъ нами именъ, существенные итоги говорили бы о томъ же: здѣсь налицо искусство стильныхъ экспериментовъ и «скуррильныхъ» вычуръ, лстящихъ изощренному вкусу музейныхъ реминесценціи и артистическихъ игрушекъ; стихійныя силы творчества, быть можетъ, готовыя проявиться, приспособляются къ изысканной культурной забавѣ, обнаженная плоть жизни принаряжается въ экзотическія тряпки. И даже на этой лучшей изъ нашихъ выставокъ, стимулъ созиданія—лстивое желаніе развлекать, украшать и нравиться. И что же?

Для каждаго изъ насъ, современниковъ «Мира Искусства», соблазновъ здѣсь затаено не мало. Въ каждомъ изъ насъ затаенъ «александриецъ», изысканный варваръ. Но если мы поддадимся этимъ соблазнамъ и приучимъ себя къ любованію этой синицей въ нашихъ рукахъ, забывъ о журавлѣ въ небѣ: чаемомъ искусствѣ, — тѣмъ хуже для насъ, мы не достойны ничего лучшаго, чѣмъ «Миръ Искусства».

Андрей Левинсонъ.

P. S. Эти страницы были уже написаны, когда я освѣдомился изъ газетной полемики, что жюри выставки отвергло цѣлый рядъ художниковъ и произведеній. Вотъ и отлично. Нашему молодому искусству данъ урокъ. Довольно отрицать «Миръ Искусства» и въ то же время, сколько хватитъ силъ, ломиться туда. Слишкомъ легко стало быть художникомъ среди общей терпимости и общаго безразличія. Надобно претерпѣть и завоевать свое будущее. Вовсе не обязанъ «Миръ Искусства» паянчить Альтмана или Бруни. Вотъ для нихъ и случай показать, есть ли въ нихъ прочный стержень и крѣпкая воля къ преображенію нашей живописи и всего нашего художественнаго сознанія, — или же ихъ дерзновение есть лишь новѣйшая вариация той же «бутафорской» сущности «Мира Искусства».

Вы отвергнуты: создайте Салонъ Отвергнутыхъ! Поднимите перчатку и покажите, если можете, что вы не наказанные школьники. Быть можетъ, семейный расколъ этотъ, дѣйствительно, знаменуетъ, послѣ столькихъ будней, начало героическаго періода русскаго искусства. Хочется вѣрить въ столь чудесное превращеніе! Но какъ бы нашимъ «независимымъ» и ихъ болтливымъ іересархамъ не изобразить въ лицахъ притчу о блудномъ сынѣ и не вернуться, при первой неудачѣ или разногласіи, въ отеческое лоно всепрощающаго «Мира Искусства»! Тогда будетъ бита послѣдняя карта нашего, возможнаго все же, художественнаго возрожденія.

А. Л.

ТВОРЕЦЪ ДУШЪ.

(300 лѣтъ со дня смерти В. Шекспира, 23 апр. 1616 г.).

I.

Ровно 300 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу поэтъ, по всеобщему признанию — одинъ изъ самыхъ великихъ, по утверждению очень многихъ — величайшій въ мѣрѣ. Шекспиръ умеръ, совершивъ полный кругъ своего творчества смертью, рѣдкой для поэта, — не въ разгарѣ кипучей дѣятельности и даже не на склонѣ лѣтъ, когда дарованіе тихо замираетъ, но когда каждое мгновение можно еще ожидать рѣдкихъ позднихъ искръ. Въ возрастѣ 47 лѣтъ онъ покинулъ шумный Лондонъ, арену своей славы, и удалился на родину, въ тихій Стратфордъ. За послѣдніе 5 лѣтъ жизни ни одной пьесы не появляется изъ-подъ его пера, не считая незначительнаго его участія въ обработкѣ «Генриха VІІІ» (1613), принадлежащаго неизвѣстному автору.

Считалъ-ли онъ самъ свою роль сыгранной и законченной? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, ибо, благодаря скудости дошедшихъ до насъ свѣдѣній, все, касающееся мыслей и чувствъ Шекспира, какъ человѣка, остается для насъ непроницаемой тайной*. Но фактически мы воспринимаемъ художественное созданіе его какъ абсолютно законченный циклъ. Мы склонны, давъ просторъ воображенію, строить болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія о томъ, по какимъ путямъ стало бы развиваться далѣе творчество Лермонтова или Пушкина, если бы не было прервано ранней смертью, — ва какія темы могли бы они взяться и какъ ихъ разработать. Мы готовы пометать даже о томъ, что могъ бы создать старецъ Гете, если бы прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Но относительно Шекспира наше воображеніе останавливается, ибо не поддерживается никакой внутренней потребностью, — настолько цѣлостенъ и внутренне законченъ пройденный имъ путь. Онъ можетъ быть выраженъ одной изъ самыхъ простыхъ и вѣчныхъ формулъ: теза—антитеза—синтезъ.

* Есть кое-какія данныя за предположеніе, что Шекспиръ сознательно ушелъ на отдыхъ, отстранившись, чтобы уступить мѣсто менѣе эмоциональной и болѣе «изысканной», просвѣщенно-классической драмѣ Бьюмонта—Флетчера, новому направленію, которое онъ, со свойственной ему терпимостью и объективностью, считалъ отнюдь не вреднымъ, но для себя лично, по свойствамъ своей художественной организаци, совершенно неприемлемымъ. За два года до отъѣзда Шекспира, театръ «Глобусъ», въ которомъ онъ состоялъ пайщикомъ и который до тѣхъ поръ питался почти исключительно его пьесами, начинаетъ приобретать для постановки новыя пьесы Бенъ Джонсона, Бьюмонта и Флетчера.

Изъ всѣхъ дѣленій творчества Шекспира на периоды лучшимъ остается обычное четверное дѣленіе. Оно съ наибольшей ясностью отмѣчаетъ этапы эволюціи и настроенія поэта и его поэтической техники.

Первый періодъ приходится на первые годы пребыванія поэта въ Лондонѣ. Перенесшійся внезапно изъ глухой провинціи въ столицу, 22-лѣтній юноша, одаренный необычайной восприимчивостью, жадно впитываетъ въ себя окружающую культуру, снѣвно восполняя пробѣлы болѣе чѣмъ недостаточнаго образованія. Какъ авторъ, онъ начинаетъ съ передѣлокъ старыхъ пьесъ и съ подражанія корифеямъ англійской сценѣ того времени. Весьма слабая въ художественномъ отношеніи трагедія «Титъ Андроникъ» сложилась по образцу «кровавой трагедіи» Гюда. Гораздо выше стоящій «Ричардъ III» обличаетъ еще сильное влияние патетическаго стиля Марло. «Безплодные усилія любви» носятъ немало слѣдовъ вычурнаго стиля («эвфуизма») Лили. Постепенно растетъ художественное мастерство поэта, постепенно становится онъ все болѣе и болѣе самостоятельнымъ.

Эволюцію легко прослѣдить на четырехъ юношескихъ комедіяхъ: «Комедія ошибокъ», «Безплодные усилія любви», «Два веронца» и «Укрощеніе строптивой». Первая написана еще въ духѣ грубоватаго народнаго юмора; въ двухъ слѣдующихъ уже сказались 5 лѣтъ пребыванія въ столицѣ: поэтъ усвоилъ уже болѣе изысканную рѣчь, болѣе благородный вкусъ. Въ послѣдней намъ дано причудливое соединеніе обихихъ элементовъ: народнаго и аристократическаго. Этотъ періодъ — «ученическіе годы» Шекспира-драматурга. Въ названныхъ комедіяхъ онъ учится искусству композиціи, обрисовки характеровъ, постановки психологическихъ проблемъ, — всему тому внѣшнему мастерству, которое съ такимъ совершенствомъ примѣнитъ онъ въ слѣдующій періодъ. О мироощущеніи, объ основномъ настроеніи драматурга говорить пока не приходится: онъ работаетъ во всѣхъ направленіяхъ, нащупывая почву, прежде чѣмъ стать самимъ собой.

Второй періодъ (1593—1602) — сплошная пѣсь радости и красоты жизни. Сюда относится оригинальнѣйшее созданіе Шекспира — новый, своеобразный типъ комедіи. Внѣшній признакъ «комедіи» въ этомъ смыслѣ — тотъ же самый, по которому называлъ «Комедіей» свою поэму Данте: счастливое разрѣшеніе тревожнаго и опаснаго положенія; внутренній — въ новомъ, особомъ пониманніи комизма. Онъ создается не изображеніемъ смѣшнаго (несообразнаго), какъ, напримѣръ, въ первыхъ комедіяхъ самого Шекспира, и не преувеличеннымъ изображеніемъ порока въ смѣшной формѣ, какъ бывало еще въ римской комедіи, и затѣмъ у большинства новыхъ европейскихъ писателей комедій, съ Мольеромъ во главѣ, а изображеніемъ безпомощности человѣка и несоответствія между тѣмъ, что онъ воображаетъ о значенія своей личности, и тѣмъ, какъ судьба играетъ его чувствами и волей.

Таковы три комедіи: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Венеціанскій купецъ» и «Двѣнадцатая ночь». Общее настроеніе въ нихъ — чувство миражности всего происходящаго. Все забылется предъ нашимъ взоромъ, все случайно, все измѣнчиво по прихоти судьбы. Люди сами не знаютъ своихъ чувствъ, случай ихъ направляетъ. Жизнь полна ошибокъ и недоразумѣній, въ которыхъ люди запутываются, пока добрый гений — тотъ же случай — не выводитъ ихъ на пра-

вый путь. Жизнь есть сонъ. Но есть сны и сны. Бываютъ кошмары, когда человѣку снится, что на его плечахъ ослиная голова (Основа, въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь»). Но есть сладкие сны, когда грезятся вещи прекрасныя, радостныя, полныя гармоніи (5-й актъ «Венеціанскаго Купца»). Ихъ внушаетъ фантазія, т. е. духъ поэзіи, живущій въ каждомъ благородномъ сердцѣ. Поэзія, любовь и безуміе, сладкое, прекрасное безуміе,—одно и то же («Сонъ въ лѣтнюю ночь», д. 5, сц. 1).

Однако, не все въ жизни зависитъ отъ игры судьбы. Уже въ послѣднихъ пьесахъ второго періода намѣчается участіе личной воли человѣка, энергии и ума его (Порція въ сценѣ суда или Бассанио при выборѣ шкатулки въ «Венеціанскомъ купцѣ», Виола въ «Двѣнадцатой ночи»). Одинъ шагъ далѣе — и ставится проблема борьбы воли и чувствъ — человѣка съ судьбой, — проблема великихъ трагедій Шекспира. Но какъ раньше комизмъ, такъ и теперь — трагизмъ, носитъ у Шекспира особенный характеръ. Гибель героя, конечно, необходимое условіе трагедіи. Но за что гибнетъ онъ? Въ древней трагедіи — за какую-либо вину. Такая трагедія не носитъ особенно мрачнаго характера. Виновный погибъ, но праведникъ спасается, — на свѣтъ можно жить. У Шекспира источникъ гибели — не виновность героя, а свойства его характера, притомъ обычно свойства благородныя. А это уже ведетъ насъ къ глубоко пессимистическому взгляду на жизнь.

Необычайная мрачность характеризуетъ весь этотъ третій періодъ творчества Шекспира (1602—1610). Таковы не только величайшія 4 трагедіи его: «Гамлетъ», «Отелло», «Макбетъ», «Король Лиръ» или три «римскія» трагедіи: «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра» и «Кориоланъ», но и двѣ комедіи, изъ которыхъ одна написана, другая, возникнувъ ранѣе, переработана имъ въ этотъ періодъ: «Мѣра за мѣру» и «Все хорошо, что хорошо кончается». Въ обѣихъ отъ прежней «комедіи» осталось лишь счастливое окончаніе. Но цѣною какихъ жестокихъ испытаній и душевныхъ мукъ покупаютъ герои свое счастье!

Биографы различнымъ образомъ пытаются объяснить мрачное настроеніе поэта въ этотъ періодъ. Обычно приводятъ нападки на Шекспира со стороны его литературныхъ противниковъ и конкурентовъ и неудачное возстаніе Эссекса, которому Шекспиръ сочувствовалъ и въ которомъ потерялъ своего покровителя и друга — Саутгемтона. Но необходимо имѣть въ виду, что всѣ эти внѣшнія обстоятельства могли лишь ускорить процессъ обращенія къ трагедіи, намѣчавшіяся во внутреннемъ, органическомъ развитіи драматурга, могли лишь усилить мрачный тонъ, лежавшій въ природѣ его поэтической концепціи трагедіи; вспомнимъ, что всѣ элементы ея мы находимъ уже въ ранней трагедіи его «Ромео и Джульеттѣ», возникшей на рубежѣ перваго и второго періода. Что же касается техники литературнаго мастерства Шекспира, второй періодъ сыгралъ ту же подготовительную роль по отношенію къ этому третьему періоду, какъ и первый — по отношенію къ второму. Работа второго періода научила Шекспира обращенію отъ внѣшнихъ эффектовъ къ углубленному изученію души, научила тому «вольному и широкому изображенію характеровъ», которое ставилъ ему въ величайшую заслугу Пушкинъ.

Наконецъ, въ четвертый и послѣдній періодъ (1610—1611), представленный лишь тремя пьесами: «Зимняя сказка», «Цимбелинъ» и «Буря», Шекспиръ возвращается къ свѣтлому настроенію второго періода. Но ничто изъ третьяго періода имъ не забыто. Все увѣнчивается счастливымъ концомъ, но человѣка спасаетъ не счастливый случай, а соединеніе добрыхъ силъ души и добрыхъ силъ природы. Однако, ни на мгновение не должны мы забывать, что и жизнь сама, и человѣческое сердце, полны опасностей, таятъ въ себѣ измѣну. Это—совершеннѣйшій синтезъ настроеній второго и третьяго періодовъ, синтезъ всего творчества Шекспира.

Трудно найти примѣръ болѣе органическаго и болѣе законченнаго цикла творчества. Воображеніе останавливается, не зная, въ какомъ направленіи протянуть дальше нить. И намъ легче примириться съ фактомъ ранней смерти поэта, чѣмъ воображать позднѣйшаго Шекспира — классициста, Шекспира — автора бытовыхъ пьесъ или Шекспира — автора пьесъ на библейскіе сюжеты. Шекспиръ отошелъ, истиннѣ совершивъ свой путь и оставивъ наслѣдіе, исчерпывающее все, чего могъ бы пожелать поэтъ: предметъ величайшей гордости своей родины и источникъ величайшихъ художественныхъ радостей всего человѣчества.

Онъ сошелъ въ могилу, совершивъ великій трудъ. И въ теченіе почти полутора вѣковъ человѣчество мало тревожило его покой. Это не значить, чтобы его совершенно забыли. На протяженіи всего XVII вѣка произведенія его неоднократно переиздаются въ Англии. Да и на континентѣ встрѣчаются ранніе слѣды знакомства съ нимъ. Въ Германію странствующіе англійскіе актеры заносятъ его пьесы еще въ началѣ XVII вѣка. Но въ нѣмецкой литературѣ имя Шекспира встрѣчается впервые лишь въ 1682 г., наше общество знакомится съ нимъ лишь въ эпоху Третьяковскаго и Сумарокова. Англійскій народъ не забывалъ Шекспира никогда. Но только народъ. Въ кругу писателей конца XVII и первой половины XVIII вѣка, проникнутыхъ вліяніемъ французскаго классицизма, имя Шекспира цѣнится весьма низко. Да оно и понятно: «хаотическому» и «дикому» Шекспиру не было мѣста среди сіявшей вѣнчимъ блескомъ плеяды поэтовъ, воспитанныхъ на строгой дисциплинѣ словъ и образовъ.

Истинная посмертная слава Шекспира начинается со второй половины XVIII вѣка. Первый толчокъ былъ данъ въ Германіи—Гердеромъ и особенно Лессингомъ. Извѣстно, какую роль сыграло указаніе на Шекспира, какъ на истинный высокій образецъ драматургіи, въ борьбѣ Лессинга противъ вліянія французскаго классицизма («Литературныя письма», 1759). Съ тѣхъ поръ волна поклоненія Шекспиру, охватывая всѣ страны, все болѣе и болѣе усиливается. Имъ вдохновляются Гете и Шиллеръ, ему пытается подражать Вольтеръ. Но наибольшаго расцвѣта славы и вліянія Шекспиръ достигаетъ въ первой половинѣ XIX вѣка, когда у него появляются подражатели среди всѣхъ народовъ Европы, и въ томъ числѣ у насъ (вспомнимъ хотя бы «Бориса Годунова» Пушкина или «Маскарадъ» Лермонтова,—прямое отраженіе «Отелло»). Въ частности, въ Россіи Шекспиръ еще болѣе, чѣмъ на литературу, оказалъ широкое вліяніе на общую духовную культуру и на общественное самосознаніе; онъ явился у насъ, выражаясь

словами А. Lirondele'я, «воспитателемъ чувства правды и возбуди- телемъ жизнедѣятельности». *

Со второй половины вѣка лихорадочное увлеченіе Шекспиромъ смѣ- нилось болѣе спокойнымъ поклоненіемъ. Подражаніе смѣняется любовью. Но неизмѣнно продолжаетъ онъ объединять всѣхъ на своемъ имени. При возрастающей дифференціи литературныхъ направленій это свойство его еще болѣе подчеркивается. И то же единство отношенія къ нему проходитъ чрезъ всѣ національности, чрезъ всѣ классы общества, чрезъ всѣ возрасты. И англичане и русскіе, и старики и дѣти, и изысканные цѣнители и люди изъ народа — всѣ сходятся на восхищеніи имъ, хотя каждый воспринимаетъ его по разному, каждый по своему. Въ чемъ же причина обаянія и притяженія, оказываемаго Шекспиромъ на всѣхъ?

II.

Причина его совпадаетъ съ общими основными чертами гениальности его творчества. И таковыми являются двѣ: универсализмъ и объ- ективность.

Начнемъ съ первой.

Въ отношеніи разнообразія литературныхъ родовъ своего твор- чества Шекспиръ уступаетъ не только такимъ универсалистамъ какъ Гете, Вольтеръ и Пушкинъ, но даже нѣкоторымъ своимъ английскимъ предшественникамъ и современникамъ, напримѣръ, Лили и Грину, ко- торые кромѣ пьесъ писали также стихи, романы, повѣсти, рассу- жденія. Не считая двухъ поэмъ и собранія сонетовъ, Шекспиръ весь со- средоточивается на театрѣ. Но какого разнообразія жанровъ онъ тутъ достигаетъ! Трудно найти три пьесы (кромѣ группы «великихъ тра- гедій»), которыя по единству духа и тона можно было бы объединить подъ общимъ названіемъ какого нибудь жанра. «Комедія Ошибокъ» — народная комедія; «Безплодныя усилія любви» — придворная, «Укро- щеніе Стрелитвой» — фарсъ-буффонада, близкая къ *commedia delle arte*, «Сонъ въ лѣтнюю ночь» — «свадебная маска», «Виндзорскія Проказ- ницы» — бытовая комедія (у Шекспира нашла и такая!), «Мѣра за мѣру» — трагическая комедія, «Троилъ и Крессидя» — комедія-сатира (на современныхъ драматурговъ), «Венеціанскій Купецъ» — комедія въ воз- вышенномъ, Шекспировскомъ смыслѣ, «Титъ Андроникъ» — кровавая трагедія, «Отелло» — трагедія великой страсти, «Ромео и Джульетта» — лирическая трагедія, «Гамлетъ» — философская трагедія, «Зимняя Сказка» — пьеса-романъ. Не довольно-ли? А вѣдь мы еще оставили въ сторонѣ его, столь разнообразныя по духу, драматическія хроники или трагедіи на темы изъ римской исторіи!

Путь его творчества оказывается какимъ-то сплошнымъ «восхо- жденіемъ» по лѣстницѣ жанровъ. Онъ словно непрерывно ищетъ все новыхъ и новыхъ техническихъ задачъ, все новыхъ и новыхъ трудностей.

Таково же безграничное разнообразіе психологическихъ проблемъ и типовъ, которыми систематично и послѣдовательно овладѣваетъ гений

* Интересная книга А. Lirondele'я «Shakespeare en Russie, 1748—1840» (Пар. 1912), далеко не исчерпываетъ своей темы. Тому же предмету по- священа готовящаяся къ печати работа киевскаго профессора Лободы.

Шекспира, словно поставивъ себѣ задачей исчерпать все безконечное многообразие душевной жизни человѣка. Ничто земное ему не чуждо. «Одареннымъ тысячью душъ» назвалъ его одинъ критикъ. Нѣтъ ситуации, нѣтъ типа, нѣтъ вопроса, которые не были бы включены въ панорамѣ, развернутой намъ Шекспиромъ. Въ этомъ универсализмѣ — одна изъ причинъ, почему каждый находитъ въ немъ то, что занимаетъ и волнуетъ его собственные чувства и помыслы, совѣсть и воображеніе.

Другая форма универсализма Шекспира — самая изумительная черта въ немъ. Это — найденный и воплощенный имъ синтезъ, соединеніе чертъ, на первый взглядъ, совершенно исключаютыхъ другъ друга. *

Синтезъ начинается съ самого Шекспира, какъ личности. Этотъ человѣкъ, недостатки образованія котораго такъ живо чувствовали и подчеркивали его современники, человѣкъ, низкое происхожденіе и провинциализмъ котораго такъ легко могли стать непреодолимой преградой между нимъ и изысканной столичной культурой, — оказывается воплостителемъ высшихъ культурныхъ и идейныхъ теченій эпохи. Шекспиръ-поэтъ возноситъ, влечетъ за собой Шекспира-человѣка, творческій гений преодолеваетъ всѣ жизненные условия. Но близость Шекспира къ жизни народа, обусловленная его происхожденіемъ и обстановкой юности, сыграла свою роль. И отсюда — благодѣтельный синтезъ высшей культуры и истинной народности въ его твореніяхъ.

Шекспиръ мало изобрѣтателенъ въ своихъ сюжетахъ. Почти всегда онъ заимствуетъ готовый сюжетъ, близко придерживаясь своего оригинала. Но нѣтъ ни одной черты въ источникѣ, которую бы онъ, воспроизводя, не пережилъ бы художественно, не осмыслилъ бы, не преобразилъ. Нѣтъ ни одной черты, ни одного слова въ его произведеніяхъ, за которыя бы онъ не отвѣтилъ, какъ за свое, личное. Въ этомъ — второй синтезъ, синтезъ заимствованія или традиціи и оригинальности.

Никто лучше Шекспира не выразилъ духа своего времени, а именно эпохи Возрожденія. Это эпоха, когда старыя цѣнности низвергнуты, а новыя лишь начинаютъ созидаться на ихъ мѣсто, когда личность почувствовала свои права, но не сознала еще связанныхъ съ ними обязанностей, когда чувства, сбросивъ всѣ оковы, разыгрались въ дикомъ своеволіи. И надъ всѣмъ этимъ носится мечта о какой-то новой, прекрасной и свободной жизни, полной моральной и общественной гармоніи.

Полнѣе всего этотъ духъ Возрожденія, со всѣми своими и положительными и отрицательными чертами выразился въ «Венеціанскомъ купцѣ». Тутъ и новый идеалъ безпечной и разгульной жизни (Бассанио, стачасти и Антонио), и реабилитация жестокаго права болѣе сильнаго и ловкаго (Лоренцо, похищающій, вмѣстѣ съ Джессикой, сокровища ея отца), и злое торжество надъ раздавленнымъ врагомъ, и замаскированная проповѣдь освобожденія рабовъ, и призывъ къ милости, какъ къ высшей, благодатной силѣ, и — какъ финалъ всего этого — образъ

* Мы имѣемъ тутъ ввиду, понятно, не синтезъ, къ которому Шекспиръ пришелъ въ своемъ развитіи и о которомъ рѣчь была выше, а ту синтетичность, которая проникаетъ изнутри произведенія его изъ любого періода.

жизни здоровой и прекрасной, овъянной музыкой небесныхъ сферъ (5-й актъ).

То же можно найти и въ любой иной изъ пьесъ Шекспира. Но духъ эпохи у Шекспира — лишь оболочка, сквозь которую просвѣчиваетъ общечеловѣческое. Сущность чувствъ и правда ихъ изображенія у Шекспира таковы, что ни одна эпоха, какъ ни одинъ народъ, отъ нихъ не отречется. Въ этомъ и состоитъ величайшій синтезъ Шекспира: *вѣчно подь покровомъ временнаго.*

Можно было бы прослѣдить и далѣе неизмѣнную синтетичность, проникающую всѣ стороны созданія Шекспира. Но все это было бы мелочами по сравненію съ описаннымъ выше синтезомъ. Въ немъ — существеннѣйшія черты универсальности гения Шекспира.

Вторая основная черта его — объективность его реализма. Объективность — какъ полнѣйшее отсутствие всякой тенденции, всякой морали, всякаго назиданія, всякой предвзятой идеи. Онъ изображаетъ человѣческихъ чувства какъ видитъ или какъ воображаетъ ихъ, но не дѣлаетъ самъ никакого вывода, какъ бы предоставляя его зрителю, или читателю. Мнѣніе старой нѣмецкой критики, пытавшейся видѣть въ Шекспирѣ представителя особаго міросозерцанія и даже опредѣленной философской системы, нынѣ давно отброшено, какъ ложное. Можно говорить объ основномъ настроеніи, самое большее — о мироощущеніи, господствующемъ въ тотъ, или иной періодъ его творчества, сказывающемся особенно ярко въ той или иной пьесѣ его, но говорить о міросозерцаніи Шекспира по его произведеніямъ — невозможно. Въ этомъ единодушно сошлись почти всѣ новые критики его. *

Но именно въ томъ, что Шекспиръ раскрываетъ намъ все богатство человѣческой души, во всей правдѣ и въ самой обобщенной, вѣчной формѣ ея, и при этомъ не даетъ никакого вывода, открывается возможность приписывать ему все, что только возможно вообразить, вычитывая между строкъ и за текстомъ все то, что соотвѣтствуетъ индивидуальнымъ идеаламъ и запросамъ ищущаго. Такимъ образомъ, одинъ открываетъ въ Шекспирѣ христианина, другой — своеобразнаго мистика, третій — общественнаго реформатора. Особенно широкое примѣненіе этотъ приемъ нашелъ у сторонниковъ невѣроятной и психологически несообразной теории, согласно которой произведенія, приписываемыя Шекспиру, принадлежатъ на самомъ дѣлѣ Бэкону; они пытались открыть въ пьесахъ его выраженную намеками цѣльную и сложную систему и философію природы, согласную съ ученіемъ названнаго философа.

Вотъ причина того, почему такъ особенно притягиваетъ и влечетъ къ себѣ Шекспиръ всѣхъ и каждого. Одни — такихъ, вѣроятно, меньшинство, — почерпаютъ чистыя радости художественнаго созерцанія и познанія изъ сокровищницы универсальнаго и объективнаго реализма его творчества. Другіе — такихъ, новидимому, большинство, — ищутъ въ немъ подтвержденія своей собственной манеры чувствовать и мыслить,

* Вотъ почему можно лишь удивляться тому, что до сихъ поръ многие историки литературы, и въ томъ числѣ и англійскіе, реалиста Шекспира называютъ «романтикомъ». Такое смышеніе понятій недопустимо. Вѣдь если въ чемъ объединяются романтики разныхъ толковъ, то именно въ стремленіи построить опредѣленное міросозерцаніе! Эти ли не противоположность Шекспиру?

отъѣта на тревожащіе ихъ самихъ вопросы. Этихъ послѣднихъ разсудить очень трудно, если не невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если моралистъ, анархистъ, мистикъ, материалистъ, каждый находитъ, что именно произведенія Шекспира наилучшимъ образомъ отражаютъ это его міросозерцаніе, то какъ опровергнуть его и доказать, что авторъ этихъ произведеній *не можѣ* раздѣлять такихъ воззрѣній? Намъ пришлось бы стать на зыбкую почву личной чувствительности и обманчивыхъ догадокъ. Намъ пришлось бы, къ тому же, разсуждать не о Шекспирѣ-поэтѣ, единственномъ, котораго знаетъ и любитъ человѣчество, а о Шекспирѣ-человѣкѣ, о которомъ дошло такъ мало свѣдѣній, что возсоздавать на ихъ основаніи живой обликъ его — бесплодная и, пожалуй, опасная затѣя. Да и есть ли необходимость спорить о міросозерцаніи Шекспира? Имѣлъ ли его Шекспиръ вообще, и въ чемъ оно состояло, мы не знаемъ и, по видимому, никогда не узнаемъ. Но если и имѣлъ, то мы можемъ констатировать, что въ своихъ произведеніяхъ онъ его не выразилъ, ибо не имѣлъ намѣренія выразить. Если же исповѣдникъ каждой вѣры и приверженецъ каждаго міросозерцанія признаетъ Шекспира за своего и если созданія Шекспира дѣйствуютъ на мысль каждаго, безъ различія національности, темперамента и міровоззрѣнія, оплодотворяющимъ образомъ, не заключается-ли въ этомъ величайшая радость для всѣхъ и высшая слава для поэта?

III.

Все сказанное выше объясняетъ, почему Шекспиръ вызвалъ всеобщее признаніе. Но это мало. Онъ для насъ не просто величественный образъ прошлаго, но и сейчасъ живъ и въ значительной степени современенъ. Чѣмъ объяснить живость художественнаго воздѣйствія его произведеній на насъ, чѣмъ объяснить то, что за три вѣка они не составились и сейчасъ вызываютъ живое волненіе въ каждомъ читателѣ? Причина этого — въ необычайной жизненности приемовъ его творчества, взятыхъ въ ихъ совокупности. Мы не будемъ ихъ сейчасъ перечислять; остановимся лишь на одномъ изъ нихъ и притомъ, на нашъ взглядъ, на одномъ изъ самыхъ существенныхъ.

Изобразителемъ «природы» (nature), т. е. человѣческой природы, единогласно назвали Шекспира и современники поэта, какъ почитатели, такъ и литературные соперники его (например, Бенъ Джонсонъ), и потомство. Это то же, что «реализмъ» и «объективность». Но все ли этимъ сказано? Что значить «реализмъ»? Есть ли въ мірѣ литературное направленіе, будь то натурализмъ, символизмъ, романтизмъ, или классицизмъ, которое бы не стремилось выразить нѣкую «правду» о «природѣ» человѣка, которое бы не выставляло своимъ лозунгомъ «художественной правды» или «реализма», что въ сущности то же самое? Дѣло только въ томъ, къ какимъ приемамъ оно для этого прибѣгаетъ. Но эти приемы, иначе говоря подходъ къ объекту, и являются главнымъ при опредѣленіи художественнаго типа писателя. Каковы же они у Шекспира? Кажется бы, въ связи съ тѣмъ, что было сказано объ универсализмѣ его, приемы его должны быть наиболее общіе и обычные, какіе мы знаемъ въ исторіи поэзіи, но достигающіе лишь высшей чистоты, ясности и силы. На самомъ дѣлѣ, совершенно наоборотъ. Шекспиръ оказывается въ

этомъ отношеніи творцомъ чрезвычайно своеобразнымъ и стоящимъ почти особнякомъ.

«Изобразитель природы»... Но что такое «человѣческая природа»? Въ нее входятъ какъ составныя части два начала: душевныя состоянія или, скажемъ для простоты, чувства (у Шекспира даже самыя отвлеченныя мысли, какъ, наприѣръ, въ «Гамлетѣ», облечены въ форму чувствъ; точно также, онъ не знаетъ воли въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какъ носительницы чувствъ) и живая цѣльная личность. Каково же отношеніе между тѣмъ и другимъ у Шекспира, иначе говоря: какимъ внутреннимъ приемомъ творческаго воображенія соединяются у него эти два элемента?

Тутъ-то и сказывается все своеобразие Шекспира. Живость, жизненность героевъ Шекспира такова, что доходитъ почти до полной чувственной наглядности. Когда читаешь его, слышишь живой человѣческии голосъ и минутами кажется, что всѣ эти Отелло, Лиръ, Шейлокъ, Ромео, Фальстафъ сейчасъ, вотъ здѣсь, *живутъ* и мыслятъ, и страдаютъ, и смѣются, не то гдѣ-то вдалекѣ, не то рядомъ, за стѣною, и не читаешь о нихъ, а тайной вѣстью, сквозь строчки, слѣдишь за совершающимся сейчасъ съ ними, за трепетомъ ихъ душъ, за бѣненіемъ ихъ сердець. Но тутъ же является неожиданное и странное сомнѣніе: образъ живъ и ярокъ, но живой ли это человѣкъ, живая ли это душа? Имѣютъ ли эти Отелло, Шейлокъ, Ромео бытіе, живое существованіе внѣ и помимо того, что мы узнали изъ пьесы объ ихъ переживаніяхъ? Пожалуй, что и нѣтъ!

Обычно драматургъ, да и всякій писатель вообще, идетъ отъ человѣка къ чувству. Шекспиръ — наоборотъ: онъ идетъ отъ чувства къ человѣку, какъ его воплощенію или носителю. Мы совсѣмъ не хотимъ сказать этимъ, чтобы общее, типическое, преобладало у Шекспира надъ индивидуальнымъ. Отнюдь нѣтъ. Мы хотимъ сказать слѣдующее: Обычно писатель какъ-то «постулируетъ» живое существо, беретъ какъ бы на вѣру его бытіе, и затѣмъ раскрываетъ намъ нѣкоторыя стороны, какую-то *часть* его души. И это ощущеніе передается читателю. Онъ вѣритъ, что за образомъ стоитъ живая личность. Сама она — субъектъ, то, что намъ о ней сообщается — предикатъ.

У Шекспира наоборотъ: мы знаемъ о его героѣ, мы вѣримъ въ его реальность лишь ровно постольку, поскольку поэтъ заставляетъ его дѣйствовать. И то, что мы узнали о немъ отъ Шекспира, есть въ одно и то же время и субъектъ и предикатъ. За явленіемъ, открывшимся намъ, какъ будто никто и не стоитъ. Когда мы читаемъ драмы Кальдерона, Корнеля, Расина, Шиллера, Пушкина, намъ кажется, что мы, если не знаемъ, то какъ-то ощущаемъ всю личность героя сполна, всю его жизнь, предѣлы ея возможностей, мѣсто его въ жизни. Читая Шекспира, мы этого не испытываемъ. Мы не въ состояніи вообразить (если только останемся на пути художественнаго воспріятія, а не станемъ прибѣгать къ разсудочнымъ соображеніямъ), — каковъ былъ Гамлетъ въ ранней юности, Яго — въ молодости, Макбетъ — въ семейной жизни. Шекспиръ заполняетъ наше воображеніе *даннымъ* состояніемъ Гамлета, Яго, Макбета, и этимъ обязываетъ и связываетъ его. Оттого то всякій разъ, какъ приходится опредѣлять не мотивы, не душевный механизмъ поступковъ (которые почти всегда до конца ясны) шекспи-

ровских персонажей, а их общее мироощущение, предѣлъ и норму ихъ существованія, ихъ такъ-сказать жизненную миссию, напри- мѣръ, Юлія Цезаря, Гамлета, лэди Макбетъ, Яго — критика неизмѣнно копадается въ тупикъ. Дѣло въ томъ, что Юлія Цезаря, Гамлета, лэди Макбетъ и Яго какъ таковыхъ, т. е. внѣ данной Шекспиромъ ситуации, мы не знаемъ и не можемъ знать.

Это оттого, что Шекспиръ — изобразитель не души, а *процесса* жизни души: процесса отдѣльных переживаній, а также процесса роста души въ ея переживаніяхъ. Никто не умѣетъ, какъ онъ, исчерпать все содержаніе душевнаго переживанія, момента. Ромео и Джульетта, предаю- щиеся ночью въ саду, среди созвучной ихъ душамъ природы, смертельно- сладкому опьяненію перваго и послѣдняго свиданія; Отелло, корчащійся въ судорогахъ, слушая нашептыванія Яго; король Лиръ, прибѣгающій отъ одной дочери-чудовища къ другой, съ раненымъ сердцемъ, встрѣ- чающій въ ея приемѣ, вмѣсто послѣдняго утѣшенія, величайшій, ибо удвоенный, и послѣдній ужасъ, и вѣрающій и не вѣрающій тому, что слы- шить изъ устъ ея, и, наконецъ, сраженный страшной правдой, пере- живающій, въ смятеніи и дикомъ бѣгѣ чувствъ, заразъ всѣ три возраста, въ одно время и хилый старецъ, и безпомощный ребенокъ, и сильный мужъ, — это образы запечатлѣннаго душевнаго процесса, образы са- модовлѣюще, воспринимая которые, вѣрнѣе — погружаясь въ которые, мы уже не ощущаемъ, не мыслимъ того, что было за мгновеніе до того, или что будетъ черезъ мгновеніе послѣ того. Мы должны остановиться, перевести дыханіе. Но Шекспиръ не покинулъ насъ, онъ ведетъ насъ дальше, ибо въ нашихъ рукахъ цѣлый «Ромео и Джульетта», цѣлый «Отелло», цѣлый «Лиръ». И когда мы читаемъ цѣлую пьесу, мы ощу- щаемъ, какъ на протяженіи ея, на нашихъ глазахъ, растутъ и разви- ваются эти души. Джульетта изъ незнающей дѣвушки вырастаетъ въ любящую женщину; душа Отелло, послѣ нечеловѣческихъ страданій, рас- кальвается и приемлетъ смерть, какъ избавленіе; Лиръ приходитъ къ послѣдному познанію жизни и человѣческаго сердца. И этотъ процессъ эволюціи или роста души мы не просто воспринимаемъ, но словно чув- ственно осязаемъ. Но попробуемъ сдѣлать еще одинъ шагъ дальше и задать вопросъ: а кто же такие Ромео, Отелло, Лиръ въ мірозданіи, что такое ихъ души какъ таковыя? — и отвѣта не будетъ, ибо текстъ кончился и магическая палочка Шекспира больше не дѣйствуетъ.

Правда, что у многоликаго Шекспира, для котораго «нѣтъ зако- новъ», можно найти все. Потому можно найти и рядъ исключеній изъ сказаннаго выше. У него есть образы, есть живыя лица, существованіе которыхъ, — какъ намъ кажется, — можно обнять цѣликомъ. Замѣ- чательно, что это по большей части типы женщинъ. Критика давно уже стмѣтила различіе въ обрисовкѣ мужскихъ и женскихъ образовъ у Шек- спира, хотя — замѣтимъ мимоходомъ — далеко еще не проникла во всю глубину, въ самую суть этого различія. Мы не знаемъ, что такое лэди Макбетъ, или Джульетта, но намъ кажется, что мы знаемъ, что мы ви- димъ до конца не только Дездемону, не только Клеопатру, но и Офелію, которая мелькаетъ въ «Гамлетѣ» лишь какъ блѣдная тѣнь. Мы можемъ воспринять ихъ не только въ процессѣ развитія, но и въ самомъ ихъ бытіи. Женские образы у Шекспира вообще устойчивѣе, тверже, опре- дѣленнѣе въ ихъ индивидуальной сущности. Не оттого-ли это, что Шек-

спирь считалъ существо женщины болѣе замкнутымъ въ себѣ, болѣе ограниченнымъ въ своихъ возможностяхъ? Однако, изрѣдка встрѣчаются у него такія же опредѣленные, абсолютно устойчивыя, реальныя мужскія души: вѣрный Кентъ въ «Лирѣ», Горацію въ «Гамлетѣ». Гамлетъ (не типъ «Гамлета», а самъ, индивидуальный Гамлетъ!) пронесся передъ нами, Горацію *былъ и есть*. Но все это — отступленія, исключенія. Обычно же — и притомъ ярче всего это чувствуется въ лучшихъ его созданіяхъ — Шекспиръ творитъ человека, творитъ душу тутъ, передъ нами, на нашихъ глазахъ, на протяженіи пяти актовъ.

Но творить души живыя и цѣлостныя, т. е. снабженныя предѣломъ и личной судьбой, можетъ только Богъ. Шекспиръ можетъ творить лишь души возможныя, незаконченныя (по необходимой предѣльности всякаго художественнаго созиданія) и потому лишенныя полнаго внутренняго опредѣленія, называемаго личной судьбой. И отсюда — рядъ чертъ въ твореніи его, вытекающихъ какъ слѣдствіе изъ сказаннаго. Его образы вмѣстѣ съ прикрѣпленными къ нимъ переживаниями (да безъ нихъ они и не существуютъ!), въ смыслѣ художественной и психологической правдивости ихъ, суть, конечно, реальности, но, рассматриваемыя подъ намѣченнымъ выше угломъ зрѣнія, они суть лишь *возможности*. Шекспиръ величайшій мастеръ такихъ возможностей. Пламенный геометръ души, онъ измѣрилъ всѣ пространства ея и показалъ намъ, что она можетъ и чего не можетъ. И вотъ, волшебный архитекторъ, онъ создалъ для насъ, одинъ за другимъ, рядъ чудесныхъ, призрачныхъ міровъ. Онъ извѣдалъ всѣ возможности жизни души и всѣ обнаружилъ намъ. Но это не абстракція, не спекулятивное воображеніе на подобіе шахматныхъ задачъ, но геометрія, облеченная имъ въ плоть. И эти строенія столь сообразны съ законами психологической правды, столь внутренне вѣрны, что воспринимаются нами какъ возможности, долженствующія быть реальностью.

Но все же это лишь возможности, ибо выньте звено маленькаго «случая», — и все зданіе распадется. Возьмемъ примѣръ. Многие критики особенно хвалятъ въ «Ромео и Джульеттѣ» то, что Шекспиръ заставляетъ Джульетту полюбить въ первый разъ, тогда какъ Ромео пережилъ уже по меньшей мѣрѣ одно, а, можетъ быть, и не одно, сердечное увлеченіе. Эпизодъ его увлеченія черноглазой Розалиной, до встрѣчи съ Джульеттой, долженъ, по ихъ мнѣнію, отгнѣнить характеръ его любви къ послѣдней какъ истинной, въ противоположность любви къ первой, какъ вымышленной, головной.

Такъ оно, конечно, и есть. Вѣрно въ этомъ то, что любовь Ромео къ Джульеттѣ есть любовь «единственная» и «несравненная». Шекспиръ умѣетъ насъ въ этомъ убѣдить, заразить этимъ ощущеніемъ, пока мы читаемъ пьесу. Но закроемъ книгу и подумаемъ о Ромео, о Ромео во плоти, снятомъ съ листовъ книги и оживленномъ. Прежде всего, почему любовь его къ Розалинѣ — «вымышленная», «головная»? Да, конечно, при сравненіи съ Джульеттой Розалина погаснетъ и исчезнетъ, но, если, забывъ о Джульеттѣ, взять отдѣльно рѣчи Ромео о Розалинѣ (д. I, сц. 1), то всякій непредубѣжденный читатель, вопреки комментаторамъ, восприметъ ихъ какъ самое подлинное, самое пламенное выраженіе чувства. И невольно заставля-

ютъ насъ задуматься слова монаха Лоренцо, къ которому Ромео прибѣгаетъ съ просьбой обвинять его съ Джульеттой: «вчера была одна, сегодня другая, — что-же будетъ завтра?» Представимъ теперь, что рокового «случая», т. е. ошибки, повлекшей за собою смерть любовниковъ, не произошло, и что ихъ жизнь продолжалась въ благополучии. Есть ли у насъ увѣренность, что черезъ годъ-два Ромео не покинетъ Джульетты и не измѣнитъ ей ради какой-нибудь Лючи, какъ раньше покинулъ Розалину ради Джульетты? Что знаемъ мы о сердцѣ Ромео, что исключало бы эту возможность? Но тогда раскалывается вся основная концепція пьесы, — изображение любви несравненной и вѣчной! И вотъ, чтобы утвердить эту концепцію, Шекспиръ создаетъ названный «случай», влекущи смерть. И смерть, какъ *внѣшняя* рамка, кладущая предѣлъ эволюціи души Ромео, создаетъ въ художественномъ восприятии иллюзію *внутренней* неизмѣнности и вѣчности его чувства къ Джульеттѣ. Что бы ни говорили критики, отъ значенія «случая», какъ одного изъ основныхъ факторовъ психологическаго дѣйствія у Шекспира, не отдѣлаться. Въ законахъ душевной жизни, съ одной стороны, въ «случаѣ» съ другой — предѣлъ возможностей Шекспира.

До сихъ поръ мы видѣли, что единство, опредѣленность личности, наблюдаемое внутри пьесы, распадается обычно немедленно же за предѣлами ея. Но мы видѣли также случаи, когда оно сохраняется съ абсолютной устойчивостью (Дездемона, Офелія, Горацио, Кентъ). Однако, для Шекспира поистинѣ «нѣтъ законовъ». У него есть случаи, когда это единство, эта вѣрность лица самому себѣ, начинаетъ казаться подозрительной и въ предѣлахъ самой пьесы.

Мы говоримъ о томъ, что отмѣчено критикой какъ нѣкоторые «скачки», не мотивированные и иногда загадочные, въ настроеніи героя. То, что мы сдѣлали съ «Ромео», вообразеніемъ вынеся его изъ пьесы и мысленно продолживъ дѣйствіе, Шекспиръ сдѣлалъ самъ съ Варвикомъ внутри пьесы. Если бы его «Генрихъ VI» окончился на 2-й части или даже на серединѣ 3-й, мы вынесли бы пѣльный образъ Варвика и чувство единства идеи его жизни, его миссии — возведенія на престолъ дома Йорковъ. Но, сказали бы мы, (такъ же, какъ относительно Ромео), кто такой Варвикъ? Что знаемъ мы о его сердцѣ, о его твердости, о его постоянствѣ? Что мѣшаетъ ему завтра же, по ничтожнѣйшему поводу, измѣнить Йоркамъ и начать служить Ланкастерамъ? И вотъ именно это самое, за насъ, сдѣлалъ съ нимъ въ 3-й части своей исторической трилогіи самъ Шекспиръ. Ничтожнѣйшій, пожалуй, даже мнимый, поводъ, мелочной уколъ самолюбія превращаетъ Варвика въ анти-Варвика безъ того, чтобы ясенъ былъ мотивъ этого превращенія. Правда, что историческая канва обязывала Шекспира къ такому развитію дѣйствія. Но вѣдь одно изъ величій Шекспира въ томъ, что, какъ сказано, онъ отвѣчаетъ за каждое слово, заимствованное имъ, будь то изъ другого поэта, будь то изъ истории. Не въ фактахъ, а въ психологическомъ озареніи ихъ тутъ дѣло. Не Шекспиръ ли создалъ, на протяженіи первыхъ двухъ частей драмы, концепцію образа Варвика, и не онъ ли самъ разбилъ ее?

Бываютъ случаи, когда въ героѣ Шекспира не узнаешь лицо изъ предыдущаго дѣйствія. Внезапная готовность Валентина (въ «Двухъ веронцахъ») отказаться отъ невѣсты, ради которой онъ покинулъ обще-

ство и стать разбойникомъ, для насъ непонятна. Бываютъ случаи, когда поступки и поведеніе его героевъ загадочны. Таковъ неистовый гнѣвъ короля Лира на любимую дочь, за одну лишь злополучную, не удовлетворившую его фразу. Отъ героевъ Шекспира, не какъ отъ живыхъ людей, можно всего ожидать.

Какъ же образуются у Шекспира индивидуальные образы? Онъ идетъ не отъ человѣка къ чувству, а отъ чувства къ человѣку. Онъ беретъ чувства, какъ силы, имѣющія самостоятельное значеніе и интересъ, какъ нѣкія силы природы, и затѣмъ проектируетъ ихъ на человѣка, котораго создаетъ какъ носителя и воплотителя этихъ чувствъ. И вотъ, на нашихъ глазахъ, душа строится имъ синтетически. Изъ этого, понятно, не слѣдуетъ, чтобы типическое преобладало у него надъ индивидуальнымъ. Изумительной индивидуализаціи образовъ достигаетъ онъ проникновеннымъ изображеніемъ оттѣнковъ чувствъ и ихъ комбинацій. И все же «постулируемой напередъ» индивидуальной души, о которой мы говорили выше, имъ недостаетъ. Образы Шекспира не смѣшиваются только въ силу различія этихъ комбинацій, въ силу различія внѣшнихъ, видимыхъ признаковъ, а не какъ лейбницевскія монады, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть смѣшана съ другой, внѣшне абсолютно ей подобной, только потому, что «она есть она, а не другая». Вотъ почему добрая половина образовъ Шекспира, и притомъ лучшіе, суть не столько «лица», сколько «лики» человѣка, разумѣя подъ первымъ живое индивидуальное человѣческое бытіе, подъ вторымъ — поэтическое воплощеніе одной изъ возможныхъ формъ человѣческой души въ ея совершенномъ развитіи.

Что все это? Упрекъ великому поэту? Не знаемъ. Быть можетъ, въ этомъ — его величайшая поэтическая заслуга. Наша задача сейчасъ — та, къ которой прежде всего обязываетъ насъ его величіе: не хвала, не порицаніе, но опредѣленіе основныхъ свойствъ его творчества. Мы обязаны вникнуть не только въ величіе, но и въ своеобразіе Шекспира-поэта. А въ зависимости отъ общихъ воззрѣній критика на задачи искусства эта особенная черта его творчества можетъ быть провозглашена и великимъ грѣхомъ и величайшимъ достоинствомъ.

Но нельзя не почувствовать въ ней связи Шекспира съ его эпохой, съ ея мироощущеніемъ и основнымъ настроеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть характернѣе для Ренессанса, чѣмъ упоеніе самимъ процессомъ жизни и отсутствіе чувства дѣли и предѣла бытія, ощущеніе того, что человѣкъ «все можетъ», что нѣтъ границы его «возможностямъ»? И все это мы какъ разъ находимъ воплощеннымъ въ совершеннѣйшей формѣ въ творествѣ Шекспира, — въ его образахъ, въ его настроеніяхъ, во всей его литературной манерѣ. Но — и этимъ мы возвращаемся къ одному изъ описанныхъ выше синтезовъ его, и притомъ къ величайшему — онъ воплотилъ все въ чертахъ столь универсальныхъ и столь общечеловѣческихъ, что это частное приняло ликъ всеобщаго, временнаго — вѣчнаго.

А. А. Смирновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОЙНА И БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ.

I.

Едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что военныя операціи на Ближнемъ Востоке (на Балканахъ, въ Арменіи, въ Месопотаміи, въ Персіи) кромѣ чисто-стратегическихъ цѣлей преслѣдуютъ и цѣли политическія. Ближній Востокъ издавна является ареной, на которой особенно рѣзко сталкиваются взаимно-противорѣчивые интересы великихъ европейскихъ державъ. Можно даже сказать, что съ извѣстной точнью зрѣнія вся великая европейская война есть въ первую очередь борьба за Балканы и за Переднюю Азію.

Въ первые мѣсяцы войны у обѣихъ сторонъ господствовала увѣренность, что война будетъ рѣшена нѣсколькими-быстрыми и тяжкими ударами на главныхъ боевыхъ фронтахъ, что она кончится черезъ два-три мѣсяца въ «Парижѣ» или въ «Берлинѣ». Само собою разумѣется, что при такихъ ожиданіяхъ общія стратегическія цѣли всецѣло господствовали надъ частными политическими цѣлями. «Въ Парижѣ» и «въ Берлинѣ» должны были рѣшиться все вопросы, въ томъ числѣ и вопросы о Константинополѣ, о проливахъ, о багдадской ж. д., объ африканскихъ колоніяхъ и т. д., и т. д.

Но война приняла затяжной характеръ, Парижъ и Берлинъ отодвинулись въ туманную даль, все болѣе вѣроятнымъ началъ представляться такой исходъ войны, при которомъ общее рѣшеніе всехъ вопросовъ *en bloc* должно будетъ уступить мѣсто ряду частичныхъ соглашеній. А при такихъ частичныхъ соглашенияхъ по отдѣльнымъ спорнымъ пунктамъ уже, конечно, далеко не безразлично, въ чьихъ рукахъ находится въ моментъ заключенія мира та или иная спорная территорія. Фактическое обладаніе является въ такихъ случаяхъ самымъ серьезнымъ аргументомъ въ пользу формальнаго присоединенія. Стремленіе закрѣпить за собою военной силой извѣстные пункты, пріобрѣтеніе которыхъ считалось желательнымъ, должно было при такихъ условіяхъ неизбѣжно занять видное мѣсто среди мотивовъ военныхъ операцій. И врядъ ли гдѣ-либо это стремленіе проявилось въ болѣе отчетливой формѣ, чѣмъ въ операціяхъ ближне-восточныхъ.

Уже борьба за Дарданеллы не была лишена политическаго привкуса. Она имѣла, конечно, весьма серьезное чисто-военное значеніе. По-

мимо того, что захватъ проливовъ и Константинополя обѣщаль вывести изъ строя одного изъ союзниковъ Германіи, онъ обѣщаль также облегчить снабженіе Россіи боевыми припасами, а ея западныхъ друзей—русскимъ хлѣбомъ. Все это для хода войны было весьма существенно.

Но наряду съ этими мотивами дарданелльской операціи было-бы большой ошибкой не упомянуть о русскомъ тяготѣнн къ свободному выходу въ Средиземное море. Эта идея свободного выхода приняла за время войны вполне опредѣленные формы, разросшись въ смѣлую программу аннексіи территорій, прилегающихъ къ проливамъ съ востока и съ запада, включая Константинополь и полуостровъ Галлиполи. Судя по послѣдней рѣчи г. Милюкова въ Государственной Думѣ, въ апрѣлѣ 1915 г. русская программа была признана союзниками. Такъ это или нѣтъ, трудно судить, пока еще не опубликованы соответственные дипломатическіе акты. Но во всякомъ случаѣ ясно, что русское правительство, настаивая на форсированн Дарданелль и посылая флотъ къ Босфору, имѣло въ виду прочное пріобрѣтеніе проливовъ, обладаніе выходомъ въ Средиземное море послѣ войны, а не только облегченіе сношеній съ союзниками во время войны или дезорганизацию сопротивленія Турціи. Со своей стороны союзники, какъ бы они ни относились къ планамъ Россіи, считали весьма полезнымъ для своихъ цѣлей навсегда вырвать проливы изъ рукъ Турціи, дабы тѣмъ самымъ географически отрѣзать переднюю Азію отъ Германіи и союзныхъ съ нею государствъ Европы.

Такое-же сплетеніе мотивовъ чисто военныхъ съ политическими мы видимъ и въ основѣ осенняго германо-австрійскаго наступленія на Балканахъ. Германіи необходимо было придти на помощь Турціи въ ея борьбѣ, становившейся уже непосильной. Германіи необходимо было напунать слабое мѣсто Англіи, а это было невозможно безъ возстановленія непосредственной связи съ азіатскими областями оттоманской имперіи. Но надъ этими весьма вѣскими соображеніями, заставившими Германію предпринять балканскій походъ, несомнѣнно доминировали соображенія политическія. Германіи было важно спасти Турцію не только какъ союзницу въ настоящей борьбѣ, но и какъ объектъ будущей экономической эксплуатаціи, какъ будущаго члена великаго экономического единства, простирающагося «отъ Нордкапа до Багдада». Установленіе непосредственныхъ сношеній съ Турціей, достигнутое путемъ разгрома Сербіи и включенія въ число германскихъ союзниковъ Болгаріи,—было важно Германіи не только въ цѣляхъ доставки военныхъ припасовъ по желѣзно-дорожной линіи Берлинъ-Константинополь, но и въ цѣляхъ будущаго округленія территоріи того-же великаго союза. Безъ части Сербіи, безъ Болгаріи союзу недоставало бы весьма важнаго звена; теперь это звено выковано, линія Бѣлградъ—Софія—Адрианополь сомкнула германо-австро-турецкую цѣпь.

Политическое значеніе, придаваемое нѣмецкими империалистами дарданелльскимъ и балканскимъ операціямъ, очень ярко характеризуемо въ одной изъ статей признаннаго пѣвца ближне-восточныхъ плановъ

германскаго имперіализма—II. Рорбахъ. «Рѣшеніе войны для насъ и для нашихъ противниковъ лежитъ на Ближнемъ Востоке,—писалъ Рорбахъ наканунѣ балканскаго похода Австріи и Германіи,—побѣда или пораженіе Германіи и Австро-Венгрии зависятъ отъ того, въ состояніи-ли мы сохранить силу Турціи и удержать нашу связь съ нею». Для доказательства этой истины Рорбахъ рисуетъ яркую картину англійскаго морскаго владычества, благодаря которому всѣ отрасли германской промышленности полузадушены, и этой картинѣ противопоставляетъ свѣтлыя перспективы того времени, когда Германія будетъ имѣть въ своихъ предѣлахъ, ни отъ кого не завися, шерсть, хлопокъ, мѣдь, нефть и т. д., и т. д.

На Востокѣ, — продолжаетъ онъ, — въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Месопотаміи, въ Персіи, на Балканахъ, сырые матеріалы, въ которыхъ мы нуждаемся, имѣются въ изобиліи. Въ глубинѣ горъ Тавра имѣются богатая залежи самыхъ разнообразныхъ рудъ. Въ Ассиріи и Вавилоніи — источники минеральныхъ маселъ. Плодородная почва Билики и равнины Сѣверной Сиріи могутъ дать столько хлопка, сколько потребуется для Австріи и Германіи. Территори въдоль средняго и нижняго Евфрата и Тигра, нѣкогда столь высоко-культурныя, пробуждаются и вскорѣ начнутъ въ широкихъ размѣрахъ производить хлопокъ и пшеницу. Стены Анатоли, Месопотаміи и Сиріи являются прекраснымъ пастбищемъ для скота, который можетъ въ изобиліи поставлять сырье для германской шерстяной промышленности.

Словомъ, въ случаѣ побѣды Германію ждетъ здѣсь блестящее будущее. Но что будетъ, если Англія, Россія и Франція прорвутся въ Дарданеллы и Босфоръ и разорвутъ, тѣмъ самымъ, связь между Германіей и Австріей съ одной стороны, Ближнимъ Востокомъ—съ другой? Что будетъ, если враги Германіи подѣлятъ между собой территории между проливами и Персидскимъ заливомъ? Отвѣтъ Рорбаха звучитъ крайне пессимистически: «Это будетъ означать конецъ нашей мировой политики, наше исчезновеніе какъ мировой державы». Какъ эти опасенія, такъ и эти надежды вдохновителя германскихъ имперіалистовъ надо принимать, вѣчно, *cum grano salis*. Тѣмъ не менѣе они являются вполне реальными движущими силами современной войны, поскольку имперіализмъ есть содержаніе той «политики», которая руководитъ «стратегіей».

Первая опасность, о которой говоритъ Рорбахъ, — опасность со стороны проливовъ съ ликвидаціей дарданелльскій операции союзниковъ — устранена. Но вторая въ извѣстныхъ предѣлахъ существуетъ и до сихъ поръ. Борьба за Ближній Востокъ продолжается; она лишь перенесена, такъ сказать, съ центра на окраины: отъ проливовъ и Константинополя къ Месопотаміи, Арменіи и Персіи.

II.

Вполнѣ естественно, что, отказавшись отъ борьбы за проливы, державы согласія не только не приостановили своихъ дѣйствій на восточной

окраинѣ Турціи, но, наоборотъ, придали имъ болѣе энергичный характеръ. Идеальное рѣшеніе турецкаго вопроса для державъ согласія — это полное освобожденіе турецкихъ областей отъ германскаго вліянія. На случай, если такой исходъ окажется невозможнымъ, для согласія, особенно для Англии, весьма важно приобрести въ Турціи нѣкоторые опорные пункты, обладаніе которыми парализовало бы до извѣстной степени опасности, связанной съ проникновеніемъ Германіи на Ближній Востокъ.

Съ этой точки зрѣнія, значеніе Армении и Месопотаміи огромно. Извѣстно, что въ Англии ростъ германскаго вліянія на Турцію вызываетъ опасенія не столько экономическаго, сколько политическаго характера. Выходъ Германіи черезъ Месопотамію къ Персидскому заливу представлялся угрозой господству Англии на Индійскомъ океанѣ. Извѣстно, какъ противилась Англія выводу балдажской ж. д. къ морю; извѣстно, какъ стремилась она распространить свой протекторатъ на прилегающія къ Персидскому заливу территории. Захвативъ Южную Месопотамію, Англія могла-бы уже въ случаѣ крайности примириться съ господствомъ Германіи въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ областяхъ Азіатской Турціи. Конечно, это будетъ компромиссъ, но этотъ компромиссъ все-же будетъ болѣе приемлемымъ для Англии, чѣмъ *status quo ante bellum*. Утвержденіе Англии въ низовьяхъ Тигра и Евфрата — ударъ для империалистическихъ плановъ Германіи и ударъ тѣмъ болѣе чувствительный, что дополняемъ его съ другой стороны должно явиться, по замысламъ согласія, утвержденіе Россіи въ горной Армении, — странѣ стратегически господствующей надъ тѣми областями Турціи, которыя могутъ остаться въ сферѣ германскаго вліянія.

Турецкая Армения по своему положенію имѣетъ совершенно исключительную политическую цѣнность; обладаніе ею уже издавна является одной изъ цѣлей русской политики. До послѣднихъ лѣтъ самое рѣшительное противодѣйствіе достиженію этой цѣли оказывала обычно Англія, видѣвшая въ Турціи барьеръ, прикрывающій съ сѣвера пути въ Индію, и потому стоявшая на стражѣ территориальной неприкосновенности оттоманской имперіи. Серьезная попытка включить Армению въ сферу своего вліянія была сдѣлана Россіей послѣ русско-турецкой войны. Но тогда, въ 1878 году, Англія заявила свой протестъ даже противъ присоединенія къ Россіи алашкертской долины съ Диудиномъ и Баязидомъ, — узкой полосы, по которой проходитъ важный торговый путь, связывающій Черное море съ Персіей. Англія-же настояла на томъ, чтобы проведеніе реформъ въ Армении, согласно 16-ой статьѣ санъ-стефанскаго договора, было поставлено не подъ контроль Россіи, вынужденной очистить Армению, а подъ общій контроль державъ (§ 61 берлинскаго трактата). Еще въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг. Англія поддерживала въ азіатскихъ областяхъ Турціи экономическія начинанія Германіи. Германское *Drang nach Osten* представлялось англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ чрезвычайно цѣннымъ противовѣсомъ стремленію Россіи къ южному свободному морю. Германія, какъ и Англія, стремилась

сохранить неприкосновенность Турци. Германия казалась въ данномъ вопросѣ естественной союзницей Англи; ея появленіе въ томъ районѣ, къ которому тяготѣла Россія, отдаляло русскую опасность, и поэтому Англія оказывала Германи на первыхъ порахъ свое содѣйствіе даже въ вопросѣ о багдадской ж. д.

Необычайно быстрый экономическій прогрессъ Германии, быстрый ростъ ея политическихъ притязаній вызвали рѣшительный поворотъ въ этой традиціонной руссофобской политикѣ Англи. Въ началѣ XX столѣтія уже не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, каково историческое значеніе, каковъ смыслъ проникновенія Германии въ Азіатскую Турцію. Экономическое завоеваніе Малой Азии нѣмецкимъ капиталомъ шло очень быстро, а въ перспективѣ было завоеваніе имъ также и Месопотамии вслѣдъ за проникновеніемъ туда рельсовой колеи. Наконецъ, Германия заняла въ Константинополѣ бывшее положеніе Англи — положеніе покровителя Турци. Турція въ своихъ выступленіяхъ начинала все чаще и чаще играть роль орудія въ рукахъ Германии. Такимъ образомъ, стремясь укрѣпить барьеръ, препятствующій движенію Россіи къ югу, Англія ввела въ Турцію врага, гораздо болѣе страшнаго. Барьера фактически уже болѣе не существовало, между Египтомъ и Индией, лицомъ къ лицу съ Англійей, стояла уже не только Турція, но и мощная европейская держава.

Съ того момента, какъ въ Англии сознали эту истину, политика охраны неприкосновенности Турци утратила для англійскихъ политиковъ своей *raison d'être*. Наступила пора сближенія съ Россіей, «окруженія» Германии. Англія была вынуждена пересмотрѣть съ новыхъ точекъ зрѣнія всѣ спорные вопросы Востока, въ томъ числѣ и вопросъ объ Арменіи. Однимъ изъ результатовъ этого пересмотра было англо-русское соглашеніе о Персіи 1907 г.; другимъ — новый русский проектъ армянскихъ реформъ 1912 г. Россія подняла вновь армянскій вопросъ въ самый трудный для Турци моментъ — въ разгаръ балканскаго кризиса, — и на этотъ разъ Англія оказала русскимъ пожеланіямъ полную поддержку. Оккупация Арменіи русскими войсками — самое радикальное рѣшеніе вопроса — была и въ 1912 г. признана преждевременной, хотя возможность ея и не исключалась¹. Пока же Россія предъявила Портѣ требованіе даровать шести армянскимъ вилайетамъ самую широкую автономию.

Но и этотъ формально безобидный планъ, реальное значеніе котораго было, впрочемъ, ясно для всѣхъ, встрѣтилъ рѣшительнѣйшее сопротивленіе, какъ и слѣдовало ожидать при измѣнившейся международной конъюнктурѣ, со стороны Германии. Германия не могла допустить утвержденія русскаго вліянія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ центральнымъ участкомъ багдадской ж. д. Послѣ длительныхъ переговоровъ, она согласилась на компромиссъ: на созданіе двухъ автономныхъ обла-

¹ См. Оранжевую Книгу по армянскому вопросу, депеша Гирса отъ 26 ноября 1912.

стей; южная изъ этихъ областей, наиболѣе важная для Германіи, должна была войти въ ея собственную сферу влияния. О влияніи въ сѣверной — Германія разсчитывала еще поспорить съ Россіей, мобилизовавъ въ свою пользу мусульманское большинство Трапезундскаго, Эрзерумскаго и Сивасскаго вилайетовъ.

Такимъ образомъ, попытка 1912—13 гг. не дала тѣхъ результатовъ, какихъ отъ нея ожидали. Но вспыхнувшая вскорѣ европейская война сняла со счетовъ и компромиссный германскій проектъ, и проектъ образованія единой автономной Арменіи. Сейчасъ, судя по рѣчамъ въ Государственной Думѣ, по статьямъ въ офиціозной прессѣ, рѣчь идетъ уже не объ автономіи Арменіи, а объ аннексии тѣхъ территорій Азіатской Турціи, которыя завоеваны русскими войсками. Новидимому, трений съ Англіей по этому поводу не предвидится. Если планъ аннексии Арменіи и явится для кого-либо нещріатнымъ ударомъ (не считая, конечно, Турціи и Германіи), — то только для мечтавшихъ объ автономіи армянскихъ патриотовъ. Проектъ 1912 г. вызвалъ въ Арменіи самыя розовыя надежды. Эти надежды расцвѣли еще пышнѣе въ началѣ войны, когда говорилось даже о независимой Арменіи отъ Чернаго моря и до Средиземнаго. Дѣйствительность принесла уже армянскимъ патриотамъ немало горькихъ разочарованій; будущее сулитъ имъ, вѣроятно, еще больше. О національных чаяніяхъ различныхъ народностей писалось за время войны не только публицистами, но и дипломатами. Но еще вопросъ — станутъ ли серьезно считаться съ этими чаяніями патриотовъ мелкихъ и второстепенныхъ націй, разъ они вступаютъ въ противорѣчіе съ грандіозными импералистическими задачами великихъ державъ?

III.

Параллельно съ военными дѣйствіями союзниковъ въ Арменіи и Месопотаміи и въ тѣсной связи съ ними развивались операци въ Персіи. Серьезное стратегическое значеніе персидскій районъ могъ бы получить лишь въ случаѣ попытки германо-турецкаго похода на Индію. Такъ какъ въ дѣйствительности такой попытки пока не было и, по всей вѣроятности, не будетъ, то стратегическій смыслъ операций сводится въ данный моментъ исключительно въ установленіи связи между русскими войсками и англійскимъ отрядомъ, дѣйствующимъ въ Месопотаміи. Проникновеніе русскихъ войскъ черезъ Персію въ районъ Багдада, конечно, можетъ облегчить положеніе Эйльмера и Таунсенда; но гораздо существеннѣе политическая сторона этой операци, гораздо существеннѣе, что въ результатъ ея вся сѣверная Персія, — русская сфера влияния по соглашенію 1907 г. — оказалась оккупированной русскими войсками. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ положенъ конецъ попыткамъ персовъ, пользуясь европейской войной, освободить свое отечество отъ англо-русскаго протектората.

До 1907 года Персія была ареной борьбы между Англіей и Россіей. Для Персіи это соперничество двухъ великихъ державъ имѣло свою положительную сторону. Англія видѣла въ Персіи государство-буферъ, пре-

граждающее Россіи дорогу къ Индіи и къ Индіискому океану. Такъ какъ Россія стремилась закрѣпить политически свои экономическія связи съ Персіей, то Англія изъ противодѣйствія Россіи невольно должна была въ извѣстныхъ случаяхъ играть роль хранительницы персидской независимости. Въ то же время Англія, исходя изъ естественнаго стремленія, по возможности, усилить свой буферъ, оказывала содѣйствіе культурному и политическому прогрессу Персіи. Англо-русское соглашеніе 1907 г. радикально измѣнило положеніе. Правда, обѣ соглашающіяся стороны обязывались соблюдать неприкосновенность и независимость персидской территории, но въ то же время соглашеніе дѣлило Персію на сферы влияния и устанавливало право англо-русскаго финансоваго контроля надъ Персіей. Событія уже очень скоро показали, какая часть соглашенія имѣла реальное значеніе и какая являлась только деклараціей.

Соглашеніе явнымъ образомъ развязало руки русской политикѣ. Во внутренней жизни Персіи это сказалось въ первую очередь усиленіемъ консервативныхъ элементовъ. Въ 1906 г., во время безкровной персидской революціи они капитулировали почти безъ борьбы, въ 1908 г. они уже рѣшились на разгромъ парламента при энергичной помощи полковника Ляхова. Когда эта попытка контръ-революціи разбилась о сопротивленіе организовавшихся на сѣверѣ, въ Азербейджанѣ, и на югѣ, въ Испагани, революціонныхъ отрядовъ, когда шаху Магомату-Али пришлось ѣхать въ Россію, казалось, что ех-шахъ навсегда лишился престола, что вокругъ его имени нельзя уже въ Персіи никого объединить. И тѣмъ не менѣе, Магометъ-Али вскорѣ-же снова появился въ Персіи, снова набралъ себѣ войско, что было бы совершенно невозможно безъ посторонней финансовой и всяческой иной помощи. Для Россіи всякія попытки обновленія Персіи, ея внутренняго усиленія, должны, конечно, представляться по меньшей мѣрѣ несвоевременными. А Англія, на которую прежде съ надеждой взирали персидскіе патриоты, послѣ соглашенія утратила всякое желаніе оказывать имъ какую-бы то ни было поддержку.

Столь же важное вліяніе оказало соглашеніе на международное положеніе Персіи. За время съ 1908 по 1912 гг., русскія войска успѣли уже прочно утвердиться въ значительной части городовъ сѣверной Персіи, тамошни оказались въ рукахъ русскихъ чиновниковъ, концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ русскаго правительства. Въ былые годы все это вызвало бы серьезнѣйшія тренія съ Англіей. Теперь же, несмотря на протестующіе голоса, раздавшіеся въ парламентѣ, англійское правительство встрѣтило фактъ-русской оккупаціи, если не съ прямымъ сочувствіемъ, то во всякомъ случаѣ, съ очень доброжелательной терпимостью.

Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что европейская война отразилась въ Персіи взрывомъ руссофобскихъ и англофобскихъ чувствъ. Воспользоваться моментомъ для того, чтобы вернуть Персіи независимость — эта идея не могла не захватить персидскихъ общественныхъ

дѣятелей. А соединеніе въ ней революціоннаго элемента съ элементомъ патристическимъ должно было дать ей широкій откликъ въ массахъ.

Такъ въ Персіи съ самаго начала войны возникло броженіе, принимавшее все болѣе яркій характеръ по мѣрѣ успѣховъ германской коалиціи. Пресса согласія приписывала это броженіе всецѣло германской и турецкой агитаціи. Конечно, отрицать наличность такой агитаціи не приходится. Германія должна была стремиться учесть въ свою пользу персидскія настроенія. Нѣмецкій капиталъ добился за послѣдніе годы значительныхъ успѣховъ на пути экономическаго завоеванія Персіи. Германская политика, слѣдуя за капиталомъ, должна была противодѣйствовать превращенію Персіи въ русскую колонію. Вырвать Персію сейчасъ изъ рукъ Россіи и Англии — это имѣло бы извѣстное значеніе и для хода войны въ Азіи, это имѣло бы несравненно большее значеніе въ будущемъ, по окончаніи войны. Но во всякомъ случаѣ германская агитація не имѣла бы никакого успѣха, если бы почва для нея не была подготовлена исторіей Персіи за десятилѣтіе 1906—1915 гг. Только подъ влияніемъ событій этого десятилѣтія персидскіе патриоты начали видѣть въ Германіи оплотъ персидской независимости.

Серьезные размѣры движеніе въ Персіи приняло въ іюнь 1915 г. Въ апрѣлѣ, въ связи съ турецкимъ вторженіемъ въ Керманшахъ, представители Россіи и Англии настояли передъ шахомъ на назначеніи «энергичнаго» и опредѣленно-русофильскаго кабинета. Протесты междлиса, духовенства и купечества заставили Россію и Англию отказаться отъ первоначально выдвинутой ими кандидатуры извѣстнаго дѣятеля реакціи Саадъ-удъ-Доуле. Но вмѣсто Саада на посту премьера оказался, пожалуй, еще болѣе извѣстный по исторіи персидской революціи и во всякомъ случаѣ дружественной Россіи Эйнь-удъ-Доуле.

Въ іюнь междлиси при полномъ единодушіи умѣренныхъ и демократовъ свалилъ этотъ русофильскій кабинетъ и власть перешла въ руки «патристическаго» кабинета Мустафи-уль-Мамалека. Въ то же время въ центрѣ страны, въ Испагани, вспыхнуло возстаніе. Съ этого момента среди персидскихъ «германофиловъ» можно различать два теченія. Одно, революціонное, близкое къ демократамъ междлиса, стояло за немедленный разрывъ съ Россіей и Англией, за открытый союзъ съ Германіей. Это теченіе было представлено испаганскими революционерами и до октября не имѣло большого значенія. Другое теченіе, господствовавшее въ междлисѣ и въ правительствѣ, склонно было показывать условный нейтралитетъ, выторговывая для Персіи за этотъ нейтралитетъ извѣстныя компенсаціи. Въ переговорахъ, какія велъ съ державами согласія кабинетъ Мустафи-уль-Мамалека, онъ требовалъ, напимѣръ, ухода русскихъ войскъ съ персидской территоріи, пересмотра соглашенія 1907 г. и т. д., и т. д. Персидское правительство мечтало, словомъ, о восстановленіи полной независимости Персіи.

На что-же могло оно опираться, выставя столь далеко идущія требованія? Очевидно, только на угрозу союзомъ съ Турціей. Хотя у Персіи

нѣтъ ни денегъ, ни сколько-нибудь сносной армии, но эта угроза могла бы все-же имѣть извѣстный смыслъ, если бы Россія не имѣла возможности предупредить турокъ въ оккупации персидской территории. При извѣстныхъ условіяхъ, зависящихъ отъ положенія на Кавказскомъ фронтѣ и въ Месопотаміи, съ Персией приходилось считаться, и, можетъ быть, поэтому въ началѣ октября Россія еще вела съ персидскимъ кабинетомъ переговоры.

Но этотъ періодъ колебаній былъ очень непродолжителенъ. Уже въ концѣ октября Россія перешла къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и 29-го октября русскія войска оказались передъ Тегераномъ. Персидское правительство этимъ шагомъ Россіи было поставлено въ необходимость выбирать между покорностью и открытымъ разрывомъ съ организацией сопротивленія внутри страны. Не имѣя въ этотъ моментъ основанія рассчитывать на помощь извнѣ, зная скудость собственныхъ ресурсовъ, оно рѣшило подчиниться. Персія объявила дружественный державамъ согласія нейтралитетъ, въ кабинетъ вновь вошли консерваторы — сторонники Россіи, засѣданія меджлиса были отсрочены.

Правительство пыталось продолжать еще, несмотря ни на что, переговоры о восстановленіи независимости Персіи, но они сами собою превратились въ переговоры о союзѣ съ Россіей и Англійей. Германофильство правительственное оказалось, такимъ образомъ, очень быстро и просто ликвидированнымъ. Но германофильство революционное продолжало жить еще больше четырехъ мѣсяцевъ. Капитуляція правительства лишь усилила кадры революціонеровъ. Часть депутатовъ меджлиса и комитета демократической партіи бѣжали изъ Тегерана и организовали временное правительство въ Кумѣ. Къ этому правительству примкнула большая часть персидской жандармеріи. Революція получила свой центръ и свою вооруженную силу. Конечно, всего этого было недостаточно, чтобы оказать отпоръ русскимъ войскамъ, а помощь со стороны Турціи, на которую рассчитывали революціонеры, прійти не могла. Но все же только послѣ четырехмѣсячной борьбы революціонныя силы были окончательно разбиты, только 8-го марта русскія войска взяли послѣдній ихъ оплотъ — Испагань.

Сейчасъ, повидимому, всякое сопротивленіе Персіи можно считать сломленнымъ. Русскія войска дошли до южной границы русской сферы вліянія, а вслѣдъ за ними появились уже въ сѣверныхъ персидскихъ провинціяхъ и русскіе предприниматели. Въмѣсто утопическихъ проектовъ восстановленія независимости, тегеранское правительство занялось обсужденіемъ болѣе реальныхъ сюжетовъ: новыхъ русскихъ концессій и арендъ. Трезвая дѣйствительность вступила въ свои права.

В. Волгинъ.

НАБѢГЪ ЦЕПШЕЛИНОВЪ.

Парижанъ давно уже предупредили, что о появленіи цепшелиновъ пожарные извѣстятъ жителей трубными сигналами. Но цепшелины такъ долго заставили себя ждать, что парижане не то что не вѣрили въ ихъ появленіе, а просто забыли о нихъ. Поэтому, когда въ ночь съ субботы на воскресенье раздались тревожные сигналы, многие, въ томъ числѣ и я, приняли ихъ за обычный пожарный набатъ. Впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что съ лѣстницы доносились суматоха, бѣготня, истерические крики женщинъ и дѣтей. Но ко мнѣ уже звонили...

— Что случилось?

— Спасаетесь; цепшелины надъ Парижемъ!..

Я быстро одѣлся и бросился было къ своему окну, но вспомнилъ, что оно выходитъ на югъ, а цепшелины прилетятъ съ сѣвера и спустился на улицу. На лѣстницѣ электричество было погашено, шумно хлопали двери, мигали огоньки свѣчей, раздавался придушенный шопотъ людей; видно было, что неожиданность ночной тревоги жуткимъ ужасомъ вышолзала изъ цѣлкихъ объятій сна...

Ночь теплая, весенняя, тихая. Усыпанное блестящими созвѣдіями спокойное небо. Глядя на него—успокаиваешься и самъ.

— Оно не выдастъ. Не даромъ отъ вѣка оно служитъ надежнымъ убѣжищемъ всѣхъ безпокойныхъ человѣческихъ душъ!

Но вотъ забѣгали по небу тревожные и нервные ищейки—пржекторы. Съ сѣвера, съ юга, съ востока и съ запада взвивались къ небесной тверди смѣлые и дерзкіе лучи и рылись въ ней, разоблачали ея новую коварную тайну.

На улицѣ полицейскіе торопливо тушили фонари, въ окнахъ домовъ вспыхивали и гасли огоньки, изъ подъѣздовъ доносился встревоженный людской говоръ, гдѣ-то далеко раздавался послѣдній призывный трубный сигналъ...

Цепшелины, очевидно, были замѣчены въ Компьенѣ; надъ Парижемъ они не могутъ появиться раньше получаса... Я рѣшилъ пока отправиться къ себѣ...

Подъ лѣстницей, возлѣ швейцарской, у самого входа въ погребъ, собралось все населеніе нашего дома. Полуодѣтыя женщины держали въ рукахъ тучныхъ младенцевъ, мужчины размѣщали по карманамъ захваченныя второпяхъ бумаги и драгоцѣнности, подростки жались къ матерямъ... Тутъ и жилища съ шестого этажа, швейцарская подданная, и вдова съ четвертаго; ихъ мужъ и сынъ ушли добровольцами на войну и поэтому онѣ говорятъ, что позорно прятаться, когда близкіе сидятъ въ траншеяхъ: но ихъ ноги, очевидно, отказывались повиноваться ихъ мыслямъ. Тутъ и «консержка»-церберъ, которая вѣчно хвастается, что она самаго неисправимаго «ноктамбюса» въ два мѣсяца свернетъ въ бараній рогъ и заставитъ ложиться спать въ 10 часовъ вечера... Тутъ и нашъ допъ-жуанъ, акцизный чиновникъ съ перваго

этажа; женщины нашего дома называют его коварным ловеласом и жеманно сторонятся при встрѣчѣ съ нимъ на лѣстницѣ, а мужья обдаютъ его въ такихъ случаяхъ злымъ и подозрительнымъ взглядомъ. Тутъ и двѣ вѣчно спорящія между собой сосѣдки съ третьяго этажа, госпожа Пессонъ и госпожа Шабронъ. У нихъ общій балконъ, раздѣленный только желѣзной рѣшеткой. У госпожи Пессонъ страсть къ черепахамъ; ея часть балкона настоящій разсадникъ этихъ маленькихъ, допотопныхъ чудищъ; у госпожи Шабронъ слабость къ котамъ: у нея три великолѣпныхъ кота. Для котовъ госпожи Шабронъ нѣтъ большаго удовольствія, чѣмъ визиты къ черепахамъ госпожи Пессонъ. Каждый такой визитъ приводитъ въ бѣшенство госпожу Пессонъ; она звонитъ къ сосѣдкѣ, и лѣстница оглашается перебранкой двухъ почтенныхъ дамъ.

Но сейчасъ общая опасность смягчаетъ и сближаетъ всѣхъ. Перберъ-консержка заботливо усаживаетъ жильцовъ; госпожа Пессонъ увѣряетъ госпожу Шабронъ, что она слишкомъ легко одѣта, и кутаетъ ее въ свою шаль; страшный донъ-жуанъ задушевно разговариваетъ съ мужемъ красивой дамы со второго этажа...

Первый пушечный выстрѣлъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Я бросился на улицу. Величественная панорама предстала предо мной. При неумолчныхъ ударахъ канонады неслись подъ небомъ десятки надюющихъ звѣздъ; разрѣзая бѣлый путь прожекторовъ, вспыхивали и потухали молниеносные огненные зигзаги. На сѣверѣ высоко взлетѣлъ золоченный солнечный шаръ, разорвался звѣздой и освѣтилъ далеко воздушное пространство.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! — крикнулъ кто-то.

Мы всѣ стали смотрѣть въ указанномъ направленіи, но цепшелина не было видно. Одинъ изъ зрителей насмѣшливо прошелся насчетъ хорошаго зрѣнія нѣкоторыхъ людей. Тотъ, кто увидѣлъ цепшелину, конфузливо оправдывался, несмѣло увѣрялъ, но его никто уже не слушалъ. Снова тишина... Четверть часа ожиданія... Подбили или нѣтъ? Навстрѣчу намъ бѣжалъ полицейскій... «Подбили, подбили, сейчасъ получено извѣстіе въ комиссариатъ»...

Публика рукоплещетъ...

Не успѣли, однако, смолкнуть аплодисменты, какъ одинъ за другимъ раздались пять оглушительныхъ взрывовъ; подъ свистки публики полицейскій сталъ послѣшно удаляться...

Въ небѣ вспыхнула огненная зарница.

— En voilà une belle eclaire*.

— En creme ou en chocolat? **—состригъ донъ-жуанъ.

Съ обычной для нихъ быстротой парижане справились съ первымъ нервнымъ кризисомъ. Дѣти, очарованные прелестью ночной тре-

* Какая красивая зарница.

** Непереводимая игра словъ: eclaire—это также и любимое пирожное парижанъ—шоколадное или сливочное.

воги, выбѣжали на улицу играть въ прятки; взрослые принесли карты и затѣяли игру; донъ-жуанъ забавлялъ женщинъ разсказами и осторожно прокладывалъ своей рукѣ путь вдоль гибкаго стана красивой дамы со второго этажа; смѣхъ и веселая возня наполнили лѣстницу, и консьержка-перберъ начинала морщиться...

Стали держать совѣтъ: можно ли подниматься? Мужъ красивой дамы побѣждалъ справляться въ полицейскій участокъ. Тамъ ему сказали, что нужно ждать новаго трубнаго сигнала... Въ три часа ночи прозвучалъ, наконецъ, и отбой.

На другое утро Парижъ гудѣлъ, вырывалъ у разносчиковъ газету, валялъ къ мѣстамъ взрывовъ. Военныя власти расклеили объявление, приглашающее жителей не выходить на улицу во время появления цепелиновъ «въ виду опасности, представляемой осколками обстрѣливающихъ нѣмцевъ снарядовъ»...

Вторая тревога раздалась въ понедѣльникъ въ девять часовъ вечера... Я сталъ пробираться къ своему приятелю; онъ живетъ на шестомъ этажѣ, его окна выходятъ на сѣверъ, и въ субботу ему удалось увидѣть цепелины. По темнымъ улицамъ неслась на Монмартръ, высокую сѣверную часть города, шумная и оживленная толпа. Шелъ мелкій, частый дождь... Скептики предсказывали, что цепелины не появятся. Завязывались пари: гдѣ-то, подъ популярный мотивъ «лампоновъ», затянули: — «будетъ», «не будетъ», «будетъ», «не будетъ».

Толпа подхватила... Въ небѣ шарили лучи прожекторовъ. Но они, очевидно, чувствовали свое бессиліе передъ облачнымъ, нахохлившимся небомъ; въ ихъ легкомъ бѣгѣ не было прежней увѣренности и отваги. Въ одиннадцать часовъ вечера пробили отбой. Зажглись фонари, толпа внизу стала расхориться. Не успѣлъ, однако, я собраться, какъ снова раздалась тревога. Снова темнота... Но теперь уже тихо на улицахъ. Парижъ насторожился, Парижъ большой, тяжелый и грузный живетъ одной напряженной мыслью...

Въ часъ ночи, потерявъ надежду увидѣть что-нибудь, я вернулся къ себѣ. Внизу у швейцарской попрежнему тѣснились жильцы нашего дома. Но не было уже прежняго оживленія. Утомленные люди клевали носомъ, дѣти спали на ступенькахъ лѣстницы...

— Вы поднимаетесь?

— Да, я поднимаюсь...

Когда, въ три часа ночи, пожарные протрубили второй отбой, нашъ домъ спалъ уже глубокимъ, мирнымъ сномъ...

Парижъ.

Е. Панинъ.

ВЪ ЛАГЕРНОЙ СТОЯНКѢ.

Р... лагерная стоянка въ 10 километрахъ отъ передовыхъ окоповъ... Когда-то Р... былъ большимъ торговымъ селомъ съ двумя тысячами крышъ и восьмидесяти тысячью населеніемъ. Но сначала войны оно выдержало 5 бомбардировокъ и три раза переходило изъ рукъ въ руки. Изъ всѣхъ строеній какимъ-то чудомъ уцѣлѣло лишь одно зданіе железнодорожнаго вокзала; всѣ остальные дома полуразрушены, выворочены, распотрошены. И все-таки, когда приближается часъ смѣны, солдаты въ передовыхъ окопахъ съ радостнымъ восторгомъ думаютъ о предстоящемъ пребываніи въ Р.: въ его открытыхъ и развалившихся домахъ еще достаточно мѣста, чтобы вытянуть на грязной соломе усталое тѣло; до него хоть и доносится шумъ канонады, но только далекимъ эхомъ пережитыхъ опасностей... Р..., кромѣ того, важный перекрестный пунктъ; здѣсь можно встрѣтить различныя войсковыя части, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, пошататься, потолковать; есть на что посмотреть послѣ трудной и однообразной жизни въ окопахъ...

Настоящій муравейникъ этотъ Р... Непрерывной цѣлью проходятъ черезъ него автомобили, санитарныя амбулаты и аммуниціонныя грузовики, парижскіе автобусы, наполненные мясомъ, и быстрые самолеты ординарцевъ; со всѣхъ сторонъ тянутся къ нему полки, приходятъ и уходятъ, сходятся и расходятся, уставшіе и отдохнувшіе. Въ немъ яркимъ контрастомъ сплелись два лика боевого движенія; приливъ и отливъ, прибой и отбой. Неудержимымъ потокомъ стремится впередъ свѣжая энергія; эти безчисленные автомобили, эти заново укомплектованные густые ряды полковъ несутъ и выбрасываютъ въ пылающій костеръ фронта груды горячаго материала и живой силы, а навстрѣчу имъ—наполненные ранеными фургоны, рѣдкіе ряды возвращающихся полковъ, уставшя, ко всему равнодушныя лица поютъ печальную жалобу разбившейся о берегъ волны.

Вчера въ лѣсной часовнѣ, что въ трехъ километрахъ отъ Р..., отпѣвали товарищей, павшихъ наканунѣ въ кровавой атакѣ. На доскахъ, среди церкви, отъ которой остался одинъ лишь архитектурный скелетъ, лежали 50 труповъ солдатъ и офицеровъ. Странно и не гармонично звучитъ это слово «трупъ» по отношенію къ мертвецамъ съ фронта. Здѣсь покойникъ вызываетъ совсѣмъ другое представленіе, чѣмъ въ міру; здѣсь онъ пылающій еще образъ войны. Онъ и раненый—вѣдь это единственная матеріализація современной войны, такъ хорошо отвѣчающей нашей утонченности...

Въ современной войнѣ все невидимо, все нематеріально; невидимыя пушки шлютъ невидимые, смертоносные снаряды; спрятанные въ земной глубинѣ люди творятъ невидимое страшное дѣло. Во внѣшней пустотѣ течетъ незримая могучая жизнь. Она развиваетъ нервную чувствительность современнаго человѣка, она заставляетъ его дополнить ставшее

непужнымъ зрѣніе другимъ органомъ, она вызываетъ къ жизни *мистическое* чувство незымаго... Идетъ по лѣсу отрядъ, усталый и измученный; люди, понуря голову, мѣсятъ лишнее тѣсто земли. Издалека вдругъ доносится грохотъ летящаго снаряда. Одинъ изъ солдатъ насторожился, поднявъ голову.

— Это для насъ...

И весь отрядъ падаетъ и глубоко зарывается въ землю... Идетъ дальше и снова слышится знакомый грохотъ...

— Это не для насъ, — равнодушно бросаетъ кто-то, и снарядъ разрывается неподалеку, обдавая грязью и пылью спокойно шествующихъ людей.

Чутьемъ люди узнаютъ, куда ихъ ведутъ въ атаку, чутьемъ узнаютъ о близости неприятеля... Такъ незримая и таинственная протекаетъ эта война, и только въ мертвецахъ претворяется она въ реальный и осязательный образъ. Мертвецы фронта — это траурная ноздря современной войны, скачущіе ординарцы былого времени, живая часть сражающихся...

Въ обыденной жизни мертвецъ предстаетъ намъ, какъ житель другого мира; осыпанный цвѣтами, онъ лежитъ на бѣломъ ложѣ, спокойный, величавый и чужой тѣмъ, кто минуту назадъ еще любилъ его... Здѣсь—мертвецъ все еще солдатъ, товарищъ и воинъ; онъ внѣ строя, на его помощь нельзя ужъ рассчитывать, но онъ все еще свой. близкій и такой понятный, онъ только выбивши изъ строя. Мертвый, онъ объять еще чувствами и стремлениями живущихъ. Его глаза широко раскрыты, его губы еще кричатъ что-то, руки крѣпко сжаты, скрюченные пальцы еще угрожаютъ, лицо—маска гнѣва или ужаса, онъ весь война, застывшее движеніе впередъ, окаменѣвшій порывъ ненависти и страха... И потому на фронтѣ не боятся мертвецовъ, и потому ихъ присутствіе не стѣсняетъ ни битвы, ни трапезы, ни смѣха...

Такъ и вчера, среди гула канонады и треска разрывающихся вблизи снарядовъ, эти застывшіе въ свирѣломъ порывѣ мертвецы возбуждали къ ненависти и мести, жили одной съ нами мыслью. И только, когда священникъ, въ короткой, наброшенной поверхъ солдатской формы рясѣ, подошелъ къ аналою и раздался вдругъ короткий и дрезжащій ударъ разбитаго колокола, нахлынуло изъ далекаго уже пропалаго забытое состояніе мирнаго и торжественнаго сосредоточія...

И хотя канонада заглушала службу, и не слышно было, что говорилъ священникъ, лица всѣхъ вытянулись въ напряженномъ вниманіи...

— Нашли ли уже тѣло капитана N?

— Нашли, но пока его невозможно еще вынести!..

Капитанъ N., общій любимецъ полка, погибъ во вчерашней атакѣ; во поздней ночи санитары искали его тѣло среди грудъ проволокъ, земли и труповъ...

Заигравъ углѣбшій органъ: двадцать солдатъ вторили ему хо-

ремъ. Въ маленькой церкви было тѣсно отъ народа... Торжественные звуки пѣнія и органа вкрадываются въ душу, зачаровываютъ несказаннымъ покоемъ. Могучій ритуалъ католической церкви начинаетъ овладѣвать толпой; вѣрующіе и невѣрующіе падаютъ на колѣни, крестятся и шепчутъ слова молитвы.

— Разступитесь, дайте дорогу...

Санитары вносятъ новыя и новыя тѣла.

— Капитанъ N.?

— Нѣтъ еще, раньше ночи нельзя, мѣсто подъ обстрѣломъ...

— Бѣдный капитанъ; извѣстили его жену?..

— Почему бѣдный, всѣ туда же придемъ...

Бомбардировка продолжается. Священникъ кончилъ мессу, и теперь читаетъ надгробное напутствіе. Никто не слышитъ его словъ, но всѣ понимаютъ ихъ. Должно быть, онъ говоритъ о надеждѣ и роднѣ...

Санитары подняли носилки и понесли тѣла къ вырытымъ могиламъ; солдаты берутъ на караулъ, офицеры отдають честь... Затѣмъ одинъ за другимъ бросаютъ въ могилы пригоршни мягкой земли... Генералъ говоритъ рѣчь...

— Завтра мы смѣнимъ васъ, товарищи...

И мертвецы это знаютъ...

И разошлись со своей думой подъ частымъ весеннимъ дождемъ...

А вечеромъ всѣ собрались въ зданіи вокзала. Здѣсь и буфетъ, здѣсь и передовая лазаретъ. Днемъ опять шелъ вблизи кровавый бой, и теперь десятками привозили раненыхъ.

Призрачной казалась голубая и сѣрая масса шинелей, освѣщаемая бѣлизной перевязокъ. Было душно и накурено, стонали раненые, хрипѣли умирающіе, суетились въ бѣлыхъ халатахъ санитары, причащали священники, возились надъ изорванными, изуродованными тѣлами доктора. Проворно опускалась рука въ окровавленную гущу, вытаскивала пули и осколки снарядовъ, мѣсила и выправляла тѣло, зашивала и испѣляла его. Вотъ цѣликомъ погрузилась она въ разверстную грудь, напряглась отъ усилія обнаженная мускулатура, дико воиетъ отъ боли раненый, а кто-то радостный возвѣщаетъ:

— Спасенъ...

На скамейкахъ, вдоль стѣны, сидятъ въ ожиданіи поѣзда легко раненые; за столиками сидятъ здоровые, разносить чашки дымящагося супа «гарсонъ»... Въ одномъ углу солдатъ рассказываетъ о смерти своего лейтенанта, въ другомъ — группа офицеровъ съ любопытствомъ слушаетъ чтеніе оконной газеты. На большомъ бильярдномъ столѣ хрипитъ умирающій нѣмецъ; пышно разметались свѣтлые волосы его на зеленомъ сукнѣ бильярда. Двое другихъ плѣнныхъ нѣмца чему-то безсмысленно и безостановочно смѣются. Извѣтъ доносится зычные свистки мотоциклетокъ.

Нѣмецъ пересталъ хрипѣть: подошелъ санитаръ и констатиро-

валъ смерть. Двое солдатъ обшарили мертвеца, сняли жетонъ, уставливающий личность, сложили въ особый мѣшочекъ всѣ его деньги для отправки близкимъ на родину. Когда все это было сдѣлано, одинъ изъ солдатъ замѣтилъ и снялъ съ груди покойника странный амулетъ: изъ слоновой кости головку свиньи съ наукомъ на носу.

Заинтересованные всѣ подошли къ билларду; амулетъ переходилъ изъ рукъ въ руки...

И всѣ громко смѣялись...

Е. Паниъ.

* * *

АВСТРІЙСКІЯ ПИСЬМА.

«Панъ-націонализмъ».

I.

Въ Венгрии три мѣсяца засѣдалъ парламентъ. Собственно говоря, только съ большой натяжкой можно этотъ «тысячелѣтній» парламентъ назвать народнымъ представительствомъ. Венгерская демократія, въ томъ числѣ и «господствующая» мадьярская нація, вовсе исключена изъ него и даже торгово-промышленная буржуазія ступшевывается въ его стѣнахъ передъ всемогуществомъ феодальной олигархіи, съ которой амальгамировалась, позолотивъ ея гербы, новѣйшая банократія. Безбрежные наныщенные рѣчи главаря этой олигархіи, графа Тиссы, его нескончаемыя словесныя дуэли съ такъ называемой «оппозиціей» — почти вовсе не затрагивали насущныхъ интересовъ народныхъ массъ Венгрии, голосъ которыхъ заглушенъ военной диктатурой. На засѣданіяхъ будапештскаго парламента «шумѣли витіи», враждующія феодальныя клки взаимно изобличали одна другую въ обирательствѣ народа, въ мошенническихъ обогащеніяхъ на военныхъ поставкахъ; «оппозиція»-же изъ опальныхъ графовъ и министровъ въ отставку ставила нарочито шекотливые вопросы отгѣснившимъ ихъ министрамъ, — и все это создавало, по крайней мѣрѣ, видимость политической жизни и политической борьбы въ Венгрии.

Въ Австріи за все время войны и этого нѣтъ. Рейхстагъ всеобщаго избирательнаго права, быть можетъ, именно потому, что это не феодальный парламентъ — ни разу не созывался подъ тѣмъ удобнымъ предлогомъ, что неизбѣжныя національныя тренія нарушаютъ необходимое «національное единеніе», процвѣтающее подъ эгидой капральской палки.

Ставший возможнымъ, какъ разъ благодаря этимъ треніямъ, реваншъ абсолютизма, послѣ вырванной демократіей избирательной реформы, достаточно откровенно намѣтился еще до войны въ «дѣловыхъ» чиновничьихъ министерствахъ отъ Биннерта до Штюрка, правившихъ милостію пресловутаго § 14; но открыто сбросить съ себя всѣ конститутціонныя условности абсолютизмъ смогъ лишь въ той атмосферѣ торжествующей реакціи, которую породилъ мировой конфликтъ. Съ самаго же начала его, по мановенію цензуры, всякое біеніе пульса политической

жизни въ Австріи замерло даже на страницахъ печати, какъ чешской, такъ и нѣмецкой.

И только въ самое послѣднее время явно обозначился здѣсь какой-то переломъ, сдвигъ съ мертвой точки, отразившійся даже въ полуофициозной «Neue Freie Presse». Сквозь привычныя славословія на тему о «любви къ отечеству и народной гордости» начинаютъ все чаще пробиваться политическія заботы о тѣхъ же внутреннихъ «проклятыхъ вопросахъ», которые составляли сущность стародавняго «австрійскаго хаоса».

Планы экономическаго сближенія Австро-Венгрии съ Германіей и империалистскаго сплоченія «средней Европы» подняли на ноги организаціи аграріевъ и промышленниковъ и идеологически обслуживающихъ ихъ интересовъ ученыхъ экономистовъ и политиковъ. А съ новыми проблемами империалистской ориентаціи во внѣ — вновь выдвинулись сами собой всѣ наиболѣе важные вопросы національной политики внутри.

Началась «концентрація» и чешско-национальныхъ и нѣмецко-национальныхъ партій. Стали чаще появляться въ газетахъ отчеты о совѣщаніяхъ парламентскихъ клубовъ, манифесты, деклараціи, программы. Замелькали знакомые лозунги «расширенія» или «суженія» автономіи коронныхъ земель, «раздѣла» или «недѣлимости» ихъ, областной или національной автономіи. Загорается по всей линіи междупартійная борьба.

И тутъ-то, въ этой начинающей развертываться съ новой силой старой «борьбѣ націи за государство» въ Австріи, ярко сказывается что война, далекая отъ дѣйствительнаго разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ, лишь пуще разожгла национализмъ, разнуздавъ аппетиты национальной буржуазіи у однихъ, тѣснѣе сплотивъ национально-буржуазныя группы у другихъ во имя отпора, готоваго, какъ водится, при первомъ поворотѣ конъюнктуры перейти въ свою очередь въ нападеніе.

Но особаго вниманія, съ общей точки зрѣнія, заслуживаютъ то разложение и тѣ опустошенія, какія вызванныя войной идеологія «защитнаго цвѣта» произвела въ австрійской рабочей демократіи. Вѣрнѣе говоря, не вызванная, а лишь усиленная войной, ибо въ австрійской рабочей демократіи эта идеологія — если не по отношенію къ государству и его цѣлости, то по отношенію къ націи и «національному достоинству» — пышно расцвѣла еще до міроваго конфликта.

Въ области идей, какъ и въ смыслѣ практическихъ выводовъ, такъ называемый «сепаратистскій» кризисъ въ австрійскомъ движеніи, занимавшій міровую демократію въ Копенгагенѣ въ 1910 г., явился — не въ мировомъ, правда, масштабѣ, а въ рамкахъ государства національностей — прямѣмъ предтечей переживаемаго нынѣ общаго кризиса международной. И роковая логика его выявила себя здѣсь въ наиболѣе классическихъ формахъ. * Въ первомъ письмѣ объ Австріи намъ при-

* Которыя должны представить сугубый интересъ для читателей недавно вышедшаго сборника А. Потресова, Ана и др.

дется остановиться и на этомъ прошломъ, чтобы получить ключъ къ пониманію настоящаго.

II.

На стараго Виктора Адлера, привыкшаго на многое закрывать глаза въ австрійскомъ движеніи, недавнее вступленіе группы Дашинскаго въ «Польскій Клубъ» подѣйствовало, какъ «ударъ грома». Надо вспомнить ожесточенную четвертьвѣковую борьбу польской рабочей демократіи Галиціи съ Дашинскимъ во главѣ противъ реакціонно-шляхетскаго клуба, опоры все-австрійской реакціи, чтобы понять, почему «Narząd» («Впередъ» — органъ Дашинскаго) увидѣлъ себя вынужденнымъ даже доказывать, что рѣшеніе вступить въ клубъ «не есть тонко-сплетенная интрига». Но въ дѣйствительности этотъ ударъ грома не могъ явиться ни для кого неожиданнымъ. Онъ только завершилъ логическій кругъ разъятія социаль-націоналистскихъ идей, стѣлавшихъ Дашинскаго, еще задолго до нынѣшняго кризиса, яркимъ представителемъ того курса, къ которому нынѣ стихійно попятилось, въ чаду мирового пожара, большинство рабочей демократіи, въ главнѣйшихъ странахъ.

Защищая вступленіе въ Польскій клубъ, «Narząd» заявляетъ, что со стороны рабочей демократіи, это, — конечно, «великая жертва», но она необходима въ интересахъ «національнаго цѣлаго»: «чтобы достигнуть мощнаго выраженія солидарности націи, необходимо было въ настоящее время прекратить борьбу внутри націи». И соратникъ Дашинскаго, депутатъ Діамандъ, ссылается въ оффициозно-успокоительной статьѣ въ «Arbeiter-Zeitung» на занятую большинствомъ германской рабочей демократіи и другими «большинствами» позицію. Ему, молъ, и его друзьямъ «защитный цвѣтъ» тѣмъ болѣе къ лицу, что для ихъ націи рѣчь идетъ, вѣдь, «о созданіи нормальнаго социального развитія, о воздухѣ и просторѣ для родной культуры».

И вполне убѣдительно, для «пріемлющихъ» національную точку зрѣнія, Діамандъ излагаетъ мотивы вступленія въ клубъ: такъ называемые «подоляки» (восточно-галицкіе консерваторы) вышли изъ «національнаго комитета», въ которомъ сильно демократическое крыло съ Дашинскимъ во главѣ, и укрѣпились въ парламентскомъ клубѣ, гдѣ какъ разъ «абсентизмъ» депутатовъ рабочей демократіи обезпечиваетъ перевѣсъ реакціонному крылу; и въ общихъ интересахъ и націи и демократіи надо было рабочимъ депутатамъ вступить въ клубъ, чтобы заставить подоляковъ обратно войти въ національный комитетъ * и возстановить единство обоихъ органовъ передъ лицомъ «великихъ національныхъ задачъ».

«Въ общихъ интересахъ и націи и демократіи»... Задолго уже до нынѣшнихъ событій Дашинскій «примирилъ», какъ это сейчасъ многіе

* По послѣднимъ извѣстіямъ это и произошло — къ вѣщшему удовольствию польскихъ консерваторовъ, которые понимаютъ всю выгоду того, что Дашинскій будетъ ихъ заложникомъ.

дѣлають, принципъ національности и принципъ международности — въ интегралистской формулѣ: «Я — хороши полякъ, но я также хороший рабочій демократъ».

Этой формулой оправдывалось участие группы Дашинскаго въ обще-національномъ Грюнвальдскомъ торжествѣ; ею была санкціонирована знаменитая шовинистическая рѣчь депутата той же группы Либермана въ рейхстагѣ, прямо призывавшаго «освободительный» кон-фликтъ; изъ нея вытекла пресловутая «стрѣльцкая» эпопея и пр. и пр. Что сейчасъ эти почтенныя традиции * привели къ послѣдней чертѣ, къ разрыву и послѣднихъ остатковъ организационной связи на парламентской аренѣ между группой Дашинскаго и другими отрядами австрийской рабочей демократіи, это — лишь логическій выводъ изъ всей системы демократическаго націонализма.

Къ тѣмъ же результатамъ привела въ Австріи и эволюція такъ называемаго «сепаратизма», который отнюдь не сводится къ отстаиванію тѣхъ или иныхъ формъ профессиональной организаціи, а имѣлъ не въ примѣръ болѣе глубокое симптоматическое значеніе для міровой демократіи въ цѣломъ.

Сепаратизмъ разбилъ, какъ извѣстно, по національнымъ линіямъ проф. союзы, кооперативы, общую партійную организацію (Gesamtarbeiter). Онъ разбилъ объединенный парламентскій союзъ рабочихъ депутатовъ всѣхъ націй Австріи на рядъ самостоятельныхъ національно-рабочихъ клубовъ, противостоящихъ другъ другу и въ національныхъ вопросахъ нерѣдко голосующихъ другъ противъ друга вмѣстѣ со своими національными буржуазіями. Mutatis mutandis — совершенно та же картина, какую представляетъ нынѣшній кризисъ. «Къ международности черезъ развитіе націй» ** — этотъ излюбленный въ извѣстныхъ кругахъ лозунгъ нашихъ дней буквально не сходилъ со столбцовъ сепаратистской печати.

«Чѣмъ интеллигентнѣе рабочій, — писала «Rownost» (ст. извѣстнаго Ванека на масловскую тему: «Хотимъ ли мы быть подъ опекой, или свободными?», въ номерѣ отъ 11 марта 1910 года), — тѣмъ больше чувствуетъ онъ потребность къ принадлежности къ собственной націи». И потребность эта «сепаратистами» такъ живо чувствовалась, что уже въ юлѣ 1911 г. въ Моравскомъ сеймѣ они предвосхитили вступленіе Дашинскаго въ Польскій клубъ, войдя въ общій парламентскій союзъ всѣхъ чешскихъ партій, отъ аграріевъ и клерикаловъ до рабочихъ демократовъ, для отстаиванія чешскаго «національ-

* Интересно отмѣтить, что именно по отношенію къ нимъ впервые былъ примѣненъ (Р. Люксембургъ) получившій нынѣ права гражданства въ западно-европейской печати терминъ «соціаль-патріотизмъ».

** Изъ статьи Вл. Вольскаго въ упомянутомъ въ первомъ примѣчаніи сборникѣ.

наго достоянія». Боевой межнаціональный фронтъ демократіи уступилъ мѣсто національно-выстроенной шеренгѣ «защитнаго цвѣта».

За время войны въ австрійскую печать проникали лишь крайне скудные сообщенія о настроеніяхъ среди чешской рабочей демократіи, на которую обрушились тяжелыя репрессіи. Насколько можно судить, вожди «централистовъ» устояли въ общей идейной разрухѣ, «сепаратисты» же еще дальше поддались, какъ и можно было ожидать, въ сторону «національной концентрации».

III.

Спору между «централизмомъ» и «сепаратизмомъ» Викторъ Адлеръ далъ на Иннсбрукскомъ конгрессѣ (октябрь 1911 г.) принципиальную формулировку, которая поразительнымъ образомъ предвосхитила основную контроверзу переживаемаго нынѣ межгосударственно-мірового кризиса.

«Основной вопросъ,—сказалъ онъ,—о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, стоитъ такъ: составляемъ ли мы, нѣмецкіе рабочіе демократы Австріи, нѣмецкую секцію рабочаго интернаціонала, или же мы являемся лишь рабочей секціей въ составѣ нѣмецкихъ партій Австріи?»

Въ основѣ идеологіи сепаратизма лежала именно послѣдняя концепція, по которой рабочая демократія — хотя бы только въ чрезвычайные моменты—является лишь крайнимъ лѣвымъ флангомъ націи. Концепція эта въ дѣйствительности пустила глубокіе корни далеко не въ одной только средѣ чешскихъ рабочихъ. «Наша итальянская партія въ южной Австріи, — заявлялъ не безъ основанія Энгельбертъ Пернерсторферъ,—имѣетъ въ своей средѣ сильную примѣсь національно-итальянскаго элемента, наша польская, словенская, русинская, чешская партіи—все онѣ хорошо національны, но и мы, нѣмецкіе марксисты въ Австріи, не только имѣемъ право, но и обязаны признать себя хорошими нѣмцами».

Пренія въ Иннсбрукѣ наглядно показали, какъ сильны влияния національной идеологіи и въ нѣмецкой части *Gesamtpartei*. Рѣчи Лейтнера, Людо Гартмана и др. сводились уже тогда къ популярному нынѣ не только въ Австріи мотиву, что де «по отношенію къ нѣмецкимъ культурнымъ требованіямъ нѣмецкая рабочая демократія имѣетъ совершенно такія же обязанности, какъ и буржуазныя партіи». «Мы, конечно, не шовинисты: каждому его право, но и намъ наше право въ культурномъ отношеніи». Во имя этого защитнаго права надо отравить «завоевательный натискъ» чеховъ на «нѣмецкую землю», надо заявить чехамъ: «мы нѣмцы, какъ вы—чехи».

Такъ, уже тогда была сдѣлана попытка свести принципъ международности на дѣлѣ просто къ признанію за каждой націей равнаго права на отстаиваніе своихъ интересовъ противъ другихъ націй—безъ взаимныхъ упрековъ. Историческая правда требуетъ признать, что пе-

редъ лицомъ сепаратистской опасности «австро-марксизмъ», до того достаточно поработавшій самъ надъ націонализацией марксистской идеологии *, оказался въ лицѣ своего лучшаго представителя, Отто Бауэра, на высотѣ положенія. Когда Гартманъ, совсѣмъ по-современному, заявилъ, что, молъ, «международность такъ же обусловливаетъ национальность, какъ межконфессиональность школы обусловливаетъ, къ сожалѣнью, конфессию», Бауеръ въ Цвишскруфѣ крикнулъ: «это ложное толкованіе обоихъ понятій». И затѣмъ въ интересной рѣчи онъ выступилъ рѣшительно противъ «фальсификаціи идеи международной».

«Наша важнѣйшая задача,—заявилъ онъ,—снова и снова указывать на различіе между настоящей и подлинной международной и той ложной и мнимой, на различіе между идеей интернациональнаго единства и той идеей, которая выставляетъ интернациональ объединеніемъ націоналистовъ всѣхъ націй, на разницу между *интернационализмомъ* и тѣмъ, что съ гораздо большимъ правомъ можно назвать *панъ-націонализмомъ* (все-націонализмомъ), синтезомъ націонализмовъ разныхъ націй» (Протоколы Иннсбрукскаго конгресса, стр. 241).

Специфическія условія Австріи уже ранѣе выявили въ ея маленькомъ интернационалѣ то, что въ міровомъ интернационалѣ обнаружили неожиданно для всѣхъ только нынѣшній кризисъ, а именно, что на пробивающую себѣ путь подлинную международность свинцовымъ грузомъ давятъ пережитки панъ-націонализма. Въ Австріи идейный хаосъ и смута на историческомъ переломѣ отъ панъ-націонализма къ интернационализму получили со стороны войны лишь добавочный, сверхсмытный, хотя и мощный, импульсъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на статьяхъ «Arbeiter-Zeitung», забывшей, казалось, въ началѣ войны обо всемъ въ мірѣ, кромѣ «нѣмецкаго человечества». И сейчасъ еще на страницахъ этого органа Лейтнеръ ведетъ довольно откровенную империалистскую проповѣдь, а Реннеръ, который въ Иннсбрукѣ поддерживалъ Бауэра и еще во время войны до вступленія въ нее Италиі, принадлежалъ къ «оппозиціи» противъ официального курса партійнаго большеинства, теперь въ передовицахъ «Arbeiter-Zeitung», подъ одобрительные хлопки велико-австрійскихъ политиковъ, ломаетъ копья въ защиту

* Громадная заслуга «австро-марксистовъ» — особенно Бауэра — что они теоретически выяснили историческую закономерность процесса пробужденія «неисторическихъ» націй и разработали основы политической программы демократіи въ національномъ вопросѣ. Но тенденции национальной дифференціаціи, характерныя для даннаго историческаго періода, они перенесли на процессъ развитія человечества въ цѣломъ и возвели національный принципъ въ своего рода историческій абсолютъ непреходящей цѣнности, что означало полную недооцѣнку дальше идущихъ тенденцій къ интернационализациі жизни народовъ и къ слянію ихъ национальных культуръ на болѣе высокой ступени. Каутскій, принявъ съ нѣкоторыми оговорками национальную программу австро-марксистовъ, выступилъ (въ «Nationalität und Internationalität») съ рѣшительной критикой ихъ идеологическихъ построеній.

«средне-европейскаго союза» и, подъ видомъ «конституирования націй» въ духъ своей старой программы, фактически протягиваетъ руку для блока съ нѣмецко-національными партиями. *

Въ новую полосу начинающагося оживленія внутренней политической борьбы рабочая демократія Австріи вступаетъ подъ знакомъ «національной концентрации». Но и здѣсь сложилась уже и крѣпнетъ «оппозиція», аналогичная либкнехтовской въ Германіи. Со всей рѣзкостью выступилъ противъ «среднеевропейской» агитаціи Реннера извѣстный изслѣдователь «финансоваго капитала» Рудольфъ Гильфердингъ подъ лозунгомъ: «Европейцы, а не средне-европейцы!» (название его статьи въ марксистскомъ ежемѣсячникѣ, издающемся въ Вѣнѣ «Der Kampf»). Со страницъ «Kampf'a», а отчасти также вѣнскаго еженедѣльника «Volkstribune», Фридрихъ Адлеръ (сынъ Виктора А.), Гильфердингъ, Даннебергъ, Тереза Шлезингеръ и другіе обстрѣливаютъ неутомимо официальные позиціи «большинства» партіи, стоящаго въ довольно тѣсномъ контактѣ съ шейдемановскимъ большинствомъ въ Германіи.

Еще на одной изъ первыхъ партійныхъ конференцій въ Вѣнѣ изъ 110 делегатовъ—партійныхъ секретарей, членовъ правленія, депутатовъ и представителей парт. органовъ — 100 голосовали за извѣстную резолюцію объ «оборонѣ экономической, культурной и политической базы австрійскаго государства», а 10 выступили со своей оппозиціонной резолюціей—въ ихъ числѣ представители наиболѣе промышленныхъ округовъ, какъ Рейхенбергъ и рабочіе вѣнскіе районы: Флоридсдорфъ и «красный» Оттакрингъ.

Что за этотъ годъ влияние «оппозиціи» сильно возрасло, показываетъ тотъ фактъ, что и Викторъ Адлеръ и Аустерлицъ (главный редакторъ «Arbeiter-Zeitung») видятъ себя вынужденными считаться съ ней и начинаютъ, по обыкновенію, искать «компромиссную» линію.

Большое впечатлѣніе произвелъ изданный въ Швейцаріи, но распространенный и въ Австріи манифестъ «оппозиціи», бичующій режимъ военной диктатуры въ Австріи и намѣчающій задачи рабочей демократіи въ духъ циммервальдскихъ рѣшеній.

* Первымъ опытомъ на пути къ такому блоку долженъ, повидимому, явиться «Нѣмецко-австрійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго благосостоянія» («Deutsch-oesterreicher Volkswohlfahrtstag»), засѣдавшій въ Вѣнѣ 12 и 13 марта н. ст. Прямыхъ отчетовъ о выступленияхъ делегатовъ рабочей демократіи мы еще не имѣемъ къ моменту, когда пишутся эти строки, но «Frankfurter Zeitung» отмѣчаетъ съѣздъ, какъ первый случай совмѣстнаго участія всѣхъ нѣмцевъ Австріи, «отъ Пиффля до Пернерсторфера», въ общемъ политическомъ или культурно-политическомъ дѣлѣ.

Для характера съѣзда знаменательно уже то, что борьба съ социальными бѣдствиями ставится имъ на національную почву. Но въ программу его входитъ и поддержка національной колонизаціей «особо угрожаемыхъ, важныхъ съ національно-стратегической точки зрѣнія пунктовъ»!

Въ этомъ отношеніи съѣздъ, по «Fr. Z.», призванъ придать нѣмецкимъ партіямъ ту же національную сплоченность, какую не-нѣмецкимъ партіямъ дала чешская, польская и др. «концентрація».

Такъ и въ исконной, можно сказать, вотчинѣ «панъ-націонализма» растеть и крѣпнеть уже реакція противъ его вліянія, непомерно усиленнаго войной. Съ ростомъ этой «оппозиціи» связаны надежды на ликвидацію пережитковъ національной органиченности въ идеологии и практикѣ австрийской рабочей демократіи.

Цюрихъ, 1 (14) марта 1916 г.

С. Сем—скии.

ВОЕННАЯ ИНДУСТРИЯ И ЗАВОДЫ ИНЕЙДЕРА ВО ФРАНЦИИ. *

«Они имѣютъ Эссенъ, а мы имѣемъ Крезю».

Инженеръ Пьеръ Лори.

1. Мобилизація армии и демобилизація промышленности въ началь войны.

Когда въ началѣ нынѣшней войны въ августѣ мѣсяцѣ французскіе полки раннимъ утромъ съ развернутыми знаменами при звукахъ военнаго марша «Chant du Depart» проходили быстрымъ шагомъ по усѣяннымъ густыми толпами улицамъ столицы, всѣмъ зрителямъ, съ напряженнымъ волненіемъ смотрѣвшимъ на эти стройные ряды мужчинъ, слышавшихъ къ угрожаемымъ границамъ, казалось, что для того, чтобы отразить неприятельскую армию и спасти столицу отъ нашествия, достаточно только двухъ условій: во-первыхъ — готовности солдатъ храбро сражаться и умереть за родину, во-вторыхъ — умѣнія ихъ вождей использовать въ интересахъ отечества энтузіазмъ и многочисленность своихъ войскъ.

«Лишь бы только успѣть закончить мобилизацію и концентрацію войскъ и послѣ этого можно будетъ сказать съ увѣренностью, что Франція спасена отъ неприятельскаго нашествия», — говорили и писали французы. И мы знаемъ, что геройское сопротивление Бельгіи дало возможность Франціи вполне закончить мобилизацію и концентрацію ея войскъ, а все-таки неприятель ворвался во французскую территорию и до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ десять важнѣйшихъ департаментовъ Франціи. Это вторженіе нѣмецкихъ полчищъ во Францію явилось результатомъ несчастной для англо-французскихъ войскъ битвы при Шарлеруа, гдѣ союзная армія оказалась буквально подавлен-

* Эта статья, какъ и предшествующая «Двѣ династіи» (Крупны и Гогенцоллерны) представляетъ собой одну изъ главъ подготавлиаемаго нами къ печати труда «Великая война и империализмъ въ прошломъ и будущемъ.» М. П.

ной прекраснымъ техническимъ и материальнымъ оборудованіемъ нѣмецкой арміи, огнемъ ея тяжелой артиллеріи, ея автомобильныхъ пушекъ, ея многочисленныхъ пулеметовъ. Даже въ области авіаціи, относительно которой чуть ли не вся Европа была убѣждена въ томъ, что французы сильнѣе нѣмцевъ, послѣдніе оказались несравненно могущественнѣе своихъ противниковъ. И многіе раненые артиллеристы, вернувшіеся послѣ битвы при Шарлеруа, рассказывали, какое глубокое разочарованіе и тревогу испытывали они, видя въ моментъ битвы надъ своими головами нѣмецкіе аэропланы, которые безнаказанно, нетревожимые никѣмъ, опредѣляли расположење французскихъ и англійскихъ батарей и давали возможность нѣмецкой тяжелой артиллеріи съ дальняго разстоянія уничтожать пресловутыя орудія 75.

Я уже рассказывалъ въ другомъ мѣстѣ, какое сильное впечатлѣніе на многіхъ французскихъ офицеровъ и солдатъ производили германскія войска въ первый періодъ войны. Раненые рассказывали, что германскія колонны, идущія въ атаку, представляютъ собою нѣчто вродѣ движущейся крѣпости, изрыгающей изъ себя всепожирающій огонь. Это была лавина, приводимая въ движеніе могучимъ механизмомъ, фаланга Филиппа Македонскаго, возрожденная въ новой формѣ въ соответствии съ условіями современнаго боя.

До августа 1914 года, французскій генеральный штабъ не имѣлъ представленія о характерѣ будущей войны. Франція имѣла много способныхъ талантливыхъ генераловъ, изучившихъ тактику маневреннаго боя, умѣвшихъ командовать сотнями тысячъ, а въ случаѣ нужды и милліонами солдатъ въ сраженіяхъ *въ открытой полѣ*, генераловъ, умѣвшихъ нащупывать слабый пунктъ въ арміяхъ непріятелей, чтобъ бросить въ этотъ пунктъ главныя силы своихъ легионовъ, но все-таки это обстоятельство не исключаетъ той истины, что всѣ эти талантливые полководцы: Жоффри, Фоки, Сарраили, Манури, любѣдившіе фонъ-Клюка, фонъ-Бюлова, герцога Вюртембергскаго и другихъ выдающихся вождей нѣмецкой арміи въ битвѣ при Марнѣ, плохо понимали характеръ будущей войны. Это положеніе признается теперь во Франціи всѣми военными, начиная отъ рядовыхъ и кончая высшими чинами арміи.

Когда началась нынѣшняя война, во Франціи были мобилизованы и призваны подъ оружіе не только всѣ рабочіе и инженеры, работавшіе на электрическихъ станціяхъ, химическихъ фабрикахъ, металлургическихъ заводахъ и т. д., но и весь подлежащій мобилизаціи персоналъ пушечныхъ, патронныхъ, оружейныхъ, пороховыхъ и другихъ фабрикъ, имѣвшихъ самое непосредственное отношеніе къ арміи. Нетрудно понять, къ какимъ результатамъ привела подобная операція. Какъ было констатировано нѣсколько разъ во французской палатѣ депутатовъ, на одной крупной военной фабриктѣ, на которой наканунѣ войны работало 14.000 человекъ, оказалось по окончаніи мобилизаціи всего 10.000 человекъ, на другой, гдѣ работало 5.000 человекъ, оказалось всего

3.000. Больше того, некоторые крупные металлургические заводы, какъ напримѣръ, известные чугуно-плавильные заводы Commentry—Fourchambault вынуждены были закрыться за отсутствиемъ рабочаго персонала. Автору извѣстенъ случай одной патронной фабрики въ Парижѣ, которая въ началѣ войны прекратила работу, такъ какъ всѣ ея мастера и лучшие рабочие ушли на войну.

А въ это самое время въ Германіи тысячи и тысячи новыхъ рабочихъ, надсмотрщиковъ, инженеровъ, занимали свои боевые посты на фабрикахъ и заводахъ. Цѣлыя роты, батальоны, полки шли не на границу сражаться съ оружіемъ въ рукахъ съ вѣршимъ врагомъ, а на фабрики и заводы, чтобы здѣсь приготовить оружіе и снаряды для тѣхъ массъ, которыя грозной волной двигались къ непріятельскимъ территориямъ. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ на заводахъ Круппа оказалось по окончаніи мобилизаціи на 39.000 рабочихъ больше, чѣмъ было наканунѣ войны. Мобилизація индустриальная и мобилизація военная были начаты въ Германіи *одновременно*, чего не было сдѣлано ни въ Россіи, ни въ Англій, ни во Франціи. Результаты такого положенія вещей не заставили себя долго ждать. Особенно оказалась неподготовленной въ смыслѣ техническаго оборудованія своихъ армій, Англія, эта самая развитая въ промышленномъ отношеніи страна въ мірѣ.

Уже во время англо-бурской войны, Великобританія въ громадномъ количествѣ закупала патроны, снаряды, порохъ, оружіе, фармацевтичскіе предметы для своихъ войскъ въ Германіи, и именно содѣйствіе нѣмецкихъ фабрикъ не мало помогло Великобританіи сломить сопротивление буровъ. А насколько въ первые мѣсяцы нынѣшней кампаніи Англія не была готова къ веденію *современной* войны, видно изъ того факта, что *въ то время, какъ въ Германіи въ началѣ войны ежедневно изготовлялось 250.000 снарядовъ, въ Англии приготавлилось 40.000 снарядовъ въ мѣсяцъ*. Объ этомъ экстраординарномъ фактѣ члены англійскаго правительства официально повѣдали странѣ черезъ посредство палаты общинъ. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ англійскій экспедиціонный корпусъ, и безъ того не особенно сильный численно, не могъ спасти отъ нѣмецкаго нашествія ни Бельгіи вообще, ни Антверпена въ частности.

Больше того, какъ явствуетъ изъ рѣчи Ллойда Джорджа, произнесенной имъ въ палатѣ Общинъ 22 декабря 1915 г., даже въ маѣ 1915 г., т. е. черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, англичане были въ состояніи отвѣчать на 250.000 снарядовъ, которые нѣмцы выбрасывали ежедневно, всего 2.500 большихъ снарядовъ и 13.000 прапнелей. Съ той поры, по заявленію Ллойда Джорджа, производство снарядовъ и оружія въ Англии, было значительно усилено: было создано 33 новыхъ казенныхъ и нѣсколько сотъ частныхъ заводовъ, специально для изготовленія снарядовъ. Число ежемѣсячно изготовляемыхъ митральезъ, было увеличено въ пять разъ, гранатъ — въ сорокъ разъ;

ежемесячное изготовление бомбометателей превышает вдвое въ концѣ 1915 года количество, приготовленное за весь первый годъ войны.

Всѣ вышеупомянутые факты уже сами по себѣ объясняютъ намъ, почему, несмотря на миллионы волонтеровъ, вступившихъ въ армию для борьбы съ германскими полчищами, Англія должна была долго подготавливаться и создать тысячи и тысячи новыхъ фабрикъ прежде, чѣмъ она оказалась способной бросить на континентъ многочисленную армию, почему эта страна, несмотря на тѣ же миллионы волонтеровъ, не могла послать даже на 16-й мѣсяцъ войны многочисленные отряды въ Салоники, * въ Галлиполи, въ Месопотамію.

Английская военная индустрія оказалась совершенно неподготовленной, по крайней мѣрѣ въ теченіе первого года войны, къ снабженію стоявшихъ подъ английскими знаменами войскъ всѣмъ необходимымъ боевымъ матеріаломъ. Изъ всѣхъ державъ Четверного Соглашенія болѣе другихъ оказалась подготовленной къ современной войнѣ Франція. Франція несравненно быстрѣ своихъ союзниковъ сумѣла импровизовать сначала сотни, затѣмъ тысячи новыхъ фабрикъ и мастерскихъ для изготовленія снарядовъ, починки и приготовления оружія и т. д. Известно, что французская военная индустрія работала съ первыхъ же мѣсяцевъ не только на французскую, но также на русскую, бельгійскую, сербскую и черногорскую армии. Десятки фабрикъ во Франціи работали исключительно для Россіи, другія десятки производили снаряды для другихъ союзныхъ странъ. Во Франціи мобилизація промышленности, несмотря на всѣ замедленія, началась все же гораздо раньше, чѣмъ въ Россіи и Англіи. Сотни фабрикъ, никогда не служившихъ военнымъ цѣлямъ, были милитаризованы и стали изготовлять оружіе. Тысячи рабочихъ и инженеровъ, опрометчиво оторванныхъ военнымъ начальствомъ въ періодъ мобилизаціи отъ работы на военныхъ и металлургическихъ фабрикахъ, были постепенно отозваны изъ траншей къ покинутымъ станкамъ, и скоро цѣлая армія инженеровъ, квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ, значительно превышающая по численности армию «мирнаго состава», начала изготовлять въ колоссальномъ количествѣ снаряды, патроны, минометы и т. д. для Франціи и союзныхъ странъ.

Именно эта, хотя и нѣсколько запоздалая, но все же быстрая мобилизація военной индустріи, лихорадочная работа десятковъ заводовъ, существовавшихъ уже до войны, и нѣсколькихъ сотъ только что импровизованныхъ фабрикъ, дала возможность французскимъ войскамъ послѣ побѣды при Марнѣ почти надъ всей германской арміей, мобилизованной въ теченіе первого мѣсяца войны, не только сдерживать и медленно отбрасывать напоръ $\frac{3}{4}$ всѣхъ призванныхъ подъ оружіе колоссальныхъ силъ германской имперіи, но и быть всегда первыми для

* Изъ 220.000 человекъ, которые въ концѣ декабря 1915 г. находились въ Салоникахъ, на долю английской армии приходилось всего 90.000. Остальные войска состояли изъ французовъ. «L'information» 31 Дек. 1915.

встрѣчи непріятели на многихъ угрожаемыхъ пунктахъ внѣ Франціи, какъ, на примѣръ, въ Галлиполи и въ Салоникахъ.

Насколько увеличилось число рабочихъ, занятыхъ на военныхъ заводахъ Франціи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала промышленной мобилизаци, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Какъ явствуетъ изъ заявленій Эмона, главнаго докладчика финансовой комиссіи на засѣданіи Палаты Депутатовъ 22 декабря 1915 г., въ концѣ 1915 г. въ одномъ Парижѣ 200.000 человекъ было занято приготовленіемъ снарядовъ и другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ артиллеріи. (Journal Officiel. 23 Dec. 1915.)

На пиротехническомъ заводѣ, гдѣ наканунѣ войны работало 2.000 человекъ, въ сентябрѣ 1915 г. было занято 11.000 человекъ, въ томъ числѣ 4.000 женщинъ. Вся эта громадная армія рабочихъ изготовляла исключительно взрывчатые вещества. На заводахъ одного Шнейдера въ Крезе работало черезъ годъ послѣ начала войны въ пять разъ больше персонала, чѣмъ наканунѣ войны, и дѣятельность этого завода удесятирилась благодаря приобретению новыхъ машинъ. На заводѣ Compiègne — Fourchambault, закрывшемся въ началѣ войны за недостаткомъ рабочихъ, изготовлялось черезъ годъ послѣ начала войны 60.000 снарядовъ ежемѣсячно.

Однако, первоначально въ дѣлѣ снабженія арміи снарядами было допущено не мало ошибокъ, даже тогда, когда казалось, что все уже предусмотрено. Въ битвѣ на Марнѣ среднее количество снарядовъ, израсходованныхъ въ день, равнялось 240.000. Предполагали, что эта цифра не будетъ превзойдена. Между тѣмъ, въ сраженіи при Аррасѣ было израсходовано на очень узкомъ фронтѣ съ французской стороны болѣе 400.000 снарядовъ въ день. Въ битвѣ при Шампани, въ день выбрасывались милліоны снарядовъ.*

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю непредусмотрительность французскаго генеральнаго штаба, не предугадавшаго характеръ современной войны, несмотря на захватъ непріателемъ десяти департаментовъ, лишившій Франціи значительнаго количества желѣза и угля, французская армія все же оказалась способной черезъ мѣсяць послѣ начала военныхъ дѣйствій остановить наступленіе вооруженной съ ногъ до головы Германіи, и даже нанести пораженіе нѣмцамъ при Марнѣ.

Поразительная мощь, обнаруженная Франціей, несмотря на немногочисленность ея населенія, является слѣдствіемъ высокаго развитія въ мирное время ея металлургической и военной индустріи. Уступая соответствующимъ отраслямъ германской индустріи по размѣрамъ производства, французская оружейная промышленность все же превосходила послѣднюю по качеству нѣкоторыхъ изготовляемыхъ ею боевыхъ материаловъ и оказалась въ процессѣ войны способной несравненно быстрѣе, чѣмъ мы это видѣли въ Англии, Итали и тѣмъ болѣе въ Россіи, увеличить

* Journal Officiel, Chambre des Deputés. Seance du 23 Dec. 1915.

въ невиданныхъ размѣрахъ производство необходимаго оружія и снарядовъ.

§ 2. *Фирма Шнейдера въ прошломъ и настоящемъ. Отдѣленія фирмы Шнейдера во Франціи и заграницей.*

Всѣ французскіе металлургическіе заводы, военныя фабрики, судостроительныя компании, объединены въ одинъ могучій трестъ, во главѣ котораго стоитъ комитетъ «Union des industries metallurgiques et minières». Этотъ комитетъ руководитъ цѣлымъ рядомъ синдикатовъ, среди которыхъ важнѣйшую роль играетъ «Синдикальная палата фабрикантовъ и строителей военного матеріала», объединяющая вокругъ себя около 25 военныхъ фирмъ. Среди этихъ военныхъ фирмъ доминирующую роль играютъ три: Заводы Шнейдера, Marine - Homécourt и Chatillon - Commentry. Роль этихъ трехъ фирмъ въ военной индустрии Франціи видна уже изъ того, что президентъ и оба вице-президента «Синдикальной палаты» назначаются обыкновенно изъ представителей означенныхъ трехъ могущественнѣйшихъ военныхъ фирмъ Франціи. Въ бюро Синдикальной палаты входятъ представители, хотя и менѣе важныхъ, но все же крупныхъ фирмъ, какъ, напримѣръ, Acieries de Saint Etienne Société Centrale de Dynamite представителемъ котораго въ Синдикальной палатѣ является Поль Клемансо, братъ знаменитаго Клемансо, Société Marrel freres (блиндажъ), Forges de Firminy, Compagnie de Fives Lille.

Среди другихъ синдикатовъ, которыми руководитъ комитетъ металлургическаго треста, особый интересъ для насъ представляетъ Chambre Syndicale des constricteurs de navires et de machines marines, (Синдикальная палата строителей судовъ и морскихъ машинъ). Эта палата объединяетъ рядъ судостроительныхъ фирмъ, изъ которыхъ специально сооруженіемъ бронепосцевъ занимаются слѣдующія, наиболѣе важныя компании: Chantiers de la Méditerranée, Chantiers de la Gironde, Chantiers de la Loire; Chantiers de Saint-Nazaire.

Среди всѣхъ этихъ судостроительныхъ, ружейныхъ, пороховыхъ, пушечныхъ, динамитныхъ и другихъ заводовъ Франціи, важнѣйшее значеніе имѣютъ заводы Шнейдера, которые во Франціи играютъ ту же роль, что и пресловутые заводы Круппа въ Германіи.

Въ отличіе отъ крупновскихъ заводовъ въ Эссенѣ, возникшихъ лишь въ XIX вѣкѣ, пушечный заводъ въ Крезо болѣе давняго происхожденія*. Уже при Людовикѣ XVI въ Крезо существовалъ металлургическій заводъ, который производилъ чугуны для пушекъ. Въ государственныхъ архивахъ мы находимъ протоколы объ испытаніи въ 1788 г., т. е. наканунѣ революціи, пушки въ 36 миллим., вылитой изъ металла, приготоовленнаго на заводѣ Крезо въ замѣну металла привозившагося до

* Первая хартия завода Крезо на право эксплуатаціи угля датирована 21 июня 1510 г.

сихъ поръ изъ Англіи. Испытаніе дало прекрасные результаты. Это былъ первый заказъ на изготовленіе пушекъ, полученный заводомъ Крезю. Наканунѣ революціи на пушечномъ заводѣ въ Крезю работало 1.500 человекъ.

Заводы Шнейдера занимаютъ въ настоящее время болѣе 100.000 инженеровъ, служащихъ и рабочихъ. Отдѣленія этихъ заводовъ находятся въ различныхъ мѣстахъ Франціи. Въ общемъ всѣ эти заводы занимаютъ площадь въ 6.000 гектаровъ*. Они обслуживаются специальными желѣзными дорогами, длина которыхъ достигаетъ 290 километровъ и по которымъ циркулируетъ 65 локомотивовъ и 5.700 вагоновъ. Сила паровыхъ и газовыхъ машинъ, дѣйствующихъ на этихъ заводахъ, равняется 70.000 лошадиныхъ силъ. Число машинъ достигаетъ 4.200.

Въ 1914—1915 г. заводы Шнейдера поглотили слѣдующее количество сырыхъ материаловъ:

Руды	2.500.000 тоннъ.
Угля	1.530.000 „
Кокса	1.558.000 „
Желѣза	1.100.000 „

Газа для освѣщенія заводы поглотили 16.000.000 кубическихъ метровъ, газа двигателя — 910.000.000 кубическихъ метровъ.

Разсмотримъ теперь дѣятельность важнѣйшихъ изъ упомянутыхъ заводовъ фирмы Шнейдера.

Заводы въ Крезю. Фирма Шнейдера пользуется всемірной извѣстностью, прежде всего благодаря ея заводамъ въ Крезю. Эти заводы занимаютъ теперь площадь въ 250 гектаровъ. Знаменитый заводъ въ Крезю, главный поставщикъ французской артиллеріи на внутреннемъ и вѣншемъ рынкахъ, былъ когда-то исключительно металлургическимъ заводомъ, на которомъ приготовлялся чугуны, желѣзо, сталь. Расположенный на залежахъ угля и вблизи желѣзныхъ рудниковъ, заводъ быстро развивался въ теченіе XIX столѣтія. Съ 1812 г. по 1914 г. заводъ извлекъ болѣе 10.000.000 тоннъ угля. Въ послѣднее время заводъ извлекаетъ ежегодно 60.000 тоннъ угля.

Отдѣленіе фирмы Шнейдера въ Крезю имѣетъ пять чугунно-плавильныхъ заводовъ, которые вырабатываютъ ежегодно 120.000 тоннъ металла.

Особенно быстро развивались въ Крезю, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, сталелитейные заводы, которые занимаютъ много зданій.

Заводы Шнейдера въ Крезю, подобно заводамъ Крупна въ Эссенѣ, являются прежде всего не *пушечными* заводами, а металлургиче-

* Всѣ нижеприведенныя статистическія данныя взяты нами изъ печатныхъ или писанныхъ документовъ, лично сообщенныхъ дирекціей заводовъ Шнейдера всѣмъ русскимъ журналистамъ, посѣщающимъ эти заводы.

скими *. Я уже подчеркивалъ въ моихъ предыдущихъ работахъ тѣсную связь военной индустрии съ металлургической. Приготовление легкихъ и тяжелыхъ орудій, брони, броневыхъ башенъ, дредноутовъ, сверхъ-дредноутовъ, и т. д. — является очень важной, но все же одной изъ функций металлургической промышленности. Та самая сталь, изъ которой выдѣлываются броня, орудія, идетъ на приготовленіе разныхъ частей локомотивовъ, автомобилей, и т. д., тотъ же самый паровой молотъ или ковальный прессъ, который отжимаетъ, раздавливаетъ, какъ лепешку, массы расплавленнаго чугуна и превращаетъ ихъ въ полосы для приготовления изъ послѣднихъ какого-нибудь дальнобойнаго орудія—гаубицы, или мортиры въ 350, 380, 420 миллим. и т. д., служить и для изготовленія совершенно мирныхъ орудій цивилизаціи и прогресса. Это обстоятельство имѣетъ крайне важное значеніе для пониманія роли военной индустрии во внутренней и вѣншей политикѣ современныхъ государствъ.

Заводы Шнейдера въ Крезо приготовили съ 1837 по 1900 г. для рѣчного и морского плаванія двигательныхъ аппаратовъ въ 500.000 лошадиныхъ силъ, далѣе 2.700 локомотивовъ, всякаго рода неподвижныхъ машинъ — 115.000 лошадиныхъ силъ.

Главную достопримѣчательность заводовъ Шнейдера въ Крезо, привлекающую внимание посѣтителей, составляетъ гигантскій паровой молотъ въсомъ въ 550.000 килограммовъ, который вмѣстѣ съ наковальной въ 750.000 кило, образуетъ аппаратъ въсомъ въ 1.300.000 кило, т. е. въ 1.300 тоннъ (болѣе 80.000 пудовъ). Марксъ съ удивленіемъ писалъ о паровомъ молотѣ Nasmyth-а, въсящемъ 6 тоннъ и падающемъ перпендикулярно съ высоты 7 футовъ на наковальню въ 36 тоннъ. «Онъ играючи превращаетъ въ порошокъ гранитную глыбу и въ то же время способенъ вбивать гвозди послѣдовательными легкими толчками въ мягкое дерево». (К. Марксъ. Капиталъ т. 1-й стр. 312). Наковальня, на которую падаетъ молотъ въ Крезо, въситъ не 36 тоннъ, а 500 тоннъ, и тяжелый молотъ, падающій на эту наковальню, молотъ, который самъ Торъ не могъ бы раскачать, способенъ не только вбивать гвозди въ мягкое дерево, а совершать пастоящія чудеса, изумляющія присутствующихъ. Этотъ страшный молотъ разбиваетъ скорлупу орѣха, не раздавливая послѣдняго, дробитъ стекло на карманныхъ часахъ, не затрагивая стрѣлокъ. Однако, нормальное поведеніе этого молота не отличается такой кротостью и послушаніемъ и обыкновенно земля дрожитъ на далекомъ разстояніи и стекла дребезжатъ, когда этотъ молотъ съ ревомъ хищнаго звѣря раздавливаетъ, какъ лепешку, раскаленную стальную массу, чтобы выковать изъ нѣхъ орудія и блиндажъ для бронепосцевъ. Однако, послѣднее время на мѣсто паровыхъ молотовъ вводятся гидравлическіе прессы, вокругъ которыхъ царитъ почти абсолютная тишина.

* Изъ 25.000 человекъ, работавшихъ наканунѣ войны на заводахъ Шнейдера, всего 5.000 человекъ, т. е. только 45 часть была занята изготовленіемъ военнаго матеріала.

Кромѣ знаменитыхъ заводовъ въ Крезо изъ другихъ отдѣленій фирмы Шнейдера заслуживаютъ вниманія *заводы Шнейдера въ Гавръ*. (Les Usines du Havre d'Harfleur et du Hoc). Эта группа заводовъ Шнейдера основана недавно. Она стала развиваться быстро съ начала XX столѣтія. На этихъ заводахъ готовится артиллерійскій матеріалъ. Первые самодвижущіяся торпеды вышли отсюда. Отсюда же вышла большая часть парижскихъ автобусовъ. Гаврскіе заводы занимаютъ площадь въ 140.000 квадратныхъ метровъ. На гаврскихъ заводахъ (Harfleur et du Hoc) готовятся шрапнели, разрывные снаряды*. Недалеко отъ мастерскихъ Harfleur и Hoc расположены полигоны. Полигонъ въ Hoc является самымъ крупнымъ изъ стрѣльбищъ, принадлежащимъ фирмѣ Шнейдера. Этотъ полигонъ тянется на протяженіи 16 километровъ. Здѣсь производятся испытанія стрѣльбы разрывными снарядами и вообще испытанія разрывныхъ матеріаловъ. Ежегодно на различныхъ полигонахъ фирмы Шнейдера въ Гаврѣ производится болѣе 20.000 опытныхъ выстрѣловъ изъ орудій различныхъ калибровъ.

Далѣе идутъ *заводы въ Шалонъ на Сонь* (Chalon-sur-Saone). Съ 1885 г. эти заводы построили болѣе 100 миноносцевъ для французскаго и иностранныхъ флотовъ. Отсюда же вышли многочисленные контръ-миноносцы и первые подводныя лодки, вооруженныя частной индустріей подводныя лодки типа «Шнейдеръ-Лобефъ». Эти же заводы изготовляютъ желѣзные мосты, подъемныя краны, металлургическіе маяки и т. д. Знаменитый мостъ Александра III на Сенѣ, въ Парижѣ, выстроенъ этими заводами Шнейдера въ Шалонѣ.

Заводы въ Жирондѣ (Chantiers de la Gironde) сооружаютъ большія военныя суда, которыя не могутъ быть построены на заводахъ въ Шалонѣ. Судостроительныя заводы въ Жирондѣ построили для французскаго военнаго флота броненосцы: «Requin», «Verté», «Vergniaud», и «Languedoc» въ 25.000 тоннъ, спущенный на воду уже во время войны, именно 1 мая 1915 г. Съ 1906 года заводы Шнейдера въ Жирондѣ построили рядъ боевыхъ судовъ, общій тоннажъ которыхъ превышалъ 125.000 тоннъ.

Дѣятельность фирмы Шнейдера не ограничивается только работами производимыми на ея заводахъ во Франціи, и выходитъ далеко за предѣлы Франціи. Шнейдеръ собственными силами, или въ компаніи съ другими предпринимателями, строитъ набережныя въ Гаврѣ, сооружаетъ портъ Розарио въ Аргентинѣ. Въ Россіи фирма Шнейдера принимаетъ участіе въ созданіи судостроительныхъ верфей.

Въ Марокко съ 1907 г. фирма Шнейдера работаетъ надъ сооруженіемъ порта въ Казабланкѣ, большого порта въ 160 гектаровъ, защи-

* Недавно (12 декабря 1915) эти заводы очень сильно пострадали въ связи съ взрывомъ на расположенной по сосѣдству бельгійской пиротехнической фабрикой, гдѣ отъ неизвѣстной причины взлетѣло на воздухъ 5.000 пудовъ пороха, превративъ въ порошокъ многія зданія и вызвавъ потерю многихъ человѣческихъ жизней.

шаемого двумя молами. Именно эти работы послужили поводомъ къ трагическимъ событіямъ, разразившимся въ этомъ городѣ въ июль и августъ 1907 года. Туземцы не безъ основанія увидѣли въ этихъ работахъ французской компаніи подготовку со стороны Франціи къ овладѣнію городомъ и къ подчиненію Марокко и рѣшили не допустить окончанія этихъ работъ. 30 іюля толпа туземцевъ напала на рабочихъ французской компаніи и убила изъ нихъ пять французовъ, двухъ итальянцевъ и одного испанца. Немедленно 3 французскихъ судна съ тремя транспортами были отправлены къ Казабланкѣ, которая была подвергнута жестокой бомбардировкѣ и занята французскими войсками подъ командой генерала Друда. Затѣмъ послѣдовали сраженія (11, 19, 23, 28 августа) французскихъ войскъ съ племенами, населяющими области, прилегающія къ Казабланкѣ. Скоро (конецъ сентября 1907 г.), всѣ эти области были «умиротворены». Въ результатѣ этихъ трагическихъ инцидентовъ, отношенія между Франціей и Германіей, съ крайнимъ недоброжелательствомъ относившейся къ усилению французскаго влияния въ Марокко, очень обострились, зато фирма Шнейдера могла спокойно продолжать свои работы по сооруженію порта въ Казабланкѣ. Не ограничиваясь сооруженіемъ порта въ Казабланкѣ, фирма Шнейдера, опираясь на успѣхи французскаго оружія и французской дипломатіи, построила много желѣзнодорожныхъ линій въ Марокко.

Различные заводы фирмы Шнейдера представляютъ собою прежде всего отдѣленіе одной и той же металлургической фирмы. И въ качествѣ металлургическаго предпріятія, фирма Шнейдера является *военной фирмой* уже не въ узкомъ, а въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо ни одна отрасль индустрии не заинтересована настолько въ ростѣ милитаризма, въ интенсивной империалистической политикѣ, насколько заинтересована въ этомъ промышленность металлургическая. Военная мощь германской имперіи, сила ея металлургической промышленности синтезируется въ имени Круппа. Военная мощь Франціи, развитіе ея металлургии—въ имени Шнейдера. И панегирики заводовъ этой фирмы изъ документахъ, любезно раздаваемыхъ дирекціей Крезо журналистамъ, посѣщающихъ эти заводы, печатаютъ гордые слова: «Ils ont Essen, mais nous avons Cresot». («Они имѣютъ Эссенъ, но мы имѣемъ Крезо»).

Дѣйствительно, заводы Шнейдера — грандіозное предпріятіе, очень много сдѣлавшее для усиленія военной мощи Франціи, и не мало для увеличенія мощи нѣкоторыхъ ея враговъ, напримѣръ, Болгаріи. Но все же по размѣрамъ своего производства, заводы Крезо значительно уступаютъ заводамъ Круппа, подобно тому, какъ вообще индустрія Франціи уступаетъ по своему развитію и значенію въ міровомъ хозяйствѣ индустрии германской. Двѣ цифры даютъ возможность судить о сравнительной силѣ заводовъ Шнейдера и Круппа. На заводахъ Шнейдера въ 1914 г., наканунѣ войны, работало около 25.000 человекъ, на заводахъ Круппа — 80.000.

§ 3. Пушечные заводы въ Крезе. Французская артиллерія и перевооруженіе Болгаріи.

Очень любопытную роль играли до войны заводы Шнейдера въ перевооруженіи нѣкоторыхъ странъ, сдѣлавшихся нынѣ врагами Франціи. Извѣстно, что въ теченіе десятилѣтія, предшествовавшего нынѣшней войнѣ, заводы Крезе содѣйствовали перевооруженію всѣхъ балканскихъ государствъ: Сербіи, Греціи и Болгаріи. Только за періодъ съ 1904 года по 1907 болѣе 300 батарей заводовъ Крезе было продано балканскимъ государствамъ.

Болгарская армія была вооружена значительнымъ количествомъ пушекъ Шнейдера и послѣ первой балканской войны французская пресса не мало писала о роли французскихъ пушекъ въ побѣдахъ балканскихъ государствъ надъ Турціей. Нѣкоторыя французскія газеты, какъ, напримѣръ, «L'Echo de Paris», «L'Esclair» и др. доходили до того, что всю заслугу побѣды балканскихъ странъ надъ Турціей, приписывали чуть ли не одному Шнейдеру. Послѣ первой и второй балканской войны Болгарія увеличила свою артиллерію и пополнила запасы снарядовъ. Количество боевыхъ орудій легкаго типа, преимущественно 75-миллиметровыхъ системы Шнейдера, которыми располагала болгарская армія, доходило наканунѣ союза Болгаріи съ центральными державами и Турціей до 500. Тяжелыхъ орудій системы Шнейдера имѣлось въ Болгаріи около 50. Скорострѣльныхъ горныхъ орудій, калибра 75, системы Шнейдера — тоже около 50. Вся эта артиллерія, доставленная заводами Шнейдера, была обильно снабжена снарядами. Такъ, шнейдеровскія скорострѣльныя гаубицы имѣли по 3.000 снарядовъ на орудіе.

Не мало французскихъ, сербскихъ и англійскихъ солдатъ погибли подъ огнемъ шнейдеровскихъ пушекъ въ войнѣ 1915 г. съ болгарскими войсками. Какъ писалъ специальный корреспондентъ агентства Рейтера при англійской арміи въ Македоніи, болгары въ своихъ атакахъ противъ англо-французскихъ войскъ, примѣняли нѣмецкую систему. Ихъ артиллерія поддерживала постоянный огонь и они засыпали англо-французскія войска ураганомъ снарядовъ, прежде чѣмъ двинуться въ атаку*.

Очевидно, что сверхъ снарядовъ, закупленныхъ заблаговременно у Шнейдера, болгары приобрѣли въ Германіи снаряды, специально для орудій французской системы. Вѣроятно, что нѣмцамъ достались запасы такихъ снарядовъ при взятіи нѣкоторыхъ французскихъ крѣпостей. Какъ бы то ни было, болгары съ необычайной интенсивностью пользовались пушками Шнейдера. Особенно сильныя потери понесла при отступленіи изъ Сербіи 10-я англійская дивизія, защищавшая позиціи у озера Дойрана и отступившая, оставивъ на мѣстѣ сраженія 8 орудій (см. англійское официальное сообщеніе отъ 13 ноября). Какъ сообщала англійская през-

* Temps 13 Decembre 1915.

са, огонь многочисленной болгарской артиллерии былъ такъ силенъ, что положеніе 10-й дивизіи было одинъ моментъ очень критическое, и англійскимъ войскамъ грозила опасность понести сильный уронъ. Только благодаря энергичной контръ-атакѣ ирландскихъ батальоновъ, удалось отбросить наступающія болгарскія войска и отступить, избѣгнувъ окруженія.

И любопытно, что французской артиллеріей Крезю и нѣмецкой артиллеріей Крупна Болгарія обзавелась съ помощью денегъ, добытыхъ путемъ займа въ той же Франціи. Вообще, послѣдняя снабжала довольно энергично Болгарію необходимыми капиталами для вооруженія арміи и сооруженія стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ*, которыя дали возможность болгарской арміи быстро закончить свою мобилизацію, ворваться въ Сербію и быстро вытѣснить изъ этой страны и сербскія, и союзныя англо-французскія войска. Вотъ важнѣйшіе болгарскіе займы, заключенные на парижской биржѣ: 5% заемъ 1896 г., 5% заемъ 1904 года, 4½% заемъ 1907 года.

Однимъ словомъ, Франція дѣйствовала по отношенію къ Болгаріи такъ же непредусмотрительно, какъ и по отношенію къ Турціи.** Въ апрѣлѣ 1914 г. одинъ видный французскій публицистъ (бывшій анархо-индикалистъ), развѣзжавшій по порученію своего правительства съ тайной миссіей по Балканскому полуострову, посѣтилъ Энверъ-бей и сказалъ послѣднему: «Вы дѣлаете займы во Франціи, а покупаете все оружіе для вашей арміи въ Германіи». «Помилуйте, — отвѣтилъ Энверъ-бей, — вѣдь мы заказали у васъ аэроплановъ и подводныхъ лодокъ на 50 милліоновъ франковъ». «Но вѣдь это пустяки, — отвѣтилъ французскій публицистъ, — вы получаете у насъ сотни милліоновъ франковъ, а покупаете всего на 50 милліоновъ. Почему бы вамъ не заказать у насъ нѣсколько сотъ скорострѣльныхъ пушекъ. Развѣ балканскія войны не показали, что наша легкая артиллерія лучше нѣмецкой?» Энверъ-бей не далъ своему собесѣднику определеннаго обѣщанія, да онъ ничего не могъ бы и подѣлать въ этомъ отношеніи, ибо фирма Крупна имѣла слишкомъ большія связи и вліянія въ Оттоманской Имперіи. Какъ бы то ни было, если во время сидѣнія въ Галлиполи англичанамъ и французамъ приходилось отстрѣливаться отъ крупновѣснихъ пушекъ, купленныхъ на французскія деньги, во всякомъ случаѣ у союзниковъ было то утѣшеніе, что имъ не приходится, какъ въ сраженіяхъ съ болгарами, отстрѣливаться отъ пушекъ Шнейдера.

* Въ 1890 г. протяженіе болгарской желѣзно-дорожной сѣти равнялось 494 километровъ, въ 1910—1890 кил. Всѣ эти желѣзно-дорожныя вѣтви построены главнымъ образомъ съ стратегическими цѣлями, мало доходны и сооружены на французскія деньги.

** Наканунѣ нынѣшней войны во Франціи былъ заключенъ турецкій заемъ въ 800 милл. фран.

§ 4. Роль металлургической промышленности въ прошломъ. Будущая роль металлургии во внешней и внутренней политикѣ государствъ.

Итоги и перспективы нынѣшней войны.

Непонятный на первый взглядъ образъ дѣйствій Франціи, какъ и другихъ европейскихъ правительствъ по отношенію къ тайно, а иногда и явно враждебнымъ странамъ, объясняется, какъ я показалъ въ рядѣ моихъ статей, опубликованныхъ наканунѣ войны, во-первыхъ, организацией и характеромъ самой военной индустрии, во-вторыхъ, связью этой индустрии съ стоящей за ея спиной металлургической промышленностью, играющей колоссальную роль въ національномъ хозяйствѣ каждой страны, въ ея внутренней и внешней политикѣ.

Все болѣе усиливающаяся роль металлургической промышленности въ національномъ хозяйствѣ каждой страны и въ ея внешней политикѣ, хотя и не была предсказана Марксомъ, но она всецѣло вытекаетъ изъ ученія Маркса объ измѣненіи технического состава капитала параллельно съ развитіемъ капитализма. Марксъ доказалъ, что въ процессѣ развитія капиталистическаго производства, постоянная часть капитала неизмѣнно увеличивается на счетъ переменнѣй. Если въ XVIII-мъ столѣтіи капиталъная цѣнность, вложенная въ какую-нибудь фабрику, состояла изъ $\frac{1}{2}$ переменнаго капитала и $\frac{1}{2}$ постояннаго, то нынѣ та же капиталъная цѣнность состоитъ изъ семи восьмыхъ постояннаго капитала и одной восьмой переменнаго *. Такимъ образомъ, перераспределеніе производства идетъ въ направленіи къ производству средствъ, производства на счетъ средствъ потребленія, и, такимъ образомъ, мы нынѣ стоимъ передъ слѣдующимъ, на первый взглядъ непонятнымъ фактомъ: несмотря на то, что желѣзные и стальные матеріалы изнашиваются очень медленно, ихъ потребленіе растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ потребленіе хлѣба, который тотчасъ же съѣдается, хлопка, шерсти и т. д. Однимъ словомъ, человѣчество поглощаетъ болѣе чугуна, чѣмъ муки.

Такимъ образомъ, роль металлургической промышленности и связанной съ ней военной индустрии, росла не по днямъ, а по часамъ. И не даромъ самой крупной фабрикой въ мірѣ является наканунѣ войны фабрика Крупна, на которой было 80.000 человѣкъ. На земномъ шарѣ не было ни одного промышленнаго учрежденія, гдѣ было бы занято столько рабочихъ.

Сооруженіе и организація военныхъ заводовъ, пушечныхъ, оружейныхъ, судостроительныхъ стоитъ колоссальныхъ денегъ. Раздѣленіе труда, необходимое для приготовления какого-нибудь военнаго оружія, очень велико. Въ Герсталѣ (Бельгія) приготовленіе Маузера требуетъ 804 операціи, изъ коихъ 44 совершаются ручнымъ образомъ,

* См. Карлъ Марксъ «Капиталъ» т. I-ый, стлѣль VII-ой, глава 23-я. «Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія».

и остальные нуждаются въ 760 совершенно различныхъ машинъ и инструментовъ. Пушечныя фабрики требуютъ огромной затраты капитала на орудія и средства производства. Всѣ эти военные заводы не могутъ существовать безъ поддержки со стороны правительства въ формѣ ли субсидій или постоянныхъ заказовъ. *По ни одно западно-европейское правительство не въ состоянн было накануне войны поддерживать своими собственными заказами національную индустрию...* Последняя можетъ существовать лишь подъ условіемъ развитія милитаризма въ собственной странѣ и подъ условіемъ получения все новыхъ и новыхъ заказовъ изъ-заграницы. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ дипломатіи и сводилась прежде всего къ тому, чтобы добиваться новыхъ и новыхъ заказовъ на пушки, броненосцы и т. д. для военной индустрии собственной страны.

Военные заводы нуждаются въ новыхъ и новыхъ заказахъ, благодаря усовершенствованіямъ въ технику, которыя дѣлаютъ непригодными только недавно купленныя машины и станки, стоявшіе милліоны рублей.

Понятно, въ какое положеніе новыя изобрѣтенія и усовершенствованія ставятъ частныя и казенныя военные заводы. Всегда можно найти милліоны и милліоны покупателей для велосипедовъ, хлопчатобумажныхъ матерій, сахару, предметовъ моды и т. д., худшаго качества, по сравненію съ образцами лучшихъ фабрикъ, но ни одно правительство не купитъ артиллерию, или броненосецъ устарѣлаго типа, хотя бы и считавшіеся лучшими два года тому назадъ.

Единственное средство помѣшать финансовому банкротству военныхъ заводовъ и ослабить то бремя, какимъ оно ложится на государственный бюджетъ, заключается въ предоставленн этимъ заводамъ все новыхъ и новыхъ заказовъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ. Передъ нашими глазами лежатъ нѣкоторыя цифры, свидѣтельствующія о ростѣ французскаго экспорта предметовъ артиллерійской индустріи. Цифры эти взяты изъ доклада французскаго депутата Rainbève парламенту о морскомъ бюджетѣ на 1912 годъ.

Экспортъ артиллерійскихъ орудій.

Съ 1885 по 1887	5 милл. фр.
» 1890 по 1894	12 » »
» 1895 по 1900	25 » »
» 1900 по 1912	350 » »

Но въ этой таблицѣ не приняты въ расчетъ наряды и амуниція. По болѣе полнымъ даннымъ, съ 1885 по 1912 г. французскіе военные заводы экспортировали за границу различныхъ матеріаловъ на 726 милл. фр. Нижеслѣдующая таблица показываетъ, какую колоссальную роль въ этомъ военномъ экспортѣ играетъ фирма Шнейдера и Крезю.

Экспортъ военныхъ материаловъ изъ Франціи.

	1885—1890	1891—1900	1901—1911	Итого
Шнейдеръ и К-о	45 милл. фр.	150 милл. фр.	225 милл. фр.	420
С. Шамонъ	15 „ „	40 „ „	65 „ „	120
Общество фабрикаціи артиллерійскихъ снарядовъ	— „ „	4 „ „	12 „ „	16
Французск. общество подготовл. снаряд.	5 „ „	20 „ „	50 „ „	75
Общество Шатійонъ и Комментри	5 „ „	10 „ „	10 „ „	25
Разные	10 „ „	20 „ „	40 „ „	70
Итого по періодамъ	80	244	402	726

Итакъ изъ общей суммы французскаго «артиллерійскаго» экспорта за періодъ 1885—1911 г. на долю заводовъ Шнейдера приходится болѣе половины, именно 57,9%.

Французская военная индустрія, развивавшаяся съ такой быстротой, требовавшая затратъ колоссальныхъ суммъ на основной капиталъ, не могла ослабить своего темпа подъ угрозой закрытія многихъ заводовъ, связавшихъ свою судьбу съ процвѣтаніемъ милитаризма внутри страны и экспорта пушекъ и другихъ военныхъ материаловъ за границу. Понятно, что для этой индустріи борьба за внѣшніе рынки становится закономъ существованія въ еще болѣе острой повелительной формѣ, чѣмъ для другихъ отраслей національнаго хозяйства. Это положеніе, вѣрное для Франціи, имѣетъ тѣмъ больше силы по отношенію Германіи, стоящей на болѣе высокой степені капиталистическаго развитія и вложившей въ военную индустрію несравненно больше капиталовъ.

Говоря о роли металлургической промышленности во внутренней и внѣшней политикѣ современнаго государства, я писалъ незадолго до начала нынѣшней войны: «Металлургическая промышленность играетъ колоссальную роль во внѣшней политикѣ современныхъ государствъ. Именно она диктуетъ свою волю королямъ и президентамъ...»*

Весь ходъ нынѣшней войны показываетъ, что металлургія диктуетъ свою волю не только королямъ, но и полководцамъ на полѣ брани. Всѣ нѣмецкія побѣды являются прежде всего результатомъ мощнаго развитія ея металлургіи. Эссенъ, а не Берлинъ, Берта Круппъ, а не Гинденбургъ, или самъ кайзеръ, заставили капитулировать Льежъ, Антверпенъ, Мобежъ, Варшаву, Брестъ-Литовскъ, Ковно.

Металлургія играетъ колоссальную роль во внѣшней политикѣ, въ империализмѣ европейскихъ государствъ наканунѣ нынѣшней войны. Именно интересы королей металлургической и военной индустріи

* См. мою книгу «Великіе желѣзно-дорожные и морскіе пути будущаго», глава 1-ая, «Роль металлургической промышленности и военной индустріи во внѣшней политикѣ современныхъ государствъ» стр. 1—29.

заставляли правительства первоклассныхъ державъ усиливать милитаризмъ не только въ собственной странѣ, но и въ другихъ государствахъ, порой совершенно наперекоръ интересамъ національной обороны. Такъ, Франція не только вооружала своими пушками Болгарію и Турцію, но сверхъ того предоставляла въ распоряженіе послѣднихъ финансовыя средства для перевооруженія. Такъ Англія вооружила Двудеиную имперію торпедами для ея флота и усиливала военную мощь союзницы Германіи.

§ 5. *Французская военная индустрія и банки. Финансовый капиталъ въ военной индустріи Франціи и Германіи.*

Всѣ важнѣйшія французскія военныя фирмы очень мало связаны съ крупнѣйшими банками Франціи, снабжающими своими капиталами весь земной шаръ: Россію, балканскія страны, южную Америку и т. д. Кончю и Credit Lyonnais, и Societé Generale, и Banque de Paris, и Comptoir d'Escompte, и «Union parisienne, и другіе французскіе банки имѣютъ въ своихъ портфеляхъ немало акціи отечественныхъ военныхъ заводовъ, но той тѣсной зависимости между военной индустріей и банками, какая несомнѣнно существуетъ наличю и въ самой очевидной формѣ въ Германіи, во Франціи пока нѣтъ. Французскія военныя фирмы, подобно другимъ промышленнымъ предриятіямъ Франціи, представляютъ собой въ финансовомъ отношеніи болѣе или менѣе независимые экономическіе организмы, работающіе своими собственными капиталами, или капиталами тысячъ отдѣльныхъ акціонеровъ, организмы, не порабощенные еще властью крупныхъ банковъ, занятыхъ до войны преимущественно вывозомъ французскаго капитала въ той или другой формѣ за границу. Болѣе того, нѣкоторые французскіе военные заводы, какъ многія другія французскія промышленныя предриятія, держатъ крѣпко въ своихъ рукахъ свои акціи и не выпускаютъ ихъ на биржевой рынокъ. Само собой разумѣется, что какая-нибудь старая фирма вроде Крезю, происхождение которой восходитъ къ XVI столѣтію, а первые правительственные заказы на изготовленіе пушекъ къ 1787 г., имѣетъ за собой болѣе солидную и самостоятельную финансовую базу, въ формѣ наслѣдственно передаваемыхъ изъ рода въ родъ капиталовъ, чѣмъ фирма Крупна, создавшаяся на нашихъ глазахъ и потому зависящая не въ малой мѣрѣ и отъ капиталовъ династіи Гогенцоллерновъ и отъ акцій заводовъ этой фирмы, сосредоточенныхъ въ рукахъ вліятельныхъ нѣмецкихъ банковъ.

Несмотря на то, что французская металлургическая и военная индустрія была завалена во время войны выгодно оплачиваемыми правительственными заказами и работала при увеличенномъ составѣ рабочихъ, при усиленной эксплуатаціи послѣднихъ путемъ интенсификаціи труда и удлиненія рабочаго дня, несмотря на то, что всякаго рода автомобильные, каучуковые, консервные, и другіе фабрики и заводы, работавшіе днемъ и ночью на армию, тоже дѣлали недурныя

дѣла — французскіе банки за время войны очень сильно пострадали и акции ихъ пали на 50—60%.

Если мы сравнимъ средніе курсы акций важнѣйшихъ французскихъ банковъ за первое полугодіе 1914 года, то есть до войны, съ среднимъ курсомъ этихъ бумагъ въ сентябрь 1915 года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ начала войны, мы увидимъ, какъ потрясла эта война устои французскихъ финансовыхъ «крѣпостей», въ прочность и невыблемость которыхъ такъ твердо вѣрила вся страна.

	Средній курсъ въ первое полугодіе 1914 года.	Сентябрь 1915 г.
Credit Lyonnais	1800	900
Société Générales	870	490
Banque de Paris	1750	860
Comptoir d'Escompte	1100	630
Union Parisienne	1200	530
Credit Foncier	1000	620

Многіе изъ важнѣйшихъ французскихъ банковъ совсѣмъ не выдавали дивидендовъ за 1914 г., какъ напримѣръ, столь крупный банкъ, какъ Banque de Paris et des Pays Bas и другіе, какъ Credit Lyonnais, Société Générale выдали дивиденды въ размѣрѣ половины по сравненію съ предыдущимъ годомъ, третьи — вовсе не котировались на биржѣ. Между тѣмъ, многія военныя фирмы значительно доправили свои дѣла за время войны. Вотъ курсы нѣкоторыхъ акцій, работавшихъ для арміи.

	Курсъ 1 августа 1914 г.	Курсъ въ октябрь 1915 г.
Acieries de France	550	600
» de Longwy	1401	1530
» de la Marine	1610	1740
Forges d'Alais	180	218
Bi—Metal	255	315
Montbard—Aulnoy	195	258

Конечно, не всѣ французскія военныя фирмы увеличили свои доходы за время войны, и многія изъ нихъ, несмотря на чрезвычайные правительственные заказы, не мало пострадали, благодаря захвату нѣмцами десяти наиболѣе промышленныхъ департаментовъ Франціи, гдѣ вырабатывалось до 80% производства страны въ желѣзѣ, стали и

чугунъ * и проистекшему отсюда *крайнему удорожанію этихъ матеріаловъ*, безъ которыхъ не можетъ функционировать ни одинъ военный заводъ, во всякомъ случаѣ акции этихъ военныхъ фирмъ понизились далеко не въ той степени **, въ какой пали бумаги важнѣйшихъ французскихъ банковъ, на которыхъ до войны — казалось, покоилось все финансовое могущество Франціи.

Во всякомъ случаѣ, война подчеркнула одинъ фактъ, который и до того бросался въ глаза внимательнымъ наблюдателямъ французской экономической жизни, именно слабую связь французской военной индустрии съ крупными, банками и полную ея зависимость отъ *индустрии металлургической*.

То стихійное нарастаніе власти банковъ надъ отечественной военной индустріей, которое составляетъ характерную особенность германскаго империализма, германской экономической дѣйствительности, гдѣ вообще вся промышленность въ теченіе послѣдняго десятилѣтія все болѣе подпадала влiянiю банковъ, — развивалось лишь въ очень незамѣтной степени во Франціи, и это-то обстоятельство наложило свою печать на самый типъ организаціи военной обороны этой страны, на теоріи, господствовавшія въ средѣ французской буржуазіи по вопросу о наилучшихъ методахъ реорганизаціи «національной арміи», для приведенія послѣдней въ полную боевую готовность, которая могла бы обезпечить ей побѣду надъ наследственнымъ врагомъ — Германіей. Когда Жоресъ въ противовѣсъ законопроекту о введеніи 3-лѣтней службы предлагалъ свой планъ вооруженія *всего* народа для цѣлей національной обороны, когда нѣкоторые радикалы-социалисты, не желавшіе идти такъ далеко, какъ лидеръ социалистовъ, выдвигали проектъ сокращенія военной службы до 18-мѣсячнаго срока, никто съ такой энергіей, какъ военные заводы, не боролся противъ этихъ «революціонныхъ» мѣръ, требуя въ качествѣ единственнаго радикальнаго средства, якобы могущаго поднять военную мощь Франціи на недостижимую высоту, удлиненія срока казарменной службы до 3-хъ лѣтъ. Между тѣмъ и планъ Жореса, базировавшійся на вооруженіи и обученіи военному дѣлу многочисленныхъ классовъ резервистовъ, на созданіи новыхъ крѣпостей на сѣверѣ Франціи и т. п., и планы нѣкоторыхъ радикаль-социалистовъ, требовавшихъ сокращенія военной службы до

* Въ послѣднія десятилѣтія рудники, расположенные въ окрестностяхъ Крезю, стали истощаться, и Шнейдеръ приобрѣлъ въ 1887 г. богатѣйшіе рудники въ бассейнѣ Брией. Какъ извѣстно, нѣмцы въ первые же дни войны захватили этотъ бассейнъ въ свои руки, и это дало имъ возможность въ необычайной мѣрѣ увеличить мощь ихъ военной индустри и ослабить въ такой же мѣрѣ силы Франціи.

** Чистая прибыль военныхъ заводовъ «Chantiers et Ateliers de la Gironde» равнялась за первый годъ войны (1914—1915) 190.131 фр. вмѣсто 24.089 фр. предшествующаго года. Акционеры получили по 25 фр. дивиденда на акцію вмѣсто 30 фр. мирнаго года. Все же въ этотъ годъ всеобщаго кризиса акционеры военныхъ заводовъ не лишились дивиденда.

18-мѣсячнаго срока, потребовали бы отъ военныхъ заводовъ въ теченіе многихъ лѣтъ такой напряженной работы, какую ни въ коемъ случаѣ не могло бы имъ дать простое удлиненіе срока военной службы, реформа, которую съ такимъ азартомъ отстаивали военные заводы Франціи путемъ органовъ печати *, являющихся выразителями ихъ мнѣній и интересовъ.

Удлиненіе срока службы на одинъ годъ, т. е. возвратъ къ порядку, господствовавшему во Франціи за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, не требовали отъ военныхъ заводовъ какого-нибудь революціонизировація въ методахъ ихъ производства. Численность арміи на мирномъ положеніи увеличивалась попросту на $\frac{1}{3}$, стало быть, въ соответствующей мѣрѣ увеличивался ежегодный спросъ на патроны, снаряды, зарядные ящики, орудія, автомобили и т. д. Съ такимъ расширеніемъ «внутренняго рынка» французская военная индустрія могла справиться безъ особаго труда, и при такой реформѣ военные заводы могли нажить большіе барыши, не прибѣгая ни къ какой-нибудь ломкѣ въ самой системѣ производства, ни къ громаднымъ капиталамъ извнѣ. Наживались при этой реформѣ, конечно, не только военные заводы, но и ихъ посредники, начиная отъ нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ и кончая самыми высшими.

Само собою разумѣется, что при системѣ организація дѣйствительной національной арміи, при необходимости обучить и вооружить миллионы гражданъ, пришлось бы отказаться отъ рутинныхъ методовъ производства, пришлось бы пересоздать всю военную индустрію до основанія, пришлось бы передѣлать многія машины, выписать сотни и тысячи новыхъ орудій производства изъ Америки, допустить образованіе новыхъ военныхъ фабрикъ во Франціи и т. д. И мы знаемъ, что какъ только началась война съ Германіей и обнаружилась полная неспособность французской индустріи снабдить оружиемъ, снарядами и всѣмъ необходимымъ аппаратомъ національную армію, эти миллионы призванныхъ подъ знамена гражданъ, правительству пришлось самому стать на путь революціонизировація военной индустріи и создать во многихъ городахъ совершенно новые военные заводы, работавшіе исключительно съ помощью динамо-машинъ, выписанныхъ изъ С.-Штатовъ.

Та же самая рутинность и отсталость французской военной индустріи, создавшей много образцовыхъ орудій разрушенія, вроде знаменитой пушки 75, но неспособной наканунѣ войны къ широкому размаху, на подобіе германской промышленности, сказала и въ борьбѣ французскихъ военныхъ заводовъ противъ введенія въ армію тяжелой артиллеріи, которая столь грозно сказала свое слово на поляхъ битвъ съ нынѣшней войнѣ. Главные органы французской военной индустріи, какъ «Echo de Paris», «Eclair» и т. д., рѣшительно оспаривали зна-

* Извѣстно, напримѣръ, что l'Echo de Paris, l'Eclair являются официальными органами фирмы Крезю.

чение тяжелой артиллерии въ будущей войнѣ и видѣли всю силу французской арміи, ея самое страшное оружіе въ борьбѣ съ Германіей — въ пушкѣ 75. И опять-таки, когда началась война, пришлось выписать спеціальныя станки и спеціальныя динамо-машины изъ С.-Штатовъ для выдѣлки тяжелыхъ орудій и снарядовъ.

Однако, въ течение перваго года войны изготовленіе тяжелой артиллеріи подвигалось крайне медленно. Пресса, связанная цензурой, вынуждена была молчать и лишь сенатору Эмберу, на 12-й, 13-й мѣсяцъ войны удалось два, три раза намекнуть въ своихъ статьяхъ въ *L'organe*, что у французской арміи все еще очень мало тяжелыхъ орудій по сравнению съ германской. Лишь на пятнадцатомъ мѣсяцѣ газеты робко заговорили объ ошибкахъ бывшаго военнаго министра. Известная финансовая газета «L'information», въ передовой статьѣ отъ 31 октября 1915 года писала, что въ течение перваго года войны, во время министерства Мильерана, было очень мало сдѣлано для снабженія французской арміи тяжелой артиллеріей, и что «это исторически фактъ первостепенной важности, замалчивать который бесполезно». Въ оправданіе Мильерана газета писала, что «онъ плохо разбирался въ военныхъ вопросахъ и находился всецѣло подъ влияніемъ техниковъ, знавшихъ детали своего дѣла, но неспособныхъ охватить перспективы, выдвинутыя современной войной». Дѣло, конечно, было не въ неадекватности Мильерана, не въ узости техниковъ, которыми онъ «былъ окруженъ», а въ зависимости и Мильерана и всего его «Бюро» отъ военныхъ французскихъ заводовъ, которые были вполне приспособлены къ изготовленію легкой полевой артиллеріи и которые предпочитали идти по линіи наименьшаго сопротивленія, вмѣсто того, чтобы, рискуя своими дивидендами, въ интересахъ національной обороны, приложить всю энергію къ снабженію французской арміи тяжелой артиллеріей, — которой у французовъ было такъ мало, и притомъ второстепеннаго качества. Между тѣмъ, теперь хорошо известно, что германскія войска съ самаго начала кампаніи имѣли въ своемъ распоряженіи гаубицы въ 105, 150, 210, 240, 280, 305 и 420 миллим: и известно также, какую роль сыграли эти орудія въ войнѣ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что и французская военная индустрія, подобно англійской, нѣмецкой, австрійской, была заинтересована въ постоянномъ усиленіи вооруженій, въ новыхъ и новыхъ кредитахъ на армію и флотъ, что она также толкала Францію къ непосильнымъ военнымъ расходамъ, къ пропасти кровавыхъ конфликтовъ, какъ толкали къ тѣмъ же катастрофамъ свои страны и всю Европу нѣмецкіе, англійскіе и австрійскіе синдикаты оружейниковъ.

Мих. Павловичъ.

ПО РОССИИ.

ПИСЬМА ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА.

Дорогой Джэкъ!

Вы помните вечеръ наканунѣ моего отъѣзда въ страну чудесъ и обѣтованій? Мы оба сидѣли въ нашемъ клубѣ на Pall Mall, въ креслахъ стиля Георга IV, среди солидныхъ, почтенныхъ людей и медленно прихлебывали изъ серебряныхъ стакановъ старый эль. Все было стильно и выдержано въ этихъ огромныхъ залахъ, куда такъ же трудно попасть обыкновенному смертному, какъ богатому въ царствіе Божіе. Безшумно шатали сѣдовласые, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ лакеи, внушительнымъ полушопотомъ отдавали имъ приказанія джентльмэны во фракахъ и съ орхидеей въ петлицѣ, пестрѣли кое-гдѣ листы Times'a, и поблекшій портретъ королевы Викторіи дарилъ насъ изъ угла величавой улыбкой сороковыхъ годовъ. Въ простѣнкахъ между оконъ темнѣли портреты знаменитыхъ членовъ клуба, отошедшихъ въ лучшій міръ, а присутствующіе, спокойные и недвижные, тоже казались портретами, написанными въ давние, давніе годы.

Какъ много стараго въ нашей странѣ! Семейная библія и кодексъ традицій — вотъ границы, въ которыхъ движется наша мысль. Утерявшіе чуткость къ живому слову и свѣжимъ идеямъ, мы беспомощно останавливаемся на историческихъ распустьяхъ, лечимъ національныя немощи по бабушкинымъ рецептамъ и единственное утѣшеніе отъ неудачъ находимъ въ сознаніи исполненнаго долга. Смѣшная, сентиментальная старая Англія!

Помните, какъ по контрасту съ этой паутиной прошло въ нашемъ воображеніи вставалъ плѣнительный образъ страны, гдѣ нѣтъ аристократическихъ традицій, гдѣ люди одержимы жаждой новизны и беспокойными потугами творчества, гдѣ мозги провѣтриваются благородѣльнымъ сквознякомъ критики, гдѣ христіанская мораль слита во-едино съ поэзіей неизжитого еще язычества и гдѣ человѣческій духъ, юнъ, могучъ и наивенъ, какъ въ первый день творенія. У насъ — царство закона, тамъ — царство жалости, у насъ — культъ права, тамъ — культъ милости, у насъ — Бентамъ, съ его «максимумомъ счастья для максимальнаго числа людей», тамъ — вѣра въ очистительную силу страданій. «Россія — мать народовъ; пока остальные націи борются во имя матеріальныхъ благъ, Россія сидитъ за прялкой и молится».

Такъ писалъ м-ръ Стивэнъ Грэмъ, — а вѣдь онъ долженъ знать Россію: онъ долго пробылъ въ этой странѣ и такъ привыкъ къ ней, что даже въ Лондонѣ носить барашковую шапку, рубашку страннаго покроя и маленькую икону на груди.

Вся эта гамма настроеній не вылилась, конечно, въ поэтическія рѣчи. Англичане не многословны. Вы лишь обвели улыбающимся взглядомъ опромную залу, посмотрѣли на меня и, всунувъ въ ротъ трубку, сквозь зубы произнесли:

— Итакъ, вы ѣдете въ Россію, Билль!

— Да, я завтра ѣду въ Россію, Джэкъ, — сказалъ я.

— О! — сказали Вы.

Мы курили, долго и молча. И въ синихъ клубахъ дыма передъ нами вставали контуры страннаго видѣнія: черты сфинкса, — могучія медвѣжьи лапы, взоръ, взыскующій града, — мощный хребетъ, котораго не сломали суровыя столѣтія невзгодъ. Тургеневская Лиза, Платонъ Каратаевъ, Иванъ Карамазовъ сливались въ одинъ образъ, полный романтики и влекущей тайны, въ образъ страны съ безбрежными пространствами и безбрежными возможностями. Мы были взволнованы до глубины души.

Вы, зѣвнувъ, посмотрѣли на часы.

— Одиннадцать. Надѣюсь увидѣть васъ по возвращеніи въ добромъ порядкѣ. Прощайте, Билль!

— Прощайте, Джэкъ!

Мы разстались.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ. Изъ холоднаго, казарменнаго Петрограда я попалъ, наконецъ, въ городъ, гдѣ собиралась въ одно цѣлое русская земля — въ Москву.

Москва! Устами своихъ дамъ она ежедневно спрашиваетъ меня: «какъ вамъ нравится сердце Россіи?» — и съ обворожительной улыбкой ждетъ восторженнаго отвѣта. Напрягая всѣ силы, я раздвигаю страдальческія морщины на лбу, растягиваю губы въ улыбку и лаконически произношу:

— О, удивительно!

Ибо больше мнѣ нечего сказать. Сфинкса я до сихъ поръ не узрѣлъ. То, что я видѣлъ, скорѣе напоминаетъ хамелеона. Какъ будто городъ и какъ будто деревня. Справа — XX вѣкъ, слѣва — эпоха свайныхъ построекъ. Моды Парижа и благоуханія Пекина. И никакъ не разрешишь, что подлинное и что поддѣльное. Что же объ этомъ сказать, кромѣ того, что это — удивительно?

Лишь города постигается черезъ его зданія. Въ англійскихъ городахъ они четки, остры, рельефны. Въ Москвѣ они распылчаты, широки и низки, какъ будто приплюснула ихъ книзу чья-то увѣсистая рука. Англійская церковь спицею своимъ вонзается въ небо; она — словно

острый клинокъ, которымъ человѣкъ хочетъ пронзить кольцо Всемогущаго. Московская церковь наивна и замысловата, какъ игрушка ребенка; ея круглыя главы выросли надъ хмурымъ небомъ подобно растенію и ничего не требуютъ, ни на чемъ не настаиваютъ, живя лишь надеждой на случайную милость и капризную ласку. Англійскіе коттеджи церемонны, подобраны, проникнуты почтеніемъ къ установленному архитектурному вкусу. Они какъ бы желаютъ сохранить свою индивидуальность въ мелочахъ, но въ то же время не порвать связи съ цѣльемъ. Московскимъ домамъ, повидимому, мало дѣла до самихъ себя и еще меньше до постороннихъ: это или инвалиды, уставные жить, или лежебоки, не замѣчающіе жизни, или богатые выскочки, джимбри-вающіе только что сшитый костюмъ. Между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ развѣ того, что каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь уязвляетъ взоры прохожаго: одни — подгнившими ставнями и сломанными воротами, другіе — облупленной штукатуркой, третьи — стилемъ рококо, декаданса или готическими завитушками. Какъ они ухитрились собраться вмѣстѣ, я, право, не понимаю.

Таковъ внѣшній ликъ Москвы — странный, словно сшитый изъ разныхъ лоскутковъ, словно не нашедшій еще никакой окончательной формы. Мнѣ кажется, что его лѣпили архитекторы всѣхъ вѣковъ и народовъ: каждый изъ нихъ попробовалъ, ковырнулъ пальцемъ и отошелъ прочь.

Отчего бы это могло случиться? Стоя передъ дворцомъ Морозова, на Воздвиженкѣ, я долго раздумывалъ надъ этимъ вопросомъ, какъ вдругъ мое философское раздумье было прервано страннымъ зрѣлищемъ. Посрединѣ улицы въ рядъ вѣхали черныя просмоленные бочки. Ихъ везли животныя, настолько исхудавшія, что трудно было опредѣлить, къ какой породѣ живыхъ существъ они нѣкогда принадлежали. Впереди на высокихъ козлахъ сидѣли люди въ костюмахъ эскимосовъ съ буро-желтыми лицами и такими же руками; должно быть, это происходило отъ сала, которымъ сѣверяне смазываютъ тѣло, чтобы защититься отъ холода. Время отъ времени люди дѣловито тыкали въ крупъ животныхъ заостренными палками — это было, повидимому, единственное средство, заставлявшее животныхъ двигаться. Эскимосы привѣтливо перекликались и рассказывали другъ другу о чей-то матери. Въ воздухѣ пронеслась густая струя невыносимаго зловонія. Прохожіе подносили платки къ носу и ускоряли шагъ.

Меня окликаютъ по-французски. Это одна русская дама, съ которой я познакомился наканунѣ.

— *C'est joli, monsieur, n'est ce pas?* — спрашиваетъ она. — Вы, какъ я вижу, любуетесь дворцомъ Морозова? Это замѣчательное зданіе. Оно стоило четыре милліона. Для рѣзьбы вотъ этого каменнаго портика были приглашены артисты изъ Италіи. Зимній садъ устраиваетъ ученый французъ. Планъ дворца...

Обозъ внезапно остановился: переднее животное споткнулось на

ухабъ и ушало. Эскимосы слѣзли съ козелъ и, крича что-то о матери, стали тыкать его въ бокъ заостренными палками. Подошли два дворника и тоже заговорили о матери. Подошелъ полицманъ и тоже заговорилъ о матери. Подскочилъ мальчишка-газетчикъ и, ткнувъ салогомъ въ оглоблю, тоже заговорилъ о матери. Всѣ говорили о матери и, какъ мнѣ показалось, никто не говорилъ о еѣти.

— Планъ этого зданія, — продолжала дама, какъ бы не замѣчая происходящаго, — былъ скопированъ съ одного древняго португальскаго замка...

— Pardon, madame, — перебилъ я, заинтригованный инцидентомъ. — Объясните мнѣ, какое отношеніе имѣетъ мать какого-то человека къ этому несчастному случаю? И въ чемъ ее, собственно, обвиняютъ?

— Это — это одна русская поговорка, которую трудно перевести, — сказала дама, слегка покраснѣвъ. — Вообще, это не стоитъ вниманія. Такъ вотъ, планъ этого дворца былъ скопированъ съ одного древняго португальскаго замка, выстроеннаго на берегу моря. Архитекторъ, какъ говорятъ, выкралъ этотъ планъ съ помощью полюбившей его дочери управляющаго. Дочь управляющаго бросилась въ пропасть, а архитекторъ вернулся въ Россію...

Животное поднялось. Эскимосы снова влѣзли на казлы. Просмоленныя бочки снова тронулись въ путь. А рядомъ звенѣлъ трамвай и двигались дамы въ туалетахъ по послѣдней модѣ, обдавая ветрѣчныхъ благоуханіемъ французскихъ духовъ. И прямо въ лицо мнѣ глядѣли зеркальныя стекла дворца и кокетливо узорились его высѣченныя изъ камня канаты и раковины. И, повидимому, никто никому не мѣшалъ: эскимосы не замѣчали дворца, дворецъ не замѣчалъ ихъ. А моя собесѣдница, увлеченная своимъ разсказомъ, не замѣчала, что я ее не слушаю.

* * *

Московская жизнь, Джэжъ, полна философіи. У насъ все просто, здѣсь все — умопомрачительно-сложно. Вамъ, напримѣръ, кажется, Джэжъ, что сѣсть въ трамвай почти такъ же легко, какъ умыться. Если бы вы жили здѣсь, вы измѣнили бы свое мнѣніе. Это почти такъ же трудно, какъ постигнуть связь между дворцомъ Морозова и эскимосами. Въ Россіи вообще нѣтъ простыхъ вещей: непредвидѣнныхъ случайностей такъ много, что въ каждый данный моментъ нужно быть готовымъ ко всему. Естественно, что движенія и приемы туземцевъ отличаются величайшимъ многообразіемъ. Нельзя вѣдь сказать заранѣе, какое изъ нихъ лучше всего приведетъ къ цѣли, и потому ихъ пускаютъ въ ходъ всѣ сразу, надѣясь, что какое-нибудь изъ нихъ да должно же удасться въ концѣ концовъ.

Вотъ на углу Лубянской площади какая-то женщина въ косынкѣ дожидается трамвайнаго вагона. Сперва она тщательно вывязываетъ

изъ платочка деньги и конвульсивно зажимаетъ ихъ въ кулакъ, при чемъ пальцы ея напоминаютъ мертвую хватку плотника, уцѣпившагося за утлую доску лѣсовъ и повисшаго надъ бездной. Потомъ, держа платочекъ у самаго сердца, она начинаетъ расталкивать сосѣдей и допытываться, на какомъ номерѣ трамвая ей нужно ѣхать. По мѣрѣ того, какъ подходитъ вагонъ, она обнаруживаетъ все болѣе и болѣе приподнятое состояніе духа. Она рѣшительно продвигается на самый краешекъ тротуара, отметааетъ въ сторону тщедушнаго гимназиста и расправляетъ правую руку. Кто-то оскорбленъ, чья-то нога отдавлена, и бѣдной женщинѣ приходится подать негодующимъ краткую, но энергичную реплику. Трамвай останавливается, моментъ штурма насталъ. Тутъ она пробуетъ различные приемы: сначала она дѣйствуетъ правымъ плечомъ, затѣмъ нагираетъ грудью, потомъ пускаетъ въ ходъ спину, голову и, наконецъ, послѣ ряда неудачъ, переходитъ къ послѣднему средству. Она влипаетъ въ самую середину толпы и вносится на площадку вагона на плечахъ осаждающихъ. При этомъ ей все время приходится думать о томъ, чтобы пальцы лѣвой руки, держащей деньги, не разжались и возгласы ея конкурентовъ не остались безъ должной отвѣди.

Я наблюдаю стоящихъ вблизи дамъ, мужчинъ съ портфелями, студентовъ, коммерсантовъ въ лисьихъ шубахъ, рабочихъ въ стеганыхъ ватой пиджакахъ. Всѣ они дѣйствуютъ по тому же способу, и у всѣхъ нихъ трагическое выраженіе людей, которымъ судьба оставила одинъ единственный шансъ спасенія. Можетъ быть, ихъ ждутъ дома умирающіе родители, разрѣшающіяся отъ бремени жены, опасно больные первенцы; или, можетъ быть, ихъ преслѣдуютъ съ револьверомъ въ рукахъ доведенные до отчаянія кредиторы, обманутые мужья, агенты полици, авторы непринятыхъ рукописей, ресторанные лакеи съ непоплаченнымъ счетомъ. Во всякомъ случаѣ это люди, живущіе въ полосѣ катастрофическихъ событій и не ожидающіе отъ судьбы ничего хорошаго. И потому даже пустой трамвай не успокаиваетъ ихъ взволнованныхъ чувствъ: они неизмѣнно берутъ его штурмомъ, твердо уповаая, что и здѣсь имъ встанетъ на пути какая-нибудь прискорбная неожиданность.

А вѣдь кромѣ трамвая въ Россіи существуетъ много еще болѣе мудреныхъ вещей: желѣзныя дороги, промышленность, газеты, политика. Какую безмѣрную сложность души и приспособляемость тѣла надо проявить, чтобы справиться со всѣмъ этимъ! Попасть въ поѣздъ, который отходитъ неизвѣстно когда, писать въ газетѣ, которая можетъ въ любую минуту скоропостижно скончаться, участвовать въ политической жизни такъ, чтобы объ этомъ никто не догадался, — какому англичанину окажется это по силамъ? А русскіе какъ-то ухитряются. Для этого нужно выработать такую глубокую, оригинальную и самобытную философію жизни, которая и не мерещится нашимъ трезвеннымъ мудрецамъ.

— Покажите мнѣ настоящихъ потаблей отъ коммерціи, — просилъ я своего московскаго пріятеля. — Самыхъ настоящихъ, самыхъ подлинныхъ, самыхъ московскихъ...

Чтобы вы не удивлялись, Джэжъ, я въ короткихъ словахъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Капитаны русской промышленности и генералы русской торговли, подобно форели, не выдерживаютъ перевозки. Какъ это засвидѣтельствовано видными авторитетами, въ Петроградѣ они загниваютъ, а за границей разлагаются. Тлетворному духу Запада они вообще не въ силахъ сопротивляться; русскій обликъ они сохраняютъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣвственную душу ихъ обвѣваетъ малиновый звонъ сорока сороковъ московскихъ церквей. «Настоящую русскую буржуазію вы увидите только въ Москвѣ», — такъ скажетъ вамъ всякій, понимающій дѣло.

Чтобы увидѣть московскихъ потаблей, пришлось пойти въ ресторанъ, помѣщающійся въ подвалѣ торговыхъ рядовъ. Ресторанъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ, обставленъ рѣзной мебелью и украшенъ тропическими растениями; но всѣ лакеи были почему-то въ нижнемъ бѣльѣ и подпоясаны красными шарфами. За столиками сидѣли потабли. Это были люди необычайныхъ размѣровъ и почти неограниченной вмѣстимости. Ихъ чрева походили на баллоны, надутые воздухомъ, руки напоминали подушки для игловокъ, а та часть лица, которая не была совсѣмъ скрыта бородой, имѣла сходство съ голландскимъ сыркомъ. Вообще, все въ ихъ фигурѣ было мягкое, округлое, безкостное. Они воплощали въ себѣ идею вѣса, законъ тяготѣнія. Если американскіе богачи измѣряются миллионами, то московскихъ надо всегда представлять себѣ въ тоннахъ.

Итакъ, всѣ они сидѣли и кушали. Кушали со вкусомъ, медленно, обдуманно, серьезно, и количества, поглощаемыя ими, ставили въ тупикъ мое англо-саксонское разумѣніе. А мой пріятель тѣмъ временемъ сообщалъ мнѣ вполголоса, какъ они вышли въ люди.

Одинъ укралъ завѣщаніе умирающаго брата; другой утащилъ шкатулку у слѣпой бабушки; третій пять разъ объявлялъ себя банкротомъ; четвертый поддѣлалъ векселя и, отбывъ срокъ наказанія, быстро пошелъ въ гору; пятый имѣлъ дѣло съ фальшиво-монетчиками; шестой поставлялъ въ армію гнилые сапоги; седьмой женился на любовницѣ какого-то князя. Хозяинъ ресторана, гдѣ мы обѣдали, тоже нажилъ какими-то темными способами и былъ убитъ собственнымъ сыномъ за скарденность и жестокое обращеніе.

Все это называется по-русски — «выйти въ люди», т. е. стать настоящимъ, подлиннымъ человѣкомъ.

Мой собесѣдникъ замолчалъ, и я сталъ прислушиваться къ разговорамъ. Направо отъ меня разсуждали о томъ, сколько по нынѣшнимъ временамъ надо дать желѣзнодорожному чиновнику, чтобы онъ сдѣлалъ то, что онъ обязанъ сдѣлать по долгу службы; налѣво спорили,

что скорѣе дорожаетъ — мыло или мануфактура; впереди рассказывали, сколько надо дать приставу, чтобы получить дюжину шампанскаго; сзади повѣствовали о какихъ-то странныхъ операціяхъ съ мукой и мясомъ. Всѣ были довольны, оживлены, раскатисто смѣялись и откалывали замысловатя, не вполне понятныя для меня шутки.

А въ этотъ день въ Думѣ лились обвинительныя рѣчи, начался бой подъ Верденомъ, и газеты были полны слухами о предстоящемъ наступленіи русскихъ войскъ. Обо всемъ этомъ въ подвальномъ ресторанѣ я не слышалъ ни одного слова — а сидѣть я тамъ больше двухъ часовъ. Мнѣ это показалось страннымъ, и я подозрительно оглядѣлъ своего собесѣдника.

— Повидимому, вы меня не советѣмъ туда привели, — сказалъ я. — Мнѣ нужно видѣть настоящую, крупную русскую буржуазію, которая хранитъ мораль древняго благочестія, которая интересуется судьбами своей страны, которая дорожитъ національными завѣтами и ради водруженія креста на церкви св. Софіи готова заложить женъ и дѣтей. А вы вмѣсто этого привели меня въ клубъ прирожденныхъ преступниковъ.

Мой собесѣдникъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и тревогой — такъ, какъ смотрятъ на душевно-больного.

— Не понимаю, чего еще вамъ нужно, — сказалъ онъ. — Вонъ у Сергѣя Иваныча три милліона, у Ивана Иваныча полтора, у Сидора Петровича въ скорости, когда онъ объявитъ себя несостоятельнымъ, будетъ до двухъ, у остальныхъ тоже наберется не меньше. Если это не буржуазія, то гдѣ же ее и искать?

Я вынулъ изъ кармана книжку «Русской Мысли» и брошюру князя Е. Трубецкого.

— Вотъ прочтите, — воскликнулъ я. — Прочтите, что пишетъ мистеръ Муретовъ о глубинахъ русскаго самосознанія и о Москвѣ, и о славянофилахъ, и о правдѣ неиспорченной души, и объ откровеніяхъ славянскаго гения. Прочтите, что пишетъ князь Трубецкой: «Въ эти скорбные дни оживаютъ тѣ древнія краски, въ которыхъ когда-то наши предки воплотили вѣчное содержаніе. Мы снова чувствуемъ въ себѣ ту силу, которая въ старину выпирала изъ земли златоверхіе храмы и зажигала огненные языки надъ плѣннымъ космосомъ». Я вотъ и хотѣлъ видѣть эту соль земли русскою, московскою буржуазію, зажигающую надъ космосомъ огненные языки.

Мой собесѣдникъ безпокойно заерзалъ на стулѣ.

— О такихъ не слышалъ, — сказалъ онъ. — Есть, правда, которые зажигаютъ, — но собственные дома, да и то по причинѣ высокой страховки. Къ космосу же они какъ будто касательства не имѣютъ. Впрочемъ, обратитесь къ г. П.: онъ энтузіастъ, народолюбецъ, и къ тому же членъ военно-промышленнаго комитета. Онъ навѣрное кое-что смыслить въ пиротехникѣ.

Вы знаете, Джэкъ, что наши газеты издавна окрестили Москву «городомъ стальной воли». И надо сказать правду, представители московскаго третьяго сословія выражаются о войнѣ очень рѣшительно. Они не только видятъ въ ней неизбежное зло,—они признаютъ ее положительнымъ благомъ, которое сообщитъ новую силу юнымъ росткамъ российской индустри. «Дай Богъ, чтобы война продолжалась еще года два,—тогда мы окончательно встанемъ на ноги», говорилъ мнѣ видный коммерсантъ, г. А. «Дай Богъ, чтобы война продолжалась», повторилъ г. Б. ювелиръ. «Дай Богъ, чтобы война продолжалась», подтверждали г. В., мануфактуристъ, и г. Г., хлѣботорговецъ, и г. Д., кожевникъ. Г. П., о которомъ я упоминалъ выше, далъ этому общему настроенію такую формулировку: «Мы, москвичи, готовы на все. Допустимъ невозможное, желѣзное. Допустимъ, что нѣмцы взяли Петроградъ. Даже и въ этомъ случаѣ Москва не сдастся, и возьметъ оборону страны на себя». Я слушалъ и радовался.

Но вотъ на Ильинкѣ мнѣ пришлось зайти въ табачную лавочку. Тамъ были кромѣ меня еще покупатель и двое молодыхъ людей въ бровыхъ шапкахъ—очевидно, джентльмены третьяго сословія. Молодые люди, не стѣсняясь присутствіемъ трехъ постороннихъ, обсуждали вмѣстѣ съ хозяиномъ вопросъ — какъ уклониться отъ воинской повинности? Въ одномъ частномъ домѣ я слышалъ взволнованную исповѣдь одного молодого человѣка, стоящаго во главѣ крупной фирмы и записавшагося добровольцемъ.

«Повѣрите ли, не даютъ мнѣ проходу», рассказывалъ онъ. «Каждый изъ моихъ знакомыхъ считаетъ долгомъ прочесть мнѣ нотацию и начинаетъ ее такъ: «пойти добровольцемъ въ такое время, когда по горло заваленъ дѣломъ, когда тысячи сами лѣзутъ въ руки,—это значитъ отлынивать отъ работы, молодой человѣкъ!» И я слышалъ жалобы судей, заваленныхъ дѣлами по подлогамъ векселей и растратамъ, совершаемымъ ради того, чтобы критические годъ или два провести въ тюремномъ уединеніи. Правда, теперь большинство молодыхъ людей оправдываютъ—подлогъ вѣняется въ вину лицамъ не моложе пятидесятилѣтняго возраста — и затѣмъ посылаютъ ихъ на военную службу, но...

Воймите все это, Джэкъ, и, если можете, разъясните мнѣ, что значитъ «городъ стальной воли». Мои московские пріятели посоветовали мнѣ для познанія національной психологии читать статьи священника Петрова, который стоитъ на посту и проповѣдуетъ культъ воли, бодрости и вѣры въ себя. Я взялъ одинъ изъ номеровъ «Русскаго Слова» и сталъ читать статью этого почтеннаго клерджимена, трактовавшую о бо-

рыхъ людяхъ и волѣ къ побѣдѣ. Фельетонъ о бодрыхъ людяхъ начинался приблизительно такъ: «мы, русскіе — слюнтяи, нытики, сомляки и лежебоки...» Тогда я отложилъ газету въ сторону и рѣшилъ до обѣда не думать о русскихъ.

* * *

Меня ежедневно спрашиваютъ:

— Какъ вамъ нравится сердце Россіи?

Я отвѣчаю:

— О, удивительно!

— Да, мы всегда полагали, что между русскими и англичанами есть какое-то внутреннее сродство, — говорятъ собесѣдники и уходятъ польщенные.

Но вамъ, Джекъ, я кое-что скажу по секрету. Говоря между нами, въ агентствахъ по страхованію жизни кліентовъ съ такимъ сердцемъ не страхуютъ. Да врядь-ли бы нашелся и врачъ, который такое сердце могъ бы изслѣдовать и опредѣлить по законамъ трехъ измѣреній.

* * *

... Я въ провинціи, Джекъ, и я спѣшу взять обратно всё мое положеніе насчетъ неопостижимости Москвы. Москва — это уравненіе со многими неизвѣстными и почти не допускающее рѣшенія, но провинція — это уже квадратура круга. Сами провинціалы склонны говорить о своихъ безлюдныхъ площадяхъ, сонныхъ домикахъ, начальникахъ и правахъ въ тонѣ пастушеской идилліи, но это, конечно, славянская хитрость, которая величайшія тайны прячетъ подъ маской величайшей простоты. Какъ Фаустъ смиренно склонился передъ Матерями, такъ и я преклоняюсь передъ образами провинціи, безмолвный и потрясенный. Теперь я вполне понимаю, почему м-ръ Стивэнъ Грамъ, объѣзжая эти мѣста, повѣсилъ себѣ икону на грудь: ихъ нельзя постигнуть, въ нихъ нельзя сохраниться безъ помощи неземной силы. Осѣнивъ себя знакомъ Тризмегиста, замкнувъ уста швейцару Соломоновой печатью трехрублевой ассигнаціи, зажавши великихъ духовъ харьковской земли тройнымъ закліаніемъ паспорта, метрическаго свидѣтельства и корреспондентскаго билета, заперши дверь на ключъ и опустивъ гардины, я перехожу къ описанію слышаннаго.

... Содрогаются земля, небо изрыгаетъ каскады снѣга, скорбнымъ воемъ заливаются Церберы купеческихъ домовъ, и къ мѣсту битвы храбро шествуетъ онъ, сопровождаемый четырьмя воинами въ сѣрыхъ шинеляхъ. Онъ одинъ, а враговъ много. На немъ одѣта лишь тога на красной подкладкѣ, на нихъ — ватные пиджаки, тулупы, тяжелые бараньи шубы и иные предметы защитнаго снаряженія. Онъ презираетъ хитрость, враги же коварно укрылись за баррикадами изъ мясныхъ тушъ, кринокъ молока, убитыхъ гусей и дѣлаютъ видъ, что торгуютъ. Минута, — и онъ издаетъ кличъ: «такса!», а четыре оруженосца отвѣтствуютъ ему боевымъ возгласомъ: «реквизиція!» Еще минута, — и на-

чата битва, и разметаны баррикады, и уже бьются смятенныя толпы враговъ стѣнъ осажденной Трои. И удаляются враги въ близлежащія пустыни, и отнынѣ не будутъ осквернять баррикады изъ живности стогнъ священнаго города. Черезъ день онъ снова появляется на опустѣломъ мѣстѣ битвы и снова возглашаетъ кличъ: «такса», и снова вызываетъ на бой. Но нѣтъ враговъ, и долго не будетъ. Такъ бродить его героическая фигура изъ конца въ конецъ, подбадривая сердца голодающихъ жителей побѣднымъ кличемъ: «такса». А четыре оруженосца, обращаясь на четыре страны горизонта, свистятъ въ свистки и возглашаютъ: «реквизиція»! Вы думаете, Джэкъ, что я излагаю вамъ страничку изъ Одиссеи, и что онъ—это никто иной, какъ богоравный Гекторъ? Вотъ въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Городъ этотъ называется Харьковъ, события эти вослѣдствіемъ не слѣпцомъ Гомеромъ, а рассказаны мнѣ плачущей базарной торговкой, и хитрые русскіе увѣряютъ меня, что *ею* имя всего на все Копуро-Мосальскій, а профессія его—губернаторъ. Онъ кушаетъ бараньи котлеты, читаетъ газету «Русское Знамя» и, кажется, нюхаетъ табакъ. Что можетъ быть проще—и въ то же время, что можетъ быть величественнѣе?

... Дрожитъ земля, темнѣетъ небесная твердь, и отрядъ неустрашимыхъ воиновъ идетъ на штурмъ крѣпости. Съ громкими криками наводятъ они выходы и входы, взбираются по каменнымъ кручамъ и дюжинами хватаютъ безпечныхъ враговъ, упивающихся яствами и питиями за пиршественнымъ столомъ. И черезъ минуту враги ввержены въ мѣста, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовой, ибо участь ихъ заранѣе была исчислена, измѣрена и взвѣшена карающей судьбой. Вы думаете, Джэкъ, что это—исторія царя Вальтасара и мидянъ-завоевателей? Несмотря на разительное сходство съ библейской легендой, могу васъ увѣрить, что описываемое мною мѣсто называется кафе Метрополь и расположено на главной харьковской улицѣ, а вверженные въ темницу военнопленные—русскіе подданные иудейскаго происхожденія, снабженные паспортами, промысловыми свидетельствами и всѣми законными документами. Общія же причины всего происшедшаго мѣстный полицменъ объяснилъ мнѣ такою фразой: «они замучили нашего Бога».

... Трясется земля, слышенъ лязгъ оружія, тяжкій звонъ отпираемыхъ засововъ, и звучныя слова команды. Затѣмъ въ обширномъ зданіи все погружается въ мертвую тишину, и у каждой двери, въ каждой комнатѣ, за выступами печекъ, на ступенькахъ лѣстницъ, въ укромныхъ углахъ чердаковъ замираютъ недвижныя фигуры часовыхъ. Проходятъ часы томительнаго молчанія, зоркіе глаза военачальниковъ вливаются въ видимое глазу пространство, а руки ихъ первно сжимаютъ эфесы шпагъ («селедокъ», по мѣстному выраженію). Они ждутъ, они готовятся, они рады положить жизнь во имя велѣній долга. «Ну, нечего рассказывать дальше,—прерываете Вы меня.—На этотъ разъ я угадалъ въ чемъ дѣло. Это—палаццо венеціанскаго дома, гдѣ собрались его вѣрные рыцари, чтобы отразить нападеніе вооруженной банды, напавшей ко-

карными интриганами Совѣта Десяти». И вы опять неправы, Джэкъ. Это просто—«Домъ рабочихъ», что на Петинской улицѣ, въ Харьковѣ. А вся исторія, какъ ее излагають хитрые туземцы, сводится къ слѣдующему. Въ городѣ Харьковѣ были произведены отъ рабочихъ предписанные начальствомъ выборы въ официальное учреждение, именуемое «военно-промышленный комитетъ». Выбранные лица должны были избрать отъ себя делегатовъ, и по «негласнымъ свѣдѣніямъ»—(къ сожалѣнію, не могу пояснить вамъ этого термина, Джэкъ), намѣревались собраться для обсуждения списка кандидатовъ въ вышеупомянутомъ зданіи... Какъ тутъ собрать начало и концы, закономъ устанавливаемыя предпосылка и дѣлаемые администраціей выводы, — право не знаю. Мѣстные же обыватели находятъ это въ порядкѣ вещей и удивляются моему удивленію. Мнѣ мерещится тѣнь дожа Марино Фальери, я чувствую вѣяніе величавыхъ тайнъ средневѣковья, а обыватели увѣряють, что все это—обыденная проза и ясно вытекаетъ изъ историческихъ традицій ихъ города.

... Благоухаетъ земля и ласковой улыбкой свѣтится сѣверное небо. За обширнымъ столомъ собрались именитые граждане, чтобы проводить къ дальній путь любимаго вождя. На глазахъ у присутствующихъ навернулись слезы, и нѣкій благообразный мужъ, едва преодолевая волнение, читаетъ прочувственную рѣчь. Онъ вспоминаетъ ратные подвиги героя, лишь желаетъ герою и впредь, на новыхъ, невспаханныхъ еще нивахъ жизни проявлять ту же энергію, смѣлость и приверженность къ испытаннымъ лозунгамъ. Вы думаете, Джэкъ, что рѣчь идетъ о какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ Британской имперіи, гдѣ благополучные жители чествуютъ ветерана-адмирала, купившаго себѣ въ окрестностяхъ виллу «Сельская Отрада». Но вы опять ошиблись. Собравшіеся—это голодающе жители освобожденнаго отъ припасовъ Харькова; всего нѣсколько дней назадъ они на публичномъ собраніи муниципалитета обвиняли героя въ попраніи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Благообразный мужъ—это лордъ-мэръ города, профессоръ, неустанно проповѣдующій принципы гражданской свободы, политическихъ правъ и конституціонныхъ гарантій. А провожаемый—это богоравный Гекторъ, спрятавшійся подъ псевдонимомъ Кешуро-Мосальскаго.

Я въ Нижнеамь. Его старыя кремлевскія стѣны настраиваютъ душу на тихій молитвенный ладъ. Колокола его церкви не знаютъ отдыха: утромъ они звонять къ обѣднѣ, днемъ—къ вечернѣ, вечеромъ ко всенощной. Вполнѣ понятно, что такая обстановка способствуетъ выработкѣ религіозности, и на каждаго жителя накладываетъ особенную, потустороннюю, не отъ міра сего печать. Даже въ минуты веселья нижегородецъ помышляетъ о смерти, и образомъ гроба отгоняетъ суетные

вомысли. И такъ, рассказывали мнѣ, поступаютъ здѣсь всѣ—отъ уличнаго разносчика до губернатора.

Вѣроятно, именно эту исконно-русскую провинцію и имѣлъ въ виду князь Трубецкой, когда говорилъ объ огненныхъ языкахъ, возжигаемыхъ надъ плѣннымъ космосомъ. О, конечно, почтенный авторъ правъ. Только огненными языками и можно объяснить тотъ трогательный, похожій на легенду фактъ, который рассказалъ мнѣ одинъ мѣстный житель.

— Былъ у насъ губернаторъ, — говорилъ онъ, — такой веселый и затѣйливый, какихъ мало родится на нашей хмурой Руси. О его пирахъ создавались мифы; его имя гремѣло въ ресторанахъ и съ восторгомъ упоминалось въ клубахъ. Но при всемъ томъ онъ былъ истинно-русский человекъ и о смерти не забывалъ никогда. И вотъ что однажды случилось. Прохожу я поздно ночью по набережной. Крутомъ тихо, прохожихъ нѣтъ. У пристани стоитъ только что пришедшій пассажирскій пароходъ, и недалеко—городовой на посту. Все какъ будто въ обычномъ своемъ порядкѣ. Вдругъ я замѣчаю нѣчто странное: городовой прикладываетъ руку къ козырьку, и такъ и замираетъ на мѣстѣ въ неподвижно-почтительной позѣ. А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него останавливается катафалкъ изъ бюро похоронныхъ процессій, и изнутри выѣзжаютъ два генерала въ пальто на красныхъ подкладкахъ—одинъ генералъ сухопутный,—другой генералъ—рѣчной. Долго они выѣзжали, тяжело и извилисто шли по мостовой, сбиваясь то вправо, то влево. А городовой все стоитъ и козыряетъ. Наконецъ, генералы прошли по мосткамъ и исчезли на пароходѣ. Я протираю глаза,—думаю не брежу ли,—и спрашиваю городового, въ чемъ дѣло.—А вы и не узнали? Да вѣдь это ихъ превосходительство губернаторъ! — Откуда же онъ? — Изъ веселыхъ мѣстъ. По всему городу изволили проѣхать на катафалкѣ. И лошадь заказали специально—со страусовымъ перомъ.

— Такъ вотъ видите,—закончилъ мой собесѣдникъ.—Веселился, веселился,—а все-таки вспомнилъ о смерти. Видно сразу, что русский человекъ.

Это было всего два года назадъ. Въ нашей материалистической Англіи подобный порывъ души былъ бы неправильно истолкованъ и привелъ бы къ крупнымъ неприятностямъ для сановника. Здѣсь, въ Россіи, его оцѣнили, и сановникъ пошелъ очень, очень далеко. Случай этотъ я приму къ свѣдѣнію и, если меня пригласятъ на званый обѣдъ, я надѣну вериги и власяницу. Тогда сходство между англійскимъ и русскимъ гениемъ будетъ наглядно установлено, дружескія услуги вліятельныхъ лицъ будутъ обезпечены и, быть можетъ, путешествіе мое дойдетъ до благополучнаго конца даже безъ помощи старцевъ.

А все таки, Джекъ, не забывайте меня въ своихъ молитвахъ. Въ странѣ неожиданностей можетъ случиться все. Да охранять меня нездѣшнія силы!

Вашъ Вильямъ Симпльтонъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МОБИЛИЗАЦІЯ, ДА НЕ ТА.

I.

Странную, во многомъ безотрадную картину представляетъ собою мобилизація нашей общественности за послѣднее время. Все какъ-то складывается у насъ не такъ, какъ «у людей», въ передовыхъ странахъ Запада. Тамъ каждая общественная группа имѣетъ свое опредѣленно лицо, — при всемъ вавилонскомъ столпотвореніи, вызванномъ мировой катастрофой. Тамъ каждый шагъ направленъ къ опредѣленной цѣли и почти всегда ведетъ къ тому или иному результату — въ зависимости отъ соотношенія мобилизующихся силъ. Во всякомъ случаѣ каждая сила въ своемъ выступленіи доходитъ до логическаго конца, отмѣреннаго ей ея социальной природой, — до конца если не яркаго, то, по крайней мѣрѣ, опредѣленнаго, находящагося въ извѣстномъ соответствіи съ тѣмъ, чего она добивается.

У насъ — страна не только неограниченныхъ возможностей, но и сплошныхъ недоговоренностей, царство недоразвитыхъ формъ, недодуманныхъ мыслей, недоѣланныхъ шаговъ. Все какъ-то не удаются наши мобилизаціи; то и дѣло онѣ оказываются не съ того конца начатыми, ни до какого конца не доведенными. Есть тутъ черѣдко и пылкіе замыслы, и красивыя рѣчи, — а все же чувствуется въ нихъ внутренняя пустота, точно воздуха имъ не хватаетъ и совершаются онѣ въ безвоздушномъ пространствѣ. И, дѣйствительно, чего не хватаетъ нашей мобилизующейся общественности, это — бодрящей перспективы, благоприятнаго соотношенія силъ.

Если нашъ господствующій политическій курсъ, какъ уже приходилось указывать, характеризуется политикой черезъ пень-колоду, политикой «авось», осложненною безпокойствомъ, — то другой стороной той-же медали является наша общественная мобилизація, для которой характерна *растущая требовательность, соединенная съ бессилемъ*. Ростъ требовательности имѣетъ своимъ источникомъ тотъ все болѣе увеличивающійся рядъ грѣховъ нашего общественно-политическаго уклада, который безпощадно вскрывается и ярко освѣщается прожекторомъ мировой войны. Бессиліе-же мобилизующейся общественности нашей, помимо условий современности, уходитъ своими корнями въ глубь далекаго прошлаго Россіи. Не только въ фактъ веденія борьбы *за* власть не смѣетъ нынѣ признаться крайняя лѣвая нашего «прогрессивнаго блока», но и борьба *съ* властью ведется широкими кругами нашего прогрессивнаго общества безъ прочныхъ традицій, которыя уходили бы въ глубь вѣ-

ковъ, какъ въ западныхъ странахъ. Нѣтъ традицій, нѣтъ соответствующихъ навыковъ, опыта, нѣтъ организационныхъ ячеекъ.

Условія-же борьбы куда неблагоприятнѣе для нашихъ общественныхъ силъ, чѣмъ это было въ какихъ-либо прецедентахъ западно-европейской исторіи. Тутъ и власть, выступающая нынѣ мощной, развѣтвившейся организаціей, имѣющей достаточно силъ и средствъ, если не для творческой работы, то для удержанія занятыхъ позицій. Тутъ и значительная органическая связь старой власти съ новыми элементами современной сложной структуры капиталистическаго общества и, въ результатъ, относительно большая приспособленность этой власти къ новымъ условіямъ. Тутъ и большая разслоенность самаго общества. Тутъ, наконецъ, и наличность рѣшительнаго претендента на грядущее наслѣдство — въ лицѣ того класса, который является и продуктомъ, и, въ то же время, антиподомъ капиталистическихъ силъ.

Какъ бы то ни было, но, при такихъ крайне неблагоприятныхъ для нашей мобилизуемой общественности условіяхъ, неудивительно, что и сама мобилизація представляетъ картину, мало радующую глазъ — картину, лишенную если не всякихъ перспективъ, то во всякомъ случаѣ перспективъ ясныхъ, привлекательныхъ.

Значительную роль въ такомъ положеніи играетъ, несомнѣнно, то обстоятельство, что еще не выступилъ на арену упомянутый классъ — антиподъ. Ему-то, его социальная природа внушаетъ во всякомъ случаѣ законченность и опредѣленность намѣреній, хотя нельзя сказать того-же объ его возможностяхъ. Но сейчасъ атмосфера военной катастрофы является слишкомъ для него неблагоприятной: не только замораживаетъ она его дѣйственные порывы, но и налагаетъ на его уста печать молчанія.

Какъ-то онъ выступить, когда кончится господство этой атмосферы? Все заставляетъ думать, что много терній ждетъ его на этомъ пути, много ошибокъ и ушибовъ. Быть можетъ, его тяжелая задача облегчится возрожденіемъ международности и грядущимъ ростомъ ея активности. Одно во всякомъ случаѣ ясно: это выступленіе — и выступленіе широкое, открытое, всеми видимое и ощущаемое — должно быть главнымъ условіемъ силы и рѣшимости мобилизующихся общественныхъ силъ, должно сыграть роль толчка, подъ дѣйствіемъ котораго въ этой мобилизаціи совершится процессъ кристаллизаціи всѣхъ ея элементовъ, ихъ болѣе полного оформленія.

II.

Мобилизація послѣдняго періода развернулась передъ нами въ видѣ ряда общественныхъ и групповыхъ *съездовъ*, которые заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Изъ нихъ первый — это всероссійскій *сельскохозяйственный съездъ*; первый не только по времени въ ряду *съездовъ* по-

слѣднѣяго періода, — пѣтъ, это вообще *первый, единственный* до сихъ поръ всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ въ Россіи *. И это любопытное обстоятельство заслуживаетъ быть особо подчеркнутымъ. Не парадоксъ-ли это, въ самомъ дѣлѣ: въ Россіи, наиболѣе сельскохозяйственной изъ крупныхъ державъ Европы, въ странѣ, гдѣ государственная власть больше всего связана съ крупнымъ землевладѣніемъ, изъ рядовъ представителей котораго рекрутируется правящая бюрократія, — въ Россіи лишь 22 февраля 1916 г. могъ состояться дѣйствительно всероссійскій общественный съѣздъ сельскихъ хозяевъ! И этотъ парадоксъ приобретаетъ еще больше яркости, если сопоставить его съ фактомъ огромнаго количества всероссійскихъ и иныхъ съѣздовъ представителей нашей индустріи на протяженіи десятилѣтій. Достаточно указать, напримѣръ, на организацію южныхъ горнопромышленниковъ, насчитывающую четыре десятка своихъ ежегодныхъ съѣздовъ. Крупно-помѣщичій же классъ Россіи, какъ таковой, какъ *экономическая* группа, является, въ сущности, наименѣе мощнымъ, наименѣе организованнымъ.

Это, на первый взглядъ парадоксальное, явленіе на самомъ дѣлѣ не представляетъ собою ничего неожиданнаго. Историческая линія движенія помѣщичьяго класса въ Россіи идетъ не вверхъ, а внизъ, и началось это не со вчерашняго дня, а еще до реформы 1861 года. Въ наши же дни, особенно за послѣднія 15 лѣтъ, основа социальной мощи этого класса — крупное помѣстное землевладѣніе — таетъ, какъ извѣстно, не по днямъ, а по часамъ. Въ Россіи, какъ и въ Германіи, классъ аграріевъ пользуется *огромнымъ* влияніемъ на политику государственной власти. Но основа и содержаніе этого влияния глубоко различны. Сила германскихъ аграріевъ покоится на ихъ экономической мощи, на ихъ крѣпкомъ землевладѣніи, на ихъ большой роли, какъ производителей какъ представителей современнаго, *капиталистическаго* сельскаго хозяйства. Наши же аграріи ведутъ отсталое хозяйство преимущественно на основѣ продовольственной аренды, да и это хозяйство охвачено интенсивнымъ процессомъ ликвидаціи.

Но и этого мало. Экономическая отсталость нашихъ аграрныхъ элементовъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ суженіе *рамокъ* ихъ влияния на государственную власть. Въ лицѣ своей общедворянской организаціи русскіе аграріи, тѣсно связанные персонально съ правящей бюрократіей, влияют на нее только въ предѣлахъ политики охранительныхъ началъ, въ предѣлахъ политики въ узкомъ смыслѣ слова. Совсѣмъ иначе дѣло представляется, если присмотрѣться къ обширной сферѣ современной экономической политики государства. Конечно, совершенно невозможно заподозрить бюрократію въ недостатокѣ *желанія* всячески поддерживать социально-родственные круги помѣстнаго землевладѣнія.

* Если не считать кievскаго съѣзда 1913 г., а также московскаго съѣзда дѣятелей помощи мѣстному хозяйству (1901 г.), съ чисто техническими задачами.

И это желание выливается въ форму множества всяческихъ льготъ и воспособлений: тутъ и льготный кредитъ по высокой земельной оцѣнкѣ изъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ, и низкое обложеніе земельной недвижимости, и льготныя ссуды подъ хлѣбъ, и спеціальныя должности, вроде института земскихъ начальниковъ и т. д. и т. д.

Но, во-первыхъ, всѣ воспособленія нерѣдко только *ускоряютъ* процессъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія (такова, напримѣръ, роль дворянскаго банка). Во-вторыхъ, поскольку государственныя мѣропріятія и оказываютъ фактическую помощь землевладѣльцамъ, — это помощь не группѣ или классу, какъ таковому, а лицамъ: эти мѣры спасаютъ существованіе этихъ лицъ и ихъ семействъ, но не могутъ сохранить и усилить экономическую мощь ихъ класса.

Есть спеціальныя группы помѣщичьяго класса, которыя, какъ таковыя, встрѣчаютъ, дѣйствительно, серьезную экономическую поддержку со стороны государства, — но это какъ разъ тѣ группы, которыя свое землевладѣніе приспособили къ современнымъ *промышленнымъ* формамъ: таковы винокуренныя заводчики (съ раскладкой спирта для казенной монополіи), сахарозаводчики (сахарная нормировка).

Что же касается помѣщиковъ *pur sang* и экономической политики государства въ цѣломъ, то она направлена не въ сторону ихъ интересовъ, а интересовъ *промышленнаго* капитала. И *въ этомъ смыслѣ*, какъ это ни странно, наше сельское хозяйство занимаетъ мѣсто до извѣстной степени пасынка по сравнению съ промышленностью обрабатывающей и добывающей. Достаточно указать на то, не менѣе парадоксальное на первый взглядъ, обстоятельство, что Россія — страна аграрная по преимуществу и, при томъ, страна съ высшимъ напряженіемъ протекціонистской политики, — именно аграрнаго протекціонизма, *не* практиковала, и до сихъ поръ почти не практикуетъ, а въ сферѣ торговыхъ договоровъ непрерывно жертвуетъ интересами сельскаго хозяйства ради интересовъ промышленнаго капитала.

Причины понятны. Аграрный протекціонизмъ у насъ невозможенъ именно потому, что Россія — страна сельскохозяйственнаго вывоза, а не ввоза. Съ другой стороны, сложность современной государственной организаціи, ея многообразныя нужды въ сферѣ внутренней и внѣшней политики тѣсно переплетаютъ ея интересы не съ оскудѣвающимъ крупнымъ землевладѣніемъ, а съ финансовой мощью и техникой современной крупной промышленности.

Въ эту сторону государство толкаетъ его нужда въ огромныхъ ресурсахъ, которые можно черпать только изъ развитого денежнаго хозяйства, его все растущіе финансовыя аппетиты и необходимость строить огромный бюджетъ на системѣ косвенныхъ налоговъ, толкаетъ потребность въ развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ фабрично-заводской техникѣ для обслуживания военныхъ нуждъ и т. д. и т. д.

Словомъ, все развитіе современнаго государства вело къ тѣс-

нѣйшей связи и сближенію интересовъ фиска съ интересами капитала. Въ результатѣ государственная власть, до 80-хъ годовъ прошлаго вѣка не выходящая изъ предѣловъ подачекъ и восполненія отдѣльнымъ предпринимателямъ (Поляковы, Юзы, Кнопны), послѣ того по необходимости перешла къ *системѣ* усиленнаго покровительства капиталистическому классу въ сферѣ экономической политики (таможенное покровительство, желѣзнодорожное строительство, выкупъ желѣзныхъ дорогъ, банковое дѣло, казенные заказы). *.

Изъ этого своеобразнаго положенія, изъ этого отношенія государственной власти къ сельскому хозяйству, съ одной стороны, къ промышленному капиталу — съ другой, вытекаютъ выводы огромной важности въ смыслѣ уясненія социальной природы нашей государственной власти и взаимоотношенія господствующихъ силъ современной Россіи. Но здѣсь не мѣсто на этомъ останавливаться подробнѣе. Замѣтимъ лишь попутно, что бѣгло охарактеризованное выше положеніе въ гораздо большей мѣрѣ объясняетъ разницу въ отношеніяхъ капиталистическихъ и аграрныхъ круговъ нашихъ къ нынѣшней империалистической войнѣ, тѣсно связанной съ протекціонистской политикой, чѣмъ излюбленный аргументъ нашей либеральной печати — утрированное изображеніе расчетовъ, которые строятъ наши реакціонные круги на поддержкѣ со стороны юнкерской реакціи.

Что для насъ здѣсь важно, это не выводы, а самый фактъ извѣстной экономической обойденности, дряблости и неорганизованности нашихъ помѣщичьихъ круговъ — фактъ, который обрашиваетъ собою всю работу перваго всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда.

«Наше крупное сельское хозяйство всегда находилось и до сего времени находится внѣ сферъ какой-либо защиты...» — определенно говорится *въ воззваніи*, съ которымъ съѣздъ постановилъ обратиться ко всемъ земствамъ Имперіи. И этотъ стонъ является лишь продолженіемъ тѣхъ жалобъ сельскохозяйственныхъ круговъ на экономическую политику государства, которая непрерывной полосой тянется уже нѣсколько десятилѣтій. Эти жалобы окраивали собою выступления земскаго третьяго элемента и идеологовъ сельскохозяйственной Россіи на «торгово-промышленныхъ съѣздахъ 1870 г. (въ Петербургѣ), 1882 г. (въ Москвѣ), и 1896 г. (въ Нижнемъ-Новгородѣ). Тѣми-же стонами наполнены труды созданныхъ С. Витте въ 1903 г. совѣщаній о сельскохозяйственныхъ нуждахъ.

Впрочемъ, земства и за всѣ десятилѣтія своего существованія не прекращали борьбы — и борьбы совершенно *безуспѣшной* — за пониженіе таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственные орудія, кромѣ очень сложныхъ, на удобрительныя вещества (суперфосфаты и пр.). Въ учета этого важнаго обстоятельства, между прочимъ, врядъ-ли возможно понять и объяснить еще одинъ парадоксъ нашей жизни,

* См. А. Ерманскіи. «Крупная буржуазія до 1905 г.» («Общ. движ.», томъ I).

тменно тотъ, что носителямъ либерально-оппозиционныхъ идей до 1905 года являлись именно земства, т. е. представительства сельскохозяйственныхъ интересовъ, а не представители промышленнаго капитала.

Экономическая дряблость, инфериорность сельско-хозяйственныхъ круговъ, какъ мы увидимъ, нашла себѣ достаточное выражение на всероссийскомъ съѣздѣ. Нѣсколько комичной метафорой прозвучала въ привѣтствіи министра А. Н. Наумова съѣзду фраза: «У насъ, сельскихъ хозяевъ, бываютъ такіе подтемы работоспособности, которые въ другихъ профессіяхъ не встрѣчаются. Мы всей жизнью, всемъ бытомъ приучены двигать горами». * На самомъ-же дѣлѣ именно нашъ помѣщичій классъ меньше всего привыкъ «двигать горами». Что имѣлъ въ виду министр, — это, что помѣщичьи круги *должны* теперь «двигать горами» — въ виду условий мировой войны и предстоящихъ измененийъ въ экономической политикѣ. Пока-же, конечно, и помѣщикамъ во время войны перепадаетъ кое-что, въ видѣ хорошихъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Но это лишь крохи по сравнению съ тѣми выгодами, которыя извлекаютъ изъ войны промышленные круги, которые, дѣйствительно, «двигаютъ горами» золота.

Наконецъ, что касается неорганизованности помѣщичьихъ круговъ, то именно въ заповненіи этого пробѣла, *въ попыткѣ создать, наконецъ, экономическую организацію крупныхъ сельскихъ хозяевъ и заключается главный смыслъ илѣ перваго съѣзда.*

Вопросъ объ этомъ поднимался, собственно, уже неоднократно. И любопытно, что происходило это, главнымъ образомъ, на съѣздахъ той самой объединенной дворянской организаціи, специфическая роль которой въ сферѣ охранительной политики такъ хорошо извѣстна всемъ. Ясно было, что дѣятели этой организаціи видятъ непрочность своего положенія. Дворяне Павловы и др. не только безсильно мечтали о такой властной экономической организаціи, какъ знаменитый германскій «Bund der Landwirte», но съ завистью смотрѣли и на нашъ отечественный Совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли.

И Павловъ, и Гурко, и другие участники дворянской организаціи не разъ агитировали на съѣздахъ періода 1909—1912 гг. за создание экономического объединенія помѣщичьихъ круговъ. Но дальше мечтанный дѣло тутъ не двигалось, ибо именно въ этихъ кругахъ процессъ оскудѣнія дворянства сильно подвинулся впередъ. И настоящий Galgenhumor чувствовался въ словахъ, кажется, дворянина Кушелева, который на одномъ изъ этихъ съѣздовъ говорилъ, что многие дворяне теперь *«имѣютъ поля только на шляпкахъ и землю лишь въ цветочныхъ горшкахъ»*...

Могутъ сказать: но, вѣдь, есть-же давно земства, представляющія экономическіе интересы землевладѣнія. Но дѣло въ томъ, что земства по-

* «Русскія Вѣдомости», 23—II.

составу своему не вполне покрываются классомъ крупныхъ землевладельцевъ. Еще важнѣе то, что земства имѣютъ особую линію дѣятельности, особую сферу компетенціи, лежащую въ сторонѣ отъ систематической защиты полнаго объема экономическихъ интересовъ землевладельца. Неудивительно, что, наряду съ охраненіемъ своихъ групповыхъ интересовъ, земская дѣятельность, направляясь по пути организаци и удовлетворенія общихъ нуждъ населенія, сравнительно легко попадала въ русло политической оппозиціи. Представлять же интересы своего класса въ цѣломъ предъ государственной властью не было никакой возможности земскимъ кругамъ: имъ не позволялось выходить за предѣлы «мѣстныхъ пользъ и нуждъ» и строжайше пресѣкалась всякая попытка объединенія земствъ.

Этотъ курсъ соблюдался такъ сурово, что даже послѣ 1905 года, когда отъ бывшей земской оппозиціонности осталось одно лишь воспоминаніе и когда въ кругахъ промышленно-капиталистическихъ всякія мѣстныя и общероссійскія организаци разныхъ типовъ распустились еще болѣе махровымъ цвѣткомъ, чѣмъ до того, — земствамъ все еще строжайше возбранялось какое-бы то ни было объединеніе. Это засвидѣтельствовалъ на описываемомъ съѣздѣ членъ совѣта создавшей этотъ съѣздъ сельскохозяйственной палаты, *Н. Н. Зворыкинъ*, который указалъ, что «Палата въ продолженіе *многихъ лѣтъ* добивалась всѣми легальными средствами получить возможность на безпрепятственное вступленіе земствъ въ Палату, и *лишь теперь* мечта эта осуществилась». *

III.

И мобилизаци, дѣйствительно, получилась внушительная, — съ внѣшней стороны. На съѣздѣ присутствовали представители 138 земствъ, делегаты сельско-хозяйств. обществъ, кооперативовъ и пр., члены Гос. Совѣта и Гос. Думы, — всего свыше 500 человекъ. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Н. Б. Щербатовъ. Съ особымъ привѣтствіемъ выступилъ министръ земледѣлія А. Н. Наумовъ, характеризуя «это многолюдное собраніе, какъ мобилизаци сельскохозяйственныхъ силъ».

Смыслъ этой мобилизаци, въ свою очередь, указалъ въ своей рѣчи кн. Щербатовъ. Подчеркнувъ стоящіе на очереди «вопросы, связанные съ исходомъ міровой войны, измѣнившей всѣ экономическія условія, связанные съ заключеніемъ новыхъ торговыхъ договоровъ, какъ съ нашими союзниками, такъ и съ нашими врагами», предсѣдатель добавилъ: «Ко всему этому присоединяются и старые сложные вопросы о взаимоотношеніяхъ отечественнаго сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности». «Будемъ надѣяться, — закончилъ князь Щербатовъ, — что Всероссійская Сельскохозяйственная Палата объ-

* «День», 26—II.

единить въ одно мощное цѣлое всѣхъ крупныхъ и мелкихъ сельскихъ хозяевъ и поможетъ — правда, не безъ нѣкоторой борьбы, — придти къ соглашенію съ обрабатывающей промышленностью».

Наконецъ, докладъ Совѣта Палаты особенно подчеркнул значеніе вступленія земствъ въ эту организацію, разсчитывая, что «со вступленіемъ земствъ въ дѣятельности Палаты долженъ наступить переломъ». Такъ была сыграна прелюдія и намѣчены были основные лейтмотивы сѣзса.

Да и весь онъ, въ общемъ, проходилъ въ началѣ въ приподнятомъ настроеніи. Кромѣ указанныхъ основныхъ пружинъ, здѣсь чувствовалось отраженіе переживаемаго странною общаго внутренняго нестроенія. Когда въ началѣ прошлаго лѣта обострилось положеніе на фронтѣ и тревожно выброшенъ былъ лозунгъ промышленной мобилизаци, онъ понимался не только узко-технически, но еще въ смыслѣ мобилизаци одной только обрабатывающей промышленности. Сельскохозяйственная же промышленность, казалось тогда, къ дѣлу не относится: мы — страна аграрная, сельскохозяйственныхъ продуктовъ у насъ хоть отбавляй. Теперь эта утопія разбита жизнью вдребезги. На очереди дня стоятъ факты: сокращеніе площади посѣвовъ, угрожающій недостатокъ рабочей силы и сѣмянъ, роковая убыль скота.

Все это можетъ опарашить хоть кого. Даже представитель министерства внутрен. дѣлъ, П. М. Кошкинъ «выступилъ съ неожиданнымъ для представителя этого вѣдомства заявленіемъ въ пользу свободной общественности»: * «Наличность прекрасно развитыхъ сельскохозяйственныхъ организацій въ Германіи, — сказалъ г. Кошкинъ, — объясняется поощреніемъ правительства. Отсутствие такихъ организацій у насъ объясняется постоянными препятствіями, которыя ставились общественности». Еще яснѣе — хотя и въ не совсѣмъ складныхъ фразахъ — выразилъ то же настроеніе представитель казанскаго экономическаго общества, кн. А. А. Крапоткинъ, заявившій: «Война заставила насъ призадуматься и открыть завѣсы. Мѣропріятія правительства препятствовать организаціи народнаго хозяйства доходили до анекдотовъ. Общій уровень русскаго мужика — это бѣдность, а она страшна тѣмъ, что при бѣдности нельзя вести никакого прогресса, никакихъ начинаній... Война насъ заставила понять Россію и ея нужды. Надежда на торговые договоры слишкомъ плоха, если она будетъ несогласована съ внутренней политикой». **

Кромѣ опасеній, что при установленіи новыхъ торгово-договорныхъ отношеній интересы сельскаго хозяйства будутъ принесены въ жертву интересамъ промышленниковъ и фиска, тутъ, несомнѣнно, ска-

* «Русскія Вѣдом.», 24—II.

** «День», 24—II. Ораторъ, очевидно, хотѣлъ сказать обратное: о необходимости согласовать внутреннюю политику съ системой торговыхъ договоровъ.

зался и тотъ сдвигъ въ политическомъ настроеніи даже части дворянскихъ круговъ подъ влияніемъ войны, на который приходилось уже указывать. Здѣсь этотъ сдвигъ чувствовался въ настроеніи всего съѣзда, и это лишь ярче отгѣнялось участіемъ двухъ лицъ съ «правымъ» уклономъ (гг. Филатовъ и Кушелевъ), выступленія которыхъ каждый разъ встрѣчали отпоръ со стороны съѣзда, не исключая и его предсѣдателя.

При всемъ томъ гг. помѣщики въ массѣ еще не умѣютъ стоять на собственныхъ ногахъ; и лучше всего, быть можетъ, это видно было именно тогда, когда они сами увѣряли, что умѣютъ — когда, напримеръ, на воскликъ кн. Крапоткина: «Если правительство спроситъ васъ, что вамъ нужно, сумѣете ли вы отвѣтить?», они хоромъ съ мѣсто кричали: «Сумѣемъ, сумѣемъ!» Можетъ быть, и сумѣютъ, можетъ быть, понимаютъ, но смутно. Въдъ основной пунктъ сельскохозяйственной проблемы — *крестьянскій* вопросъ — остается янгой за семью печатями для даннаго съѣзда, который на самомъ дѣлѣ есть не сельскохозяйственный, а помѣщичій съѣздъ. Пусть уста кн. Крапоткина говорили о томъ фактѣ, что «общій уровень русскаго мужика — это бѣдность!» Но въ сознаніи мобилизующихся помѣщиковъ такъ же смутно вырисовывается дѣйствительный смыслъ этого факта, такъ же неясно значеніе необходимости земельного обезпеченія и культурно-правового освобожденія крестьянъ для сельско-хозяйственнаго прогресса страны, какъ мало сознаютъ наши промышленники значеніе, которое для проблемы промышленнаго развитія Россіи имѣетъ поднятіе матеріальнаго и культурно-правового положенія рабочей массы.

Ужо-помѣщичьимъ духомъ отличается рѣшеніе съѣзда по поводу сокращенія винокурения, а также (по докладу С. П. Фролова) постановленіе о томъ, чтобы «установить особо строгія взысканія за самовольный уходъ съ сельскохозяйственныхъ работъ изъ-за повышенія платы другими и за сманиваніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ». И это тѣмъ болѣе, что воззваніе, составленное земской секціей того-же съѣзда, говоря о «сиротскомъ народномъ хозяйствѣ» (подразумѣвая хозяйство призванныхъ на войну), само же бьетъ въ набатъ по поводу того, что «угроза имѣть незасѣянной колоссальную площадь Россіи, уже налицо, и грозный призракъ голода стоитъ за нашими плечами».

Самымъ боевымъ пунктомъ занятій съѣзда былъ докладъ С. В. Бородаевскаго: «Война, сельское хозяйство и будущіе торговые договоры». Онъ очень любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ. Г. Бородаевскій не аграрій, а, такъ сказать, какъ разъ наоборотъ — крупный чиновникъ вѣдомства промышленности и торговли (помощникъ управляющаго стѣбломъ торговли).

Ходъ мыслей доклада таковъ. Уничтоженіе либо чрезмѣрное униженіе Германіи не должно составлять предмета стремленій Россіи. Но и экономическое изолированіе Германіи не допустимо для Россіи, которая вывозила въ Германію почти половину всего своего экспорта. Гдѣ другой

такой-же крупный рынок? Если яйца, масло, ленъ найдутъ себѣ сбытъ въ Англии и Франціи, то льсъ, овесъ, пшеница и, особенно, ячмень находятся въ другихъ условіяхъ. Для изоляціи Германіи нужно, чтобы союзники обезпечили намъ наиболее благоприятныя условія для экспорта къ нимъ произведеній нашего сельскаго хозяйства. Сдѣлать это не легко, и со стороны Англии и Франціи потребуются жертвы. Произведенія фабрично-заводской промышленности Германіи врядъ-ли у насъ могутъ быть замѣнены произведеніями Англии и Франціи, болѣе дорогими и менѣе приспособленными къ нашимъ требованіямъ. Должна быть поэтому проявлена готовность союзниковъ нашихъ считаться съ интересами Россіи въ полной мѣрѣ, но этого не видно. Отвергая изоляцію Германіи, докладчикъ въ итогѣ требуетъ заключенія нами съ Германіей торговаго договора на началахъ наибольшаго благопріятствования, — съ тѣмъ, чтобы «была забота объ интересахъ не только сельскаго хозяйства, но и русской промышленности». * Такъ прогнѣтъ быть гимнъ интересамъ промышленности.

Главнымъ оппонентомъ выступилъ проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Охарактеризовавъ докладъ г. Бородаевского, какъ выраженіе старой индустриально-протекционистской позиціи, занимаемой и нынѣ въ домѣ торговли и промышленности, въ ущербъ интересамъ сельскаго хозяйства, — оппонентъ противопоставилъ этой позиціи требованіе *пониженія* русскихъ таможенныхъ ставокъ на германскія издѣлія, чтобы этимъ купить пониженіе Германіей пошлинъ на русское сырье. Старый споръ представителей сельскаго хозяйства съ представителями промышленности, такимъ образомъ, зѣсь воскресъ естественнымъ образомъ. И что участвовавшие въ преніяхъ члены помѣщичьяго съѣзда стали на сторону не г. Бородаевского, — также вполне естественно.

Но попутно въ этомъ турнирѣ неожиданно обнаружился одинъ крайне любопытный пунктъ, въ которомъ вполне *сошлись объ стороны*. Одна «трезвая мысль есть въ докладѣ С. В. Бородаевского, — говорилъ М. И. Туганъ-Барановскій, — это именно то, что лозунгъ изолированія Германіи, приемлемый для Англии, неприемлемъ для насъ» **. Допустимъ, — продолжалъ профессоръ, — что мы «развили производительныя силы. Куда же мы будемъ дѣвать ихъ продукты? Англія, Франція и Италия, вмѣстѣ взятыя, не замѣнятъ намъ Германію. Германія, какъ рынокъ, для насъ играетъ исключительную роль. Лозунгъ изолированія Германіи для насъ неприемлемъ, ибо для Англии Германія конкурентъ, а для насъ — прежде всего рынокъ... Изолированіе Германіи равносильно уничтоженію русскаго сельскаго хозяйства. Опасно, чтобы наши делегаты финансовой конференціи стояли на точкѣ зрѣнія общихъ интересовъ, ибо эти интересы разные. Мы должны стоять на стражѣ собственныхъ интересовъ ***.

* См. «День», 26—II.

** «Русскія Вѣд.», 26—II

*** «День», 26—II.

Всѣ эти вѣскія и единодушныя положенія защитника промышленниковъ и защитника сельскохозяйственныхъ интересовъ, — понятны, не новы и по существу довольно элементарны. Но, по нынѣшнему времени, они прозвучали, какъ выраженіе настоящаго Katzenjammer'a послѣ спьянтія, длившагося 20 мѣсяцевъ. Конечно, тутъ передъ нами тѣнь, которую уже отбрасываетъ отъ себя предстоящая экономическая конференція державъ согласія, но при всемъ томъ надо сказать: заявить, что лозунгъ изолированія Германіи, выгодный для Англии, не выгоденъ для Россіи, значитъ бросить яркій свѣтъ и пробить чувствительную брешь въ той ходячей идеологіи міровой войны, въ сокровищницу которой свою посильную лепту внесли многіе либеральные и даже радикальные экономисты, ужъ не говоря о... самомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскомъ...

Чѣмъ же кончились дебаты по этому центральному, боевому пункту? Собственно говоря, *ничѣмъ*. Нельзя же считать практическимъ рѣшеніемъ, стоящимъ на уровнѣ задачи, предложеніе М. И. Туганъ-Барановскаго — образовать при сельскохозяйственной Палатѣ постоянную комиссію для разработки вопросовъ о торговомъ договорѣ. Во-первыхъ, комиссія ничего не можетъ успѣть сдѣлать ко времени созываемаго правительствомъ экономическаго совѣщанія и къ предстоящей за-границей конференціи. Во-вторыхъ, такая постоянная комиссія уже существовала до войны и тоже при Палатѣ, — пусть не сельскохозяйственной, а экспортной (съ г. Денисовымъ во главѣ). Экспортная палата тоже вела линію защиты интересовъ сельскаго хозяйства, а во главѣ ея комиссіи стоялъ тотъ же проф. М. И. Туганъ-Барановскій, подъ руководствомъ котораго было даже издано нѣсколько статистическихъ сводокъ и монографій. Что же тутъ мѣняется теперь? Какой же это выходъ?

То же произошло и съ другою важнѣйшей задачей мобилизаціи помещичьихъ круговъ — созданіемъ крѣпкой и вліятельной организаціи для защиты ихъ экономическихъ интересовъ. Тутъ можно было ожидать болше практическихъ результатовъ, чѣмъ отъ мечтаній дворянъ Павловыхъ-на съѣздахъ объединеннаго дворянства. Вѣдь тутъ, на этомъ съѣздѣ, представлены были не паразитическіе элементы, а земскіе круги, у которыхъ, кромѣ того, все-таки есть нѣкоторый стажъ общественности и кое-какія традиціи. И все же дѣло ограничилось упомянутымъ воззваніемъ, въ которомъ земскіе круги приглашаются объединяться вокругъ Сельскохозяйственной Палаты, да еще рѣшеніемъ ходатайствовать о включеніи ея представителей въ составъ экономическаго совѣщанія.

Что-то недоговоренное, недолѣланное получилось въ результатъ всей мобилизаціи. И эту черту нащупалъ на самомъ съѣздѣ кн. Д. И. Шаховской въ своемъ словѣ передъ самымъ закрытіемъ съѣзда. «Мы обычно начинаемъ, — сказалъ онъ, — свои разсужденія съ самой строгой критики работы правительства. А затѣмъ, признавъ единогласно его не-

состоятельность справиться съ дѣломъ въ известной области, кончаемъ ходатайствомъ. Я понимаю, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ простой логической ошибкой, а съ настоящей трагедіей русской жизни»...

IV.

Слѣдующи, развернувшійся передъ нами съездъ — это 2-й всероссийскій съездъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Название этихъ комитетовъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, которое прежде всего слѣдуетъ устранить. Военно-промышленные комитеты въ своемъ большинствѣ состоятъ не изъ промышленниковъ. Это лучше всего обнаруживается составомъ съезда этихъ комитетовъ. Если вы присмотритесь къ изданной Центральнымъ Комитетомъ книжкѣ «Алфавитный списокъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ на второй всероссийскій съездъ», то увидите, что большинство членовъ съезда состоитъ изъ инженеровъ и техниковъ, изъ профессоровъ, фабричныхъ и податныхъ инспекторовъ, агрономовъ и т. п. Это все тѣ же представители либеральныхъ профессій, которые дѣйствуютъ въ комитетахъ военно-технической помощи и пр. Всякаго рода техническія и, вообще, либеральныя профессіи, естественно, заполнили собою военно-промышленные комитеты, затѣянныя и осуществленныя въ качествѣ технической формы мобилизации силъ.

Это не значитъ, что представители капитала, промышленники, не участвовали въ комитетахъ и ихъ съездѣ. Современныя техническія предприятия безъ капитала, безъ предпринимательства, конечно, существовать не могутъ. Капиталисты очень даже активно дѣйствуютъ въ военно-промышленной мобилизации и въ комитетахъ, но дѣйствуютъ больше въ сферѣ предпринимательски-коммерческой, чѣмъ въ технической и общественной. Представителямъ капитала, какъ таковымъ, кипитъ на военно-промышленныхъ съездахъ нечего. Они не распялены, какъ представители сельскаго хозяйства, а имѣютъ свои многочисленныя и закаленныя въ бояхъ организациі всякихъ типовъ — представительныя, синдикатскія и работодательскія. Всѣ эти организациі не только энергично ведутъ свою работу во все время войны, но въ связи съ нею еще усилили свои ряды: еще на-дняхъ возникла чрезвычайно вліятельная организациа — «Совѣтъ съездовъ металлзаводчиковъ» — съ огромнымъ предпринимательскимъ цензомъ, большимъ членскимъ взносомъ и со «спеціальными» задачами.

Тамъ-то, въ этихъ своихъ собственныхъ организацияхъ-бестахъ они и регулируютъ свои капиталистическіе интересы въ военно-промышленной мобилизации. И лишь отдѣльные представители капитала, которые, енерхъ своихъ предпринимательскихъ интересовъ, питаютъ еще и другіе, или же являются делегатами промышленныхъ организациі, участвуютъ и въ военно-промышленныхъ комитетахъ. Если послѣдніе имѣютъ

возможность, въ известной мѣрѣ, дѣлать шаги, могущіе противорѣчить интересамъ капитала, то противодействовать этимъ шагамъ промышленники могутъ *въ своихъ* организацияхъ и *своими* испытанными путями, но могутъ, конечно, и въ военно-промышленныхъ комитетахъ и на ихъ сѣздахъ.

Вотъ почему всякому, кто знакомъ съ обычнымъ составомъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ нашихъ подлинно-промышленныхъ организации и сѣздовъ, не можетъ не броситься въ глаза прямо ничтожное количество этого рода персонажей, участвовавшихъ на 2-мъ в.-пр. сѣздѣ. Членъ сѣзда, С. Раевскій, справедливо протестовалъ противъ того, что въ секціи нѣкоторые промышленники «утверждали, что военно-промышленные комитеты суть комитеты промышленные», т.-е. изъ промышленниковъ. «Такое утверждение ненормально и фактически неправильно», — заявляетъ г. Раевскій *. Такимъ образомъ, по составу своему 2-ой сѣздъ скорѣе напоминалъ отчасти такъ называемые «торгово-промышленные» сѣзды 1870, 1882, 1896 гг., на которыхъ промышленные элементы также были въ меньшинствѣ. Разница, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что на 2-мъ сѣздѣ в.-пр. комитетовъ еще была видная и компактная рабочая делегация.

Эти замѣчанія о составѣ сѣзда могутъ уяснить многое въ его ходѣ. Между прочимъ, они объясняютъ возможность заявленій на немъ, что въ военной промышленности прибыль въ 100% не является теперь ничѣмъ особеннымъ, а также объясняютъ ту «вялость и блѣдность рѣчей основного ядра сѣзда — руководителей военной промышленности», которую констатируетъ газ. «День» ** и которой она ищетъ объясненія не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Сами руководители военной промышленности въ массѣ не проявляютъ никакой вялости и блѣдности въ предѣлахъ своихъ собственныхъ организаций и въ своей повседневной практикѣ. Наоборотъ, тутъ кипучая активность и ослѣпительно-яркая вакханалія барышничества и наживы, о предѣлахъ которой непосвященные могутъ только догадываться, хотя самый фактъ является секретомъ полишинеля. Что же касается тѣхъ «руководителей», которые участвовали во 2-мъ сѣздѣ, то, какъ мы увидимъ, въ пунктахъ, серьезно задѣвающихъ интересы капитала, очень даже большой активностью и рѣшительностью отличались и они — вплоть до «самого» А. И. Коновалова.

Представитель непромышленнаго большинства, тотъ же г. Раевскій, говорившій отъ имени «огромной общественной прослойки», которая находится на сѣздѣ и «не принадлежитъ ни къ представителямъ промышленности, ни къ представителямъ рабочихъ», — вынужденъ былъ констатировать, что вся эта «прослойка» является въ известные моменты «свидѣтелями чисто-классоваго диспута» между обоими крайними полюсами, бывшими на сѣздѣ одинаково въ меньшинствѣ.

А диспуты были порой жестокие. И когда тутъ выступали подля-

* «Русскія Вѣд.», 2—III.

** «День», 29—II.

ные представители капиталистического полюса, то ихъ, по содержанию рѣчей и характеру выступлений, легко было узнать даже и тому, кто не знакомъ съ составомъ лидеровъ объединеннаго капитала.

Кто, напримѣръ, не узналъ бы одного изъ лидеровъ капиталистическаго Совѣта Съѣздовъ въ г. Ефронѣ, который началъ свою рѣчь съ того, что «три дня онъ сидитъ точно на судѣ, не имѣя защитника». «Промышленниковъ, — продолжалъ г. Ефронъ, — упрекаютъ въ томъ, что они не занимались политикой. Но это и не ихъ дѣло. Если кто-нибудь изъ нихъ попадетъ въ Гос. Думу, онъ станетъ заниматься политикой, а до того онъ долженъ заниматься промышленностью. Точно также повѣрно, что русскіе промышленники организованы, а рабочіе неорганизованы. У насъ промышленность почти совсѣмъ неорганизована. Что же касается привилегій, даваемыхъ русскимъ промышленникамъ, то какія же это привилегіи, если въ Германіи заводы имѣютъ до 40% прибыли, а у насъ во время войны 10%, и то въ рѣдкихъ случаяхъ. Насъ еще упрекаютъ, что, эксплуатируя рабочихъ, мы для этого играемъ на ихъ патріотизмѣ. Но мы думаемъ, что тотъ, кто здѣсь прекратилъ работать, тотъ долженъ идти на фронтъ, какъ идутъ сыновья промышленниковъ». Затронувъ эту опасную тему, «ораторъ промышленниковъ, естественно вызвалъ отвѣтъ рабочихъ, что они у себя на заводахъ видятъ что-то слишкомъ много сыновей промышленниковъ, внезапно оказавшихся слесарями и токарями», а также отвѣдь со стороны инженера Галѣева — одного изъ «прослойки» *.

Также трудно было не узнать подлиннаго лидера объединеннаго капитала въ В. В. Жуковскомъ, хотя этотъ признанный искусный дипломатъ капиталистическихъ организацій, старинный поклонникъ Бисмарка, понятно, умѣло велъ свою дипломатическую линію обществённости. Все же и онъ не могъ не выдѣлить въ своей рѣчи заботъ Центрального Комитета о замѣнѣ заграничныхъ заказовъ для казны заказами русскимъ предпріятіямъ, хотя бы по болѣе высокимъ цѣнамъ, о предпочтеніи частныхъ заводовъ казеннымъ и т. п. **

Наконецъ, указанная особенность состава съѣзда въ значительной мѣрѣ объясняетъ и то, бросающееся въ глаза, обстоятельство, что, какъ справедливо отмѣчалось въ печати, *специально о мобилизации промышленности* въ цѣляхъ обороны на съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ *меньше всего говорили*.

Такой составъ съѣзда — изъ двухъ небольшихъ полярныхъ группъ, съ «огромной прослойкой» посрединѣ — и наложилъ свою печать на весь ходъ его занятій и рѣшеній, печать политическаго выступления, — до известной степени, печать нѣкоего *парада*. На этотъ путь легко могли пойти и подлинно-промышленные элементы съѣзда. Известно, что этотъ путь они нерѣдко выбираютъ и на собственныхъ

* «День», 1—III.

** «Русскія Вѣд.», 27—II.

своихъ съѣздахъ, устраивая на нихъ парадныя — и только парадныя — выступленія. Къ такого рода выступленіямъ, напр., относятся ихъ постоянныя резолюціи *въ пользу* свободы профессиональныхъ организацій рабочихъ, за которую ратовало въ своихъ «Бюллетеняхъ» даже работодателское Общество заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго района. Это, конечно, не мѣшало тому же обществу, да и другимъ, *фактически* вести борьбу *противъ* осуществленія своихъ либеральныхъ резолюцій.

Вотъ и теперь, уже послѣ съѣзда, въ совѣщаніи при министерствѣ торговли и промышленности представители Петроградскаго и Ростовскаго обществъ заводчиковъ и фабрикантовъ «также находили желательнымъ общее разрѣшеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ, но говорили, что въ этой области необходимо соблюсти *особую осторожность*» и что проектъ о примирительныхъ камерахъ, принятый на 2-мъ съѣздѣ в.-пр. комитетовъ, является не только не полезнымъ, но скорѣе вреднымъ *. А на самомъ съѣздѣ такой откровенности не проявляли не только гг. Жуковскій и Токарскій, но даже нѣсколько наивный г. Ефронъ.

Для «огромной прослойки» на съѣздѣ, по крайней мѣрѣ, для большинства ея — резолюціи и рѣшенія представлялись не парадомъ. Но и тутъ выступленія прошли *безъ подъема*. Справедливо говорить «День»: «Несмотря на многочисленность и торжественность съѣзда, совершенно не чувствуется того подъема, того энтузіазма, въ какомъ прошелъ первый съѣздъ послѣ рѣчей Рябушинскаго и Родзянко» **. Неожиданнаго тутъ нѣтъ ничего: кончился медовый мѣсяцъ промышленно-мобилизаціонныхъ иллюзій и увлеченій, которыя тогда охватили больше всего именно элементы этой «прослойки». Всѣ событія истекшаго періода, весь накопившійся опытъ вызвалъ неизбѣжный скептицизмъ и сознание, что на этомъ пути сдѣлать можно «миніатюрно мало». Техническая колея мобилизаціи отступила на задній планъ передъ общественно-политической.

А тутъ еще настойчивое заявленіе компактной рабочей делегаціи. Въ результатѣ, съѣздъ принялъ рядъ общественно-политическихъ резолюцій, которымъ нельзя отказать въ большой прогрессивности. Политическими требованіями были, въ сущности, окрашены всѣ постановленія съѣзда. Лежащій въ ихъ основѣ ходъ мыслей можетъ быть выраженъ приблизительно такъ: необходима общественная организація побѣды, а для этого надо устранить внутреннее неустройство. Въ этихъ постановленіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ рабочая делегація отвоевала все, что можно было. Приняты, въ общемъ, рѣшительныя резолюціи по продовольственному вопросу, о кооперации, примирительныхъ камерахъ и биржахъ труда, о созывѣ рабочаго съѣзда, по еврейскому вопросу и

* «Русскія Вѣд.», 12—III.

** «День», 27—II.

общеполитическая резолюция, въ видѣ телеграммы предсѣдателю Гос. Думы (съ требованіемъ отвѣтственнаго министерства и амнистіи) *.

Рабочая делегація отвоевала много уступокъ въ видѣ резолюцій, т. е. уступокъ на словахъ, практически-политическій удѣльный вѣсъ которыхъ зависитъ отъ очень многихъ условій, — и, прежде всего, отъ соотношенія борющихся силъ. Отвоевала, спрашивается, *какой цѣлью*? Каковы были исходный пунктъ рабочей делегаціи и ея линія поведенія на съѣздѣ?

Это — особая большая тема, которая требовала бы спеціальнаго подробнаго разсмотрѣнія. Мы здѣсь можемъ лишь бѣгло остановиться на этомъ пунктѣ — въ предѣлахъ его значенія для оцѣнки всего съѣзда.

V.

Мы попытаемся критически разсмотрѣть роль рабочей делегаціи на съѣздѣ (съ петроградской «рабочей группой» во главѣ) — *съ ея же собственной точки зрѣнія*, съ точки зрѣнія того заявленія, которое эта группа огласила 3 декабря 1915 г. на собраніи Центральнаго В.-Пр. Комитета (напечатано въ «Извѣстіяхъ Ц. В.-Пр. К.»).

Рабочая группа, — говорилось въ этомъ заявленіи, — не можетъ взять на себя отвѣтственность за дѣятельность Центральнаго В.-Пр. Комитета. «Являясь по существу организаціей крупно-промышленной буржуазіи, руководимые испытанными вождями боевыхъ организацій капитала, военно-промышленные комитеты не могутъ внушать рабочимъ и всей демократіи увѣренности въ томъ, что даже узко понятыя комитетскими задачи обороны, сводящіяся къ технической мобилизаціи промышленности, осуществляются ими, дѣйствительно, безъ ущерба для интересовъ страны». «Если, несмотря на такое отношеніе къ дѣятельности Центр. В.-Пр. Комитета и его мѣстныхъ организацій, мы рѣшили все же принять участіе въ в.-пр. комитетахъ, то единственно потому, что считаемъ своимъ долгомъ, въ частности и въ этихъ учрежденіяхъ отстаивать *наше* пониманіе интересовъ страны и *наше* пониманіе путей спасенія ея отъ гибели, а также для того, чтобы энергично отстаивать интересы рабочаго класса отъ всякихъ покушеній на его завоеванія и всячески содѣйствовать организаціи рабочихъ».

Задача довольно опредѣленная. Въ чемъ же заключается то *свое* пониманіе интересовъ страны и путей спасенія ея отъ гибели, которое рабочая группа собиралась отстаивать? Заявленіе и на этотъ вопросъ даетъ ясный отвѣтъ въ критической и положительной формѣ. «Острый кризисъ, переживаемый страной, сводится Центр. В.-Пр. Комитетомъ и

* Опредѣленность резолюцій имѣла уже опредѣленные послѣдствія: промышленный совѣтъ съѣздовъ рѣшилъ отмежеваться отъ ц. в.-пр. комитета, какъ-бы сказавъ этимъ: просить не смѣшивать! Заставили его это сдѣлать представители промышленности, прозивше въ противномъ случаѣ выходомъ изъ организаціи объединеннаго капитала.

широкими кругами имущих классовъ единственно къ внѣшней опасности». «Предпринимательскія организаціи, объединяемыя Центр. В.-Пр. Комитетомъ, все время войны только прикрывались флагомъ обороны, а на дѣлѣ питали завоевательные планы». А рабочая группа? «Рабочие съ самаго начала войны считали ее вредной для дѣла раскрѣпощенія страны и для освободительной борьбы рабочаго класса». «Съ самаго начала войны сознательные рабочие видѣли исходъ изъ создававшагося положенія въ международной борьбѣ пролетаріата за скорѣйшее окончаніе войны» *.

Вотъ съ чѣмъ рабочая группа Петрограда вошла въ Центр. В.-Пр. Комитетъ.

Надо прямо признать, что при такой оцѣнкѣ войны, при такомъ отношеніи къ Цент. В.-Пр. Комитету и его роли въ войнѣ положеніе и задача рабочей группы были не изъ легкихъ. Входя въ Центр. В.-Пр. Комитетъ, она поставила себѣ формулированную выше тройную задачу: 1) отстаивать свое пониманіе смысла войны и правильнаго исхода изъ положенія, 2) защищать интересы труда отъ всѣхъ покушеній и 3) способствовать организаціи рабочихъ. Этимъ создалося для нея внѣшне-противорѣчивое положеніе, — рабочей группѣ приходилоо держаться на *острой грани* между бойкотомъ Цент. В.-Пр. Комитета и вольнымъ или невольнымъ приспособленіемъ къ *его* пониманію цѣлей войны, къ *его* пониманію способовъ выхода изъ создававшагося положенія.

Ходъ занятій съѣзда показали, что его рабочая делегация, съ петрогр. рабочей группой во главѣ, по мѣрѣ силъ и возможности выполняла послѣднія двѣ части своей тройной задачи, но не справилась съ первой частью. Не удержавшись на указанной острой грани, делегация соскользнула въ сторону... «принципа обороны». Попавъ на «оборонческую» зарубку, рабочая группа, вмѣстѣ со всей делегацией, на съѣздѣ оказалась въ положеніи уже не внѣшне, а *внутренне-противорѣчивомъ*.

Прежде всего, внутренне-противорѣчивъ самъ по себѣ принципъ «обороны», какъ противопоставленіе войнѣ для побѣды и одолѣнія. Возможно прятіе, либо непрятіе войны: *tertium non datur*. И когда рабочая группа, въ опубликованномъ письмѣ ея председателя на имя А. Гучкова, съ точки зрѣнія «обороны» протестуетъ противъ требуемаго А. Гучковымъ «одолѣнія врага» и «побѣды надъ Германіей», то нелогичность этого протеста вѣрно вскрываетъ со своей точки зрѣнія самый прогрессивный органъ — «Русскія Вѣдомости», которому вторитъ и кадетскій офиціозъ, «Рѣчь». «Противоположеніе задачи обороны страны задачѣ рѣшительнаго одолѣнія врага, — говорятъ «Русскія Вѣдомости», — совершенно не можетъ быть прилагаемо къ реальнымъ условіямъ военной борьбы... Только путемъ окончательной, а не призрачной побѣды надъ врагомъ разрѣшается прочно и твердо и задача самозащиты». Именно съ точки зрѣнія обороны газета требуетъ «дѣйствительной и безусловной побѣды», «сокрушенія прусскаго милитаризма».

* См. Самарскую газету «Нашъ Голосъ», № 15 за 1916 г.

Между прочимъ, тутъ же газета останавливается и на тучковскомъ требованіи соблюденія социального мира — требованіи, которое отвергается письмомъ председателя рабочей группы. «Совершенно невозможно, — говорятъ «Русскія Вѣдомости», — въ одно и то же время и признавать оборону насущной задачей, обязательной для всякаго сына своей родины, и считать допустимыми, во имя отстаиванія своихъ классовыхъ интересовъ, дѣйствія, которыя нестратимо ослабляютъ боевую мощь войска, ведущаго такую оборону... Отрицать справедливость этого положенія значило бы отрицать и дѣло самой обороны, значило бы перейти отъ «оборончества» къ «пораженчеству»*.

Дѣйствительно, кто говоритъ «А», долженъ сказать и «Б»: кто токъ увязъ всей птичкѣ пропасть. Рабочая группа и ея единомышленники должны бы, вслѣдъ за Плехановымъ и либеральной печатью, безобоязненно сдѣлать соответствующіе выводы, разъ они становятся на позицію обороны страны при помощи военныхъ дѣйствій.

Противорѣчіе вскрывается не менѣе опредѣленно, если сопоставить декларацию рабочей группы на 2-мъ съѣздѣ съ ея же тезисами въ секціи труда и оба эти документа** съ цитированнымъ выше заявленіемъ 3 декабря.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ заявленіи рабочая группа видитъ исходъ изъ создаваемаго положенія только «въ международной борьбѣ пролетариата за скорѣйшее окончаніе войны». Декларация же на 2-мъ съѣздѣ выдвигаетъ идею защиты страны при помощи дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Совершенно очевидно, что эти два пути диаметрально противорѣчивы во всѣхъ смыслахъ. Правда, та же прочитанная на 2-мъ съѣздѣ декларация заявляетъ: «Идя по этому (второму. А. Е.) пути, мы будемъ сочетать свою дѣятельность съ дѣятельностью организованнаго интернациональнаго рабочаго класса, борющагося за ликвидацію международнаго кризиса». Но именно это заявленіе придаетъ трагикомическій оттѣнокъ противорѣчивости «оборонческой» позиціи, поскольку она намѣрена вести это интернациональное «сочетаніе» не только, такъ сказать, «по случаю драки», но и путемъ «драки».

Мало того. Рабочая группа понимаетъ, что «немедленное и коренное измѣненіе существующихъ политическихъ условій», являющееся въ ея глазахъ «предварительнымъ условіемъ» защиты страны, нельзя вызвать резолюціями и словами, какъ духи вызываются чарами колдовства. Такое измѣненіе должно быть добыто и можетъ быть добыто только длительной внутренней борьбой съ тѣми силами, которыя въ настоящее время уже ведутъ — худо ли, хорошо ли — «оборону». А это значитъ — для обороны страны заняться дезорганизаціей обороны страны. Это съ одной стороны. Съ другой, этого несоотвѣтствія между обороной и «немедленнымъ кореннымъ измѣненіемъ» не скроешь отъ «буржуазно-прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества». При такихъ условіяхъ

* «Русскія Вѣд.», 25—III.

** Напечатаны въ газетахъ.

укрѣплять въ этихъ слояхъ лозунгъ военной обороны не значитъ ли *связывать*, а не развязывать ихъ и безъ того скромную энергию, направленную на такое измѣненіе? Вѣдь, другую форму такой же связанности отмѣчаетъ и сама рабочая делегация въ своихъ тезисахъ секціи труда. Тутъ говорится, что промышленный классъ оказался въ тѣсной зависимости отъ господствующаго режима, «что до крайней степени ослабило сопротивленіе промышленнаго класса разрушительной политикѣ правительства».

И если этотъ и безъ того связанный классъ еще больше связывать задачами военной обороны, то каковы же могутъ тогда быть перспективы и «коренного измѣненія», и успѣха самой обороны? Не получается ли на такомъ пути, въ самомъ дѣлѣ, «вмѣсто разрѣшенія исторической задачи безнадежный историческій тупикъ»?

Больше того. Рабочая группа, какъ мы видѣли, сама заявляла, что промышленный классъ «только прикрывается флагомъ обороны, а на дѣлѣ питаетъ завоевательные планы. Но, въ такомъ случаѣ, къ чему же можетъ повести на дѣлѣ поддержка рабочими того же флага? Не къ поддержкѣ ли именно тѣхъ завоевательныхъ плановъ, которые этимъ флагомъ прикрываются?

Таковы вопросы, недоумѣнія и противорѣчія, которые вытекаютъ изъ собственныхъ же положеній и выступленій рабочей группы на съѣздѣ и до него.

Этихъ *неразрѣшимыхъ противорѣчій* не было бы, если бы пріятіе войны или непріятіе ея было выдержано логически и политически. Последнее отчасти и имѣло мѣсто сейчасъ же послѣ вступленія рабочей группы въ Центр. В.-Пр. Комитетъ. Во-первыхъ, заявленіемъ 3 декабря группа, какъ мы видѣли, совершенно снимала съ себя какую-либо отвѣтственность за дѣятельность этого комитета. А самую задачу своего вступленія въ него она формулировала такъ, что получилось не участіе въ организаціи военной обороны страны, а участіе, для другихъ цѣлей, въ организаціи, работающей для военной обороны.

Да и фактически во все время вплоть до 2-го съѣзда рабочая группа *не проявляла* никакихъ заботъ и работы въ сферѣ военной обороны, а хлопотала исключительно въ сферѣ защиты рабочихъ интересовъ и дѣлала попытки въ области организаціи рабочихъ. И это надо сказать не только о петроградской, но и о рабочей группѣ при московскомъ областномъ в.-пр. комитетѣ. Достаточно вспомнить, какъ охарактеризована роль этой рабочей группы въ ея опубликованной перепискѣ съ председателемъ, П. Рябушинскимъ. «Представители рабочихъ, — жаловался П. Рябушинскій въ своемъ письмѣ, оглашенномъ въ засѣданіи комитета 25 января, — настаивали на своей автономности и обособленности группы, считая себя лишь условно связанными съ комитетомъ, почитая, что ихъ вниманіе должно быть сосредоточено не на текущей работѣ, а на выявленіи своихъ взглядовъ на общіе вопросы и организацію массъ... Нельзя рабочей группѣ пренебрегать общими цѣлями и задачами всего»

моск. в.-пр. комитета и считать себя вершающей лишь общие государственные вопросы». Да и сама рабочая группа в своемъ отвѣтѣ П. Рябушинскому повторяетъ, что *«первымъ шагомъ для достиженія возможности успешной текущей работы является измѣненіе тѣхъ общихъ условий, въ рамкахъ которыхъ происходитъ эта работа»*, и поэтому «съ первыхъ же дней вступленія въ в.-пр. комитетъ рабочая группа занялась разработкой цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ экономическимъ положеніемъ рабочихъ».

И надо сказать, что такое суженіе рабочими группами рамокъ своей дѣятельности въ в.-пр. комитетахъ, съ одной стороны, характеризуя ихъ фактическое неучастіе въ военной оборонѣ, съ другой — обнаружило *недостаточно широкое пониманіе* ими интересовъ рабочаго класса, въ защитѣ которыхъ онѣ видѣли свою задачу. Въ самомъ дѣлѣ, вокругъ в.-пр. комитетовъ въ крайней степени сгустилась атмосфера хищническаго использованія военныхъ расходовъ; для этого создались специальные синдикаты, приняла чудовищные размѣры спекуляція. Даже членъ Центр. В.-Пр. Комитета, проф. Д. С. Зерновъ на самомъ съѣздѣ не удержался отъ усовѣщеванія промышленниковъ, особенно подчеркнувъ пожеланіе объ урегулированіи вопроса о цѣнахъ и прибавивъ: «Къ этому пожеланію мы, гг., должны отнестись съ особымъ вниманіемъ и посмотреть на него не какъ на выпадъ вѣдомства, а какъ на *справедливое требованіе*»... *. А представитель самарскаго областного комитета характеризовалъ положеніе словами: «Да вѣдь мы такого времени, какъ теперь, не дождемся больше, — такъ прямо и говорятъ торгаши». Мы ужъ не говоримъ объ извѣстномъ типѣ, нынѣ работающемъ во всю — типѣ «мародеровъ тыла», вродѣ недавно избалованныхъ киевскихъ думскихъ гласныхъ и членовъ управы.

Но и этого мало. В.-пр. комитеты добиваются огромныхъ переплатъ казною русскимъ заводчикамъ, протестуя противъ заказовъ за-границей, — этого еще и на съѣздѣ требовалъ членъ Центр. В.-Пр. Комитета, Н. Саввинъ **. Въ ту же сторону еще на-дняхъ направлены были заботы бюро этого комитета въ отношеніи автомобильной промышленности ***. Еще важнѣе рядъ другихъ выступленій широкаго государственнаго масштаба. Центр. В.-Пр. Комитетъ предпринялъ ходатайство, съ особой депутаціей, *противъ* проекта обложенія военной прибыли. Тѣ же дѣятели (Жуковский, Бубликовъ и др.) ведутъ атаку на г. Штюмера, чтобъ отстоять интересы промышленниковъ въ совѣщаніи о будущемъ государственномъ и народномъ хозяйствѣ и о будущей внѣшней политикѣ. Центр. В.-Пр. Комитетъ является опорнымъ пунктомъ операций промышленниковъ въ сторону усиленія протекціонизма и империалистическихъ тенденцій.

* «День», 28—II.

** «День», 29—II.

*** «День», 23—III.

Что же, развѣ все это не захватываетъ глубоко интересовъ рабочаго класса? Развѣ, стало быть, борьба въ этой области не диктуется рабочей группой въ Центр. В.-Пр. Комитетѣ съ точки зрѣнія ея же самой поставленной себѣ задачи? Въ частности, сама же рабочая группа констатируетъ империалистическія, агрессивныя стремленія у крупно-промышленнаго класса, противопоставляя имъ свою позицію одной лишь обороны. И что же, *потребовала ли рабочая группа* стѣ промышленнаго лагеря Центр. В.-Пр. Комитета какихъ-либо *гаранти* противъ захватческихъ выступленій, стремленій къ аннексіямъ и т. д.? Это было необходимо тѣмъ болѣе, что самый фактъ сотрудничества съ в.-пр. комитетомъ — что бы тамъ ни говорили — не можетъ не производить впечатлѣнія моральной санкціи рабочими империалистической войны.

Въ концѣ концовъ, въ линіи поведенія рабочей группы оказывается, такимъ образомъ, сверхъ указанныхъ внутреннихъ противорѣчій, еще своеобразная *смысль бойкотизма съ кустарничествомъ*.* Если бойкотъ чрезвычайно важныхъ формъ дѣятельности Центр. В.-Пр. Комитета является косвеннымъ и искаженнымъ отраженіемъ смутнаго чувства у рабочей группы невозможности для нея, съ точки зрѣнія ея же декларации 3 декабря, практическаго участія въ организации обороны, то, съ другой стороны, кустарничество — продуктъ суженія кругозора изъ-за узкой и внутренне-противорѣчивой «оборонческой» *догмы*.

Какъ все это сложилось, почему не удержалась на острой грани рабочая делегация на съездѣ, а съ нею и петроградская рабочая группа, — разбираться въ этомъ вопросѣ здѣсь не мѣсто, хотя давленіе здѣсь московскихъ рабочихъ (съ другимъ культурно-политическимъ уровнемъ, чѣмъ петроградскіе) и многихъ провинціальныя делегатовъ, выборы которыхъ въ в.-пр. комитеты прошли «въ молчанку», въ слѣбую»**, — совершенно очевидно. Во всякомъ случаѣ, съ петроградскими избирателями въ Центр. В.-Пр. Комитетѣ избранная ими рабочая группа сильно разошлась.

Каковъ же *итогъ* этой мобилизаціи рабочихъ участниковъ 2-го съезда, составившихъ его самую характерную черту? Рабочая группа собиралась объединить вокругъ себя рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ только разъединила ихъ. Она отошла отъ линіи думской фракціи, — судя по всему, дѣйствительно, имѣющей за собою сочувствіе передовыхъ элементовъ рабочихъ. Наконецъ, она собиралась «координировать усилія пролетаріата съ усиліями буржуазно-прогрессивныхъ слоевъ». Удалась ли хотя бы эта координація?

Фактическаго единства не получилось. Нѣкоторые резолюціи и тезисы, принятые въ секціяхъ подъ давленіемъ рабочей делегации, были на съездѣ отвергнуты, а то даже и не оглашены. Да и послѣ съезда не

* Раб. группа, къ сожалѣнію, мало мѣръ приняла противъ искаженнаго отраженія ея дѣятельности въ либеральной печати.

** Да и въ Петроградѣ обстановка выборовъ, конечно, была не изъ идеальныхъ.

постѣснялись прибѣгнуть къ насильственнымъ «усѣченіямъ» принятыхъ съѣздомъ постановленій. Съѣздъ, напр., постановилъ включить въ соответствующее мѣсто резолюціи по продовольственному вопросу предложенный рабочей делегацией пунктъ о четыреххвосткѣ. Это постановленіе «трубнымъ образомъ нарушило»* не кто иной, какъ «самъ» А. И. Коноваловъ: онъ, видите ли, не могъ найти соответствующаго мѣста... Такъ же мало поцеремонились тѣ же промышленные элементы съ резолюціями съѣзда о мѣрахъ противъ спекулятивныхъ операцій частныхъ банковъ и пр.

Практически-политическаго координированія не получилось, а словами нѣкоторую иллюзію единенія какъ будто и создали. Въ результатѣ получилась не координація дѣйствій, а дезорганизация сознания тѣхъ элементовъ, на которые опирается рабочая делегация. Получилось замѣстительство широкихъ массъ рабочей группой, отъ которыхъ она оторвана.

Пока что, вся мобилизация военно-промышленныхъ комитетовъ на съѣздѣ и — особенно — наложившей на его занятія столь яркую печать рабочей делегации тоже не далека отъ той «трагедіи русской жизни», о которой упомянулъ кн. Д. И. Шаховской на сельскохозяйственномъ съѣздѣ...

* * *

Этого впечатлѣнія не мѣняетъ и ходъ занятій обоихъ послѣднихъ съѣздовъ — *земскаго и городского союзовъ* — въ Москвѣ. Они шли по тѣмъ же, въ общемъ, путямъ, что и прежде. Но нѣтъ въ нихъ уже прежней наивной вѣры, будто стѣны Иерихона могутъ пасть отъ трубнаго гласа, какимъ бы громкимъ онъ ни былъ. Уже не кипѣли теперь, какъ недавно, страсти вокругъ тѣхъ или иныхъ формулъ политической резолюціи городского съѣзда, хотя нынѣшняя резолюція прогрессивнѣе предыдущей.

Повторялись на съѣздахъ старые мотивы, но безъ подъема.

А. Ерманскій.

* «День», 13—III. 1916.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ,

Война, въ рядѣ другихъ вопросовъ, выдвинула въ Англии и вопросъ о демократіи. Д-ръ Диллонъ, видный консерваторъ, помѣстилъ въ прессѣ нѣсколько статей, доказывающихъ, что демократія обанкротилась. Въ противовѣсъ этому мнѣнію, въ мартовской книжкѣ *Fortnightly Review* либераль Артуръ Бауманъ находитъ, что единственная дѣйствительно вредоносная сторона демократіи — это рабочіе союзы:

«Тредъюнионы жерновомъ висѣли на шеѣ правительства. Споры между Ллойдомъ Джорджемъ и представителями организованнаго труда насчетъ заработной платы, нормы выработки продукта и допущенія въ предприятия женщинъ напоминаютъ споры константинопольскаго совѣта о нѣкоемъ богословскомъ текстѣ, въ то время, какъ турки стояли у воротъ столицы. Эта прискорбная участь мысли и эгоизмъ являются плодами ученія послѣднихъ десяти лѣтъ. Актъ о профессиональныхъ спорахъ 1906 г., который консерваторы порицали, но который они не смѣли провалить, убѣдилъ членовъ тредъюнионовъ, что они — все, а остальная нація — ничего. Война измѣнила классовыя перспективы и, можетъ быть, научить лидеровъ тредъюнионовъ и синдикалистовъ, что организованный трудъ еще не включаетъ въ себя все государство».

* * *

«*Nation*» въ № 18, напротивъ, причины плохой организаціи видитъ въ томъ, что Англія за время войны поступилась своими демократическими традиціями:

«Съ тѣхъ поръ, какъ разразилась война, моральная связь между правительствомъ и народомъ измѣнилась. Первое все въ большей и большей степени дѣйствуетъ путемъ принужденія; второму оказывается все меньше и меньше довѣрія со стороны господствующихъ классовъ. Мы не разъ предостерегали власть о послѣдствіяхъ, какія можетъ вызвать этотъ отказъ правительства разсматривать націю, какъ нѣчто единое; эти послѣдствія становятся очевидными теперь, когда парламентъ, пресса и свобода слова и дѣятельности все больше и больше подчиняются коалиціи, воплощающей не силу убѣжденій, а ради удобства заключенный союзъ между людьми, не имѣющими ни общихъ взглядовъ, ни общихъ привычекъ мышленія.

Самыя старыя исконныя права исчезаютъ, — и никто этого не замѣчаетъ, никто этого не критикуетъ. Приказъ военной власти можетъ бросить британскаго подданнаго въ тюрьму и держать его тамъ безъ судебного допроса. Газета въ неспокойномъ промышленномъ центрѣ можетъ быть прикрыта, потому что высказываемыя ею истины о рѣчи министра слишкомъ грубы, чтобы быть приятными его слуху. Цензура осѣлала прессу. Во всѣхъ существенныхъ рѣшеніяхъ парламентъ располагаетъ не большей силой критики, чѣмъ боязливая и обезличенная пресса.

Въ переживаемый нами трудный часъ должны быть проявлены сдержанность и умалчиваніе, но не полное отрицаніе мысли въ вопросахъ, связанныхъ съ войной, способами ея веденія и ея цѣлями. Мы не замѣчаемъ, чтобы такой режимъ способствовалъ успѣху; и мы убѣждены, что мощь возвратится къ британскому оружію только тогда, когда британская нація возстановитъ свое право на истину и независимую критику.

* * *

Журналъ «The Nation» открылъ подписку на образование денежнаго фонда «для защиты гражданскихъ вольностей и свободъ». («Habeas Corpus Act Fund»).

* * *

Въ № 149 журнала «The New Statesman» Бернардъ Шоу помѣстилъ статью о «коалиции интеллигенціи». Большая часть статьи посвящена критикѣ Асквита и его парламентскихъ методовъ. «По моему, м-ръ Асквитъ самый удивительный государственный человѣкъ, который когда-либо жилъ. Каждая недѣля войны усиливаетъ мое восхищеніе передъ нимъ и подтверждаетъ мою догадку, что онъ — тотъ человѣкъ, который нуженъ Англии. М-ръ Асквитъ обходится съ англійской націей такъ, какъ добрая, хитрая и опытная нянюшка обходится съ маленькими дѣтьми. Онъ всегда знаетъ, что именно понравится дѣтямъ и успокоитъ ихъ; онъ нисколько не смущается тѣмъ, что черезъ полчаса они все позабудутъ. Когда у нихъ случается припадокъ непослушанія и они причиняютъ безпокойство, онъ дѣлаетъ плаксивое лицо и спрашиваетъ, какъ они могутъ такъ огорчать свою старую няню, — и вся ихъ шаловливость исчезаетъ, какъ по мановенію магическаго жезла».

Переходя далѣе къ критикѣ парламентской коалиціи, Шоу призываетъ къ коалиціи писательской братіи и вообще интеллигенціи. «Что общаго имѣютъ другъ съ другомъ всѣ эти талантливые люди? Я не знаю, да и врядъ ли кто-нибудь знаетъ. Но когда они высказываются, я нахожу, что я схожусь съ ними въ гораздо большемъ, чѣмъ когда-либо сходились другъ съ другомъ члены коалиціи. Почему же не образовать коалицію интеллигентовъ? Развѣ мы на самомъ дѣлѣ только умныя, дрессированныя для народной забавы животныя, что мы не можемъ совѣщаться другъ съ другомъ подобно глупымъ джентльменамъ? Я кладу перо и жду отвѣта».

* * *

Въ № 152 журнала «The New Statesman» сообщается любопытная статистика, рисующая влияние войны на возрастной составъ населенія.

«Въ 1915 г. въ войнѣ мы потеряли приблизительно 90 тыс. чел., — почти половину того числа, которое мы потеряли отъ туберкулеза. Но война отнимаетъ у насъ самое лучшее — и въ этомъ отношеніи пережитое бѣдствіе страшно для насъ и количествомъ, и качествомъ жертвъ. Компенсировались ли эти потери? Смерть можетъ компенсироваться только рожденіемъ, — а между тѣмъ въ текущемъ году у насъ была самая низкая когда-либо зарегистрированная норма рождаемости — 21,9 (на тысячу); прошлый годъ далъ намъ 23,6 (опять таки самая низкая норма изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ наблюдавшихся). Коли-

чество незаконныхъ рожденій тоже очень замѣтно упало. Норма смертности среди гражданскаго населенія значительно повысилась. Объясняется это не только влияніями войны, но и измѣняющимся возрастнымъ составомъ наци.

Согласно д-ру Сноу, писавшему почти годъ тому назадъ, тенденции мѣняющагося возрастнаго состава наци представляютъ для насъ весьма серьезную проблему. Д-ръ Сноу сравнивалъ увеличение группы лицъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 л. съ увеличеніемъ группы лицъ въ возрастѣ отъ 65 до 70 л. До начала этого столѣтія первая группа увеличивалась въ четыре раза скорѣе, чѣмъ вторая. Между же 1901 и 1911 г. первая группа увеличилась на 90.000 чел., а вторая на 157.000. Интересно и то, что повысилась дѣтская смертность (110 противъ 105 въ 1914 г.). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что климатическія условія были благоприятны, а денегъ на дѣтей тратилось или, по крайней мѣрѣ, отпускалось больше, чѣмъ когда либо («премии за материнство», казенная субсидія семьямъ солдатъ, филантропическая помощь).

По странной иронии одновременно со всѣмъ этимъ количество заключенныхъ браковъ очень сильно возрасло, — возрастаніе, которое съ точки зрѣнія будущаго приходится считать совершенно безплоднымъ. Иронія усугубляется еще и тѣмъ, что въ годъ, съ точки зрѣнія статистики смертности и рождаемости являющийся самымъ бѣдственнымъ изъ когда либо пережитыхъ, территорія имперіи увеличилась на много сотъ тысячъ квадратныхъ миль, ибо къ Англии перешли почти всѣ нѣмецкія колоніи. Такимъ образомъ отвѣтственность, лежащая на имперіи, колоссально возрасла, а «бѣлый человѣкъ», несущій ее на своихъ плечахъ, оказывается, очевидно, неспособнымъ поддержать живую базу, на коей сама имперія покоится».

* * *

Въ русскихъ газетахъ уже появились краткія сообщенія о выходѣ изъ французской социалистической партіи г-на Эрве, непримиримаго нѣкогда антимилитариста, а нынѣ великаго воинствующаго патриота своего отечества.

Въ своей газетѣ «Побѣда» (раньше она называлась «Соціальная война») Эрве помѣстилъ 22-го февраля н. ст. горячую статью «Побѣжденные души», въ которой онъ обстоятельно мотивируетъ свой шагъ. Авторъ не находитъ словъ, для того чтобы заклеить недостойное поведение французскихъ «пасифистовъ», которые, по его словамъ, затопили своими «плаксивыми» воззваніями не только лигу правъ чело-вѣка, но и социалистическую партію.

«Социалистическая партія», пишетъ Эрве, «страдаетъ отъ тряпичности своихъ вождей. На послѣднемъ національномъ конгрессѣ Центральный Комитетъ вмѣсто того, чтобы, опираясь на свой моральный престижъ, рѣшительно осудить и, въ случаѣ надобности, исключить изъ партіи тѣхъ членовъ, которые имѣли безстыдство заговорить о мирѣ, предпочелъ вступить на путь соглашательства съ ними и такимъ образомъ капитулировать передъ жаждающими капитуляціи. Поощренные этимъ, пустоголовые пасифисты съ новымъ усердіемъ принялись за свою пропаганду, въ надеждѣ, что Ц. К. будетъ идти отъ капитуляціи къ капитуляціи и согласится, наконецъ, на переговоры съ нѣмецкими социаль-демократами»...

«Въ одномъ изъ пасифистскихъ воззваній, лежащемъ сейчасъ передо мною», пишетъ далѣ Эрве, «указывается на безцѣльность продолженія войны въ виду невозможности разгромить Германію. Заимствовавъ свою мудрость у нѣмецкихъ социалистовъ направленія Либкнехта, пасифисты стараются вбить намъ въ голову, что, въ сущности, сейчасъ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, что, въ то время, какъ на континентѣ Европы успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ, мы являемся побѣдителями на морѣ и въ колоніяхъ, что, поэтому, мы можемъ, ничуть не роняя своего достоинства, начать переговоры съ неприятельскими державами».

Аргументація эта, конечно, глубоко возмущаетъ патриотическое чувство Эрве, и, какъ онъ самъ признается, «омерзѣніе охватываетъ его при одной мысли, что онъ принадлежитъ къ одной и той же партіи съ такими остолопами». Въ виду всего этого Эрве и счелъ необходимымъ послать въ Ц. К. партіи мотивированное заявленіе о выходѣ.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, Эрве занялъ въ настоящее время организаціей новой социалистической партіи, которая стремится замѣнить классовую борьбу социальнымъ сотрудничествомъ и ставить своей задачей осуществленіе Соединенныхъ Штатовъ Европы. Мы не имѣемъ еще данныхъ, позволяющихъ судить о томъ, на какихъ началахъ и въ какомъ составѣ проектируется учредить европейскіе штаты; но все заставляетъ думать, что нѣмцы и прочіе народы центрально-европейскихъ державъ ни при какихъ условіяхъ не будутъ включены въ эту высокую международную комбинацію въ качествѣ равноправныхъ ея членовъ.

* * *

Обозрѣватель «Revue de deux Mondes» рассказываетъ исторію интересной интерпелляціи, обсуждавшейся французской палатой депутатовъ въ февралѣ текущаго года. Героями ея явились виноторговцы юга Франціи, прославившіеся въ теченіе войны той мужественной энергіей, съ которой они отстаиваютъ свою патриотическую профессію отъ всякихъ посягательствъ на нее со стороны антиалкогольнаго движенія. На этотъ разъ сугубо обиженными оказались марсельскіе содержатели кафе. Въ пятнадцатомъ округѣ, къ которому принадлежитъ Марсель, военныя власти ограничили время торговли спиртными напитками, совершенно воспретивъ солдатамъ, даже находящимся въ отпуску, посѣщеніе кафе. Мѣропріятія эти возбудили тѣмъ большее недовольство среди марсельскихъ трактирщиковъ, что въ Лионѣ, находящемся въ четырнадцатомъ военномъ округѣ, такихъ ограниченій установлено не было.

Инцидентъ осложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что командующій 15-мъ о кругомъ ген. Сервьеръ, внявъ жалобамъ трактирщиковъ, смягчилъ противоположный режимъ, а генераль д'Амандъ, ревизовавшій округъ, снова возстановилъ и даже еще усилилъ ограниченія, — причѣмъ послѣ ревизіи д'Аманда Сервьеръ былъ отозванъ отъ своего поста. Это окончательно вывело изъ терпѣнія марсельскихъ трактирщиковъ. На цѣломъ рядѣ митинговъ они приняли нѣсколько пылкихъ резолюцій, постановили закрыть свои заведенія и провозгласили свой протестъ «перманентнымъ», — т. е. рѣшили не сдаваться до тѣхъ поръ, пока парламентъ не «возстановитъ справедливости, не освободитъ питейный про-

мысль отъ всякихъ ограниченій. Любопытна мотивировка петиціи, поданной марсельцами въ парламентъ.

«Торговцы виномъ... выражаютъ свое восхищеніе передъ войсками, которыя своей твердостью и своей неукротимой храбростью свидѣлствуетъ, что жизненные силы французской націи ничуть не подорваны, и неопровержимо доказываютъ, что мнимыя опустошенія алкоголизма никогда не составляли національной опасности. Такимъ образомъ, войска разоблачаютъ, какъ преступную и антипатріотическую, ту кампанію, которую организовали докторишки, трезвенники и прочіе поклонники пресловутой научности съ цѣлью обезславить извѣстные произведения нашей родной почвы и нашей промышленности, — въ особенности спиртные напитки. Они свидѣлствуютъ, что, предателями священнаго единенія націи (*union sacrée*), измѣнниками, достойными судебного преслѣдованія, должны быть признаны всѣ тѣ, которые поносятъ французскій народъ, называя его вырождающимся, несмотря на героизмъ, проявленный нашей арміей и нашимъ населеніемъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ этой войны, не находящей себѣ прецедентовъ въ исторіи».

Насколько вліятельны во Франціи эти патріотическія настроенія, видно изъ слѣдующихъ меланхолическихъ замѣчаній обозрѣвателя «*Revue de deux Mondes*» относительно судьбы противоалкогольнаго законопроекта, внесеннаго въ палату: «Мы не знаемъ, сколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ парламентская коммиссія приступила къ разсмотрѣнію этого проекта; мы не знаемъ, сколько недѣль пройдетъ еще, прежде чѣмъ онъ будетъ поставленъ на обсужденіе; но мы знаемъ, что проектъ, и безъ того уже слишкомъ слабый и нерѣшительный, выйдетъ изъ рукъ парламентской коммиссіи совершенно обезсиленнымъ, по меньшей мѣрѣ, въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ своихъ пунктовъ».

* * *

Въ той же февральской книжкѣ «*Revue de deux Mondes*» помѣщена любопытная статья L. Dumont-Wilden'a о «Французской и нѣмецкой Европѣ».

Авторъ констатируетъ крушеніе того общеевропейскаго духа, который до войны объединялъ интеллектуальные и социальные верхи различныхъ націй въ одну культурную семью. Каковы же будутъ результаты этого разрушенія всѣхъ «интернационаловъ»? «Не замкнутся ли всѣ народы Европы — большіе и малые — въ узкомъ и агрессивномъ націонализмѣ, закрывъ свои границы для иноземныхъ идей и отбросивъ, такимъ образомъ, всю европейскую цивилизацію на два слишкомъ вѣка назадъ?»

Dumont-Wilden'a не пугаетъ эта перспектива. Прежде всего, разрушенный войной духовный «космополитизмъ» вполне заслужилъ, по его мнѣнію, свою участь, такъ какъ онъ былъ лишь «маской германизма», скрытой формой германскаго засилія въ области духа. Нѣкогда умственная гегемонія въ Европѣ принадлежала Франціи: французская философія, французская литература, французская рѣчь господствовала среди просвѣщенныхъ слоевъ всѣхъ европейскихъ народовъ. И господство это вполне естественно вытекало изъ самаго существа французской куль-

туры, изъ присущаго ей универсализма. Но въ 19 вѣкѣ въ силу неблагопріятно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ эпогъ «естественный» престижъ Франціи былъ поколебленъ и — въ особенности послѣ войны 1870 года — уступилъ мѣсто «искусственно» навязанному Европѣ господству германской культуры.

Сущность германской культуры авторъ, само собою разумѣется, усматриваетъ въ грубомъ и ограниченномъ пруссачествѣ, подчиняющемъ всѣ духовныя цѣнности интересамъ бюрократическаго государства: «ихъ превосходительства, ученые германской имперіи, подчиняются прусскимъ приказамъ, какъ послѣдніе солдаты». Какимъ же образомъ столь нищенская идеологія могла, хотя бы временно, покорить себѣ Европу? Авторъ приписываетъ успѣхи германизма необычайно настойчивой и планомерной пропагандѣ. Самыя непримиримыя между собой течения нѣмецкой мысли и жизни преслѣдовали, по увѣренію Dumont-Wilden'a, за предѣлами своего отчества одну и ту же патристическую цѣль: расширить вліяніе Германии. Такъ, нѣмецкіе социалисты именно въ этихъ видахъ усиливались привить бельгійской рабочей партіи методы и приемы германской социальдемократіи. Изгнанные во время Kulturkampf'a клерикалы, одушевленные той же идеей, старались соблазнить вѣрующихъ бельгійцевъ образомъ феодальной и благочестивой Германии, противопоставляя ей безбожную и демогогическую Францію.

Бельгійскую либеральную буржуазію пропагандисты германизма также умѣли уловлять въ свои тенета: здѣсь на первый планъ выдвигалась консервативная и националистическая Франція съ ея мечтами о реваншѣ, съ ея колониальными авантюрами и нѣсколько странными для республики международными соглашениями. Въ результатѣ Бельгія, которая «всегда была и», по убѣжденію автора, «навсегда останется духовной провинцией Франціи», чуть-чуть не оказалась окончательно завоеванной германской культурой. Приходится, такимъ образомъ, не печалиться, а радоваться тому, что война положила конецъ космополитизму, который германцы такъ ловко использовали для своей злокозненной культурной пропаганды.

Какой же видъ приметъ европейская культура въ будущемъ, когда поражение Германии окончательно подорветъ ея могущество и ея престижъ? Авторъ даже не ставитъ вопроса о томъ, не можетъ ли единая европейская культура создаться безъ всякаго духовнаго преобладанія какой-либо отдѣльной націи. Онъ старается лишь установить, какая изъ великихъ европейскихъ державъ имѣетъ больше шансовъ на культурную гегемонію, и, конечно, приходитъ къ выводу, что такой страной можетъ быть только Франція. И Англія, и Россія, и Италія призваны играть крупную роль въ развитіи европейскаго духа.

«Всѣ эти цивилизаціи найдутъ себѣ мѣсто въ европейской культурѣ, но одна только французская цивилизація въ состояніи выдѣлится изъ нихъ то, что въ нихъ содержится всеобщаго». Франція «не утратила ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя нѣкогда доставляли ей универсальное господство надъ умами... Мы никогда уже больше не увидимъ Европы германской, но, если въ развитіи цивилизаціи есть хоть какая-нибудь логика, мы снова увидимъ Европу французскую»...

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ ВЪ ПОЛЬШѢ. Сборникъ статей съ предисловіемъ Н. Н. Полянскаго. Москва, 1915 г., стр. 258. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выясненію польско-еврейскихъ отношеній было удѣлено очень много вниманія и въ печати и въ жизни. Этому не приходится удивляться. Польско-еврейскія отношенія наканунѣ войны вылились въ открытую вражду, а за время войны они еще болѣе обострились. Необходимо было выяснитъ генезисъ этой вражды, вскрыть ея движущія силы. Прежде всего, приходится имѣть въ виду, что два народа съ особой культурой, съ особымъ пониманіемъ различныхъ задачъ жизни и съ различнымъ отношеніемъ къ нимъ живутъ на сравнительно небольшой территоріи, скрещиваясь и переплетаясь въ жизненныхъ отношеніяхъ. И эти двѣ различныя культуры, это переплетеніе двухъ народовъ въ цѣломъ рядѣ противоположныхъ интересовъ создаетъ знаменитую польско-еврейскую вражду.

Во взаимныя отношенія было принесено много элементовъ раздраженія. При объективномъ выясненіи всего происходившаго въ Польшѣ какъ разъ не должно быть этого раздраженія. Необходимо отрѣшиться отъ предвзятаго сочувствія той или другой сторонѣ, отъ предвзятыхъ мнѣній и взглядовъ, и только тогда возможно объективное изслѣдованіе вопроса. Правильную оцѣнку отношеніи можетъ гарантировать лишь дѣйствительно демократическая и вполне искренняя постановка вопроса и демократическая точка зрѣнія.

На такой путь объективнаго изслѣдованія вопроса встали авторы сборника. Общимъ звеномъ въ немъ являются интересы демократіи, съ точки зрѣнія которыхъ разсматривается весь этотъ сложный вопросъ.

Авторы сборника не замалчиваютъ той кровавой вражды, которая создала китайскую стѣну между двумя народами, живущими на территоріи Польши многія столѣтія. Они не опасаются раздражить ту или другую сторону своимъ вмѣшательствомъ. Они хотятъ лишь выяснитъ вопросъ объективно и заявить: «мы не съ тѣми, кто равнодушенъ къ новымъ тяжкимъ испытаніямъ евреевъ (выселенчеству), мы не вѣримъ новому, направленному противъ нихъ навѣту (обвиненію въ измѣнѣ)». Эту мысль проводитъ редакция въ передовой статьѣ, и она является руководящей мыслью всего сборника.

Въ сборникѣ данъ обзоръ исторіи еврейства въ Польшѣ до ея паденія и послѣ него. Авторы въ сжатой формѣ прослѣдили жизнь двухъ народовъ, удѣливъ особенное вниманіе послѣднему столѣтію. Въ статьѣ Стоклицкой-Терешковичъ обрисована безотрадная жизнь польской демократіи и въ частности особенно тяжелое существованіе еврейства во время расцвѣта «шляхетской вольницы». До ужаса знакомая и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ мало знакомая картина средневѣковаго гетто, убивающаго индивидуальное существованіе человѣка и его благородные порывы. Загнанные въ отдѣльныя участки городовъ, затравленные и невѣжественные — евреи въ это время были наиболѣе безправнымъ элементомъ Европы и Польши.

Правда, на фонѣ шляхетской разнузданности уже и тогда раздавались голоса поборниковъ идеи ассимиляціи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Въ XVIII столѣтіи мысль о полноправіи еврейства чужда была передовымъ демократіямъ Западной Европы, тѣмъ болѣе, она должна

была быть чуждой аристократической Польшѣ. Во всякомъ случаѣ благородные голоса Чацкого, Бутримовича, ратующе за присоединение еврейскихъ массъ къ политической жизни страны, были огромнымъ шагомъ впередь.

Затѣмъ, въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ XIX Польша переживаетъ событія, предопредѣлившія ея судьбу на цѣлое столѣтіе. Благодаря цѣлому ряду причинъ и событій она утрачиваетъ свое самостоятельное бытіе и попадаетъ подъ власть могущественныхъ сосѣдей.

Борьбѣ ея за свою политическую независимость посвящена вторая статья сборника «Евреи въ польскихъ возстаніяхъ» — С. Мстиславской. Противъ упрека въ недостаточной любви евреевъ къ отечеству въ прошломъ приводится картина ихъ отношеній къ борьбѣ Польши за существованіе. И одного этого достаточно, чтобы разсѣять сгустившійся вокругъ этого вопроса мракъ.

Первымъ проявленіемъ стремленія къ свободѣ Польши было возстаніе Костюшки, положившее начало цѣлому ряду порывовъ въ этомъ направленіи.

Безусловный демократъ, выросшій и воспитанный въ духѣ французско-американской свободы, Костюшко былъ сторонникомъ равноправія евреевъ и на его знамени былъ начертанъ и этотъ лозунгъ. Въ умахъ еврейской массы, казалось бы косной и пассивной, произошелъ переворотъ, и евреи встали на защиту страны.

Прошли года. За первымъ возстаніемъ послѣдовало второе, въ 1830 году, и третье — въ 1863 г. Чѣмъ шире были социальныя и политическія перспективы возстаній, тѣмъ болѣе живое участіе принимали въ нихъ евреи. Удары, обрушившіеся на поляковъ послѣ этихъ эпопей, обрушивались съ равной силой и на евреевъ.

Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третьимъ годомъ закончился періодъ польскихъ возстаній. Жизнь доказала невозможность добиться на этомъ пути какихъ-либо измѣненій. Начинается экономическое развитие страны и значительный ростъ капитализма.

Национально-экономическимъ отношеніямъ страны посвящена статья Букшпана. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ односторонне разсматриваетъ этотъ вопросъ. Основнымъ тезисомъ его статьи является утвержденіе о существованіи на территории Польши двухъ самостоятельныхъ экономическихъ организмовъ. Это не вѣрно и противъ этого положенія возражаетъ редакция. Изъ существованія двухъ экономическихъ организмовъ, соответственнымъ образомъ освѣтивъ ихъ, можно вывести заключеніе о политической разногласицѣ въ интересахъ евреевъ и поляковъ, что весьма охотно продѣлывали экономисты обоихъ лагерей.

Въ сложной жизни страны не можетъ быть двухъ отдѣльныхъ экономическихъ жизней: она едина. Нельзя выдѣлить ни польской, ни еврейской промышленности — она едина, какъ едина промышленность Швейцаріи или Бельгіи, несмотря на ихъ различный національный составъ.

Статья Шейниса посвящена вопросу городского самоуправления. Самоуправленіе Польши создавалось, какъ дѣтище конкубината русской и польской реакціи. Естественно, что оно несло на себѣ печать недемократичности и даже антидемократичности. Куріальная система и безправіе языка меньшинства — были завершеніемъ этого зданія.

Статьи Гейликмана и Емельянова носят скорѣе теоретическіи характеръ. Обѣ онѣ посвящены вопросу автономии территориальной и культурно-национальной. Въ извѣстномъ смыслѣ онѣ являются построениемъ или схемой построения будущей жизни демократической Польши, а не картиной ея современной жизни. Обѣ онѣ стараются дать разрѣшеніе вопроса національнаго меньшинства, а не специально еврейскаго меньшинства, исходя изъ принциповъ демократизации страны. Единственнымъ выходомъ изъ тупика въ области польско-еврейскихъ отношеній является, по ихъ мнѣнію, самоуправленіе Польши съ полнымъ равноправіемъ національныхъ меньшинствъ. Только при этомъ услови она можетъ развиваться.

Слѣдующія статьи относятся къ наиболѣе тяжелымъ страницамъ польско-еврейскихъ отношеній—къ бойкоту и военнымъ выступленіямъ той и другой стороны. Пресловутый патриотизмъ національ-демократіи и ихъ бойкотъ евреевъ — А. Золотаревъ, авторъ статьи «Еврейскій вопросъ въ новѣйшей «польской постановкѣ», — низводитъ къ тому, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ: къ «патріотизму кармана». Идеологи национализма, Дмовскій и К-о, провозгласили лозунгъ эгоизма и подавленія еврейской національности. Они исходятъ изъ факта существованія поляковъ и Польши: «мы — поляки и мы хотимъ, прежде всего, Польши, хотимъ даже въ томъ случаѣ, если бы могли имѣть ее только съ ущербомъ для свободы народовъ и для прогресса, для цивилизации и общественной справедливости». Эта фраза можетъ служить ключемъ къ пониманію всѣхъ отношеній, созданныхъ національ-демократами, къ которымъ постепенно примкнули и прогрессисты, въ лицѣ Нѣмоевскаго, Свентоховскаго и др. Этотъ «священный» національный эгоизмъ породилъ тотъ «хаосъ» въ литературныхъ, общественныхъ и человѣческихъ отношеніяхъ, какимъ характеризуется все то, что пережила за этотъ періодъ Польша. «Хаосъ» — вотъ чѣмъ опредѣляется, по мнѣнію авторовъ сборника, то, что дѣлалось въ Польшѣ со времени провозглашенія пресловутаго бойкота и кончая войной — выселенчествомъ и готтентотской моралью бульварной прессы.

Дешевая **реклама**, популярность сегодняшняго дня, поруганіе чело-вѣческаго достоинства, свистопляска подлости и ненависти — вотъ чѣмъ можно характеризовать послѣдніе годы. Здѣсь уже не было любви къ родинѣ, любви къ народу, любви къ братьямъ — былъ лишь разгулъ ненависти. Была-ли здѣсь положительная программа? Врядъ-ли. Все, — и прошлое, и настоящее, и будущее — все покрывалось фигурой еврея и еврейскаго засилья. Началась чистка искусства — литературы, музыки, живописи — отъ еврейства. Борьба на экономической почвѣ перенесена была во всѣ закоулки жизни... Этой сторонѣ отношеній посвящены статьи Аванти и Ракитина.

Въ самое тяжелое и безотрадное время, когда подъ трескъ выстрѣловъ сражающихся армій ненависть приняла крайніе размѣры, такъ сказать, достигла своего апогея, — русское прогрессивное общество вмѣшалось въ польско-еврейскія отношенія. На вопросъ о моральномъ правѣ вмѣшательства даютъ отвѣтъ статьи Выдрина и Малантовича. И обѣ онѣ говорятъ — «да». Русское общество имѣло не только право, но и обязанность вмѣшаться въ конфликтъ. Польско-еврейскія отношенія не

укладываются въ тѣсныя рамки чисто мѣстнаго конфликта въ предѣлахъ только Польши, какъ это старались представить антисемиты всѣхъ толковъ. Струя антисемитизма, идущая изъ Польши, угрожаетъ серьезной опасностью и интеллектуальной жизни Россіи въ городахъ и деревнѣ.

Сборникъ даетъ богатый и интересный материалъ въ области запутанныхъ польско-еврейскихъ отношеній. Въ немъ нѣтъ какой-либо предвзятой точки зрѣнія, и потому особенно цѣнны и интересны тѣ выводы, къ которымъ приходятъ его авторы. Въ немъ данъ не только обширный фактической материалъ, но и сдѣланы извѣстные теоретическіе и практические выводы въ смыслѣ ознакомленія широкой публики съ национальной проблемой.

Сборникъ представляетъ, такимъ образомъ, интересъ и съ практической и теоретической стороны.

Р. Арскій.

* * *

К. Д. Бальмонтъ. Ясень. Видѣніе древа. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва. 1916 г. Стр. 268. Ц. 2 р.

Австралискіе лебеди, башни Бенареса, индусская фроща смолистыхъ дедаровъ, византийская царица, ассирийскія дружины, зиккураты Вавилона, гонги въ странѣ богдыхана, скийская лѣтопись, обрызганныя пѣной морей саги Сигурда и Эйрика, Перунъ и Сварогъ, Макоце—дочь Грузии, юдеянка Тамаръ, пифійскія игры, загадочные Тешкатлинока и Кветцалькоатль изъ страны кактусовъ, бездонный Парижъ и, наконецъ, сирень роднаго сада, желтыя лютики, бабочки и пчелы, летающія съ цвѣтка на цвѣтокъ, жуки и гусеницы, поле клевера и крики журавлей, снѣжная равнина родимаго сѣвера — лики всѣхъ временъ, и всѣхъ народовъ. Безконечное разнообразіе картинъ, миговъ, впечатлѣній — и надо всѣмъ одно: безмѣрная радость бытія, вѣра во вселюбивое Солнце и всемудраго Бога.

Вся книга Бальмонта—сплошной гимнъ жизни, плодотворящему небу и животворческой землѣ. Первоизданное утро Земли и хмель сегодняшняго Парижа, Эллія и Мавръ, мастодонтовы клыки и «рѣснички» хищныхъ инфузорій — все говорить о неисчерпаемости міровыхъ возможностей, о безконечности вселенскихъ

богатствъ. Едва встаетъ вѣчно повторяющаяся и всегда новая весна, и

«Опять оповѣщаетъ веретенце
Безчисленно журчащихъ ручейковъ,
Что весело рождаться изъ снѣговъ
По прихоти колдующаго Солнца».

снова замершая было жизнь воскресаетъ и бьетъ свѣтлымъ ключемъ, не знающимъ истощенія.

«И какъ будто въ самомъ дѣлѣ
Въ мирѣ любятъ въ первый разъ» —

Каждый разъ по новому загорается любовной радостью сердце, родитъ новыя чувства, куетъ новыя миги, еще не бывшіе и неповторимые. Миръ — цвѣтокъ вѣчно распускающийся, но не преходящій грани полнаго расцвѣта, грани, за которой начинается увяданіе. Миръ — вѣчное цвѣтеніе —

«Цвѣты — въ снѣгахъ, цвѣты
растутъ изъ тины,
Цвѣты цвѣтутъ, — когда идетъ
Весна.
И въ Осени — намъ власть цвѣсти
дана,
И сказочный расцвѣтъ кристалла —
льдины».

И человѣкъ — счастливый садовникъ неумирающаго сада — не напрасно восклицаетъ —

«Клянусь опять найти дорогу къ
Раю».

потому что онъ уже нашель ее, провидя рай на землѣ.

Бальмонтъ, много лѣтъ тому назадъ сказавшій:

«Я не устану быть живымъ», оправдалъ свои слова.

Онъ, дѣйствительно, не уставалъ и не устаеъ быть живымъ; онъ вѣчно движется, вѣчно стремится, вѣчно идетъ куда-то, никогда не останавливается на одномъ мѣстѣ, не застываетъ на одной мысли. И «Ясень» является во многихъ отношеніяхъ итогомъ долгаго пути, начало котораго открылось въ сборникѣ «Только любовь». Въ послѣднемъ уже прозрѣвалось и намѣчалось въ не вполне ясныхъ и порой неувѣренныхъ словахъ то, что теперь стало несомнѣннымъ и безусловнымъ. Тамъ былъ поставленъ вопросъ, потомъ былъ пройденъ долгій путь исканій и сомнѣній по океанамъ пространствъ и океанамъ мысли, были спрошены мудрецы и поэты всѣхъ временъ, были испытаны вѣрованія и чаянія всѣхъ племенъ, и теперь всталъ отвѣтъ —

«Нѣтъ мѣста тревогѣ. Нѣтъ мѣста унынію».

Все — любовь. Все — благо. Правда, когда божеская рука лѣпила изъ красной глины Адама, «въ этомъ колдовалъ еще Другой», правда, рядомъ съ Богомъ стоялъ — и стоитъ до сихъ поръ — Дьяволъ, рядомъ съ свѣтомъ — тьма, но именно это и придаетъ миру цѣнность, прелесть разнообразія, очарованіе многокрасочности, дѣлаеъ возможной радость борьбы и побѣды.

Внѣшнее многообразіе книги не уступаетъ внутреннему. Двухстопныя строки смѣняются десятистопными, рядомъ съ бѣлыми стихами — хитросплетенія рѣемъ, послѣ самыхъ причудливыхъ строфическихъ построений — чеканный сонетъ и изумительный монолитъ — вѣнокъ сонетовъ («Адамъ»), въ противовѣсъ извилистымъ и порой нѣсколько риторичнымъ периодамъ, такой лаконизмъ:

«Паскаль. Бальзакъ. Бодлэръ. Вилье. Верлэнъ.

Колодець. Буря. Пропасть. Перстень. Пляска. Скальпель. Циклонъ. Кальянъ. Прозрѣнье. Сказка».

Остается сказать, что въ книгѣ есть немало порой мелкихъ, порой и довольно значительныхъ промаховъ. Тутъ и неудачныя словообразованія: многогосозвенность (отъ «звено»), объемный (вмѣсто «объемистый»), и неправильныя словосочетанія: «глыба до глыбы ползеть» (полонизмъ) и слабыя рѣимы: «острыхъ — полуостровъ» (стр. 53), и немзыкальные ритмы: стихотвореніе «Молчанье» (стр. 7) и рѣжущее ухо прозаизмы: «путемъ соответствій» (стр. 38), «имѣемъ сокровище слуха» (стр. 83) и т. д. Все это, разумѣется, мелочи, наврядъ-ли могущія сколько-нибудь умалить достоинства книги, однако ихъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо не хотѣлось бы видѣть именно на этихъ страницахъ.

Д. Выгодский.

М. Струве. Стая. Стихи «Гиперборей». Петроградъ, 1916 г. стр. 42. Ц. 90 к.

Нерѣдко въ случайно оброненномъ поэтомъ стихѣ мы находимъ разгадку и опредѣленіе всего его творчества. М. Струве говоритъ о себѣ:

«Я иду впередъ безъ утомленія,
Какъ слѣпой, не раскрывая глазъ»
(стр. 29).

Лучшую характеристику наврядъ-ли можно дать ему. Онъ, дѣйствительно, идетъ впередъ, но какой толкъ въ этомъ, если идетъ онъ, ничего не видя и не желая видѣть передъ собой. Онъ не слѣпой, онъ какъ слѣпой; онъ могъ бы раскрыть глаза, онъ даже знаетъ, что это нужно, но у него не хватаетъ для этого воли.

Это отсутствіе воли, странная инертность, «покорность нѣжная раба» характерна не для одного только М. Струве, но и для большинства поэтовъ, выступающихъ подъ флагомъ «акмеизма». И если лучшіе изъ нихъ побѣждаютъ эту инертность настоящимъ поэтическимъ огнемъ, то остальные гибнутъ подъ ея тяжестью.

Вотъ что стало, напимѣрь, съ М. Струве. Когда наступаетъ красивое утро —

«И въ сердце мысль одна лишь просится —
Да будетъ это утро вѣчностью»
(стр. 11).

Когда на смѣну утру приходитъ ясный день, снова такое-же желаніе —
«Пусть вѣковѣчно зеленѣть,
Блестить и пышетъ знойный день.
(стр. 12).

Никогда нѣтъ желанія не только самому дѣйствовать, жить, но даже чтобъ что-либо дѣлалось, двигалось, жило, трепетало. Хочется застыть навѣки въ одномъ мгновеньи, все равно, каково оно, лишь бы оно было одно, лишь бы не было смѣны ихъ, движенія. Хочется погрузиться въ него и «не просыпаться больше никогда».

Въ книгѣ М. Струве нѣтъ ничего безвкуснаго, ничего некрасиваго, ничего, вызывающаго усмѣшку или протестъ. Наоборотъ — все гладко, все правильно, все корректно, все приемлемо. Форма, на которую, кстади сказать, обращено очень большое внимание, едва ли не безукоризненна. Есть въ книгѣ безспорно красивые образы, хорошия строфы и цѣлыя стихотворенія, но все это какое-то холодное, мертвенное, неподвижное, это не живыя розы.

«Но тотъ же все рисунокъ розъ
На черно-золотомъ фарфорѣ».

Все это не трогаетъ, не волнуетъ, не запоминается. Во всемъ этомъ нѣтъ самаго необходимаго для поэзии — жизни. И потому невольно возникаетъ вопросъ—нужно ли это?

Д. В.

«Слово». Сборникъ VI.

Схематизация и теоретизация наложили довольно сильный отпечатокъ почти на всѣ произведенія, вошедшія въ VI сборникъ «Слово». Но на художественной цѣнности произведений обстоятельство это отразилось далеко не одинаковымъ образомъ. Такъ, идея, заложенная въ основаніе

разказа Вересаева—«Дѣдушка», идея о смерти, какъ моментъ вѣчнаго щемъ, освящающаго радость и блаженство жизни, и о грѣхѣ продления физической жизни послѣ наступленія духовной смерти—не нашла, къ сожалѣнію, въ разказѣ равноцѣнной художественной иллюстраціи и конкретизаціи.

Какъ и всегда, мыслитель оказался въ Вересаевѣ сильнѣе художника, наличность котораго выявляютъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мѣста разказа, особенно тѣ, гдѣ писатель отъ центра — человека, переходитъ къ описанію фона — природы. Невольно вспоминаются при чтеніи вересаевскаго разказа «Розтани» Шмелева. «Розтани» проникнуты жизнеощущеніемъ и настроеніями приблизительно аналогичными идеѣ разказа «Дѣдушка». Но разница между двумя этими одноидейными произведеніями, служащая критеріемъ для сравнительной оцѣнки ихъ художественности въ томъ, — что Вересаевъ доказываетъ, а Шмелевъ рассказываетъ.

Методъ разказа — доказательства, чужды, вообще говоря, творчеству Шмелева. Не составляетъ исключенія въ этомъ смыслѣ и послѣдній его разказъ — «Ликъ скрытый», помѣщенный въ шестомъ сборникѣ «Слово», хотя онъ и является всѣмъ внѣшнимъ признакомъ разказа тенденціознаго. Но дѣло въ томъ, что, — быть можетъ, помимо воли автора, — не это главное въ разказѣ Шмелева. При чтеніи разказа вниманіе останавливается не столько на философіи его, которая выливается, впрочемъ, въ весьма стройную и оригинальную систему, сколь на выявленіи духовнаго быта войны.

Темы этой не касалась до сихъ поръ наша беллетристика, считавшая почему-то, что въ «военномъ» разказѣ необходимо говорить объ окопахъ и шрапнеляхъ, храбрости русскихъ и трусости нѣмцевъ и т. д. Шмелевъ же показалъ въ своемъ разказѣ, что духовный бытъ войны, столь

новый для нас, но успѣвший уже стать опредѣленнымъ и устойчивымъ, можетъ быть представленъ отчетливо и волнующе-ярко безъ помощи специфическихъ «военныхъ» эпизодовъ, пошлыхъ и лживыхъ. Четкими, увѣренными, но не назойливыми, не грубыми штрихами рисуетъ Шмелевъ картину «встревоженныхъ сердецъ», силой художественной передачи обращаетъ отдѣльные, кажущиеся неважными и случайными, факты въ нѣкіе краснорѣчивые символы; быстротой и напряженностью темпа рассказа съ первыхъ же страницъ заражаетъ читателя волненіемъ, все время усиливающимся.

Рассказъ Шмелева производитъ впечатлѣніе недоконченнаго, словно оборваннаго на полусловѣ, но когда перечитываешь рассказъ, создается твердая увѣренность, что именно такъ и должно быть, ибо суть шмелевскаго рассказа не динамическое разрѣшеніе какой-либо программы, а художественное выполнение статическаго по существу своему заданія—жизни въ войнѣ. Шмелевъ приходитъ къ выводу, что главная и истинная мудрость такой жизни заключается въ «спокойствіи безразличія», въ томъ, что «воли никакой не нужно», что нужно «отдаться и течь, а тамъ все какъ-то взвѣсится и распределится». Нельзя не признать, что при всемъ кажущемся квіетизмѣ этого вывода онъ является жизненной и необходимой реакціей противъ господствовавшего въ первые дни войны психологическаго упоенія и опьяненія ею. И то, что Шмелевъ приводитъ къ этому выводу обыкновеннаго, средняго армейскаго офицера—весьма показательно и многозначительно...

Съ глубокой и важной серьезностью рассказа Шмелева гармонируетъ въ нѣкоторой степени третья вещь сборника — пьеса Л. Андреева «Младость». Въ творчествѣ Андреева два пути: одинъ — путь яркихъ, красочныхъ, но мелодраматическихъ по существу своему про-

блемъ, красивыхъ, бурныхъ словъ, смѣлыхъ вплоть до безжизненной абстракции образовъ и символовъ; другой путь, болѣе совпадающій съ общими традиционными стремленіями русской литературы, это путь любовнаго, полугрустнаго, полуироническаго всматриванія въ жизнь, путь лирически примиреннаго пріятія дѣйствительности.

Въ послѣднее время Андреевъ почти совершенно сошелъ съ этого своего второго пути, которому мы обязаны такими шедеврами, какъ «Жили-Были» и т. д. Тамъ съ большимъ интересомъ прочтется «Младость», цѣликомъ соответствующая этому второму лицу Андреева. Въ пьесу вложено много мягкой любви, задумчивой серьезности, и въ силу этого съ меньшимъ вниманіемъ относишься къ ея недостаткамъ, изъ коихъ главнѣйшій заключается въ схематичности идеи, не нашедшей художественнаго выявленія, въ неяркой, малоинтересной обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ. Идея пьесы — утверждение, радостное пріятіе жизни, исходящее отъ «младости», соприкоснувшейся со смертью. Идея эта неожиданная для Андреева послѣдняго періода; будемъ надѣяться, что она не оставитъ писателя и впредь, и найдеть въ дальнѣйшемъ болѣе художественныя формы выявленія, нежели во «Младости».

Рассказъ Ал. Н. Толстого «Искры» не вноситъ новыхъ элементовъ въ установившееся уже творчество этого писателя. Все тѣ же яркія, отдѣльныя детали, все тотъ же кинематографическій быстрый темпъ рассказа, все та же небрежность, кокетливая легкость письма.

А. Толстой умѣетъ талантливо подать каждую тему: что можетъ быть, на примѣръ, банальнѣе темы о томъ, какъ оскорбленный мужъ убиваетъ свою жену и ея возлюбленнаго, пытавшагося увести ее. Однако, рассказъ этотъ не скученъ, хотя и не волнуетъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ «военныхъ восторговъ» А. Толстого, этотъ его рассказъ читаешь съ удовольствіемъ. Тутъ легкомыслие авто-

ра, столь сверкающее и искрящееся. не шокируетъ.

Немного больше легкомыслия можно было бы пожелать И. Сургучеву, автору повѣсти «Мельница», начавшейся печатаньемъ въ пятомъ сборникѣ «Слово». Начало повѣсти подавало надежды, но еще въ большей степени возбуждало опасенія. Первые остались безрезультатными, вторыя оправдались.

Повѣсть Сургучева въ ея цѣломъ выдѣляется своей надуманностью, своей тяжелой, нарочитой красотой простоты, даже среди прочихъ вещей Сургучева («Осеннія скрипки», «Пѣсни любви»), страдающихъ этими же недостатками. Подчеркнутое глабокомыслие, неуклюжая символизация, совмѣщающаяся со скомканностью и блѣдностью психологическаго рисунка, столь характерны для второй части «Мельницы», что невольно проходишь мимо отдѣльныхъ удачныхъ мѣстъ ея.

Мих. Левидовъ.

«Зеленая лампа». Литературный сборникъ. Книга первая. Изд. М. И. Семенова, Петроградъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

Для вящей убѣдительности обложка сборника отпечатана зеленой краской, а въ центрѣ ея утверждена керосиновая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Съ внѣшней стороны, такимъ образомъ, все обстоитъ благополучно: сборникъ имѣетъ лицо. Гораздо хуже обстоитъ дѣло со стороны внутренней.

Если исключить съ поля зрѣнія библиографію «Зеленой лампы», совершенно ничтожную по качеству и, вдобавокъ, не новую, а также анкетный бланкъ, приложенный къ книгѣ, то содержаніе сборника представится въ слѣдующемъ видѣ: на первомъ мѣстѣ статья о балетныхъ постановкахъ М. М. Фокина, принадлежащая перу Н. Шебуева; выдержана статья въ тонахъ неумѣренного панегирика и написана съ неунывающей развязностью человѣка, который можетъ, безъ достаточныхъ оснований, писать о

чемъ угодно и сколько угодно; касаться ея мы не будемъ, принося читателю извиненія за малую нашу компетентность въ тонкихъ вопросахъ танца. Но зато мы оставимъ вниманіе на большемъ произведеніи г. А. Рославлева, — занявшемъ подавляющую часть книги. Произведеніе это носитъ имя: «Записки полицейскаго пристава».

Полицейскій приставъ, желая спасти свою дочь — революционерку, доноситъ на нее; презрѣніе жены, презрѣніе дочери заставляютъ его по иному посмотреть на свой поступокъ и на все свое прошлое; не выдержавъ этого пересмотра, полицейскій приставъ рѣшаетъ умереть, написавъ предварительно исповѣдь — единственно для того, чтобы реабилитировать себя въ глазахъ дочери. Исповѣдь эту подъ именемъ «Записокъ», и опубликовалъ г. Рославлевъ. Разсказъ ведется, слѣдовательно, отъ имени дѣйствующаго лица и если бы записки не были, всетаки, сочинены г. Рославлевымъ, мы, пожалуй, простили бы неряшливость, съ которой онѣ сдѣланы, непропорциональность частей, массу лишняго матеріала, поверхностность характеристикъ, блѣдную водянистость языка и многое другое, — чего мы не можемъ простить просто потому, что передъ нами не «человѣческій документъ», а литературное произведеніе, которою должно же обладать хотя бы минимумомъ литературныхъ достоинствъ.

Читаемъ мы въ «Запискахъ» про дѣтство героя, про его юность, зрѣлые годы и, наконецъ, про драму, сведшую его въ могилу. Слышимъ разныя слова про многое множество людей, случайно на страницы «Записокъ» попавшихъ и столь же случайно съ нихъ ушедшихъ — но связанной, цѣлостной картины изъ всѣхъ этихъ словъ не получается. Авторъ старательно излагаетъ событіе за событіемъ, но излагать событія — не значитъ возсоздавать ихъ, — а въ искусствѣ разговоръ можетъ идти только о такомъ возсозданіи. Въмѣсто художественнаго, т. е. бездоказательно-убѣдительнаго, синтетически-цѣлаго произведенія, въ

которомъ всѣ части неразрывно слиты во-едино — мы имѣемъ простую номенклатуру событий, хронологию вмѣсто психологии, которой «Записки полицейскаго пристава», несмотря на ихъ претензии лишены безповоротности. Съ первыхъ же строчекъ повѣсти становится яснымъ, что мы имѣемъ дѣло съ не очень удачной поддѣлкой.

Подобно анекдотическому кулинару, г. Рославлевъ храбро берется изготовить рагу изъ зайца, не имѣя зайца. Ему незнакомо быть и психология революционеровъ — и потому онъ террористовъ водить въ гости къ дочери полицейскаго пристава, заставляя ихъ, открывая карты, вступать въ какой-то мудреный споръ съ ея папашей; ему, очевидно, мало знакомо и полицейскій бытъ, — ибо онъ отдѣлывается здѣсь самыми общими фразами; онъ, наконецъ, плохо знаетъ эпоху, которую описываетъ, и потому у него появляются уголовники-экспроприаторы еще до того, какъ поднялась волна экспроприаций и т. д. Что-же осталось, при такихъ ресурсахъ, отъ интереснаго задания автора? Ровнымъ счетомъ — ничего.

Нѣсколько словъ объ анкетѣ. Издательство М. И. Семенова захотѣло облагодѣтельствовать «нашу литературу, всю нашу страну». Поэтому оно обратилось къ читателямъ съ рядомъ вопросовъ о критикѣ. Открывается анкета заявленіемъ, которое можетъ скомпрометтировать почтенную редакцію «зеленаго» сборника.

«Н. К. Михайловскій былъ выдающійся критикъ, — читаемъ мы на первой страницѣ, — а вспомните, какъ онъ встрѣтилъ Чехова! И если бы у насъ во всѣхъ толстыхъ журналахъ и газетахъ сидѣло по Михайловскому, мы, возможно, не имѣли бы Чехова!»..

Что авторъ этихъ строкъ считаетъ Н. Михайловскаго выдающимся критикомъ, — это хорошо. Плохо лишь то, что онъ не удосужился прочесть этого, столь высоко чтиваго имъ, критика. Ибо не могъ-же человекъ, знакомый съ тѣмъ, что писалъ о Чеховѣ Михайловскій, высказать столь чудовищное утвер-

жденіе, отъ которой до истины, какъ до звѣзды небесной, далеко.

Вяч. Полонскій.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. Т. VIII. Земныя сокровища. (Двѣ жизни). Романъ-хроника. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Новый романъ Алексѣя Толстого носить заглавія: «Земныя сокровища» и «Двѣ жизни».

То, что авторъ не могъ сосредоточиться, остановиться на одномъ заглавіи, характерно для автора вообще, а для этого романа въ частности. Въ этомъ произведеніи, какъ почти и во всѣхъ своихъ работахъ, Алексѣй Толстой хаотиченъ, точно онъ не можетъ совладать съ тѣми идеями, образами и лицами, которые рисуются въ его фантазии, рука не успѣваетъ записывать слова, зарисовывать образы и портреты. И всегда получается впечатлѣніе нецѣлостности, — какъ бы реставрированной скульптуры, въ которой соединены раздробленныя и разбитыя части.

Какое же заглавіе истинное и болѣе согласуется съ содержаниемъ?

Канва романа — исканіе «Земныхъ сокровищъ», борьба, стремленія, мечты, столкновения различныхъ людей, ищущихъ каждый свое «сокровище».

Центръ романа «Двѣ жизни»: старая генеральша и начинающая жить Соня. Ихъ сокровища различны: генеральша ищетъ свое сокровище въ землѣ, и, не найдя, умираетъ страшной смертью, въ «безпокойствѣ»; въ противоположность генеральшѣ сокровища Сони въ ней самой, въ ея душѣ, и теряя все, она обогащается, разбиваясь — растетъ. Словами ея отца авторъ говоритъ о своей правдѣ: «Не бойся расточать свои земныя сокровища, все равно — времени имъ нѣтъ, а цѣна — горсть земли... — падай и падай вновь, пока духъ твой не станетъ нищимъ»... — «Еще не согрѣшивъ, ты не была человекомъ, дитя, какъ извѣстно, какъ птица — ты недостойна была войти

въ человѣческія врата. Не обольщай себя гордыней: будто нѣтъ въ тебѣ грѣха и не будетъ. Безъ грѣха одинъ Господь. А тебѣ отпущень мѣрой грѣхъ, испосни его и воспылай тоской по чистотѣ. Только въ такомъ огнѣ калится душа.

Отецъ Сони—это наименѣе живая фигура въ романѣ. Его словами умиротворяется весь хаосъ и пестрая несладность лицъ и событий романа. Свое слово авторъ говоритъ не дѣйствіями героевъ, не ихъ жизнью, а риторикой старика отца.

Форма романа, или вѣрнѣе его безформенность,—больше всего подходитъ къ хроникѣ. Сочными красками написаны отдѣльныя фигуры генерала и генеральши, монахинь, Николая Николаевича, мужиковъ, покупающихъ рожь, прекрасно и живо написаны эпизоды продажи ржи, эпизодъ замужества Сони, смерть и похороны генерала, — но все это эпизоды, разрозненные, анекдотичные. И даже жизнь генерала и генеральши, которая завершается въ романѣ смертью, эпизодична.

Радостно читать страницы описанія полевыхъ работъ, монастыря, природы, но весь романъ, въ цѣломъ, волнуя, утомляетъ. Изъ путаницы переплетающихся голосовъ не создается единой многоголосной сложной души, но сумбурное пестрое мельканье. Хорошія слова о правдѣ такъ и остаются словами, мыслями, не претворенными въ жизни героевъ. Они не замыкаютъ послѣднимъ аккордомъ, не создаютъ гармонію изъ дисгармоніи, не успокаиваютъ, но звучатъ отдѣльно сами по себѣ. И, закрывая послѣднюю страницу, ждешь еще чего-то отъ автора, и хочется вѣрить, что IX-й томъ будетъ болѣе согласованнымъ, преодоленнымъ и завершеннымъ.

Е. И.

Юр. Юркунъ. Издательство «Лукоморье». Цѣна 1 руб. 50 коп. «Разсказы, написанные на Кировской ул., въ домѣ подъ № 48». Обложка работы худ. А. Божерянова.

Обложка прекрасная. Если пассажиръ выльзетъ изъ вагона и, пройдя мимо самовара и бутербродовъ, дойдетъ до желѣзнодорожной витрины открытокъ, газетъ, книгъ и журналовъ, то онъ, несомнѣнно, ткнетъ пальцемъ работу худ. А. Божерянова и скажетъ: «эту!». И ваза и букетъ, изображенные А. Божеряновымъ, эффектно и красочно выдѣляютъ это произведение изъ ряда другихъ, сѣрыхъ и истерзанныхъ бумажнымъ голодомъ, книгъ. Цѣна, правда, дороговата, но въѣдъ каждый провинциалъ пойметъ, что за «разсказы, написанные на Кировской ул.», нельзя взять дешево. Ужасно тамъ дороги квартиры! Но, войдя въ положеніе автора и понявъ его, жаль все-таки немножко и пассажира. И онъ въѣдъ, бѣдняга, страдаетъ отъ дороговизны, и ему въѣдъ тяжело расставанье съ рублемъ, и, заплативъ за книгу полтора рубля, онъ вправѣ ждать радости, хотя бы на полтинникъ. Врядъ ли получить!

Правда, Юр. Юркунъ старался. Это несомнѣнно. Темы его разсказовъ не менѣе красочны, чѣмъ розы на обложкѣ. Напримѣръ: пѣвица Арто сначала умираетъ, а потомъ допѣваетъ свою арию («Послѣднія ноты пѣвицы Арто»); трупы двухъ негровъ сначала разлагаются, а потомъ погребенные — оживаютъ («Неизвѣстная машина») и т. д. въ томъ же родѣ.

Чуть-чуть посерьезнѣе друтихъ любителя легкаго чтенія и больше два разсказа: «Серебряное сердце» и «Сила любви». Тутъ Юр. Юркунъ какъ будто меньше поглощенъ заботой, во что бы то ни стало, «занять»

внимания удѣляетъ своимъ героямъ. И отъ этого герои — маленькій влюбленный мальчикъ въ первомъ разказѣ, и женщина, у которой любовника убили на войнѣ, во второмъ — несмотря на манерничанье автора, вышли самостоятельныя и искренныя всего остального. Вообще же потребности въ искренности у автора очень мало.

Въ таинственномъ туманѣ, котораго больше всего напущено въ книгѣ, «безъ руля и безъ вѣтриль» плаваютъ эфемерно-легкія обличенія нравовъ, столь же легкія философскія недоумѣнія передъ тайнами природы, вычурныя происшества, фельетонно-бойко написанныя въ святочномъ стилѣ.

Одинъ разказъ легкій, другой еще легче... въ третьемъ и вовсе ничего нѣтъ. И отъ собранія всѣхъ этихъ легкостей дѣлается не легко, а пусто и скучно. И вся книжка рождаетъ несправедливое предубѣждение противъ дома № 48 на Кировной улицѣ. Не стоило сообщать, что именно тамъ она написана.

Е. Р.

А. С. Панкратовъ. Встрѣчные люди. Печат. въ типографіи К. Ф. Некрасова, въ Ярославлѣ. 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Панкратовъ подвижной и наблюдательный человѣкъ. Онъ много ѣздилъ, много видѣлъ. Но г. Панкратовъ пишетъ больше для газетъ — и это особенно замѣтно въ разбираемой книгѣ. Она страдаетъ какой-то механичностью, вялостью и поверхностностью.

Вотъ его «Писатель изъ народа», наивный и чистый душой человѣкъ, который, вмѣсто литературы, занимается приготовленіемъ «фарфорина» и этимъ поддерживаетъ существованіе своей семьи. Онъ промыкалъ свои недолгіе годы въ нищетѣ, пьянствѣ, холодѣ, голодѣ и тюрьмѣ и, такъ не сказавъ своего слова, умеръ на больничной койкѣ.

О судьбахъ писателей изъ народа въ истории русской литературы написаны многія пламенные страницы.

Авторъ, задавшійся цѣлью написать (даже съ натуры, даже съ живой модели) такой разказъ, долженъ былъ проявить къ нему исключительную серьезность и вдумчивость. А у г. Панкратова получилась сентиментальная исторійка, лишенная истинно трагическаго и національнаго колорита.

Такъ же фельетонно написано нѣсколько разказовъ однороднаго содержанія — «Монахъ», «Корнѣй Ахапкинъ», «Золотой человѣкъ», «Оборотень», «Обруситель», «Карьера Охрименка». Герои этихъ разказовъ — моты, негодяи, выскочки, карьеристы, небрезгающе никакими средствами въ своемъ стремленіи къ наживѣ и популярности. Зарисовано нѣсколько типовъ путаныхъ русскихъ людей («Русскіе Ньютоны», «Редакторъ», «Русскіи Эдисонъ» и др.), которые отъ природы безъ сомнѣнія одарены талантомъ, но всѣ они или малограмотны или совсѣмъ безграмотны и, слѣдовательно, ихъ порывы, труды и изобрѣтенія заранѣе обречены на непризнание и гибель...

Всѣхъ этихъ людей авторъ безусловно знаетъ, встрѣчалъ въ гиблыхъ провинціальнахъ окраинахъ, но написаны они черезчуръ односложно, неполно. Они стоятъ передъ читателемъ неподвижныя, сфотографированныя, а не изображенныя.

Только къ одной печальной исторіи, повѣствующей о злосчастномъ симбирскомъ мужикѣ Горинѣ, талантливомъ изобрѣтателѣ, но кругломъ неудачникѣ, авторъ отнесся съ нѣкоторой сердечностью и серьезностью.

Этотъ разказъ вызываетъ много тяжелыхъ думъ о темнотѣ, безграмотности народныхъ массъ, среди которыхъ гибнуть стихійно пробуждающіяся силы страны.

Въ заключеніе считаю необходимымъ указать на одинъ весьма злобный разказъ («Великій толсто-вецъ»), помѣщенный въ отчетной книгѣ. Авторъ безпощадно разоблачаетъ идейную сущность, жизнь и дѣятельность «всѣмъ извѣстнаго ближайшаго друга и идееносца Л. Н. Толстого».

Разоблаченія эти, признаться ска-

заты, вызываютъ одновременно чувства горечи, удивления и недовѣрія.

Д. Волковъ.

Николай Морозовъ. На войнѣ. Разказы и размышления. Изд. Б. С. Бычковскаго. ППГ., 1916. IV+149 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Новая книга Н. Морозова распадается на двѣ части. Въ первой («разказы» о войнѣ) изложены непосредственныя впечатлѣнія отъ военной жизни, которыми авторъ счелъ нужнымъ записать, для того чтобы «безпристрастно подойти къ научному рѣшенію» вопроса «о психическомъ состояніи человѣчества при этомъ процессѣ его эволюціи, причиняющемъ ему такую боль и страданія, а, слѣдовательно, и о томъ, почему война вообще возможна для современныхъ людей, и каковы ея послѣдствія для человѣчества». Вторая часть («размышления») посвящена анализу войны съ этой социально-психологической точки зрѣнія.

Надо отдать справедливость автору, — онъ, дѣйствительно, старался быть «безпристрастнымъ» въ своихъ «разказахъ». Но если повѣствовательная часть книги Н. Морозова чужда нарочитаго прикрашивания военной психологіи, то, къ сожалѣнію, въ ней нѣтъ и подлиннаго отраженія этой психологіи.

По недостатку ли художественно-образительнаго дарованія, или по какой-нибудь иной причинѣ, — но «разказы» не даютъ представленія о томъ, какъ и чѣмъ дѣйствительно живутъ люди на войнѣ; вы узнаете лишь о тѣхъ чувствахъ и, главнымъ образомъ, о тѣхъ мысляхъ, . . .

. . . . . которыя возникали въ самомъ авторѣ по поводу видѣннаго и слышаннаго имъ на фронтѣ. Такимъ образомъ, собственный опытъ, — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ авторомъ, — едва ли даетъ какой-либо новый матерьялъ для рѣшенія общаго вопроса, рассматривае-

маго въ заключительной главѣ: «война, какъ одинъ изъ факторовъ психологической и общественной эволюціи, человѣчества».

Глава эта, центральная по своему значенію, представляетъ, однако, не столько объясненіе реальныхъ фактовъ и тенденцій общественной эволюціи, сколько естественно-исторический романъ въ духѣ «просвѣтительства» шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Прогрессъ человѣчества сводится, по мнѣнію автора, къ постепенному торжеству альтруизма надъ эгоизмомъ. Какъ эгоизмъ, такъ и альтруизмъ рассматриваются при этомъ, какъ элементарныя психическія свойства, передаваемые по наслѣдству посредствомъ особыхъ физиологическихъ «носителей», находящихся въ зародышевыхъ клѣткахъ. Первоначально среди людей преобладали эгоисты; «въ первобытныя времена они должны были особенно часто вступать въ бои между собой, и потому въ каждомъ поколѣніи должны были уничтожать другъ друга въ большемъ числѣ, чѣмъ тѣ, которые не особенно сильно рвались въ бой при первомъ противорѣчій своихъ интересовъ съ интересами того или другого изъ окружающихъ».

Слѣдовательно, войны, уничтожая по преимуществу эгоистовъ и понижая тѣмъ самымъ ихъ роль въ производствѣ потомства, были могущественнымъ факторомъ подбора и постепеннаго укрѣпленія альтруистическихъ качествъ въ человѣчествѣ. Однако, эта положительная роль была присуща войнамъ лишь до тѣхъ поръ, пока участники ихъ шли воевать добровольно, по собственному побужденію. Съ тѣхъ поръ, какъ прогрессъ альтруизма привелъ къ тому, что добровольцевъ перестало хватать для веденія войны, съ тѣхъ поръ, какъ правительства вынуждены были ввести принудительные наборы, прогрессивная функція войны исчерпалась, и человѣчество созрѣло для объединенія въ единое всемірное государство.

Схема эта имѣетъ очень мало общаго съ дѣйствительнымъ ходомъ развитія человѣчества. Психика первобытныхъ людей характеризуется не эгоизмомъ, а, наоборотъ, сплошностью коллективнаго, родового сознанія, изъ котораго лишь по прошествіи многихъ вѣковъ выдѣляется индивидуумъ, сознающій себя эгоистомъ. И какъ разъ эпоха замѣны добровольцевъ - наемниковъ системой принудительной воинской повинности является тѣмъ періодомъ, когда эта индивидуалистическая психика достигла максимальнаго развитія. Въ дальнѣйшемъ наблюдается, правда, опять ростъ коллективизма, однако, этотъ послѣдній отнюдь не есть простое возвращеніе къ первобытной сплошности сознанія, но совершенно новое синтетическое образование, которое никакъ нельзя получить путемъ простого сложения элементарно-эгоистическихъ и элементарно-альтруистическихъ свойствъ первичной психики.

На этомъ примѣрѣ лучше всего выясняется невозможность разлагать человеческую психику на отдѣльныя другъ отъ друга свойства или атомы, неизмѣнно связанные каждый съ особымъ физиологическимъ «носителемъ». Излишне касаться вышадовъ Н. Морозова противъ теории историческаго материализма, а также отдѣльныхъ деталей его социологической концепціи, — матеріала для серьезнаго научнаго спора мы здѣсь не встрѣтимъ.

Нельзя не пожалѣть, что книга, продиктованная стремленіемъ помочь людямъ «совершать дальнѣйшую эволюцію» . . . . .

. . . . . даетъ такъ мало точекъ опоры для плодотворной работы въ духѣ этого . . . . .

. . . . . стремленія.

В. Базаровъ.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Задру-

ги» и К. Ф. Некрасова. Тома I и II. Москва, 1914—1915 гг. Цѣна по подпискѣ за 3 тома въ переплетѣ — 21 руб. безъ переплета — 18 руб.

Масонству въ послѣднее время посчастливилось: чаще стали появляться спеціальныя статьи о немъ, переиздаются старыя работы, опубликовывается частная переписка масоновъ XVIII в. и, наконецъ, выходитъ въ свѣтъ трехтомный коллективный трудъ, поставившій своей задачей — подвести итогъ тому, что сдѣлано наукой по изученію западно-европейскаго и особенно русскаго масонства. Задача эта гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ, такъ какъ изученіе масонства находится еще въ начальной стадіи собиранія и установленія основныхъ фактовъ, причемъ многое остается и вовсе еще неизслѣдованнымъ.

Въ вышедшихъ двухъ томахъ мы находимъ прежде всего рядъ статей, посвященныхъ исторіи масонства въ Западной Европѣ и Сѣв. Америкѣ. Эти статьи, будучи вводнымъ по своему назначенію, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые даютъ русскому читателю связныя очерки западно-европейскаго масонства въ наиболѣе яркую его эпоху, т. е. за XVIII столѣтіе. Лучшее всего очерчено англійское масонство въ статьѣ И. М. Хераскова, которому принадлежитъ и другая не менѣе интересная статья о масонскомъ движеніи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Русскому масонству уделено въ изданіи наибольшее мѣсто, особенно же обстоятельно излагается исторія русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ — въ статьяхъ А. В. Себеки «Русское масонство въ XVIII вѣкѣ», В. Н. Тукалевскаго—Н. И. Новиковъ и Г. Г. Шварцъ, Н. К. Пиксанова — «И. В. Лопухинъ», Е. И. Тарацова — «Второстепенные дѣятели масонства» и въ очеркахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ представителямъ масонства — С. И. Гамалею, М. М. Хераскову и М. И. Неззорову. Кромѣ того, имѣются статьи М. В. Довнаръ-Запольскаго — «Правительственный гоненія на масоновъ» и Е. С. Шумигор-

скаго — «Императоръ Павелъ I и масонство». Изъ перечисленныхъ статей руководящее значение имѣетъ статья А. В. Семеки, устанавливающая основные моменты развития русскаго масонства отъ его возникновенія до конца царствования Екатерины II. По мнѣнью автора, масонство можно назвать «первымъ идеалистическимъ теченіемъ русской общественной мысли», явившимся на смѣну и въ противовѣсъ «вольтеріанству», которое «поколебало въ русской душѣ безсознательную, примитивную вѣру предковъ и бросивъ его (т. е. русскаго человѣка А. К.), совершенно безпомощнаго въ пустое пространство дешеваго скептицизма, способствовало широкому общественному развращенію».

Едва ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ на «вольтеріанство», которое помогло лучшимъ представителямъ дворянской интеллигенціи продѣлать очень мучительную, но важную критическую работу мысли, обусловившую дальнѣйшій ростъ общественнаго самосознанія. Нельзя также не поставить въ упрекъ автору названной статьи недостаточно опредѣленное освѣщеніе и самой душевной драмы, которая привела къ смѣнѣ вольтеріанства масонствомъ: масонское движеніе трактуется у автора широко, какъ этапъ въ развитіи русской общественной мысли, классовыя же и сословныя черты идейныхъ увлеченій XVIII вѣка остаются у него въ тѣни. Только у Н. К. Пиксанова — въ его сжатой, но содержательной статьѣ о И. В. Лопухинѣ мы находимъ правильное въ методологическомъ отношеніи освѣщеніе роли и значенія масонства въ русской жизни. Исторія душевнаго кризиса Лопухина разсматривается въ ней, какъ типичное отраженіе родственной ему среды русскаго барства. По словамъ автора «Лопухинъ болѣе показатель для русскаго масонства, чѣмъ Шварцъ и Новиковъ», а его «политическіе, социальные и религиозные взгляды характерны не только для масонствъ, но и для большинства дворянскаго общества екатерининской эпохи, консервативнаго въ политикѣ, крѣпостническаго и преда-

наго религиозной старинѣ». Масонскіе принципы гуманности и терпимости, которые Лопухинъ не только исповѣдывалъ, но и примѣнял на дѣлѣ во многихъ случаяхъ, совершенно игнорировались имъ въ отношеніи крестьянъ, для которыхъ онъ требовалъ сильной власти помѣщика. По справедливому мнѣнью Н. К. Пиксанова, эта черта роднитъ между собою и Щербатова, и Карамзина, и Державина, и кн. Дашкову, масонствъ и вольтеріанцевъ, абсолютистовъ и конституціоналистовъ — словомъ, «всѣхъ разнообразныхъ защитниковъ стараго авторитарнаго строя мысли и быта». Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мысль Лопухина «теряетъ свое масонское своеобразие и сливается съ общимъ сословнымъ міросозерцаніемъ»; впрочемъ, отъ этого, замѣчаетъ авторъ, «историко-социологическое пониманіе масонства только углубляется». Именно, такого углубленнаго пониманія масонства и слѣдуетъ пожелать и г. Семекѣ и другимъ авторамъ сборника.

Наиболѣе крупнымъ представителямъ масонства XVIII в. Новикову и Шварцу не такъ посчастливилось въ разсматриваемомъ изданіи, какъ Лопухину. Въ отрывочной, но вмѣстѣ и расплывчатой статьѣ В. Н. Тукалева образъ Новикова, какъ масона и какъ общественнаго дѣятеля, выступаетъ довольно блѣдно, а роль его въ масонскомъ движеніи остается не вполне выясненной. Для исторіи русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ имѣется пока только статья Т. О. Соколовой — «Возрожденіе масонства при Александрѣ I», представляющая въ сущности «внѣшнюю исторію» масонскихъ ложъ въ первую половину царствованія Александра I. Тому же автору въ сборникѣ принадлежатъ еще двѣ статьи — «Масонскія системы» и «Обрядность вольныхъ каменщиковъ». Вторая статья даетъ возможность хотя отчасти разобраться въ обширномъ иллюстраціонномъ матеріалѣ, которымъ снабжено изданіе.

Съ внѣшней стороны «Масонство» издано удовлетворительно, непріятное впечатлѣніе только производитъ какая-то претенциозность, отсутствіе

художественной мѣры и простоты, стремление приблизиться къ типу «роскошныхъ изданій». Въ частности красочныя воспроизведенія — большей частью неудачны и грубоваты, а главное, не всегда понятно, почему нѣкоторыя изображенія нужно было воспроизводить въ краскахъ.

Настоящее издание все же нужно привѣтствовать и рекомендовать вниманію читателей. Въ немъ, помимо сводки стараго матеріала, имѣется и много новыхъ данныхъ, устанавливаемыхъ впервые на основаніи архивныхъ изысканій, вслѣдствіе чего эта первая попытка «подведенія итоговъ» изученію масонства имѣетъ и научное значеніе.

А. К — въ.

Нашъ журналъ. Наша первая книжка. (Исполненная дѣтьми—подъ ред. А. Арнштама, при ближайшемъ содѣйствіи Александра Бенуа, М. Добужинскаго, Н. Кульбина, Е. Лансере и Н. Рериха, — дѣтская художественная книжка). 67 стр. Изд-во «Свободное Искусство» Пг., 1916. Ц. 3 р. 25 к.

Вопросы дѣтской психологии, въ частности дѣтскаго творчества, начинаютъ интересовать не однихъ только специалистовъ-психологовъ, но и широкіе круги писателей и художниковъ. Симптомомъ интенсивности этого интереса можетъ служить появленіе на нашемъ книжномъ рынкѣ дѣтской книги, исполненной самими дѣтьми, подъ ред. извѣстныхъ художниковъ.

Изученіе дѣтскаго художественнаго творчества, несмотря на работы Риччи, Рихтера, Бальвина, Льюкенса, Мэтленда, а въ особенности Кершенштейнера*, не можетъ считаться въ какомъ-либо отношеніи законченнымъ, а потому всякое новое изслѣдованіе, всякое сообщеніе новыхъ фактовъ можно только привѣтствовать. И если бы художники собрали извѣстный ма-

* См. Кершенштейнеръ. Развитие художественнаго творчества ребенка. Сводка литературы дана у Г. Трошина: «Антропологическія основы воспитанія», т. 2.

териаль или даже воспользовались громаднымъ матеріаломъ Г. Кершенштейнера (свыше 200.000 рисунковъ) и проанализировали его со своей специально-художественной точки зрѣнія, сдѣлавъ это серьезно, не отдѣливаясь уже ставшими банальными фразами о дѣтской «гениальности», объ истинномъ «искусствѣ для искусства», то они смогли бы дать истинно хорошую и цѣнную книгу.

Къ сожалѣнію, издавая «Нашъ журналъ», гг. художники поставили другія болѣе широкія (а, можетъ быть, и болѣе узкія) задачи. Эта книга, въ которой, по существу, нѣтъ ничего для дѣтей, предназначается ими въ первую голову именно для дѣтей. Благодаря этому, она потеряла въ значительной долѣ интересъ и для взрослыхъ, для которыхъ она должна быть иначе издана и сопровождаться научно-художественнымъ анализомъ предложенныхъ въ ней рисунковъ.

Что же даетъ она дѣтямъ?—Неумѣлые, часто непонятные рисунки, примитивные, мало интересные дѣтямъ рассказы и стихи. У организаторовъ этого изданія, навѣрное, уже готово возраженіе. Неумѣлые? Неинтересные? Такъ это для насъ, для взрослыхъ! Но вѣдь у дѣтей особое дѣтское творчество, понятное и близкое самимъ дѣтямъ!

Вотъ въ этомъ-то и коренится то заблужденіе, изъ котораго уже давно выросла педагогическая мысль. Есть искусство человеческое и нѣтъ специальнаго дѣтскаго, какъ нѣтъ искусства для стариковъ, мужчинъ и женщинъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, гг. художникамъ доставляетъ удовольствіе разсматривать этихъ ужасныхъ людей, кривые дома, или невозможные рисунки, на которыхъ ничего нельзя понять? Дѣтямъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, нравятся рисунки законченные, завершенные, художественные. Вѣдь для нихъ нѣтъ рисунка для рисунка, «ихъ штрихи только обозначенія мыслей и представленій» (Штернъ).

Надо, чтобы дѣти рисовали, ибо это для нихъ значить — мыслить. Но надо, чтобы они воспитывались на образцахъ совершенныхъ, а не фиксировались ихъ собственныя незрѣлыя попытки. Для другихъ дѣтей ихъ рисунки не могутъ имѣть развивающаго характера, для нихъ же самихъ мысль, что они «готовые творцы уже сами по себѣ, по ихъ фактическимъ даннымъ» — мысль развращающая, культивирующая «самоувереніе и самообманъ и полную неспособность разобраться въ своихъ силахъ» (Рубинштейнъ).

Чрезвычайно характерно, что послѣ полнаго пренебреженія изученіемъ дѣтской психики, мы кидаемся, во всю мочь, въ сторону прямо противоположную. То о ребенкѣ и не думали, то онъ становится предметомъ какого-то поклоненія, доходящаго до того, что его каракули признаются цѣнностью самодовлѣющаго значенія.

Итакъ, для эстетическаго развитія дѣтей «Нашъ журналъ» не даетъ ничего, такъ какъ онъ фиксируетъ ту безпомощную «стадию схемы» и тотъ безпомощный «литературный» лепетъ, который характеризуетъ и самихъ читателей. Болѣе того, онъ вреденъ, такъ какъ развиваетъ самоувереніе въ авторахъ, попавшихъ въ журналъ, и зависть у остальныхъ дѣтей. Нѣтъ надобности мотивировать послѣднее положеніе: лучше представители педагогической мысли не уставали говорить о необходимости береженія дѣтей въ этомъ отношеніи. Видный итальянскій ученый, министръ народнаго просвѣщенія Кредаро выразилъ ту же мысль еще болѣе рѣшительно и опредѣленно въ инструкціи дѣтскимъ садкамъ (отъ 9 февраля 1914 года*).

«Многие итальянскіе ученые педагоги пришли къ той мысли, что дѣтской душѣ нуженъ покой (расе).

* См. книгу Ю. И. Фаусекъ. «Мѣсяцъ въ Римѣ и «домахъ дѣтей» Маріи Монтессори», Стр. 177.

Слѣдуетъ осторожно и незамѣтно воспитывать въ нихъ сознание, что они только готовятся стать людьми и очень, очень рѣдко творцами. Пусть творятъ для себя (въ дѣтской душѣ само по себѣ заложено это цѣломудреннее чувство), а не для публики, хотя бы эта публика были ихъ родители (въ массѣ) и даже товарищи, а потому всякіе публичные праздники, выставки дѣтскихъ работъ, декламация и вывѣшивание на стѣнахъ класса тѣхъ же работъ строго воспрещается въ этомъ возрастѣ. Опасность заронить въ дѣтскую душу самоувереніе — слишкомъ велика, а разочарованіе слишкомъ горько.

Въ виду высказанныхъ соображеній мы и отказываемся отъ сравнительной оцѣнки дѣтскихъ работъ, хотя отмѣтимъ, что среди нихъ есть работы, несомнѣнно, талантливыя.

Къ книгѣ приложены замѣтки по вопросу о художественномъ творествѣ. Это въ большинствѣ страшно короткіе (строкъ въ 10—20) отвѣты многихъ художниковъ, писателей, педагоговъ. Здѣсь приведены мнѣнія Э. Сологуба и Арк. Аверченки, проф. Бехтерева и К. Чуковского, Кульбина и Морозова и т. д. Отвѣты эти общи, неопредѣленны и прежде всего не даютъ отвѣта на то, да стоило ли издавать «Нашъ журналъ» для дѣтей, и тѣмъ болѣе рекламировать его въ качествѣ «лучшаго дѣтскаго подарка»...

Съ чувствомъ горечи на душѣ закрываешь новую дѣтскую книгу и хочешь сказать г. «извѣстнымъ художникамъ»: «чѣмъ тратитъ время на издание совершенно ненужныхъ «Нашихъ журналовъ», обратили бы вы вниманіе на настоящую дѣтскую книгу и дали бы туда свои рисунки, простые и незамѣливые, но, дѣйствительно, художественные. Тогда дѣти скажутъ вамъ свое спасибо и полюбятъ васъ, какъ любятъ они милаго художника и сказочника В. Каррика»...

А. Пинкевичъ.

Д-ръ А. Риссъ. «Основы муниципальнаго хозяйства» под редакцией и съ предисловіемъ М. Д. Загряцкаго. Пг. 1914 г. «Наука и Жизнь», стр. 132; цѣна не обозначена.

Время отъ времени въ русской муниципальной литературѣ появляются переводныя работы, дающія итоги городского хозяйства въ тѣхъ или иныхъ странахъ Европы. Такую цѣль преслѣдовали книжки Гуго (1897 г.), Шоу (1898 г.) и Домашке (1904 г.). Работа Домашке была послѣдней по времени на русскомъ языкѣ монографіей по муниципальному хозяйству на Западѣ (въ Германіи). Такимъ образомъ, книга д-ра Риссъ какъ-бы дополняетъ устарѣвшія данныя предшествующихъ изданій и даетъ болѣе современный фактический матеріалъ, относящійся исключительно къ одной Германіи.

Хотя работа д-ра Риссъ озаглавлена «Основы муниципальнаго хозяйства», но на самомъ дѣлѣ содержаніе ея значительно уже и касается не всѣхъ сторонъ городского дѣла, а лишь важнѣйшихъ изъ нихъ: планировки и застройки городовъ, социально-политическихъ мѣропріятій городовъ и муниципальных предприятий по общему благоустройству. Изъ числа отсутствующихъ крупныхъ отдѣловъ можно указать область духовной культуры города, о каковой въ книгѣ нѣтъ ни слова.

Вѣрный часто - нѣмецкимъ научнымъ традициямъ, авторъ не ограничивается однимъ «описаніемъ» фактическаго положенія вещей, но даетъ краткія обобщенія, опредѣленія и теоретическіе выводы. Д-ръ А. Риссъ опредѣляетъ, что задачей муниципальнаго хозяйства является общественное воздѣйствіе «на производство, распределеніе и потребленіе благъ, служащихъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей». Имѣя въ виду Германію, авторъ объясняетъ происхождение «безграничной» въ своей основѣ «компетенціи нѣмецкой городской коммуны», эволюціей ея изъ правительственныхъ «полицейскихъ функций», причемъ

между полицейскимъ городскимъ хозяйствомъ и современнымъ общественнымъ — различіе заключается въ томъ, что первое имѣетъ цѣлью одно голое принужденіе и руководство дѣятельностью гражданъ, тогда какъ муниципальное хозяйство выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣйствительнаго фактора не только регулирующаго, но, главнымъ образомъ, дополняющаго «частную инициативу» и «поддерживающаго» элементъ, хозяйственно «недостаточно сильные». Муниципалитеты «развиваются въ социальную опытную станцію, которая подготавливаетъ важныя законодательныя мѣропріятія для отдѣльныхъ германскихъ государствъ».

Книга д-ра А. Риссъ показываетъ, что въ дѣятельности городскихъ коммунъ въ Германіи особенно остро ставятся вопросы социальной политики. Но острота постановки далеко не всегда приводитъ къ полнотѣ въ исполненіи. Наиболѣе рационально использованы публичныя права муниципалитетовъ въ сферѣ застройки городовъ: примѣняются т. н. «передѣлы» земельныхъ участковъ, «отчужденіе» ихъ, регламентируется застройка города и впередъ опредѣляется его планъ и расширеніе. Затѣмъ муниципалитеты выступаютъ въ качествѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, обладающихъ иногда (въ Фрейбургѣ) 72% всей городской площади (не считая улицъ и др. мѣстъ общаго пользованія). Эти земельные запасы эксплуатируются различнымъ образомъ въ цѣляхъ регулированія квартирнаго вопроса, начиная отъ содѣйствія населенію въ приобретеніи собственныхъ отдѣльныхъ или кооперативныхъ жилищъ и кончая муниципализаціей жилищъ; послѣднимъ путемъ, однако, идутъ лишь немногія городскія самоуправленія.

Болѣе скромна работа муниципалитетовъ въ области урегулированія рабочаго вопроса. Правда, несмотря на принципиальное отклоненіе въ Рейхстагѣ въ 1884 г. принципа «права на доставленіе работы», города

взялись за организацию биржъ труда, за страхование безработныхъ и за «общественныя работы». Но общественныя работы имѣютъ крайне слабое развитие; содѣйствие страхованию безработныхъ въ Германіи осуществляется путемъ помощи существующимъ страховымъ частнымъ и профессиональнымъ обществамъ, самостоятельной же муниципальной страховой организации въ Германіи не существуетъ; что касается «биржъ труда», наиболее развитой формы муниципальной помощи на «рабочій вопросъ», то ихъ успѣхъ въ значительной мѣрѣ объясняется давлениемъ, оказаннымъ на муниципалитеты со стороны государственной власти.

Лучше всего обстоятъ дѣла въ муниципальной Германіи съ городскими предприятиями по благоустройству. Хорошие финансовыя результаты, позволяющіе муниципалитетамъ уклоняться отъ развития налоговой политики, и достижения съ помощью муниципализации лучшаго благоустройства, одинаково важнаго для всѣхъ, поощряли ценовые муниципалитеты Германіи шествовать по пути «городскаго социализма», несмотря на ихъ буржуазную сущность.

Д-ръ А. Риссъ не вдается въ оцѣнку работы нѣмецкихъ муниципалитетовъ и не пробуетъ объяснить причины ихъ успѣха или неудачъ. Мы полагаемъ, что высоко развитое городское хозяйство Пруссіи въ значительной степени объясняется широкимъ избирательнымъ правомъ. Хотя послѣднее и обезпечиваетъ большинство буржуазнымъ элементамъ населенія, но допускаетъ въ 3-й куріи представителей рабочаго класса, голосъ котораго постоянно звучитъ въ стѣнахъ муниципалитетовъ и заставляетъ ихъ пользоваться тѣми широкими правами, которыя предоставлены въ Германіи городскому самоуправленію.

Книжка д-ра А. Риссъ написана ежато и конспективно и читается быстро, несмотря на плохой переводъ, всецѣло подчиненный строю

нѣмецкой рѣчи. Къ числу недостатковъ относится отсутствие исчерпывающихъ статистическихъ данныхъ и сводныхъ, суммарныхъ цифръ, иллюстрирующихъ положеніе различныхъ отраслей городского хозяйства.

М. Петровъ.

М. А. Бунятянъ. Экономическіе кризисы. Опытъ морфологии и теории экономическихъ кризисовъ и теории конъюнктуры. Москва, 1915. Стр. XXXIV+303. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Работа М. А. Бунятяна хорошо известна за-границей по ея первому нѣмецкому изданію, вышедшему въ 1907 г. Въмѣстѣ съ другой его работой, посвященной исторіи английскихъ кризисовъ, она встрѣтила среди западно-европейскихъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ и французскихъ экономистовъ очень сочувственный приемъ и оказала замѣтное влияние на новѣйшія теории конъюнктуры. Надо думать, что и въ Россіи она не останется незамѣченной.

Первое, что надо отмѣтить въ книгѣ г. Бунятяна,—это ея строго-теоретическій характеръ. Авторъ не задается недостижимой цѣлью, столь вредящей обыкновенно монографическимъ изслѣдованіямъ кризисовъ, дать сразу и исторію послѣднихъ, и теорію, и политику. Онъ сознательно ограничиваетъ вниманіе исключительно тѣмъ, безъ чего нельзя понять природы хозяйственнаго цикла и его основныхъ факторовъ,— систематикой кризисовъ и общей теоріей конъюнктуры. Мало этого, въ отмежеванной имъ области онъ ведетъ аргументацию опять-таки чисто-теоретическаго характера, пользуясь преимущественно абстрактно-дедуктивнымъ методомъ и отвѣдая цифрамъ и конкретнымъ описаніямъ лишь второстепенную, подсобную роль. Понятно, насколько выпрываетъ въ рельефности, благодаря этому, постановка интересующихъ его вопросовъ, и насколько тщательной дѣлается ихъ разработка. Можно положительно утверждать, что съ номографической

стороны никто не анализировал хозяйственный цикл так основательно, какъ г. Бунятянъ.

Второе обстоятельство, вызывающее интересъ къ книгѣ г. Бунятяна, кроется въ самой сущности развиваемыхъ въ ней идей, особенно идей ея центральной главы — о конъюнктурѣ. Г. Бунятянъ задается цѣлью — связать теорію конъюнктуры съ австрійской теоріей цѣнности, избѣгая при этомъ ея индивидуалистическихъ крайностей, въ частности удѣляя самое серьезное внимание моменту распредѣленія общественного дохода. Три мысли являются руководящими въ трудѣ г. Бунятяна: 1) что для общей массы товаровъ оказывается справедливымъ, такъ называемый, законъ Кинга, согласно которому цѣнность и цѣна товара (Кингъ имѣлъ въ виду только сельско-хозяйственные продукты) колеблется болѣе рѣзко, чѣмъ измѣненіе въ соотношеніи соответствующаго спроса и предложенія; изъ этого положенія г. Бунятянъ дѣлаетъ выводъ, что повышеніе цѣны обыкновенно влечетъ за собой концентрацію покупательной силы въ рукахъ продавцовъ, паденіе же цѣны — диффузію покупательной силы среди покупателей; 2) что характеръ общественнаго спроса находится въ тѣсной зависимости отъ преобладающей тенденціи въ распредѣленіи покупательной силы: концентрація покупательной силы влечетъ за собой усиленный спросъ на капитальныя блага, диффузія покупательной силы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ усиленіе спроса на блага личнаго потребления; 3) что общественное производство (здѣсь г. Бунятянъ расходится съ г. Туганомъ-Барановскимъ) ограничивается въ конечномъ счетѣ объемомъ личнаго потребления въ данномъ обществѣ. Исходя изъ этихъ трехъ мыслей, г. Бунятянъ и строитъ свою теорію конъюнктуры. Ростъ цѣны, характерный для эпохи промышленнаго подъема, вызываетъ, по его мнѣнію, концентрацію покупательной силы въ рукахъ продавцовъ, и эти послѣдніе начина-

ють предъявлять усиленный спросъ на капитальныя блага, содѣйствуя тѣмъ самымъ дальнѣйшему повышенію цѣны, дальнѣйшей концентраціи покупательной силы, дальнѣйшему усиленію спроса на капитальныя блага и т. д., и т. д. Въ результатѣ дѣло доходитъ до перекапитализаціи, — до такого оборудованія національнаго хозяйства капитальными благами, которое не соответствуетъ национальному потребленію при данномъ характерѣ распредѣленія. Перекапитализація неизбежно вызываетъ перепроизводство и паденіе цѣны.

Съ паденіемъ цѣны начинается процессъ диффузіи покупательной силы, а потому и декапитализаціи народнаго хозяйства, — вслѣдствіе того, что часть покупательной силы переходитъ отъ продавцовъ къ покупателямъ, усиливается спросъ на предметы личнаго потребления. Усиленный спросъ на потребительныя блага приводитъ мало-по-малу къ тому, что равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ восстанавливается; больше того, съ теченіемъ времени оказывается уже прямой недостатокъ въ капитальныхъ благахъ. Какъ только послѣднее произойдетъ, передъ нами опять подъемъ цѣны со всѣми его послѣдствіями и т. д. Такова любопытная теорія г. Бунятяна относительно движенія конъюнктуры. На предложенной г. Бунятяномъ систематикѣ кризисовъ и на его критикѣ существующихъ теорій хозяйственнаго цикла мы не можемъ останавливаться, но читатель и здѣсь найдетъ немало интереснаго.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, возбуждая большой интересъ, трудъ г. Бунятяна вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ и очень много возраженій, и не только въ деталяхъ, но и въ наиболѣе основныхъ положеніяхъ. Такъ, что касается теоріи конъюнктуры, то врядъ ли правъ авторъ, строя ее на законѣ Кинга, который не обоснованъ пока ни фактически (у насъ нѣтъ ни точной статистики цѣны, ни тѣмъ болѣе точной статистики про-

изводства), ни теоретически (ссылки г. Бунятяна на законъ Вебера — Фехнера не относятся къ дѣлу). Къ тому же, если даже допустить, что законъ Кинга въ самомъ дѣлѣ даетъ себя чувствовать, то выводы автора все же будутъ висѣть въ воздухѣ, пока не будетъ доказано (а ему этого не удалось сдѣлать), что перераспределение покупательной силы, наступающее вслѣдъ за колебаниями цѣнъ, идетъ дѣйствительно между имущими и неимущими классами, а не только въ предѣлахъ имущихъ, и что, слѣдовательно, оно дѣйствительно мѣняетъ характеръ общественнаго спроса. Что касается систематики кризисовъ, то здѣсь очень слабымъ пунктомъ является объединение въ одну группу явлений самаго различнаго порядка: эндогенные и экзогенные кризисы, кризисы, носящие самодовлѣющій характеръ, и кризисы, являющиеся лишь отдѣльной стороной другихъ кризисовъ, болѣе сложной природы,—все это группируется г. Бунятяномъ бокъ-о-бокъ, какъ равноцѣнные элементы. Мы

уже не говоримъ о томъ, что врядъ ли послѣдовательно со стороны автора удѣлять особое внимание именно кризисамъ, какъ таковымъ, тогда какъ дѣйствительнымъ объектомъ его анализа является весь хозяйственный циклъ, т. е. и подъемъ, и кризисъ, и депрессія въ ихъ совокупности. Не со всѣмъ можно согласиться, наконецъ, и въ критической части работы г. Бунятяна; въ частности, врядъ ли правильно онъ изложилъ, а потому и проанализировалъ рыночную теорію классической школы.

Мы думаемъ, однако, что всѣ недостатки труда г. Бунятяна (число ихъ можно было бы здѣсь значительно увеличить) не въ состоянии затемнить его крупнаго основного достоинства,—достоинства самостоятельной, смѣлой теоретической попытки, проникнутой пагосомъ подлиннаго научнаго вдохновения. Вотъ почему мы горячо привѣтствуемъ книгу г. Бунятяна и думаемъ, что въ России она будетъ пользоваться такой же извѣстностью, какъ и за границей.

Д. И.

Книги, поступившія въ редакцію.

- Амари.** Глухія слова. (Стихи 1912—1913 г.). Изд. «Зерна». М. 1916. Стр. 46. Ц. 60 к.
- Архивъ села Карабихи.** Письма Н. А. Некрасова И. К. Некрасову. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 309. Ц. 2 р. 50 к.
- Асѣевъ, Ник.** Четвертая кн. стиховъ. Кн-во «Лирень». М. 1916. Стр. 12. Ц. 50 к.
- Ашубинъ, Николай.** Скитанія. Вторая книга стиховъ (1913—1915). Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 82. Ц. 75 к.
- Бальмонтъ, К.** Поэзія, какъ волшебство. Кн-во «Скорпионъ». М. 1916. Стр. 93. Ц. 80 к.
- Большаковъ, Конст.** Поэма событіи. Стихи. Изд. «Пѣта». М. 1916. Стр. 15.
- Брагъ, У. Х. и Брагъ, У. Л.** Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ. Пер. съ англ. Проф. Г. В. Вульфа. Кн-во «Космосъ». М. 1916. Стр. 232. Ц. 2 р. 50 к.
- Бруснинъ, В. В.** Въ странѣ озеръ. Очерки изъ финляндской жизни. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.
- Булгаковъ, П.** Власть лукаваго. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 78. Ц. 80 к.
- Владиславлевъ, И. В.** Классификація литературы по вопросамъ земскаго и городского самоуправления. М. 1916. Стр. 19.
- Войнова-Дандурова, А. И.** Ника. Романъ въ 3-хъ частяхъ, ч. I. Борисоглѣбскъ. 1916. Стр. 177. Ц. 1 р.
- Волошинъ, Максимиланъ.** Anno mundi ardentis. 1915. Изд. «Зерна». М. 1916. Стр. 65. Ц. 75 к.
- Гернетъ, М. Н., проф.** Преступленіе и борьба съ нимъ въ связи съ эволюціей общества. Оттискъ изд. Т-ва «Міръ». М. 1916. Стр. 458.
- Горькій, М.** Емельянь Пилай. Изд. «Знаніе». П. 1906. Стр. 15. Ц. 3 к.
- Грезный годъ.** Изд. «Улей». М. 1916. Стр. 85. Ц. 3 р.
- Гусевъ-Оренбургскій, С. И.** Призракъ. Т. XIV. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 301. Ц. 1 р. 25 к.
- Денисовъ, Вл.** Война и лубокъ. Изд. «Новаго Журнала для Всѣхъ». П. 1916. Стр. 40. Ц. 1 р. 50 к.
- Елнатъевскій, С.** Литературныя воспоминанія. Близкія тѣни. ч. II. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 141. Ц. 1 р.
- Ждановъ, Левъ.** Подъ властью фаворита. Историч. романъ въ 2-хъ частяхъ. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 298. Ц. 2 р. 50 к.
- Завьяловъ, В. В., проф.** Краткіи очеркъ физиологии человека. Изд. «Наука» М. 1916. Стр. 345. Ц. 3 р.
- Календарь русской природы на 1916 г.** Естественно-историческій справочникъ. Изд. «Природа». М. 1916. Стр. 266. Ц. 2 р. 25 к.
- Касаткинъ, Ив.** Лѣсная быль. Рассказы. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.
- Кизеветтеръ, А.** Историческіе отклики. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 390. Ц. 2 р. 50 к.
- Крпчевская, Елена.** Письма о материнствѣ. П. 1916. Стр. 32. Ц. 60 к.
- Кропоткинъ, П. А.** О войнѣ съ послѣсловіемъ Вл. Л. Булѣва. Скл. изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 29. Ц. 40 к.
- Левинъ, П. А.** Дальнія зарницы, повесть изъ дѣтскихъ лѣтъ. М. 1916. Стр. 126. Ц. 60 к.
- Литературный сборникъ,** подъ ред. Н. В. Давыдова и Н. Д. Телешова. Въ помощь ольганнымъ русскимъ воинамъ. М. 1916. Стр. 212. Ц. 2 р. 50 к.
- Ллойдъ-Джорджъ, Д.** Рѣчи, произнесенныя во время войны.

- Ки-во б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 211. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловъ, Семёнъ.** *Общинное землевладѣние и какъ его охранять.* Изд. «Живая Правда». М. 1916. Стр. 16. Ц. 10 к.
- Мимозы льна.** *Поэзоальманахъ 2-хъ:* Игорь Свѣрянинъ—«Амфора Эстляндская». Алексѣй Масаиновъ—Новыя поэмы. Изд. «Алигсъ». П. 1916. Стр. 77. Ц. 1 р.
- Модзалевскій, Л. Н.** *Стишки для дѣтей.* Изд. «Огни». П. 1916. Стр. 47. Ц. 80 к.
- Морозовъ, Н. А.** *Лингвистическіе спектры.* Средство для отличенія плагиатовъ отъ истинныхъ произведеній того или другого извѣстнаго автора. П. 1916. Стр. 42.
- Морозовъ, Николай.** *На войнѣ.* Рассказы и размышленія. Изд. Б. С. Бычковскаго. П. 1916. Стр. 149. Ц. 1 р. 50 к.
- Муижель, В.** *Хуторъ* № 16 и др. рассказы. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 339. Ц. 1 р. 40 к.
- Новыя идеи въ астрономіи.** Непер. изд., выход. под. ред. проф. А. А. Иванова. Сб. № 7. Звѣзды. Ихъ цвѣтъ и температура. Изд. «Образованіе». П. 1915. Стр. 121. Ц. 1 р.
- Новыя идеи въ математикѣ.** Непер. изд., выход. под. ред. засл. проф. А. В. Васильева. Сб. № 8. Математика и философія ч. I. Стр. 143. Ц. 1 р. Сб. № 10. Ч. II. Стр. 148. Ц. 1 р. Сб. № 2. *Пространство и время.* Ч. I. Стр. 146. Ц. 1 р. Сб. № 3. Ч. II. Стр. 152. Ц. 1 р. Изд. «Образованіе». П. 1913. 1914. 1915.
- Новыя идеи въ физикѣ.** Непер. изд., выход. под. ред. засл. проф. С. П. Р. Г. Ун-та. И. И. Боргмана. Сб. № 4. *Дѣйствіе свѣта.* Изд. «Образованіе». П. 1912. Стр. 138. Ц. 1 р.
- Новыя идеи въ философій.** Непер. изд., выход. под. ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сб. № 2. *Борьба за физическое мировоззрѣніе.* Стр. 188. Ц. 1 р. Сб. № 11. *Теорія познанія и точныя науки.* Стр. 153. Ц. 1 р. Изд. «Образованіе». П. 1915.
- Мажянтновъ, К. А.** *Очередная задача потребительской коопераціи въ городахъ Россіи.* Скл. изд.: «П. Т. Р. Ул. Жуковскаго, 38. П. 1916. Стр. 32. Ц. 20 к.
- Панкратовъ, А.** *Встрѣчные люди.* (Типы. Портреты). Изд. автора. Ярославль. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.
- Панкратовъ, А.** *Кровавое зарево.* (Очерки войны). Изд. автора. Ярославль. 1915. Стр. 279. Ц. 1 р. 50.
- Письма Чехова,** т. VI, под. ред. М. П. Чеховой. (1900—1904). Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 429. Ц. 2 р. 25 к.
- Пушкинскость,** историко-литературный сборникъ, под. ред. проф. С. А. Венгерова. Изд. «Прометей». П. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 75 к.
- Рукавишниковъ, Иванъ.** *Сто лепестковъ цвѣтка любви.* Изд. «Московское Книгоиздательство». М. 1916. Стр. 122. Ц. 1 р.
- Рунова, О.** *Мудрость жизни.* Т. 2. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 344. Ц. 1 р. 50 к.
- Садъ поэтовъ.** Изд. П. Б. Краснова. Полтава. 1916. Стр. 64. Ц. 1 р.
- Сельско-хозяйственный обзоръ.** Самарской губ. за 1914 г. Изд. Оц. стар. отд. Сам. губ. Земства. Самара. 1915. Стр. 207.
- Слово,** сб. VI. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 297. Ц. 2 р.
- Стоякъ, Динчъ.** *Забытая тетрадь.* Изд. «Ирисы». Иркутскъ. 1916. Стр. XXIV 40. Ц. 40 к.
- Стожъ, М. В.** *Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ.* 7-е изд., дополн. и испр. Изд. «Ирисы». Иркутскъ. 1916. Стр. 70. Ц. 40 к.
- Столица, Любовь.** *Елена Дѣева.* Романъ. Изд. «Виноградъ». М. 1916. Стр. 120. Ц. 1 р. 25 к.
- Струве, М.** *Стая. Стихи.* [Изд. «Гиперборей». П. 1916. Стр. 42. Ц. 90 к.
- Трипатовъ, А.** *Молодое. Только молодое.* Рассказы. Изд. «Нов. журнала для всѣхъ». П. 1916. Стр. 174. Ц. 1 р. 50 к.
- Трудовое посредничество.** (Всероссійское бюро труда). Отд. отг. изв. № 34. Изв. Гл. Ком. Всеросс. Зем. Союза. М. 1916. Стр. 36.
- Уайтхедъ, А. Н.** *Введеніе въ математику.* Пер. под. ред. С. О. Майзель.

- Изд. кн. «Скл.» Г. С. Цукермана. П. 1916. Стр. 229. Ц. 2 р.
- Уильямъ, Дѣл. Локкъ.** *Обломки круше-
ня.* Романъ. Кн-во «Северные дни». М. 1916. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.
- Франсуа Вионъ.** Отрывки изъ «Большого завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія. (Переводы и биографический очеркъ И. Эрензурга). Изд. «Зерна». М. 1916. Стр. 54. Ц. 1 р.
- Цибартъ, Э.** *Культурная жизнь древне-греческихъ городовъ.* Пер. А. И. Певзнера, подъ ред. А. Н. Куна. Кн-во «Космосъ». М. 1916. Стр. 133. Ц. 1 р. 40 к.
- Чемреки.** *Отъѣзденіе стараго Израиля.* Вступ. статья, замѣтки и прим. В. Бончъ-Бруевича. Вып. VII. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 705. Ц. 8 р.
- Черкасовъ, Вл-мръ.** *Атмосфера и ея основной процессъ.* П. 1915. Стр. 16.
- Шейнъ-Фогель, А.** *Новая азбука и русская грамматика.* Тифлисъ. 1915. Стр. 14. Ц. 20 к.
- Шиловъ, Алексѣй.** *Предвзятыя теоріи и алкогольныя предрассудки.* Изд. автора. М. 1916. Стр. 63. Ц. 40 к.
- Щить, Литературный сборникъ,** подъ ред. Л. Андреева, М. Горькаго и Э. Сологуба. Второе дополненное издание. Изд. Русскаго общества для изученія еврейской жизни. М. 1916. Стр. 245. Ц. 1 р. 25 к.
- Яцута, К. І.** д-ръ мед., проф. Краткій учебникъ анатоміи съ необходимыми данными изъ физиологіи. Изд. 2-е, перераб. и увелич. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 244. Ц. 1 р. 80 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Т - ВО
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ДЛЯ НУЖДЪ
ЛАЗАРЕТОВЪ
ВСѢ
НЕОБХОДИМЫЕ
ПРЕДМЕТЫ
ИЗЪ РЕЗИНЫ,
ЭБОНИТА,
ПРОРЕЗИНЕННОЙ
МАТЕРІИ И ПР.

ПЕТРОГРАДЪ
ЕКАТЕРИН. КАН. 34

Строховое Общество „ВОЛГА“.

БАЛАНСЪ НА 31-е ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА.

А К Т И В Ъ .

	Руб. К.	Руб. К.
Касса		88.230 40
Кредитныя учреждения:		
Государственный Банкъ	24.912 06	
Частные Банки	1.954.884 51	
Неполученные проценты	19.746 37	
Депозитъ въ Barclays Bank въ Лондонѣ		1.999.542 94
Процентныя бумаги	1.672.885 43	543.074 53
Текущiе купоны	18.273 81	
Недвижимое имущество		1.691.159 24
Удержанные страховыми обществами резервы по принятымъ перестрахованiямъ:		695.951 46
а) по страхованiю отъ огня	89.487 38	
б) „ „ транспорт. и судовъ	103.359 49	
Дебиторы:		192.846 87
а) агенты и отдѣленiя	2.734.299 37	
б) страховыя общества	761.297 96	
в) другiе дебиторы	1.122.880 92	
Уплаченные въ отчетномъ году проценты за будущее время		4.618.478 25
Процентныя бумаги, обезпечивающiя залогомъ:		1.098 20
а) членовъ Правленiя и Набл. Ком.	16.000 —	
б) агентовъ	5.250 —	
Должимое имущество		21.250 —
		41.775 27
		9.893.407 16
П А С С И В Ъ .		
Основной капиталъ		1.000.000 —
Запасный капиталъ		228.451 62
Резервный капиталъ для урегулированiя стоимости процентныхъ бумагъ		106.156 18
Судо-сберегательная касса служащихъ, на 1-е января 1916 года состоитъ		2.560 13
Резервъ премii по текущимъ страхованiямъ, находящимся на рискѣ Общества:		
а) по страхованiю отъ огня	1.306.684 60	
б) „ „ транспорт. и судовъ	3.197.127 86	
Резервы по неуплаченнымъ убыткамъ, по страхованiямъ, находящимся на рискѣ Общества:		4.503.812 46
а) по страхованiю отъ огня	199.920 50	
б) „ „ трансп. и судовъ	2.168.759 09	
Удержанные Страховымъ Обществомъ резервы по переданнымъ перестрахованiямъ:		2.368.679 59
а) по страхованiю отъ огня	262.533 22	
б) „ „ судовъ	5.184 36	
Невостребованный дивидендъ акционероv		267.717 58
Казенныя пошлины:		5.039 —
числилось въ началѣ года . Р.	14.417 92	
собрано въ течение года	185.090 85	
внесено въ Казначейство въ теч. года	199.508 77	
	152.442 49	47.066 28
Фербовый сборъ:		
числилось въ началѣ года . . Р.	4.159 35	
собрано въ течение года	48.201 43	
внесено въ Казначейство въ теч. года	52.360 78	
	38.988 18	13.372 60
Сборъ за возмѣщене расходовъ по надзору за страхов.		5.253 34
Кредиторы:		
а) страховыя общества	764.175 69	
б) другiе кредиторы	17.403 46	
З а л о г и :		781.579 15
а) Членовъ Правл. и Наблюд. Комит.	16.000 —	
б) агентовъ	5.250 —	
Прiбыль		21.250 —
		542.464 28
		9.893.407 16

Отчетъ и балансъ съ книгами провѣряли Члены Ревизионной Комиссии и Наблюдательнаго Комитета.

Председатель Правленія Д. Демкинъ
 Чл. Правл. и Управляющій Б. Гессенъ.
 Гл. Бухгалтеръ М. Зубковъ.

Члены: И. Гольдбергъ.
 Гр. М. Ланской.
 Верстратъ.

СЧЕТЪ УБЫТКОВЪ И ПРИВЫЛЕЙ.

ДЕБЕТЪ.		Руб.	К.	Руб.	К.
1. Нераспределенная часть общихъ расходовъ по управленію	—	—	205.233	27	
2. Погашеніе имущества	—	—	4.644	69	
3. Списаніе сомнительныхъ долговъ	—	—	67.038	01	
4. Прибыль	—	—	542.464	23	
					819.377 20
КРЕДИТЪ.					
1. Остатокъ прибыли 1914 г.	—	—			318 14
2. Прибыль по счетамъ страхованій:					
а) по счету страхов. отъ огня		1.819	82	—	—
б) » » страхов. трансп. и суд.		748.694	13	—	—
					750.513 95
3. Доходы съ имущества	—	—	67.807	61	
4. Поступленія по сомнительнымъ долгамъ	—	—	737	50	
					819.377 20

РАСПРЕДЕЛЕНІЕ ЧИСТОЙ ПРИВЫЛИ.

1. Дополнительный процентный сборъ	410.191	41
2. Въ запасный капиталъ	137.102	30
3. На вознагражденіе членовъ Правленія	43.227	28
4. На уплату дивиденда акціонерамъ по 21 руб. на акцію.	210.000	—
5. Въ пенсіонный капиталъ служащимъ	20.259	10
6. Остатокъ переносится на слѣдующіе годы.	21.684	14
	542.464	23

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛА ОБЩАГО СОБРАНІЯ Гр. АКЦИОНЕРОВЪ СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА «ВОЛГА».

20 марта 1916 г. состоялось очередное годовичное Общее Собраніе гг. Акціонеровъ Общества.

Въ Собраніе прибыло 38 акціонеровъ, представившихъ лично и по довѣренности 6.960 акціи съ правомъ на 241 голосъ.

Председателемъ въ Собраніи избранъ единогласно Д. И. Демкинъ.

Собраніе постановило утвердить годовой отчетъ и балансъ за 1915 г. и выдать дивидендъ за 1915 г. по 21 р. на акцію.

Утвердить смету и планъ дѣйствій на 1916 г.

Ассигновать 10,000 р. на премию по конкурсу работъ на тему «О выясненіи роли Германіи въ товарообмѣнѣ Россіи съ прочими державами и опредѣленіе условий, при которыхъ съ достаточной выгодностью и успѣшностью могутъ развиваться непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ союзными и нейтральными странами».

Ассигновать 10,000 р. на бібліотеку и командировки за границу.

Предоставить Правленію израсходовать на благотворительныя цѣли въ теченіе 1916 г. до 25.000 руб.

Предоставить Правленію право приобрѣтать недвижимыя имущества по мѣрѣ встрѣтившейся надобности на мѣстахъ и условіяхъ по усмотрѣнію Правленія.

Выдать въ теченіе 1916 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, бывшимъ служащимъ Общества и семьямъ умершихъ служащихъ Общества пособие въ суммѣ 2.400 р.

Выбывающіе по старшинству Директора Правленія Б. И. Гессенъ и И. С. Гольдбергъ, а также и кандидатъ въ Директора С. В. Пеннаццо единогласно избраны вновь.

Въ члены Наблюдательнаго Комитета избраны: К. А. Алексѣевъ, П. К. Березинъ, Е. И. Вихаревъ, И. Д. Воршевъ, Ю. И. Гессенъ, Д. Л. Гохельманъ, В. И. Кедринъ, С. И. Молло, В. Ф. Рубахинъ, И. В. Титовъ, И. А. Щитовъ, А. Н. Шлейферъ и К. К. Черносвитовъ.

Въ члены Ревизионной Комиссии избраны: М. С. Гальперинъ, А. А. Герценбергъ, Н. Н. Гришбергъ, В. И. Квашенининовъ и Я. А. Тейтель.

Первое Россійское Страховое Общество,

учрежденное въ 1827 году.

БАЛАНСЪ 31-го ДЕКАБРЯ 1915 года.

А К Т И В Ъ.	Рубли	К.	Рубли	К.
Касса	—	—	295,290	07
Кредитныя учреждения:				
Текуще счета:				
Въ Государственномъ Банкѣ	1,000	—		
» Русскомъ для вѣншей торговли Банкѣ	875,257	99		
» Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ Банкѣ	36,042	17		
» Курскомъ Отд. Петроградскаго Международнаго Коммерческаго Банка	11,612	21		
» Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ Банкѣ	267,575	73		
» Волжско-Камскомъ Коммерческ. Банкѣ	11,035	72		
» Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ	5,372	62		
» Петроградскомъ Торговомъ Банкѣ	12,779	64		
» Сибирскомъ	472,112	18		
» Соединенномъ Банкѣ	15,211	44		
» Московскомъ Кунеческомъ Банкѣ Петроградской Конторѣ	125,380	78		
» Кашанин. Отд. Русскаго для вѣншей торговли Банка	432,610	55		
» Рижскомъ Биржевомъ Банкѣ	836	28		
» Ференингсбанкенъ въ Финляндии	12,375	—		
» Одесскомъ Учетномъ Банкѣ	34,383	20		
» Обществѣ Взаимнаго Кредита Приказчиковъ въ Харьковѣ	11,602	92		
» Азовско-Донскомъ Коммерческомъ Банкѣ Въ Петроградѣ	768,729	90		
» Азовско-Донскомъ Коммерческомъ Банкѣ Екатериносл. Отд.	347,362	48		
» Азовско-Донскомъ Коммерческомъ Банкѣ Виленск. Отд.	7,401	83		
» Русско-Азиатскомъ Банкѣ	10,362	45		
» Русско-Английскомъ Банкѣ	108,321	90		
» Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К ^о въ Петроградѣ	105,995	77		
» Московскомъ Банкѣ	108,846	68		
» Московскомъ Кунеческомъ Банкѣ	103,994	20		
» Московскомъ Кунеческомъ Банкѣ Ростовск. в/Д. Отд.	66,377	16		
» Московскомъ Отдѣленіи Сибирскаго Торговаго Банка	3,111	65		
» Московскомъ Отдѣленіи Русскаго для вѣншей торговли Банка	67,581	18		
» Московскомъ Отдѣленіи Азовско-Донскаго Коммерческаго Банка	150,538	80		
» Московскомъ Отдѣл. Русско-Азиатскаго Банка	416,931	15		
» Московскомъ Отдѣленіи Петроградскаго Международ. Коммерч. Банка	416,558	73		
» Московскомъ Отдѣленіи Коммерческаго Банка И. В. Юнкеръ и К ^о	219,971	99		
» Одесскомъ Отдѣленіи Русскаго для вѣншей торговли Банка	47,726	99		
» Киевскомъ Отд. Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка	1,015	13		
» Киевскомъ Отд. Петроградскаго Международнаго Коммерч. Банка	414	58		
» Киевскомъ Отд. Русскаго для вѣншей торговли Банка	73,088	37		
» Киевскомъ Отд. Петроградскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка	1,998	50		
» Киевскомъ Отд. Коммерческаго Банка въ Варшавѣ	3,883	83		
» Киевскомъ Частномъ Коммерческ. Банкѣ	1,253	60		
» Тифлискомъ Коммерческомъ Банкѣ	1,675	47		
» Виленскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита	100	—		
» Виленскомъ Частномъ Коммерческ. Банкѣ	75	80		
» Direction der Disconto Gesellschaft въ Берл.	5,769	24		
» Bankers Trust C ^o , въ Нью-Йоркѣ	484,754	52		
			5,849,030	33
Процентныя бумага съ текущими купонами:				
Россійскія	11,026,884	49		
Иностранныя Долл. 1.409 000—	2,695,398	87		
			13,722,283	36

	Рубли. К.	Рубли. К.
Недвижимое имущество		12.827,488 28
Ссуды подь залогъ недвижимостей		1.750,500 —
Ссуды подь полисы (стоимость полис., подь которые выданы ссуды 2.063,591 р.—к.)		1.950,735 60
Удержанные страховыми обществами резервы по принятымъ перестрах. отъ огня		124,732 74
Дебиторы:		
а) агенты	4.173,775 27	
б) страховыя общества	557,628 36	
в) другіе дебиторы	99,063 89	
		4.830,467 52
Движимое имущество		30,000 —
Выдано за первую половину 1915 г. по 6,435 куп. по 8 р		51,480 —
Процентныя бумаги, обезпечивающія залогомъ:		
а) членовъ Правленія	40,000 —	
б) агентовъ	343,975 —	
		383,975 —
Процентныя бум. кап. пам. В. А. Половцова, А. А. Амбургера, Э. В. Блессига и М. П. Воткина		25,506 28
Итого		41.841,489 18

П А С С И В Ъ.

Оснoвнoй капиталъ: состояло въ теченіе отчетнаго года 10,000 акци по 400 р		4.000.000 —
Запасный капиталъ: состояло въ теченіе отчетнаго года		2.000.000 —
Особый резервный капиталъ: состояло въ началѣ отчетнаго года	2.461.103 02	
(Р. 1.792,186—38 оплачены Государств. промысл. налогомъ. Р. 223,900—72 оплачены Государств. промысл. налогомъ доп. за 1913 г.) Разность показанной въ книгахъ стоимости фондовъ противъ балансовой	3.656 67	2.464.759 69
Назначеніе погашенія стоимости недвижимыхъ иму- ществъ Общества: Состояло въ теченіе отчетнаго года		500.000 —
Фонды прибылей страхователей:		
а) по страхованію на случай смерти	238.166 96	
б) по страхованію отдѣльныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ	5.517 66	243.684 62
Резервы премій по текущимъ страхованіямъ, нахо- дящимся на рискѣ Общества:		
а) по страхованію жизни	14.234.994 09	
б) » » отъ несчастныхъ случ.	478.978 97	
в) » русск. стр. отъ огня. 3.600.000 —		
г) » иностр. стр. отъ огня. 3.400.000 —		
	7.000.000 —	21.713.973 06
Резервы по неуплаченнымъ убыткамъ по страхова- ніямъ, находящимся на рискѣ Общества:		
а) по страхованію жизни	320.211 87	
б) отъ несчастныхъ случаевъ	425.675 —	
в) отъ огня	2.272.611 98	3.018.498 85
Удержанные Обществомъ резервы по переданнымъ перестрахованіямъ:		
а) по страхованію жизни	1.213,772 93	
б) » » отъ огня	2.129,801 73	
		3.343,574 66
Невостребованный дивидендъ акціонеровъ		91,545 —
Казенныя пошлины: числилось въ началѣ года. 121,706 25 собрано въ теченіе года . 1.382,086 49		
	1.503,792 74	
внесено въ Казначейство въ теченіе года	1.331,473 16	172,319 58
Гербовый сборъ: числилось въ началѣ года. 18,524 65 собрано въ теченіе года . . 190,636 60		
	209,161 25	
внесено въ Казначейство въ теченіе года	189,491 05	19,670 20

	Рублж.	К.	Рублж.	К.
Сборъ на возмѣщеніе расходовъ по надзору за страх.			7,670	46
Кредиторы:				
а) страховыя общества	706,420	47		
б) агенты	28,624	60		
Задаточныя въ счетъ страховыхъ			735,045	07
Впередъ полученные проценты по ссудамъ			20,903	20
Впередъ полученная наемная плата съ недвижимаго имущества			40,923	30
Подлежащія уплатѣ расходы отчетнаго года			45,265	17
Залоги:				
в) членовъ Правленія	40,000	—		
б) агентовъ	343,975	—		
Масса служащихъ			383,975	—
Капиталъ памяти В. А. Половцова, А. А. Амбургера, Э. В. Блессига и М. П. Воткина			580,835	08
Прибыль			26,192	44
			1,962,161	04
И т о г о			41,841,489	18

Счетъ убытковъ и прибылей.

Д Е Б Е Т Ъ .

Вознагражденіе Директорамъ	130,516	20
Въ пользу массы служащихъ	69,316	92
На улучшеніе быта служащихъ	42,970	41
Списано сомнительныхъ долговъ	15,000	—
Дополнительный процентный сборъ съ прибыли за 1913 годъ	72,840	90
Чистая прибыль	1,962,161	04
И т о г о	2,292,802	37

К Р Е Д И Т Ъ .

Остатокъ чистой прибыли предыдущаго года	19,210	30
Прибыль по Счетамъ страховыхъ:		
а) по счету страхования жизни	118,668	87
б) * * * * * отъ несчастныхъ случаевъ	65,542	—
в) по счету страхования отъ огня	1,240,766	62
	1,424,977	49
Чистый доходъ съ имущества	774,355	81
Прибыль на курсъ по иностраннымъ расчетамъ	74,018	77
Невостребованный дивидендъ акционеровъ, зачисленный въ пользу Общества	240	—
И т о г о	2,292,802	37

Распредѣленіе чистой прибыли.

Процентный сборъ съ прибыли по Государственному промысловому налогу	588,648	58
На уплату дивиденда акционерамъ (24 %о, т.-е. 98 руб. на акцію).	980,000	—
На надобности военнаго времени	40,000	—
Въ Капиталъ для пополненія дивиденда	350,000	—
Остатокъ, переносимый на слѣдующій годъ	3,513	36
	1,962,161	94

Директоры Правленія: Л. Давыдовъ.
Р. Блессигъ.
Н. Костылевъ.
Г. Фанъ-Гильбае-фанъ-деръ-Пальсъ.
В. Ермоловъ.

Члены Ревизионной Комисси: В. Маркеловъ.
П. Федоровскій.
А. Гитновъ.
К. Ермоловъ.
А. Соболевъ.

Управляющій Ф. Добрынинъ.

Бухгалтеръ Э. Витепакъ.

Россійское Транспортное И СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО 1844 ГОДА.

Капиталь 4.250.000.

Пассажи́рское и Товарное Пароходство на Черномъ морѣ,
въ прямомъ сообщеніи съ желѣзными дорогами.

**Первоклассные морскіе пароходы Общества перевозятъ
почту, пассажировъ и товары между всѣми русскими
портами Чернаго моря.**

**СРОЧНАЯ КРЫМСКО - КАВКАЗСКАЯ ЛИНІЯ
ПО РАСПИСАНІЮ.**

Учащяся, при представленіи ими надлежащихъ удостовѣреній отъ своего учебнаго заведенія, при проѣздахъ на пароходахъ Общества, какъ ѣдущіе группами, для совершенія экскурсій, такъ и ѣдущіе единично или со своими родителями, пользуются скидкою со стоимости полнаго билета второго класса 25% и третьяго класса 50%. Удостоверенія при выдачѣ билета отбираются.

ОПЕРАЦИИ ОБЩЕСТВА:

1. Транспортированіе владѣй и товаровъ — въ Россію и за границу.
2. Храненіе владѣй и товаровъ.
3. Выдача ссудъ подъ товары.
4. Комиссионная продажа товаровъ.
5. Страхованіе владѣй и товаровъ при транспортированіи и на складахъ.
6. Страхованіе судовъ.
7. Страхованіе отъ огня недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ всякаго рода.

Правленіе въ Петроградѣ, Невскій, 27.
Телефонъ 26-72.

Конторы и Агентства во всѣхъ торговыхъ городахъ.

**Товарищество производства русских минеральных масел
и других химических продуктов**

„С. М. Шибаетъ и К^о“

ПЕТРОГРАДЪ.

Извлечение из отчета и баланса за двадцать девятый операционный годъ—съ 1 апрѣля
1914 г. по 1-е апрѣля 1915 г.

СЧЕТЪ ПРИБЫЛИ И УБЫТКА.

съ 1-го апрѣля 1914 года по 31-е марта 1915 года.

У Б Ы Т К И:

Вознагражденіе директорамъ, юрисконсультамъ и жало- ванье служащимъ	60,475 85		
Разные торговые расходы	128,773 63		
Учетъ векселей и проценты	167,246 22		
Налоги и сборы	51,863 06		
Погашеніе имущества	910,744 82		
Проценты по купонамъ отъ облигацій т-ва «С. М. Ши- баевъ и К-о» (съ 1 апрѣля 1914 г. по 31-е марта 1915 г.)	106,953 47		
		1.426.057	05
Чистая прибыль		378.580	87
		1.804.637	92

П Р И Б Ы Л ь:

Прибыль по заводу и промысламъ	1.418.252 53		
Прибыль по отчету «Мазута» 1913—14 г.	364.651 67		
Отъ продажи складовъ	13.910 24		
		1.796.814	44
Проценты, скидки, уступки и разное		7.823	48
		1.804.637	92

БАЛАНСЪ НА 1 апрѣля 1915 года.

А К Т И ВЪ:

Касса и банки	573.481	55	
Процентныя бумаги и залого	79.498	68	
Векселя въ портфель	20.800	—	
Дебиторы	705.232	89	
Переходящія суммы	34.961	08	
Товары	2.121.128	20	
Материалы	555.997	78	
Инструменты	174.257	03	
Заводъ	4.747.105	07	
Промысла	1.856.252	19	
Новые нефтяные промысла	279.259	43	
Буровыя скважины	2.347.493	80	
Трубопроводы	280.823	30	
Машины и паровыя котлы	245.604	57	
Нефтемоторы	137.705	20	
Разное имущество	115.648	36	
Вагоны-цистерны	55.345	03	
Склады	385.763	03	
Убытокъ до учрежденія ад-ши	124.833 54		
Убытокъ отъ переоцѣнки имущ.	1.595.751 97		
		1.720.585	51
		16.436.942	70

П А С С И ВЪ:

Счетъ капитала основнаго	6.500.000	—	
» » облигаціоннаго	2.360.835	65	
» » пенсіоннаго	76.059	19	
» » погашенія	910.744	82	
Кредиторы	6.008.665	65	
Переходящія суммы	26.529	22	
Прибыль съ 1-го апрѣля 1913—31-го марта 1914 г.	175.527	30	
» » 1-го » 1914—31-го » 1915 г.	378.580	87	
		16.436.942	70

Правленіе Товарищества «С. М. Шибаетъ и К-о».

Предсѣдатель Правленія Г. П. Эклундъ.

Директоры: Э. К. Грубе. И. А. Розовъ. А. И. Манчо.

Бухгалтеръ А. Идельсонъ.

Извлечение изъ протокола общаго собранія г.г. пайщиковъ товарищества С. М. Ши-
баевъ и К-о. 30-го ноября 1915 года.

Общимъ собраніемъ пайщиковъ постановлено:

Основываясь на заключеніи г.г. членовъ ревизіонной коммисіи, представленныя
правленіемъ отчетъ и балансъ утвердить; дивиденда по паямъ товарищества въ теку-
щемъ году не выдавать и показанную по отчету прибыль въ 378.580 р. 87 к. (триста
семьдесятъ восемь тысячъ пятьсотъ восемьдесятъ рублей 87 копѣекъ), оставить въ рас-
поряженіи г.г. пайщиковъ товарищества; очередной купонъ отъ паевъ товарищества
считать, за невыдачей въ текущемъ году дивиденда, недействительнымъ; изъ прибыли
за 1913—14 и 1914—15 г., составляющей 554.108 р. 17 к. отчислить, на основаніи § 45
устава товарищества, въ запасный капиталъ 5% 27.705 р. 41 к. (двадцать семь ты-
сячъ семьсотъ пять рублей 41 коп.).

Акционерное Общество „А. О. ДРАНКОВЪ и Ко“,
МОСКВА—ПЕТРОГРАДЪ.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Жюри конкурса сценаріевъ объявленнаго Кинематографической фирмой «А. О. Дранковъ и Ко».

1916 года февраля 18-го дня на засѣданіе жюри въ помѣщеніи Главной Московской Конторы Акционернаго Общества „А. О. Дранковъ и Ко“, явились нижеслѣдующія лица Члены Жюри: Л. Г. Мундштейнъ (Доло), А. П. Каменскій, И. Ф. Шмидтъ, В. В. Максимовъ, А. Я. Таировъ, В. К. Татищевъ и Я. Л. Львовъ.

Всего было прислано на конкурсъ сценаріевъ 286, безъ означенія ихъ авторовъ, но подъ разными деизами. Всѣ сценаріи были розданы фирмой для прочтенія ихъ нѣкоторымъ участникамъ настоящаго Жюри. Лица, прочтавшія сценарія, отдѣляли изъ всѣхъ сценаріевъ 18 сравнительно съ другими болѣе останавливающимися на себѣ вниманіе, и предложили въ настоящемъ засѣданіи выслушать содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ 18-ти сценаріевъ и изъ нихъ выбрать 4 для премірованія.

Избранные сценаріи были прочтаны вслухъ.

Г.г. члены жюри по выслушаніи содержанія избранныхъ сценаріевъ единогласно вынесли слѣдующее постановленіе:

Принимая во вниманіе, что фирма „А. О. Дранковъ и Ко“ при объявленіи конкурса опубликовала и тезисы, которымъ должны удовлетворять представленныя на конкурсъ сценаріи, указывая въ публикаціи о конкурсѣ, что этотъ конкурсъ устраивается въ цѣляхъ улучшенія производства и поднятія качества содержанія кинематографическихъ лентъ, и находя, что даже избранные изъ представленныхъ на конкурсъ сценаріевъ являются по своему качеству отнюдь не выше уровня самыхъ рядовыхъ сценаріевъ, по которымъ ставятъ свои картины большія русскія фирмы, и, слѣдовательно, ни одинъ изъ представленныхъ сценаріевъ не удовлетворяетъ хотя отчасти объявленному по опубликованіи конкурса тезисамъ, Жюри совершенно не находить возможнымъ удостоить преміи ни одинъ изъ представленныхъ сценаріевъ.

Акц. О-во „А. О. Дранковъ и Ко“ со своей стороны сочло нужнымъ приобрести по полной цѣнѣ преміи 4 признанныхъ, заслуживающихъ наибольшаго вниманія, сценаріи эти нижеслѣдующіе: „Все повторяется“, А. Маръ, „Вакханка“, Ольги Орликъ, „Сердца—умѣвши пылать“, В. Терскаго. Акц. О-во проситъ автора сценарія „Красный фонарь“ изъ китайской жизни сообщить свой адресъ, чтобы О-во могло приобрести у него сценаріи по цѣнѣ 4 преміи.

ОТЗЫВЫ о ВОДѢ ИЖЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ

Ординаторъ академической акушерской клиники, акушеръ
Петроградскаго Градоначальства Д. Н. Кедровъ.

Примѣнялъ я воду «Ижевскаго Источника» у беременныхъ и небеременныхъ женщинъ, страдающихъ брюшнымъ полнокровіемъ, застойными явленіями въ области тазовыхъ органовъ, застойными явленіями въ почкахъ, альбуминурией беременныхъ, при почечномъ пескѣ, фосфатурии, изжогахъ, отрыжкѣ и вообще неправильномъ дѣйствіи кишечнаго тракта, особенно у беременныхъ и всегда съ благоприятными результатами, безъ какихъ-либо неприятныхъ побочныхъ явленій. Одно изъ важныхъ качествъ воды «Ижевскаго Источника» — приятный освежающій вкусъ, такъ что больныя употребляли ее продолжительное время безъ всякаго отвращенія, даже какъ питьевую воду.

По моему убѣжденію, Ижевская вода съ успѣхомъ можетъ замѣнить заграничныя воды: Вильдунгенъ, Ракочи, Контрексевилль, Виши и друг.

Еще одно достоинство воды, это ея дешевизна, почему она можетъ быть примѣнена и у больныхъ, необладающихъ большими достатками.

Ст. Ординаторъ Петергофскаго Дворцоваго госпиталя В. А. Сосницкій.

Вода «Ижевскій Источникъ» назначалась мною женщинамъ при наступленіи климактеріи и сопутствующихъ этому періоду нервно-сосудистыхъ явленій, выражающихся приливами крови къ головѣ, сердцебиеніями при склонности къ запорамъ и субъективныхъ ощущеніяхъ тяжести и болѣзненности въ нижней части живота и мочевоомъ пузырьѣ. Долженъ отмѣтить крайне благоприятное ея дѣйствіе въ указанныхъ случаяхъ въ смыслѣ улучшенія самочувствія и устраненія наиболѣе безпокоящихъ болѣзненныхъ явленій.

Продажа вездѣ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ ЧАСТНЫЙ КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ.

Петроградъ, Невскій пр., № 1.

Основанъ въ 1864 г.

Основной капиталъ вполне оплаченный 40.000,000 р. — к.

Запасный капиталъ . . . . . 4.260,996 р. 43 к.

Адресъ для телеграммъ: «ЧАСТНЫЙ БАНКЪ».

БЕЗОПАСНЫЕ ЯЩИКИ (SAFES)

въ бронированной кладовой отъ 3 р. въ годъ.

Выдаетъ чеки, аккредитивы и переводы на всѣ страны свѣта и производитъ всѣ банковыя операціи.

Петроградскій Учетный и Ссудный Банкъ

въ Петроградъ (Невскій пр., № 30).

Основанъ въ 1869 году.

Складочный капиталъ	20.000,000 р.	} 30.000,000 р.
Запасный капиталъ	6.666,666 р. 67 к.	
Особый резервный капиталъ	3.333,333 р. 33 к.	

Отдѣленія: въ Кіевѣ, Ростовѣ на-Дону, Таганрогѣ, Бѣлой-Церкви, Черкассахъ и Смѣлѣ.

Банкъ открываетъ счета текущіе и конто-коррентные. Исполняетъ разнаго рода фондовыя, курсовыя и вообще по банковскимъ операціямъ порученія въ Петроградѣ и заграницею. Продаетъ и покупаетъ золото, ассигновки, таможенныя купоны, заграничныя монеты и банковыя билеты. Выдаетъ ссуды де востребованія (on call) и на срокъ, подъ цѣнныя бумаги и товары. Выдаетъ на всѣ государства аккредитивы, чеки и тратты.

Принимаетъ для инкассо въ Россіи и заграницею векселя, коносаметы, купоны, желѣзнодорожныя квитанціи и проч.

Производитъ въ Россіи и за предѣлами ея платежи письменные и по телеграфу. Даетъ справки о всѣхъ котирующихся въ Россіи и заграницею цѣнныхъ бумагахъ. Принимаетъ на страхъ отъ тиража подлежащія тиражамъ цѣнныя бумаги и выигрышные билеты.

Въ Банкѣ устроена въ собственномъ домѣ, въ центрѣ города (Невскій проспектъ, 30) кладовая безоопасныхъ ящиковъ, отдаваемыхъ въ наемъ для хранения цѣнностей, документовъ, драгоценныхъ вещей, художественныхъ произведеній и т. п. на срокъ отъ 3 мѣсяцевъ и долѣе.

Адресъ для телеграммъ: «Учетный» или «Discountbank».

Русско - Французскій Коммерческій Банкъ

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛЬ 18.000.000 РУБ.

Производитъ всѣ банковыя операціи.

Правленіе въ Петроградѣ, Невскій, 42,
противъ Гостиного Двора.

Адресъ для телеграммъ: „РУССОФРАН“.

Телефоны: { Телефонная будка 188-31, 114-05.
общіе: 192-47, 194-04, 171-76.
Фонд. отд.: 195-77. На Биржѣ: 594-30.

При баннѣ размѣнная контора.

РУССКО-АЗІАТСКІЙ БАНКЪ

ПРАВЛЕНІЕ въ Петроградѣ, Невскій, 62.

Складочный капиталъ . . . . . Руб. 45.000.000
Командита Куп. Прав. . . . . Куп. Таэлей 3.500.000
Запасныя капиталы . . . . . Руб. 23.300.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
на Садовой ул., домъ № 48 (близъ Стѣнной площади).

ОТДѢЛЕНІЯ И АГЕНТСТВА

Въ Европейской и Азіатской Россіи и заграничѣ.

Анджманъ	Вйскъ	Москва	Рыбинскъ
Армавиръ	Екатеринбургъ	Наманганъ	Самара
Астрахань	Екатеринодаръ	Нижній - Новго-	Самаркандъ
Асхабадъ	Елецъ	родъ (во время	Саратовъ
Ачинскъ	Ефремовъ	ярем.).	Семипалатинскъ
Бану	Иркутскъ	Николаевскъ При-	Сочи
Балашовъ	Юкогама	морск.	Срѣтенскъ
Барнауль	Казань	Новоыбковъ	Старый Осколь
Батумъ	Калькута	Ново-Николаевскъ	Ташкентъ
Бійскъ	Кашгар	Новороссійскъ	Тверь
Благовѣщенскъ	Керки	Ново-Ургенчъ	Троицкосавскъ
Вомбей	Киншпевъ	Новочеркасскъ	Туапсе
Борисоглбскъ	Килицы	Ньючангъ	Тяньцзинь
Бутурлиновна	Козловъ	Одесса	Хабаровскъ
Бухара	Кокандъ	Омскъ	Хайларъ
Бѣжецкъ	Красноуфимскъ	Орель	Ханьноу
Верхнеудинскъ	Красноярскъ	Паринъ	Харбинъ
Вильна	Кронштадтъ	Пекинъ	Харьковъ
Витебскъ	Куанчендзы	Пенза	Херсонъ
Владивостокъ	Кульджа	Петровскъ (Даг.)	Чита
Владикавказъ	Либава	Покровская Сло-	Чифу
Воронежъ	Лондонъ	бода	Чугучакъ
Вѣрный	Маргелавъ	Прилуки	Шанхай
Гомель	Маруполь	Прохладная Ст.	Якутскъ
Гопконгъ	Мервъ	Рига	
Дальній(Дайрепъ)	Минскъ	Рославль	
Дербентъ	Минусинскъ	Ростовъ на Дону	

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ „СИНОРУСЪ“.

Банкъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и заграничѣ.

Сибирскій Торговый Банкъ

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія,
что съ разрѣшенія Его Высокопре-
восходительства Господина Мини-
стра Финансовъ Банкомъ открыто

ОТДѢЛЕНІЕ въ г. ОРЕНБУРГѢ,

которое будетъ производить всѣ
разрѣшенныя Уставомъ Банка
операци.

Сибирскій Торговый Банкъ

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія,
что имъ открыто

въ городъ ПЕТРОГРАДЪ

Знаменское Коммиссіонерство,

помѣщающееся по Лиговской улицѣ, д. № 43/45
(противъ Николаевского вокзала), которое будетъ
производить всѣ разрѣшенныя Уставомъ Банка
операци.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ Сибирскаго Торговаго Банка

по 31-ое Декабря 1915 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барнауль, Бирскѣ, Бискѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Виндавѣ, Владивостокѣ, Вѣрномъ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Каинскѣ (Томской губ.) с. Камень (Томской губ.), Коналдѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 июля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомъ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Ското-промышленной и Мясной биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриновомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчьи, на Кузнецкомъ мосту, на Преобр. пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Комиссионеры: На Зеѣ-пристанн, въ Капскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ н. Амурѣ, и Городекой; въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В СЕГ О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
А К Т И В Ъ.						
Касса: наличность и текущіе счета въ						
Госуд. и частныхъ Банкахъ	5.783.025	96	10.074.215	87	15.857.241	83
Учетъ векселей, торг. обязат., тираж- ныхъ цѣн. бум. и текущ. купон.	22.217.363	39	31.006.379	96	53.223.743	35
Суды подѣ обеспеченіе	69.270.237	79	64.813.070	68	134.083.308	47
Покупка золота и драг. метал.: при- надл. Банку тратты на загр. мѣста и ип. деп. знаки	66.131	54	412.570	68	478.702	22
Цѣнные бумаги, принадл. Банку	14.642.703	19	10.249.505	17	24.892.208	36
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	28.238.303	36	28.238.303	36
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (logo)	151.859.856	76	10.630.592	95	162.490.449	71
2. По сч. Банка (postro): свободн. суммы въ распор. Банка	7.281.924	50	953.399	44	8.235.323	94
Прогестованные векс. и торг. обяз.	70.789	44	713.420	11	784.209	55
Просроченныя суды	53.087	46	434.513	79	487.601	25
Текущіе расходы	1.346.167	07	2.663.013	89	4.009.180	96
Расходы, подлежащіе возврату	—	—	20.223	70	20.223	70
Недвижимое имущество	3.779.213	63	2.291.115	60	6.070.329	23
Движимое имущество, обзав. и устр	154.995	64	466.388	57	621.384	21
Переходящія суммы	1.055.289	21	3.621.608	63	4.676.897	84
И Т О Г О	277.580.785	58	166.588.322	40	444.169.107	98

П А С С И В Ъ.

Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасный дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. сч., безср. и срочн.	103.930.286	90	145.695.562	28	249.625.849	18
Капиталъ погаш. затр. по нед. им. Б.	294.562	02	382.391	13	676.953	15
Долгъ Г. В. 1) по сп. сч. н. векс. и % б.	7.118	32	194.604	16	201.722	48
2) по переучету векс.	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	28.990.354	50	—	—	28.990.354	50
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (logo): своб. сум. въ распорядкѣ корресп.	52.442.487	85	4.154.781	88	56.597.269	73
2. По счетамъ Банка (postro): сум- мы, остающ. за Банк.	48.107.737	08	1.567.662	64	49.675.399	72
Акцептованные тратты	312.787	07	1.434.037	03	1.746.824	10
Невыплаченный по акт. Банка дивид.	87.202	50	—	—	87.202	50
Проценты, подлежащіе упл. по теку- щимъ счетамъ и вклад	207.561	47	488.919	17	696.480	64
Полученные % % и комиссія 1915 г. за исключеніемъ % %, исчислен. по вкладамъ и текущимъ счетамъ	3.498.860	61	5.554.311	07	9.053.171	68
Полученные % % и комиссія 1916 г	513.873	67	648.141	29	1.162.014	96
Переходящія суммы	4.187.953	59	6.464.530	75	10.652.484	34
И Т О Г О	277.580.785	58	166.588.322	40	444.169.107	98

Цѣнности на храненіи 139.236.180 18 106.744.302 63 245.980.482 81
Векселя на комиссіи 7.121.736 19 15.422.568 57 22.544.304 76
Номинальная стоимость акцій Р. 250.

Уплата дивиденда производится въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

ПРАВЛЕНІЕ
Страхового Общества
„РОССІЯ“

имѣетъ честь пригласить Гг. Акціонеровъ въ

Общее собраніе,

имѣющее быть въ **Субботу 30 Апрѣля с. г. въ 3 ч. дня** въ помещеніи Правленія въ Петроградѣ, въ собств. домѣ Общества, на Морской ул., № 37.

Предметами занятія Общаго Собранія будутъ:

1. Доклады Правленія и Ревизіонной Комиссіи.
2. Разсмотрѣніе и утвержденіе отчета и баланса за 1915 годъ и распредѣленіе чистой прибыли за 1915 годъ.
3. Разсмотрѣніе и утвержденіе сметы расходовъ на 1916 годъ.
4. Докладъ Правленія объ измѣненіи §§ 34, 51 и примѣчанія къ § 7 Устава Общества.
5. Избраніе членовъ Правленія, Членовъ Ревизіонной Комиссіи и членовъ Мѣстныхъ Комитетовъ.

Гг. Акціонеры, владѣющіе акціями на предъявителя и желающіе принять участіе въ Общемъ Собраніи, благоволятъ представить въ Правленіе Общества, согласно § 36 устава, не позже какъ за семь дней до Общаго Собранія, принадлежащія имъ акціи или удостовѣренія (расписки) кредитныхъ учрежденій въ принятіи акцій на храненіе или въ закладъ. Въ этихъ удостовѣреніяхъ (распискахъ) должны быть означены номера акцій, а также пояснено, что акціи эти будутъ выданы изъ кредитнаго учрежденія не раньше дня, слѣдующаго за днемъ Общаго Собранія.

Для разрѣшенія вопроса объ измѣненіи Устава требуется присутствіе въ Собраніи владѣльцевъ акцій или ихъ довѣренныхъ, представляющихъ не менѣе половины основного капитала.

Акціи и удостовѣренія (расписки) принимаются въ Конторѣ Правленія ежедневно въ присутственные дни отъ 10 до 3 ч. дня.

РУССКО-АНГЛІЙСКІЙ БАНКЪ

Основной капиталъ **М. 10.000,000 руб.**

Запасный **М. 800,000**

Петроградъ, Невскій пр., № 28.

Производитъ всѣ банковыя операціи.

Покупаетъ и продаетъ %%-я бумаги и исполняетъ всякаго рода порученія на ПТГ. и заграничныхъ биржахъ. Даетъ справки о всѣхъ цѣнныхъ бумагахъ, котирующихся на Петроградской, Лондонской, Парижской, Берлинской и другихъ заграничныхъ биржахъ.

Открываетъ подъ обезпеченіе %%-хъ и дивидендныхъ бумагъ спеціальныя текущіе счета «On call» и выдаетъ подъ нихъ ссуды. Учитываетъ векселя русскіе и заграничные и другія торговыя обязательства. Принимаетъ векселя и др. документы на инкассо.

Выдаетъ переводы и аккредитивы на всѣ города въ Россіи и за границей.

Банкъ находитъ возможнымъ продавать на особо льготныхъ условіяхъ чеки, письменныя и телеграфныя переводы на всѣ города Великобритани, и въ нихъ своихъ непосредственныхъ корреспондентовъ.

Принимаетъ вклады на срокъ и на текущіе счета. Страхуетъ отъ тиража выигрышныя билеты.

Принимаетъ порученія по реализаціи земскихъ и городскихъ займовъ и акцій и облигаціи желѣзныхъ дорогъ и частныхъ предпріятій.

Принимаетъ порученія и приказы на выписку въ Россію, за счетъ торговыхъ фирмъ и учреждений, всякаго рода товаровъ, обращающихся на рынкахъ Великобритани и ея колоніи. Такия же порученія и приказы Банкъ выполняетъ и по сбыту за границу товаровъ русскаго производства.

Въ помѣщеніи Банка производится приемъ квартирнаго налога. При Банкѣ имѣется справочный отдѣлъ къ услугамъ русскіхъ и заграничныхъ его клиентовъ.

Телеграфный адресъ: «Бриторуссъ».

Телефоны: 150—25.

147—93.

THE RUSSIAN & ENGLISH BANK

28 Nevsky Prospect, Petrograd.

TERMS OF BUSINESS.

CURRENT ACCOUNTS opened by the Bank on the usual terms.
DEPOSIT RECEIPTS issued for sums of money placed on deposit at call or for a fixed term and interest paid thereon according to agreement.

THE PURCHASE AND SALE of all classes of Stocks and Shares effected on the Petrograd Bourse and also in Paris and London.

THE NEGOTIATION OF Cheques, Bills, Documentary Bills, Railway Duplicates and Bills, of Lading, in Russia and abroad, and all ordinary Banking Business undertaken.

THE FOREIGN DEPARTMENT issues Drafts and Letters of Credit on call the principal towns of the World. Effects Mail and Telegraphic Transfers.

Changes Foreign Monies and generally conducts any form of Foreign Banking Business.

Telegraphic Address: «Britorusse».

Telephones: 150—25.

147—93.

КАВКАЗСКІЙ Банкъ

(Тифлисскій Коммерческій Банкъ осн. въ 1871 г.)

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ,

Невскій пр., 27.

Телефоны: 223-06, 45-77, 77-88.

выплачиваетъ дивидендъ за 1915 годъ [по акціямъ
банка въ размѣрѣ 12¹/₂% , т. е.

по 25 руб. на акцію.

Правленіе банка:

Въ Тифлисѣ.

Отдѣленія:

Баку,
Ватумъ,
Грозный,
Джультфа,
Елизаветполь,

Карсъ,
Кутаисъ,
Нуха,
Эривань.

КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ

И. В. ЮНКЕРЪ И К^о

Москва — Петроградъ.

Складочный капиталъ . . . Руб. 5,000,000 —
Запасный капиталъ . . . . „ 5,862,347 51

Отдѣленія.

въ Псковѣ.	въ Порховѣ.
» Перновѣ.	» Нарвѣ.
» Юрьевѣ, Лифл. губ.	» Гольдингенѣ.
» Видавѣ:	» Великихъ-Лукахъ.
» Островѣ, Псковск. губ.	

Торгово-Техническая Контора

М. В. КОЗАРОВИЦКАГО

существуетъ съ 1906 г.

**Металлы, машины, химич. продукты,
техническіе матеріалы.**

Петроградъ, Невскій пр. 65.

Телеф.: 161-52, 268-55, 263-31, 141-42.

Адресъ для телегр. „ТРОПИЛЬ“ Петроградъ.

ПРАВЛЕНІЕ СОЮЗНАГО БАНКА

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что 30 декабря 1915 года состоялось учредительное собраніе, на которомъ избраны:

ВЪ ПРАВЛЕНІЕ.

Е. С. Каратыгинъ (предсѣдатель).
Я. А. Бродскій,
И. И. Левинъ.

ВЪ СОВѢТЪ.

Ю. Н. Глѣбовъ (предсѣдатель).	В. И. Карповъ,
Ю. И. Гессенъ (вице-предсѣд.),	М. С. Маргуліесь,
К. І. Ярошинскій (вице-пред.),	баронъ Г. К. Майдель,
Н. А. Абельсонъ,	Я. Ѳ. Николенко.
С. Ю. Гольдбергъ.	П. П. Форостовскій,
А. Г. Доппельмайеръ,	К. К. Шмигера,
Ф. Э. Каріусъ,	

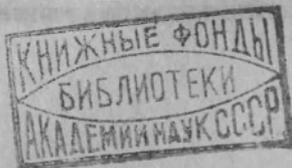
ВЪ КАНДИДАТЫ.

П. С. Жирновъ,	А. А. Синягинъ.
К. В. Карастелевъ,	С. И. Соколовскій.
А. Ф. Макаровъ,	И. В. Титовъ,

ВЪ РЕВИЗИОННУЮ КОМИССІЮ.

А. К. Бабіевскій	Я. А. Левинъ,
Н. Н. Гринбергъ,	А. К. Пикъ.
Б. И. Каразинъ,	

БАНКЪ помѣщается въ ПЕТРОГРАДЪ
по Невскому пр., домъ 65.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года

(съ апрѣля мѣсяца), такъ какъ первыя три книги (за январь, февраль и мартъ) разошлись цѣликомъ.

Новые подписчики, внесшіе подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО **базплатно.**

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическія очерки. Пьесы. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ Франціи, Англии, Швейцаріи, Германіи, Дании, Голландіи, Швеціи, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: —на— **1** —на— **3** —на— **6** —на— **9**
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 1 р. 3 мѣс. 3 р. 6 мѣс. 6 р. 9 мѣс. 9 р.

Предполагаемое содержаніе майской книги:

Стихотворенія. И. Бунина, Н. Венгрова. **Беллетристика:** М. Горькій. Въ людяхъ.—Ив. Бунинъ. Казимиръ Станиславовичъ.—Катлень. Ихъ малышь.—Вогтъ. Кошка на маякѣ. **Статьи:** А. Богданова, В. Базарова, Ю. Делевскаго, А. Левинсона, Калинина, М. Павловича, Н. Суханова и др. **Дневникъ Л. Н. ТОЛСТОГО.**

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 25 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-9.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

9444

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати книги:

- Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **М. Горькаго**, со вступительными статьями Д. Анануна и П. Макинціана. Цѣна 2 руб.
- Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьёй И. Янсона.
- Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьёй д-ра Таркайнена.
- М. ГОРЬКІЙ.** Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

•••••

Готовятся къ печати:

- Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.
- Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **Ю. К. Балтрушайтиса**.
- Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы.
- Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы.
- М. ГОЛЬДШМИДТЪ.** Еврей, романъ. Переводъ М. П. Благовѣщенской.
- В. МАЯКОВСКІЙ.** Простое, какъ мычаніе. Сборникъ стихотвореній.
- Ж. ТЬЕРСО.** Праздники и пѣсни Великой Французской революціи. (Переводъ съ французскаго). Подъ редакціей В. А. Базарова. Съ предисловіемъ А. В. Луначарскаго.